

РОССИЯ И ЗАПАД: ГОРИЗОНТЫ ВЗАИМОПОЗНАНИЯ
Литературные источники XVIII века (1726–1762)

РОССИЯ И ЗАПАД: ГОРИЗОНТЫ ВЗАИМОПОЗНАНИЯ

**Литературные источники
XVIII века (1726–1762)**

**РОССИЯ И ЗАПАД:
ГОРИЗОНТЫ ВЗАИМОПОЗНАНИЯ**

**Литературные источники
XVIII века (1726–1762)**

Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А.М.Горького
Научный совет «Россия: Запад и Восток»

РОССИЯ И ЗАПАД: ГОРИЗОНТЫ ВЗАИМОПОЗНАНИЯ

**(По литературным и фольклорным
источникам XI–XIX вв.)**

**Серия I «Россия о Западе»
Том II**

Редакционный совет серии:

Л.Д.Громова

В.М.Гуминский (главный редактор)

Ф.Ф.Кузнецов

А.Д.Михайлов

С.А.Небольсин

П.В.Палиевский

Москва
ИМЛИ РАН
2003

Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А.М.Горького

РОССИЯ И ЗАПАД: ГОРИЗОНТЫ ВЗАИМОПОЗНАНИЯ

**Литературные источники
XVIII века (1726—1762)**

Выпуск 2

Авторский коллектив:

**Э.Л.Афанасьев
Н.Д.Блудилина
Е.Г.Владимилова
Л.В.Калюжная
О.А.Крашенинникова
С.В.Тураев
Л.Г.Шакирова
В.И.Щербаков**

Редакционная коллегия:

**В.М.Гуминский (ответственный редактор)
Н.Д.Блудилина**

Москва
ИМЛИ РАН
2003

ББК 83.3

Рецензенты:

доктор филологических наук *С.А.Небольсин*
доктор филологических наук *Б.Н.Тарасов*

На обложке:

**Прусский драгун и казак.
Лубок сер. XVIII в.**

**РОССИЯ И ЗАПАД: ГОРИЗОНТЫ ВЗАИМО-
ПОЗНАНИЯ. Литературные источники XVIII века
(1726–1762). Выпуск 2. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. —
848 с.**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 02-04-16265д*

ISBN 5-9208-0183-2

© Коллектив авторов, 2003

© ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2003

От редактора

Предлагаемое издание — «Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726—1762 гг.)» Серия I «Россия о Западе». Т. II. Вып. 2 — является частью исследовательского проекта, осуществляемого в Институте мировой литературы, по подготовке серии научных трудов для многотомной антологии «Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XI—XIX веков». (Антология готовится в двух параллельных сериях: первая — «Россия о Западе», вторая — «Запад о России». Каждая серия состоит из пяти томов. Внутри серии первый том посвящен XI—XVII векам, второй том — XVIII веку, остальные тома — XIX веку.)

Формирование образа Запада (восприятие культуры, языка, образа жизни, менталитета чужеземных народов) в сознании русского общества во второй трети XVIII века — проблема, на решение которой был направлен наш издательский проект, — актуальна как в научном, так и в общественно-культурном отношении: сегодня на первый план выдвинулась задача беспристрастного изучения тенденций развития взаимоотношений России и Запада на широком историческом материале, в том числе и на литературном.

В первую очередь для решения указанной проблемы было необходимо подготовить к изданию наиболее полное собрание текстов, связанных с данной темой, что позволило бы дать объективное представление о предмете исследования.

Собрание текстов русских авторов, включенных в антологию, разнообразно по своему жанровому составу: стихотворные и прозаические художественные произведения, путевые запис-

ки, дипломатическая переписка, церковные проповеди, публицистика, личные письма и т.д. — что позволяет дать читателю живое и конкретное представление о сложных и неоднозначных процессах в области культурно-исторических взаимоотношений между Россией и Западом в исследуемый период.

Подготовка к публикации антологии в виду решения поставленных задач потребовала выработки единого *эдиционного принципа*, включающего в себя «свой» взгляд (соответствующий решению поставленной научной проблемы) на расположение материалов, на анализ и подачу текстов (ряд текстологических правил), комментариев к ним и создание необходимого справочного аппарата.

Текст памятника или фрагменты нескольких сочинений одного автора предваряет аналитическая статья — «Общая характеристика». Она включает в себя краткие биографические справки об авторе, источниковедческий обзор, историю создания (если такую можно проследить) и издания текста. Публикацию памятника заключают постраничные историко-литературные комментарии к нему.

Издание также включает словарь иностранных, устаревших и малоупотребительных русских слов, именной и географической указатели, общие для всех памятников.

В *аналитических статьях* при исследовании соответствующего литературного (художественного и документального) материала мы руководствовались *критическим методом* исследования, опирающимся на исторические факты, их беспристрастный учет по принципиальной значимости и первичности (а не на их последующую идеологизацию, мифологизацию, ремифологизацию). Широкий диапазон включенных в антологию архивных, редких и новых материалов, затрагивающих конфессиональные, этнографические, политические, литературные, лингвистические и иные вопросы, придавал рассматриваемой проблематике многоуровневый и многоаспектный объем. Это позволило вести разговор не только об особенностях формирования образа Запада в русском обществе, но и обозначить существенные закономерности (и их последствия) в осознании европейскими умами своеобразного исторического пути России.

Анализ фактов «реально бывшего» показал причинную обусловленность и объективную закономерность «европейского» вектора развития русского общества в XVIII веке.

Русские и иностранные тексты в антологии подготовлены в основном по рукописным оригиналам и раритетным печатным источникам, часть из них впервые введена в научный оборот.

При публикации источников мы стремились как можно точнее к оригиналу воспроизвести тексты, являющиеся не только памятниками литературы, но и языка, то есть сохранить по возможности самый «дух» эпохи.

Особенности правописания оригинала (рукописного либо печатного источников) сохранены со следующими отступлениями к новым орфографическим нормам: *ер* (ѣ) в конце слова опущен, но оставлен в середине; *ять*, *фита*, *омега*, *кси*, *пси* и другие устаревшие знаки заменены; проставлен *й*.

Воспроизводятся также особенности произношения того времени, отраженные в правописании: форма множественного числа на *-ья*, *-ия* и т.д.; оглушение фонетического окончания *-ово*, *-ево* и др.; графическое отражение «аканья»; устаревшие написания слов типа: *естьли*, *сево дни*, *йти*, *щастье* и т.п.

Сохраняется правописание оригинала, если оно передает особенности языка и стиля автора памятника, например, при написании заглавных букв.

Подобным же образом иноязычные тексты сохраняют при публикации орфографические особенности источника; исправляются лишь явные опiski; проставляются диакритические значки.

В прямых скобках приводится зачеркнутый текст, а также слова, фразы из других списков памятника. В угловых скобках — восстановленные, сокращенные, неясные слова.

В подстрочных сносках печатаются варианты из других списков памятника (вариант начинается с неизмененного слова) и перевод иноязычного текста.

Авторский коллектив приносит глубокую благодарность всем, кто принял участие в создании этой книги.

Н.Д.Блудилина

Предисловие

Мы сегодняшние, растерянные и сомневающиеся, колеблющиеся между услужливым западничеством и преданностью своим исконным корням, особенно болезненно ощущаем размах исторического маятника. То шире, то уже его амплитуда, то охватывает она судьбы нескольких поколений, то рассекает жизни человеческие. Вот, кажется, мы пришли к крайней точке — Запад наша стезя, но нет, качнет нас, и мы движемся уже в противоположную сторону. И насущный и вечный вопрос — найти точку равновесия русской жизни.

«Издавна русская душа живет и пребывает во многих веках или возрастах сразу. Не потому, что торжествует или возвышается над временем. Напротив, расплывается во временах», — утверждал русский историк-богослов Георгий Флоровский¹. Мы все время меняем смысл своего существования под влиянием двух типов отношений к самим себе: в своем прошлом и в своем будущем. Возможно, поэтому несоизмеримые и разновременные душевные формации как-то совмещаются в нас и срастаются между собой. Мы всё стремимся к идеальному порядку вещей, который мыслим как вполне земной, но в России он еще не достигнут: как будто процесс сотворения мира еще не завершен, и нам еще предстоит его довершить у себя. Мы живем в том будущем, которое формируется реализацией наше-

---

¹ Флоровский Г.В. Пути русского богословия // Литература русского зарубежья. Антология. М., 1998. С. 417.

го прошлого, накапливавшегося и углублявшегося веками. Каждое наше мгновение не только было, но и осталось будущим для целых поколений, в сущности, пожертвовавших собой ради этого будущего, то есть ради нашего настоящего.

Эти исконные исторические особенности нашего «познающего» национального сознания, вмещающего в себя всю полноту прошедшего и постигающего всю непрерывность роста, сформировали «стать» русской культуры: жить в творчестве этой всевременной и целостной традиции, совмещающей в себе полноту откровений и прозрений.

XVIII век был тем нашим прошлым, которое «страстно гляделось» в наше грядущее: тогда происходило культурное и нравственное сотворение новой России, полной неизведанных сил и содержащей в себе все возможные формы «новой души» русской культуры. Для созидания нового внутреннего устройства страны — горизонты познания нации неизбежно должны были раздвинуться. В переломный XVIII век, когда Россию захлестнуло стремительное движение общественной жизни к Западу, произошел переход русского народа из статичного состояния национальной самодостаточности в нацию, открытую для познания мира и своего места в нем. Маятник новой русской истории был запущен властной рукой Петра I. Движению на Запад он придал мощное ускорение, собрав как в фокусе долголетние усилия нации на протяжении прошедших веков. Цели, поставленные Петром, и пути их достижения не были новы; новой была та жизненная энергия и железная воля, которые он вложил в свое дело — европеизации России. Об этом писал Ф.М. Достоевский: «Через реформу Петра произошло расширение прежней же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве...»¹

Зависимость и подражание Европе в петровское время (вве-

---

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 23. М., 1980. С. 47.

дение чужих обычаев, платьев, культурных навыков, которым приписывалась большая «правильность», чем русским, и т.д.) — это еще не было действительной встречей с Западом. Европеизация — перестройка культуры на основе других законов, знаковых систем — проходила через перекройку умов, ломку мирозерцания нации. Признать и принять новую программу жизни означало признать новый порядок вещей и принять новое мировоззрение. Петровская реформа — сдвиг и даже надрыв в душевных глубинах нации. Веками независимость от «инославного» Запада выражалась в отчуждении от него, в разрыве с ним. В древнерусской традиции понятие запада как стороны света имело совершенно определенную характеристику: на западе помещался ад. В «Хождении Богородицы по мукам» архангел Михаил ее спрашивает: «Куды хощещи, благодатная, на восток или запад, или в рай, на десно, или на лево, идеже суть великия муки»¹. Поэтому европеизацию России многие русские люди воспринимали, как перенесение к нам с Запада еретичества, государственного и бытового. Русская душа раздваивалась в напряжении между двумя средоточиями жизни, традиционным церковным и новым мирским; в этом требовании времени — внутреннего перелома и приспособления к новой жизни, когда «небесное и земное разделились в русском самочувствии», как писал И.А.Ильин².

Это раздвоение национального самосознания особенно проявилось в противостоянии русской традиционной культуры (духовной) и новой европейской культуры (интеллектуальной). Это была коллизия интеллекта и духа: просветительство, «внешняя мудрость», упование на свой разум противостояли нравственно-му совершенствованию, «стяжанию Духа Святаго». Наступала эпоха глубокого культурного расслоения и соответственно культурного «двуязычия»: ее знак — автономное существование ки-

---

¹ Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. III. С. 122.

² Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1. М., 1992. С. 286–287.

риллицы, оставленной для церковных книг, и гражданского шрифта, созданного для светских книг. Традиционалисты (та часть общества, которая не желала порывать с прошлым) пользовались языком православного средневековья в его национальном изводе. Дети и приверженцы реформ этот язык понимали — они родились и выросли еще в Древней Руси — но не признавали его, объявив устарелым и негодным. Они учились языку европейской культуры, говорили на нем — хоть и с сильным русским акцентом.

Петровское поколение было воспитано на началах служилого утилитаризма. Новый культурный класс России слагался из «обратившихся», т.е. принявших реформу, европеизацию. Новые люди стали привыкать и приучаться все свое существование осмысливать в одних только категориях государственной пользы и общего блага. Тогда казалось, что материальное развитие страны, внешнее общественное служение на время подчинило и отчасти поработило духовное развитие нации; что русская душа теряется, растворяется в этом наплыве внешних впечатлений и переживаний, идущих с Запада. Но и в строительной суете перемен, когда порой некогда было одуматься и опомниться русскому человеку, вырастали те, кто хранил в душе и познавательную пытливость, и умозрительную обеспокоенность исследовательского взирания на мир и изумления им.

Особенно важна для понимания нового русского мироощущения речь Петра I в 1714 г. в Риге при спуске нового корабля русского флота. (Эта речь Петра позднее привлекла особое внимание славянофила Ивана Киреевского.) Она — просветительский манифест, в котором Государь, «Отец Отечества», обращается к своему народу, к своим сынам, в тот исторический момент, когда пускается в плаванье корабль новой российской истории: «Кому из вас, братцы мои, хотя б во сне снилось лет тридцать назад, что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать, и в одеждах немцев, в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране воздвигнем город, в котором вы живете; что мы доживем до того, что увидим таких храбрых и

победоносных солдат и матросов Русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смышленными; что увидим у нас такое множество иноземных художников и ремесленников, доживем до того, что меня и вас станут так уважать чужестранные государи? Историки полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда (по превратности времен) они были изгнаны, перешли в Италию, а потом распространились было и по всем европейским землям, но невежеством наших предков были приостановлены и не проникли далее Польши... Теперь очередь приходит до нас, если только вы поддержите меня в моих важных предприятиях, будете слушаться без всяких оговорок и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло. Указанное выше передвижение наук я приравниваю к обращению крови в человеческом теле, и сдается мне, что со временем они оставят теперешнее свое местопребывание в Англии, Франции и Германии, продержатся несколько веков у нас и затем снова возвратятся в истинное свое отечество в Грецию. Покамест советую вам помнить латинскую поговорку “Ora et labora” и твердо надеяться, что, может быть, еще на нашем веку вы пристыдите другие образованные страны и вознесете на высшую степень славу Русского имени¹.

Можно ли сказать, что Запад у нас знали? Почти в течение всего XVIII века путешествия на Запад были не только свободными, но и поощрялись. Русские люди часто и подолгу бывали за границей. Для многих Европа стала даже «второй родиной». Но образ Европы воображаемой или искомой слишком часто заслонял лик Европы действительной. Привычных схем было больше, чем подлинного видения. Несоответствие реальной западной жизни утопическому образцу «правильности», мифу русского XVIII века о Западе, воспринималось одними как личное оскорбление, другими как общественная трагедия. К Западу относились не как к определенной политико-географической ре-

---

¹ Записки Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский Архив. М., 1872. № 6. С. 1074–1075.

альности, а как к утверждаемому или ниспровергаемому идеалу. Страстность такого утверждения или опровержения определялась тем, что фактически речь шла не о реальном Западе, а о некоторой ценностной характеристике внутри русской культуры. Такое отношение к реальному географическому понятию, как к понятию идеальному, было перенесением в новые условия традиционного соотношения Русь-Византия. С этой традицией связана отчетливая сакрализация в культуре XVIII века понятия «Россия-Запад». Эта параллель позволила осмыслить новый идеал на языке старой культуры.

Больше всего душа Запада открывалась через эстетическое «вчувствование», культуру. Здесь нужно искать истоки нашей способности к тем культурным перевоплощениям, о которых говорил Достоевский в своей пушкинской речи, и запечатлел А.Блок в стихе: «Нам внятно всё — и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». Этот дар «всемирной отзывчивости», отчасти роковой, полученный нами в XVIII веке, создал ту опасную склонность сложной русской души, когда чрезмерная впечатлительность и повышенная чуткость к «чужому» и странствия по временам и культурам отвлекали ее от собственного родства и приводили порой к его отрицанию и отречению.

В XVIII веке мы еще слишком веровали в твердость Запада, его историческую устойчивость; тоска западной души, терявшей Христа, пришла к нам позже. Но уже тогда было сознание христианского сродства; мы выводили задачи русской культуры из европейских потребностей, из нерешенных или неразрешимых вопросов другой половины единого христианского мира.

«Нужно было не только повторять готовые западные ответы, но распознать и сопережить именно западные вопросы, войти и вжиться во всю эту драматическую и сложную проблематику западной мысли, духовно проследить и на свой лад истолковать весь этот очень трудный и очень запутанный путь западной культуры. Войти внутрь чужой жизни, восчувствовать и пережить ее во всей ее проблематичности, вопроситель-

ности, тревожности, — утверждал Георгий Флоровский. — <...> Зачем нам было нужно такое страдающее переживание чужой культуры? Возможно, это был наш русский путь к воссозданию гармонии мира, в том числе к воссоединению распавшегося христианского мира, к приобретению и возвращению ушедших братьев во Христе? И русский дух не только опровергал или отвергал решения и погрешности в западном развитии, но успешно преодолевал и превосходил в новом творческом делании. Это было лучшим противоядием от тайных и с трудом распознаваемых отравлений западным тлетворным духом. Мы отвечали на западные вопросы из глубин своего исторического народного опыта, где русская душа оставалась нераздельной и целостной. Не столько обличали западный путь, сколько свидетельствовали об истинности своего русского пути»¹.

* * *

Через изучение самосознания эпохи можно, следовательно, понять, что думали люди XVIII века о насущных вопросах своего времени. Были ли это люди, потерявшие «восточный» путь, блуждающие по западным перепутьям, или ищущие свой русский путь? Требовало ли осознание своего как «своего» предварительного знания «чужого» и осознание его как «чужого»? Какой создавали они образ западной культуры? Был ли это условный, мифологический образ? Насколько он был далек от реального Запада? Призван ли он был служить образцом для русской культуры? Вопросы, которые необходимо освещать, обращаясь к конкретному изучению документов эпохи.

История русской души в XVIII веке еще пишется. Мы все еще знаем из нее только отдельные главы, не хватает многих эпизодов, связующих всё. Множество письменных свидетельств современников эпохи в архивах, редких изданиях ждут своего обнаружения исследователями и последующей публика-

---

¹ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. С. 427.

ции, комментирования, анализа. Поставив перед собой первоначальную задачу: подробно отразить в нашем издании литературные источники по теме «Россия о Западе», мы стремились через погружение в эпоху, «голоса» очевидцев происходившего, показать и понять, как разрешались современниками во времени указанные выше вопросы; и через публикацию новых материалов послужить по мере возможностей расширению изученного культурного пространства XVIII века.

* * *

Перед погружением на большую глубину обычно и новички, и бывалые люди проходят краткий адаптационный период. Вот и мы, перед погружением в толщу эпохи XVIII века, предлагаем нашим читателям осмотреться, войти «во вкус» времени: прочувствовать его дух через мироощущение различных авторов; через стиль, язык их произведений, во всей их пестрой жанровой разнородности.

Первый общий стереоскопичный взгляд на целостную историческую картину познания Запада Россией в 1726—1762 годах может послужить читателю путеводной нитью в постижении многослойности культурных смыслов эпохи, ее эстетической многоязычности, чтобы далее понять всё в отчетливой многозначной полноте.

Антологию открывают документальные свидетельства (письма), относящиеся к яркой личности русского Просвещения — поэту А.Д.Кантемиру.

Начало интереса А.Д.Кантемира к европейской культуре было положено его воспитанием и общением в молодости с европейски образованными людьми в России. Юного Антиоха воспитывал секретарь его отца немец И.Фокеродт, который помогал отцу поэта Д.Кантемиру в работе над «Историей Османской империи». Задолго до Ломоносова Фокеродт, усердно штудировавший русскую историю и собиравший соответствующие рукописи и документы на русском языке, высказывался в письмах к петербургскому ученому Г.З.Байеру (автору биографии Д.Кантемира) против «норманской теории», которой тот

истово придерживался (сохранились письма Фокеродта, отражающие споры этих мужей).

У профессора Х.Гросса молодой Кантемир брал частные уроки по философии морали в Петербурге. Эти занятия впоследствии сыграли важную роль в формировании мировоззрения русского поэта, его интереса к европейскому Просвещению (сохранились письма Х.Гросса к Г.Байеру, касающиеся взаимосвязей русской и европейской культур).

А.Кантемир в молодые годы был близок к деятелям, группировавшимся вокруг архиепископа Феофана Прокоповича, что способствовало формированию его самосознания в духе петровских преобразований. В 1730-е гг. Кантемир входил и в окружение Артемия Волынского, который отстаивал национальные интересы; как истинный патриот он был на стороне дочери Петра I Елизаветы, выступал против засилия иностранцев в годы правления Анны Иоанновны.

Назначение А.Кантемира на службу за границей было и признанием заслуг и таланта молодого поэта, и широты его образования, полезными оказались и его связи с императорской фамилией. А.Кантемир занимал не последнее место в тогдашней политической иерархии.

Во время своего пребывания в Англии в 1732–1738 гг. в качестве российского посланника А.Кантемир, приверженец абсолютизма, проявил особый интерес к системе английской конституционной монархии. Кантемир писал уже из Парижа своему корреспонденту в Лондон: «...я прочитал в английских газетах (Милорд Уолдгрейв присылает мне самые свежие) о почестях, оказанных Пр<инцу> Уэльскому в провинциях. Я чрезвычайно одобряю сами почести, но не намерения тех, кто их оказывал, ибо Английский Король самый достойный из людей, коих носит земля: он приветлив и ничуть не посягает на права своих подданных, посему у них нет причин на него жаловаться». И, подтверждая свое мнение, добавлял в следующем письме: «Все, что я писал вам о Короле Великобритании, суть мои подлинные чувства и, разумеется, когда я посылал письмо, у меня в мыслях

было только выказать мои чувства. Так что никакой лести тут нет».

Вообще же взгляд Кантемира и на происходившее в Англии был далеко не лестен: «...здесь не происходит ничего выдающегося, кроме восстания в Шотландии, из коего совершенно напрасно сделали событие. Толпа пожелала повесить Капитана и-таки повесила его, однако Двор решил наказать исполнителей столь своеобразного правосудия, туда были посланы войска, а офицеры, стоящие во главе их, один за другим прибыли в Эдинбург. В нашем городе также нашумела акция против крепких напитков, здесь бесконечное множество пьяниц, и они были повержены сим решением в траур, но добрая гвардия вступила во все кварталы и не дала совершиться беспорядкам, и теперь уже потихоньку меняют свое ремесло на другое».

Поэт вовсе не сочувствовал тамошней свободе печати, что также нашло отражение в его письмах из Лондона. Когда же в сочинении «Московитские письма» была затронута государственная честь России, то он всячески препятствовал публикации этого пасквиля. После выхода в свет этого антирусского памфлета в 1735 г. Кантемир делает все возможное, чтобы опровергнуть клевету публично, в прессе. Совместно со своим секретарем Генрихом Гроссом (и несомненно при активном участии его брата, вышеупомянутого ученого Х.Гросса) он подготовил подробные примечания и возражения к немецкому изданию памфлета в 1738 г.: «Так называемые “Московитские письма”, или авантюра, в которой клевета соединяется с тысячекратной ложью, направленная против достоинства русской нации и сочиненная каким-то итальянцем, вышедшим из некоего враждебного мира». В нашем труде впервые (после 1738 г.) публикуются фрагменты этого раритетного издания на немецком языке и в переводе.

В предисловии к книге «Так называемые “Московитские письма”» Кантемир дает свое обдуманное определение, как должно происходить взаимопознание наций: «Тот, кто собирается судить о целой нации как разумный и честный человек и дать надежные, проверенные сведения об особенностях ее души

и нравов, должен обладать не только нормальным рассудком, но и незаурядной искренностью, и основательно разбираться и в людях, и во всем человеческом роде. Он обязан, соответственно, знать, как из опыта истории, так и из собственного опыта, что из себя представляли известные нации в далеком и недавнем прошлом, что они представляют из себя теперь и каковы у них надежды и перспективы.

Известно, что в силу человеческого несовершенства в каждом народе есть плохие и хорошие люди, и ни один народ не бывает по природе добродетельным или порочным, хорошо воспитанным или неотесанным, деятельным или ленивым, смелым или робким, ловким или неумелым, но, в конечном счете, почти все это перемешано, и многое хорошее или дурное зависит от хорошего или дурного воспитания или правления. Одним словом, если хотят вынести верное суждение о целом народе, то надо длительное время прожить среди этого народа, свободно общаясь с разными его группами и разными людьми, самому стать своим человеком в этой среде. И, далее, он обязан, прежде чем обрушиться с упреками на основе своих наблюдений, присматриваясь к тому или другому отдельному человеку, меньше всего основываться на наблюдениях над отбросами людскими и подонками черни, а непременно познакомиться с людьми, представляющими разные сословия общества, непременно — с людьми преклонного возраста, обладающими жизненным опытом, имеющими преимущества, вытекающие из их общественного положения. Он должен в разных случаях и обстоятельствах наблюдать действия и события, сталкиваясь при этом как с высокими, так и с низкими фактами поведения, точно взвешивать эти факты, отличая обычное и распространенное от случайного и искаженного, что по разным причинам переплетается в реальной жизни. Все это надо сравнивать, сопоставлять и приводить в порядок; обыденное и проверенное отделять от нечаянного и приблизительного. К тому же ведь в жизни многое ухудшалось или улучшалось усилиями разных правителей. Надо разобратся в том, как проявлялась забота или, напротив, пренебрежение всякими обязанностями, и это позволит расставить по

местам Добро и Зло, дать оценку тому и другому, увидеть достойное и недостойное, объективно, не проявляя партийных пристрастий»¹.

Круг лондонских знакомых А. Кантемира составляли в первую очередь итальянские дипломаты, «аккредитованные» при английском дворе, поскольку в то время Кантемир живо интересовался итальянской культурой. С одним из них — с Гастальди — поэт, переехав в Париж, продолжил общение, но уже в письмах.

Не успев расстаться с Лондоном, Кантемир был вынужден отстаивать свое достоинство русского аристократа перед ходатаями алчных английских купцов и мнимых кредиторов: «Однако, М<илостивый> Г<осударь>, предоставим им говорить все, что им заблагорассудится, я совершенно презираю их и отнюдь не претендую на какую-либо репутацию в глазах этих людей. Я желаю от всего сердца, пусть они обращаются в Совет, к моему Двору — куда угодно, ибо тогда выяснится, что все они мошенники. Мои доказательства таковы: я прожил в Лондоне 6 с половиной лет, я пользовался услугами многих торговцев, среди них были ювелиры, которым я заказывал посуду, три угольщика, мясник, человек, поставивший мне лошадей, два седельника, изготовлявшие для меня кареты, три портных, кроме того еще трое тех, кто поставлял мне вино, управляющий, торговцы тканями, позументом, картинами, люди, поставившие мне мебель и вообще те, кто поставлял всю снедь к моему столу. Все они исправно получали плату, о чем свидетельствуют их расписки, кои находятся в руках моего капеллана. Я пишу это только для того, чтобы удовлетворить ваше любопытство и интерес других порядочных особ, ибо у меня нет ни малейшего желания убеждать проходимцев в их вине и давать им отчет в своем поведении».

Парижская пора жизни Кантемира также доставила ему много забот и огорчений: «...мне очень трудно освоиться с парижской

---

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по нашему изданию.

модой. Если вы когда-нибудь приедете пожить в этот город, вы лишитесь многих иллюзий, кои внушают нам иностранцы».

Правительство Людовика XV и кардинала-министра Флёри было настроено по отношению к русскому послу недружелюбно, что отражало весьма натянутые дипломатические отношения между Россией и Францией в то время. «Новости о нашей Армии, полученные из уст такой высокой особы, как Милорд Кроуфорд, меня весьма порадовали. Они получены мною очень кстати, так как здесь обсуждалось, будто Миних ранен или утонул, а Армия разбита наголову. И только после того, как мы стали узнавать о более счастливых событиях, и теперь уже наверное известно, что сей “утопленник” разбил 20 тыс. турок, — писал Кантемир Гастальди из Парижа. — Как бы то ни было, письмо Мил<орда> весьма ценно, поскольку полностью опровергает все ложные слухи, которые ходят здесь о дурном состоянии нашей армии, о потере всей нашей артиллерии и второй гибели Фельдмаршала Миниха, коего то заставят утонуть, то воскреснуть. Вы не можете вообразить, как в сем славном граде любят сочинять легенды. Г-на кардинала, живущего в двух шагах отсюда, объявят то больным, то покойным, то процветающим — и все это в течение одного дня. Однако верно то, что он вполне благополучен, ибо я видел его трижды на неделе, причем в последний раз он при мне прогуливался по саду три четверти часа подряд, чего обыкновенно не могут себе позволить умирающие».

У Кантемира выработался свой взгляд и на европейские «вести»: «...эта новость заслуживает особого внимания из-за ее правдоподобия. Время покажет, что сбудется»; и на европейскую политику: «Мне кажется, что последняя война так утомила людей необходимыми на ее ведение расходами, что почти во всей Европе преобладает дух переговоров; словом почти я исключая мой Двор, готовый, как видите, в любую минуту двинуть войска».

Кантемира поразили контрасты французской жизни: роскошь и распущенность нравов, царившие при дворе, — нищета и голод простого населения. Об этом он писал в своих письмах из Парижа: «Ваше любезное письмо от 27-го нашло меня в Фон-

тенебло, откуда я вчера вернулся, пробыв там 5 или 6 дней. Вы подумаете, что я привез оттуда целый ворох новостей, но вместо того я привез с собой одну лишь скуку. Эта местность хороша для охотников и для любителей обедов и игр, все эти три достоинства, слава Богу, полностью у меня отсутствуют»; о французских нравах: «Наши рогоносцы более умеренны. Они предоставляют своим женам делать все что угодно, лишь бы те не просили денег. Забота о деньгах возлагается на волокит. Это необходимое условие начиная с дам и кончая девицами»; о литературе во Франции: «...с литературой здесь так же худо, писатели здесь, как и у вас, пишут лишь всякий вздор»; о книгопечатании: «Гораций у меня уже в руках, и я, наверное, пошлю его вам, но советую вам заранее купить микроскоп, поскольку размеры Горация дьявольски малы. Я заставил перевернуть весь Париж, чтобы достать эту книжку и Бог знает, можно ли найти вторую»; о французской опере: «Французская музыка слишком хороша для моих ушей. Я был один раз в опере, но я обещаю вам не делать этого больше никогда в жизни, разве если только меня туда потянут за волосы».

В числе парижских знакомых Кантемира были: маркиза Монконсей, герцогиня д'Эгийон (в салонах которых он бывал постоянно), кардинал Полиньяк, писатель Монтескье, аббат Гауско, ученый Мопертюи (благодаря которому Кантемир познакомился с Вольтером).

Письма Кантемира из Англии и Франции к различным иностранным корреспондентам (Сорба, Жирардону, Полиньяку, Гастальди, Вазнеру и др.) впервые в переводе публикуются в нашем труде. Они помогают расширить и уточнить представление о связях русского поэта с западноевропейской культурой: литературой, искусством, наукой, о его знакомствах в европейском образованном обществе; пополнить его суждения и конкретизировать его позиции по отношению к разным общественным, политическим и культурным моментам взаимоотношений России с Западной Европой в период 1732–1744 гг.

Но взгляд Кантемира на Запад был отчасти субъективным, в чем он и сам признавался: «Впрочем, не судите о Париже по

моим высказываниям. Наши пристрастия, настроения, порой наши капризы представляют собою род очков, заставляющих видеть предметы не в том цвете, в коем они существуют на самом деле: мои очки говорят мне, что Париж столь же скучен, сколь и Лондон. Что касается до вас, возможно, вы найдете его очаровательным».

* * *

Совсем иначе видел Париж примерно в тот же период времени русский поэт, переводчик и теоретик литературы В.К.Тредиаковский:

Красное место! Драгой берег Сенски!
Тебя не лучше поля Элисейски:
Всех радостей дом и сладка покоя,
Где ни зимня нет ни летняго зноя.

...

Красное место! Драгой берег Сенски!
Где быть не смеет манер деревенски:
Ибо все держишь в себе благородно,
Богам, богиням, ты место природно.

...

Точишь млеко, мед, и веселье мило,
Каково нигде истинно не было.

...

Красное место! Драгой берег Сенски!
Кто тя нелюбит? Разве был дух зверски!

В этих «Стихах похвальных Парижу» выразилось восторженное отношение поэта к городу — центру тогдашней западной культуры.

В судьбе В.К.Тредиаковского ярче всего воплотились черты духовного развития важной части нового поколения послепетровской России: тяга к европейскому образованию, новое отношение к науке как делу всей жизни, ориентация на новейшие явления западной культуры и стремление пересадить их на русскую почву. Тредиаковский был одним из первых русских писателей-классицистов, кто активно впитывал в себя достижения европейской, прежде всего французской литературы. Фрагмен-

ты его сочинений, публикуемые в нашем труде, свидетельствуют об обширном знании Тредиаковским истории французской культуры, о его осведомленности в природе тех эстетических споров, которые кипели во Франции на протяжении почти двух веков.

Особенностью русского литературного процесса той эпохи являлся его ускоренный и концентрированный характер. Не только хронологический, но и культурно-географический охват произведений, вошедших в головы и души русских читателей и литераторов XVIII века, был предельно широким. Знакомство с французской литературой XVII столетия: Буало, Расином, Корнелем, Мольером «шло» одновременно с чтением Вольтера, Монтескье, Руссо, Пуфендорфа и Беккариа, Лейбница и Локка, Бэкона и Сен-Мартена, Шекспира, Аддисона, Мильтона, Фенелона, Прево, Сервантеса, Лесажа, Рамсея и Т.Мора, Скаррона и Мариво. (Примером может служить круг чтения Кантемира.) Ни одна из европейских культур той поры не знала такой меры открытости и таких контрастных столкновений разноликих культурных традиций. При этом сохранялось стремление не включаться в какую-либо одну европейскую традицию, а усвоить западную культуру в целом. Несовместимое или взаимоисключающее в идейной жизни Запада становилось деталями единой литературной картины в России.

Чтобы представить силовое поле культурного напряжения, создававшееся в русском XVIII веке, не следует также забывать о мощном воздействии античной традиции, и о связи с культурой допетровской Руси, никогда в реальности не обрывавшейся; хотя в эту эпоху Россия сознательно строила свою культуру как «новую», оторванную от традиций и подлежащую реконструкции на основе идеальных теоретических западных моделей.

Вторжение разнородных культурных традиций и различных теоретических программ нагляднее всего проявилось в литературных декларациях русских писателей — в особом жанре «литературных родословных» — перечне великих поэтов от начала поэзии до ее последнего времени.

Одним из ярких ее образцов была «Эпистола от Российския поэзии к Аполлину» Тредиаковского:

...Не презренна и сестра от тебя та нежна,
С Тевтом, Ибером живет что в середине смежна,
С мяжким так же в юг блиска что Италиянцом,
С острым в север чрез моря купно и Британцом;
Галлы ею в свет уже славны пронеслися,
Цесарем что, но давно, Варвары звалися...

...

Токмо полно мне и сих имянно счисляти,
Лучше сам ты, Аполлин, можешь про них знати.
Галлия имеет в том, ей, толику славу,
Что за средню дочь твою можно чтить по праву...

В стихотворении представлено краткое описание новой европейской поэзии, достойной преемницы античной литературы, особо отмечается единство всей европейской литературы и культуры Нового времени. В этот круг на равных правах включается и молодая Российская муза, которая принимает эстафету от старших сестер.

Тредиаковский переводит на русский язык роман Поля Талемана «Езда на остров любви». «Будучи в Париже я оную прочол с великим удовольствием моего сердца, — вспоминал поэт, — усладившись весьма как разумным ея вымыслом, стилем коротким, так и виршами очюнь сладкими и приятными, а наипаче мудрым нравоучением, которое она в себе почти во всякой строке замкнула так, что я в тож самое время горячее возымел желание перевесть оную на наш язык». Этот роман в контексте французской литературы представлял собой рядовое явление прециозной прозы¹.

Чем же было вызвано обращение Тредиаковского к роману

---

¹ М-ль М. де Скюдери опубликовала в первой части «Клелии» — «Карту страны нежности», и породила прециозную метафорическую географию и аллегорические путешествия по пространству салонной любви, а также пародии на эту литературу: «Карта королевства прециозниц» *Молеврие*, 1659; «Карта ухаживаний» *Герэ*, 1663; «История нашего времени или Интриги в королевстве кокетства, извлечено из последнего путешествия голландцев в Индию» аббата *Обиньяка*, 1659.

Поля Талемана, который, будучи опубликован еще в 1663 г., вовсе не был литературной новинкой?

Возможно, Третьяковский, оценив роль литературного салона в Париже¹, решил перенести в Петербург 1730 года через текст прециозного романа дух культуры салона, который должен был в русских условиях породить определенную европеизированную культурную среду. Когда Третьяковский в 1735—1736 гг. пытался представить собрание французских переводчиков в нечто подобное Французской академии, он также видел перед собой не правительство Анны Иоанновны, а Ришелье. В Париже в то время уже шел процесс перерождения прециозного салона в просветительский. Третьяковский стал ориентироваться на обе борющиеся тенденции: и на культуру салонов, и на академическую традицию. Целью его было перенесение в Петербург французской литературной ситуации во всей ее полноте.

В дальнейшем это стремление синтезировать тенденции, выступающие в западном контексте как непримиримые, станет характерным для русского отношения к европейской культурной традиции.

Третьяковский являл в своем творчестве характерный для эпохи тип художественного мышления — принципиального теоретического эклектизма, когда исходные представления стремились вместить в себя максимальный круг концепций, выработанных европейской культурой, и на максимально большом отрезке времени. Примером может послужить предисловие В.К.Третьяковского к переводу «Науки о стихотворении и поэзии» Н.Буало: «В самом начале сих моих трудов предлагается

---

¹ Салон, как особая литературная среда, породил в контексте французской культуры роман. Книга Фонтенеля «О множестве миров», переведенная А.Кантемиром, была также произведением салонной культуры. Система Коперника в ней была изложена в форме светской беседы с маркизой, интересующийся астрономией. Автор придал науке галантный характер, освободив ее от всего «скучного».

вам, благосклонный Читатель, Наука о Стихотворении и Поэзии, сочиненная от Боало-Депрео, Французского славного Сатирика. После Горациевы Эпистолы о тойже материи к Пизонам, Римским знатым особам, сия Депреова почитается искусными за верьх совершенства в сем роде. И поистинне, все что ни сочинял Боало, есть исправное и удивительное; но Наука его Пиитическая, кажется, пред всем находится превосходная, как в рассуждении состава Стихов, и чистоты языка, так и в рассуждении порятка, и правил в ней предлагаемых».

Зрелый Тредиаковский выразил и свое отношение к знаменитому «спору древних и новых» авторов («La querelle des Anciens et des Modernes») во Франции: «По разуму, Достовернейшаго должно держаться, и предпочитать Честнейшее. Но всякий Подлинник достовернее Списка есть, и потому честняе. Впрочем два мнения, в рассуждении сего, и поныне в самой Франции под жарким Стязанием продолжаютя. Ибо поныне еще, всюду в ученой Европе, те единственно из Новых Пииты, Риторы, и Историки препохваляются, кои наибближае подошли токмо к Древним оным, а их не то что не превзошли, но и не сравнились с ними. Так мне сие видится в рассуждении Словесных Наук». Если симпатии молодого Тредиаковского были полностью на стороне «новых» французских авторов, творчество которых он знал превосходно (см. «Эпистолу от Российския поэзии к Аполлину»), то поздний Тредиаковский все более склонялся в сторону «древних», признавая непревзойденный авторитет античной литературы и предпочитая из современной французской литературы тех писателей, которые стремились следовать античным образцам: Буало, Фенелона, Роллена и др. Тредиаковский был убежден, что «словесные науки» развиваются по иным законам чем точные науки и к ним неприменима идея поступательного развития.

---

¹ Спор идей в конце XVII века о достоинствах античных писателей в сравнении с писателями века Людовика XIV; в основе спора лежала проблема прогресса в искусстве и науке.

Когда в 1735 г. в Академии наук было учреждено Российское собрание, Тредиаковский на первом его заседании выступил с программной речью, исполненной оптимистической веры в прогресс наук и искусств, ожидаемый в скором времени в России. За точку отсчета истории была взята петровская эпоха (невольно просится сравнение с цитированной выше речью Петра I). Культурный процесс мыслится им как постоянное и неуклонное совершенствование во всех областях разума.

О том же Тредиаковский писал в «Слове о мудрости, благоразумии и добродетели», опровергая взгляды Ж.-Ж.Руссо: «Ибо, самое Добронравие, бесспорно, есть Навык Воли нашей к люблению всего чеснаго, и Законом повеленнаго. Но если Навык, то как не Учение? И будещ Учение, то как и неразумное? Следовательно, ни Добродетель без снискания и научения не получается; и признанием снискания и научения, полагается уже твердо и просвещение разума, тоестъ, Мудрость и благоразумие, в сопротивление грубости и скотствованию. Вот же необходимо и по его нужны нам как нравоучительные, так и разумные Науки; и нужны для того, что оне не токмо поспешествуют очищению нравов, но без них — еще и не осиявается человеческий Ум, и не удобряется Воля и Сердце. Солнце есть для них Мудрость: она там все доброе и истинное производит, согревает, оживотворяет, украшает, расцвечает, плодоносит, и озаряет. Без Мудрости, нет совершенства в Добродетели... Того ради, не Науки, поистинне не Науки причиною развращенных нравов; но почитай общее презрение к Учениям, и потом злое употребление рассуждения, необузданная страсть, слабость попущенная природы, прелесть мирских сластей и роскошей, и наконец, наведенная невоздержанием и суетумудрием слепота умной силе, и окамененное нечувствие истиннаго блага в прихотьствующем самоволии. Сие все есть смертоносный вред и Правоверию и Добронравию, а не Науки: ибо все сие и препятствует обучаться Добродетели твердо». Тредиаковский последовательно выражал просветительскую историческую концепцию истории, по существу противопоставленную христианской, когда разум заменил веру: слабость Разума, невежество и

простодушие человека Природы привели его к грехопадению и рабству духа, спасение должен был принести тот же Разум.

Но в «европеизированной» ситуации русской послепетровской культуры в отличие от европейского образца было особое — высокое отношение к труду «поэта». Искусство Слова заняло в России той поры освободившееся после секуляризации место религиозных авторитетов. «Поэзия» стала призванием, даром богов, вдохновением свыше, а не ремеслом, как на Западе (Руссо называл поэзию «подлым ремеслом»). В поэте, высоком, вдохновенном, тогда уже видели — пророка, служителя истины, готового ради нее к гонениям, лишениям и даже гибели. Тредиаковский, переводя Горация, передал «divinis vatibus» (что у римского автора означает «свыше вдохновенные поэты») как «божественные прорицатели» — он впервые соединил античный идеал высокого поэта с образом библейского пророка. Этот «слитый воедино» образ — поэта как пророка, носителя высших начал — в дальнейшем оказался устойчивым признаком и самооценки русского литератора, и отношения к нему общества. Слово поэта и его жизнь стали восприниматься неразрывно, что всегда был присуще деятельности и самого Тредиаковского. А последнее десятилетие своей жизни, после ухода в отставку, не стесненный никакими условными служебными обязанностями, поэт истово и бескорыстно посвятил просветительскому служению.

* * *

Со времени создания Петром в конце XVII века регулярной армии Россия сделала огромный шаг вперед в своей внешней политике. Начало этому было положено двадцатилетней Северной войной со Швецией, в результате которой Россия получила выход к Балтийскому морю и превратилась в одну из великих держав Европы. Последующие военные успехи России: победа в русско-шведской войне 1741—1743 годов, Рейнский поход российской армии 1747 года, ускоривший заключение мира в Европе (после многолетней войны за австрийское наследство), и самое главное — разгром могущественной прусской армии в

Семилетней войне с Пруссией (1756—1762 гг.) — еще более укрепили международное положение России, обогатили боевой опыт русской армии и позволили России занять ключевые позиции в Европе. Россию теперь боялись и уважали, от нее зависело принятие важнейших решений, связанных с вопросами войны и мира.

Литературная жизнь эпохи была неотделима от общественных и политических событий и идей. Для публикации из обширного творческого наследия М.В.Ломоносова мы выбрали несколько од 1740—1760-х годов и отрывков из них, а также фрагменты из поэмы «Петр Великий» и «Слова похвального...Петру Великому», отражающие основные этапы выхода России на Запад в первой половине XVIII века. Это взятие Ореховца (Нотебургской крепости) Петром I в Северной войне, Вильмандstrandская победа над шведами в 1741 году, Рейнский поход русской армии 1747 года, победа над прусской армией под Кунерсдорфом в 1759 году и, наконец, предательский по отношению к России мирный договор с Пруссией 1762 года.

Оды Ломоносова 1740—1760-х годов, созданные по законам похвального жанра, вовсе не сводятся лишь к воспеванию достоинств очередного монарха, они вмещают широкий спектр проблем, имеющих непосредственное отношение к внешней и внутренней политике России, новой ее роли в международных событиях эпохи. К кому бы из царствующих лиц императорской фамилии ни была обращена ломоносовская ода — к малолетнему Ивану Антоновичу, императрице Елизавете, Петру Федоровичу или Екатерине II — речь прежде всего говорится о величии России в мире в прошлом, настоящем и будущем:

И солнце, к нам спеша в обратной колеснице,
Готовит новой блеск Российской багрянице
(«Петр Великий. Героическая поэма»);

о необыкновенных, изумляющих всех успехах Российского государства:

Европа, ныне восхищенна,
Внимая смотрит на восток

И ожидает изумленна,
Какой определит ей рок:
То видит зрак Твой пред полками,
Подобный Марсу меж врагами,
То представляет общей пир,
Отрады ради утомленных,
Избавы ради раззоренных,
Тобою обновленный мир.

(«Ода великому государю
императору Петру Феодоровичу...»);

о молодой силе России, которая пробивает себе дорогу в мире:

Российских войск хвала растет,
Сердца прoderсски страх трясет,
Младой Орел уж льва терзает;

(«Первые трофеи его величества Иоанна III...»)

Оды Ломоносова 1740–1760-х гг.— история одоления
Россией враждебных стихий:

Врагов, что вечной мир попрали,
Врагов, что наш покой смущали,
Врагов, что нас пожрать хотят.

...

Вас тешил мир, нас Марс трудил;
Солдат ваш спал, наш в брани был...

...

На вот вам ваших бед почин:
Соседа в гнев ввели без вин...

(«Первые трофеи его величества Иоанна III...»)

Ломоносов убежден, в полном согласии с древнерусской
традицией, что Россия находится под небесным покровительст-
вом:

Как нельзя лить рекам к вершине
Против крутизны вод своих
И силы взять огню в пучине,
Так к нам ввести людей твоих.
Орлы на тое не взирают,
Что львовы челюсти зияют.

Вотще твой хитрый был совет
Россию сам Господь блюдет...

Претящим оком Вседержитель
Возрев на полк вечерний рек:
«О дерсский мира нарушитель,
Ты мечь против Меня извлек.
Я правлю солнце, землю, море,
Кто может стать со мною в споре?
Моя десница мечет гром,
Я в пропасть сверг за грех Содом,
Я небо мраком покрываю;
Я Сам Россию защищаю».

(«Ода на прибытие ея величества великия
государыни императрицы Елисаветы Петровны...»)

Роль русской армии, осененной небесным покровительством, — сдерживать амбиции честолюбивых завоевателей «вечерних стран», прельщенных земным изобилием России и рвущихся к мировому господству:

Но что страны вечерни тмятся
И дождь кровавых капель льют?
Что Финских рек струи дымятся,
И доли с влагой пламень пьют?

(«Ода на прибытие ея величества великия
государыни императрицы Елисаветы Петровны...»)

Но что за ветер с вечерних стран
Пронырства вас закрыл в туман?
Не зрела чтоб того Россия,
Что ваших войск приход значит?
Зачем ваш збор у нас стоит?
В закрытье видны мысли злая,
В шерсти овечьей знатен волк.

К пределам нашим чтож пришли?
Надежда кажет что впреди?
Надежда ныне вам не лжива!
К себе вас та земля влечет,
В которой мед с млеком течет?

Нагим мечем на запад блещет,
Которой скрасит Шведска кров...

(«Первые трофеи его величества Иоанна III...»)

Почти все оды, где затрагиваются проблемы внешней политики России, построены на антитезе миролюбивых и кротких российских монархов и амбициозных, тщеславных западных королей-завоевателей.

Императрица Елизавета у Ломоносова — «ангел мира», покоя и тишины:

Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит;
Любя вселенныя покой...

(«Ода на прибытие ея величества великия государыни императрицы Елисаветы Петровны...»)

Твоя кротчайшая природа,
Чем для блаженства смертных рода
Всевышний наш украсил век,
Склонилась для ея защиты,
И мечь Твой, лаврами обвитый,
Не обнажен, войну пресек.

Европа и весь мир свидетель,
Народов разных миллион,
Колика ныне добродетель
Российский украшает трон.

(«Ода на день восшествия на престол
ея величества государыни императрицы
Елисаветы Петровны...»)

Елизавете противопоставлены западные властители, желающие диктовать всему миру свою волю: шведские короли Карл XII, Фридрих; прусский король Фридрих II:

Не Швед ли мнил, что он главою,
Как Атлас, держит целой свет
И море сильною рукою
И полной властью в узах жмет,
Что твердь с собой в союзе свяжет
И вспять итти Луне укажет?

Однако род Российский знал
И мысленно тогда взирал,
Когда он стал на нас грозиться,
Как он бежит, как нас страшится!

(«Ода на прибытие ея величества
великия государыни императрицы
Елисаветы Петровны...»)

Парящей слыша шум орлицы,
Где пышный дух твой, Фредерик?
Прогнанный за свои границы,
Ещели мнишь, что ты велик?
Ещель, смотря на рок Саксонов,
Всеобщим дателем законов
Слывешь в желании своем?
Лишенный собственныя власти,
Ещель стремишься в буйной страсти
Вселенной наложить ярем?

(«Ода... императрице Елисавете Петровне,
...праздник тезоименитства ея величества
сентября 5 дня 1759 года...»)

Итог их авантюрной политики — безмерные бедствия, разорение и обнищание народов Европы, изнемогающих под бременем затяжных и кровопролитных войн,— пресечены «Россов мужеством»:

Взирая на пожар Кистрина,
На протчи грады оглянись:
Что им не равная судьбина,
Не храбростью своей гордись.
Что земли, где твоя корона,
Не слышат гибельнаго стона,
Не видят пламенной зари,
Дивятся и в войне покою,
Победоносной над тобою
Монархине благодари.

(«Ода... императрице Елисавете Петровне,
...праздник тезоименитства ея величества
сентября 5 дня 1759 года...»)

Россия стремится образумить западные народы, получившие жестокий урок войны, призывает их жить в добрососедстве:

Народы, ныне научитесь,
Смотря на страшну гордых казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренню приязнь;
На множество не уповайте
И тем небес не раздражайте:
Мечи, щиты и крепость стен —
Пред Божьим гневом гниль и тлен:
Пред ним и горы исчезают,
Пред ним пучины изсыхают.

(«Ода на прибытие ея величества великия
государыни императрицы Елисаветы Петровны...»)

Поэтому страны Европы с надеждой смотрят на новую европейскую державу как на реальную силу, которая способна остановить войну:

Но море нашей тишины
Уже пределы превосходит,
Своим избытком мир наводит,
Разлившись в западны страны.
Европа, утомленна в брани,
Из пламени подняв главу,
К Тебе свои простерла длани
Сквозь дым, курение и мглу.

(«Ода на день восшествия на престол ея величества
государыни императрицы Елисаветы Петровны...»)

Международная роль России — обеспечить надежную защиту политически слабым государствам, установить прочный и стабильный мир:

Чтоб жить союзникам свободным,
Жалея, двинулась войной;
За Вислой и за Вартой грады
Падения или отрады
От воли Росской власти ждут;

Воздвигнися в сей день, Россия,
И очи окрест возведи;

К Тебе гласят концы земныя:
«Межь нами распри ты суди
Елисаветиною державой...»

(«Ода... императрице Елисавете Петровне,
...праздник тезоименитства ея величества
сентября 5 дня 1759 года...»)

Священная историческая миссия России, по Ломоносову, заповедованная предками, — нести в Европу мир:

На запад смотрит грозным оком
Сквозь дверь небесну Дух Петров,
Во гневе сильном и жестоком
Преступных он мятет врагов.
Богиня кротко с ним взирает
На Невский брег и простирает
Свой перст на Дщерь свою с высот:
«Воззри на образ твой и плод,
Что все дела твои восставит
И в свете тем себя прославит».
Се царствует Елисавета,
Да мир подаст пределам света.

(«Ода на прибытие ея величества великия
государыни императрицы Елисаветы Петровны...»)

«Я к вам обращаю мое слово, ныне мирные соседи, когда вы сии похвалы военных дел нашего Героя, когда вы превозносимья мною победы Российскаго воинства над вами услышите, не в поношение, но больше в честь вашу припишите, ибо стоять долгое время против сильнаго Российскаго народа, стоять против Петра Великаго, против Мужа, посланнаго от Бога на удивление вселенныя, и, наконец, быть от Него побежденным есть славнее, нежели победить слабые полки под худым предводительством» («Слово похвальное блаженныя памяти государю императору, Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года»).

Как трезвый политик, Ломоносов однако полагает, что путь к миру лежит через защиту своих государственных интересов с оружием в руках — это «правое, божеское дело»:

Прекрепкий Боже, сильный Царь,
Что всю рукою держишь тварь,
Зришь, что враги встают напрасно,
Жезлом карай их мести сам,
Поддай всегда победы нам,
Твое что имя славим гласно.
Не ищут естли брань пресечь,
Поддай, чтоб также в них вонзился
И новой кровью их багрился
Нагретый в ней Иоаннов мечь.

(«Первые трофеи его величества Иоанна III...»)

Чтоб враг делам Российским верил
И опытом своим измерил,
Каков наш род, мочь, верность, власть.

Нам правда отдает победу,
Но враг такого после вреду
Еще дерзает против нас.

(«Ода... императрице Елисавете Петровне,
...праздник тезоименитства ея величества
сентября 5 дня 1759 года...»)

Оды Ломоносова 1740–1760-х годов (а также похвальные слова и неоконченная поэма «Петр Великий») стали не только летописью славных побед русского оружия в первой половине XVIII века, но и апофеозом новой реальности русской жизни, преобразенной «начинанием и ревностным рачением Петровым». Если в петровское время миф о чудесном создании императором новой России только формировался, то для поколения Ломоносова и Сумарокова он превратился в историческую данность:

Отвсюду слышен глас желаний и приветств:
«Уже нам, Государь, Твоими в запад персты
Врата для подвигов торжественных отверсты,
И промысл дал Тебе земли и моря ключь:
По их обширности распростирай Свой лучь.
Нам сносны все труды и не ужасны смерти,
Лишь только бы Твоих врагов гордыню стерти,
Отечеству подать довольство, честь, покой
И просветить народ, как дух желает Твой»...

(«Петр Великий. Героическая поэма»).

* * *

Для А.П.Сумарокова, как и для Ломоносова, характерен новый просветительский взгляд на развитие мира, когда идеальное состояние человечества рассматривается как исходная точка, а вся дальнейшая история как цепь ошибок и заблуждений, поэтому путь к будущему — возвращение к исходному совершенству (при этом будущее и прошедшее как бы сливаются, а линейная траектория времени замыкается в круг, и время останавливается). Для Ломоносова губительный путь для России отождествлялся прежде всего с западным нашествием и его последствиями: моральным (покорение) и физическим уничтожением нации, но при этом он не осуждал ни европеизацию государственного строя страны, ни Петербург как образ «западного» города на русской земле, ни деятельность Петра I, который находился всегда вне критики как идеал царствующего государя; поругивал лишь засилие «немецкой бюрократии» в академических кругах.

Сумароков губительное влияние западной цивилизации видел во «французской заразе», пришедшей к нам с середины XVIII столетия. Здесь были корни его социального критицизма, наиболее ярко проявившегося в отрицательном отношении к засилию иностранных влияний в сфере языка. Утверждая национальное достоинство, он осуждал отнюдь не европеизацию политического строя и культуры России, а моды, щеголей, «Кузнецкий мост» и их «французский язык»:

На русском прежде был языке сын твой шумен:
Французскаго хватив, он стал совсем безумен.

Кто русско золото французской медью медит,
Ругает свой язык и по французски бредит.
Языки чужды нам потребны для тово,
Чтоб мы читали в них, на русском нет чево...

(«О французском языке»).

А.П.Сумароков был писателем широкого диапазона (поэт, сатирик, драматург) и такой же образованности. В 1748 году он опубликовал программу, построенную на принципах Буало —

брошюру «Две эпистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве», которая сыграла решающую роль в становлении русского классицизма¹. Сумароков, желавший возглавить русский Парнас, стремился создать эталоны и литературных жанров, и произведений, как единую систему с упорядоченной структурой взаимных отношений. (Его эстетическую концепцию — возвращение к исходному художественному идеалу — можно рассматривать как одно из проявлений просветительской историософии.) Для «образцового» творчества необходим был правильный язык, поэтому Сумароков выступал против засилия иностранных слов в русском наречии: «Восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка. Тако долговременно портился притяжением латинских слов немецкой, испортился польской, первый от единого с нашим отца, а другой тот, который наш, только с некоторою отменою, почти какую и российский области между собою в наречии имеют, и как портится немецкими и французскими словами русской. Честолюбие возвратит нас когда-нибудь с сего пути несумненного заблуждения; но язык наш толико сею заражен язвою, что и теперь уже вычищать его трудно; а ежели сие мнимое обогащение еще несколько лет продлится, так совершенного очищения не можно будет больше надеяться» («О истреблении чужих слов из русского языка»).

Не обошел без внимания Сумароков и жанр путешествий. Он дает в записке «О путешествиях» свое классически просветительское определение этого жанра, при этом напрочь отрицая как его наличие в предшествующей русской литературе, так и его западные образцы, и заботясь исключительно о пользе отечества:

«На Российском языке путешествий нет ни каких, а путешествия не для того только, чтобы оныя вместо романов служили для потеряния времени, но для прояснения географии, мыс-

---

¹ В 1774 г. автор, сократив ее и переделав, опубликовал под названием «Хотящим быти писателями».

лей и разсудка; а чтение оных больше приносит пользы человекам, ежели они писаны хорошим разумом... Путешествия чужестранные не могут большой пользы принести Россиянам, хотя бы они и лутчим духом и лутчим пером писаны были; ибо не довольно того, что нечто описывается, но кем оно описывается и с чем сравнивается; ради чего описатель должен быти Россиянин... Какая разность между мертвого и живаго человека: такая разность между мертваго и живаго описания. Один описанием в чувство вселяется и живо изображает то, что он видел на яву, а другой бредит то на яву, что он видел во сне: смешенно видел и еще смешенные рассказывает. Такой описатель вместо просвещения смущает и самага разумнаго читателя, и приводит ево иногда на кривую дорогу. Слепова следам верить не лзя».

* * *

Таким «живым» российским пером А.Р.Воронцова, начинающего дипломата, была описана Испания. Блестяще образованный, семнадцатилетний юноша Воронцов, по повелению императрицы Елизаветы Петровны, был отправлен во Францию, где полтора года обучался в Версале. Позже он самостоятельно продолжил знакомство с Европой. Среди прочих стран он посетил Испанию, о которой и сочинил свою «Записку», которая представляет особый интерес — она рассказывает об «испанских делах» в ту пору, когда Россия и Испания на протяжении 30 лет не поддерживали между собой ни дипломатических, ни экономических контактов. Политические оценки и прогнозы А.Р.Воронцова, сделанные в «Записке», пронизательны и глубоки:

«Не могу я оставить без примечания, что печатные о Гишпании описания весьма ей неласкательны; но я нашел гораздо больше обхождения и учтивости в велможях, нежели по объявлению разных вояжиров ожидать было можно. Они живут с ужасным великолепием, имеют при себе великую свиту и множество серебра и золота в домах. Нация весьма самолюбива и почитает себя превосходною другим, отдалена весьма от чужих обыкновений, но к милостыне склоннее всех. Епископы и глав-

ные члены духовенства отличают себя в том особливо. Богатство их в Испании ужасно, один архиепископ Толедский имеет 300000 пиастров доходу. В новом свете духовенство богаче и того».

* * *

Церковная литература, уходящая корнями в древнерусскую письменность, была одним из особых эстетических пространств русской литературы второй трети XVIII века, не смыкавшимся с новой светской литературой, но все же менявшимся, испытывавшим влияния западно-русской, южно-русской и античной традиций, культуры барокко. В церковном словесном творчестве также нашла отражение тема «Россия и Запад», практически не исследованная в современном литературоведении.

Особый интерес в этом ряду представляет сочинение В. Григоровича-Барского «Путешествие к святым местам в Европе и Азии (1723—1725)», которое продолжает древнерусскую традицию жанра «хождений».

Василий Григорович, уроженец Киева, студент Львовской Иезуитской Академии, из которой он был изгнан, «яко из стран Киевских суть, и противны кафолической римской церкви», в апреле 1724 г. отправился в свое паломничество через Рим на Восток, которое завершил в 1746 г. в Константинополе. Мы печатаем часть книги Григоровича, посвященную путешествию по Европе.

Во всех своих странствиях, начиная от Киева до последнего своего пребывания на Афоне, Григорович вел обстоятельные записи своего путешествия. Он был объективным автором — описывал равно и доброжелательность «единоверцев», и недружелюбие «иноверцев»:

«Он убо познав мя от беседы, яко единовен ему есмь, прият мя благодарственне. Прииде же тамо и сопутник мой Иустин, и рад бысть обеим за православие наше, и примирив нас, повеле дати ясти и постели к препочиванию, ядохом же изобильно и насытихомся и спяхом сладко утружденны сущи от пути. Пребывахом же у него чрез 23 и 24 число мая, со

всяким учреждением. Сей человек именовашеся Христофор Вилкович, иже страннолюбив и смирен сущи, не точию угощение нам довольно сотвори, но еще и возвести о нас всем православным сербам, яко православны есмы.

Изшедши же от Буды, не видехом уже более никакого страннолюбия ни милости от немецкаго народа. Вся тамо видехом благоустроена, точию люди неблагоприятны; не точию бо ясти и пити, но ниже пренощевати соизволяют; много же ношевахом со зверьми на поле и в дубровах, и зной претерпевахом от росы и от прохлажденнаго поту, наипаче же в долинах, и тамо вся себе к ястию питию купующе, идохом ни от кого же ничтоже просяще, бояхомся бо, да не кто видя нас оклеветет и сотворит препятие и смущение...»

Будучи беспристрастным, Григорович не таил и добродетели чужестранцев. Например, совсем иначе, чем в «немецчине», встречали путешественников в Неаполе: «Приходи же мне тамо, удивившася укосненному и необычному моему пришествию; обретох же аз тамо от благородных и богатых мужей и жен неколико лиц, ради посещения и услужности странных пришедших, тыи мя прияху с любовию и посаждаху мя в самой гостиннице на седалищи честном, сами предстояще ми; аз же не терпех сидети пред толь великими лицами, они же нуждою и насилием сотворити мя сидеши, сами предстояще, повелевающе мне ожидать, донельже принесут трапезу, призирахуся же мне в лице, потом омоченное, и покивающе главами, соболезноваху труду моему...»

Паломник не скрывал ни тягости путешествия, ни собственные немощи, которые он преодолевал с Божьей помощью:

«...на многих же местех шествовахом горами высокими и зело неравный путь и острое камение имущими, идеже велию нужду претерпевахом, не обретающе воды ни веси, понеже тамо далече едины от других селятся, немощны бо бехом пищи ради, яко ничто инно не имехом ясти, кроме хлеба и луку; инде же и того не имехом, но глад претерпевахом, испрошающе мало что, или ничто же: купивши же с собою нести не могохом, едва тело свое от горячести солнечной влекти могуще; множицею же

зело тяжестно падахом от частого претыкания ножного о камень остр, и поражахом члены и разбивахом сосуды, в них же воду ношахом, и пребывахом без воды, яже есть дражайше паче злата и сребра путешествующему, случашеся ходити блудяще, алчуще и жаждуще в горах и вертепах и пропастях земных к единому воззываючи Богу; разслабевахом же и костями от хождения и лежания на камени твердом; еще же к тому в самое горящее время месяца июля, и толь горящею страную полуденную шествовахом, яко все нам кости и составы телесные разслабеваху, яко едва мозг в главе не изсушися, и едва чувства не повредишася, и уже не бысть тамо когда путешествия описывати, не токмо бо писати, но ниже ясти, ниже сидети, ниже зрети, ни что разглагольствовати, кроме нужного словеси возмогохом, полумертвы суще от зноя солнечнаго и от облияния потнаго преизлишше от нас текущаго. Здесь всяк разсуждай путешествовати желаяй, но мы сия вся претерпехом помощию Вышняго».

В этом преодолении себя, своей телесной слабости и всех тягот путешествия заключалась суть паломничества как подвига — подвижничества ради духовной радости познания красоты единого Божьего мира:

«...приближахся к Неаполю, тем краснейшим и равнейшим шествовах путем, аще бо и между горами бысть путь, но равен и широк и людей много проходящих видех. Винограды тамо великие продят, их же лоза, аки некое древо толсто и высоко; насаждают же древа лесные при всякой лозе, и тако лозия плетушися при оных древесях, распростираются высоко и широко, прицепляющесе от древа на древо, яко лепо на них сморети и под сению их витати».

Столь же прекрасен и «единосущ» мир творений человека во славу Божию:

«Что же реку о лепотном строении его, которое увеселяет сердце и очи видящих, аще кто узрит церкви, иже суть прекраснаго иждивения, чиннаго расположения, совершенной меры в высоте, долготе и широте лепотного строения, от вне покровенны белым железом; внутрь же великими резаными

дсками мраморными, иныя белыми, иныя черными, иныя червленными, иныя пестрыми, и другими различновидными цветами имут свои подножия постланны, сице же прекрасно сравнены суть таблицы каменные, будто оледеневшая вода, яко едва не поползнется всяк ходяй; что же еще реку о многочисленных и коштовных оных престолах служебных одесную и ошуюю во всякой церкви чинно стоящих; от них вси яко един от различных мраморов и драгоценных порфиоров, изумрудов, агатов, и инных безчисленных камней, их же по имени наректи не вем, суть созданные хитростным сечением, с столпами же и иными фигурами искусным художеством живо изображенными весьма прекрасно; несть же ни единого храма, иже бы был не лепаго или не искуснаго строения, но вси от первого до последнего един другому в деле пообятыся, не имут тамо незнающих художников, но все искусные и знающие добре свое дело, принадлежащее до строения и до благолепнаго облечения храмов...»

Под пером Григоровича многочисленные описания святых мест расцвечиваются яркими подробностями до мельчайших деталей, сохраняя при этом полную достоверность (точность его записок — до начала XIX века они служили хорошим путеводителем — засвидетельствовали многие из русских, позже побывавшие в тех же местах):

«...церкви святого евангелиста Марка, где видехом древних иконописцев зело искусныя начертания и от расположения познахом, яко древней греческой архитектуры есть. Тамо видехом от мрамора изсеченныя многия вещи высоким делом, наипаче же церковное подножие тако зело хитростно и лепотно устроено, яко и възхвалиши по достоянию несть мощно; тамо бо самым мраморным камением мелким и различновидным саждено хитростно тако, яко различные растуши цветы изображаются, такожде и вне лепо устроены, еще кроме того от приходу высако на щиту великие и красные, аки живые медные кони имать, тогда разсмотрехом лепоту аще и не всю и основание града того чудесным промыслом устроенное, его же описати не возможно путешественнику, нашего состояния и ума, разве жителю, еще к тому и искусному, иже весть входы и

выходы и основание и создателей его, аз сие токмо пишу, еже рассмотрех».

Григорович был просвещенным путешественником: все свои описания он подтверждает не одним простым сказанием, но часто ссылкой на древних и средневековых греческих авторов, которых он прилежно изучал в монастырских архивах. Главное отличие его записок от письменных свидетельств «иноверных» путешественников и русских странников-простолюдинов заключалось в том, что он, будучи сам православным и просвещенным в науках, мог лучше и в самих истоках понимать «заведения», обряды и уставы святых мест, часто искажавшиеся от незнания другими авторами того времени.

Но в отличие от европейски просвещенного русского человека новой формации, того же молодого Воронцова, Григорович воспринимал свое путешествие не как образовательное и рациональное познание западного мира, а как постижение «премудрости Божией», разлитой равно на все христианские страны:

«Елико не откровенна есть премудрость Божия, толико недомыслим Его о смертных промысл и смотрение: *его же судьбы суть бездна многа*, яко же опытом я в себе познал. Никогда же помышляюще мне ходити по толиким далеким странам, понесши и подъяти толь великие труды, освободиться от множества бед и посетити многие святостию прославленные места; зрети же и описати различные страны и грады, изрядная здания и преславные монастыри, пустыни, скиты, церковные чины, жития и деяния народов, мною зримых; пачеже знаменитых мужей, и инья достопамятныя и достохвальныя вещи, обаче сподоби мя премудрый вселенныя Зиждитель! Сего ради вся сия, яже видех, не в собственное тщеславие, но в славу и благодарствие Божие и в пользу чтущим и слышащим предлагаю zde».

* * *

В церковной учительной литературе отражение темы «Россия и Запад», по вполне понятным причинам, оставалось также практически не разработанным в нашей науке.

Начало 40-х годов XVIII века — один из наиболее значительных периодов в развитии церковного проповедничества в России. В петровское время публиковались только панегирики (торжественные слова и поучения), прославлявшие деяния Петра-реформатора, в числе излюбленных авторов был Феофан Прокопович. Проповеди и поучения, в которых отношение к петровским нововведениям и его увлечениям всем западноевропейским было сдержанным или даже критичным, замалчивались.

Глухие года царствования Анны Иоанновны, с «бироновщиной» и внутренним немецким засильем и физическим насилием над русским человеком, — время горьких молчаливых размышлений о судьбах нации и национальной культуры: как сохранить «себя» и «свое».

Со вступлением Елизаветы Петровны на русский престол, которая «избавила Россию от врагов внутренних и сокровенных», церковная проповедь переживает разительный подъем. Выдающиеся церковные ораторы, «молчаливики» аннинского времени, с душевной болью говорят о прошлом и с предельной откровенностью о насущном: о единении и защите национальной культуры, о спасении русской учености, о физическом сохранении нации. Их речи становятся доступнее, яснее, в них используется минимум словесных «фигур», но при этом они сохраняют предельную эмоциональную напряженность, воздействующую и поныне на читателя:

«Мужественнейшаго было тебе сердца, видети в своем дому истинном родительском, рабов; паче же рещи пленников, еще же иностранных и худороднейших водворяющихся и уже водворившихся, и от них должной чести, Повелителем надлежащей не получати, но противное и уничтожение, и посмеяние имети. О плачу! О слез неутолимых! О жалю безмернаго! Получили время злохитреннии и коварнии врази, како бы им отмстити России победы преславнии над ними, и рукою крепкою, и мышцею высокою, и оружием Российским покорение их, и иных множайших избиение праведное, и стран, и градов взятие, и Отечеству своему присовокупление» (Маркелл (Радышев-

ский), епископ Карельский. «Слово на День Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, говоренное 26 декабря 1741 года»).

В церковной проповеди этого периода выделяется несколько тем.

Переосмыслиется личность Петра и его деяния, погранные в аннинское десятилетие. Амвросий Юшкевич вопрошает: «Кто ж нас так скоро переменил и сделал мужественными? ПЕТР ВЕЛИКИЙ. Чья рука укрепила нас? ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Кем мы ныне славны, честны, учены? ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ. Кто нас научил ходить, жить, кушать, воевать, по морю плавать? ПЕТР ВЕЛИКИЙ.

А как же мы за толикакая Его сысканная нам сокровища благодарни Ему явились?»

Пришло было до того, чтоб и имя Его в нас не помянулось и наследие за край света изгнанно таскалось и плакало.

Удивляется надобно воистинну толикому нашему неблагодарству. Все иностранные государства дела ПЕТРА ВЕЛИКАГО прославляют, житие Его чудесное описывают и чтут с великим удивлением, и из уст своих не выпускают.

Воистинну может ПЕТР ВЕЛИКИЙ всегда на нас праведно пред Богом жаловаться, и говорить оная слова Божия выше от нас помянутая: “сыны родих и вознесох, сии же отвергошася мене”.

“Родих” — ибо из бечестных, сотворих славными; из малодушных — мужественными; из боязливых — победительными. “Вознесох”, ибо прославих многими победами, кавалериами и прочиими превысокими достоинствами. А они за сия отrekliсь Мене, и дела, и труды Моя неусыпныя ни во что поставили...» («Слово в день чудеснаго на Родительский Всероссийский престол Ея Императорскаго Величества возшествия Елизавети Первья ... проповеданное ... в придворной Е.И.В. Церкви. В Санкт-Петербурге ноября 25 дня 1743 года»).

Кирилл Флоринский вторит: «...мы чрез десятилетие и более нечувственная дрeвеса бeхом, не примечая — како созревшее сильное семя Петрово; запамyтовали были, коим образом

ПЕТР ВЕЛИКИЙ обрет нас подобных древу лесному, криву, суковату, дебелу, ожестелу, неотесанну, ни на какво дело неудобну, своима рукама коль в красные статуи переделал, да еще и не бездушные...

О пречудная вещь! возрасте Семя Петрово подобно зерну горушну Евангельскому, под его же ветвями нам Россианом отраду и прохладжение давно надлежало быть прияти; но мы отягчены всеми наругательствы, страждуще гоними, гоними и мучими, мучими и вяжеми, вяжеми и уязвляеми, Отечества и правоверия лишаеми, дремлюще благолиственнаго сего не видехом древа...» («Слово в высокаторжественный день Рождения Ея Императорскаго Величества ... Елисаветы Первья ... проповеданное ... в Успенском соборе в Москве 1741 года декабря 18 дня»).

О Петре вспоминают как о благодетеле Отечества, после пережитого унижения «бионовщиной» и оскорбления национальных чувств:

«Древо сие не всяко плотоядные, но человекаяды птицы, Остерман и Минних со своим стадищем начали были чрез двонадесятолетие беспокоивавшие сеци и терзати; обаче мы дремлюще ни видехом, ниже чувствовахом, донележе само сие сильное Семя нзс не пригласи спящих: “Доколе дремлите; доколе страждати имате; под сению и листвием моим бедами изможденни препокойтеся Россианы. И Мене весте, Кто есмь и Отца, его же вы сами Отца Отечества нарекосте...”» (Кирилл Флоринский. «Слово в высокаторжественный день Рождения Ея Императорскаго Величества ... Елисаветы Первья ... проповеданное ... в Успенском соборе в Москве 1741 года декабря 18 дня»).

Отношение к иностранцам приобретает весьма болезненный аспект — ведь большинство влиятельных политиков при Анне были немцы: «Доселе дремахом, а ныне увидехом, что Остерман и Минних с своим сонмищем влезли в Россию, яко эмиссарии диавольскийи, им же попустившу Богу, богатство, слава и честь желанная приключишася: сия бо им обетова сатана, да под видом министерства и вернаго услужения государству Российскому, еже первейшее и дражайшее всего в России правове-

рие и благочестие не точию превратят, но и из кореня истребят...» (Кирилл Флоринский. «Слово в высокаторжественный день Рождения Ея Императорскаго Величества ... Елисаветы Первья ... проповеданное ... в Успенском соборе в Москве 1741 года декабря 18 дня»).

Само аннинское десятилетие воспринимается как иностранное засилье и владычество: «...явились, распростертыя сети на вся воинство и державу Российскую» (Маркелл Радышевский).

Амвросий Юшкевич, рассуждая об иноземцах, захвативших власть, ищет корни и исследует последствия этой национальной напасти: «Сие и самый последний ведать может, что как болезнь внутренняя есть тягчайшая и опаснейшая, так и враг внутренний и сокровенный есть страшнейший. Но такие-то все были враги наши, которые, под видом будто верности, Отечество наше разоряли. И смотри, какую диавол дал им придумать хитрость. Во-первых, на благочестие и веру нашу православную наступили; но таким образом и претекстом, будто они не веру, но непотребное и весьма вредительное христианству суеверие искореняют» («Слово в день рождения Императрицы Елизаветы», 1741).

При этом церковные проповедники никогда не смешивают тех достойных уважения иноземцев, кто честно служит благу России, с теми, которые смотрят на Россию лишь как на средство личного обогащения:

«...приедет какой-нибудь человек иностранный незнаемый (не говорю о честных и знатных персонах, которыя по заслугам своим в России всякия чести достойны, но о тех, которые еще в России никогда не бывали и никаких заслуг ей не показали); такого, говорю я, новаго гостя, ежели они усмотрят, что он к их совести угоден будет, то хотя бы и не знал ничего, хотя б не умел трех перечесть, но за то одно, что он иноземец, а наипаче, что их совести нравен, минув достойных и заслуженных людей российских, надобно произвесть в президенты, в советники, в штабы и жалования определить многия тысячи. И такой-то совести были оные внутренние враги наши! такой-то сатанинской

верности! Многим казалось, что они верно служат, воюют за церковь Христову, подвизаются за Отечество; а они таким образом приводили Россию в безсилie, в нищету и в крайнее разорение. Таким они сами оказали себя, когда все свои сокровища, все богатства, в России неправдою нажитыя, вон из России за море высылали, и тамо иные в банки, иные на проценты многие миллионы полагали» (Амвросий Юшкевич. Из «Слова в день рождения Императрицы Елизаветы», 1741).

Царствование Анны Иоанновны — это и страшные годы бесчеловечного уничтожения русских людей «внутренними врагами», правящими чужестранцами:

«Вспомните себе только недавно минувшую войну турецкую: сколько они без всякой баталии и сражения старых солдат гладом поморили, сколько в степях жаждою умертвили, да сколько ж сот тысяч церковников и других рекрут перебрали! А все они, почти напрасно, для одной только их добычи и суетной корысти, головы свои положили, но те все то делали притворно, под образом верности. Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою к России верность и доброжелательство, но лгали безсовестно на свою душу: ибо ежели бы они были прямые Отечеству доброхоты, так ли бы нарочно людей наших на явную смерть посылали, так ли бы только тенью, только телом здесь, а сердцем и душою вне России пребывали?» (Амвросий Юшкевич. «Слово в день рождения Императрицы Елизаветы», 1741).

Совсем иное было отношение «отца Отечества», Петра Великого, к своим «сынам». Он рачительно заботился о сбережении народа, утверждает проповедник Амвросий Юшкевич. Вспомним, о том же писал светский поэт М.В.Ломоносов:

«Что всеу добрых Мне, — сказал, — сынов губить?
Голицыну спеша велите отступить».
Примером показал Монарх наш, что Герои
Не радостию чтут кровопролитны бои;
И славных над врагом прибыточных побед
Покрытый трупами всегда прискорбен след.

(«Петр Великий. Героическая поэма»).

Утверждение национального достоинства проповедники видят не только в сокрушении врагов «внутренних», но и внешних, в особой роли России в международной политике, примером для них служит петровская эпоха:

«...ежели бы они прежде объявления войны Петрово наследие на престоле видели, никогда бы в войну с Россиею вступить не дерзнули, понеже довольно на многих местах сердца и великодушия Петрова отведали, который даже донныне толиким страхом сердца их колеблет, что не токмо имени ЕГО...

...дабы им и от страха оружия Петра Великого спастись возможно было, и впредь могли б жить в вечном от россиян безопасности, имея в том твердую надежду, что кровь и фамилия Петрова будет оных содержать в соседной дружбе и любви неприменной.

И сколь крепчайшим с домом Петровым соединятся союзом, столько надежнейший мир, тишина и согласие с Россиею вечно будет пребывать. Все же причины к разорванию вечного мира пресечены будут, и места своего впредь к тому во веки не обрящут» (Амвросий Юшкевич. «Слово в день торжественного Всещедрому Господу Богу принесенного третьего благодарения о состоявшемся вечном между Империею Российскою и Короною шведскою мире ... в Москве в Соборной Успенской Церкви. 1744»).

Амвросий Юшкевич, как и М.В.Ломоносов, сбережение нации, и своей, и чужих, и благополучие и России, и Запада видит в вечном мире между народами:

«И в том-то есть твое самое наибольшее, О РОССИЕ, благополучие, когда не токмо мир в оружии твоём имеешь с короною шведскою, но и мыслию, и сердцем вечно с оною соединена пребываешь. Которое заключение вечного мира, по свидетельству премудраго Сократа, есть весьма надежное. Ибо государство, — глаголет он, — не столько силою военною, не столько стенами каменными, крепостями и замками стоит и утверждается, сколько дружеством, приязнию, любовию и сродством хранимо в безопасности и доброй надежде всегда пребывает. Кто убо не видит, что такое весьма благополучное произведе-

ние войны, и сие толь крепкое заключение вечнаго мира есть дело и чудо Божие...» («Слово в день торжественнаго Всещедрому Господу Богу принесеннаго третьяго благодарения о состоявшемся вечном между Имперіею Россійскою и Короною шведскою мире ... в Москве в Соборной Успенской Церкви. 1744»).

* * *

Русские середины XVIII столетия с жадным вниманием вслушивались в вести из Европы или Нового Света. В 1755 году катастрофическое землетрясение стерло с лица земли Лиссабон. Этому трагическому событию посвящена замечательная проповедь придворнаго проповедника императрицы Елизаветы Гедеона Криновскаго:

«В толь краткое время толь многия зло пострадали государства. Там видим разверзающуюся и страшный с шумом пламень из недр своих испущающую землю; там море необычно разливающееся и поглощающее народа множество; там прекрасныя грады в страшныя превращены пустыни; там превысокия горы в глубокия рвы и долины сотворшиися; там многия тысящи человек живых погребенных; там полумертвых без пищи, без покрова ужасно воплящих».

«И что ж сие, слышатели? Какого вы разсуждения о таких ведомостях? Не хотите ли все то приписать Naturе?», — спрашивает он, желая понять, что это — роковая случайность или Божеский гнев:

«Но для чего ж, вопрошаю, не прежде, но в сие самое время, не в иных, но в сих самых частях земли произвела такое действие Natura!? Не скажет ли кто, что все то сделалось случаем? Случаем один город уцелел, другой развалился; случаем те люди спаслись, другіе погибли; случаем Португалия, Гишпанія, Франция и многия Немецкия и другія различныя земли подпали сему злу. А мы, например, Россианы ни труса земли, ни восхождения необычнаго воды не чувствовали? Но где ж будем девать оное слово Христово, что ни влас главы нашей без воли Отца небеснаго не погибает (Матф. X, 30;

Лук. XII, 7), ежели случаем столько душ пропало? Нет, слышатели! не естество, но естества Творец, творяй в нас добро и зиждяй зло, по писанию (Исайи XLV, 7), главною всем сим неприятным событиям есть причиною. Он естество содержит в своем послушании и полагает, какие хочет, ему пределы; Он и сделал ныне, чтоб оно, оставя прежний свой порядок на сие время, новый и ужасный вид на себе принял;

Я не смею испытывать совершенно, что единому Богу известно; но только хочу сказать, что все сие сделано ради того, чтоб утратить нас грешных и отвести от беззаконий наших, которые так сильно укоренились и разумножились в нас, что, кажется, вси прошедшие веки в том уступить настоящим должны. Но надобно мне наперед вас уверить, что грехи наши подали причину, чтобы такая зла навел Бог на землю» («Слово о случившемся 1755 году в Европе и Африке ужасном трясении»).

Совершенно бесстрастно сообщили о землетрясении в Лиссабоне «Санкт-Петербургские ведомости» от 12 декабря 1755 г.: «Почти все дома и церквы в городе развалились, и что еще осталось от потрясения, пожирает огонь, распространившейся по всему городу...»

В этой же газете, от 2 января 1756 г., добавлены подробности случившегося, описанные очевидцем, где речь идет лишь о материальных разрушениях и потерях, нет ни слова ни о нравственном потрясении людей, ни даже о человеческих жертвах: «Удары трясения продолжались и производили ужасный вид. Земля расселась в верхней части города... Во всей Лиссабоне ни одного строения цела не осталось; почти все дома упали, и ни одного нет жилого... Спустя несколько часов после трясения земли зделался жестокий пожар, которой несколько дней продолжался, и все пожрал, что осталось из имения и что бы еще из под развалин спасти было можно. К сему второму злоключению присовокупилась третья беда, а именно: великое множество безбожных воров и разбойников, которые грабили и похищали то, что от огня уцелело... Одним словом, богатой и сильной город Лиссабон погиб, и остались токмо развалины».

В 1728—1762 годах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», фрагменты из статей которых мы публикуем, были чисто информационными изданиями. Основу их составляли переводные материалы, заимствованные из европейской прессы.

Но нередко в газетах помещались и «партикулярные письма» собственных корреспондентов, а то и просто сообщения, основанные на слухах, как это: «Из Руена пишут, что почти все тамошние жители 12-летнюю некотораго купецкаго человека девку видеть желают, которая околдована и из тела оной собачии, кошечии, овечии и попугаев голоса, как объявляют, весьма ясно слышать можно» («Санкт-Петербургские ведомости» от 16 декабря 1729 г.).

Публику развлекали не только разными небылицами, но и вполне реальными курьезами заграничной жизни. «На прошедших днях погребена здесь знаемая Мария Давис, которая в последней Фландрийской войне салдатом служила и от того времени такожде всегда салдатское жалованье получала, с обыкновенными церемониями по салдатскому обыкновению, таким образом, что 6 гренадиров гроб, и 6 сержантов нагробный покров при великом множестве салдат несли», — сообщали из Лондона «Санкт-Петербургские ведомости» от 19 августа 1729 г.

Страшили читателей чужеземными криминальными хрониками: «Убийства и грабежи здесь весьма умножились, и почти ни одного дня не проходит, в которой бы не находили на улицах убитых людей. Прошлаго вторника некоторой женщине пред ея дверми отсекли голову и руки. Таких злодеев поймано уже до 12 человек, которые по большей части в абатское платье наряжаются. Между прочими собралась и такая артель, которая называется фонтанж, и состоит из бездельных женок, которыя непотребным житием более питаться не могут». Писали об ужасах Парижа «Санкт-Петербургские ведомости» от 8 ноября 1744 г.

О суровости немецких нравов сообщали «Санкт-Петербургские ведомости» от 18 ноября 1731 г. из Вены: «Из Трира

выгнана при сечении хлыстами публично в первых числах прошедшего октября месяца женщина Мария Клара Каркин, которая себя за рожденную графиню фон Вурмбранд и супругу графа фон Вартенслебена фалшиво объявляла, по том положено ей на лбу пятно безчестных при таком запрещении, чтоб ей впредь в сем архиепископстве никогда не являтся».

В целом информативность русских газет середины XVIII в. была довольно высокой — их читатели были в курсе всех основных и многих частных событий в Европе, Азии и даже в экзотической Америке.

Очень популярной была «индейская» тема: «В середине сей земли находится много американских народов, которых агличане и французы обыкновенно употребляют к причинению между собою всяких беспокойств, и сторону агличан держат Ирокои, а французскую Гуроны. Ирокои значит “изрядных людей”, и они в самом деле есть военные люди, которых французы наиболее опасаются. Гуроны в военное время едят человеческое мясо, а в мирное кормятся ловлею и рыбою. Диких народов весьма много, которые занимают большую половину Канады, и на одного европейца считается почти тысяча диких. Впрочем живут они между собою несогласно и в рассеянии, и всегда между собою дерутся» («Известие о нынешних Аглинских и Французских селениях в Америке». «Санкт-Петербургские ведомости» от 27 ноября 1750 г.).

Познавательный интерес читающей публики должны были удовлетворить прежде всех «новости культуры», которые чаще носили не просветительский, а сенсационный характер.

О философском диспуте в Болонии писали «Санкт-Петербургские ведомости» от 9 июля 1751 г.: «Девушка Христина Роккати, родом из Ровига, диспутовав уже прошлаго года в своем отечестве публично о философии, приехала на сих днях сюда, для такоуж показания опытов своего искусства, и как по сем славным профессорам Цаноттию и Бекканию приказано было ея экзаменовать, то признали ея за весьма достойную, и так без всякаго медления дан был ей публично Докторский чин с общею похвалою».

Ошеломляющую новость «о жертве искусства» сообщали «Санкт-Петербургские ведомости» от 14 января 1752 г. из Мангейма: «Один из наилучших наших комедиантов на Французском театре, именем Бисси, которой часто с похвалою представлял печальные действия прежних героев, по развращенному и слепому великодушию живота самих себя лишивших, ныне в правду предал себя смерти. Неможно сказать, меланхолия ли, или другая какая тому причина была; но сие известно, что он бесчеловечным образом исколол себя ножем».

«Санкт-Петербургские ведомости» от 14 октября 1757 г. поучительно извещали об аутодафе в Париже над литературными произведениями вольного содержания и о наказании их сочинителей: «Из парламента опубликован указ, по силе котораго велено разных партикулярных людей, иных сослать на галеры, других из государства выгнать, а еще иных другими штрафами наказать. Причина сего наказания происходит от того, что они отважились тайно сочинять богопротивныя и соблазнительныя книжки, и напечатав, в народ пускать. Говорят, что по силе онаго указа публично на площади палачем сожжены быть имеют два сочинения, из которых одно имеет титул “Поэма”, а другое “Пюселль д’Орлеан”, т.е. “девка Орлеанская”».

Газеты в то время не ставили перед собой идеологических задач, они отражали хронику международной жизни, учитывая в первую очередь познавательный интерес читателей. Статьи из «Санкт-Петербургских ведомостей» и из «Московских ведомостей», представленные в нашей антологии, можно отнести к жанру публицистики, анонимной (чаще всего) и фактографически-бесстрастной.

* * *

В русской литературе середины XVIII века соседствовало несколько эстетических пластов, отличавшихся своим стилем, языком и подходом к художественной форме и теме произведения, регулируемых разными законами, в том числе и жанровыми. Не была едина и новая светская литература. (Мы надеемся, что эстетическое путешествие по историческим лабиринтам

нашей антологии, неизменно сопряженное с разгадыванием и постижением духовных пространств эпохи, убедит читателя в этом.) Но у всех этих различных до несовместимости художественных сфер был часто общий читатель.

Этот разнообразный мир искусства не стоял на месте — он менялся со временем, порой на протяжении жизни одного поколения. (Тредиаковский и его эстетические взгляды.) В отличие от петровской эпохи, литературная эволюция во второй трети XVIII века проходила достаточно органично, неизменно следуя за стремительными изменениями и в общественных отношениях того времени, и во всей русской культуре, которые неизбежно должны были произойти вслед за европеизацией России и секуляризацией ее культуры. Они были вызваны необходимостью, по словам философа И.Ильина, «дать русскому сознанию свободу светского, исследовательского взирания на мир, с тем, чтобы сила русской веры установила в дальнейшем новый синтез между православным Христианством, с одной стороны, и светской цивилизацией и культурой — с другой стороны»¹.

Сущность сложного становления культуры России XVIII века, во все периоды, была заключена в напряжении между культурой России как целым и ее европейским контекстом, которые явились предпосылками стремительности ее развития. Антитеза «своего» — «западному» играла в литературной эволюции значительную роль. Тема «Россия и Запад» была по-прежнему злободневна в русской словесности и в послепетровский период. Она опиралась в значительной степени на европейское духовное пространство в прошлом и настоящем (у большинства новых светских писателей) или на жизненный опыт познания западного мира во всей его многозначности. Эти писатели постигали, воспринимая с новой глубиной, понятие «современность» как одновременность времен, синхронность настоящего, прошлого и будущего, когда род человеческий — это ты сам,

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. С. 286–287.

являющийся каждым из тех, кто жил, кто живет и будет жить. Не в отчуждении от культурного опыта человечества, а в единении с ним выработалась национальная оригинальность русской литературы. Во второй половине XVIII века начинается национальное духовное пробуждение — возврат к национальным истокам, открытие новых русских путей — обретение новых кругозоров нашей словесностью.

Н.Д.Блудилина

Антиох Кантемир и западноевропейская культура

Общая характеристика

Русский поэт Антиох Дмитриевич Кантемир (1709—1744) — яркая личность русского Просвещения. Исследование большого количества неизвестных до сих пор писем и документов с учетом уже опубликованных материалов дают возможность получить довольно полное представление о связях А.Д.Кантемира с западноевропейской культурой: литературой, искусством, наукой, о его знакомствах в европейской культурной среде, более полно установить, каковы были суждения поэта о тех или иных общественных, политических и культурных явлениях западноевропейского мира.

Начало интереса А.Д.Кантемира к европейской культуре было положено его воспитанием и общением в молодости с европейски образованными людьми в России.

Уже в доме родителей молодой Антиох изучал греческий и итальянский языки под руководством грека Кондиоди до 1721 г., а у русского учителя Ильинского с 1716—1725 гг. — русский и латинский языки. В 1718 г. Кантемир посещал греко-латинско-славянскую академию.

Юного Антиоха с 1715—1718 гг. также воспитывал секретарь его отца немец И.Фокеродт, который помогал Д.Кантемиру, отцу поэта, в работе над «Историей Османской империи». Задолго до Ломоносова Фокеродт, усердно штудировавший русскую историю и собиравший соответствующие рукописи и документы на русском языке, высказывался в письмах к петербургскому ученому Т.С.Байеру (автору биографии Д.Кантеми-

А.Д.Кантемир

ра) против «норманской теории», которой тот истово придерживался (сохранились письма Фокеродта, отражающие споры этих мужей о русской истории). Со своим бывшим учеником Фокеродт долго впоследствии поддерживал контакты.

Продолжил А.Кантемир учебу в открытой в 1725 г. Петербургской академии наук. Здесь он познакомился с профессором Г.З.Байером.

У профессора Х.Гросса молодой Кантемир брал частные уроки по философии морали в Петербурге. Эти занятия сыграли важную роль в формировании мировоззрения русского поэта, его интереса к европейскому Просвещению (сохранились

письма Х.Гросса к Г.Байеру, касающиеся взаимосвязей русской и европейской культур).

Общение поэта с европейски образованными кругами в России усиливало его интерес к иностранным изданиям (до 1725 г. лишь немногие европейские книги выходили в русских переводах). Это подтверждается дневниковыми записями украинца Петра Апостола, большого почитателя французской и итальянской литератур, поддерживавшего тесное знакомство с молодым А.Кантемиром в Петербурге в 1725—1727 гг.

Кантемиру, благодаря знаниям языков, были доступны в оригинале многие памятники мировой литературы. Если сначала он был увлечен античной литературой, судя по его сатирам, то после 1725 г. он перешел к чтению современных западноевропейских авторов. В эти годы он усиленно пополняет свою библиотеку иностранными авторами, прежде всего французскими, и наряду с трудами по истории большое место занимает беллетристика и учебники.

Интерес Кантемира к научно-популярной литературе европейского Просвещения особо проявился в его увлечении Фонтенелем: в 1730 г. он перевел его знаменитое сочинение «Рассуждение о множестве миров».

Аббат Жюбе, живший в России с 1728—1730 гг., пробудил у поэта серьезный интерес к переводам с французского. В 1726 г. Кантемир перевел «Письма сицилийца» Марана. Именно французы были образцом для Кантемира, Долгое время его литературным идеалом оставались сатиры Буало. Он их переводил на русский в 1726—1728 гг.

Но, несмотря на такую приверженность к западноевропейской культуре, Кантемир, в отличие от своего друга Вешнякова, сторонился попыток яansenистских священников обратить его в католичество и до конца своих дней оставался православным.

А.Кантемир в молодые годы был близок также и к русским просвещенным кругам, группировавшимся вокруг архиепископа Феофана Прокоповича, что способствовало формированию его национального сознания в духе петровских преобразований. В 1730-е гг. Кантемир вращался и в окружении Артемия Во-

лынского, который отстаивал национальные интересы. Как истинный патриот, он был на стороне дочери Петра I Елизаветы, выступал против засилия иностранцев в годы правления Анны Иоанновны.

Назначение А.Кантемира на службу за границей было прежде всего признанием заслуг и таланта молодого поэта, широты его образования, полезности его связей с императорской фамилией. А.Кантемир считался одной из важнейших фигур в тогдашней политической элите.

На пути в Англию вновь назначенный дипломат завязал новые знакомства в Берлине и Гааге, которые он позднее использовал, чтобы получать из свободной от цензуры Голландии многие нужные ему произведения просветительской литературы, запрещенные в других странах.

Во время своего пребывания в Англии в 1732–1738 гг. в качестве российского посланника А.Кантемир, приверженец абсолютизма, проявил интерес к системе английской конституционной монархии: высоко оценил миролюбивую политику английского кабинета министров во главе с премьером Уолполом, заботу о правах верноподданных. Он даже решительно осудил в одном письме махинации лондонских торговцев, препятствовавших политике этого кабинета министров. А в другом — Кантемир одобрил восстание в Шотландии и меры народного возмездия против произвола правителей.

Однако он не сочувствовал тамошней свободе печати, что нашло также отражение в его письмах из Лондона. Когда же в сочинении «Московитские письма» была затронута государственная честь России, то он всячески препятствовал публикации этого пасквиля. После выхода в свет этого антирусского памфлета в 1735 г. Кантемир делает все возможное, чтобы опровергнуть клевету публично, в прессе. Совместно со своим секретарем Генрихом Гроссом (и несомненно при активном участии его брата, вышеупомянутого ученого Х.Гросса) он подготовил подробные примечания и возражения к немецкому изданию памфлета в 1738 г.: «Так называемые “Московитские письма”, или Направленные против славной русской нации и составленные

неким прибывшим с чужбины итальянцем немыслимые клеветы и тысячекратная ложь». В нашем труде впервые (после 1738 г.) публикуются фрагменты этого раритетного издания на немецком языке и в переводе.

Круг лондонских знакомых А. Кантемира составляли в первую очередь итальянские дипломаты, аккредитованные при английском дворе (с одним из них, с Гастальди, поэт, и переехав в Париж, продолжил общение, но уже в письмах) — в то время Кантемир живо интересовался итальянской культурой и превосходно изучил итальянский язык. После 1735 г. он основал камерный клуб, в который входило шесть-семь человек его близких друзей. На встречах членов этого клуба, во время застолья, шли поэтические споры и произносились речи на манер Французской академии.

В Англии русский посланник совершенствовал свои знания в итальянском языке у придворного поэта Паоли Ролли. Вращаясь в кругу итальянских дипломатов и художников, он познакомился с Альгаротти и перевел на русский язык (при полном одобрении автора) его книгу «Ньютонизм для дам». Кантемир помог своими рекомендательными письмами совершить Альгаротти поездку в Россию. Дружба с итальянским художником Амикони подогрела интерес Кантемира к итальянской живописи.

С итальянским театром Кантемир познакомился еще в России. В Лондоне же он стал поклонником итальянской оперы. К этому следует добавить и факт личного знакомства с итальянской певицей Бертолли.

Кантемир принадлежал и к числу поклонников Генделя. Он участвовал в подписке в поддержку постановки оперы Генделя «Праздник Александра» в собственном театре Генделя.

В общении с англичанами Кантемиру мешало недостаточное знание английского языка. Поэтому и в его личной библиотеке немного книг на английском языке. С наиболее значительными произведениями английского Просвещения он познакомился по их французским переводам. Через переводы Мандевиля, Во-

ллестоунза, Кларка и др. Кантемир познакомился с понятием «естественная религия» и с деизмом.

Питая пристрастие к сатирам и произведениям моралистического содержания: Стила, Аддисона, Свифта, Болингброка, — Кантемир интересовался и английскими поэтами-классицистами, продолжал изучать античных авторов (в первую очередь, римских) — по латинским оригиналам и французским комментариям к ним, которые он использовал при переводах Горация, Юстина, Анакреона.

В Лондоне Кантемир приобрел важнейшие сочинения итальянских писателей. Он часто получал книги прямо из Италии.

Перед тем, как окончательно перебраться в Париж после своего назначения посланником к французскому двору, Кантемир предпринял ознакомительную поездку во Францию с рекомендательными письмами лондонских друзей, чтобы завязать в Париже нужные связи. Он доброжелательно был встречен писателями Ле Бланком, Луиджи Риккобони.

В отличие от лондонской, парижская пора жизни Кантемира доставила ему много забот и огорчений. Правительство Людовика XV и кардинала-министра Флёри было настроено по отношению к русскому послу недружелюбно, что отражало весьма натянутые дипломатические отношения между Россией и Францией в то время. Кантемира поразили контрасты французской жизни: роскошь и распущенность нравов, царившие при дворе, — нищета и голод простого населения. Об этом он писал в своих письмах из Парижа.

Дороговизна в Париже создавала Кантемиру дополнительные финансовые трудности, т.к. российское правительство деньги отпускало своему посланнику весьма скудно.

В числе парижских знакомых Кантемира были: маркиза Монконсей, герцогиня д'Эгийон (в салонах которых он бывал постоянно), кардинал Полиньяк, писатель Монтескье, аббат Гауско, ученый Мопертюи (благодаря которому Кантемир познакомился с Вольтером).

К фернейскому патриарху Кантемир сначала проявил мало интереса. Но когда Вольтер занялся историей и заинтересовал-

ся трудом Д.Кантемира по истории Османской империи, между Вольтером и А.Кантемиром завязалась переписка, в ходе которой Вольтер попросил отрецензировать полученные от Фокеродта материалы по России. Сочинения Вольтера со временем нашли также место в библиотеке Кантемира — что, конечно, является «знаковым» событием, ибо русский поэт очень тщательно подбирал свою библиотеку, и случайных книг там не было.

Заметим, что очень высокое мнение об эрудиции Кантемира имел выдающийся математик Леонард Эйлер.

Французскую оперу Кантемир не любил. В Париже он слушал преимущественно итальянскую музыку. Об этом свидетельствуют его письма об итальянском дирижере Антонио Дуни и итальянской певице Барберите Кампанини.

Но Кантемир интересовался реформой французского театра. Он был близко знаком с театральным теоретиком Луиджи Риккони и создателем «слезной комедии» Нивелем де Ла Шоссе. Бывали и другие поводы для знакомства с деятелями французской сцены. Кантемир как посол добился запрета постановки пьесы Пьера де Морана «Меншиков» антирусской направленности.

Изучение библиотеки Кантемира показывает, что вместе с напыщенными, по моде того времени, романами, он интересовался сатирическими и дидактическими сочинениями с социально-критической тенденцией таких современных ему французских авторов, как Скаррон, Фонтенель, Реньяр, Бурсо, а также более ранних: Лесаж, Кребийон, Дюкло, Гамильтон, Прево.

Наряду с большим количеством книг по истории, у Кантемира были в большом почете иностранные книги по естествознанию и математике. Это свидетельствует, что он серьезно относился к проблемам изучения природы. Философскую основу при этом составляли труды Декарта, Ньютона, Вольфа и др.

Русский поэт с 1740 г. (в последние годы своей жизни) занялся философствованием, в результате чего был написан трактат «Письма о природе и человеке». Главным мотивом творчества Кантемира в последние годы было осмысление соб-

ственного места в жизни и в земном пути, дни которого были уже сочтены. Под конец жизни, совсем больной, преследуемый служебными неприятностями, Кантемир мечтал о бегстве из сутолоки большого города, об отшельнической жизни на природе. Похоронить он завещал себя ночью без каких-либо церемоний.

Письма Кантемира из Англии и Франции к различным иностранным корреспондентам (Сорба, Жирардону, Полиньяку, Гастальди, Вазнеру и др.) впервые в переводе публикуются в нашем труде.

Письма А.Кантемира на французском языке подготовлены к публикации по подлинникам и копиям оригиналов, которые хранятся в Архиве внешней политики Российской империи в фондах: «Сношения России с Англией» и «Парижская миссия».

Н.Д.Блудилина

Тексты

Письма Антиоха Кантемира к разным лицам из Лондона и Парижа

1

A Mr Sorba, ministre de la République de Gênes.

Monsieur,

Après que j'ai eu l'honneur de vous envoyer ma dernière, j'ai reçu par le Canal de Mr Gastaldi les deux paquets, que j'attendais de Paris. Ainsi, Mr, je vous prie, de ne vous donner plus la peine d'en faire des recherches. Vous pouvez m'obliger sensiblement dans une autre affaire, qui m'intéresse beaucoup, c'est-à-dire, de vouloir bien faire la grâce, d'acheter sur mon compte six fusils de la plus belle façon et du meilleur ouvrier de France. C'est une commission de l'Impératrice, ma Souveraine, et les fusils doivent servir pour l'usage de S. M., d'où

vous pouvez conclure, Mr, qu'ils doivent être d'une beauté parfaite et si non extrêmement magnifiques, au moins de la dernière propreté. J'espère, Mr, qu'après tant de bontés, que vous m'avez témoignées, vous ne me refuserez pas le plaisir, d'employer vos peines et votre bon goût dans cette affaire. En cas qu'on ne puisse pas trouver de pareils fusils tout faits, vous aurez la bonté, d'ordonner à les faire le plutôt possible, et en attendant il faudrait prier de ma part Mr Smerling qu'il vous procurera un Passport de l'Archiduchesse Régente pour leur libre passage jusqu'à la Haye. Et un autre du Ministère français pour le sortir du pays. L'argent, que vous dépenserez pour cet achat j'aurai soin, de vous le faire compter par Mr Tourton, correspondant de Mr l'Ambassadeur Comte Golofkin, à qui vous aurez la bonté d'adresser les dits fusils, en me faisant marquer la somme, que vous aurez déboursée. Je répète encore, qu'il n'y a affaire au monde, dans laquelle vous puissiez m'obliger plus sensiblement, et je vous prie, Mr, d'être persuadé que je ne manquerai point d'occasion pour vous témoigner ma reconnaissance et la parfaite estime avec laquelle j'ai l'honneur d'être &.

2

4. Oct. 1736, à Mr Sorba.

Mons.,

A mon avis ce ne sont pas elles, les dîners et les grandes fêtes, qui nous donnent de preuves de l'amitié: j'estime ce cœur ouvert, cet accueil gracieux et cette liberté d'entrer et sortir dans la maison comme dans celle d'un ami sincère. J'ai eu tout ceci chez vous et que pourrai-je donc prétendre davantage? Ainsi, Monsieur, usez de modestie autant, qu'il vous plaît, je n'oublierai jamais les obligations, que j'ai à vous et à Mad. Sorba et j'embrasserai toutes les occasions pour vous en témoigner ma reconnaissance. Je vous dois à tous les deux mille remerciements de la part, que vous prenez à mon mal des yeux. Ils sont encore assez incommodés, mais pas tant, qu'à Paris, puisque les fluxions ne sont pas de longue durée, et que le matin ils se trouvent beaucoup plus dégagés, qu'ils étaient. De sorte que j'espère par l'intercession du M. Gendron, de parvenir à la parfaite guérison. Si je

serais si heureux, je devrais être réellement satisfait de mon voyage de Paris pour m'avoir procuré votre connaissance et la santé. Si j'y avois resté encore trois jours j'aurais eu le plaisir, d'être jusqu'à cette heure avec vous; car j'ai reçu depuis de ma Cour beaucoup de commissions de l'espèce dont je vous ai supplié par ma dernière, et il fallait y rester, pour les exécuter. J'espère que vous n'avez pas oublié les fusils, et que vous me ferez l'honneur, de m'en donner des nouvelles le plutôt. J'ai bien reçu toutes les lettres, que j'attendais de Paris, comme j'ai eu l'honneur, de vous marquer par ma dernière.

Cependant je ne vous suis pas moins obligé de la peine, que vous vous êtes donné pour les chercher. Voici tout ce que j'avais à vous dire, Mrs., en réponse à vos deux lettres du 2 et 8 oct. Je voudrais pouvoir vous donner quelques nouvelles de ce pays-ci, pour rendre mes lettres plus intéressantes; mais par malheur ou bonheur, tout comme il vous plaira, il ne se passe rien ici de remarquable, excepté le tumulte d'Écosse dont on a grand tort de faire une affaire. La populace avait envie de pendre le Capitaine, elle l'a pendu, et ne cherche rien plus, de sorte qu'il n'y a que le pauvre Capitaine, qui a perdu, cependant la Cour veut châtier les auteurs de cette nouvelle espèce de judicature; on y envoie des troupes, et les officiers, qui les commandent part l'un après l'autre pour Edinbourg. L'act contre les liqueurs fortes a aussi fait un peu de bruit dans notre ville, où il y a infiniment des ivrognes, qui ont tous pris le deuil, mais une bonne garde distribuée dans tous les quartiers, en a empêché les conséquences, et déjà les baretiers commencent à changer tranquillement de métier.

Monsieur Gonzala et Emmanuel, Ministre de Portugale qui devait passer en Hollande, à la place de Monsieur Dacunha est encore ici, et peut-être prendra-t-il celle de Mr Azevedo. Mr Farinelli arriva hier au soir, gros et gras et fort satisfait de vos politesses. Je suis avec toute la considération et estime imaginable &.

3

le 11/22 oct. 1736, Mrs. Sorba à Paris.

Monsieur,

Je vous rends mille très humbles grâces de la peine, que vous vous

Handwritten header text, likely a title or recipient name.

Vertical handwritten notes on the left margin, possibly indicating the source or date of the document.

Main body of handwritten text in a cursive script, containing the primary message or list.

1734. 10. 28

Handwritten signature or name at the bottom right of the page.

А.Д.Кантемир. Первая страница рукописи писем из Англии (автограф, 1734)

êtes donné en conséquence de ma lettre pour les fusils, et je ne manque pas, Mr, de vous envoyer ci-joint une ébauche des armes de l'Impératrice, laquelle cependant est faite à la hâte, et par conséquence ne doit servir, que pour modèle à l'ouvrier, qui aura soin, de le faire graver en relief. Le prix des fusils me paraît assez raisonnable, et il n'y a qu'à commencer à les faire, garnis d'argent et non d'acier. Il serait à souhaiter qu'il en fasse deux le plutôt possible, et d'abord, qu'ils sont achevés, vous aurez la bonté de les envoyer à l'adresse de Mr l'ambassadeur le Comte Golofkin, n'oubliant pas les passeports, et les quatre autres suivront, lors qu'ils seront finis. Je crois, que pour varier, il ne serait pas mal, que deux de six fusils ayant leur petit coussin de crain, comme vous le marquez dans votre lettre, et qu'il y en ait aussi 3 de marques avec les armes et 3 avec le chiffre. J'y ai ajouté les 3 lettres, qui forment celle de S. M. I. Vous aurez la bonté de tirer présentement de Mr Tourton 1000 livres de France, qu'il a déjà ordre de Mr le Comte Golofkin de vous remettre, et vous aurez le reste à votre premier ordre. Je ne saurais, Mr, vous exprimer l'obligation, que je vous ai dans cette affaire, et elle sera d'autant plus grande, si vous pouvez presser l'ouvrier à finir plutôt son ouvrage, me faisant l'honneur, de me croire, Mr &.

4

23 Nov., à Mr Sorba.

Monsieur,

La personne, qui aura l'honneur de vous présenter la présente, est un Gentilhomme Livonien, et par conséquent sujet de l'Impératrice, ma Souveraine. Il m'a été recommandé par Mr le Comte Golofkin, qui connaît son père, actuellement conseiller de guerre à Rigue. Je ne puis pas me louer assez de sa bonne conduite et de son humeur douce, qui est rare à la jeunesse, ce qui me fait prendre la liberté de le vous recommander, et vous prier, de lui permettre pendant son séjour à Paris de profiter de votre aimable compagnie, comme aussi de l'introduire dans quelques autres maisons, puisque je me contente de le recommander à vous seul. Je reconnaitrai, Mr, pour une obligation les

honnêtetés, que vous lui ferez, et ne remarquez pas, s'il vous plaît, ses manières un peu suédoises; car il n'a pas encore assez voyagé, je suis &.

P. S. Vous me ferez une grâce particulière, de me marquer dans un petit billet le nom de la Dame, qui était Maîtresse de l'auteur des Lettres Moscovites, et le nom de sa terre, sans ajouter rien davantage et même en l'accompagnant avec une feuille de papier sans signature, et soyez sûr, Mr, qu'il n'y aura personne, que moi, qui saura d'où vient ce billet.

5

le 6 Mars 1738.

Profitant de la permission que V. É. a bien voulu me donner, je mers d'une main étrangère, pour vous rendre mille très humbles grâces de la lettre, qu'elle m'a fait l'honneur de m'écrire du 14 fevr. et d'assurer V. É. qu'on ne saurait être plus sensible de ce que je suis aux nouvelles marques de son amitié et de sa bonté pour moi que je ferai mon possible de mériter, puisque je reconnais de ne l'avoir pas fait jusqu'à cette heure. Je ne saurais mieux faire que de suivre l'exemple de V. Ém. en me rapportant à Mad. de Monconseil sur les sentiments respectueux, que j'ai pour vous; et je ne doute point, qu'elle me rendra justice. Je dois encore des remerciements à V. Ém. sur le bon conseil, qu'il lui a plu de me donner par rapport à mes yeux. J'en ferai l'usage que je dois d'autant plus, que le changement de la saison a causé un peu d'altération dans mon mal, et que le vent froid que nous avons continuellement ici depuis un mois ne convient nullement aux fluxionnaires. Je suis fâché du reste à ne pouvoir rendre mes lettres plus intéressantes par quelques nouvelles du pays, car je suppose que V. Ém. s'embarasse peu de la politique, et pour la littérature nous sommes ici aussi mal, qu'en France, puisque les auteurs ici s'occupent à écrire des bagatelles tout comme chez vous, de sorte que je suis obligé de finir plutôt que je ne voudrais, en réitérant mes assurances de la parfaite considération et respect avec lequel je serai toute ma vie, Msgr. &.

6

le 17 août 1738, à Mr Girardon.

Pour le coup la gazette a dit la vérité, excepté encore qui regarde mon caractère; car je n'en changerai point en changeant des Cours. Le jour que je quitterai celle-ci, n'est pas encore fixé; mais je crois que ce sera au commencement de septembre, et que j'aurai par conséquent bientôt le plaisir de vous embrasser. En attendant je suis bien sensible aux offres obligeantes que vous me faites, et j'en profite volontiers vous priant de vous informer sur les articles suivantes.

1. Je voudrais avoir une maison médiocrement grande, n'importe en quelle situation: et me faudrait un bon appartement de cinq à six chambres, pour recevoir le monde et assez de logements pour les domestiques avec les courriers et remises convenables. Il serait bon et même nécessaire que la maison ait ses trumeaux et les glaces de cheminées, enchassées dans la muraille comme j'en ai vu dans beaucoup (votre) maisons. Le prix en pourrait être de 3000 francs et quelque chose de plus. Il n'est pas nécessaire d'en faire l'accord, car je voudrai auparavant la voir moi-même.

2. Vous m'aviez parlé une fois des tapisseries qu'on peut assez souvent acheter à bon prix. Vous m'obligerez infiniment d'en examiner quelques pièces de haute lice avant mon arrivée, sans cependant n'en conclure là-dessus, car il faudrait approprier à la maison.

3. J'ai besoin plus que de toute autre chose d'un bon maître d'hôtel, puisque j'étais volé ici par deux coquins que j'avais: il serait convenable pour prévenir de pareils accidents, que ce fût un homme sage et fidèle: qui puisse me donner une bonne caution pour lui et qu'entende un peu le métier de confiturier.

Voilà bien assez de commission, mais j'ai peur que vous ne vous repentirez de la permission que vous m'avez donné à vous en charger. Cependant j'ose vous assurer que vous n'obligerez pas en les exécutant un ingrat. J'embrasserai toutes les occasions pour vous donner des marques de ma reconnaissance et de la parfaite estime avec laquelle &.

7

23 sept. Baron Wasner.

Ne doutant point, que Mr le Chevalier Osorio vous ait déjà donné de mes nouvelles, je ne saurais mieux commencer ma lettre, qu'en vous remerciant très humblement de toutes les politesses et marques d'amitié que vous m'avez témoignées pendant mon séjour à Londres. J'en conserverai toute ma vie le souvenir et me ferai un devoir de mériter la continuation de votre amitié. Vous pourrez, Mr, en avoir des preuves toutes les fois que vous voudrez m'honorer de vos ordres, si vous me trouvez bon à quelque chose dans ce pays. Il est sûr, Mr, que je ne saurais me rappeler la manière agréable dont je passai mon temps en votre compagnie et celle de nos amis communs, sans regretter Londres, mais il ne faut pas dire cela à Mrs. les Français. Paris est tout dépeuplé par rapport aux vacances, et il va l'être davantage par le départ du Roi pour Fontainebleau, où tous les ministres et toute la Cour va le suivre. Je reste ici incertain de ma destinée apparemment pour m'ennuyer à mon aise. J'ai rendu votre lettre à Mr le P-ce Liechtenstein avec qui j'ai eu déjà deux conférences bien longues. Je lui trouve beaucoup de bon sens et beaucoup de vivacité, beaucoup de douceur et point de façons, de sorte que j'en suis extrêmement content. Il m'a fait mille politesses et je l'ai trouvé prévenu en ma faveur par vos lettres dont je vous suis infiniment obligé. Mr de Schmerling à qui aussi j'ai remis votre lettre, s'est informé de votre santé et je lui en ai fait rapport selon que je devais. Il ne fait que se relever d'une maladie que apparemment a été assez forte, puisque je le trouve tout abattu. Pour moi, excepté mes yeux, je me porte passablement bien, fort impatient d'avoir de vos nouvelles puisque je suis sincèrement avec toute l'estime &.

8

le 27 sept., à Mr Gastaldi.

Votre obligeante lettre du 7-me m'a été rendue avant-hier, laquelle je ne saurais assez vous remercier. Elle me fait voir que mon

absence n'a rien changé dans votre amitié pour moi. Celle que j'ai eu l'honneur de vous écrire par la dernière ordinaire vous persuadera, Mr, que mon estime pour vous est inviolable et que votre correspondance me fera grand plaisir. Vous m'en ferez un bien considérable, si vous vouliez bien me nommer mon domestique, qui a laissé ces dettes de conséquence, car il me paraît que moralement, ça est impossible: je n'en ai emmené avec moi qu'un valet de chambre et deux laquais, qui n'ont jamais été chargés à rien acheter pour moi, et contre lesquels pendant mon séjour à Londres et même dans le temps qu'on savait mon départ, personne n'est venu se plaindre, outre que le domestique de ce rang ne trouve pas ordinairement grand crédit. Vous savez mieux que moi les chicanes qu'on fait aux étrangers dans tous les pays du monde et particulièrement en Angleterre, et j'ai tout lieu de croire que ces nouvelles plaintes, après mon départ, en sont une. Si cependant le fait est certain, je ferai assurément justice ou en chassant le domestique, ou en faisant payer les dettes.

Les nouvelles de notre armée m'ont fait beaucoup de plaisir, venant d'une personne aussi peu suspecte que Milord Crawford. Elles me parvinrent fort à propos, car on débitait ici, que Mr le Cte Minich était blessé ou noyé et toute l'armée fondue. Ce n'est que depuis hier que nous allons commencer à apprendre les événements plus heureux, et on est déjà persuadé que cet homme noyé a tué 20 m[ille] turcs sur le bord du Niester. Vous ne me sauriez obliger plus sensiblement qu'en continuant à me donner des avis qui peuvent être communiqués, et je vous promets, Mr, de vous rendre la pareille avec le temps. Pour le présent, je ne suis pas encore orienté, et je ne puis vous mander pas toute nouvelle sinon que la ville est devenue bien vide par le départ de tous les ministres étrangers qui vont suivre la Cour à Fontainebleau. Le Roi y est depuis lundi, et Mr le Cardinal depuis avant-hier. Le voyage et le mauvais air de Fontainebleau a un peu altéré la santé de S. Ém., mais on ne peut dire qu'il soit malade. Milord Waldgrave tient la même conduite par rapport à l'état de Mr le Chevalier Walpole, qu'il dit tout à fait hors d'affaire après un double accès d'une fièvre tière. Je le souhaite de tout mon coeur, car je l'estime infiniment. Si vous voyez Mr Amiconi, je vous prie de lui dire que j'ai reçu les paquets qu'il m'a adressés, et que je répondrai à sa

lettre par l'ordinaire prochain. Épargnez-moi, s'il vous plaît, toutes sortes de compliments dans vos lettres. Je vous en donne l'exemple en vous envoyant celle-ci sans enveloppe. Je suis sûr de votre amitié et vous me rendrez justice d'être persuadé que c'est avec une parfaite estime et un vrai attachement que j'ai l'honneur d'être &.

P. S. Je vous prie de faire souvenir Mr le Duc de Crafton du chien qu'il m'a promis, car on l'attend ici avec impatience.

9

le 7 oct., à Mr Gastaldi.

Je vous dois réponse à deux de vos obligeantes lettres du 21 et 19 sept. que j'ai reçu avec beaucoup de plaisir dans l'espace de 3 jours. Je me confirme de plus en plus dans l'opinion que non obstant l'éloignement des lieux vous me conserverez votre amitié et si vous faites quelque cas de la mienne, vous pouvez aussi compter là-dessus. Je prends assurément comme une marque de votre attention pour moi le détail que vous me faites de toutes les impertinences que mes prétendus créanciers ont fait après mon départ, et je vous rends mille grâces des offres obligeantes que vous me faites sur ce sujet.

Cependant, Mr, je vous prie de les laisser dire tout ce qui leur bon semblera, car je m'en moque entièrement, puisque je ne serais nullement flatté d'acquérir quelque espèce de réputation parmi de pareilles gens. Je souhaiterais de tout mon cœur qu'ils portassent leurs plaintes au conseil, à ma Cour, et où ils trouveront à propos: Ce serait alors le temps de faire voir qu'ils sont tous des coquins. Mes preuves sont celles-ci: j'ai vécu à Londres 6 ans et demi, et j'ai employé bien des marchands pour le service de ma maison: il y en a parmi deux orfèvres qui m'ont fait la vaisselle, trois charbonniers, un boucher, l'homme qui fournit les chevaux, deux selliers qui m'ont fait des carosses, trois tailleurs outre trois autres qui m'ont fourni du vin, le maître de la maison, les marchands de draps, de galons et de toiles, les gens qui m'ont fourni tous les meubles et généralement tous ceux qui ont fourni la moindre chose pour ma table. Ils ont été tout payés ponctuellement, comme font foi leurs reçues que j'ai laissées entre les

mains de mon chapelain: il est vrai que les personnes qui ont fait crédit contre mon ordre et sans que j'en aie su rien à mon dernier maître d'hôtel, et le valet de chambre de Mr le Chev. Osorio qui a écrit la dite liste, sait l'argent que je remettais tous les mois au dit maître d'hôtel, n'ont pas été payés et ce sont les seuls qui pourront avoir prétendu à être payé, mais je ne crois pas qu'il se trouve un honnête homme qui puisse me condamner à le faire, car tous ceux qui fournissent dans une maison des vivres sans en informer le maître au moins une fois par an, se sont accordés avec le maître d'hôtel à le voler. De plus, Mr, le livre de ma dépense du dit maître d'hôtel qui est encore chez mon chapelain, fait voir clairement, que j'ai payé tout ce que j'ai mangé jusqu'au commencement du mois de juillet; je vous marque ceci seulement pour satisfaire à votre curiosité et à celle des honnêtes gens, car je n'ai la moindre envie de persuader les fripons qu'ils ont tort, ni leur rendre compte de ma conduite. Quant au domestique qu'on accuse après mon départ: vous me permettrez de vous réitérer que je vous ai écrit par la dernière. C'est depuis le commencement du mois de juin que j'ai publié dans le Daily Advertiser et le Daily Gazetteer mon départ en visitant tous ceux qui avaient des prétentions à apporter leurs comptes. Tous ceux qui l'ont fait, ont été payés par moi-même, et les reçues sont dans le livre surmentionné de sorte qu'il est impossible que quelques-uns de mes domestiques aient pu retenir leur paiement. En voilà assez sur cette matière.

Mr Brignoli se trouve présentement à Fontainebleau: il vous estime aussi bien que le Comte Durazzo; et je me ferai un sensible plaisir de les confirmer dans ses sentiments à votre égard. Ils ne sauront rien de ce que vous ne voulez qu'ils sachent et vous saurez tout ce que je pourrai apprendre sur l'affaire de Corse. On dit actuellement qu'il y a 3 vaisseaux de guerre d'arrivés et on soupçonne que Théodore est avec. Ce n'est peut-être qu'une conjecture. Mais ce qu'il y a de sûr est que Mr Brignoli est parti d'ici plutôt qu'il ne croyait après la reçue d'un courrier. Je ne sais pas s'il peut avancer dans sa négociation vu maladie du Cardinal. Son Ém. se porte assez bien, mais on n'est pas sûr de sa santé que d'un jour à l'autre. On dit même qu'il viendra aujourd'hui ou demain à Issy: je pars dans ce moment pour Fontainebleau, après mon retour je pourrais vous donner des nouvelles plus

positives. En attendant je vous remercie de celle que vous m'avez communiquée: J'ai eu pitié à l'article de la Lucchesina et j'ai ri à celui qui regarde Rolli. J'y reconnais l'homme qui est encore enfant à 50 ans: il lui fallt un tuteur, s'il veut faire jamais fortune. Adieu, Mr, aimez-moi comme vous faites et croyez que je serai toujours avec une parf[ait]e est[ime].

10

le 22 oct. 1738, a Mr Gastaldi.

Dans cette semaine j'ai eu l'honneur de recevoir deux de vos lettres, une du 13 et et l'autre du 16 d'oct., et avec la dernière une copie de celle de Mil. Crawford. Je suis bien sensible à toutes les marques d'amitié que vous me donnez dans les vôtres et à l'attention que vous m'avez témoigné en me communiquant celle du Milord, qui est une pièce aussi curieuse pour le style que les reflexions. Il n'est pas douteux que Mr Munich a rebroussé chemin, mais je suis bien éloigné de croire les raisons que Milord en allègue. Il me sera au moins permis d'en douter jusqu'à ce j'y en aurai reçu quelqu'avis de ma Cour. Si celle-ci ne m'en mande encore bonne, je croirai à celle du Milord. Non obstant tout cela, la lettre du Mil. a son prix, puisqu'elle détruit, entièrement toutes les fausses nouvelles qu'on a débitées ici du mauvais état de notre armée et de la perte de toute notre artillerie et de la seconde morte de Mr le Feldmaréchal Munich, qu'on fait noyer et ressusciter à plaisir. Vous ne sauriez croire combien dans cette bonne ville on est parfait à forger des nouvelles. Mr le Cardinal qui en demeure à 2 pas d'ici est fait malade, mort et en bon état tour à tour, et cela dans une seule journée. Cependant il est indubitable qu'il se porte bien, car je l'ai vu dans la semaine 3 fois, et en dernier lieu il s'est promené dans son jardin en ma présence pendant 3 quarts d'heure de suite, ce qu'ordinairement ne font pas les gens qui sont à l'extrémité. Il est vrai qu'il ne retourne pas si tôt à Fontainebleau; mais c'est parce que le Roi vient à Versailles le 8 de nov.

Mr Brignoli a resté quelques jours à Paris, et est de nouveau retourné à Fontainebleau pour solliciter le secours stipulé par votre

convention, et j'apprends de bonne parti qu'on enverra bientôt encore 4 bataillons pour les opposés au Roi Théodore, qui assurément est déjà en Corse. Ces 4 bataillons, Mr, apparemment ne feront pas plus qu'ont fait les premiers, s'ils ne sont pas plus actifs. On ne saurait douter que pour vos deux milliers promis vous aurez avec le temps les troupes stipulées; mais je ne vous répons pas du reste de l'accomplissement de la Convention parce que cela dépend beaucoup des événements. Il n'y en aura point qui puisse changer mon estime pour vous, de sorte que vous pouvez compter toujours sur les bons offices que vous me demandez auprès de votre Envoyé.

Les nouvelles que nous avons ici d'Hongrie ne sont pas à cette heure si mauvaises que vous le croyez. Belgrad n'a jamais été assiégé: Les turcs se sont retirés du Bannat, et on les croit assemblés à Nissa: il y a même des lettres qui portent un avantage des armées Imp[ériales] sans qu'on sache les circonstances. Mr Wassner, à qui je vous prie de faire mes compliments, peut-être en aura reçu des avis plus certains, car pour moi dans l'absence du P-ce Liechtenstein je n'en ai que de celles qui courent dans le corps Ministériale.

On s'imaginait ici que la réponse à la résolution des Etats Gén[éraux] sur l'affaire de Juliens et Bergue ne leur aurait pas été trop agréable, sans cependant pouvoir en donner une bonne raison. Après tout il faut croire que cette affaire ne finira pas assurément par la voie de négociation. Les querelles épineuses demandent plus que du papier pour être accomodées solidement, ce qui me fait croire que la ratification que vous attendez d'Espagne ne mettra pas encore fin aux plaintes réciproques des deux Cours, qui se sont accomodées par la convention du 29 d'août. Si vous pouvez m'en envoyer une copie, je vous en serai infiniment obligé. Vous tirez fort bien la conséquence de la grande liaison entre Mr Osorio et Mr Fitzgerald: nous remarquons une pareille ici entre les Ministres de ces deux Cours, qui apparemment ont des desseins sur l'Italie, qui échoueront certainement par l'imcompatibilité des intérêts de l'Espagne et de Sardaigne.

Le vendeur de porcelain dont Mr Scalci vous parle pourra bien jouer cette tour à sa soeur, si elle n'a pas pris les précautions nécessaires, comme je l'en avais avertie, mais je ne puis pas y porter remèdes, car ce serait moutarde après dîner.

Je voudrais bien voir le Craftsman dont vous me parlez et savoir où vous êtes avec l'Ambass[adeur], qui est en colère avec vous. Il doit assurément avoir une raison de sa façon, et c'est pourquoi qu'elle est bonne à savoir. Celui de l'Empereur m'a prié de lui faire avoir Don Quichot en espagnol de la dernière édition de Londres; ainsi je vous supplie d'en acheter un exemplaire en blanc, et en l'adressant à Mr le Pr-cc de Liechtenstein, l'envoyer à quelqu'un à Calais pour l'expédier avec le charriot de poste, et je compterai l'argent à qui vous plaira m'indiquer. Au reste je suis &.

11

A Mr Gastaldi.

Votre obligeante lettre du 27 m'a été rendue à Fontainebleau, d'où je suis retourné hier après un séjour de cinq à six jours. Vous croirez que j'en porte un sac de nouvelles, mais au lieu de cela je n'ai porté avec moi que de l'ennui. Ce pays est beau pour les chasseurs et pour ceux qui soupent et qui jouent, des bonnes qualités qui grâce à Dieu me manquent toutes les trois. Je ne saurais vous dire rien de nouveau sur les affaires de Corse outre ce que j'ai eu l'honneur de vous mander par ma dernière. J'y ajouterai seulement que votre ministre n'est pas informé lui-même de ce qui s'y passe, de sorte qu'on ne sait pas si le Sgr. Théodore y est reçu par les rebelles ou non. Dans le premier cas, les troupes françaises marcheront, et avec les temps on y enverra d'autres jusqu'au nombre de 10000 hommes, y compris celles qui y sont déjà.

La ratification dont on m'a parlé sera avec quelque restriction, et informez-vous, s'il vous plaît, au fond pour m'en donner quelque nouvelle positive; on dit même qu'il y aura besoin d'une autre méditation préalablement à celle du traité.

La nouvelle de la Comp. m'a fait rire par rapport à l'entrepreneur, et j'ai fait chercher le Craftsman qui en traite aussi bien que l'autre dont je vous avais prié. Il y a ici un café qui pourra me le fournir sans avoir obligation à Milord Waldgrave. Le Duc de Grafton m'avait promis une chienne femelle blanche et noire de la race du Roi Charles

et il m'obligerait infiniment, s'il voulait me l'envoyer. Mille remerciements pour l'envoi de la lettre à Milady Conigsly et de l'expédition du Don Quichot que vous me promettez. Vous pouvez en toute occasion dispenser de moi comme de celui qui a l'honneur &.

12

Je me doutais bien comme vous avez vu par ma pénultième que votre fonction en question ne serait pas du goût de la Cour de votre résidence, mais je voudrai en savoir au fond la cause, si vous en apprenez quelque chose, vous m'obligerez en me les communiquant tout autant que vous avez fait par le détail des difficultés déjà connues qui contiennent votre obligeante lettre du 26 d'oct.

Sur les affaires de Corse je n'ai rien de nouveau à vous mander, et je crois même que vos affaires dans ce pays-là ne sont pas en si mauvais état qu'on l'a d'abord cru, car nous apprenons aussi que votre Roi de Trèfle n'y a pas été vraiment reçu et que par conséquent les marchands qui lui ont fourni les armes dans l'espérance d'en avoir de l'huile pourront dire comme le fameux perroquet du temps d'Argupe: *Oleum et operam perdidimus*. Le proverbe convient aussi au pauvre Abbé Paretti puisqu'après avoir rendu des mauvais offices à son ami, il n'en a pas pu profiter. Il est bon de se méfier des jésuites.

Don Quichot étant de si bonne humeur arrivera toujours à temps et sera fort bien reçu, mais on le veut deshabillé parce qu'on lui prépare un habit magnifique: il suffit qu'il doit appartenir au Pr-*ce* Liechtenstein pour en espérer un tel. Car cet Ambassadeur fait ici une figure extrêmement brillante et dans 3 semaines à ce qu'on dit, il va faire son entrée qu'il doit être superbe. (Je vous conte cela pour que vous puissiez faire une comparaison avec celle que vous voyez faire à Londres par votre bon ami). Vous voyez, Mr, que si nous n'avons point de naissance du Roi à célébrer, nous avons cependant des occasions à voir de la magnificence: il est vrai que Francesina et Lucchesina en manquent, et je suis bien fâché non pas pour elles, mais pour la musique qu'elles chanteront, car la Française est trop belle pour mes oreilles. J'étais une fois à l'opéra, mais je vous promets de

n'y point retourner de ma vie au moins qu'on ne m'y tire par les cheveux. Les dames seules pourraient faire ce miracle, comme les vôtres feront celui d'entendre Francesina avec tranquillité et plaisir. Le caprice n'est pas nouveau dans le pays que vous habitez. Témoin de mariage de la soeur de Milady Albernarle. Je n'aurais de ma vie pu croire qu'elle a voulu prendre pour mari un joueur de violon, car le bon capitaine Thorez ne me paraissait pas avoir d'autre mérite, peut-être en-a-t-il de cachés que M^dme a eu raison de préférer aux extérieurs. J'ai eu dernièrement occasion d'étaler les vôtres sans cependant parler de ceux qu'on ne voit pas à Mr Brignoli qui m'a fait vos compliments, et je répéterai aussi souvent que je pourrai pour vous donner de plus des preuves de ma parfaite estime et de l'attachement avec lequel &.

13

à Mr le Chev. Osorio.

S'il y avait de votre faute à me négliger pendant plus d'un mois, je dois dire que vous savez redresser vos fautes à merveilles. Vous n'avez pas cependant besoin d'employer trois pages pour faire des excuses, car j'ai toujours cru que vous n'êtes pas capable de m'oublier, et que je ne méritais point votre silence. Votre politesse, votre esprit et la bonté de votre cœur qui me sont parfaitement bien connus, m'assuraient que vous n'êtes point changeant, et l'estime que j'ai eu toujours pour votre personne et pour votre amitié me flattaient que vous ne serez point changeant à mon égard. Comme il m'arrive très souvent à moi-même de remettre à écrire mes lettres au jour même de la poste, je m'imaginai que c'était la vraie cause que je n'en recevais point des vôtres. Il est vrai que je m'en suis plaint à Mr le Commande-Sailor, mais c'était parce que je perds trop à ne recevoir point de vos nouvelles, et vous m'auriez contenté à m'en donner sans autres formalités: Cependant, Mr, comme ces excuses ont prolongé votre lettre que je ne trouve jamais assez longue, je n'en ai pas eu moins de plaisir, et par conséquent, je n'en vous ai pas moins d'obligation. Je sais ce que c'est que d'habiter dans le chemin de tout le monde, et ce

que vous ne dites pas, je sais aussi ce que c'est que d'être aimable, de sorte que je ne m'étonne point que vous avez la compagnie chez vous à tout moment et qu'il faut sonner la montre pour faire sortir vos amis. Il est sûr, Mr, que parmi tant que vous en avez, vous devez bien regretter Mr de Loss et particulièrement Madame, qui à ce que je crois, sont déjà arrivés à Dresde. Je me suis longtemps arrêté sur ce «qui», voulant vous dire quelque autre chose et je finis par Dresde, pour vous faire la pensée à vous-même, sûr qu'elle sera plus belle. Je veux bien croire que le successeur de Mr Loss le remplacera en quelque sorte: Mais Mad., par qui sera-t-elle remplacée: On dit que son successeur n'est pas marié, et s'il est, qui sait si sa femme est aussi polie et aussi aimable. Toutes les Cours ne peuvent pas réussir aussi bien à remplacer ses Ministres comme la Cour de Portugal. J'en juge par le portrait que vous me faites du successeur de Mr Azevedo. Ils sont deux aimables, tous deux gens de mérites et tous deux doués de toutes les qualités qui rendent l'homme agréable aux autres hommes. Si l'un parle moins bien français que l'autre, c'est une petite différence. Laissez faire à Mr Azevedo, et il lui apprendra ce qui faut. On m'a doué des espérances ici que nous les verrons bientôt à Paris. J'en serai charmé pour avoir le plaisir de l'embrasser, d'autant plus que je n'ai pas encore perfectionné mon accent. En attendant je vous prie de lui faire mes compliments et lui donner un baiser aussi bien qu'à son successeur, supposant que celui-ci ne se scandalisera point d'un baiser.

L'aventure des comédiens français a fait ici le sujet des conversations pendant quelque temps, et votre sorcier y a eu sa bonne part. Il serait heureux que les pauvres gens qui voulaient démontrer l'embaras de richesses ne fassent preuve de l'embaras de la pauvreté, embaras bien fâché à ceux qui doivent faire un retour d'un pays, où on met les débiteurs en prison sans miséricorde.

Je mène jusqu'à cette heure une vie assez ennuyeuse. J'ai fait très peu de connaissance, et apparemment je n'en ferai pas davantage, puisqu'il faut avoir pour cela deux excellentes qualités qui me manquent, c'est-à-dire une santé forte pour pouvoir souper et veiller, et une inclination inviolable et éternelle pour la médiature (le mode de quadrille n'est plus à la mode). Je me retire ordinairement à dix

heures après avoir un peu courru par les rues et m'échauffe à deux ou 3 cheminées. Ça s'entend des maisons françaises, car pour les ministres étrangers, ils vivent comme on fait partout ailleurs, c'est-à-dire ils mangent, ils boivent à des heures raisonnables, ils jouent lorsqu'il faut et ils parlent aussi; et c'est apparemment avec eux seuls que je pourrai passer des moments agréables. Vous verrez par là, Mr, qu'il sera bien difficile que je me familiarise avec les modes parisiennes. Si vous venez jamais habiter dans cette ville, vous serez détrompé de beaucoup de choses que les voyageurs nous font accroire, et particulièrement du bon marché que la nation vante tant à Londres. Il n'y a point de comparaison entre la dépense des deux villes. Il faut le triple pour vivre honorablement à Paris, et si vous avez froid chez vous, je vous assure que je tremble continuellement depuis une semaine, quoique je sois empaqueté en trois pluches.

Crainte de faire ma lettre trop longue je finirai malgré moi par vous dire qu'il n'y a aucune nouvelle à vous mander qui puisse mériter votre attention. Toutes les affaires sont dans un suspens étonnant: Si vous en exceptez la Corse pour laquelle on envoie 4 bataillons contre le Roi Théodore. Il ne faut cependant nullement l'attribuer à la mauvaise santé de Mr le Cardinal, car je l'ai vu mardi passé avec un visage de prospérité qui m'a surpris. Apparemment la pacification entre l'Espagne et l'Angleterre sera pour quelque temps dans le même état (c'est-à-dire dans le suspens et non avec un visage de prospérité)...

14

à Mr Gastaldi.

Je vous demande mille et mille pardons de ce que je n'ai pas plutôt répondu à vos deux obligeantes lettres du 9 d'oct. et 9 9bre que j'ai reçues à son temps. Quelques petites affaires m'ont occupé pendant ces jours-ci et m'ont fait manquer malgré moi à ce que je vous dois. Je m'en acquitte présentement en vous remerciant très humblement des nouvelles que vous me mandez et de l'expédition du Don Quichot. D'abord que j'aurai reçu la boîte, je ne manquerai pas de faire remet-

tre à Mr Brignoli ce qui lui appartient. Il donna mercredi passé un souper magnifique de 20 couverts auquel il m'a fait l'honneur de m'inviter aussi. Le bon ordre et la délicatesse du repas aussi bien que sa superbe vaisselle était admirée de tous les conviés, parmi lesquels ils y avait toute la famille de Md. Monconseil. Nous parlâmes beaucoup sur votre sujet, et je n'ai point manqué de vous rendre la justice qui est dû. Ceux qui agissent autrement à votre égard ne vous connaissent point ou ont trop bonne opinion de soi-même.

Touchant les affaires de Corse je n'ai rien de nouveau à vous mander. Ça non obstant les mouvements qu'il se donne continuellement Mr de Brignoli je crois qu'on se bornera à présent à vous envoyer les 4 bataillons désirés. Mr l'Ambassadeur d'Espagne reçut hier au soir le courrier qui devait porter la ratification de la Cour d'Angleterre, et qui n'en porte cependant que des nouvelles propositions sur la difficulté dont vous me parlez, et qui n'est que trop réelle. Je l'ai lu en partie dans le Craftsman que vous m'avez marqué et je commence à croire plus que jamais qu'on ne parviendra pas à un entier accommodement avant l'ouverture du Parlement, dont je suis bien fâché pour Mr le Chev. Walpole qui se trouvera par-là extrêmement embarrassé. Vous connaissez ce que c'est que la populace anglaise; je vous laisse deviner le reste. Toutes les affaires ici, c'est-à-dire celles qui regardent les Cours étrangères sont en suspens et ce n'est pas assurément à cause de la maladie du Cardinal, car il se porte à merveille.

Vous m'obligerez infiniment en prenant à cœur l'affaire dont je vous ai prié et qui regarde l'honnête homme Lucera; j'attendrai donc avec impatience à apprendre sa réponse, que je voudrai communiquer à temps à Md. Bertoldi. Si Mr le Duc Crafton vous remet le chien, ayez la bonté de le donner à la femme de James, mon valet de chambre, qui doit bientôt partir pour Paris; au moins que vous ne trouverez quelque autre occasion meilleure. Vous ne me saurez faire plus grand plaisir que de m'en donner pour vous témoigner ma parfaite estime.

15

Le 23 xbr., à Mr Gastaldi.

J'ai différé de répondre la poste passée à v. oblig. lettre du 28 9br. me trouvant un peu incommodé, et en même temps occupé à lever des petites difficultés qui s'étaient remontrées par rapport au cérémonial de mon audience. A la fin je vins à bout de celle-ci, et je retourne actuellement de Versailles tout étourdi de 4 harangues que j'ai faites; exploit plus fort pour moi que n'étaient pour les croisés la prise de Jerusalem. Vous voyez par-là, Mr, que la gazette qui avait débité que j'avais été présenté au Roi en particulier n'était pas fondée: car c'était aujourd'hui pour la première fois que j'ai eu l'honneur de voir S. M. L'autre avis qui regarde la mésintelligence entre ma Cour et celui de Vienne est aussi absolument fausse, et mériterait encore une place dans la gazette. Les deux Cours sont tenues avec des liens qu'aucune malice ne saurait rompre, et actuellement se trouvent dans la plus forte liaison qu'on puisse imaginer, et les infidèles, comme j'espère en Dieu, en seront convaincus à leur préjudice.

Oui, Mr, j'ai lu dans les gazettes anglaises (car Milord Waldgrave me les envoie d'abord qu'elles arrivent) les distinctions faites dans les provinces au P-ce de Galles. Je loue extrêmement ces distinctions, mais pas l'intention de ceux qui le font, car le Roi d'Angleterre est le plus honnête homme que la terre porte: il est affable et ne cherche point empiéter sur les droits de ses sujets, ainsi ils n'ont pas raison de s'en plaindre. Mais ce peuple parmi lequel vous vivez a le droit de n'être jamais content, ainsi n'en parlerai pas davantage. Je suis sincèrement charmé que la santé de S. M. soit rétablie, et que vous ayez quitté le deuil: nous nous en sommes aperçu par les habits magnifiques de Mrs. les Anglais voyageurs qui ont éclaté ici le 11 de déc., mais tout cet éclat n'est point à comparer avec celui dont Mr le P-ce de Liechtenstein nous a ébloui le jour de son entrée publique avant-hier. C'était la plus magnifique qu'on ait vue dans ce pays-ci, et remarquez, s'il vous plaît, qu'il y a eu beaucoup de Français qui ont dit que cela était parfaitement beau et que l'Ambassadeur n'avait rien épargné et qu'il avait du goût. Ce n'est pas une petite récompense pour la somme de presque 500 m. livres que cette entrée lui coûte.

Aujourd'hui il a répété le même spectacle à Versailles, où il a eu ses audiences publiques du Roi, de la Reine, du Daufin et de Mesdames. Vous voyez, Mr, que jusqu'au jour des audiences les Russes sont unis avec les Allemands. Je ne vous donne pas le détail de toute l'entrée puisque vous la verrez assurément dans la gazette, laquelle n'a pas mal fait de marquer la fête de Mr Brignoli. Car assurément elle en valait la peine. Je voulais aussi vous marquer que son successeur était nommé, et vous assurer en même temps, combien j'en étais fâché, puisqu'il m'ôte l'espérance de vous voir dans ce pays. Nous parlâmes avec Mr de Brignoli encore dernièrement longtemps sur votre sujet, et sans vous flatter, je lui ai trouvé des sentiments fort justes à votre égard; il se loue beaucoup de vous, et il m'a assuré que sans la résolution de la Rép. qu'il veut encore garder pour quelque temps à cette Cour ici un envoyé, il aurait travaillé de vous faire venir ici avec les appointements de feu Mr Sorba. Vous savez sans doute que sa famille a eu de la Rép. une gratification de 24 m. francs, mais vous ne savez pas peut-être que Mr le Card. en a remercié Mr de Brignoli. Les remerciements auraient été comblés en l'accompagnant d'autre 24 m. livres, ce qui aurait répondu parfaitement à son caractère charitable et sa justice.

Je n'a point entendu parler du renouvellement du traité de commerce entre la France et l'Angleterre; je m'en informerai cependant et je vous donnerai part de ce qui en est.

Les plaintes des Espagnols dans leur mémoire aux Etats Généraux apparemment produiront les mêmes effets que celles des Anglais dans les adresses de Parlement. Il me paraît que la dernière guerre a tellement dégouté les gens de dépenses qui sont nécessaires pour la faire qu'un esprit de négociation domine dans presque toute l'Europe: par ce *presque* j'exclus ma Cour qui fait comme vous voyez marcher des armées à tout moment.

Le traité de Suède n'est que la convention de 1738 ratifiée, et non obstant les bonnes intentions du Baron Sparr (dont j'ai appris depuis longtemps la sottise) n'alarme qui que ce soit, et Mr Bonneval comme ses protecteurs n'en tireront nul profit. Je suis bien obligé des peines que vous vous donnez pour les fleurs de Mde. Bertoldi dont je vous

envoye une lettre pour vous et une autre que je vous prie de remettre à son adresse.

Le P-ce Liechtenstein n'a pas encore reçu son Don Quichot et moi j'attends avec impatience le chien. Faites, s'il vous plaît, mes compliments à Mr le Baron Wasner, et croyez-moi tel que je suis avec un vrai attachement &.

16

14 janv., à Mr Gastaldi.

Négligence pour négligence: je ne sais pas si vous ne trouverez pas la mienne plus grande n'ayant pas fait jusqu'à cette heure la réponse a 2 vos lettres du 18 et 28 déc. La vôtre était faite de matière, et la mienne faite de santé. Ma raison sera la meilleure. Il ne fallait pas moins d'une fièvre de 40 heures qui m'a fait garder la chambre 10 jours pour n'être point ponctuel à votre égard. Grâce à Dieu je fis quitte pour la peur et actuellement je fais comme si rien ne m'était arrivé. Je reviens actuellement de Versailles; ainsi, Mr, vous aurez la bonté d'excuser le désordre de ma lettre, qui sera conçue en paragraphes séparés.

L'affaire des espagnols mérite la première place: Vous m'obligerez sensiblement en me continuant les avis sur cet article. Ici on croit qu'elle finira mal et j'ai vu une lettre d'un Seigneur anglais qui s'attend à beaucoup de troubles dans le Parlement prochain.

Ce que je vous ai mandé touchant la personne du Roi de la G[ran]de Bretagne sont mes sentiments vrais, et assurément lorsque j'envoie une lettre je n'ai point pensé que vous la deviez montrer. Ainsi il ne peut pas y avoir de la flatterie.

Vous lirez la description tout au long de l'entrée du P-ce Liechtenstein dans la gazette d'Amsterdam qui pour cette fois est très véridique. Il est vrai que vous n'y voyez pas l'or que a brillé dans cette entrée; mais imaginez-vous tout ce que vous pouvez de plus magnifique et vous devinerez juste. Ce P-ce attend avec impatience son Don Quichot, et je suis bien sensible des peines que vous vous donnez pour le lui faire parvenir plutôt.

Depuis ma dernière les affaires de Corse ont bien changé; vous aurez appris déjà que les rebelles ont attaqué Mrs. les Français qui venaient les désarmer en conséquence du règlement faite par cette Cour ici. C'est un courrier de Mr de Boissieux qui en a apporté la nouvelle, et là-dessus on a ordonné ici encore dix bataillons pour cette île de sorte qu'il y en aura en tout vingt. C'est l'opinion commune sur le nombre des troupes, quoique on ne l'ait pas encore déclaré à Mr de Brignoli. Celui-ci eut le 6 de ce mois son audience de congé, il ne partira pas cependant avant l'arrivée de son successeur. Il n'aura pas manqué de vous mander que le Roi lui dit à haute voix dans son audience publique qu'il peut assurer la Rép. qu'il fera son possible pour finir bientôt les affaires de Corse. Je ne doute nullement que Mr le Marquis vous rende auprès de la Rép. les bons offices que vous souhaitez pour le changement du titre, car il me parle toujours de vous avec estime.

Le Ministre de Russie à la Cour Britannique est vraiment un phénomène auquel on ne s'attendait pas; on en conjecture plus d'embarras dans l'affaire de Julien et Bergue. La dernière résolution des 2 puissances maritimes sur cette matière a été ici décriée une bulle de savon, jeu ordinaire des enfants. Je voudrais savoir ce qu'on pense chez vous de l'affaire de Steinhorst.

Mille remerciements des peines que vous vous donnez pour les fleurs de M^{de} Bertoldi à qui j'ai mandé vos compliments. Je vous prie, Mr, d'employer vos soins pour terminer entièrement cette affaire, pour finir tout compte avec Lucera, et vous aurez la bonté de faire acheter pour la valeur de 5 livres sterling de la laine à broder de différentes couleurs, chacune par des gradations des nuances, et après l'avoir fait, bien emballer et l'expédier à quelqu'un à Livorno pour le faire tenir à la dite M^{de} Bertoldi, et en même temps me faire l'honneur de me mander à qui j'en dois payer le déboursé.

Il n'est que trop vrai que je m'ennuie dans la belle ville de Paris: il faut jouer éternellement et avoir bonne santé pour souper et veiller si on y veut se divertir. Si vous croyez mon avis, tenez-vous au séjour de Londres. Je ferai mon possible pour vous obtenir les deux Horaces, et je vous supplie de m'envoyer par l'occasion du Sieur Webber les

livres dont vous trouverez ci-dessous le nom, en blanc ou en brochures.

Abstrait of Is. Newton, Chronology by Mr Rendeni 8° both édit., 2 exemplaires, a compleat system of optics with remarks by Robert Smith. 2 vol. in 4, printed at Cambridge 1728. Sold by Stephan Austin in St. Pauls Church-yard.

Au reste j'ai l'honneur d'être &.

17

le 14 janv., Mr Osorio.

Une fièvre qui m'est survenue dernièrement, et qui m'a fait garder la chambre pendant dix jours, est la vraie cause de mon silence. Dieu vous pardonne, si vous l'avez attribué à quelque autre chose. Mais, Mr, je ne crois pas que vous n'ayez deviné cette raison, car connaissant l'estime que j'ai pour vous, vous n'aurez pas pu croire que je vous ai négligé.

Je me trouve actuellement quitte de ma maladie et je reviens de Versailles. Ces petits voyages ne laissent pas que d'être incommodes. Cependant je ne veux pas manquer à vous remercier des politesses dont votre obligeante lettre du 22 est remplie et de vous souhaiter à mon tour toute sorte de prospérité dans le cours de l'année que nous venons de commencer. Vous ne sauriez, Mr, douter de la sincérité de ces souhaits. Au reste, n'allez pas déterminer votre jugement sur la ville de Paris par l'idée que je vous en ai donnée: Nos passions, nos humeurs, quelquefois nos caprices sont une espèce de lunettes qui font voir les objets d'une autre couleur qui ne sont peut-être en effet. Mes lunettes me font croire que Paris est aussi ennuyeux que Londres. Peut-être, que pour vous, vous le trouverez charmant. Je vous ai dit, Mr, qu'il faut jouer et se bien porter pour se divertir à Paris.

Un peu de complaisance peut-être me ferait changer moi-même d'opinion; mais je n'ai point cette complaisance, par la raison que je ne veux pas changer de manière de vivre. Je vous plains de vous entendre réduit à ne pouvoir plus fréquenter les spectacles, car ce peut-être un de meilleurs amusements de votre vie, excepté la société entre

vos confrères, si elle dure encore. Les miens ici sont presque tous occupés dans de différentes coteries: ainsi il faut bien travailler pour les trouver au logis. Mr de Solare en a fait l'exception et la fait encore à mon grand regret, étant malade d'une retention d'urine qu'on ne sait pas encore bien distinguer de la gravelle. Je m'intéresse extrêmement à sa santé, d'autant plus que nos médecins ne savent que seignare, purgare, et clisterium dare. Il fallait leur consigner votre Sibling pour lui purger un peu la manie de la jalousie après la vente de sa femme.

J'apprends que vous aurez une demi-douzaine de procès dans le Parlement futur sur cocuage. Nos cocus ici sont beaucoup plus modérés. Ils laissent faire leur femmes tout ce qu'elles veulent pourvu qu'elles ne leur demandent point d'argent. Ce sont les galants à qui est réservé le soin de leur en fournir. Cette condition est nécessaire depuis la dame jusqu'à la fille...

18

Mon Rév. Père,

Je suis bien sensible au compliment que vous me faites par votre lettre du 29 janv., laquelle est aussi flattante pour moi que bien conçue. Les soins que vous vous êtes donnés pour la vente de mes meubles ne m'obligent pas moins, et je crois que pour ce qui vous en reste, vous pouvez disposer comme vous le marquez dans votre lettre. Il m'est impossible de marquer aucun prix et par conséquent il faut les donner au plus offrant. Vous vous donnerez aussi la peine de vous informer chez Mr Mailman touchant les 28 livres sterling et quelques shilling qu'il devait tirer pour un fusil envoyé à Mr le Cte Golowkin. Mr Dingly me doit aussi quelque chose de l'argent qu'il a tiré pour ma vaisselle au sortir de Londres, et dont il ne m'a jamais donné compte. Je vous ai laissé aussi, si je me souviens bien, un petit billet d'un Capitaine anglais qui devait porter à Pétersbourg un cachet d'acier pour Mr Strechnev, et qui ne lui a jamais été remis. Cependant le cachet a été payé à l'orfèvre son temps trois guinées et demi non comprise la caisse.

Tous ces différentes prétentions qui ne sont que trop justes feront une petite somme que vous disposerez s'il vous plaît pour les créanciers en me marquant le restant pour que je puisse le leur remettre. Du reste j'ai l'honneur &.

P. S. Envoyez-moi s'il vous plaît une autre liste de dettes de Johnson, car j'ai perdu la première. Et y joignez celle des dettes du Spechnev et Nesvitayeff, car j'ai reçu de l'argent pour le payement.

19

le 24 févr., a Mr Osorio.

Je ne saurais vous exprimer combien j'étais sensible à la part que vous prenez à mon avancement, et les réflexions que vous faites là-dessus me flattent extrêmement, quoique je reconnais de ne les point mériter. Vous serez bien injuste si vous alliez croire que ce changement de rang doit produire en moi un changement de moeurs. J'avoue que c'est un honneur bien distingué que de représenter une grande Maîtresse, mais j'ose dire que cela ne peut pas me faire tourner la tête à un point d'oublier votre amitié et toutes les obligations que je vous ai. Mais faisons trêve de compliments, car je sais que vous ne les aimez pas, et moi je ne suis pas grand orateur sur ce chapitre. Mille très humbles remerciements pour les nouvelles que vous avez eu la bonté de me communiquer par votre lettre et pour la copie de l'harrange: Vous ne sauriez croire combien j'ai été touché à cette attention de votre part dans le temps que nous brûlons ici d'impatience de savoir où va finir cette affaire. Non obstant tout ce que S. M. Britannique a dit aux 2 Chambres, on est ici persuadé tout comme chez vous, que cette affaire réellement n'est point finie, et qu'il y aura bien du bruit. Qui sait si vous n'en avez pas déjà après la communication de la Convention. Vous connaissez les chefs du parti contraire qui savent allumer le feu à merveille, et tandis que ceux-là s'occuperont à ce manœuvre à Londres il y en aura, qui les aideront à Madrid à bon entendidor poche parole. Je m'en vai vous parler de quelque chose beaucoup plus gaie. Le Roi déclara avant-hier le 21 au sortir du conseil le mariage conclu de Don Philippe avec Madame de France, et on

est allé sur-le-champ féliciter la nouvelle Infante. Nous avons fait nous autres étrangers la même chose aujourd'hui tant auprès de Madame qu'auprès S. M. et Mr le Daufin, quoique c'était un compliment muet, car nous allâmes tous en corps, et nous fîmes de telles révérences sans prononcer un mot par la raison qu'on ne nous a pas notifié ce mariage. La cour était de plus nombreuses et fort gaie. Nous nous préparons à avoir beaucoup de fêtes jusqu'au départ de Mad. qui est fixé au 6 d'août. Don Philippe se rendra sur la frontière pour la recevoir, et pour faire le métier de crochetteur à ce que Charles II. disait. Je ne doute nullement que le mariage de Mr le Daufin avec l'Infante Thérèse ne tardera pas d'être aussi déclaré, car non obstant qu'on en fait mystère, il est sûr qu'on en est déjà d'accord.

Heureux Mr le Marquis de la Mena qui a de pareilles négociations à manier. Il est vrai qu'elles se terminent par répandre du sang humain, mais c'est avec plaisir de deux parties offensées, et tout le monde en est content. C'est-à-dire tout le monde qui est ici. Car je doute qu'on soit de la même opinion chez vous. Je trouve excellent la vôtre sur l'affaire de Steinhorst, et je puis ne le vous dire que la négociation des Anglais à Copenhaguen sur le traité de subsides avance beaucoup et fait reculer celle que Mr de Chavigny y avait commencée.

Bien fasse à celui qui avale une pilule aussi amère que Milady Anne Lwley. Pour moi, si j'avais une de plus fortes coliques de la concupiscence, on ne me forcerait point à me servir d'une telle remède; excepté la différence de personnages par rapport aux mœurs et à la naissance ou pour parier méthodiquement mutatis mutandis Milady Herbert et Mr Francklin peuvent être dans la même liste.

Carestini aussi en pouvait augmenter le nombre, car c'est un fol de la première classe d'avoir refusé à aller à Londres dans ce temps où la Francesina fait le rossignol des Anglais. Je vois, Mr, que nous sommes encore mieux ici en musique depuis que le P-ce de Congran a été forcé par nos importunités à nous donner un concert par semaine. Il a un excellent orchestre et Madame Vanloo y chante et il n'y a pas une note de musique française à laquelle jusqu'à cette heure mes oreilles n'ont pas pu se faire accoutumer. Vous avez augmenté mon chagrin en faisant rappeler dans l'esprit Madlle. Fortescue, non que

je n'aime pas à en entendre parler, mais que je suis fâché de ne l'entendre pas parler elle-même. Faites-lui, s'il vous plaît, mes compliments aussi bien qu'à sa mère. Donnez-m'en souvent des nouvelles, mais ne la louez pas tant. Voilà, Mr, une longue lettre qui a bien la mine d'une épître dédicatoire de quelque auteur qui attend être payé pour son ouvrage. La comparaison est juste, je vous demande la continuation de votre amitié, mais les sentiments que cette lettre exprime sont aussi sincères que les louanges des épîtres dédicatoires sont forcées. J'allais oublier vous dire que le Roi et Mr le Daufin prendront la toison d'or, chose qui ne s'est pas fait depuis quelques siècles. J'ai l'honneur &.

20

à Mr Gastaldi.

Ce que Mr Brignoli vous a mandé touchant les rapports est au pied de la lettre, et vous aurez vu par ma dernière que nous ne savons pas ce qu'en est devenu. Il est aussi vrai ce que vous avez lu dans la lettre d'Hollande touchant notre acception au Traité de Vienne: Elle n'est pas encore enterrée, mais comme il n'y a aucune difficulté, elle pourra bientôt l'être. Il serait à souhaiter pour le Chevalier Walpole qu'il puisse trouver la même disposition dans les affaires avec la Cour d'Espagne, car non obstant ce que le Roi d'Angleterre dit dans son harangue, je vois par ce que vous me faites l'honneur de me mander que l'affaire n'est pas finie. C'est une vilaine chose que le mécontentement d'une compagnie des moribonds et de tout un peuple. Et je m'en souviens encore de l'affaire de l'avis. Comme j'estime particulièrement Mr le Chevalier, je souhaite que le parti contraire ne relève sa réflexion dont vous me parlez comme elle a fait autrefois son expression de Sturdy Beggars. De plus il y aura de gens qui souffleront le feu à Madrid.

Le 22 de ce mois le Rois à l'issue d'un Conseil déclara le mariage de Don Philippe avec Mad. de France, où elle reçut aussi bien que S. M. les compliments à ce sujet. Notre corps Ministériale l'a fait aussi aujourd'hui. On ne tardera guère de déclarer celui de Mr le Daufin

avec l'Infante Thérèse, dont on fait encore mystère quoiqu'on en soit convenu de part et d'autre.

La négociation des Anglais à Copenhaguen avance beaucoup et fait reculer celle de Mr Chavigny. Je vous rends mille grâces de la part que vous prenez à ma santé qui est assez bien rétablie, aussi bien que de vos soins à exécuter mes commissions. Vous pouvez compter, Mr, que je n'oublie pas votre Horace, mais par malheur on n'en peut pas encore trouver de vous supplier à vouloir m'envoyer les éclaircissements sur les questions ci-jointes pour rendre plus complète la description du cérémonial que vous avez eu la bonté de m'envoyer. Comme je viens de Versailles et que je dois sortir, je suis pressé a vous réitérer les assurances de mon estime et de mon vrai attachement avec lequel &.

1. Les Gentilshommes de la Chambre dont il est fait mention dans le Cérémonial sont des Lords ou Grooms?

2. Le Lord-Comte fait-il quelque compliment de la part du Roi?

3. L'Ambass. leur donne-t-il la main? Et de quelle façon le traite-t-il, lui et les Gentilshommes de la Chambre.

4. Qui est assis avec l'Ambass. dans les carosses et comment?

5. Comment traite-on l'Ambass. dans l'hôtel de Somerset, y a-t-il une garde pour lui? Dans le temps de l'audience le Roi et l'Ambass. sont-ils debouts, sont ils couverts? La même question pour les autres audiences.

6. Lorsque l'Envoyé a audience du P-ce cadet, ceux-ci sont ils assis et couverts?

7. Le Roi lui parlant, est-il couvert?

8. Il me manque entièrement le détail de ce qui se pratique entre l'Ambassadeur et les Ministres étrangers lorsque celui-là fait une entrée.

21

le 3 mars.

Il y a plus de 15 jours que j'ai eu l'honneur de vous adresser une lettre de change de Mr Dingley de 25 st. 3 sh. 9 d., vous suppliant de la faire accepter et me la renvoyer. Comme vous ne m'avez point fait

celui d'une réponse, je crains que ma lettre ne soit perdue. Je vous prie donc d'avoir la bonté de m'en avertir afin que je puisse faire usage de la seconde. Vous m'en obligerez sensiblement. J'arrivais encore de Versailles, cependant je n'en porte pas beaucoup de nouvelles. Le chapeau de Cardinal donné à Mr Tensin, Archevêque d'Embrun, peut-être ne vous intéressera pas beaucoup, et vous saurez apparemment la conclusion du Traité d'alliance entre l'Angleterre et les Danois signé à Copenhaguen le 16 de févr. Vous pouvez aisément deviner comment a été reçu ici cette dernière nouvelle, mais sur la première, il faut que je vous dise que cette Cour ici avait fait pendant dix ans une de plus fortes oppositions contre la nomination de Mr Tensin, et qu'à l'heure qu'il est on lui a donné le chapeau dont on a privé le gouverneur de Rome. *Altri tempi, altri cure.* Mr Tensin est de basse naissance et doit toute son élévation à son mérite: c'est le plus grand éloge que je puisse lui faire: il a beaucoup des amis et tout autant d'ennemis étant un des zélés défenseurs de la Bulle Unigenitus contre les jansenistes. On dit qu'il vise bien loin, mais je crains qu'il fait son compte sans l'hôte. Faute d'autre matière je suis obligé de finir continuant &.

22

8 mars, à Mr le Cte. Löwenwolde.

Le Sr. Antoine Doni, maître et compositeur de musique et joueur de clavecin et orgue, ayant le dessein de se rendre en Russie pour donner à la jeunesse russe des leçons, et établir un collège de musique, m'a prié d'en écrire à V. E. pour qu'Elle ait la bonté de m'informer si elle croit qu'un tel projet puisse réussir, et que le dit Doni puisse avoir à cette fin quelque encouragement de la Cour. Comme on s'est intéressé en sa faveur auprès de moi, et que je sois prévenu de son habileté, je n'ai pas voulu lui refuser sa demande. Ainsi je prends la liberté de supplier V. E. très humblement de vouloir lui rendre sa gracieuse protection, et surtout de m'honorer là-dessus d'un mot de réponse, quelque qu'elle soit. J'en serai très sensiblement obligé à V. E. ayant l'honneur d'être &.

le 10 mars, à Mr Gastaldi.

J'ai le bonheur de me trouver dans les mêmes circonstances que vous, lorsque vous m'avez fait l'honneur de m'écrire votre lettre du 19 févr., puisque dans le moment je reçois une autre du 22. Vous ne sauriez croire que je réponds à deux de vôtres par une seule, puisque je ne passe pas une seule poste. Aussi, Mr, je serais impardonnable à n'avoir pas toute l'attention imaginable pour vous qui en avez une bien grande pour moi, et dont je me tiens extrêmement obligé. Avant de parler des affaires politiques vous me permettez, Mr, de vous rendre un million de grâces des éclaircissements sur le Cérémonial, du renvoi de ma lettre de change acceptée et des soins que vous vous avez donnés pour l'expédition de la laine dont j'ai reçue la connaissance et la reçue des marchandes cypriques, cette dernière était bien inutile. Je ne manquerai pas de me régler pour l'expédition du dit connaissance et sur le payement du tout selon vos instructions, et j'embrasserai avec plaisir toutes les occasions pour vous rendre la pareille. Je tiens déjà un exemplaire d'Horace, que je vous expédierai avec les fichues pêt-etre par un courrier du Milord Waldgrave, mais je vous conseille d'acheter en attendant un bon microscope, car les caractères de cet Horace sont diablement menues. On a mis tout Paris par-dessus dessous pour trouver cet exemplaire et Dieu sait si on peut réussir à trouver un autre: Ainsi, Mr, prenez en bien soin. Venons-en à la politique. Je suis mortifié de voir Mr le Chev. Walpole dans un labyrinthe d'où il ne pourra pas sortir avec honneur: on a toujours cru que la convention dernièrement conclue ne répondait pas à l'attente de la nation, et je vois par ce que vous me faites l'honneur de me mander qu'il se lèvent des nuages qui menacent foudre et tonnère; ayant eu le plaisir d'habiter Londres pendant quelques années, il ne m'était point difficile de prévoir tout ceci, mais je vous avoue que je n'aurais jamais cru Milord Essex capable de changer de parti; il me paraissait homme à n'en avoir aucun, et ne penser qu'à ses plaisirs: grâce à l'enthousiasme anglais qui fait les habiles gens tout un coup. La conduite de Milord Scarborough, ce serait d'ailleurs fort estimable, donnerait très belles occasions pour un héros de roman. Quitter une

place de 5000 livres pour voter en faveur de la Cour et se lasser après à voter pour la Cour est une grandeur d'âme inimitable. Tous ces brouilleries sont fort avantageuses aux voisins, et vous pouvez croire qu'on n'en est nullement fâché... Faites, s'il vous plaît, mes compliments à Mr Pucci à qui je diffère la réponse sur son beau sonnet jusqu'à l'ordinaire prochaine.

Je vous donne à la fin l'exemple de m'écrire à la française sans cérémonie, en vous assurant de mon estime et de mon attachement sans y rien ajouter et sans signer.

24

à Mr Brakel.

J'ai différé l'honneur de répondre à V. E. à son obligeante lettre du 25 févr., croyant pouvoir vous mander quelque chose de positif sur les mesures que cette Cour ici prendra dans la négociation de Turquie après la lecture des lettres de Mr de Villeneuve; mais par malheur je ne suis pas encore en état de le faire. J'ai trouvé même en Mr le Cardinal une chose à laquelle je ne m'attendais pas. Mardi dernier il m'a fait savoir que vu que notre Cour et celle de Vienne ne lui communiquent pas toujours les pièces qui ont rapport à cette négociation, et d'un autre côté ayant appris qu'on a fait voir en Suède une de ses lettres écrite à Mr le Cte Ostermann, S. É. trouve à propos de se corriger et ne me donner dorénavant rien par écrit. Il m'insinua en même temps qu'il serait même inutile de me donner des copies de lettres de Mr de Villeneuve puisque toutes ces lettres ont été lues et examinées à Vienne bien plutôt qu'à Paris. Particularité, que les Ministres de l'Empereur nient en jurant leurs grands Dieux. En un mot, je suis tellement désorienté par ses discours qu'il m'est impossible de pénétrer où nous sommes, quoiqu'il ne m'a pas été difficile de lui montrer que ses soupçons étaient mal fondés.

Ce qui est indubitable est comme V. E. le remarque que la guerre traînera en longueur, et que pour en sortir, il faut que l'Empereur batte les ennemis.

Mr le Cte Vaugrenan diffère de jour en jour son voyage parceque Mr le Cardinal trouve ses prétentions un peu trop fortes. Il s'agit de

l'établissement de ses appointements et autres frais de son ambassade: article bien difficile à décider. Toutes les autres réflexions qu'on pourrait faire sur ce retardement me paraissent mal fondées; car après tout, la correspondance peut être très bonne entre deux Cours sans qu'il y ait des Ministres réciproques à toutes les deux. V. E. aura appris par d'autres voies le tumulte de Londres par rapport à la dernière convention avec l'Espagne. Il augmente de jour en jour, et la Cour vient de perdre le Duc d'Argyle et Milord Scarborough, 2 personnages de grandes conséquences, qui se sont attachés au parti contraire. Je souhaite que Mr le Chev. Walpole puisse se tirer avec honneur de cette affaire.

25

le 21 mars. Mr Gastaldi.

Je me persuade de plus en plus de votre amitié en remarquant la continuation de votre attention pour moi qui m'oblige infiniment. Vous ne sauriez croire de quelle impatience m'a tiré votre lettre du 5 mars. On avait dit ici que la Convention était approuvée par la Chambre haute, d'autres au contraire soutenaient qu'on l'avait rejetée dans la Chambre basse avec une majorité de je ne sais combien de voix: aujourd'hui, grâce à vos bontés, je suis informé de la vérité, et à ne vous rien cacher, je suis mortifié de voir Mr Walpole dans une fièvre maligne: Il paraît que tout conspire contre lui. Comment, Mr, on répand des sommes si précieuses et le Duc de Bedford parle. J'aurais souhaité que vous eûtes donné un coup de plume de plus pour me dire un mot sur son éloquence, car à dire vrai j'en ai très petite opinion. Je ne pense pas de même sur le discours d'Argyle. C'est peut-être le plus dangereux ennemi que le parti de la Cour s'est pu faire. Si vous voulez bien en excepter Milord Essex. Vous avez raison de dire que vous ne savez pas comment l'Espagne recevra la nouvelle, car je ne crois pas qu'on y ait rien décidé sur cette matière et à tout bien conter, elle ira son train, dans l'espérance d'un appui fort, espérance qui n'est pas mal fondée: ainsi je crois que le conseil du Parlement par rapport au Traité futur ne serait pas mis en usage, ou le Traité ne se fera pas. Tout ceci est un raisonnement naturel, et si

ma prédiction se vérifie, la chose arrivera comme on l'avait attendue: Mais assurément vous ne vous attendez pas entendre que Don Philippe ait été proclamé par les rebelles Roi de Corse. Cependant ce sont des lettres de Corse qui le mandent; moi-même je suppose, que c'est une nouvelle qui mérite une place dans la gazette pour sa véracité. Le temps nous éclaircira si nous en devons croire quelque chose. On vous a bien instruit sur l'affaire de Steinhorst, laquelle est accomodée de la façon comme on vous a dit, et le Traité de subsides allait être signé, non obstant que Mr de Chavigny avait présenté carte blanche pour le sien: quant au nôtre avec la Cour d'Angleterre je vous répète en confiance que je n'en ai pas la moindre nouvelle, et je commence en savoir quelque chose par votre lettre. Plus est, l'Ambassadeur d'Angleterre n'est pas plus savant sur cet article. J'ai honte, Mr, à vous parler de votre Horace: Cependant il faut que je vous en parle. Lorsque je vous ai écrit ma dernière, je l'avais sur ma table. C'était un Livonien qui me l'avait envoyé par son propriétaire, lequel ne me trouvant au logis l'y laissa sans parler du prix: Il venait le second jour et m'en demanda six louis-d'or. Pour un livre de six francs, payer six louis, j'ai cru que c'était faire six sottises, et je lui rendis son livre ayant toujours d'autres gens qui courent après pour le chercher (s'est-à-dire le livre). Si vous n'approuvez pas ma conduite, je puis encore à temps faire les six sottises. Vos fichus sont partis avant-hier avec Mr Grawley qui aura soin de vous les rendre. J'attends avec impatience les livres dont vous me faites l'éloge. Si vous n'avez pas une occasion plus favorable, Mr Amiconi pourra me l'envoyer avec quelqu'autre bagatelle dont je l'ai chargé. Ne vous étonnez pas, si je ne vous donne pas grande nouvelle de ce pays-ci, car réellement il ne s'y passe rien qui mérite votre attention, on est à l'écoute pour voir du quel côté on pourra mieux profiter, et je m'imagine pour des matières combustibles (épargnez se trait de physique) à attendre sous terre une ouverture pour éclater. Apparemment la fermentation n'est pas venu à son point. Ne trouvez vous pas ce trait digne d'être inséré dans quelque prédiction d'almanac? Adieu, Mr.

Перевод

1

**Г-ну Сорба, министру Республики Генуя, <в Париж>
<23 сентября 1736 г. Лондон>**

Милостивый Государь,

После того, как я имел честь отправить вам мое последнее письмо, я получил через Г-на Гастальди два пакета из Парижа, коих я ждал. Итак, М<илостивый> Г<осударь>, прошу Вас, не затрудняйте себя их поисками. Вы меня чувствительно обяжете, если поможете в другом деле. Будьте любезны, купите на мой счет шесть самых лучших ружей от лучшего мастера Франции. Это поручение Государыни Императрицы, ими будет пользоваться Е<е> В<еличество>, откуда вы, М<илостивый> Г<осударь>, можете заключить, что они должны быть необычайной красоты и ежели не чрезвычайно великолепны, то хотя бы просто добротны. Вы уже столько раз выказывали мне свидетельства вашей доброты, надеюсь, что и на сей раз не откажете мне в удовольствии воспользоваться вашими услугами и вашим замечательным вкусом. В случае если невозможно будет найти готовых ружей такого достоинства, будьте так любезны, закажите, чтобы их изготовили поскорее, а в ожидании попросите у Г-на Смерлинга, чтобы он раздобыл у правящей Эрцгерцогини паспорт на их беспрепятственный провоз до Гааги и другой — на вывоз из страны — в Министерстве Франции.

Деньги, потраченные вами на эту покупку, я позабочусь вам переслать с Г-ном Туртоном, корреспондентом посланника графа Головкина, коему извольте послать ружья, известив меня о потраченной вами сумме. Повторяю, вы меня обяжете более всего на свете, выполнив мою просьбу, и будьте уверены, М<илостивый> Г<осударь>, я не премину выразить вам всю мою благодарность и совершенное уважение, с коими остаюсь.

4 окт<ября> 1736 г. <Лондон>, Г-ну Сорба

М<илостивый> Г<осударь>,

На мой взгляд, проявление дружбы состоит не в даваемых обедах и больших балах: я ценю открытое сердце, любезный прием и свободу, с коей можно войти в дом чистосердечного друга и выйти из него. Все это я получил у вас, чего же более можно желать? Итак, М<илостивый> Г<осударь>, оставайтесь скромницей, ежели вам так угодно, но я никогда не забуду, чем обязан вам и Г-же Сорба, и при всякой возможности буду стараться выразить вам мою признательность. Я тысячу раз вам благодарен за проявленное участие о моей болезни глаз. Они все еще болят, но не так, как в Париже, поскольку воспаление бывает не так продолжительно и утром они гораздо чище, чем прежде. Так что я надеюсь с помощью Г-на Жандрона полностью излечиться. Если я буду иметь такое счастье, то я поистине останусь доволен своей поездкой в Париж, где обрел знакомство с вами и здоровье. Если бы я остался еще на три дня, то до сих пор бы наслаждался общением с вами, уже после отъезда я получил от моего Двора несколько поручений того же рода, что и то последнее, о помощи в котором я умолял вас, и мне следовало остаться, чтобы выполнить их. Надеюсь, что вы не забыли о ружьях и изволите сообщить мне, как идут дела. Я получил все письма, коих ждал из Парижа, как я уже имел честь сообщить вам в прошлом письме. Однако я премного вам обязан за то, что вы утруждали себя их поисками. Вот все, что я имею сообщить в ответ на два ваших письма от 2 и 8 окт<ября>. Мне бы хотелось сообщить вам что-нибудь интересное о здешней жизни, чтобы оживить мое письмо, но к счастью или несчастью — судите сами — здесь не происходит ничего выдающегося, кроме восстания в Шотландии, из коего совершенно напрасно сделали событие. Толпа пожелала повесить Капитана и-таки повесила его, однако Двор решил наказать исполнителей столь своеобразного правосудия, туда были по-

сланы войска, а офицеры, стоящие во главе их, один за другим прибыли в Эдинбург. В нашем городе также нашумела акция против крепких напитков, здесь бесконечное множество пьяниц, и они были повержены сим решением в траур, но славная гвардия вступила во все кварталы и не дала совершиться беспорядкам, и теперь уже потихоньку меняют свое ремесло на другое. Господин Гонзала и Эмманюэль, Министр Португалии, который должен отправиться в Голландию на место Господина Дакуна, все еще здесь и, возможно, займет место Г-на Азеве-до. Г-н Фаринелли приехал вчера вечером — большой, толстый и очень довольный вашим приемом. Остаюсь с почтением и уважением.

3

**11/22 окт<ября> 1736 г. <Лондон>
Г-ну Сорба в Париж**

Милостивый Государь,

Я вам низжайше благодарен за взятый вами на себя труд в ответ на мою просьбу о ружьях; пользуясь случаем, посылаю вам, М<илостивый> Г<осударь>, рисунок для ружей Госуда-рыни; правда, он сделан наспех и может служить не более чем образцом для оружейного мастера, пусть он постарается нане-сти его рельефом. Цену ружей я нахожу вполне приемлемой, осталось только начать работу и украсить их серебром, а не сталью. Желательно два получить как можно скорее, сразу как только они будут готовы, пошлите их Г-ну Посланнику Графу Головкину, не забудьте снабдить их паспортами, а остальные четыре пришлите, когда работа будет закончена. Я думаю, для разнообразия было бы неплохо, если бы два ружья имели ма-ленький курок, как вы предлагали в своем письме, на трех ружьях следует сделать клейма с гербом, а на трех других — с вензелем. Я добавил к нему 3 буквы — Е.И.В. Вы уже може-те получить от Г-на Туртона 1000 французских ливров, он

имеет указание от Графа Головкина отдать их вам, остальную сумму вы получите по первому вашему слову. Не могу выразить, М<илостивый> Г<осударь>, как премного я обязан вам за участие в этом деле, моя благодарность будет еще сильнее, если вы заставите мастера закончить работу поскорее. Примите уверения в моем почтении.

4

23 нояб<ря> <1736 г. Лондон>, Г-ну Сорба

Милостивый Государь,

Особа, имеющая честь вручить вам это письмо, ливонский дворянин, следовательно, подданный моей Государыни Императрицы. Мне его рекомендовал Граф Головкин, который знает его отца, военного советника в Риге. Я не могу нахвалиться его добрым поведением и кротким характером, редким нынче у молодежи, посему я взял на себя смелость рекомендовать его вам и просить вас позволить ему воспользоваться вашим любезным обществом во время его пребывания в Париже и просить вас ввести его в некоторые дома, поскольку я обращаюсь с рекомендацией только к вам. Буду благодарен, М<илостивый> Г<осударь>, за внимание к нему и прошу вас, не судите его строго за несколько провинциальные манеры, он еще очень мало путешествовал. Весь ваш.

5

<Г-ну Полиньяку, в Париж>

6 марта 1738 г. <Лондон>

Пользуясь вашим позволением, Ваше Высокопреосвященство, пишу к вам чужой рукой, чтобы тысячекратно поблагодарить вас за письмо от 14 февр<аля> и заверить В<аше> В<ысокопреосвященство> в том, что я премного чувствителен

к новым проявлениям вашей дружбы и доброты ко мне и сделаю все возможное, чтобы быть их достойным, поскольку должен признать, что пока их не заслужил. Я не нахожу ничего лучшего, как следовать примеру В<ашего> В<ысокопреосвященства> и доверить Г-же де Монконсей мои почтительные чувства к вам, я не сомневаюсь, что она сумеет их оценить. Я должен также поблагодарить В<аше> В<ысокопреосвященство> за добрый совет относительно моих глаз. Я непременно воспользуюсь им, тем более что с наступлением весны моя болезнь усилилась и холодный ветер, не утихающий вот уже месяц, никак не благоприятствует тем, кто страдает воспалениями. Впрочем, мне досадно, что не могу написать ничего любопытного о здешней жизни, поскольку подозреваю, что политикой В<аше> В<ысокопреосвященство> мало интересуется, а с литературой здесь так же худо, как и во Франции, писатели здесь, как и у вас, пишут лишь всякий вздор, посему я вынужден закончить письмо раньше, чем хотелось бы. Примите вновь мои уверения в совершенном уважении и почтении, с коими остаюсь на всю жизнь.

6

17 августа 1738 г. <Лондон>, Г-ну Жирандону

Как ни странно, на сей раз слухи не лгут во всем, кроме того, что касается до моего характера; я могу поменять Двор, но не характер. День, когда я должен покинуть сей Двор, пока не назначен, но я полагаю, что это произойдет в начале сентября, и следовательно я скоро буду иметь счастье обнять вас. А пока я весьма признателен за ваши любезные предложения, охотно ими пользуюсь и прошу известить меня по следующим пунктам.

1. Мне хотелось бы иметь небольшой дом, расположение его неважно, в нем должно быть 5 или 6 комнат, чтобы я мог принять гостей, и достаточно помещений для слуг с двором и

соответствующими службами. Хорошо и даже необходимо, чтобы в доме имелись трюмо и большое зеркало над камином, какие я видел во многих домах (в том числе в вашем). Цена может быть от 3000 франков или чуть выше. Сделку совершать не нужно, сначала я хочу сам осмотреть дом.

2. Вы как-то говорили, что можно по сносной цене купить ковры. Вы меня весьма обяжете, если присмотрите несколько штук до моего приезда, но не покупайте их, надо подобрать их к дому.

3. Более всего мне нужен приличный метрдотель, здесь у меня были два мошенника, обокравшие меня, во избежание подобных случаев хорошо бы подыскать умного и верного человека, на коего я мог бы положиться и который бы умел немного готовить.

Вот изрядное количество поручений, но я боюсь, как бы вы не перепугались, что дали разрешение обременять вас ими. Однако осмелюсь заметить, что выполнив их, вы не встретите в ответ неблагодарность. Я воспользуюсь всеми возможностями, чтобы выразить вам мою благодарность и совершенное уважение, с коими остаюсь.

7

23 сент. <1738 г. Париж>, Барону Вазнеру

Не сомневаюсь, что вы уже известились обо мне от Шевалье Осорио, посему начинаю свое письмо с выражения благодарности за вашу любезность и дружбу во время моего пребывания в Лондоне. Я навсегда сохраню их в моем сердце и почитаю своим долгом заслужить и в дальнейшем вашу дружбу. Вы всегда можете оценить мою преданность, передав мне любые поручения, если я могу вам пригодиться в этой стране. Конечно, М<илостивый> Г<осударь>, я не могу не сожалеть о Лондоне, вспоминая время, проведенное в вашем обществе с нашими общими друзьями, но об этом не следует говорить

Г-дам Французам. Париж безлюден из-за каникул и станет еще безлюднее после отъезда Короля в Фонтенебло, куда за ним последуют Двор и все министры. Я остаюсь здесь в неведении относительно моей дальнейшей судьбы и, видимо, наскучаюсь здесь досыта. Я передал ваше письмо Принцу Лихтенштейнскому, с коим я имел уже две продолжительные аудиенции. Я нашел у него много здравого смысла и живости, много кротости и полное отсутствие манерности, так что я чрезвычайно доволен общением с ним. Он был очень любезен со мной, а мой визит был предупрежден двумя вашими письмами к нему, за что я вам несказанно благодарен. Г-ну Смерлингу я тоже передал ваше письмо, он справился о вашем здоровье и я дал ему полный отчет. Он только что поднялся после болезни, по-видимому, довольно серьезной, поскольку я застал его совершенно разбитым. Что до меня, то не считая глаз, я вполне благополучен, жду с нетерпением известий от вас и остаюсь с совершенным уважением.

8

27 сент<ября> <1738 г. Париж>, Г-ну Гастальди

Третьего дня мне подали ваше любезное письмо от 7-го, за которое я вам премного благодарен. Оно сказало мне, что несмотря на мое отсутствие ваша дружба ко мне осталась неизменной. Мое же письмо, отправленное с последней почтой, убедит вас, М<илостивый> Г<осударь>, в моем постоянном почтении и в том, что письменное общение с вами доставляет мне великое наслаждение. Вы меня весьма обяжете, если назовете имя моего слуги, якобы наделавшего крупные долги; мне кажется, это невозможно, потому что я взял с собой только одного слугу и двух лакеев, которым никогда не поручал что-либо покупать для меня и на которых во все время моего пребывания в Лондоне и даже тогда, когда стало известно о моем отъезде, ни от кого не поступало жалоб, не говоря уже о том, что слугам

такого ранга не доверяют подобных поручений. Вам лучше моего известно, как придирчивы к иностранцам во всех державах, особливо в Англии, и я полагаю, что новые жалобы, возникшие после моего отъезда, из числа таких придирок. Ежели сей факт подтвердится, я, разумеется, приму меры — либо выгоню слугу, либо заставлю заплатить долг.

Новости о нашей Армии, полученные из уст такой высокой особы, как Милорд Кроуфорд, меня весьма порадовали. Они получены мною очень кстати, так как здесь обсуждалось, будто Миних ранен или утонул, а Армия разбита наголову. И только после того, как мы стали узнавать о более счастливых событиях, и теперь уже наверное известно, что сей «утопленник» разбил 20 тыс. турок на берегах Днестра. Вы меня весьма чувствительно обяжете, продолжая сообщать мне новости, коими я мог бы поделиться с другими. Обещаю вам, М<илостивый> Г<осударь>, со временем делать то же самое. Пока же я еще не освоился и не могу сообщить ничего, кроме того, что город опустел из-за отъезда иностранных министров, которые последовали за Двором в Фонтенебло. Король находится там с понедельника, а Кардинал уехал туда третьего дня. Дорога и дурной воздух в Фонтенебло слегка сказались на здоровье Его Преосв<ященства>, но нельзя сказать, что он заболел. Милорд Уолдгрейв держится своего прежнего мнения о состоянии Шевалье Уолпола, он полагает, что тот вне опасности после повторного приступа трехдневной лихорадки; я

Б.Х.Миних

желаю этого от всего сердца, ибо бесконечно почитаю его. Если вы увидите Г-на Амикони, прошу вас, скажите ему, что я получил от него пакеты и отвечу ему с ближайшей почтой. Прошу вас, увольте меня от лишних церемоний в ваших письмах. Подаю вам пример, посылая письмо без конверта. Я не сомневаюсь в вашей дружбе, а вы меня весьма обяжете, если не станете сомневаться в совершенном уважении и искренней привязанности, с коими имею честь оставаться.

Р. С. Прошу, напомните Герцогу Крафтону об обещанной мне собаке, я жду ее с нетерпением.

9

7 окт<ября> <1738 г. Париж>

Г-ну Гастальди

Я должен ответить на два ваших любезных письма от 21 и 19 сент<ября>, я получил их с промежутком в три дня и очень им был рад. Я все больше убеждаюсь, что несмотря на расстояние, вы сохранили дружбу ко мне, и если вам безразлична моя, то вы всегда можете на нее положиться. Я принял как знак вашего участия подробности, которые вы сообщаете о всех дерзостях моих мнимых кредиторов, допущенных после моего отъезда, и премного вам благодарен за любезные предложения на сей счет.

Однако, М<илостивый> Г<осударь>, предоставим им говорить все, что им заблагорассудится, я совершенно презираю их и отнюдь не претендую на какую-либо репутацию в глазах этих людей. Я желаю от всего сердца, пусть они обращаются в Совет, к моему Двору — куда угодно, ибо тогда выяснится, что все они мошенники. Мои доказательства таковы: я прожил в Лондоне 6 с половиной лет, я пользовался услугами многих торговцев, среди них были ювелиры, которым я заказывал посуду, три угольщика, мясник, человек, поставлявший мне лошадей, два седельника, изготовлявшие для меня кареты, три порт-

ных, кроме того еще трое тех, кто поставлял мне вино, управляющий, торговцы тканями, позументом, картинами, люди, поставившие мне мебель и вообще те, кто поставлял всю снедь к моему столу. Все они исправно получали плату, о чем свидетельствуют их расписки, кои находятся в руках моего капеллана; правда, и только они могут возмущаться, что им не заплатили, но едва ли найдется честный человек, который возьмется заставить меня платить им, ведь тот, кто поставляет в дом провизию и не извещает об этом хозяина хотя бы раз в год, просто сговорился с метрдотелем украсть ее. Кроме того, М<илостивый> Г<осударь>, книга расходов моего метрдотеля, находящаяся у моего капеллана, ясно показывает, что я оплатил все съеденное мною до начала июля. Я пишу это только для того, чтобы удовлетворить ваше любопытство и интерес других порядочных особ, ибо у меня нет ни малейшего желания убеждать проходимцев в их вине и давать им отчет в своем поведении. Что касается до моего слуги, обвиненного после моего отъезда, позвольте отослать вас к моему предыдущему письму. С начала июня я публиковал в *Daily advertiser* и *Daily Gazetteer* сообщение о моем предполагаемом отъезде и предлагал всем, имеющим претензии, предъявить мне счета. Все, кто это сделал, получили расчет лично от меня, так что ни один мой слуга не мог прикарманить деньги. Но довольно об этом.

Г-н Бриньоли теперь в Фонтенебло, он относится к вам с почтением, как и Граф Дураццо, и я рад возможности утвердить их в этом мнении. Они не узнают от меня ничего против вашей воли, а вы будете знать все, что я сумею разузнать о корсиканском деле. Говорят, что туда прибыло 3 военных корабля, подозревают, что с ними прибыл и Теодор. Конечно, это только предположения, но верно то, что Г-н Бриньоли уехал отсюда раньше, чем предполагал, после прибытия курьера. Не знаю, сумеет ли он продвинуть дело, помня о болезни Кардинала. Его Высокопреосв<ященство> неплох, но нельзя сказать ничего верного о его здоровье. Поговаривают даже, что он не сегодня-завтра отправится в Исси. Я сейчас уезжаю в Фонтенебло, после возвращения смогу сообщить вам более верные

известия. А пока благодарю вас за новости. Мне стало жаль Лючезина и я посмеялся над Роли. Я признал в нем ребенка в 50 лет: ему нужен опекун, чтобы он смог составить себе состояние. Прощайте, М<илостивый> Г<осударь>, не переставайте любить меня и верьте в мое неизменное совершенное уважение.

10

22 окт<ября> 1738 г. <Париж>
Г-ну Гастальди

На этой неделе получил от вас два письма — от 13 и 16 окт<ября> — и с последним письмом копию письма Мил<орда> Кроуфорда. Я весьма тронут вашим проявлением дружбы и вашим вниманием ко мне, письмо Милорда любопытно как по стилю, так и по содержанию. Нет никакого сомнения, что Миних повернул назад, но я далек от того, чтобы верить доводам, приводимым Милордом. По крайней мере, я позволю себе сомневаться в них, пока не получу каких-либо сведений от своего Двора. Ежели мне не сообщат чего-нибудь получше, я поверю Милорду. Как бы то ни было, письмо Мил<орда> весьма ценно, поскольку полностью опровергает все ложные слухи, которые ходят здесь о дурном состоянии нашей армии, о потере всей нашей артиллерии и второй гибели Фельдмаршала Миниха, коего то заставят утонуть, то воскреснуть. Вы не можете вообразить, как в сем славном граде любят сочинять легенды. Г-на кардинала, живущего в 2 шагах отсюда, объявят то больным, то покойным, то процветающим — и все это в течение одного дня. Однако верно то, что он вполне благополучен, ибо я видел его трижды на неделе, причем в последний раз он при мне прогуливался по саду три четверти часа подряд, чего обыкновенно не могут себе позволить умирающие. Правда он нескоро приедет в Фонтенебло, но единственно потому, что Король 8 Нояб<ря> уезжает в Версаль.

Г-н Бриньоли пробыл несколько дней в Париже и снова вернулся в Фонтенебло, чтобы хлопотать о помощи, оговоренной в вашей конвенции, и я узнал из верного источника, что скоро будут отправлены 4 батальона против Короля Теодора, который, без сомнения, уже на Корсике. Ясно, что эти 4 батальона преуспеют не больше, чем первые, ежели не проявят более активности. Не подлежит сомнению, что за обещанные вами две тысячи вы со временем получите оговоренные в конвенции войска, но за выполнение остальной части конвенции я бы не смог поручиться, поскольку это во многом зависит от развивающихся событий. Но никакое событие не в силах поколебать мое почтение к вам, посему вы всегда можете полагаться на мои услуги в отношении вашего Посланника.

Новости из Венгрии к этому часу не так дурны, как вы полагаете. Белград вовсе не подвергался осаде: Турки отступили от Банна, и полагают, что они сгруппировались в Ниссе: есть даже письма, сообщающие о превосходстве Императорских войск, но подробности пока неизвестны. Г-н Васснер, коему я кланяюсь, возможно имеет уже более точные сведения, что до меня, то в отсутствие Пр<инца> Лихтенштейнского я пользуюсь только сведениями, исходящими из Министерского корпуса.

Здесь вообразили, что Ответы на решение Ген<еральных> Штатов по делу о Жюлье и Берге не слишком для них благоприятны, однако не могут это объяснить сколько-нибудь вразумительными причинами. В конце концов, надо думать, это дело не кончится миром. Чтобы прочно уладить колкие перебранки, требуются более мощные средства, нежели бумага. Это позволяет мне предположить, что ожидаемая вами от Испании ратификация, не положит конец взаимным упрекам того и другого Двора, подписавших конвенцию 29 Августа. Если вы можете прислать мне ее копию, то премного меня обяжете. Вы имеете чувствительные последствия от прочного союза Г-на Осорио и Г-на Фицджеральда: здесь наблюдается подобный между Министрами обоих Дворов, явно имеющих виды на Италию, которые

непрерывно провалятся из-за несовместимости интересов Испании и Сардинии.

Торговец фарфором, о котором вам говорил Г-н Скальчи, может сыграть такую шутку со своей сестрой, ежели она не примет необходимые предосторожности, о чем я ее предупреждал, но я не могу ничем помочь, это будет как горчица после обеда.

Мне бы очень хотелось увидеть Крафтсман, о коем вы пишете, и узнать, как ваши дела с Послом, который сердит на вас. Он должен иметь вескую причину для своего поведения, хотелось бы знать ее. По поручению государя меня просили купить для него *Дон Кихота* на испанском языке последнего лондонского издания, умоляю, купите экземпляр в долг и, адресуя его Пр<инцу> Лихтенштейнскому, пошлите кого-нибудь в Кале, чтобы отправить его с почтовой каретой, а я вышлю вам сумму, какую вы укажете. В остальном остаюсь ваш.

11

<5 ноября 1738 г. Париж>

Г-ну Гастальди

Ваше любезное письмо от 27-го нашло меня в Фонтенебло, откуда я вчера вернулся, пробыв там 5 или 6 дней. Вы подумаете, что я привез оттуда целый ворох новостей, но вместо того я привез с собой одну лишь скуку. Эта местность хороша для охотников и для любителей обедов и игр, все эти три достоинства, слава Богу, полностью у меня отсутствуют. Не могу сказать вам ничего нового о Корсике помимо того, что уже имел честь изложить в предыдущем письме. Добавлю только, что ваш министр и сам толком не знает, что там происходит, посему так и неизвестно, принят ли Сеньор Теодор мятежниками или нет. В первом случае выступят французские войска и со временем туда пошлют подкрепление числом около 10000, включая тех, кто уже там.

Ратификация, как мне говорили, произойдет с некоторыми

оговорками; прошу вас, известитесь об этом поосновательнее и сообщите мне верные новости. Поговаривают даже, что понадобится новое обдумывание перед заключением договора.

Весть о Комп. рассмешила меня по отношению к предпринимателю, и я разыскал Крафтсман Здесь есть Кафе, в котором я могу его получить, не прибегая к помощи Милорда Уолдгрейва. Герцог Крафтон обещал мне черно-белую суку от Короля Чарльза, он меня бесконечно обяжет, если придет ее. Тысяча благодарностей за присылку письма Миледи Конигсли и за обещанного *Дон Кихота*. Вы всегда можете располагать мною как человеком чести.

12

<Ноябрь 1738 г. Париж, Г-ну Гастальди>

Я подозревал, как вы видите из моего последнего письма, что ваша миссия пришлась не по вкусу вашему Двору, но я хотел бы знать настоящую причину, если вы знаете что-нибудь, то вы меня весьма обяжете, сообщив мне ее так же подробно, как уже известные трудности, изложенные вами в письме от 26 окт<ября>.

О делах в Корсике я не имею никаких новостей, и я даже думаю, что дела там идут не так плохо, как вначале предполагалось, поскольку уже стало известным, что ваш Трефовый Король, действительно, не был там принят и следовательно торговцы, снабдившие его оружием в надежде получить масло, могут сказать как знаменитый попугай времен Аргупе: *Oleum et oregan perdidimus*¹. Поговорка подходит и бедняге Аббату Паретти, поскольку сослужив недобрую службу своему другу, он не может больше пользоваться его дружбой. Хорошо остерегаться иезуитов.

Дон Кихот, обладающий столь добрым нравом, придет

---

¹ Мы потеряли напрасно масло и труд (лат.).

всегда кстати и будет замечательно принят, но его желают получить дезабилье, потому что его ожидает великолепная одежда: достаточно принадлежать Пр<инцу> Лихтенштейнскому, чтобы иметь подобное одеяние. Сей Посол представляет собой блестящую фигуру и через 3 недели ему предстоит выход и, говорят, он будет великолепен. (Я пишу вам это, чтобы вы могли сделать сравнение с тем переплетом, который вы можете заказать в Лондоне через вашего доброго друга.) Видите, М<илостивый> Г<осударь>, если мы с вами не можем отпраздновать рождение Короля, то все же нам представится возможность лицедреть великолепию, правда, будет недоставать Франчесины и Лючесины, мне досадно не столько за них, сколько за их пенье, поскольку Французская музыка слишком хороша для моих ушей. Я был один раз в опере, но я обещаю вам не делать этого больше никогда в жизни, разве если только меня туда потянут за волосы. Только дамы способны на такие чудеса, как если бы ваши дамы слушали спокойно и с удовольствием Франчесину. Капризы не в диковинку в стране, где вы живете. Свидетельство тому свадьба сестры Миледи Албернарл. Я бы ни за что не поверил, что она выйдет замуж за скрипача, поскольку у капитана Тореза, по-моему, нет других достоинств, возможно, у него есть скрытые достоинства, кои Мадам предпочитает внешним. Недавно мне представился случай встретиться с Г-ном Бриньоли, который передал мне от вас поклон, и я повторяю так часто, как могу, мои уверения в совершенном уважении и привязанности, с коими остаюсь.

13

**<28 ноября 1738 г. Париж>
Г-ну Шев<алье> Осорио**

Если бы вы были виновны в том, что не вспоминали меня больше месяца, то я бы сказал, что вы полностью искупили вашу вину. Однако вам не стоило исписывать три страницы

извинениями, потому что я всегда знал, что вы не способны меня забыть и что я не заслуживаю столь долгого молчания. Ваши учтивость, ум и доброе сердце давно мне известны, и они мне сказали, что вы не переменялись, я так ценю вас и вашу дружбу, что льщу себя надеждой, что вы никогда не переменитесь ко мне. Поскольку мне тоже часто случается откладывать отвечать на письма на самый день почты, то я воображал, что не получаю от вас писем по этой самой причине. Правда, я пожаловался на ваше молчание Г-ну Морскому Коммодору, но это потому, что я много теряю, не получая от вас писем, а я был бы весьма рад получать от вас известия без дополнительных формальностей. Однако, М<илостивый> Г<осударь>, хотя ваши извинения заполнили письмо, которое я и так не считаю слишком длинным, тем не менее я был рад ему и премного вам за него обязан. Мне знакомо, что значит жить на бойком месте, и я знаю даже то, о чем вы не пишете, как трудно оставаться любезным, так что я не удивляюсь тому, что у вас постоянно гости и только звон часов способен заставить уйти ваших приятелей. Конечно, М<илостивый> Г<осударь>, среди тех, кто сейчас с вами, вам должно не хватать Г-на и особенно Г-жи Лосс, которые, наверное, уже в Дрездене. Я надолго задумался над этим «которые», желая написать вам кое-что другое, но закончил фразу Дрезденом, предлагая вам самому закончить ее мысленно и думаю, ваша мысль будет гораздо приятнее. Хотелось бы верить, что преемник Г-на Лосса в какой-то мере заменит его, но кем можно заменить Г-жу Лосс. Говорят, его преемник холост, а если он женат, то кто знает, будет ли его жена столь любезна и учтива. Ни один Двор не может так удачно менять своих Министров, как Португальский. Я сужу об этом по составленному вами портрету преемника Г-на Азеведо: оба они любезны, оба обладают достоинствами, делающими человека приятным другим. Если один говорит хуже по-французски, то невелика беда. Предоставьте это Г-ну Азеведо, и он научит его всему необходимому. Мне здесь подали надежду, что скоро мы увидим их в Париже. Я буду счастлив обнять его, тем более что я еще не усовершенствовал мое произноше-

ние. А пока я кланяюсь ему и шлю поцелуй как ему, так и его преемнику, полагая, что тот не оскорбится моим поцелуем.

Авантюра с французскими актерами занимала некоторое время все языки и ваш вещун не отстал от других. Будет благом, если бедняки, пожелавшие показать неудобство богатства, не докажут неудобство бедности, неудобство весьма досадное для тех, кто вынужден вернуться из страны, где должников безжалостно бросают в тюрьмы.

Я до сих пор веду довольно скучный образ жизни. Я не приобрел много знакомых и уже, конечно, не приобрету их. Поскольку для этого надо обладать двумя бесценными достоинствами, которые у меня отсутствуют, то есть достаточное здоровье, чтобы есть и бодрствовать, и неистребимую склонность к столоверчению (игра в кадрили нынче не в моде). Я обыкновенно возвращаюсь к себе в десять часов, пройдясь по улицам и погревшись около двух-трех семейных очагов. Разумеется, во французских домах, ибо иностранные министры живут здесь, как и везде, то есть они едят, пьют в установленные часы, играют, если это требуется, или ведут беседу, и только в их обществе у меня бывают приятные минуты. Видите, М<илостивый> Г<осударь>, мне очень трудно освоиться с парижской модой. Если вы когда-нибудь приедете пожить в этот город, вы лишитесь многих иллюзий, кои внушают нам иностранцы, и особенно мнения о дешевизне, коей хвалится народ в Лондоне. Нет никакого сравнения в расходах в двух этих городах. Чтобы жить в Париже прилично, нужно втрое больше, чем в Лондоне, и если вы мерзнете у себя, то уверяю вас, я постоянно дрожу от холода, закутавшись в три пледа.

Боюсь, что письмо мое слишком длинно, потому заканчиваю его, у меня нет никаких новостей, заслуживающих вашего внимания. Все дела поразительно повисли в воздухе, за исключением Корсики, куда посылают 4 батальона против Короля Теодора. Однако это не стоит приписывать дурному состоянию здоровья Кардинала, коего я видел во вторник, у него цветущий вид, поразивший меня. Очевидно, замирение Испании и Анг-

лии будет еще некоторое время в том же состоянии (то есть в подвешенном состоянии и с не лучшим видом).

14

<28 ноября 1738 г. Париж>
Г-ну Гастальди

Прошу у вас тысячу извинений за то, что не сразу отвечаю на два ваши любезные письма от 9 окт<ября> и 9 нояб<ря>, кои я получил вовремя. Эти дни меня занимали всякие мелкие дела и несмотря на мое желание отодвинули меня от моего долга перед вами. Исполняю его теперь и покорно благодарю вас за весть о посылке *Дон Кихота*. Как только получу коробку, тотчас же передам Г-ну Бриньоли то, что ему принадлежит. В прошлую среду он дал великолепный ужин на 20 персон, куда я тоже имел честь быть приглашенным. Прекрасный порядок и тонкая еда, а также изумительная посуда привели в восторг гостей, среди коих было все семейство Г-жи Монконсей. Мы много говорили о вас, и я не преминул воздать должное вашим достоинствам. Те, кто судит вас иначе, не знает вас либо слишком хорошего мнения о себе.

Касательно корсиканских дел мне нечего вам сказать. Несмотря на постоянные попытки Г-на Бриньоли что-то сдвинуть с места, я думаю, дело ограничится посылкой вам ожидаемых 4 батальонов. Испанский Посол принял вчера курьера, который должен был привезти ратифицированный Английской стороной договор, однако там были только новые предложения относительно того затруднения, о котором вы мне сообщали и которое более чем реально. Я прочитал часть договора с Крафтсманом, на который вы мне указали, и начинаю как никогда думать, что до начала открытия Парламента к соглашению прийти невозможно, я огорчен этим из-за Шев<алье> Уолпола, который окажется в чрезвычайном затруднении. Вам известно, что такое Англичане, об остальном я предлагаю вам догадаться самому.

Все дела здесь, касающиеся иностранных Дворов, повисли в воздухе и вовсе не из-за болезни Кардинала, который прекрасно себя чувствует.

Вы меня бесконечно обяжете, если примете к сердцу дело, о котором я просил, касающееся благородного человека Лучера, я же буду с нетерпением ждать весточки о его ответе, чтобы вовремя сообщить о нем Г-ну Бертольди. Ежели Герцог Крафтон передаст вам собаку, будьте добры, передайте ее жене Джеймса, моего слуги, который вскоре должен ехать в Париж, если только вы не найдете okazji получше. Для меня нет большей радости, как засвидетельствовать вам мое совершенное уважение.

15

23 дек<абря>, <1738 г. Париж>

Г-ну Гастальди

Я не смог ответить с предыдущей почтой на ваше любезное письмо от 28 нояб<ря>, поскольку был слегка нездоров и в то же время занят мелкими делами, касающимися церемонии моей аудиенции. Наконец, она позади и я вернулся из Версаля совершенно оглушенный 4 произнесенными мною торжественными речами; для меня это больший подвиг, чем для Крестоносцев взятие Иерусалима. Видите, М<илостивый> Г<осударь>, слухи о том, что я имел частную аудиенцию у Короля, ни на чем не основаны, я только сегодня впервые имел честь увидеть Е<го> В<еличество>. Другое мнение — о якобы существующих разногласиях между моим Двором и Венским — совершенно ложное, тоже из области слухов. Оба Двора связывают столь крепкие отношения, что никаким козням не под силу их разрушить, а нынче их союз теснее, чем можно себе вообразить, и неверные, даст Бог, убедятся в этом на себе.

Да, М<илостивый> Г<осударь>, я прочитал в английских газетах (Милорд Уолдгрейв присылает мне самые свежие) о

почестях, оказанных Пр<инцу> Уэльскому в провинциях. Я чрезвычайно одобряю сами почести, но не намерения тех, кто их оказывал, ибо Английский Король самый достойный из людей, коих носит земля: он приветлив и ничуть не посягает на права своих подданных, посему у них нет причин на него жаловаться. Но сей народ, среди которого вы живете, имеет право вечно быть недовольным, так что не будем об этом больше говорить. Я искренне счастлив, что здоровье Е<го> В<еличества> поправилось и что вы сняли траур: мы это заметили по великолепному платью Г-д Англичан, путешественников, блиставших здесь 11 Дек<абря>, но весь их блеск не идет ни в какое сравнение с блеском Пр<инца> Лихтенштейнского, поразившим нас во время его выхода два дня назад. Такого великолепия в сей стране не видывали и заметьте, многие французы говорили, что это было безупречно прекрасно, что посол ничего не пожалел и что у него есть вкус. Немалая награда за 500 тыс. ливров, в которые обошелся выход! Сегодня то же зрелище повторилось в Версале, где он имел аудиенцию у Короля, Королевы, Наследника и дочерей Короля. Видите, М<илостивый> Г<осударь>, до самого дня аудиенций Русские и Немцы находятся в тесных отношениях. Я не сообщаю вам подробностей о самом выходе, вы их, конечно, найдете в газете, которая совершенно справедливо не обошла вниманием праздник Г-на Бриньоли. Он действительно стоит того. Я хотел бы вас также известить, что назначен его преемник, и в то же время уверить, что мне это весьма досадно, ибо он лишил меня надежды увидеть вас в этой стране. Еще недавно мы с Г-ном Бриньоли долго говорили о вас и скажу без лести, я увидел, что он очень справедливо судит о вас, он очень вас хвалил и заверил меня, что без решения Респ<ублики> хочет еще на некоторое время сохранить при этом Дворе своего Посланника и пытался вызвать сюда вас с жалованьем покойного Г-на Сорба. Вам, конечно, известно, что его семья получила от Респ<ублики> денежное пособие в 24 тыс. франков, но, возможно, вы не знаете, что Г-н Кард<инал> поблагодарил за это Г-на Бриньоли. В дополнение к благодарности были переданы еще 24 тыс. лив-

ров, что вполне под стать его щедрому и справедливому характеру.

Я ничего не слышал о возобновлении торгового договора между Францией и Англией; однако я постараюсь известить вас и передать вам то, что узнаю.

Жалобы Испании в их мемории к Генеральным Штатам, видимо, произведут то же действие, что и запросы Англичан в парламент. Мне кажется, что последняя война так утомила людей необходимыми на ее ведение расходами, что почти во всей Европе преобладает дух переговоров; словом почти я исключаю мой Двор, готовый, как видите, в любую минуту двинуть войска.

Шведский договор — это всего лишь ратификация соглашения 1738 г., и добрые намерения Барона Шпарра (глупость коего мне давно известна) никого не тревожат. А Г-н Бонневаль и его покровители не извлекут из них никакой выгоды. Я премного вам обязан за хлопоты о цветах Г-жи Бертольди, о чем я посылал одно письмо вам, а другое просил передать ей.

Пр<инц> Лихтенштейнский пока не получил своего *Дон Кихота*, а я с нетерпением ожидаю собаки. Кланяйтесь от меня Барону Вазнеру и примите уверения в моей истинной привязанности.

16

14 Янв<аря> <1739 г. Париж>, Г-ну Гастальди

Небрежность за небрежность; не знаю, не сочтете ли мою небрежность более значительной, не получив до сих пор ответа на свои письма от 18 и 28 Дек<абря>. Ваша объясняется отсутствием новостей, а моя — отсутствием здоровья. Моя причина уважительнее. Понадобилась лихорадка, продолжавшаяся 40 часов и заставившая меня 10 дней не выходить из комнаты, чтобы я оказался недостаточно пунктуальным по отношению к вам. Слава Богу, я отделался испугом и теперь

хожу, будто ничего и не было. Нынче я вернулся из Версаля; итак, М<илостивый> Г<осударь>, будьте добры, простите небрежность моего письма, которое было задумано в виде отдельных пунктов.

Испанское дело заслуживает первого места: Вы меня чувствительно обяжете, сообщив мне разные мнения по сему вопросу. Здесь полагают, что оно плохо кончится, я видел письмо одного Англичанина, который ожидает больших стычек на ближайшем заседании Парламента.

Все, что я писал вам о Короле Великобритании, суть мои подлинные чувства и, разумеется, когда я посылал письмо, у меня в мыслях было только выказать мои чувства. Так что никакой лести тут нет.

Вы можете прочитать полное описание выхода Пр<инца> Лихтенштейнского в Амстердамской газете, которая на сей раз оказалась весьма правдивой. Разумеется, вы не увидите блеска этого выхода, но вообразите все мыслимое великолепие и не ошибетесь. Пр<инц> с нетерпением ожидает *Дон Кихота*, а я очень благодарен вам за хлопоты о его присылке.

После моего последнего письма Корсиканские дела весьма переменились: мятежники атаковали французов, явившихся разоружить их по распоряжению своего двора. Эту новость привез курьер Г-на Буассье, затем было приказано выступить еще десяти батальонам на сей пустынный остров, так что общим числом их двадцать. Таково общее мнение о необходимом количестве войск, хотя его еще не объявили Г-ну Бриньоли. 6 числа Г-н Бриньоли имел прощальную аудиенцию, однако он останется до приезда своего преемника. Он непременно сообщит вам, что Король на аудиенции во всеуслышание сказал ему, что он может заверить Респ<ублику>, что Король сделает все возможное, чтобы скорее уладить дела на Корсике. Я уверен, что Маркиз окажет вам добрые услуги при Респ<ублике> для желаемой вами перемены звания, ибо он всегда говорит мне о вас с уважением.

Русский Министр при Британском Дворе поистине неожиданный феномен; его считают препятствием в деле Жюльена и

Берга. Последнее решение двух морских держав по сему вопросу здесь назвали мыльным пузырем, детской игрушкой. Хотелось бы знать, что у вас думают о деле Штейнхорста.

Тысяча благодарностей за хлопоты о цветах для Г-жи Бертольди, я передал ей ваш поклон. Прошу вас, М<илюстивый> Г<осударь>, употребить все усилия, чтобы окончательно завершить это дело и покончить все счета с Лучера, и будьте так добры, купите разноцветной шерсти для вышивания по цене 5 ливров стерлингов, каждой по несколько оттенков и после этого хорошо упакуйте и отправьте кого-нибудь в Ливорно, чтобы передать это Г-же Бертольди, и сообщите мне, кому я должен заплатить за это.

Более чем правда, что я скучаю в славном граде Париже: вечно надо играть и иметь хорошее здоровье, чтобы ужинать и бодрствовать, если после ужина следуют развлечения. Если вам интересно мое мнение, оставайтесь в Лондоне. Я сделаю все возможное, что снабдить вас двумя *Горациями*, а вас умоляю прислать мне с оказией через Господина Вебера нижеупомянутые книги: *Отвлеченное of Is. Newton, Chronology by Mr. Rendeni 8° both*¹ изд., 2 экземпляра, а *compleat system of optics with remarks by Robert Smith*². 2 тома in 4°, printed at Cambridge 1728. Sold by Stephan Austin in St. Pauls Church-yard³.

Честь имею оставаться.

17

14 янв<аря> <1739 г. Париж>, г-ну Осорио <в Лондон>

Настоящая причина моего молчания — лихорадка, заставившая меня десять дней не выходить из дома. Прости вас, Госпо-

---

¹ Ис. Ньютона, Хронологию М-ра Рендени 8° оба (англ.).

² полную систему оптики с примечаниями Роберта Смита (англ.).

³ в 4°, изданную в Кембридже 1728. Продажа у Стефана Остина возле Сен-Пол Черч-Ярд (англ.).

ди, если вы приписали его другим причинам. Но, М<илостивый> Г<осударь>, я думаю, вы сами угадали эту причину, поскольку, зная мое к вам почтение, не могли подумать, что я вас забыл.

Теперь я поправился и вернулся из Версаля. Эти маленькие поездки не доставляют ничего, кроме неудобства. Однако я не хочу упустить повода поблагодарить вас за любезное письмо ваше от 22-го и пожелать, в свою очередь, вам всяческого процветания в начавшемся новом году. Прошу не сомневаться, М<илостивый> Г<осударь>, в искренности моих пожеланий. Впрочем, не судите о Париже по моим высказываниям. Наши пристрастия, настроения, порой наши капризы представляют собою род очков, заставляющих видеть предметы не в том цвете, в коем они существуют на самом деле: Мои очки говорят мне, что Париж столь же скучен, сколь и Лондон. Что касается до вас, возможно, вы найдете его очаровательным. Я говорил вам, М<илостивый> Г<осударь>, что в Париже, чтобы развлекаться, нужно играть и иметь крепкое здоровье. Что касается до вас, возможно, вы нашли бы его очаровательным. Может быть, немного любезности заставило бы меня переменить мнение, но я ее совсем не имею по той причине, что не желаю менять свой образ жизни. Мне жаль, что вы не имеете больше возможности посещать спектакли, ведь это, наверное, единственное ваше развлечение, исключая общество ваших Соотечественников, если оно еще имеется. Мои же Соотечественники здесь почти постоянно собираются вместе в разные кружки, так что приходится изрядно потрудиться, чтобы застать их дома. Исключение составляет Г-н де Соларо, но исключение он, к великому сожалению, потому, что болен, у него задержка мочи, эту болезнь еще не умеют хорошо отличать от камней в мочевом пузыре. Меня чрезвычайно беспокоит его здоровье, тем более что наши доктора только и знают, что *seignare, purgare* и *clisterium dare*¹. Им надо бы поставить в пример вашего Сибле-

---

¹ прописать слабительное и клистир (лат.).

ра, чтобы освободить его от чувства ревности после продажи его жены. Я слышал, что у вас в Парламенте будет разбираться с полдюжины дел о супружеской измене. Наши рогоносцы более умеренны. Они предоставляют своим женам делать все что угодно, лишь бы те не просили денег. Забота о деньгах возлагается на волокит. Это необходимое условие начиная с Дам и кончая девицами.

18

<20 февраля 1739 г. Париж, г-ну Кассано, в Лондон>

Ваше Преп<одобие>,

Я весьма чувствителен к вашим любезным словам, выраженным в вашем письме от 29 Янв<аря>, которые столь же лестны для меня, сколь изящно изложены. Ваши хлопоты о продаже моей мебели не менее меня обязывают, и я думаю, что тем, что у вас осталось, вы можете распорядиться так, как указываете в своем письме. Я не считаю возможным назначать какую-либо цену и следовательно следует отдать их тому, кто даст наибольшую цену. Возьмите на себя также труд справиться у Г-на Мэлмана о 28 Ливрах Стерлингов и нескольких Шиллингах, которые он должен был получить за ружье, посланное Гр. Головкину. Г-н Дингли также должен мне некоторую сумму, вырученную за мою посуду, проданную при отъезде из Лондона, за которую он так и не отчитался. Я оставил вам также, сколько помню, записку Английского Капитана, который должен был привезти в Петербург для Г-на Стрешнева стальную печать, она так и не была передана. Однако за нее было заплачено ювелиру три с половиной гиней, не считая стоимости коробки.

Все мои требования, совершенно законные, составляют небольшую сумму, которую прошу вас передать кредиторам, сообщив мне остаток, чтобы я мог его им вручить. Остаюсь преданный вам

Р. S. Пришлите мне, пожалуйста, снова список долгов Джонсона, потому что я потерял свой. Прибавьте к нему долги Спешнева и Несвитяева, я получил деньги для уплаты.

19

24 февр<аля> <1739 г. Париж>

Г-ну Осорио <в Лондон>

Не умею выразить, как я тронут вашим сочувствием к моему продвижению. И ваши рассуждения по сему поводу мне весьма лестны, хотя я сознаю, сколь они незаслуженны. С вашей стороны несправедливо будет думать, что перемена должности переменит мои чувства к вам. Признаюсь, что для меня великая честь представлять Великую Госпожу, но осмелюсь заметить, что она не вскружит мне голову до такой степени, чтобы забыть вашу дружбу и все, чем я вам обязан. Но довольно комплиментов, я знаю — вы их не любите, а я отнюдь не великий оратор в сем жанре. Тысяча нижайших благодарностей за известия, кои вы были так добры мне сообщить в своем письме, и за копию торжественной речи: Вы не поверите, как я был тронут вашим вниманием в то время, как мы здесь сгорали от нетерпения узнать, чем же закончилось дело. Невзирая на то, что Е<го> В<еличество> Король Великобритании произнес в 2 Палатах, здесь убеждены, как и вы, что это дело на самом деле вовсе не окончено и что впереди большой шум. Как знать, разве только вам все известно после сообщения Конвента. Вам известны руководители противоположной партии, кои умеют великолепно разжигать огонь, и в то время, как они займутся этим в Лондоне, в Мадриде найдутся такие, кто поймет их с полуслова. Поговорим о чем-нибудь более веселом. Третьего дня, 21-го числа, Король, выходя из Совета, объявил о свадьбе Дона Филиппа с его дочерью Марией Луизой Елизаветой Французской, и все тотчас же отправились поздравлять новую Инфанту. Мы, иностранцы, сегодня отправились к Королевне,

а также к Е<е> В<еличеству> и Дофину, хотя поздравление было немым, мы пришли всем корпусом и сделали наши реверансы в полном молчании по той причине, что нас официально не уведомили о свадьбе. Двор был весьма многочисленным и очень веселился. Мы ожидаем многочисленных праздников до отъезда Королевы, который назначен на 6 августа. Дон Филипп явится на границу встречать ее и, как выражался Карл II, исполнить роль носильщика. Я не сомневаюсь, что скоро будет объявлено о свадьбе Дофина с Инфантой Терезой, поскольку хотя и все держится в тайне, но доподлинно известно, что дело уже слажено.

Счастливец Маркиз Менский, которому выпало вести такие переговоры. Конечно, они заканчиваются кровопролитием, но при удовольствии обеих оскорбленных сторон и удовлетворении всего общества, имеется в виду здешнее общество, поскольку я сомневаюсь, что у вас думают так же. Я нахожу замечательным ваше мнение по делу Штейнхорста и могу только сказать вам, что переговоры Англичан в Копенгагене по поводу договора о субсидиях успешно продвигаются и опережают те, что начал там Г-н Шевиньи.

Дай Бог здоровья тому, кто проглотит такую горькую пилюлю, как Миледи Анна Лавлей. Что до меня, случись у меня сильнейший приступ вожделения, меня бы не заставили воспользоваться таким лекарством, если не считать различие в характерах и рождении или иначе сказать *mutatis mutandis*¹, Миледи Херберт и Франклин могут быть в том же списке.

Их число может также пополнить Карестини, поскольку он в высшей степени безумец, отказавшись ехать в Лондон в то время, как Франчезина поет соловьем для англичан. Я вижу, М<илостивый> Г<осударь>, что мы имеем здесь преимущество в музыке с тех пор, как Кн. де Конгран вынужден вследствие нашей назойливости давать нам концерты раз в неделю. У него великолепный оркестр и поет Госпожа Ванлоо, так что

---

¹ с соответствующими изменениями (*лат.*).

во французской музыке нет ни одной ноты, к которой бы до сего дня мои уши не привыкли. Вы еще усугубили мою печаль, напомнив о М-ль Фортескью, не потому что мне не нравится слышать о ней, но я досажую, что не могу слышать ее саму. Будьте любезны, кланяйтесь ей и ее матери. Почаще пишите о ней, но не хвалите ее так. Вот, М<илостивый> Г<осударь>, длинное письмо, которое выглядит как образцовое послание некоего автора, ожидающего платы за свое сочинение. Сравнение верное, прошу вас не лишать меня вашей дружбы, а чувства, выраженные в моем письме столь же искренни, сколь вынужденны бывают похвалы в образцовых посланиях. Забыл вам сказать, что Король и Дофин получают орден Золотого Руна, чего не было уже несколько веков.

Честь имею

20

<24 февраля 1739 г. Париж>
Г-ну Гастальди <в Лондон>

То, что Г-н Бриньоли сообщил вам относительно рапортов, это буквально так, а из моего последнего письма вы увидите, что мы не знаем, что с ними стало. Верно также то, что вы прочитали в письме из Голландии касательно нашего соглашения по Венскому договору: его еще не похоронили, но поскольку никаких препятствий тут не имеется, то вскоре это и произойдет. Шевалье Уолполу можно пожелать подобного положения дел с Испанским Двором, так как несмотря на те слова, что Английский Король произнес в своей торжественной речи, судя по тому, что вы мне написали, дело еще не закончено. Что за гадкая вещь — недовольство кучки умирающих и всего народа. И тут я вспоминаю также о деле. Поскольку я питаю особое уважение к Г-ну Шевалье, я желаю, чтобы противоборствующая партия не переменяла своих мыслей, как она когда-то вы-

разилась о Sturdy Beggars¹. К тому же, в Мадриде найдутся те, кто станет раздувать пламя.

22-го числа сего месяца по выходе из Совета Король объявил о свадьбе Дона Филиппа с Марией Луизой Елизаветой Французской, тогда же она вместе с Е<го> В<еличеством> принимала поздравления по этому случаю. Наш Посольский корпус принес свои поздравления сегодня. Видимо, скоро объявят о свадьбе Дюфина с Инфантой Терезой, это пока держат в тайне, хотя стороны уже договорились между собой.

Переговоры Англичан в Копенгагене продвигаются и опережают Г-на Шевиньи. Тысяча благодарностей за заботу о моем здоровье, оно заметно поправилось, благодарю также за ваши хлопоты по выполнению моих поручений. Вы можете рассчитывать, М<илостивый> Г<осударь>, что я не забуду о вашем *Горациии*, но пока я его не нашел. Умоляю вас, пришлите мне разъяснения по прилагаемым ниже вопросам, чтобы я мог дополнить описание церемониала, который вы так любезно прислали мне. Поскольку я вернулся из Версаля и должен выезжать, я спешу заверить вас в моем почтении и искренней дружбе, с коими остаюсь

1. Члены Палаты, о которых упоминается в Церемониале, Лорды или Грумы?

2. Произносит ли Лорд-Граф какое-либо приветствие от имени Короля?

3. Подает ли Посл<анник> им руку? И как он обращается к нему и к членам Палаты?

4. Кто садится с Посл<анником> в кареты и каким образом?

5. Как обращаются с Посл<анником> в гостинице Сомерсет, положена ли ему охрана? Во время аудиенции Король и Посл<анник> стоят и не снимают головных уборов? Тот же вопрос и относительно прочих аудиенций.

---

¹ Стойких Парнях (англ.).

6. Когда Посл<анник> присутствует на аудиенции у младшего Принца, они оба сидят в головных уборах?

7. Король, обращаясь к нему с речью, находится в головном уборе?

8. У меня совершенно отсутствуют подробности того, что происходит между Посланником и иностранными Послами, когда он появляется на приеме.

21

3 Марта <1739 г. Париж> <Кантемир — неизвестному>

Более двух недель назад я послал вам вексель Г-на Дингли на 25 ст. 3 ш., 9 д., умоляя вас принять его к уплате и затем вернуть мне. Поскольку я до сих пор не получил ответа, боюсь, как бы мое письмо не затерялось. Прошу вас о любезности сообщить мне, так ли это, чтобы я мог заручиться новым векселем. Вы меня весьма чувствительно обяжете. Я вернулся из Версаля, однако особых новостей оттуда не привез. Шапка кардинала, врученная Г-ну Тансену, Архиепископу Амбрюнскому, вас, вероятно, не слишком заинтересует, и вы, наверное, уже знаете о заключении Договора о сотрудничестве Англии и Дании, подписанного в Копенгагене 16 февр<аля>. Вы легко можете угадать, как здесь принято последнее известие, но по поводу первого я должен сказать, что здешний Двор в течение десяти лет сильно противился назначению Г-на Тансена, а ныне ему вручили шапку, в которой отказали губернатору Рима. *Altri tempi, altre cure!* Г-н Тансен низкого происхождения и своим возвышением всецело обязан своим достоинствам: это высшая похвала, какую я могу высказать: у него много друзей и еще больше врагов, поскольку он является ревностным защитником

---

¹ Другие времена, другие заботы (лат.).

Bulle Unigenitus¹ против Янсенистов. Говорят, что он метит очень высоко, но, боюсь, он будет обманут в своих ожиданиях. За неимением других новостей вынужден закончить свое письмо, остаюсь ваш

22

8 марта <1739 г. Париж>
Гр. Левенвольде <в Петербург>

Г-н Антонио Дуни, композитор и учитель музыки, исполнитель на клавесине и органе, намеревается ехать в Россию, чтобы давать Русской молодежи уроки музыки и открыть Музыкальный коллеж, просил меня написать к В<ашему> С<иятельству> и просить вашего любезного совета, как вы полагаете, может ли осуществиться подобный проект и может ли Дуни в таком случае рассчитывать на поддержку Двора. Поскольку передо мной хлопотали за него и заверили в его умении, я не смог отказать в его просьбе. Потому я взял на себя смелость нижайше просить В<аше> С<иятельство> оказать ему свое любезное покровительство и почтить меня словом ответа, каков бы он ни был. Я буду вам весьма чувствительно обязан, честь имею оставаться

23

10 марта <1739 г. Париж>
Г-ну Гастальди в <Лондон>

Мне посчастливилось оказаться в обстоятельствах, подобных вашим, когда вы мне писали письмо от 19 февраля, потому что сейчас я получил ваше письмо от 22-го числа. Вы бы не

---

¹ Булла Единобожия (лат.).

поверили, что я отвечаю одним письмом на два ваших, ведь я не пропускаю ни одной Почты. Для меня, М<илостивый> Г<осударь>, также было бы непростительно не оказывать всяческого внимания вам, который так внимателен ко мне и которому я чрезвычайно обязан. Прежде чем перейти к политическим новостям, позвольте мне, М<илостивый> Г<осударь>, поблагодарить вас тысячу раз за разъяснения к Церемониалу, за присылку акцептованного векселя и за ваши хлопоты по отправке шерсти, за которую я уже получил коносамент и квитанцию от кипрских торговцев, хотя последняя мне вовсе не нужна. Я незамедлительно займусь отправкой упомянутого коносамента и уплатой, следуя вашим указаниям, и буду счастлив при случае оказать вам подобную любезность. *Гораций* у меня уже в руках, и я, наверное, пошлю его вам вместе с платками с курьером Милорда Уолдгрейва, но советую вам заранее купить микроскоп, поскольку размеры *Горация* дьявольски малы. Я заставил перевернуть весь Париж, чтобы достать эту книжку и Бог знает, можно ли найти вторую: так что, М<илостивый> Г<осударь>, не считайте за худое. Вернемся к политике. Я смертельно огорчен при виде того, в какой лабиринт попал Шев<алье> Уолпул, из коего ему вряд ли удастся выбраться с честью: всегда считалось, что соглашение, заключенное недавно, не отвечает ожиданиям народа, и из того, что вы мне сообщили, я вижу, что тучи сгущаются и вот-вот разразится гром и молния; имея удовольствие в течение нескольких лет жить в Лондоне, я без большого труда мог предвидеть все это. Поведение Милорда Скарбороу, впрочем весьма достойное уважения, дало бы прекрасную пищу для Романа. Оставить место в 5000 Ливров, чтобы голосовать в пользу Двора и уступить после голосования в пользу Двора — для этого надо обладать истинным великодушием. Все эти дрязги весьма выгодны соседям, и можете поверить, они этим отнюдь не раздосадованы... Передайте мое почтение Г-ну Пуччи, я откладываю ответ на его прекрасный сонет до следующей почты. В конце я призываю вас по моему примеру писать ко мне на французский манер

без церемоний, заверяю вас в моем почтении и привязанности, ничего более не добавляя и не ставя подписи.

24

<15 марта 1739 г. Париж>
Г-ну Бракелю, <в Лондон>

Г-ну Бракелю.

Я отложил удовольствие отвечать В<аше> П<ревосходительство> на ваше любезное письмо от 25 февр<аля>, думая сообщить вам что-нибудь положительное о мерах здешнего Двора на переговорах с Турцией, после чтения писем Г-на де Вильнев; но, к сожалению, пока не имею возможности это сделать. Я обнаружил даже у Г-на Кардинала то, чего никак не ожидал. В прошлый Вторник он передал мне, что поскольку наш Двор, так же как и Венский, до сих пор не вручил ему документов, относящихся к сим переговорам, в то время, как он узнал, что в Швеции видели одно из писем на эту тему, адресованных Гр. Остерману, Е<го> П<ревосходительство> находит уместным поправить себя и не давать мне отныне никаких письменных разъяснений. В то же время он намекнул, что было лишним давать мне копии писем Г-на Вильнев, потому что все эти письма были прочитаны и изучены в Вене прежде, чем в Париже. Министры Государя отрицают сие обстоятельство, клянясь всеми богами. Словом, я так сбит с толку подобными словами, что не могу постигнуть, что происходит, хотя мне не составило большого труда доказать ему, что его подозрения неверны. Неоспоримо то, как В<аше> П<ревосходительство> заметили, что война затянется и чтобы выйти из нее, надо, чтобы Государь победил врага.

Гр. Вогренан откладывает со дня на день свою поездку, поскольку Кардинал находит его притязания чрезмерными. Речь идет о его жалованье и других расходах Посольства: трудноразрешимый вопрос. Все прочие догадки о возможных при-

чинах его задержки неосновательны, поскольку в конце концов вполне достаточно может быть переписки между двумя Дворами в отсутствии посланников обеих стран. Е<го> П<ревосходительство> узнал окольными путями о беспокойстве Лондона по поводу последнего соглашения с Испанией. Это беспокойство возрастает день ото дня, и Двор только что потерял Герцога Аржильского и Милорда Скарбороу, двух очень важных персонажей, примкнувших к противоположной партии. Желаю, чтобы Шев<алье> Уолпул с честью вышел из этого дела.

25

**21 марта <1739 г. Париж>
Г-ну Гастальди, в <Лондон>**

Я все больше уверяюсь в вашей дружбе ввиду вашего постоянного внимания, которое меня бесконечно обязывает. Вы не можете представить, от какого нетерпеливого ожидания избавило меня ваше письмо от 5 марта. Здесь одни говорили, что Соглашение одобрено верхней Палатой, другие, напротив, придерживались мнения, что оно отвергнуто нижней Палатой большинством голосов: сегодня, благодаря вашей доброте, я узнал правду, и не стану скрывать, я смертельно огорчен труднейшим положением, в какое попал Г-н Уолпул: Кажется все восстало против него. Как распределяют столь значительные суммы и что говорит Герцог Бредфорд? Я бы желал, чтобы вы еще раз взяли за перо и написали бы мне словечко о его красноречии, так как по правде говоря я слишком невысокого о нем мнения. Я думаю то же самое о речи Герцога Аржильского. Это, возможно, самый опасный враг, чем партия Двора может себе представить. Если не считать Милорда Эссекса. Вы правы, говоря, что не знаете, как Испания примет новость, так как я не думаю, что будет решено что-нибудь по этому поводу и, видимо, она пойдет своим путем в надежде, не лишенной основания: так что я думаю, что совет Парламента по отношению к

будущему Договору не будет принят или не будет принят сам Договор. Все это логические рассуждения, и ежели мое предсказание сбудется, все произойдет, как и ожидалось: но вы, разумеется, не ждите, что Дон Филипп будет объявлен мятежниками Корсиканским Королем. Однако Корсиканские письма выдают его; я же подозреваю, что эта новость заслуживает особого внимания из-за ее правдоподобия. Время покажет, что сбудется. Вы хорошо осведомлены в деле Штейнхорста, которое улажено таким образом, как вам сообщили, и договор о субсидиях будет вот-вот подписан, несмотря на то, что Г-н де Шевиньи предоставил карт бланш со своей стороны: что касается до нашего договора с Английским Двором, повторяю вам доверительно, что не имею о нем ни малейших сведений и узнал о нем только из вашего письма. Более того, Английский Посланник знает не более моего об этом вопросе. Мне стыдно, М<илостивый> Г<осударь>, говорить о вашем Горации: однако я должен сказать. Когда я писал предыдущее письмо к вам, он лежал у меня на столе. Мне прислал его один Ливонец с хозяином книги, который не застав меня дома, оставил ее, не уведомив о цене. Он пришел на другой день и потребовал за нее шесть луидоров. За шестифранковую книжку платить шесть луидоров! Я счел, что сие значило бы сделать шестикратную глупость, и я вернул ему книгу, поскольку всегда найдутся люди, готовые поискать ее (то есть эту книгу). Ежели вы не одобряете моего поступка, я в любое время могу сделать эту глупость. Ваши платки отправлены третьего дня с Г-ном Гроули, который позаботится о том, чтобы передать их вам. Жду с нетерпением книг, которые вы мне расхвалили. Если вы не найдете лучшей okazji, то Г-н Амикони может послать мне с кое-какой мелочью, о которой я его просил. Не удивляйтесь, что я не сообщаю особых новостей о стране, где сейчас нахожусь, потому что на самом деле здесь не происходит ничего заслуживающего внимания, здесь внимательно следят за событиями, чтобы понять, какой стороной можно лучше воспользоваться, и я полагаю, что в денежных делах (простите за столь прозаический предмет) подспудно нарастает поворот. Очевид-

но, брожение пока еще не закончено. Не находите ли вы, что это замечание достойно быть включенным в предисловие к какому-нибудь альманаху? Прощайте, М<илостивый> Г<осударь>.

Перевод Л.В.Калужной

Комментарии

1. А.Кантемир из Лондона к Сорба в Париж. 23 сентября 1736 г.

АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. 1736 г. Д. 598. Л. 32—32 об.

Сорба Джан Батиста, генуэзский посланник в Париже, оказал сердечный прием А.Кантемиру в Париже в 1736 г., ввел его в салоны французской столицы. Сорба выполнил важное поручение российского дипломата по изготовлению лучшими парижскими оружейниками шести ружей с драгоценной отделкой для императрицы Анны Иоанновны. Сорба оказывал Кантемиру помощь в поисках автора пресловутых «Московитских писем». Для русского посланника была большой утратой смерть итальянского коллеги 12 апреля 1738 г.

Гастальди Джаиам Батиста, сначала секретарь генуэзской миссии в Лондоне, позже там же уполномоченный посол республики Генуя. (См. комм. к письму 8.)

...Государыни Императрицы... — Анна Иоанновна (1693—1740), российская императрица с 25 января 1730 г. Дочь Ивана V Алексеевича, племянница Петра I. С 1710 герцогиня Курляндская — выдана замуж за герцога Курляндского. Возведена на престол Верховным тайным советом на условиях («Кондициях») ограничения самодержавия в пользу феодальной аристократии. Опираясь на дворянство и гвардейских офицеров, 25 февраля 1730 г. Анна Иоанновна отказалась от выполнения «Кондиций». Верховный тайный совет был ликвидирован. Глав-

ной опорой императрицы, не утруждавшей себя государственными делами, были прибалтийские дворяне-немцы, занявшие во главе с фаворитом Э.И.Бироном, господствующее положение в правительстве.

Головкин Александр Гаврилович (?–1760), сын канцлера Г.И.Головкина. В 1711–1727 гг. был русским послом в Берлине, в 1731–1739 гг. — в Голландии.

2. А.Кантемир из Лондона к Сорба в Париж. 4 октября 1736 г.

АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. 1736 г. Д. 598. Л. 35–35 об.

Жандрон Клод (1663–1750), глазной врач в окрестностях Парижа, которого посещал Кантемир в 1736 г. У русского посланника была глазная болезнь, следствие перенесенной в юности оспы. Кантемир переслал из Англии в подарок Жандрону настенные часы (генуэзский посланник Сорба помог их доставить без пошлины).

...ничего выдающегося, кроме восстания в Шотландии... — В 1736 г. в Эдинбурге была назначена казнь контрабандиста, собралось много народа, и английский офицер, руководивший казнью, открыл стрельбу по толпе. Разгневанная толпа схватила этого офицера и повесила. Английское правительство решило ответить суровыми репрессиями и вынесло этот вопрос на обсуждение в парламенте. Репрессии против шотландцев поддержала супруга английского короля эрцгерцогиня Каролина, которую Кантемир очень уважал. Но к этому событию у него было свое отношение: в письме русский посланник морально оправдывает народный самосуд и оспаривает мнение Каролины.

Азеведо-Коутинхо Марко Антонио, чрезвычайный посланник португальского короля в Лондоне.

Фаринелли (1705–1785), выдающийся итальянский певец-кастрат, обладал восхитительным сопрано. Фаринелли прибыл в Лондон в 1734 г. В Англии его первым поклонником был принц

Уэльский, но певец в 1739 г. переехал в Испанию, где получил более высокий гонорар.

3. А.Кантемир из Лондона к Сорба в Париж. 11/12 октября 1736 г.

АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. 1736 г. Д. 598. Л. 36—36 об.

4. А.Кантемир из Лондона к Сорба в Париж. 23 ноября 1736 г.

АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. 1736 г. Д. 598. Л. 46 об.—47.

5. А.Кантемир из Лондона к Полиньяку в Париж. 6 марта 1738 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 16—16 об.

...Ваше Высокопреосвященство... — Мельхиор де Полиньяк (1661—1742), известный французский кардинал, принадлежал к кругу знакомых маркизы Монконсей и был женат на ее сестре. Благодаря маркизе произошло знакомство Кантемира с кардиналом в 1736 г.

Монконсей, маркиза, была известна своими англофильскими настроениями. Кантемир с ней регулярно переписывался с 1736 по 1738 гг. на самые разнообразные темы: о событиях в обществе, в литературе и музыке, как в Англии, так и во Франции. Из переписки видно, что маркиза обладала завидной начитанностью, большим художественным вкусом и хорошо владела пером. Знакомство их состоялось в ноябре 1738 г. после назначения Кантемира российским посланником в Париже, где он был дружески принят благодаря маркизе.

6. А.Кантемир из Лондона к Жирардону в Париж. 17 августа 1738 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 59 об. (черновик).

7. А. Кантемир из Парижа барону Вазнеру в Лондон. 23 сентября 1738 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 72–72 об. (черновик).

Осорио Ахаркон Джузеппе, чрезвычайный посол Сардинии, позже премьер-министр у себя на родине. Кантемир познакомился с ним в 1733 г. в Лондоне на приеме в посольской миссии Сардинии. После переезда русского посланника в Париж между ними завязалась переписка. Кантемир в письмах к своему эрудированному итальянскому другу особо блистал поэтическими афоризмами и остроумными оценками и выражениями.

...Короля... — Людовик XV (1710–1774), французский король с 1715 г. Из династии Бурбонов. До 1723 г. регентом был герцог Филипп Орлеанский. После совершеннолетия Людовика XV управление Францией находилось в руках герцога Бурбона в 1723–1726 гг. и бывшего воспитателя французского короля кардинала Флёри в 1726–1743 гг. В 1743 г. он объявил о своем намерении править самостоятельно. В дальнейшем значительную роль в государственных делах стали играть фаворитки Людовика XV: маркиза Помпадур, графиня Дюбарри. Расточительность короля привела в расстройство казну. В 1757 г. на короля было совершено покушение. Правление Людовика XV ознаменовалось кризисом французского абсолютизма.

...Принцу Лихтенштейнскому... — Иоганн Непомук Карл (1724–1748), князь Лихтенштейнский с 1732 г. В 1699–1712 гг. земли графства Вадуц (1342) и владения Шелленберг были приобретены австрийским князем из рода Лихтенштейн и в 1719 г. объединены в княжество Лихтенштейн, находившееся в непосредственной зависимости от Священной Римской империи. Кантемир был очарован дружеским приемом князя Лихтенштейнского, о чем свидетельствуют письма Кантемира.

**8. А.Кантемир из Парижа к Гастальди в Лондон.
27 сентября 1738 г.**

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 75—75 об. (черновик).

В АВПРИ хранится 19 писем Гастальди и 16 ответных писем Кантемира за 1738—1739 гг. А.Кантемира с уполномоченным послом республики Генуя Джиамом Батиста Гастальди связала в Лондоне прочная дружба. Их переписка завязалась после переезда русского посланника в Париж. Кантемир получал от Гастальди данные о новейших событиях английской политики, а также сведения о музыкальной и театральной жизни Лондона. Гастальди наблюдал за пересылкой библиотеки Кантемира и покупал для него новые книги, выходявшие в Лондоне. Гастальди готов был поступить на службу в Российское посольство в Париже под начало Кантемира, но этому препятствовало его католическое вероисповедание. Об этом он писал 27 сентября 1739 г. Кантемиру, уже официально аккредитованному при французском дворе (АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1739 г. Д. 10. Л. 16 об.—17).

Новости о нашей Армии ... Миних ... разбил 20 тыс. турок на берегах Днестра. — Один из эпизодов русско-турецкой войны 1735—1739 гг., которая явилась следствием русско-турецких противоречий, обострившихся в связи с русско-польской войной 1733—1735 гг. и усилившимися набегами крымских татар. Эта война была продолжением борьбы России за выход к Черному морю. В мае 1736 г. Днепровская армия фельдмаршала Б.К.Миниха (62 тысячи человек) штурмом захватила перекопские укрепления, а в июне заняла Бахчисарай. Но из-за недостатка воды и продовольствия вынуждена была вернуться на Украину. В июле 1737 г. армия Миниха штурмом овладела турецкой крепостью Очаков. Тем временем Донская армия Ласси форсировала Сиваш и вступила в Крым, заняла Карасубазар. Но по указанным выше причинам также была вынуждена оставить Крым. В августе в Немирове начались мирные переговоры между Россией, Австрией (союзницей Рос-

сии с 1736 г.) и Турцией, которые окончились безрезультатно. В 1738 г. активные боевые действия почти не велись. В связи с эпидемией чумы русские войска оставили Очаков и Кинбурн. В 1739 г. 58-тысячная армия Миниха переправилась через Днестр и 17(28) августа нанесла поражение турецкой армии у Ставучан, заняла крепость Хотин, которая капитулировала 19 (30) августа, и Яссы. Но Россия была вынуждена заключить с Турцией Белградский мирный договор 1739 г., по которому Россия вернула себе Азов.

Миних Бурхард Кристоф (1683–1767), граф, русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал с 1732 г. Родился в Ольденбурге. С 1721 г. на русской службе. При императрице Анне Иоанновне был президентом Военной коллегии с 1732 г., командовал русской армией в Крыму и Бессарабии в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. В 1742 г. сослан Елизаветой Петровной, возвращен Петром III — в 1762 г.

...Кардинал... — Флёрн Андре Эркуль де (1653–1743), французский церковный и государственный деятель. Кардинал с 1726 г. и фактически первый министр при Людовике XV. Опирался на иезуитов, преследовал янсенистов. Успешно управлял экономикой и внешней политикой Франции. Добился заключения Францией договора с Испанией (первый так называемый фамильный договор Бурбонов 1733 г.), Венского мира в 1738 г. с Испанией. Выступал против участия Франции в войне за Австрийское наследство.

Уолдгрейв, английский посол в Париже. Благодаря его посредничеству Кантемир продолжал получать во Франции лондонские газеты (в письмах упоминаются их названия: «Daily Advertiser» и «Daily Gazetteer») и следить по ним за событиями в Англии.

Уолпол Роберт граф Орфорд (1696–1745), премьер-министр Великобритании в 1721–1742 гг., лидер вигов. Английский король Георг II являлся и герцогом Ганноверским, поэтому он редко бывал в Лондоне. Власть в стране фактически принадлежала Роберту Уолполу, который искусно управлял государст-

вом, вопреки парламентской оппозиции, и при этом не брезговал никакими средствами, в том числе подкупом депутатов. Выдающийся финансист, он стремился во внутренней политике сочетать интересы лендлордов и буржуазии. В 1739 г. он утратил свою популярность и получил отставку. 23 августа 1738 г. Кантемир в депеше своему правительству писал о Роберте Уолполе, что он «человек весьма добрый и острого ума», зная склонности своей нации, он предпочитает в своей внутренней политике «золотую узду», а не силовые методы; во внешней политике он, «опасаясь от войны преумножения неприятелей своих или разделения власти своей во многие руки», он любит тишину, потому при правлении его «трудно ожидать отсюда какого смелого действия»¹.

Амикони Джакомо (1675–1752), известный итальянский художник. Амикони был пейзажистом, но в Лондоне он работал как театральный художник и специализировался на портретах, которые пользовались большим спросом. Он был другом певца Фаринелли: известна его картина в стиле галантного рококо, на которой итальянский певец изображен в некоем храме, окутанный облаками, увенчанный цветами и окруженный обнаженными женщинами и амурами. Кантемир познакомился с художником в 1734 г. Кисти Амикони принадлежит известный портрет Кантемира в парике и кружевном жабо (портрет хранится в Пушкинском доме), с которого было сделано несколько гравюр. По поручению своего русского друга Амикони создал в 1738 г. гравюры на меди Петра I и Анны Иоанновны — в ответ при посредничестве Кантемира он получил книги и географические карты Петербургской Академии наук. Амикони помогал при пересылке библиотеки Кантемира из Лондона в Париж. Кантемир передал на хранение Амикони важные бумаги, которые позднее были переданы по назначению новым людям в посольстве.

---

¹ *Кантемир А.Д.* Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. Т. 2. С. 102–103.

9. А. Кантемир из Парижа к Гастальди в Лондон. 7 октября 1738 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 80—81 об. (черновик).

Бриньолли, генуэзский дипломат в Париже.

...о корсиканском деле... — В 1729 г. корсиканцы подняли восстание против генуэзского владычества и вели борьбу за независимость вплоть до 1769 г., но потерпели поражение. За владычество над Корсикой воевала и Франция. В письмах обсуждаются эпизоды этой борьбы. По Версальскому договору 1768 г. Генуя уступила Корсику Франции.

Теодор Нейгоф (1690—1756), барон, корсиканский король. Поражение в Борго вынудило его покинуть Корсику.

Ролли Паоло (1687—1767), итальянский поэт. Во время своего 28-летнего пребывания в Англии (1716—1744) он служил преподавателем — учил итальянскому языку принца Уэльского. В числе особых заслуг Ролли — перевод на итальянский язык «Потерянного рая» Мильтона в 1735 г., а также издание ряда итальянских классиков: Ариосто, Берни (эти книги были в библиотеке Кантемира). Ролли писал литературно-критические статьи об изданиях Боккаччо, об итальянской поэзии и переводах Анакреона. Стихи самого Ролли появились в Лондоне еще в 1717 г. и в библиотеке Кантемира было их второе издание: «Стихи Паоло Ролли. Верона, 1733». Ролли давал уроки итальянского и в ряде знатных домов. Кантемир также принадлежал к числу его учеников: под его наблюдением он перевел на итальянский язык «Историю Османской империи» своего отца. Возможно, итальянский учитель подтолкнул Кантемира к переводу на русский язык Анакреона в 1736 г., так как Ролли тоже в это время работал над его переводом. Итальянский поэт оказал известное влияние на формы перевода у русского поэта. Кантемир ввел нерифмованный русский стих, который был распространен в итальянской поэзии. Позже Кантемир обосновал его в своем сочинении «Письмо Харитона Макентина к приятелю».

лю о сложении стихов русских». Он обозначил стих, мерой которого является количество слогов без рифмы, «свободным стихом». Кантемир применил этот стих в своем переводе Горация в 1742 г.

10. А.Кантемир из Парижа к Гастальди в Лондон. 22 октября 1738 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 88—89 (черновик).

...новости из Венгрии к этому часу не так дурны, как вы полагаете. Белград вовсе не подвергался осаде: Турки отступили от Банна, и полагают, что они сгруппировались в Ниссе... — В июле 1737 г. в войну против Турции вступила Австрия, которая была союзницей России с 1726 г. Австрийские войска в этой войне терпели поражение за поражением за редкими исключениями.

По поручению государя меня просили купить для него Дон Кихота... — «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605) — роман испанского писателя Мигеля Сервантеса (1547—1616) — одно из выдающихся сочинений эпохи Возрождения, оказавшее большое влияние на мировую литературу. По просьбе императора Карла VI (с 1711—1740 гг., австрийская династия Габсбургов), Кантемир достал издание «Дон Кихота» для австрийского посла.

11. А.Кантемир из Парижа к Гастальди в Лондон. 5 ноября 1738 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 94 об.—95 (черновик).

12. А.Кантемир из Парижа к Гастальди в Лондон. Ноябрь 1738 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 98 об.—99 об. (черновик).

13. А.Кантемир из Парижа к Осорио в Лондон. 28 ноября 1738 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 103–105 (черновик).

Лосс Иоганн Адольф, фон (1690–1740), барон, с 1733–1738 гг. он был посланником прусского короля в Англии. У него было специальное поручение от своего двора поддерживать контакты с российским дипломатом, совместно с ним добиться поддержки со стороны английского короля признания им Карла Августа Саксонского польским королем¹. Из сообщений прусского посла Лосса следует, что он вместе с Кантемиром предпринимал общие действия по некоторым политическим вопросам. После отъезда барона фон Лосса в августе 1738 г. из Лондона Кантемир в своем письме от 14 октября 1738 г. выражал сожаление по поводу его отставки и выражал надежду, что сохранит с ним контакты, куда бы он ни поехал, и будет поддерживать с ним переписку². Кантемир послал барону фон Лоссу в Дрезден в подарок сервиз. Вскоре в 1741 г. они увиделись вновь в Париже, куда Лосс получил назначение.

...замирение Испании и Англии будет еще некоторое время в том же состоянии (то есть в подвешенном состоянии и с не лучшим видом)... — Торговая буржуазия Англии в то время была настроена на войну с Испанией за обладание колониями. Поводом были неоднократные нападения испанских судов на английские торговые корабли. Уолпол вел осторожную политику: предпочитал откупиться, чтобы вернуть домой захваченные испанцами суда.

14. А.Кантемир из Парижа г-ну Гастальди в Лондон. 28 ноября 1738 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 105 об. — 106 (черновик).

¹ См.: Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1884. В. 19. S. 215.

² АВПРИ. Ф. Парижская миссия. Д. 7. Л. 49.

Испанский Посол принял вчера курьера, который должен был привезти ратифицированный Английской стороной договор, однако там были только новые предложения ... до начала открытия Парламента к соглашению прийти невозможно... — Договор должен был предотвратить угрозу англо-испанской войны — снять взаимные претензии и противоречия между странами, которые все же привели в 1739 г. к торговой колониальной войне.

15. А.Кантемир из Парижа г-ну Гастальди в Лондон. 23 декабря 1738 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 110 об.— 112 об. (черновик).

...о якобы существующих разногласиях между моим Двором и Венским... — Эти разногласия, по-видимому, были связаны с войной России в союзе с Австрией с 1736 г. против Турции (см. комм. к письму 8). Большие потери и неудачные военные действия австрийской армии, вступившей в войну против Турции в июле 1737 г., привели в августе того же года к началу мирных переговоров между Россией, Австрией и Турцией, которые окончились безрезультатно. Но позже, 21 августа (1 сентября) 1739 г., союзная держава все же подписала сепаратный мир, по которому Австрия возвращала Турции Сербию и Малую Валахию. По инициативе Австрии, стремившейся склонить Россию к миру ценой отказа от своих требований (условия договора не соответствовали успехам русских войск), при посредничестве Франции, с Турцией был заключен Белградский мирный договор 1739 г. По этому договору Россия вернула себе Азов, но с обязательством не вооружать его и скрыть укрепления; России также запрещалось держать флот на Азовском и Черном морях. Таким образом, «благодаря» Австрии, не была решена главная задача русско-турецкой войны — наша страна не получила выхода к Черному морю.

...о почестях, оказанных Пр<инцу> Уэльскому в провинциях. — Фредерик Льюис (1707—1751). Кронприц находился

в оппозиции королевской власти и этим завоевывал симпатии английского народа.

...здоровье Е<го> В<еличества> поправилось... — Георг II (1683–1760), английский король с 1727–1760 гг., Ганноверская династия. Ему были чужды культура и национальные интересы Англии. Проявлял мало интереса к английской политике, что помогло стоявшей у власти партии вигов укрепить самостоятельность парламента по отношению к короне.

...у Короля, Королевы, Наследника и дочерей Короля. — Людовик XV (1710–1774), французский король с 1715 г., брак в 1725 г. с Марией Лещинской (Польской) (1703–1768), дочерью Станислава Лещинского, в 1733–1734 гг. восстановленного французской дипломатией на польском престоле. Дофин — Людовик (1729–1765), отец Людовика XVI (1754–1793). Дочери: Мария Елизавета (1727–1759), Анна Генриетта (1727–1752), Луиза Мария (1728–1733), Алиса (1732–1800), Виктория (1733–1799), Софи (1734–1782), Тереза Фелисите (1736–1744), Луиза (1737–1787).

...без решения Респ<ублики>... — Генуэзская республика, с XII в. могущественная морская держава, с XIV в. неоднократно попадала под власть Франции и Милана. В 1528 г. по 1797 г. была восстановлена как республика, зависимая от Испании. В XVII—XVIII вв. основой экономики республики стало банковское дело, прежде всего международные кредитные операции.

Жалобы Испании в их мемории к Генеральным Штатам... — Высший постоянно действующий законодательный орган сословного представительства Республики соединенных провинций — Нидерландов. До нидерландской буржуазной революции XVI в. был основой оппозиции испанскому режиму в стране. Речь идет о торгово-колониальных претензиях обеих стран.

...последняя война так утомила людей необходимыми на ее ведение расходами, что почти во всей Европе преобладает

дух переговоров... — Война с Турцией явилась следствием недавней войны за Польское наследство (1733—1735), между Россией, Австрией и Саксонией, с одной стороны, и Францией — с другой. Поводом послужили выборы короля на польский престол после смерти Августа II в 1733 г. Война закончилась подписанием 3 октября 1735 г. прелиминарного, а 18 ноября 1738 г. в Вене окончательного мира (Венский мир) между Австрией и Францией. Франция признала саксонского курфюрста Фридриха Августа II польским королем (Август III), ее ставленник Станислав Лещинский (1677—1766), польский король в 1704—1711 гг. и в 1733—1734 гг., отказался от притязания на польский престол, но получил Лотарингию, которая после его смерти должна была перейти к Франции. К младшей линии испанских Бурбонов переходили (от Австрии) Неаполь и Сицилия. Австрия получала Парму и Пьяченцу, к герцогу Францу Стефану Лотарингскому (зятю императора Карла VI) переходила Тоскана. К Венскому миру присоединились в 1739 г. Пьемонт, Испания, Россия и Польша.

...словом почти я исключаю мой Двор, готовый, как видите, в любую минуту двинуть войска. — Речь идет о русско-турецкой войне. См. комм. к письму 8.

...Шведский договор — это всего лишь ратификация соглашения 1738 г.... — Венский мир. См. комм. выше.

16. А.Кантемир из Парижа г-ну Гастальди в Лондон. 14 января 1739 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 119—120 об. (черновик).

Гораций Квинт (65 до н.э. — 8 до н.э.), римский поэт. Трактат «Наука поэзии» стал теоретической основой классицизма. Кантемир переводил Горация неоднократно.

...Отвлеченное of Is. Newton... — Исаак Ньютон (1643—1727), английский математик, механик, астроном и физик, член с 1672 г. и президент с 1703 г. Лондонского королевского об-

щества. Фундаментальные труды: «Математические начала натуральной философии» (1687), «Оптика» (1704). Кантемир в 1739 г. работал над переводом его труда «Диалоги об оптике» (в библиотеке поэта есть издание этой книги 1739 г.), рукопись перевода считается потерянной. Итальянский писатель Франческо Альгаротти (1712–1764), друг Кантемира в Англии, упоминает — о русском министре, вдохновенном Минервой и Аполлоном, благодаря которому великий Ньютон заговорит на русском языке, — в стихотворном посвящении императрице Анне Иоанновне (в 1739 г. Альгаротти по протекции русского посланника был в Петербурге) к книге «Ньютонизм для дам».

**17. А.Кантемир из Парижа г-ну Осорио в Лондон.
14 января 1739 г.**

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1738 г. Д. 7. Л. 121–122 (фрагмент черновика).

**18. А.Кантемир из Парижа г-ну Кассано в Лондон.
20 февраля 1739 г.**

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1739 г. Д. 5. Л. 9 об.—10 (черновик).

Ваше Преп<одобие>... — Священник Кассано, возглавлявший православную церковь российского посольства в Лондоне, после своего дяди Бартоломея Кассано (?–1737), с которым также переписывался Кантемир.

**19. А.Кантемир из Парижа г-ну Осорио в Лондон.
20 февраля 1739 г.**

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1739 г. Д. 5. Л. 13–15 (черновик).

...для меня великая честь представлять Великую Госпожу... — Анну Иоанновну. См. комм. к письму 1.

...о свадьбе Дона Филиппа с его дочерью Марией Луизой Елизаветой Французской... — Брак старшей дочери французского короля (см. комм. к письму 15) с герцогом Филиппом Пармским (1720–1765) состоялся 25 октября 1739 г.

...к Е<е> В<еличеству> и Дофину... — См. комм. к письму 15.

Карл II (1630–1685), английский король с 1660 г., из династии Стюартов. Провозглашение его королем означало реставрацию монархии в Англии.

...о свадьбе Дофина с Инфантой Терезой... — Брак дофина Людовика (см. комм. к письму 15) с Марией Терезой Испанской (1726–1746) состоялся 23 февраля 1745 г.

Шевиньи, французский посол при Лондонском дворе.

Лавлей Анна, английская аристократка, в 1741 г. вышла замуж за пастора Лоренса Стерна (1713–1768), выпускника богословского факультета Кембриджского университета (1738), ставшего классиком английской литературы. Кантемир осуждает в письме их любовный роман.

Ванлоо, супруга голландского художника Ванлоо, жившего и работавшего в это время в Лондоне. Он писал портреты представителей английской аристократии, и его работы пользовались необыкновенной популярностью.

Херберт, английская аристократка, молодая вдова лорда Херберта, вышла замуж за видного актера Джона Берда из труппы немецкого композитора Генделя (1685–1759), жившего в то время в Лондоне. В наказание за неравный брак она была изгнана из светского общества.

20. А.Кантемир из Парижа г-ну Гастальди в Лондон. 24 февраля 1739 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1739 г. Д. 5. Л. 15–16 (черновик).

21. А.Кантемир из Парижа неизвестному в Лондон. 3 марта 1739 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1739 г. Д. 5. Л. 19 об.— 20 (черновик).

Тансен Пьер Герен (1679–1758), кардинал, архиепископ Амбрюнский, затем Лионский, принимал активное участие в борьбе против янсенистов, при покровительстве кардинала Флэри стал государственным министром.

...он является ревностным защитником *Bulle Unigenitus* против Янсенистов. — Янсенизм, неортодоксальное течение во французском католицизме. Толчком к его возникновению послужила публикация в 1640 г. труда К.Янсения об Августине. Резко противопоставляя истинно верующих массе формально приемлющих церковное учение, Янсений утверждал, что Христос пролил свою кровь не за всех людей. Книга Янсения была в 1642 г. осуждена папой Урбаном VIII, а в 1653 г. булла Иннокентия X осудила отдельные тезисы его учения. Но «ученики св. Августина» продолжали борьбу, оставаясь внутри католической церкви. Во Франции Ж.Дювержье де Оранн (известен как аббат Сен-Сиран) сделал оплотом янсенизма столичное аббатство Пор-Рояль, ставшее во 2-й пол. XVII в. важным центром французской культуры. К янсенизму тяготели Б.Паскаль и Ж.Расин.

22. А.Кантемир из Парижа гр. Левенвольде в Петербург. 8 марта 1739 г.

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1739 г. Д. 5. Л. 22 об. — 23 (черновик).

Левенвольде Р. фон, граф, гофмаршал при российском дворе. Участвовал в переговорах о приглашении в Россию итальянских музыкантов.

Антонио Дуни (1700–1768), итальянский дирижер и композитор. Он был рекомендован Кантемиром графу фон Левенвольде как учитель музыки для молодых русских дворян: в Петербурге хотели открыть музыкальный колледж, но этот проект не осуществился. Известно, что Дуни в 1750-е годы находился в России.

**23. А.Кантемир из Парижа г-ну Гастальди в Лондон.
10 марта 1739 г.**

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1739 г. Д. 5. Л. 23–25
(фрагмент черновика).

Скарбороу, лорд, член английского парламента, перешел в лагерь оппозиции королевской партии. При этом он терял солидный пост в правительстве.

Пуччи Винченцо, секретарь посольства герцога Тосканского в Англии. Знакомый Кантемира в дипломатических кругах в Лондоне, он поддерживал дружеские контакты с ним и во Франции. Пуччи прислал Кантемиру в Париж итальянский академический словарь и сопроводил подарок своим сонетом из лексики этого словаря¹.

**24. А.Кантемир из Парижа фон Бракелю в Лондон.
15 марта 1739 г.**

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1739 г. Д. 5. Л. 26 об. —
27 (черновик).

Бракель фон, прусский посланник в Лондоне.

...о мерах здешнего Двора на переговорах с Турцией... —
См. комм. к письму 15.

Остерман Андрей Иванович (1686–1747), российский государственный деятель, дипломат, граф с 1730 г. Родился в Вестфалии, на русской службе с 1703 г., член Верховного тайного совета. Фактический руководитель внутренней и внешней политики России при Анне Иоанновне. В 1741 г. сослан Елизаветой Петровной в Берёзов.

---

¹ *Майков Л.Н.* Материалы для биографии князя А.Д.Кантемира // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1903. Т. 73. С. 156.

**25. А.Кантемир из Парижа г-ну Гастальди в Лондон.
15 марта 1739 г.**

АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1739 г. Д. 5. Л. 32–33
(черновик).

Эссекс, лорд, член английского парламента, перешел в лагерь оппозиции королевской партии. О нем Кантемир в одном из писем иронически заметил, что он, собственно, ни к какой партии и не принадлежал, а думал только о собственных удовольствиях¹.

...не ждите, что Дон Филипп будет объявлен мятежниками Корсиканским Королем. — Герцог Филипп Пармский (1720–1765), зять французского короля, муж Луизы Французской (см. комм. к письмам 15 и 19), родоначальник Бурбон-Пармской ветви. Он был соперником короля Теодора Нейгофа и претендовал на корсиканский престол с французской стороны.

Н.Д.Блудилина

---

¹ АВПРИ. Ф. Парижская миссия. 1739 г. Д. 5. Л. 24.

[А.Д.Кантемир, Х.Ф.Гросс]

Так называемые «Московитские письма»

Общая характеристика

В 1735 г. у российского правительства особую озабоченность вызвало появление в печати «Московитских писем» («Lettres Moscovites»), по поводу которых Кантемир докладывал Остерману 15 ноября 1735 г.: «Я не видел изданных до сих сатир и либелльов, сия с крайнейшею бесстыдностью и предерзостию порекает двор, министров и весь народ российский, одну высочайшую ее импер<аторского> велич<ества> и принцев крови особ включая»¹.

Кантемир приложил немалые усилия, чтобы найти автора «Московитских писем», ибо они «наипаче вашего сиятельства и других господ чужестранных в российской службе касается, которых сам автор неслыханными попрекает браньями», — пишет он Остерману 14 ноября 1735 г. Поэт был готов выступить «в защищении славы моего отечества и партикулярно в предостережении вашего сиятельства чести»².

Кантемир пытался воспрепятствовать появлению книги в английском переводе и снова натолкнулся на противодействие свободной английской прессы, о чем сообщил в письме к государыне Анне Иоанновне 21 ноября 1735 г.: «...вольность здешняго народа так далеко простирается, что против своего собственного государя без всякой опасности повсядневно печатают.

---

¹ Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы... СПб., 1868. Т. II. С. 98.

² Там же.

Так называемые «Московитские письма».
Фронτισпис (издание 1738 г.)

Die so genannte
Moscowitische
Brieffe,

Ober
Die, wider die löbliche
Rußische Nation

Von einem
Aus der andern Welt zurück gekom-
menen Italiäner ausgesprengte abends-
theurliche Verläumdungen und Taus-
send Zügen

Aus dem Französichen übersezt/
Mit einem zulänglichen Register versehen,
und

Dem Brieffsteller so wohl, als seinen gleich-
gesinnten Freunden, mit dienlichen Erinnerun-
gen wieder heimgeschickt

Von einem Deutschen.

Frankfurth und Leipzig
Verlegt's Johann Leopold Montag,
Buchhändler in Regensburg. 1738. 1119

Так называемые «Московитские письма».
Титульный лист (издание 1738 г.)

И подлинно агличане свободное печатание почитают за фундамент своей вольности, а потому никакого акту парламента до сих пор сочинить было не можно противу издателей сатир и либеллов, когда в них имянно персоны не упоминаются»¹.

Наконец, Кантемиру удалось установить имя возлюбленной автора², а потом и самого сочинителя «Московитских писем» — Локателли³, жившего в России; о чем он сообщил в письме к императрице от 23 мая 1738 г., добавив при этом, что за Локателли установлена слежка⁴.

Однако попытки Кантемира начать судебное преследование автора пасквиля не увенчались успехом. В том же письме он писал, почему это оказалось невозможным: «...кроме того, вольность здешняго народа, который на всякий день в бесстыдных пасквинах против самого короля⁵ и министров показывается, так велика, что никогда чрез суд в подобных делах сатисфакцию получить не можно»⁶. «Потому, — докладывал он императрице о возможности самовольного наказания Локателли, — ...чрез тайно посланных гораздо побить и буде ваше имп<ераторское> велич<ество> тот способ опробовать изволит, то я оный в действии произведу...»⁷. Нет никаких свидетельств, что императрица выказала на то свое «соизволение».

У Кантемира была возможность опровергнуть клевету «Московитских писем» публично, в печати, которой он и воспользо-

---

¹ Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы... СПб., 1868. Т. II. С. 99.

² Он просил об этом своего парижского знакомого, генуэзского посланника Сорба; см. письмо Кантемира от 23.11.1736 г. из Лондона в Париж. АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. Д. 598. Л. 47.

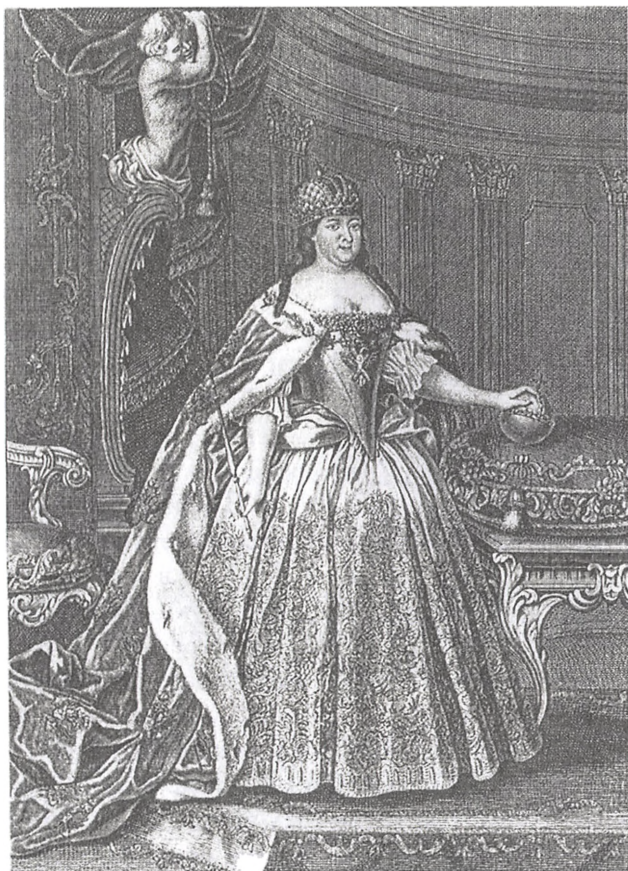
³ См.: Оболенский М.А. Сведения об авторе книги «Lettres Moscovites» // Библиографические записки. 1854. № 18. С. 545–546.

⁴ Кантемир А.Д. Сочинения... Т. II. С. 102.

⁵ Александров В.Н. Английская печать и отношение к ней русских дипломатических агентов в XVIII столетии // Русская старина. 1895. № 10. С. 125.

⁶ Кантемир А.Д. Сочинения... Т. II. С. 102.

⁷ Там же.

Анна Иоанновна

вался в Германии: совместно со своим секретарем Генрихом Гроссом он подготовил подробные примечания и возражения к немецкому изданию памфлета 1738 г., которые вышли под названием: «Так называемые “Московитские письма”, или Направленные против славной русской нации и составленные неким прибывшим с чужбины итальянцем немыслимые клеветы и тысячекратная ложь», с указанием места издания: Франкфурт и Лейпциг.

А.И.Остерман

По поводу изображения Остермана дается следующая характеристика этого видного государственного деятеля: «Знатный иностранец, государственный министр, о котором говорит автор “Писем”, на самом деле является человеком справедливости, честности и умеренности... Разум и благородство руководят им. Ему никогда не было свойственно неумеренное честолюбие...»

В примечаниях же цитируется известная речь Петра I 1714 г., в которой говорится, что науки и искусства из Греции перешли в Италию и Европу, даде же найдут свое пристанище в России. На эту тему Кантемир написал в 1730—

1731 гг. «Песнь» под названием «В похвалу наук»¹.

Несомненно, что Кантемир был инициатором немецкого издания «Московитских писем». Но кто был переводчиком и автором текстов примечаний?

Генрих Гросс, принятый в 1736 г. на посольскую службу в канцелярию Кантемира, возможно, перевел на немецкий язык текст памфлета с французского оригинала (см. выше). Правда, некоторые исследователи предполагают, что и перевод «Московитских писем» был поручен старшему брату Генриха Гросса — Христофу Фридриху Гроссу, который до 1728 г. был профессором Императорской академии наук в Петербурге и учителем

¹ Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 200–208, 465.

Кантемира, первым редактором и составителем «Санкт-Петербургских ведомостей», а в 1730-е гг. был домашним учителем и секретарем у вице-канцлера Остермана.

Версию, что именно Х.Ф.Гросс работал над подготовкой примечаний к немецкому изданию «Писем», доказывают архивные документы: «Списки книг и рукописей по истории и географии России, принадлежавших покойному проф. Гроссу», хранящиеся в «Канцелярских ордерах и документах к библиотечному и кунсткамерскому журналу 1748 году»¹. Благодаря хлопотам А.Кантемира из Парижа о письменном наследии Х.Ф.Гросса было указано: «По определению канцелярии академии наук велено письма покойного профессора Гросса, о которые господин профессор Миллер <в> академическом собрании объявил, что оные весьма достойны к хранению при академии, по каталогу принять в библиотеку...»². На листе приписано: «Получено сент. 21 дн. 1748 года № 1461»; а на его обороте помечено: «При сем ордере означенные книги и письма в библиотеке получены, и куда что подлежит поставлены»³.

В пользу этой версии свидетельствует и лингвистический анализ текста, в котором делается попытка вывести слово «русские» (Reis-Ryssen-Russi) из древненемецкого обозначения Атиллы как «бича божья» (Rute, Reis — розга, хлыст, прут⁴).

Комментатор приложил к переводу обширный исторический очерк России. При подготовке немецкого издания Кантемир просил Остермана о предоставлении ему соответственных теме материалов: об этом свидетельствуют и рукописи на темы истории и географии России в его фондах⁵. Это доказывает, что

---

¹ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 843. «Архив конференции императорской АН». Л. 78–85 об.

² Там же. Л. 77.

³ Там же. Л. 77–77 об.

⁴ Так называемые «Московитские письма»... С. 270.

⁵ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 843. С. 77–83.

Кантемир не только был инициатором издания, но и идейно управлял процессом его подготовки. Возможно, и резко сатирическое предисловие к нему принадлежало перу Кантемира.

Н.Д.Блудилина

Текст

**Die so genannte
Moscowitische Brieffe,**

oder

Die, wider die löbliche RUßISCHE NATION
Von einem aus der andern Welt zurück gekommenen Italiäner
ausgesprengte abentheurliche Verläumdungen
und Tausend Lügen.

Aus dem Französischen übersetzt,
Mit einem zulänglichen Register versehen,
und

Dem Briefsteller so wohl, als seinen gleichgesinnten Freunden,
mit dienlichen Erinnerungen wieder heimgeschickt
VON EINEM TEUTSCHEN.

Franckfurth und Leipzig
Verlegts Johann Leopold Montag,
Buchhändler in Regensburg. 1738.

An den vernünftigen und ehrlich gesinnten Leser.

Unter allen denjenigen, welche sich aus Unverstand oder Boßheit an ganzen Völkern und Nationen auf eine leichtsinnige, unbescheidene, leichtfertige und tückische Art vergriffen: Hat kein einziger so lange die Welt gestanden, seiner selbst und aller Schamhaftigkeit so gar vergessen, als der Verfasser der so genannten Moscowitischen Brieffe.

Was er vor ein Landsmann sey, meldet er in diesen Brieffen zum öftern, wie er aber heisse, und was er vor eine Bedienung bekleidet

habe: Hat das historische Jahrbuch von Anno 1736, p. 1170 in not angezeigt. Eben dasselbige berichtet auch, daß er aus Verdruß über einen in Franckreich bekommenen Korb, aus diesem Reiche fortgegangen, um sein Glück in der Welt anderswo zu suchen; und giebet hiernechst nicht undeutlich zu erkennen, daß er durch Liebe und wunderliche Einbildungen aus sich selbst gebracht, und daher in Rußland vor einen, der im Kopf nicht wohl verwahret, angesehen worden.

Wir können es weder zuverlässig bejahen, noch verneinen, daß ein dergleichen Korb Ursache an seiner Entweichung aus Franckreich gewesen. Insonderheit da sein Vorgeben von einen, falls er nicht die Flucht ergriffen, nothwendig zu vollziehenden Heyrath, (vid. p. 211. fq. 593 & 603) hiemit eben so wenig, als mit seiner, über alle massen seltsanen Discretion (vid. p. 216&604) überein zu kommen scheint: Müssen auch dahin gestellt seyn lassen, ob er über seine gehabte Liebeshändel närrisch worden. So viel aber ist uas seinem Thun und Lassen zur Genüge abzunehmen, daß er nicht füglich vor einen solchen Menschen, der seiner fünf Sinnen vollkommen mächtig gewesen, angesehen werden könne.

Wenigstens hat er einen garstigen Wurm im Kopfe gehabt, der ihn fast beständig genaget, und alle übrige bey ihm ausgebrütet. Dieser scheint seinen ersten Ursprung aus einer lächerlichen Aufgeblasenheit genommen zu haben. Denn er will ohne des Henckers Danck eine Persohn von vornehmer Ankunfft und hohem Stande seyn, und da er zu seinem höchsten Leydwesen in Rußland erfahren müssen, daß man so wenig in seinem Aufzuge als in seinen Manieren etwas vornehmes finden, noch weniger aber sich nach den seltsamen Bewegungen seines unrichtigen Kopfes richten können: So ist er darüber in eine solche Verwirrung gerathen, daß er selbst nicht mehr gewust, was er aus sich, oder aus denen, so ihm seiner Meynung nach nicht Ehre genug erwiesen, machen sollen. Endlich aber haben Grimm und Rachgier die Oberhand behalten, und weil es ihm so wohl an Ursache als an Vermögen gefehlet, sich an einzelne Personen öffentlich zu reiben: so hat er ganz Rußland desto hämischer ange-

sprengt, und alles, was ihm daselbst im Wege gekommen, es mag so heilig, erhaben und wohl geordnet, oder aber so geringe, dleichgültig und unachtbar seyn, als er immer wolle, auf eine heimtückische Art zu besudeln und zu beschmitzen getrachtet. Zur Verunglimpfung der rußischen Nation selbst aber, hat er alle Brunnen der Lügen ausgeleeret, und alle Abgründe der Verläumdungen und Lästerungen erschöpft, auch sich dabey in den Ausschweifungen seiner elenden Leydenschafttendergestalt verwickelt, daß man fast nicht weiß, ob er mehr Boßheit als Dummheit, mehr Bitterkeit als Leichtfertigkeit, und mehr Niederträchtigkeit als Tollkühnheit blicken lassen.

In einem solchem Sturm und Strudel ist die unseelige Geburth, welche den Titul der Moscovitischen Briefe führet, zur Welt gekommen. Selbige sieht zwar nach aller Welt Zeugniß, der heillosesten und unsinnigsten Schandschrift, so jemals das Tageslicht erblicket, so ähnlich als ein Tropfen Wassers dem andern; begräbet aber ihren Urheber selbst in denjenigen Koth, womit er andere zu besudeln vermeinet. Denn in den That scheint es fast nicht anders, als ob der *Pasquillant* sich selbst in gemeldeten Briefen geflissentlich als einen Erzlügner und Verläumder, Siegelbrecher, Pappierdieb, Verräther, Aufrührer, und, mit einem Wort, als einen Erzgalgenschwengel abgemahlet. Solchemnach ist allhier nicht die Frage: Ob das liederliche Schmierement eines solchen Purschen, will nicht sagen, eine ganze *Nation*, sondern nur den allergeringsten von derselben in ihrer Ehren und Würden beeinträchtigen könne? oder ob der Briefsteller der Mann sey, der das Ansehen habe, von den Sitten und der Gemüts Beschaffenheit ganzer Völker redlich urtheilen zu können, sondern ob dieses schändliche *Pasquill* an solchen Orten, wo es keiner rechtlichen *Animadversion* unterworfen worden, mehr einer stillschweigenden Verachtung als einer öffentlichen Beleuchtung würdig? Und ob es folglich einem ehrliebenden Gemüth nicht unanständig oder verkleinerlich, ein Word dagegen zu verlieren?

Die Rußische Nation steckt in keinem verborgenen, und von den übrigen Theilen des Erdbodens abgesonderten Winckel, sondern bewohnt und besitzt sehr grosse und ansehnliche Reiche und Länder

so wohl in Europa als Asia. Was dieselbe in den urältesten Zeiten gewesen, ist Gottlob! noch nicht völlig in das Grab der Vergessenheit eingesencket, und das Andenken von dem Glantz und Wohlstande, worinn sie sich in verschiedenen *Periodis* der nächstfolgenden Jahrhunderte befunden, ist ebenfalls noch nicht gänzlich erloschen. Die Schicksaale, welche diese *Nation* in den mittlern Zeiten, da Sie fast unter unzähligen Häuptern vertheilet gewesen, betroffen; können Ihrem Ruhm nicht das geringste benehmen, weil Sie sich mit einem ganz ungemeynen Muth, und mit mehr als heroischer Tapferkeit aus denselben heraus gerissen. Dasjenige aber, was sie in den neuern Zeiten rühmliches und grosses ausgerichtet, giebt nur allzudeutlich zu erkennen, daß das edle Geblüt Ihrer ersten Stammväter noch allerdings in ihren Adern walle, und daß Sie Ihrer Ankunfft von den urältesten und berühmtesten *Scythen*, die die Welt mit dem Ruhm Ihrer Thaten erfüllet, noch keinesweges vergessen. Was Sie zu unsern Lebezeiten gethan, ist vor den Augen der gantzen Welt geschehen. Sie hat nicht etwa über weibische Tropfen, sondern über Völcker, die wegen ihrer Tapferkeit vor andern bekannt gewesen, und zum Theil über weltberühmte Sieger *triumphiret*, und was noch mehr ist, Sie hat sich selbst besieget, wann Sie ihre Feinde gleichsam in den letzten Zügen liegen gesehen. Durch ihre eigene Tapferkeit hat Sie sich theils die Hochachtung und Freundschaft, theils aber die Ehrerbietung solcher Potentaten erworben, die sich gewiß durch kein leeres Blendwerck einnehmen lassen, und sich hiernächst ein solches *Votum in Senatu Gentium* durch ihre eigene Kräfte zu wege gebracht, als Sie nur immer wünschen mögen. Ihre Klugheit in der Staats-Regierungs- und Kriegswissenschaft, ihre Erfahrung in dem See-, Handlungs-, Finanz-, *Manufaktur-* und *Oeconomiewesen*, Ihr Wachstum in *Studiis* setzet die gantze Welt in Verwunderung. Ihr Bezeigen im gemeinen Leben haben verschiedene *Europäische* Völcker an gantzen Russischen *Armeen*; die vornehmsten *Europäischen* Höfe an Russischen *Ministres* und *Cavallieren*; die berühmtesten *Europäischen* Seehäfen und Börsen aber an Rußischen See- und Handelsleuten gesehen, und es wird nicht leichtlich ein Volck in *Europa* mehr anzutreffen seyn, von welchem nicht wenigstens einige vernünftige Leute sich etliche Jahre in Russland aufgehalten, das allgemeine Betragen

des Russischen Volcks mit gehöriger Aufmercksamkeit und Gleichmüthigkeit betrachtet, und sehr viel Gutes, und so wohl Lernens- als Nachahmungswürdiges bey selbigem gefunden haben solten. Wie wäre es denn wohl möglich, daß der allernichtswürdigste und schändlichste unter allen Menschen im Stande seyn könnte, die Ehre und Würde einer so edlen und rühmenswürdigen *Nation* auf einigerley Weise zu kränken, oder aber durch unsinnige Wäschereyen und lahme Eulenspiegels Possen derselben einigen Flecken anzuhängen?

Wer als ein vernünftiger und ehrlicher Mann eine gantze *Nation* beurtheilen, und von derselben Gemüthsbeschaffenheit und Sitten eine zuverlässige Nachricht geben will, der muß nicht allein gantz ungemeinen Verstand, sondern auch eine mehr als gewöhnliche Aufrichtigkeit besitzen, und so wohl sich selbst, als das gantze menschliche Geschlecht aus dem Grunde kennen. Er muß hiernechst so wohl aus den Geschichten als aus der Erfahrung wissen, was die berühmtesten Völcker vor langer oder kurtzer Zeit gewesen, was sie theils annoch sind, theils zu werden Hoffnung haben, theils aber schon wirklich wieder geworden. Ihm muß es bekannt seyn, daß es nach der menschlichen Unvollkommenheit unter allen Völkern gute und böse Menschen gebe; kein Volck aber von Natur vor andern tugend- und lasterhaftt, wohl gesittet oder ungeschlacht, tapfer oder feige, geschickt oder ungeschickt, munter oder träge sey, sonder daß es in diesem Stück fast alles mit einander auf die gute oder schlechte Erziehung und Anführung ankomme. Will er alsdann von einem gantzem Volck ins besondere ein richtiges Urtheil fällen, so muß er sich lange Zeit unter demselben aufgehalten, alle Gattungen von Leuten in genungsamen und freyen Umgange kennen gelernet, und sich gleichsam im Lande *naturalisiret* haben. So dann muß er nicht eine oder andere einzeln Persohn, vielweniger aber einen Ausschuß oder eine Grundsuppe des gemeinen Pöfels; sondern diejenigen in allen Ständen, so zu einem gesetzten Alter, genungsamer Erfahrung, und zu einem, sich zu ihrer *Condition* schickenden Vorzuge gediehen, zum Vorwurff seiner Beobachtungen nehmen, die Handlungen, so er von Hohen und Niedrigen in allerhand Vorfällen und Umständen bemercket, genau erwegen, das natürliche von dem angenommenen oder verstellten gehörig unterscheiden, was wider einander zu lauffen

scheinet nach den verschiedenen Veranlassungen, Gelegenheiten und Zeiten in gehörige Ordnung und Vergleichung bringen, das ordentlich und gewöhnlich vorkommende von dem zufälligen und ohngefahren absondern, das durch die *Exempel* der verschiedenen Regenten entweder verschlimmerte oder verbesserte, und durch deren fleißige Aufsicht oder Nachlässigkeit im Schwange gekommene in Betrachtung ziehen, alsdenn aber das Gute und Böse an seinen rechten Ort setzen, und dem einem so wohl als dem andern seinen gebührenden Werth oder Unwerth ohne alle Partheylichkeit beylegen. Bey allen diesem aber wird es am Ende dennoch schwer genug seyn, einen solchen Anspruch zu thun, der nicht annoch mancherley Ausnahmen und Einschränkungen unterworfen bleiben sollte. Wer siehet also nicht, daß unser Brieffsteller zur redlichen Beurtheilung der Rußischen *Nation*, und zur Beschreibung ihrer Sitten und Gemüthsbeschaffenheit eben so viel Geschicke gehabt, als das bekannte lastbahe Thier zum Lautenschlagen?

Indessen lachet derselbe ausser allen Zweifel darüber ins Fäustchen, daß er sein Müthlein so tapfer gefühlet, und daß es ihm gelungen, so viel Giff und Galle wieder eine der grösten und mächtigsten *Nationen* ungestraft auszukotzen. Ja er drohet so gar mit neuen Lästerschriften, und weil er es noch nicht arg genug gemacht zu haben vermeinet, will er selbst zu dem höllischen Heer seine Zuflucht nehmen. Er muß also glauben, daß er in dem Winckel, worin er sich verstecket, vor der Verfolgung der *Justice* sicher genug, und daß niemand im Stande sey, ihn daselbst *ex capite: Si quadrupes pauperium fecerit*, zu besprechen, oder zur Büssung seiner Mißhandlung nach Rußland zu liefern. Wannhero er sich auch auf den Grundgatz aller Ehrendiebe: *Calumniare audacter, semper aliquid hæret*: desto getroster verlassen. Hat man gleich wider seine Lästerbrieffe hie und da *Confiscationes* und schimpfliche Verruffungen verhänget: so sind solche doch so wenig vermögend gewesen, die in der Welt bereits herum laufende *Exemplaria* aus allen Orten und Ecken wieder zusammen zu bringen, als der fernern heimlichen und öffentlichen Vertheilung derselben hinlänglich vorzubeugen; und überdem sind selbige nur an sehr wenig Orten geschehen. Die meisten Menschen

sind von der Art, daß sie dasjenige, was ihnen verbothen ist, am eifrigsten suchen, und der Lügen eben so tieff als der Wahrheit ins Maul sehen. Diejenigen, so beydes von einander gehörig zu unterscheiden, und ihre Zu- oder Abstimmung nach den Regeln der gefunden Vernunft und der unpartheyischen Billigkeit einzurichten wissen, sind nur in geringer Anzahl vorhanden, die allerwenigsten aber besitzen das Vermögen, sich einen rechten Begriff davon zu machen, was die wahre Großmuth in Geringschätzung und Verachtung offenkundiger Lästerey von einer Genugthuung finde. Giebt es gleich hie und da vernünftige und redliche Leute, die das schändliche Geplärre eines tückischen Verläumders keines Gehörs würdig achten: so finden sich doch dagegen viele tausend blödsichtige, unwitzige, leichtfertige und feindlich gesinnte, die sich leichtlich durch einen blauen Dunst, durch Gauckeley, Windmacherey und Dockmäuserey verblenden, und durch heillose Anschwärtzung derjenigen, welchen sie etwa nicht wohl wollen, kitzeln und belustigen lassen. Fürwitz und Neugierigkeit müssen ohnedem Veränderungen haben, wann sie auch ihren *Appetit* mit einem Gericht von einem vermoderten Sautroge, oder von einem Paar ledener Hosen stillen solten, und die Gewinnsucht findet einen jeden Vortheil von gutem Geruch, wenn er gleich aus dem scheußlichsten Unflat hergeholet worden. Man darff sich also nicht wundern, wann in öffentlichen Zeitungen gemeldet worden, daß man die so genannte Moscovitische Brieffe mit grosser Begierde gelesen, und es muß dem *Pasquillanten* eine unaussprechliche Freude gewesen seyn, wann er erfahren, daß man selbige an solchen Orten nachgedruckt, wo man es am wenigsten hätte vermuthen sollen. Er hat aber wohl gewust, daß es ihm an Helfershelfern, Ausbreitern und Abnehmern seiner Tausendlügen nicht fehlen werde, und sich so gar erkühnen dürffen, allen Europäern anzumuthen, seine Brieffe zum vermeinten besondern Dienst des gemeinen Wesens in alle heut zu Tage geläufige Sprachen zu übersetzen, und selbst denen in Rußland befindlichen Ausländern zuzuschicken.

Hiemit leget dieser Gottes- und Ehrvergessene Majestäten- und Nationenschänder überflüßig zu Tage, daß er nicht allein unter dem gemeinen Hauffen seines gleichen überall anzutreffen versichert gewesen, sondern er platzet auch ohne Scheu und Bedencken mit der

ins Tollhauß gehörigen Einbildung heraus, daß alle Europäer samt und sonders mit ihm zugleich Hand anlegen, und sich seiner, an der Rußischen *Nation* verübten Büberey mit gleicher Niederträchtigkeit und Sinnlosigkeit theilhaftig machen werden. Und diese, aufs alleräusserste getriebene, und sich über gantz Europa erstreckende Unverschämtheit ist es eben, welche einem jedem Ehrlichgesinnten nicht allein die Macht giebt, sondern gleichsam die Nothwendigkeit aufbürdet, einem solchem Narren endlich die Kolbe zu lausen, und ihm nach seiner Narrheit zu antworten, damit er sich zuletzt nicht gar zu weise düncken lasse. Einen fremden Hund, der gar zu dummdreist in, alle Zimmer und Gemächer hineinläufft, kan ein jeder Haußgenosse prellen, und mit heissen Wasser brühen, damit er des Wiederkommens vergesse. Einer Schmeißfliege, die mit ihrem Gesäme alles zu verunreinigen trachtet, darff ein jeder den Kopf zerknirschen, oder die Flügel versengen, und sie so dann wieder in denjenigen Koth hineintreten, aus welchem sie hervorgekrochen. Einem wütenden Wolfe, der im Begriff ist, alles, was ihm vorkommt, entweder niederzureissen, oder aber durch An schmierung seines Geifers in gleiche Wuth zu versetzen, ist ein jeder berechtigt, den ersten Fang zu geben, und den Balg abzustreifen, wenn er sich auch in den alleprivilegirtesten Gehäge antreffen lassen solte. Ist denn gleich die Arbeit nicht eine von den reputirlichsten; so gereicht sie doch auch niemanden zur Schande, und mit großmüthiger Geringschätzung solcher schänd- und schädlicher Thiere ist dem gemeinen Wesen so viel als nichts gedienet.

In diesem Betracht haben wir uns die Mühe genommen, die so genannte Moscowitische Brieffe ins Teutsche zu übersetzen, und solche dem Brieffsteller und seinen gleichgearteten Freunden mit einigen Erinnerungen wieder heimzuschicken. Nicht zwar in der Meynung, daß das unsinnige Gebelle eines Hirnschelligen Lästereers der Rußischen Nation bey der ehrbaren Welt im geringsten nachtheilig gewesen seyn; oder daß ehrlichgesinnte Gemüther derselben von selbst Gerechtigkeit wiederfahren zu lassen ermangelt haben würden, falls wir mit allen andern zu dieser Lästerschrieff stille geschwiegen hätten: sondern damit der schäbigte Verläumder gleich-

sam mit der Nase darauf gestossen werde, daß er niemand als sich selbst besudelt: seine Freunde aber, Helfershelfer und alle übrige, so diese Schandbriefe mit grosser Begierde gelesen, und sich zum Theil darüber gekitzelt, mit Händen greiffen mögen, daß sie von diesem Tausendlügner auf die allerleichtfertigste und schändlichste Art hinter Licht geführt, und um ihr Geld geschneuzet worden.

Es hat sich der Mühe nicht verlohnet, wegen der Histörchen und Abentheuren, so der Brieffsteller in Rußland erlebt haben will, weitläufige Nachricht einzuziehen, weil wir in seinen Briefen Merckmale genug entdeckt, daß er das meiste davon erlogen, das übrige aber liederlich umgekehret, verfälschet und nach dem Spiel seiner zerrüteten Leydenschaften bald ausgerecket bald verhunztet. Gleichwie es denn auch keinesweges am Beweise darinnen gefehlet, daß seine vermeinte Berichte und Reflexiones als lauter Lügen und Verläumdungen zusammen gewebet worden. Indessen hat man, wann es nöthig erachtet worden, einem oder andern Leser aus dem Traum zu helfen, theils aus Sonnenklaren, vor aller Welt Augen schwebenden Zeugnissen so viel Licht gegeben, als vor der Hand zur Entlarfung einer gar zu ausgelassenen Schmähesucht nöthig gewesen. Wer in den Geschichten und Welthändeln nicht gantz unbewandert, der wird auch ohne unser Erinnern wissen, wo wir das zur Steuer der Wahrheit zuweilen angeführte hergenommen. Die übrigen aber mögen sich bis zu einer andern Zeit gedulden, da wir nicht allein den historischen Grund der von uns behaupteten Wahrheiten in gehöriger Ordnung völlig darlegen, sondern auch einige unreine Qvellen, woraus der Brieffsteller zuweilen geschöpffet, etwas genauer untersuchen, und zugleich die Gelegenheiten und Veranstaltungen, wodurch selbige getrübet worden, erweißlich und zuverlässig anzeigen werden.

Wir waren erstlich Willens eine kurzgefaßte historisch-, politisch- und geographische Beschreibung des Rußischen Reichs ans Licht zu stellen, und die Absätze die der Leser *pag.440 seq. in not.* in einem kurtzen Begriff zusammen antreffen wird, zu *suppliren*, und völlig auszuarbeiten, alsdann aber nach Anleitung eines jeden zu zeigen, wie sehr der Brieffsteller sich überall verlauffen. Allein zu

geschweigen, daß auch die allervollständigste, neueste und beste, im Druck vorhandene Nachrichten noch einer sehr grossen Unvollkommenheit beschuldigt werden: so hätten die hiezu unumgänglich nöthige *Subsidia*, zumahl bey dem so mercklich von Tage zu Tage sich verändernden und verbessernden Zustande dieser Monarchie zuförderst mit grosser Weitläufftigkeit und Mühe gehörigen Orts gesucht, auch wenn etwas rechtes daraus hätte erwachsen sollen, selbst ein grosser Theil Rußlandes vorhero in Augenschein genommen, und mit den alten *Scribenten* zusammen gehalten werden müssen. Denn sonst wäre nur aus neun und neunzig Büchern das hundertste zusammen geschrieben worden. Da wir aber versichert gewesen, daß die Rußische Gelehrte schon von einigen Jahren her würcklich bemühet sind, unter den Gnadenbestrahlungen ihrer wahren Schutzgöttin, der so wohl im Kriege als Frieden grossen Kayserin ANNA ihren werthen Vaterlande diese schuldige Pflicht und Ehre zu leisten; so haben wir es weder vor erlaubt noch dienlich erachtet, in eine andere Erndte einzugreifen, oder der Sonnen eine Kertze anzuzünden.

Immittelst möchte einem oder andern vielleicht fremde vorkommen, daß wir unsere Erinnerungen nicht, wie etwa vor etlichen viertzig Jahren der Verfasser des vertheidigten D . . . fast in gleichen Umständen gethan, besonders; sondern zugleich mit den so genannten Moscovitischen Brieffen drucken lassen, und mancher der ein wenig zur Übereilung geneigt, dürffte wohl gar auf die Gedancken gerathen, als ob wir nicht gewußt, was die rühmlichen Gesetze unsers Teuschen Vaterlandes in dergleichen Fällen geordnet. Wir würden aber auf den ersteren Fall nur eben dasjenige erfahren haben, was angeregter Autor erlebet, nemlich daß viele sich genöthigt gesehen haben würden, denen gewinsüchtigen Verlegern und Nathdruckern eines schändlichen Buchs durch ferneres Suchen desselben eine Freude zu machen, die sie sich sonst wohl schwerlich hätten einfallen lassen, vor eine so unnütze Waare jemahls einen Heller auszugeben. Die Gesetze unsers Vaterlandes anlangend; so sind uns dieselbe Gottlob! zur Genüge bekannt, wir wissen aber auch, daß es ein anders sey, ein Pasquill hämischer leichtfertiger Weise auszubre-

iten, oder in böser Absicht andern durch sträffliche Praktiquen in die Hände spielen, ein anders aber ein Pasquill denen Unberichteten zur Warnung, den Boßhaften aber zur Schande in seiner wahren Nichtswürdigkeit, Falschheit und Scheußlichkeit darzulegen. Unser wälscher Pasquillant hat sich an eine der grösten und Ruhmwürdigsten Nationen wider alle geist- und weltliche Gesetze, wider die gesunde Vernunft und alle Ehrbarkeit, wider die Handtastliche Wahrheit und alle menschliche Pflichten öffentlich versündigt. Er hat gantz Europa durch seine Lästerschrift theils gärgert theils betrogen. Nach ausgeübtem Frevel aber hat er sich unsichtbar gemacht, und das Auge der über ihn wachenden Gerechtigkeit eludiret. Solchem nach ist er der gantzen Ehrliebenden Welt wegen seines Verfahrens zur Verurtheilung heimgefallen. Soll er nun von derselben als ein Lügner, Lästere und Verläumder verurtheilet werden; so muß sein *corpus delicti*, oder sein Lästerbuch nicht weniger, als die darwider gemachte Erinnerungen zu jedermans Prüfung ausgestellt werden, damit nicht allein Partheyische und Unpartheyische sehen, ob ihm Recht oder Unrecht wiederfahren, sondern damit auch die noch etwa vorhandene Liebhaber endlich zu ihrer eigenen Confusion wahrnehmen mögen, was vor einen sauberen Vogel sie sich zu ihrem Helden erkohren.

Ein grosser Weltweiser unserer Zeit, pflegte die im Winckel wieder ihn herausgekommene Schmähungen selbst mit seinen Noten von neuen herausgeben, und man hat niemals gespüret, das ihm solches an seinen Ehren und guten Leumuht einigen Abbruch gethan, wohl aber, daß dadurch das Andencken von den der Niederträchtigkeit seiner Feinde auf die späte Nachkommen fortgepflanzt, und sie selbst in Spott und Hohn biß über die Ohren versencket worden. Und eben diese Wirkung muß auch die auf gleiche Art veranstaltete öffentliche Darstellung der schmähesüchtigen Moscovitischen Brieffe in Ansehung ihres Urhebers ohnfehlbar nach sich ziehen. Die Lügen blendet nur so lange mit ihrem falschen Schmucke, als sie im finstern herum schleicht: wird sie aber aus ihrem Schlupffwinckel hervor gezogen, und der Wahrheit zur Seiten gestellt: so erscheinet sie in einem schmutzigem und verächtlichem Schandkittel, und alsdenn überschüttet sie diejenigen, welche sich von ihr bethören lassen mit Ver-

wirung, Schaam und Reue, Diejenigen aber, so ihr als Handlanger und Slaven gedienet, mit unauslöschlicher Schmach, Verachtung und Schande.

Die löbliche Gewohnheit des Brieffstellers, welcher einerley Sache mehrentheils Zehn und mehrmahl daher leyret, kan uns, Da wir diesen Irrwisch bald vor bald rückwärts verfolgen müssen, ebenfals zu weilen zu einer oder andern unnötigen Wiederhohlung verleitet haben. Der billige Leser wird hiernächst auch ohne unser Erinnern beobachten, daß wir ein rechtes *stabulum Augiæ* vor uns gehabt, und es uns dennenhero nicht gar zu sehr verdencken, wenn uns bey einer so eckelhafften und verdrießlichen Arbeit zuweilen Lust und Munterkeit vergangen, oder wenn wir an manchen Art etwas aus der Acht gelassen, welches zwar an einem andern mitgenommen worden, sich aber schon an dem erstern füglicher hätte anbringen lassen, und wann im Gegentheil wir an dem einem Ort etwas angemercket, welches anderwärts sich vielleicht besser geschicket hätte. Denn unser Brieffsteller macht es in seinen Brieffen nicht besser als der sogenannte Black-oder Tintenfisch im Wasser, welcher jederzeit so viel schwarze Suupe rund um sich herum speyet, daß man unmöglich allemahl so gleich sehen kan, auff welcher Seite, oder an welchem Ort er am sichersten und gewissesten zu fassen.

Da wir die Feder zuweilen ziemlich gegen denselben geschärfchet, und vielleicht weiter gegangen, ale es die Nothdurfft der Sachen würcklich erfordert, kan auch wohl seyn, und wir begehren nicht zu läugnen, daß wir mit eben dem Maaß, womit er andern ausgemessen, ihm selbst wieder zugemessen. Wir haben mit einem solchen zu thun gehabt, der nicht aus Verstehen und Schwachheit sich etwas an einen oder andern particulier vergriffen, sondern der gecrönte Häupter freventlich verlästert, und gantze Nationen ohne Ursache geschändet. Warum hätten wir denn desjenigen schonen sollen, welcher geglaubet, daß dasjenige Volck, welches er aus weibischer Nachgier zum Ziel seiner Schmähesucht erwehlet, nicht verdienet, von ihm geschonet zu werden? Zu dem hat er seiner selbst nicht geschonet, sondern sich durchgehends so nichtswürdig und ehrloß beschrieben.

Sollte die Schärffe unserer gegen ihn gebrauchten Schreibart nach seinem Verdienst geurtheilet werden; so dürfften die meisten der Me-

inung seyn, daß wir mit dem Knaben Abfolon noch viel zu säuberlich verfahren.

Wegen der häufig eingeschlichenen Druckfehler halten wir uns zu keiner Verantwortung verbunden, weil wir an dem Ort, wo die Presse gegangen, nicht zugegen seyn können. Indessen sind im Durchlesen die mercklisten ausgezeichnet, und zur etwanigen Verbesserung oder Entschuldigung hinten beym Register mit angehängt worden.

Was endlich das, vor dem Titulblatt befindliche Kupfer betrifft: so presentieret sich der Brieffsteller in selbigem in derjenigen äusserlichen Gestalt, in welcher er sich nach seiner Zuruckkunfft aus der andern Welt seinem Freunde offenbahret. Nemlich als ein Zeitungs-gänger, der seine jämmerliche Mord- oder Wundergeschichte öffentlich absinget. Er stehet in seinem zerlumpten Schlafrock vor einem aufgehängenen Teppich, welchen er mit der sorgfältig aufgehobenen Geräthschaft seiner Gefangenschaft bemahlen lassen, und zeigt mit einem kleinem Stabe auf eine Schrift, welche so viel sagen will, daß er etwas ganz funckelnagelneues anstimmen wolle. Unterdessen spotten einige Satyren seiner Thorheit und Unverschämtheit. Der oberste zischt ihn aus, daß er als ein tummer Junge in die Welt hinein gelauffen, ohne zu wissen, daß man andere Völcker bereits kennen, und sich in ihre Weise zu schicken wissen müsse, ehe man ihretwegen von Hause reiset. Der Mittelste hetzet ihn mit seiner besondern Freymühtigkeit, welche er seiner Unschuld zu dancken gehabt, zu haben vermeinet. Der unterste aber hält ihm mit spöttlichen Stellungen die Schande vor, die er seinem eigenem Vaterlande angeschmieret. Weil wir uns aber anheißig gemacht haben, aus des Brieffstellers gesamten Actionen dessen innerliche Gestalt gleichfals in einem besondern Themate zu zeigen, so haben wir uns dieses Versprechens in dem nächst folgenden Gemüthsspiegel entledigen wollen. Es kan derselbe sich darinnen nach Belieben betrachten, so wird er diejenige Figur, so er in dem Vorzimmer zu Petersburg bereits im Spiegel gesehen, nunmehr auch nach ihrer innerlichen Beschaffenheit erblicken, und sich so dann, wo er noch nicht alle vernünftige Empfindung eingebüset, um so viel hertlicher darüber zu betrüben Ursache haben.

Gemüthsspiegel
des
Briefstellers,
oder
Aufrichtige Vorstellung
desselben,
Nach seiner inneren Beschaffenheit,
so wie er selbige in den
sogenannten
Moscowitischen Briefen
selbst deutlich und klärlich
zu Tage geleyet.

<Aus> VII B<rief>.

Ich war schon vier Monathe zu Petersburg gewesen, ohne daß man sich ein Wort verlauten ließ, daß man mich wieder in Freyheit setzen wolte. Nach vielen, über meinen Zustand gemachten Überlegungen fiel mich endlich ein, daß die Ministres vielleicht darüber einigen Verdacht wider mich geschöpft haben könnten, weil ich ein Verlangen bezeuget, nach Persien zu gehen, und unter dem Printzen von Hessen-Homburg Dienste zu nehmen. Diese Ursache schien mir um so vielmehr gegründet zu seyn, weil dieser Printz sich nicht eher entschlossen, nach Persien abzureisen, als nachdem man ihm einige Ursachen zum Mißvergnügen gegeben. Wie aber sonst die Grundregul der Moscovitischen Regierung darin bestehet, daß man niemand trauet, und alle Menschen den schändlichsten Unternehmungen fähig glaubet: so hatte Ursache zu glauben, daß man mich aus keiner andern Absicht so lange gefangen hielte, als damit sich nach der wahren Ursache meiner vorgehabten Reise desto besser erkundigen möchte¹. Vielleicht sahe man mich auch bey der Beschaffenheit der itzigen Zeitläuffte vor einen solchen an, der von Franckreich oder wohl gar vom König Stanislaus ausgeschickt worden. Doch wüste ich nicht, daß ich jemahls das allergeringste gesaget oder

gethan, das zu diesem Verdacht hätte Gelegenheit geben können, und mein Verhalten, welches ich in Moscau geäußert, war nicht so beschaffen, daß man mich desfalls vor einen Menschen, der mit geheimen Commissiones zu thun hätte, ansehen können. Nichts desto weniger erfuhr ich nachhero, daß man mich vor einen Spion des Königs Stanislai gehalten, ob ich mich gleich der Ehre nicht rühmen kan, daß ich diesen Fürsten jemahls gekannt, oder ihm auf einigerley Weise bekannt gewesen². Ich lasse aber alle diese Muthmassungen, so mich zu weit von meinem Zweck ableiten, billig fahren, und glaube besser zu thun, wenn ich Ihnen berichte, wie ich mich in meinem neuen Quartir auffgeföhret.

Nachdem ich meinen Kuffer auffgemacht und dasjenige, was mir nöhtig, herausgelanget, wolte ich mich der höltzernen Gabel, so man mir gegeben nicht weiter bedienen, auch mir den Zwang nicht weiter anthun, ein Messer zu leihen, wann ich mein Brodt, oder meine andre Speisen zerschneiden wolte. Ich legte also meine grosse Gabel nebst einem Messer, so ich aus meinem Kuffer genommen zur Schau. Meine Leute schienen über diesen ausgelegtem Krahm bestürztzt, und ich war es nicht weniger, da ich sahe, daß sie gantz Mausestill schwiegen. Ich urtheilte daraus, daß sie sich nicht weiter fürchten müsten, als ob ich mir die Gurgel abschneiden würde, und das alle Auffmercksamkeit meiner Wache nur dahin ginge, daß ich nicht von neuen schreiben möchte. Es war mir eine sonderliche Lust, zu sehen, daß sie alle Tage die Siegel an meinem Kuffer besichtigten, um zu erfahren, ob ich auch solchen zu eröffnen gesucht hätte. Ich erinnerte sie so gar zum öftern, dergleichen Besichtigung vorzunehmen, indem ich ihnen vorstellte, wie sehr ihnen daran gelegen wäre, auf diese Siegel ein wachsames Auge zu haben. Und auf diese Art spottete ich ihrer noch dazu, nach dem ich sie würcklich betrogen hatte³. Mit dieser Art Zeitvertreibes brachte ich einen Theil des Tages hin, und den übrigen Theil desselben bemühetete mich, meinen Moscovitischen Calender, welcher das eintzige Buch war, so mir übrig geblieben, durch zu studieren. Eines Tages, da ich das Verzeichnis der Europæischen Fürsten durchging, sahe ich mit Verwunderung, daß Augustus III. als König von Pohlen mit darunter stund. Diese neue Zeitung gab mir zu tausenderley Muthmassungen Anlaß, und er-

weckte bey mir eine unbeschreibliche Begierde, zu erfahren, was vorgegangen.

Ich zweiffelte nicht mehr daran, daß der Krieg in Pohlen angegangen seyn würde, und bemerckte zugleich, daß derjenige, von welchem ich Zeit meines Auffenthalts zu Petersburg die mehrste Kundschaft erhalten, von dem Vorhaben und Absichten des Rußischen Hofes gar wohl unterrichtet gewesen seyn müste. Eben dieser, von welchem ich meiner Meinung nach schon vorhin Erwehnung gethan, hatte nicht wenig dazu beygetragen, daß ich mich entschlossen nach Persien zu gehen. Ich hatte schon lange gemuhtmasset, daß er sich aus geheimen und wichtigen Ursachen zu Petersburg auffhalten müste, und ich bekam nachhero solche Proben hievon, die mich an der Wahrheit meiner Gedancken keines wegcs zweiffeln liessen. Er schien mir auch zu seinen unter Händen habenden Verrichtungen um so viel geschickter zu seyn, je zureichlicher er von allem, was am Rußischem Hofe vorfiel, Wissenschaftt hatte.

Gleichwie ich nun mit äusserster Verwunderung vernommen, daß der König Augustus den Thron bestiegen; also war mir keineswegcs verborgen, daß die Moscowiter alle ihre Kräfte daran strecken würden, um den König Stanislaus davon auszuschliessen. Dennoch konnte ich mir schwerlich einbilden, daß Sie dieses Unterfangen jemahls zum glücklichen Ende bringen würden. Und in der That es ist etwas, daß ich nicht zu begreifen, und gegen Sie nicht genugsam zu wiederhohlen vermag, das Rußland heut zu Tage einem so grossen Einfluß in die Europæischen Affaires hat. Gewiß! Man hat sich von dieser Monarchie einen Popantz von Macht⁴, in den Kopf gesetzt, welcher nirgends zu finden, als in der Einbildung derjenigen, die nicht die geringste Kundschaft davon besitzen. Ich leugne zwar nicht, daß Rußland⁵ nicht ein ungeheur grosses und weitläufftiges Land seyn solte, und ich bin selbst der Meinung, daß weder in Europa noch in Indien, noch sonst irgendwo ein Reich zu finden, welches sich so weit erstrecke. Sie werden von seiner Länge urtheilen können, wann Sie selbige von Riga bis zu der äussersten Oestlichen Küste des neuentdeckten Landes Camschatka: von seiner Breite aber, wann Sie dieselbe vor der Provintz Kilan auf der Südlichen Küste des Caspischen Meeres, bis zu der Meerenge von Nassau nehmen.

Eine so erstaunliche Grösse dienet diesem Reiche ausser Zweifel nur zur Last. Denn sie gibt demselben so zu sagen eine allzugrosse Schwere, und benimt ihm dadurch die gehörige Bewegung. Wenn man aber die Theile aus welchen dieses Reich bestehet, nach einander vornimmt; so findet man unermäßliche Wüsteneyen, Moräste, die fast kein Ende haben, und die ungeheuresten Wälder darinnen. Wenn man also alles mit einander genau zusammen rechnet: so wird man befinden, daß in Teutschland noch einmahl soviel Menschen vorhanden, als in Moscovien. Man kann diesem noch die schlechte Tapferheit der Moscoviter beyfügen, als welches nicht die Leute sind, die andern Nationen eine Furcht einjagen können. Denn wann es gleich Menschen sind, so sind es doch nur solche, die diesen Nahmen kaum verdienen. (*Nam si homines, vix sunt homines hoc homine digni.*)

Ich weiß zwar wohl, daß wenn man allen dem Glauben beymessen wollte, was man in gewissen Zeitungen vorgiebt; man allerdings glauben müßte, als hätte Rußland würcklich mächtige Armeen, so alle aus regulirter Mannschafft bestünden, auf den Beinen. Aber glauben Sie mir, mein Herr, alle diese Zeitungen sind ohne Grund, und dienen zu nichts anders, als daß sich die Edelleute auf dem Lande einen Zeitvertreib von etlichen Stunden damit machen können. Ich möchte gerne wissen, wodenn alle diese Armeen stecken möchten. Ich habe An. 1733. das Verzeichnis aller Moscovitischen *Troupen* gesehen, und wo sich selbige anitzo auf hundert tausend Mann belaufen; so muß man sie gewiß sehr mercklich vermehret haben. Aber gesetzt man hätte auch würcklich eine solche Anzahl regulirter Mannschafft auff den Beinen; müssen denn selbige nicht nothwendig vertheilet, und an verschiedenen Orten verlegt werden. Sie wissen, daß man in Persien unumgänglich eine starcke Armée halten muß, und daß es gefährlich seyn würde, wenn man selbige auch zu Friedenszeiten aus diesem Lande ziehen wollte. Die Persier haben sich eine zeithero in dem Soldatenhandwerck ziemlich geübet, und wo sie einmahl mit den Türcken Friede machen solten: so wird der Koulikan nicht unterlassen, alle die schönen Provintzen, deren sich die Moscoviter unrechtmäßiger Weise bemächtigt haben, wieder an daß Persische Reich zu bringen, und was kann man sich von dem Betragen, so die Moscoviter gegen die Persier geäussert, vor Gedancken machen? Sie

sind unter dem Vorwande einem, von seinem rebellischen Unterthanen unterdrücktem Könige zu Hülffe zu kommen, ins Land hineingedrungen, und mit offenen Armen aufgenommen worden, haben sich aber zu gleicher Zeit aller der Lande bemächtigt, so Ihnen am bequemsten gelegen.

Ausser denen Trouppen, so die Moscowiter in Persien unterhalten müssen, sind sie gezwungen, noch eine gute Armée im Königsreich Astrachan auf den Beinen zu haben, inmassen solches rings um mit Tartarn umgeben ist, vor welchen sie sich allezeit zu fürchten haben. Man hat der Unruhen noch nicht vergessen, welche in diesem Lande vor eben nicht so gar langer Zeit entstanden. Eine Hand voll Volck brachte alles daselbst in Unordnung, und setzte mit seinen Streifereyen alles in Furcht und Schrecken, that auch daselbst greulichen Schaden. Solchemnach erfordert es auch die unumgängliche Nothwendigkeit, im Königsreich Astrachan jederzeit Trouppen in Bereitschaft zu haben, denn sonst könnten die Ufinskischen und Baskirrischen Tartarn, die dieses Land vorhin besessen, leichtlich einmahl aufstehen, und den Moscowitern sehr schlimme Händel machen.

Ich habe zu der Zeit, da ich mich zu Casan aufhielte Gelegenheit gehabt, diese Völcker zu sehen, und wo man aus ihrer Gesichtsbildung von ihrer innerlichen Beschaffenheit urtheilen soll: so sehen sie nicht darnach aus, daß sie das Moscowitische Joch lange tragen werden. Aber ich muß ein wenig zurück gehen, und am Donfluß stehen bleiben, allwo die Cobanskische Tartarn, die nicht weit davon entfernt sind, zum öftern einen Streiff ins Land wagen, und den Moskowitern nicht wenig Unruhe verursachen. Solte man diese Völcker nicht im Zaum halten, so ist es gewis, daß sie leichtlich bis Veronitz durchbrechen, und so dann mit Hülffe ihrer Brüder, der Crimmischen Tartarn, etwas wichtiges unternehmen könnten. Die Ukraine kan man nicht anders im Gehorsam erhalten, als vermitteltst einer ansehnlichen, und aus guten Trouppen bestehenden Armée. Die Moscowiter haben Ursache in diesem Lande wieder die Unternehmungen der Türcken, der Crimmischen und Budziackischen Tartarn, ja wieder die Cosacken selbst auf ihrer Hut zu seyn, weil sie leichtlich einen Auffstand machen, und sich wie vormahls ihrer Bothmäßigkeit zu entziehen, Gelegenheit finden könnten.

Sie sehen also, daß wenn die Moscowiter in einem jeden dieser Lande, und insonderheit in Persien und in der Ukraine eine solche Menge regulirter Troupen halten, wie sie denn würcklich zu thun genöthigt sind: ihre Armee von hundert tausend Mann nothwendig gar sehr ins Enge gebracht seyn, und nicht viel zu bedeuten haben müsse. Man muß die Troupen noch dazu rechnen, welche würcklich in Pohlen stehen, imgleichen die drey tausend Mann, so dem Kayser am Rheinstrohm zu Hülffe geschickt werden sollen, und endlich auch die zahlreichen Besatzungen, die sie in denen mehristen, den Schweden abgenommenen Plätzen nothwendig unterhalten müssen. Aber gesetzt, es hätten auch die Moscowiter in der That so viel Troupen auf den Beinen, als man ihnen würcklich zu schreibet, wo wolten sie doch wohl so viel Geld hernehmen, selbige zu bezahlen, da sich die Einkünffte dieser grossen Monarchie nicht höher als bis auf zehn oder zwölf Millionen Thaler erstecken. Wie ist es aber möglich mit einer so mäßigen Summa drey oder vier hundert tausend Mann zu Lande, und noch dazu eine wichtige Flotte zur See zu unterhalten?

Man kan aus allen diesen besondern Umständen leichtlich abnehmen, ob ich Unrecht habe, wann ich wieder das Geschrey, so man heut zu Tage von der grossen Macht dieses Staats erreget, mich einigermassen entrüstet. Ich halte solches den Zeitungsschreibern zu gute, weil sie nicht besser unterrichtet sind. Aber ich weiß nicht, was ich von den Moscowitern dencken soll, welche zwar die innerliche Beschaffenheit ihrer Umstände, die Anzahl und Bewandnis ihrer Kriegsleute, und die Mittelmäßigkeit ihrer Einkünfte aus dem Grunde kennen, dennoch aber sich unterstehen, solche projecte, als anitzo auf dem Tapis sind, auszuführen. Glauben Sie mir, mein Herr, ich sage es Ihnen von neuen, die Moscowiter werden ihre Unternehmungen nimmer zum Stande bringen. <...>

Es ist mir gantzlich unbewußt, was die Moscowiter wegen des gegenwärtigen Feldzuges vor Entwürffe gemacht haben mögen. Dieses aber weiß ich gewiß, daß sie im vorigen Jahre zu ihrer selbst eigenen Erhaltung gezwungen gewesen, alle Troupen so sie innerhalb Landes gehabt, zusammen zu ziehen, also daß selbst zu Moscow, wo man sonst jederzeit eine ansehnliche Mannschafft in Bereitschafft hat, bloß die Invaliden zurück geblieben. Zu Petersburg ließ man nur

die Gardes und zwey Bataillons Bauren, die man erstlich von ihren Oefen weg gehohlet, welches dann Ursache war, daß man die ordentliche Wache nicht besetzen kunte, ja daß man selbst die meinige ver-ringerte, weil man nur drey Leute bey mir ließ, welche kaum nach zweyen Monaten abgelöset werden kunte⁶.

Die Manier Soldatendienste zu thun, ist in Moscow ebenfalß sehr seltsam. Wer dieses eben wie ich mit Augen angesehen, wird von den Kriegsleuten des Landes und ihren Befehlshabern ein sicheres Urtheil fällen können. Ein Soldat, der auf der Wache ist, kan niemahl die Zeit wissen, wenn er abgelöset werden soll; und was die Officiers anlanget, so wissen die wenigsten von ihnen die erste Reguln der Kriegeswissenschaft, welche man anderwärts so genau inne hat⁷. Es ist etwas rares, wann man eine Schildwache die Ordre vollziehet, die sie von ihrem Sergeanten bekommen. Man stellet ohne Bedencken einen Besoffenen auf die Wache, und es geschiehet offft, daß man eine ganze Wache, so wohl die Officiers als Soldaten toll und voll, und ausser Stande ihre Dienste zu thun antrifft⁸.

<...> Die Streithändel, welche täglich so wohl unter den Officiers als Soldaten vorkommen, werden niemahls anders als mit Faust- und Stockschlägen ausgemacht, weil man schon erwehntermassen in Rußland ein Gesetz hat, welches den Degen zu ziehen verbietet, und solches wird jederzeit aufs sorgfältigste beobachtet⁹.

Das einzige, so noch einiges Lob zu verdienen scheint, ist dieses, daß man die Soldaten niemahls müßig lasset, und ich erinnere mich, daß ich zu Petersburg fünffzehn Bataillons auf einmahl in der Arbeit gesehen, ohne daß ein einziger davon zurück geblieben. Man siehet überall Wachen ausgestellt, und man kan nicht die geringste Bedienung ohne dergleichen Beyhülffte verwalten. Man unterläset niemahls fremden Ministern, sie seyn von was Stande oder Character sie immer wollen, eine Wache zu geben. Hieraus aber kan man den Schluß machen, ob in Moscau das Geld auch wohl bewachtet werde. Ich kan Ihnen versichern, daß man bey einem schlechten Einnehmer, der kaum ein Dutzend Beutel mit Kupfermünze im Vorrath hat, jederzeit eine Wache, wenigstens von sechs Mann finden werde. Und diese ist es, wozu man einen guten Theil einer grossen Besatzung gebrauchet, da immittelst der übrige Theil beständig mit Holtzhauen

zur Feurung beschäfftigt ist. Solches nennet man hier zu Lande, die Soldaten jederzeit in Übung und in Bereitschafft, alle Augenblicke zu Felde zu gehen erhalten, wobey man sich gänzlich versichert, daß sie Wunderdinge verrichten werden¹⁰.

Ich könnte Ihnen hierüber noch weitläufigere Nachrichten geben, ich sehe aber, daß mir mein Brieff ohne dem schon zu lang gerathen. Folglich muß ich Abschied von Ihnen nehmen, so ungerne ich auch wolte, jedoch unter der Versicherung, daß ich Zeit meines Lebens der Ihrige seyn werde. (*Dum memor ipse mei, dum Spiritus hos reget artus.*)

<Примечания к седьмому письму>

- 1 Der Brieffsteller hat neue Einfälle, welche auf einen, wegen seiner nach Persien vorgehabten Reise etwas geschöpften Verdacht abzuielen, aber alsobald zu Windeyern werden. Hergegen ist die allhier angegebene Grundregel der Rußischen Regierung nicht gänzlich erlogen. Denn es zeiget die tägliche Erfahrung, daß man einer gewissen Sorte von Leuten, sonderlich wenn sie von des Brieffstellers Gemüthsbeschaffenheit und Aufführung sind, in Rußland nicht traue, daß man selbige nicht allein der schändlichsten Unternehmungen fähig halte, sondern daß man hiezu gar grosse Ursache habe. Und was hätte man Ursache gehabt, sich nach der wahren Unsache seiner Reise zu erkundigen, oder was solte die Rußische Regierung bewogen haben, einen solchen Vogel wieder in die weite Welt hinein fliegen zu lassen, wenn sie so viel schändliches und infames als er nachhero würcklich verübet, und noch zu verüben drohet, von ihm geglaubet hätte?
- 2 Daß man ihn vor einen solchen angesehen, der von Franckreich oder vom Könige Stanislaus ausgeschickt worden, ist alle Wahrscheinlichkeit und Vernunft zuwieder. Denn man weiß in Rußland gar zu wohl, daß die heutigen Frantzösischen Staatsministres, diejenigen Leute, welche sie zu geheimen Verrichtungen brauchen, eben so geschickt, als weyland die Cardinäle Richelieu

und Mazarin auszusuchen, und daß sie folglich die Geheimnisse ihres Souverainen weit besser zu verwahren wissen, als daß sie solche einem so seltsamen, und bey sich selbst nicht recht zu Hause seyenden Kerlen anvertrauen solten.

Der großmüthige König Stanislaus hat bey dem Loß, daß ihm die Göttliche Vorsehung zugetheilet, niemahls solche Absichten geheezet, zu deren Behuf er Spionen und Verräther auszusenden nöthig gehabt hätte, und in einem solchem Herzen als das Seinige, werden auch dergleichen Absichten in Ewigkeit nicht Platz finden.

Folglich hätte unser Brieffsteller ein sehr geschickter, Gottesfürchtiger, edelmüthiger, und mit einem Worte, er hätte ein wahrhaftig-tugendhafter und rechtschaffener Mann seyn müssen, wenn die Muhtmassung auf ihn hätte fallen sollen, daß dieser König ihn seines Vertrauens gewürdiget, und in geheimen Geschäften ausgeschicket. Es würden auch die von diesem Herrn ihm auffgetragene Geschäfte auf nichts anders als Ruhe, Friede, Freundschaft gutes Vernehmen und gemeine Wohlsart abgeziehlet haben, und mit solchen hätte er sich bey dem Hofflager der Rußischen Kayserin weder verstecken, noch etwas wiedriges befürchten dürffen. Allein da ihm sein eigen Gewissen zugesaget, daß weder seine Persohn von besagtem Charakter, noch seine Geschäfte von gemeldter Beschaffenheit gewesen: so hat ihm nicht anders einfallen können, als daß man ihm vor einen Spion angesehen, und er scheint sich einzubilden, daß man ihn unmöglich vor einen solchen Helden ansehen können, ohne ihm haben die Ehre anzuthun, womit er sich ohne der geringsten Ursache schmeichelt. Gerade als ob man in Rußland nicht wüste, daß Leute von seinem Calibre aus selbst eigener Bewegung Spionen und Verräther werden, weil sie sich in ihrer Verzweifelung und Traurigkeit nicht anders zu rahten wissen. Wir haben hievon an dem Bonneval und Ripperda nur gar zu frische Exempel, und es scheint der Wahrheit sehr ähnlich zu seyn, daß Roccafort dasjenige in der Grossen Tartarey und Persien wieder Rußland zu bewürcken gesucht, was jene in der Türckey und

Marocco wieder andere Hohe Christliche Potentaten zu bewürcken vermeinet.

- 3 Man wuste ja, daß die grosse Gabel mit dem Messer im Kuffer eingeschlossen war. Hätte er nun beydes heraus gekünstelt, und so dummdreist zur Schau geleyet; so würde man ja ausserzweifel nach gefraget haben, durch was vor Mittel er dazu gelanget. Man würde sich nicht begnüget haben, nur bloß die Siegel so fleißig zu besichtigen.

Der vernünftige Leser beliebe indessen zu mercken, wie unglücklich dem armen Gauckler seine Kurtzweilligkeiten gerathen. Er meinet nur ein wenig zu pickeln, und in seiner Lustigkeit zu erkennen zu geben, daß er seine Wache betrogen, und ihrer noch dazu gespottet; betrieget aber niemand als sich selbst. <...> Denn wenn er geurtheilet, daß die Soldaten von seiner Wache, sich nicht mehr fürchten müsten, daß er sich mit seinem Messer die Gurgel abschneiden würde: so hat er ja nothwendig zu gleicher Zeit wahrnehmen müssen, daß sie seine grosse Gabel nicht vor ein solches Ding angesehen, das er statt eines Dolchs gebrauchen, oder womit er drey oder viere von ihnen in die Flucht jagen könnte.

- 4 Daß der Briefsteller den grossen Einfluß, welche Rußland heut zu Tage in die Europæischen Affaires hat, nicht begreifen kan, ist gantz kein Wunder, weil ein so kleiner Geist unmöglich eine so grosse und wichtige Sache fassen kan. Hergegen ist es ein offener und wieder allen Augenschein und Würcklichkeit blindlings anlaufender Unsinn, wenn er die Welt beschuldigt, als od sie sich von dieser Monarchie einen Popantz von Macht in den Kopf gesetzt, welcher nirgends als in der Einbildung dererjenigen befindlich seyn soll, die nicht die geringste Kundschaft davon haben. Wir haben von der Macht und dem Ansehen, worinn dieses Reich in den ältern Zeiten gestanden vorhin schon mit weniger gehandelt. Was die neuern Zeiten betrifft: so hat Europa schon mehr als vor zweihundert Jahren her die innerliche Stärcke der Rußische Monarchie erkannt, und die Tartarn haben solche vor allen andern empfunden. Nächst diesen aber haben Preussen und Liefkland dieselbe kennen gelernet. Wann zur selbigen Zeit

die Geistlichen die Leute bange machen wolten: so prophezeyten Sie unter andern, daß die Russen kommen, und alles einpacken würden, wovon man noch in einigen alten Postillen die Spuren findet. Man sahe auch schon dazumahlen, was dieses Reich denenjenigen so mit den Türcken zu schaffen hatten, vor Dienste leisten könnte, derowegen suchte Kayser Maximilian II. schon mit Johanne Basilide I. Freundschaft und gutes Vernehmen zu stifften, u. Kayser Carl der V. war geneigt, Johanni Basilidi II. zu Cultivirung seiner Unterthanen allen Vorschub zu thun, welches aber bald von diesen bald von jenen gehindert, und unter allerhand Absichten und Vorwänden unterbrochen würde.

Jetzt gedachter Rußischer Monarch war schon damahl auf allen den Wegen, welchen Petrus der Grosse nachhero gefolget, und wenn er länger gelebet, würde er schon zu seiner Zeit das Rußische Reich sehr hoch empor gebracht haben. Die benachbarte Potentaten, und andere so aus dem Rußischem Reiche gute Vortheile zogen, hatten dieses lange zur Grundregel, daß Sie mit den Russen nicht länger als zwey oder drey Jahre Krieg führten, als denn aber Frieden mit Ihnen machten, und sie möglichst von dem Commerce mit anderen Europæischen Nationen entferneten, damit Sie das heutige Krieges und Finanzenwesen nicht selbst studiren, und ihre ungeheure Kräfte kennen lernen möchten. Allein die Göttliche Vorsehung riß endlich alle Hindernisse, welche menschliche Klugheit und Vorsicht Ihnen in den Weg geleet, unversehens hinweg, und so bald die Unruhen mit dem Pseudo Demetriis völlig gedämpft worden, funden die Fremden allmählich mehrern Zutritt und Gehör, und die überwiegende Gewalt, welcher sich die Geistlichkeit in Staats- und Policeysachen angemasset, ward nach und nach in engere Schrancken eingeschlossen. Alexius Michaëlowitz zeigte in allererst denen Pohlen eine sehr wichtige Probe von seinen Kräften. Feodor Alexiewitz gab den Türcken zu erkennen, was die Rußische Macht zu thun vermögend, und Petrus I. Glorwürdigsten Andenckens, wickelte endlich die grosse Force dieser Monarchie völlig auseinander, und legte A.1696. denen Türcken und Crimmischen Tartarn ihr *Non plus ultra* vor die Nase. Er ward ein Schrecken aller

Seiner Feinde, und eine sichere Stöße seiner Bundesverwandten. Er breitete seine Macht gegen alle vier Theile der Welt aus, und that solche Dinge, daß die gantze Welt inne werden muste, daß die Rußische Macht kein leerer Popantz, sondern etwas mehr als allzu reelles. China, Indostan und die grosse Tartarey respektiren die Macht und das Ansehen der Rußischen Monarchen. Persien und das Ottomanische Reich wissen von dem Nachdruck ihrer Kräfte mehr zu erzehlen, als Ihnen lieb ist. Eine unsägliche Menge Tartarischer Völcker muß sich unter dem Rußischem Scepter schmiegen. Die Nordische Reiche sehen die Rußische Macht anitzo mit gantz andern Augen an als vor diesem, und alle übrige Europäische Puissancen haben so wohl vor die Rußische Monarchie als Nation alle billige Hochachtung. Was die anitz preißwürdigst herrschende Kayserin denen Nordischen Affairen in dem letztem Kriege vor ein Gewicht gegeben, und wie herrlich Sie Ihre Unternehmungen in Pohlen zu Ende gebracht, schwebet annoch jederman vor Augen. Sie hat Asoff, welches die Muselmänner nunmehr auff ewig ungestört zu besitzen vermeinten, ihnen glücklich wieder entrissen, und denen Türcken, Crimmischen, Nagaischen, Cobanskischen und andern Tartarn die Wichtigkeit der Rußischen Macht dergestalt zu erkennen gegeben, daß ihnen darüber zu Händen und Füßen kalt geworden. Ein mehrers hievon werden wir in der nunmehr folgenden Beschreibung Rußlandes selbst beybringen, und zugleich versuchen, wie viele Mucken des Brieffstellers wir allhier mit einer Klappe werden schlagen können.

- 5 Grossrußland ist ein über alle massen grosses und mächtiges, theils in Europa theils in Asia gelegenes Reich, welches gegen Osten den Orientalischen Oceanum; gegen Süden die heut zu Tage also genannten Grosse Tartarey, daß Caspische Meer und ein Theil von Persien; gegen Westen die Dagestanische, Nagaische und Crimmische Tartarey, Pohlen, Littauen, Curland imgleichen ein Theil von Finnland und den Schwedischem und Dänischen Lapplande; gegen Norden aber den Oceanum Septentrionalem zu Gräntzen hat. Es lieget auf der Ostseite zwischen den 47. und 77. Grad Norderbreite und zwischen dem 41. und 172. Grad der

Länge, folglich ist es auf der Ostseite 450. und auf der Westseite 540. Teutsche Meilen breit, und von den Curländischen Gränzen bis auf die Ostküste von Camschatka 1965. Teutsche Meilen lang, wie wohl einige die Breite etwas kürztzer einziehen, die Länge aber noch weiter hinaussetzen. Nach der alten Methode ward es in das eigentlich so genannte Rußland und in die conquetirte Länder eingetheilet, nunmehr aber wird alles mit einander unter dem allgemeinem Nahmen von Großrußland begriffen, welches von Petro dem Grossen in folgende zehn Hauptgouvernements abgetheilet worden, nemlich (1) das Petersburgisch-Revalsche, (2) das Moscowische, (3) das Kiovische, (4) das Archangelische, (5) das Smolenskoisch-Rigaische, (6) das Siberische, (7) das Veronitzisch-Asoffische, (8) das Casanische, (9) das Astrachanische und endlich (10) das Nisni-Novogrodische. Ein jedes von diesen Hauptgouvernements begreiffet verschiedene grosse und kleine Fürstenthümer und eine gewisse Anzahl von Städten, und wird dahero wiederum in gewisse Provintzen, eine jede Provintz aber wieder in gewisse Districte unterschieden. Die Hauptgouvernements werden von General-Gouverneurs, die Provintzen von Gouverneurs, und die Districte von besondern Beamten administriret, welche ihren Gouverneurs, und dieser hinwieder ihren General-Gouverneurs, Rede, Antwort und Rechenschaft geben müssen. Die Luft ist in diesem Reiche nicht überall einerley. Die Nordlichen Gegenden, welche sich über den 60 Grad hinauf ziehen sind sehr kalt und rauh, und der Winter ist daselbst acht bis neun Monate lang. Zwischen den 57. und 60. Grad ist dieselbe schon etwas milder. Zwischen dem 54. und 57. Grad ist sie temperiret und angenehm. Zwischen dem 48. und 54. Grad schon ziemlich warm, doch noch dabey gemäßigt, zwischem dem 41. und 48. Grad aber sehr heiß und zur Sommerzeit fast brennend. Überhaupt aber ist sie ziemlich gesund, weil Dämpfe und giftige Nebel selten entstehen. In den heißen Gegenden gibt es hefftige Gewitter. In den temperirten Gegenden zwischen den 57. und 60. Grad äussert sich zur Herbstzeit das nasse Wetter zeitig. Zwischen den 48. und 54. Grad finden sich fruchtbare Regen nach Nohtdurfft, und zwischen den 41. und 48. Grad regnet es

zur Sommerszeit fast gar nicht. Das Land ist grötentheils eben, hat wenig Gebürge und Klippen, mit Seen und Flüssen aber ist es durchgängig bewässert, folglich ist GroßRußland ein überaus fruchtbares, und von Gott mit allem was zur Nohtdurfft und zur Bequemlichkeit des menschlichen Lebens erfordert wird sehr reichlich gesegnetes Land, und wo ja der einen oder andern Provintz an Fruchtbarkeit etwas ermangelt; so hat sie dagegen Überfluß an andern Naturgaben, wodurch ihrem Mangel leichtlich Naht zu schaffen. Vor allen andern Provintzen aber sind Resan, Wlodimir, Colomna und Jaroslau die fruchtbarsten. Das Bauland in diesen Provintzen wird alle Jahre besäet, ohne daß es von den Einwohner darff gedünget werden, dennoch geniessen die Besitzer von dem ausgesäetem Getrayde zwanzig, bis dreißigfältige Frucht. Die in den Nordlichen Gegenden wohnen, haben zwar kein Getrayde, hergegen viele wilde Staudenfrüchte und Wurtzelwerck, schwartze und rohte Johannesbeer, Bromber, Himber, Erdheidel- und Wachholderbeer. Die aber zwischen dem 48. und 60 Grad wohnen, haben an Rocken, Gersten, Weitzen, Spelt, Habern, Buchweitzen, Hirsen, Erbsen, Bohnen, Wicken, Linsen etc. theils ihr nöthiges Auskommen, theils einen grossen Überfluß. Der Hopfen wächst wild in den Wäldern. Von Hanff und Flachs giebet Lieflland einen inglaublichen Vorrath. Mit Baumfrüchten, als Birnen, Aepfeln (worunter die so genannten Naliv-Aepfel an Safft und föstlichen Geschmack ihres gleichen in der Welt nicht haben), Granaten, Pfirschen, Abricosen, Kirschen, Castanien, Bittern-Mandeln, Ceder-Kernen, welche an statt der Mandeln gebraucht werden, Hasel- und Wasser-Nüssen: imgleichen mit Garten-Gewächsen und Gemüsen, als Kraut, Ruben, Salat, Rettichen, Gurcken, Zwiebeln, Knoblauch, allerhand Sorten von Erdschwämmen. Im Astrachanischen wachsen vortreflich und fast ungeheur dicke Spargel, und zweyerley Gattungen von Melonen, welche an herrlichem Geschmack alle Europäische übertreffen. Die beste Gattung davon wird von den Landes-Einwohnern *Arbus* genannt, welche auch um Kiow und Asoff herum wächst. Es sollen auch diese Sorten von Melonen nicht allein weit zarter und safftiger, sondern auch weit gesunder seyn, als die

Besten so in Europa wachsen. Auf der West-Seite des Caspischen Meeres und im Astrachanischen kommt der Wein vortrefflich fort, und wird alda anitzo schon Wein gepresset, welcher dem besten *Schirasser* bey nahe gleich kommen soll.

An medicinischen Kräutern und Gewächsen findet sich im Rußischem Reiche auch viel besonders, wovon ein teutscher Botanicus Nahmens Buchsbaum viel schöne Entdeckungen gesammelt. In der Tartarey und bey Astrachan hat man eine Gattung von Pfeffer, welcher in rohten Hülsen wächst, und schärfer ist, als der Gemeine. Um der Wolga herum wird die Rhabarbara in grosser Menge gegraben, und nach den Chinesischen Gräntzen hin die köstliche Wurtzel Ninsi oder Ginseng. Das Kraut Kosa Traba oder Sichel-Kraut, welches Eisen zerbrechen soll, item die wundenheilende Wolfs-Wurtzel findet sich in Siberien. Auch wird das so genannte Federgras, welches aussiehet wie die weisen Federbüsche, so man auf den Hüten trägt, allda gesammelt. Zu dem gibt es hin und wieder viele Wayde, Krapp und andere Kräuter, die zum Färben gebraucht werden, und endlich wächst in dem neu entdecktem Lande Camschatka eine Art von Zuckerrohr, welches die Einwohner Ahatka nennen. An Bau- und Brennholz, als Fichten, Tannen, Kienbäumen, Erlen und Bircken hat GroßRußland einen ungemeinen Überfluß, auch wachsen darin die Linden in unsäglicher Menge, welche nicht allein den Bienen unvergleichlich zuträglich sind, sondern auch den Bast geben, woraus jährlich so viel hundert tausend Matten verfertigt, und mit grossen Vorthail durch gantz Europa debitiret werden. Eichen-Bäume, so zum Schiffbau dienlich, finden sich insonderheit in Casan, auch hat man vor einigen Yahren dergleichen näher bey Petersburg entdecket, und die Eichen-Wälder so man in Ingermanland gepflantzet, kommen vortrefflich fort. Büchen-Holtz hat man hin und wieder zur Nohtdurfft. Cedern-Bäume wachsen in den Werchaturischen Gebiergen. Auch wird das so genannte Adams-Holtz, welches schwarz von Farbe, und an Härte einem Stein gleichet, von einigen aber unter die Mineralien gerechnet wird, imgleichen der Faulbaum und so genannte Kapp, welches eine Gattung von Masern-Holtz in Siberien, der Lerchen-

baum aber sonderlich in der Barabinskischen Tartarey gefunden. Die Maulbeer-Bäume so Petrus der Grosse durch schwere Geld-Summen von den Kämmerlingen des Königs in Persien erhalten, und zur Befoderung der Seyden-Zucht in Astrachan pflanzen lassen: sollen auch erwünscht daselbst fortwachsen. Fette Weyde aber findet sich in Groß-Rußland fast überall, und das Graß wächst in vielen Provintzen so geil, daß das Vieh bis am den Bauch darin gehet. Und dahero kommt guten theils der unsägliche Überfluß von allerhand zahmen und wilden Thieren, als Ochsen, Kühen, Pferden, Schaffen, Ziegen, Schweinen, Cameelen, Dromedarien, Saum-Rossen, Hirschen, Reben, Renn-Thieren, Püffel-Ochsen, Hasen, wilden Pferden, wilden Schweinen, wilden Schaffen und Böcken, Renthieren, Gemen, Steinböcken, Zobeln, Mardern, Hermelinen, weiß und schwartzen Füchsen, Grauwerck, Bisam-Ratzen, Chorocki oder grossen Feld-Wieseln, Norcken, Luchsen, Vielfrassen, Bären, Wölffen, Tiegern, wilden Katzen etc. Das Cabardin oder Muscus-Thier wird nur auff den Siberischen Gräntzen gegen der Niuchey und Mungaley verspüret. Zahmes Flügel-Werck als Hünere, Enten, Gänse, welsche Hünere, werden überall in Groß-Rußland in grosser Menge aufgezogen.

Die Wälder, Wiesen, Moräste und Ströhme beegen das delikateste Feder-wild, als Aurhanen, Birckhünere, Fasanen, Repphünere, Haselhüere, Trappen, Kraniche, Tetronen, (welches Vögel mit schwartzen Federn und purpur farbenden Augbraunen), Jerpene, Schnepfen, Wasserhünere, Becassinen, wilde Gänse, wilde Enten etc. und an Singvögeln ist gleichfaß in den Rußischen Wäldern kein Mangel. Der Eis-Vogel findet sich allein in Siberien, alwo es auch edle Falcken und drey besondere Gattungen von Adlern giebet. Bienen aber findet man durch gantz Rußland in solcher unbeschreiblichen Menge, daß man fast sagen kan, wie das Land von Honig trieffe. Die Ströme und Seen wimmeln von allerhand Fischen, als Stören, Heringen, Schippen, Sterletten, Siggen, Schnetocken, Sandaten, Citerasen, weissen und rohten Lachsen, Barschen, Hechten, Schleyen, Carauschen, Quappen, Aalen, Stinten, Krebsen etc. Der Belaja wird vor einen der delikatesten Fische gehalten, welchem der Harrius wenig weicht. Die Stören

und Sterletten geben eine unbeschreibliche Menge von Caviar, welcher an alle Europäische Nationen mit grossem Vortheil verhandelt wird. Besagter Caviar ist ein eingemachter Fisch-Rögen, welcher von dem Rogen des Stöhrs und des Belaja gemacht wird. Der Letzte ist der beste, und bestehet in zweyerley Sorten, als Zernistaja (körnichten) und Pajusnaja (gepreßten). Der Zernistaja wird meistens im Lande verbraucht, ausserhalb Landes aber nur in kleiner Quantität zu Præsenten versandt. Der Pajusnaja wird im Sommer gemacht, scharff gesaltzen, und der Saft ausgepresset, nachdem in Tonnen und Säcken eingelegt, und ausserhalb Landes, sonderlich aber nach Spanien und Italien verhandelt. Man hat auch noch rothen Caviar in Rußland, welcher von dem Fische Sigg gemacht wird. Ottern und Biber gibt es in den Siberischen Ströhmen in Abundance. In der Kola, Warsiga, Wusma, Solja, Amur und verschiedenen andern Oestlichen Flüssen nach den Chinesischen Gräntzen, hin finden sich Muscheln mit so köstlichen Perlen, daß das Stück davon selbst in Rußland mit fünf, sechs und mehr Rubeln bezahlet wird, und selbst bey Archangel werden gute Perlen in Muscheln gesammelt. Die See-Hunde werden sehr häufig in den Ausläuffen der grossen Ströhme in dem Oceanum Septentrionalem gefangen. Mit Metallen, Mineralien und allerhand Berg-Arten ist Groß-Rußland von dem Höchtsten gleichfalls sehr herrlich gesegnet, und wenn man erstlich völlig Zeit haben wird, die bereits entdeckte Bergwercke völlig auszubauen, wird sich die Ausbeute zur Genüge zeigen.

Indessen ist dasjenige, was man hierin bereits zum Stande gebracht, von grosser Wichtigkeit. In etlichen Siberischen Flüssen wird ein reicher Gold-Sand gefunden, von welchem ein Pfund, 28. Loht gediegen Gold gegeben. Von dem Gold-Sande der in dem Daria-Strom entdeckt worden, sollen drey Quentlein schwer, in der Probe zwey und einen viertel Ducaten reines Gold zurück gelassen haben. Einige haben zwar berichten wollen, daß die Calmucken diesen Strohm aus Neid verstopfet, und am Ausfluß ins Caspische Meer so seicht gemacht, daß man mit Fahrzeugen nicht mehr hinein kommen könne, wogegen aber andere versichern, daß dieser letzere Gold-Sand nicht im Daria-Strohm,

sondern am Irtisch in Siberien gefunden worden. Man hat auch bey Astrachan einen ergiebigen Gold-Sand entdeckt, und wenn man Acht darauf geben wolte, würde sich dergleichen in allen Flüssen, auf welchen viel Holtz verflösset wird, antreffen lassen. Am Fluss Enesus hat man eine Gattung von Ertz gebrochen, welches so wohl der Farbe als dem Gewichte nach dem Golde gleichet, aber wegen seiner ungemeynen Zartheit und Flüchtigkeit im Feuer nicht bestehet. Vielleicht findet sich einmal ein ehrlicher Mann, der Ihnen die eben nicht so gar unbekannte Kunst, dergleichen flüchtige Gold-Ertze zu gut zu machen, communiciret.

Silber-Berg Wercke hat man bey der Untersuchung, welche Petrus der Grosse in dieser Absicht durch gantz Rußland thun lassen, an verschiedenen Orten gefunden. Zu Argun in der Siberischen Provintz Nerschinskoi, und an dem nicht weit davon fließendem kleinem Fluß Serebrinka gegen den Niuchischen und Mungalischen Gräntzen sind reiche Silber-Gruben, welche grosse Ausbeute geben. Bey dem allhier gebrochenem Silber ist viel Bley, welches aber wegen des weitläufftigen und kostbahren Transports wenig daselbst eltimiret wird, folglich unbrauchbar liegen bleibt. Vielleicht entdecket Ihnen die Zeit auch, wie dieses Bley selbst zur Minera zu schmelzen, und alsdenn Silber und Gold heraus zubringen, weil solches an solchen Orten, wo eingerichtete Hütten-Wercke, und zugleich Holtz in Überfluß vorhanden leichtlich zu bewerkstelligen. Zu gedachten Argun ist ein Berg-Amt, und die Beamten, so wohl als die vornehmsten Berg-Leute sind Sachsen, Schweden, Griechen und Russen. Die Berg-Wercke daselbst, sollen schon von uhralten Zeiten her, und lange zuvor ehe die Russen dahin gekommen von den Tartarn gebauet worden seyn, wie denn in dieser Gegend noch ungemeyne Rudera von Städten, Schantzen, Mühlsteinen, eisernen Wagen-Rädern und dergleichen gefunden werden. In den Fürstenthümern Twer und Ingerman-Land hat man ebenfalß ergiebige Silber-Gruben auffgenommen, und was die Silber- und Gold-Minen in Cam-schatka auswerffen werden, wird die Zeit lehren. Kupfer-Ertz wird an vielen Orten in Siberien in schönen Hand-Steinen gefunden, welche die Natur an etlichen Orten selbst zu Tage fördert.

Sonderlich gibt es im Werchaturischem District am Wya-Fluß; im Newianskoischem District an dem kleinem Fluß Schadrick; im Uctuskoischem District an den Utká-Kamischencka und Selesancka Flüssen; in der Gegend der neu angelegten Stadt Catharinen-Burg am Ysett-Strohm; im Kamenskoischem District, an eben diesem Strohm; imgleichen in Ugorien am Chussowoya-Strohm, und in den Uralschen Gebürgen viele Kupfer-Berge, welche theils würrklich gebauet werden, theils aber annoch ungebauet liegen. Nicht minder wird am Wiatka-Strohm bey dem Städtlein Malmisch, und bey Olonetz am Onega-See viel Kupfer-Ertz gegraben und bereitet. Eisen-Ertz wird in Siberien und Rußland fast überall in unglaublicher Menge gefunden. Das allerbeste ist das Jeneseyische in Siberien, woraus allerhand feine Waaren verfertiget, und nach Holland, Engelland und Teutschland verführet werden.

Es werden auch Canonen, Mörser und ander grobes Geschütz daraus gegossen, welche an Güte und Dauerhaftigkeit den Metallinen gleich geachtet werden. Nächst diesem wird das Eisen-Ertz bey Petrowski und Olonetz, auf der Ost- und Süd-Seite des Onega vor das Beste, zäheste und dauerhafteste gehalten, und werden daraus Canonen, Mörser, Haubitzen, wie auch allerhand klein Gewehr und Waffen von grosser Güte gegossen und fabriciret. Zu Lipski zwischen Tula und Veronitz werden gleichfaß allerhand Waffen gearbeitet. Zu Kosmincki werden Ancker geschmiedet, und zu Kamencka in Siberien, unweit des Ysett-Strohms wird Stahl bereitet, bey der Stadt Paula aber werden die so genannten Damascener-Klingen und Damascener Läufe verfertigt. Man zehlet sonst in Groß-Rußland fünff hauptsächliche Eisen-Bergwercke, welche der Krone zugehören, und sieben und zwanzig, welche von Privatis gebauet und betrieben werden. Unter den letztern soll Tetkoffskoi, so dem Mikita-Dimitow zustehet das beste seyn. In Casan und Siberien gibt es auch einträglliche Schwefel-Bergwercke, und es ist merckwürdig, daß in den Bergen der erstgemeldten Provintz Schwefel gebrochen wird, der so durchsichtig und klar wie ein Bern-Stein. Am Jenesey-Strohm nicht weit vom Eiß-See wirfft ein Feuer-speyender Berg eine Art Asche aus, welche man vor *flores Sulphurus nativi* ansiehet.

Zwischen Tula und Kaluga ist ein wichtiger Alaun-Bruch. Salpeter findet sich in Astrachan in grosser Quantität, und werden jährlich aus dieser Provintz über 30000 Pud in die Kayserliche Magazins gelieffert. Um Moscau herum gibt es gleichfalß viele Salpeter-Hütten. In Siberien aber nicht weit vom Ysett-Strohm ist eine See, in welchem sich zur heyssesten Sommer-Zeit eine grosse menge Saltz, welches mit dem dritten theil Salpeter vermischt ist, ans Ufer setzet. Wollten die Russen sich künftlichen Erzeugung des Salpeters befleissigen: so haben sie so viel Materialien, Raum und Gelegenheit dazu, daß Sie gantz Europa furniren, und das Ost-Indische Salpeter Commercium unter dem Fuß bringen könnten. Koch-Saltz ist in Groß-Rußland ebenfalß in solchem Überfluß anzutreffen, daß fast unsehlige Saltz-Quellen und Gruben negligiret werden. Man hat sonst dreyerley Gattungen desselben, (1) das aus der Soole gesotten wird, dessen sich die hauptsächlichsten Rußischen Saltz-Wercke, nemlich die Bachmudischen am Don-Fluß, die Stroganowischen in Casan, und die Siberischen bedienen. (2) Stein-Saltz, welches in der Uffinskischen Tartarey, und zu Totma zwischen Archangel und Moscow häufig gegraben wird, und (3) Saltz, das von der Sonne in verschiedenen Seen zur Sommers-Zeit coaguliret wird, dergleichen in der grossen Astrachanischen Heyde, imgleichen zwischen der Wolga und dem Jaïck-Strohm häufig anzutreffen. Sonderlich ist in der, unter Rußischer devotion stehenden Calmuckey ein See, Iamuschua-Oser genannt, welcher sehr reich von dieser Gattung Saltzes. Die Russen gehen jährlich mit 20. bis 25. Fahr-Zeugen, und einer Convoy von 2500. Soldaten den Irtisch-Strohm hinauff, so dann ein Stückweges über Land bis an den gemeldten See, alwo Sie das Saltz am Ufer dieses Sees wie Eiß aushauen, und ihre Schiffe damit beladen. Doch gehet selten ein Jahr vorbei, daß Sie nicht mit den Calmucken zu scharmutziren haben, weil diese Ihnen die Ausfuhr des Saltzes nicht gerne zustehen wollen, solches aber dennoch nicht verwehren können.

Um den Baikal-See herum gibt es gleichfalß einige dergleichen Saltz-Seen. Sonst findet man noch in Siberien das Mineral, welches die Russen *Kamina Masla* oder Stein-Butter nennen,

imgleichen eine Gattung von Stein-Oel. Am Irtisch-Strohm nicht weit von dem gemeldten Saltz-See wird Asphalt gefunden. Bernstein wird zwischen dem Jenesey-Strohm und Chatanga gesammelt. Zu Swinda bey Archangel, imgleichen in der Landschafft Uffa wird Cristall gebrochen. Der erstere ist so edel, daß er nach der Politur dem Demant gleichet. Auch wird in den Werchaturischen Gebürgen und bey Tomskoi Cristall gefunden, welcher dem Europæischen an Härte weit vorgehet. In Daurien bey der Stadt Argun ist ein grosser Jaspis-Berg entdeckt. Dieser Jaspis ist dunckel und Licht-Grün, und so hart, daß er sich mit keinem Stahl zwingen, im Schleiffen aber sich wie ein Spiegel poliren lässet. In eben dieser Provintz findet sich auch ächter Lasur-Stein. Zu Carcharia am Ufer des Tafta-Strohmes werden Carneolen, und zu Cathrinen-Burg Amethysten gefunden. Der Oby-Strohm wirfft Steine aus, die bey Achaten nicht ungleich. Die Russen graben allerhand Figuren darin, und tragen sie in Ringen an den Fingern. Bey Archangel hat man Sliuda oder Marien-Glaß von besonderer Helle, welches sonderlich zu den Laternen, auch wohl zu Fenstern auff den Orlog-Schiffen gebrauchet wird. In den Werchaturischen und Tobolskischen Gegenden bricht man Asbest, Amiant, oder wie es die Russen nennen, Seyden-Stein, woraus unverbrennliche Leinwand, Papier etc. etc. verfertigt wird.

Der Berg, aus welchem diese Materie genommen wird, heysset bey den Russen Schelkowa, d.i. Seyden-Berg. Bey Catharinen-Burg findet sich eine Gattung von Asbest, woraus Leinwand, Strümpfe, Handschuh u.d.g. fabriciret werden. Am Tagil- und Utka-Fluß liegen gantze Magnet-Berge. Bey Peterhoff, zwischen Petersburg und Cronsot wird Marmor gewältiget, desgleichen weder in Schweden noch in Italien besser zu haben. Bey Peremogora, einem Ort an der Dwina zwischen Totma und Archangel ist ein Alabaster-Gebürge, in welchem die Natur eine wunderwürdige Ordnung von Gängen und Höhlen formiret, und mögen sich vor alters Menschen darinnen aufgehalten haben. Eben dergleichen findet sich auch eine halbe Meile von der Stadt Kongur in Ugorien. Die erstgemeldten Höhlen sollen 6 Meilen im Umcrayse haben, und wird daselbst aus dem Alabaster-Stein aller-

hand artige Arbeit verfertigt. Die andere soll etwas über eine teutsche Meile lang, und eine halbe breit seyn, und in derselben haben die Russen verschiedene Gyps-Brennereyen. Am Pytschiora-Strohm sollen sich eben dergleichen Alabaster-Höhlen finden. Unter denen Mineralischen Wassern sind insonderheit die zu Olonetz, und die im Casanischem entdeckte in grossem Ruff gekommen, und endlich sind auch vor einiger Zeit in Astrachanischen dergleichen Wasser erfunden worden.

Groß-Rußland hat weitläufige Moräste, grosse unbewohnte Ebenen oder Heyden, welche Step genannt werden, imgleichen grosse Wälder und Seen, welche einen ziemlichen District Landes einnehmen. Doch sind die Moräste bey weiten nicht so unermäßig, die Wüsteneyen oder Heyden bey weiten nicht so ungeheuer als sich der Brieff-Steller einbildet. Und wie ein solches Reich das bey nahe 2000. Meilen lang, und über 500. Meilen breit, so viel Platz als dergleichen Moräste, Wüsteneyen und Wälder einnehmen, sehr leichtlich entrahten kann; also sind die Vortheile, welche die gantze Rußische Monarchie aus selbigen geniesset, auch sichtbahrlich also beschaffen, daß man sich in Groß-Rußland schwerlich entschliessen würde, selbige auszubauen und auszutrocknen, wenn man gleich eine Möglichkeit sähe, die dadurch bloß und wohnbar gemachte Plätze alsobald mit Menschen wieder zu besetzen. Denn die Moräste und Wälder geben Wild-Prät, Honig, Wachs, Hartz, Pech, Theer, und insonderheit die in aller Welt beliebte köstliche Peltzereyen, und die Steppen oder so genannte Wüsteneyen dienen einer unsäglichen Menge von allerhand köstlichen Geflügel und andern Wild-Prät zur Brut und Nahrung. Was aber die übrigen Gegenden betrifft, welche nicht mit genugsamen Einwohnern versehen, sind oder zum Nutzen des gemeinen Wesens von Menschen nicht gebraucht werden können: so werden solche mit grosser Klugheit und Sorgfalt peuplirt, wie die vielen Festungen, Städte, Vorstädte, Flecken und Dörffer, welche Alexius Michaëlowitz, Petrus der Grosse, Catharina, und die itzt Glorwürdigstherrschende Kayserin Anna erbauen, und theils mit Russen, theils mit Leuten so in den Kriegen gefangen worden, besetzen lassen, hievon

überflüßig zeugen. Diese glückseeligste Fürstin wird es auch unter Gottes Seegen unfehlbarlich dahinbringen, daß die schönen Gegenden Ihres Reichs, welche wegen der räuberischen und diebischen Tartarn bishero wüste liegen bleiben müssen, von den Einfällen und Streiffereyen dieser Raubvögel endlich völlig befreyet, und mit Einwohnern wieder besetzt werden. Unterdessen ist in Groß-Rußland dennoch eine unsägliche Menge Menschen vorhanden, welches ohne Schwierigkeit daraus abzunehmen, wenn man bedencket, was Petrus der Grosse vor Armeen ins Feld geführt, wie bald er seine Flotten besetzt, was vor eine erstaunliche Menge Volcks er zur Erbauung der Stadt Petersburg, Verfertigung der Canæle, Ausbauung der Wälder, Besetzung depleu- plirter Oerter und dergleichen gebrauchet.

Die Russen heyrahten jung, und haben das Haus zeitig voller Kinder, und dieses ist die natürliche Ursache einer so grossen Populosität. Die Stadt Moscow wimmelt so voller Volck, daß man allein daselbst eine gantze Armée aufrichten könnte, und die Rußische Colonien, die sich in allen conquêtirten Ländern ansäßig gemacht, haben sich dergestalt ausgebreitet und vermehret, daß sie die mehresten Originair-Einwohner an der Zahl bereits übertreffen. In Ansehung ihrer Leibes- und Gemüthtsbeschaffenheit, Fähigkeit, Sitten und Gewohnheiten, sind die Russen (denn von andern unter ihnen versteckten Völckern ist allhier die Rede nicht) fast durchgehends ansehnliche, breitschulterliche, starcke, gesetzte, und dabey größtentheils wohlgestalte Leute. Das Frauenzimmer ist überhaupt wohlgebildet, und hat dabey etwas Männliches und Amazonenmässiges an sich. Vor derjenigen Religion, in welcher sie gebohren worden, haben sie allesamt eine ungemeyne Hochachtung, halten viel auf die Reinlichkeit ihrer Gotteshäuser, und auf die Pracht ihrer Kirchenzierrachten. In ihrem Gottes-Dienst sind sie punktuel, in ihrer Andacht eiferig, insonderheit aber sind sie grosse Verehrer der Heiligen. Vor Ihrem von Gott vorgesetztem Souverain haben sie eine unendliche Veneration, und übertreffen hierinnen alle Nationen der Welt.

Die vornehmen Rußischen Standes-Persohnen sind gravitätisch, halten viel auf ihren Respekt, sind im Umgange ernsthaft,

in öffentlichen Auffzügen prächtig, lieben grossen Staat und zahlreiches Gefolge, auch prächtigen Auffputz mit Gold, Silber und Edelgesteinen, sind mildtätig gegen die Geistlichen und Armen, verschwenderisch in Gastmahlen, grosser Liebhaber von der Jagt, sonderlich aber von der Beitze mit Falcken, und dem Hetzen mit Winden, verschmitzt und verschwiegen in Anschlägen, grosse Künstler im Stellen und Verstellen, und strenge gegen ihre Unterthanen. Bey der itzigen Erziehung thun sie es an Magnificence, kluger, gesitteter und galanter Aufführung und vernünftiger Lebens-Art den politesten Europæischen Nationen gleich, und vielen noch weit zuvor. Der Mittel-Mann ist in den best-cultivirtesten Provintzen lustig, höflich, willfährig und gutthätig so wohl gegen die Fremde, als gegen die Arme, arbeit-sam, auf den Erwerb erpicht, schlau, listig, gedultig im Lernen und Arbeiten, sparsam und häußlich. Des gemeinen Volcks Politique besteht darinn, daß es sich arm und dumm stellet, und ohne Zwang nicht mehr arbeitet, als es zu seinem nohtwendigem Lebens-Unterhalt höchst-bedürfftig ist. In den abgelegenen Provin-tzen und Oertern, wo keine Fremde sonderlich hinkommen, ist dasselbe schüchtern, und lebet in seiner natürlichen Einfalt dahin. Überhaupt aber ist der Pöfel in Rußland also beschaffen, wie in andern grossen Staaten, laufft denenjenigen, so ihm von guten Tagen vorschwatzen leichtlich nach, oder gehet auch wegen der grossen Steuern und harten Bedrängnissen, womit er von seinen Obern bekeget wird in den Krieg, wird wenn er kein Auskommen siehet desperat, und thut sich nach der schweren Arbeit und strengen Fasten gerne etwas zugute. Ist aber sonst so dumm nicht als er sich stellet, wie es denn bedencklich, daß auch die geringsten und gemeinsten Russen im Schach-Spiel exeliren. Weiß übrigens seinen Vortheil bey ersehener Gelegenheit gar wohl zu beobachten, ist geschickt alles zu erlernen, sonderlich wann er durch Belohnungen angefrischet wird, unermüdet in schwerer Arbeit, die ihm Vortheil bringet, gedultig in derjenigen welche er aus Zwang thun muß, dem Herrn, der ihm wohl begegnet treu als Gold, und dem der ihm gutes thut mit Leib und Leben zi diensten. Alle Russen von dem Grösten bis zu dem Ger-

ingsten sind harte und robuste Leute, welch Hitze und Kälte, Mangel und Überflüß, Hunger und Wolleben, schwere Arbeit und Müßigang, gutes und böses gleichgültig ertragen können, und sich in ihrem Beruff wenig darum bekümmern, ob die Sonne scheineth, oder ob es donnert und blitzet, ob es warm oder kalt, ob es gut Wetter, oder ob es regnet, schneyet und hagelt.

Ihre Gedult in Fatiquen und Unglück ist unglaublich. Selbst aus den Tode machen sie sich sehr wenig, und sehen sie das Sterben vor eine Sache an, die niemanden eine Furcht oder niedrige Empfindung einzudrücken vermögend. Man hat fast an allen, die etwa eine Todes-Straffe auszustehen gehabt wahrgenommen, daß sie solche mit einer erstauenden Kaltsinnigkeit angetreten, welches dann verursacht, daß man zu weilen bey ausserordentlichen Verbrechen auch ausserordentliche Todes-Straffen erfinden müssen, weil sich ein Russe vor einer ordentlichen und gewöhnlichen Todes-Art keines weges scheuet. Vor diesem hat mat geglaubet, daß die Russen keine gute Soldaten [sind], oder daß sie wenigstens nur in Festungen und hinter der Mauren taugten. Allein die Erfahrung hat es nunmehr bewähret, daß es Ihnen nur an Disciplin und rechtschaffenen Anführung gefehlet. Petrus der Grosse sagte nach der Schlacht bey Narva, daß seine Leute zwar geschlagen worden, Er wäre aber versichert, daß Sie von nun an gleichfalß lernen würden, wie sie andere schlagen solten. Und dieses hat die nachhero verflossene Zeit in so viel Krieges-Zügen, Battailen, Belagerungen und See-Gefechten, worin Sie ihre Tapferkeit und bravoure zur Genüge erwiesen, redlich bewähret. Sonderlich aber schicken sich die Russen zu Infanteristen und Matrosen, und brauchen nicht mehr als diese vier regeln: Commando pariren, sichs saur werden lassen, im Treffen sich wohl halten, und lieber sterben als weichen, welche ihnen schon mit der Mutter-Milch eingeflösset werden. Daß die Russen überhaupt von Natur sehr fähige, und alles zu begreifen geschickte Ingenia besitzen, haben ihre auswärtige Lehr-Meister vielfältig bekennen müssen, als welche gröstentheils von ihren Lehrlingen zeitig übertroffen worden.

Vor allen Dingen aber sind sie zur Mechanic und zur Manu-

faktur-Wesen geschickt, und dabey durchgehends zum Handeln und Schachern geneigt. Anbey sind sie von dem grösten bis zum kleinsten ausbündige Schwimmer, die fast ihres gleichen nirgend haben, und dahero scheineth es, daß Sie zu See-Leuten gleichsam gebohren worden. Es trägt hiezu das Baden, wozu sie von Mutterleibe an gewöhnet werden, wohl das meiste bey. Denn alte und junge baden sich wöchentlich wenigstens einmahl, und werffen sich aus den heissesten Bad-Stuben in die kältesten Ströhme oder Seen, schwimmen eine Zeitlang darinnen herum, oder kühlen sich auch wohl in Schnee und Eiß ab, und halten solches vor ein Universal-Mittel wieder alle Zufälle. Sie wissen dannenhero weder von Schnupfen und Husten, weil Ihnen weder Hitze noch Kälte schadet. Wegen der grossen Sommer-Hitze halten alle Russen täglich ein Paar Stunden Mittags-Ruhe, wie wohl dieses auch zur Winters-Zeit bey nahe schon zur allgemeinen Gewohnheit geworden. Knoblauch und Brandtwein ist denjenigen unentbehrlich, die in der strengen Kälte zu thun haben, und das Clima in den Nordlichern Rußischen Gegenden erfordert es schlechterdings, daß diejenigen so darunter wohnen Brandwein trincken müssen. Und weil es dergleichen Umständen an Excessen nicht wohl fehlen kan; haben etliche die gantze Nation der Trunckfälligkeit beschuldigen wollen. Unterdessen ist die vorhin eingerissen gewesene Mode, jemand zu übermäßigen Trincken zu nöthigen bey den Grossen schon längstens abgeschafft worden, und bey dem Mittel- und gemeinen Manne gehet das starcke Trincken auch bey weiten nicht mehr so sehr im Schwange als vor diesem: wiewohl es dennoch so genau noch nicht abgethet, daß nicht hie und da zuweilen ein Excess im Trincken bemercket werden solte.

Die Manns-Persohnen sind nunmehr in Rußland allesamt auf teutsch gekleidet, und das Frauen-Zimmer, sonderlich das vornehme auf Englisch und Frantzösisch. Es trägt niemand mehr einen langen Bart oder lange Haare als die Popen, und etliche Bauren, welche man nicht zum Scheer-Messer gewöhnen können. Nur daß einige, welche trauren, oder in ihres Herren Ungnade verfallen, noch zuweilen Haare und Bart wachsen lassen, um dadurch

ihre Betrübniß oder Reue zu Tage zu legen. Wer ihre Sprache versteht, und erstlich mit Ihnen bekannt ist, kan mit den Russen so gut als mit einem Volck in der Welt zu recht kommen, weil der Grund ihres Gemühts treuhertzig, verträglich und dienstfertig, wie wir solches in Teutschland an so vielen tausenden ohne Unterschied bemercket haben. Man beschuldigt sie übrigens, daß Sie mit Ihren altväterlichen Gewohnheiten gar zu viel halten, und zur Slavischen Unterwürfigkeit gar zu sehr geneigt seyn sollen.

Allein so natürlich und gemein das erstere auch allen Völckern ist: so hat sich doch an denen Russen geäußert, daß kein Volck auf der Welt seine alte Manieren und Gewohnheiten so geschwinde abgelegt, und dagen so leichtlich etwas bessers angenommen, als eben dieses. Was das andere betrifft: so kommet solches nur denenjenigen also vor, die die Orientalische oder Vollgewaltige Regierungs-Art nicht kennen. Die Russen sind derselben von langen Zeiten her gewohnt, und suchen überdem in der Ehrerbietung, so Sie Ihrem Monarchen bezeigen ein besonderes Vergnügen. Petrus der Grosse aber war von den allzubemühtigen Bezeugungen gantz kein Liebhaber, und konte es durchaus nicht leyden, wenn seine Unterthanen vor Ihm niederfielen und die Erde zu seinen Füßen küßten. Sie durfften sich auch in ihren Bittschrift nicht Chalup (Slaven), sondern nur Raab (Unterthanen) unterschreiben. Er hat sich einsmahls über die Slaverey gegen einen gewissen auswärtigen Minister gesagt: «Wie er niemahls ohne Grausen daran gedencken könnte, wenn in der Schrift erwehnet würde, daß sich auch die unvernünftigen Creaturen mit auffgerektem Halse sehneten, von der Dienstbarkeit des Verderbens, welcher Sie unterworffen, frey zu werden, woraus den leichtlich der Schluß zu machen, mit was vor Angst und Seuffzen sich wohl die vernünftige Creaturen nach dieser Freyheit sehnen müsten.» Gewiß! Gedancken, welche würdig sind, daß sie von einem so grossen Monarchen geheeget worden.

Die Sprache der Rußischen Nation anlangend: so ist in ihrem Gottes-Dienst, Kirchen-Sachen und andern hohen geistlichen Dingen die alte Slavonische Sprache eingeführet. Der Hoff-Stylus hat zwar die gewöhnliche Sprache zum Grunde, dabey aber

viel dunckles in sich, und bedienet sich fast aller Kunst-Wörter der Ausländer. Petrus der Grosse hat diesem Stylum in allen Cantzelleyen im Gange bringen lassen. Die ordentliche und durchgehends im gemeinem Leben übliche Rußische Sprache ist eine Tochter der Slavonischen, und die eigentliche Mutter-Sprache der Venedorum, welche zwar bey den Russen in Ansehung des Dialekti etwas verändert, dennoch aber dergestalt conserviret worden, daß die Pohlen, Böhmen, Mährer, imgleichen die Steyrische, Kärnthische, Crainerische, Sächsische, Märckische, Lüneburgische und hinter-Pommerische Wenden dieselbe leichtlich verstehen, und auf den Nothfall als Rußische Dollmetscher gebrauchet werden können. Selbiche ist sehr wortreich, und wird heut zu Tage mit grossen Fleiß excoliret.

Die in Großrußland dominirende Religion ist die christlich-griechische. Die Königin Olga hat dieselbe ums Jahr 950. zu Constantinopel zu allererst angenommen, Wlodimir I. aber, der die Griechisch-Kayserliche Princeßin Anna ums Jahr 988 geheyrathet, und dieser wegen die von ihm gewonnene Griechische Stadt und Landschafft Corsun dem griechischen Kayser wieder abgetreten, hat dieselbe darauf ordentlich in Rußland eingeführet. Von dieser Zeit an ist das griechische Glaubenssystema in der rußischen Kirche verblieben, und da sich durch die Länge der Zeit allerhand Neuerungen und Unförmichkeiten in dasselbe eingeschlichen; setzte Petrus Mogilas, Metropolit von Kiow mit Hülffe verschiedener gelarter Ertz- und Bischöffe a. 1642. eine Formulam unter dem Titul: *Erklärung des Rußischen Glaubens*: auf, welche hernach von dem Patriarchen zu Constantinopel und von gedachtem Metropolit, mit Zuziehung einiger Frommer, gelehrter und hiezu insonderheit bevollmächtigter Männer noch weiter untersucht, und darauff von denen vier Patriarchen der Griechischen Kirche, nemlich dem zu Constantinopel, Ierusalem, Alexandria und Antiochia im Jahr 1643. approbiret, und völlig bestätigt wurde. Und dieses ist dasjenige Buch, welches Laurentius Normannus a. 1695. unter dem Titul: *Orthodoxa Confessio Catholicæ & Apostolicæ Ecclesiæ* in Griechischer und Lateinischer Sprache, der Herr Frisch aber a. 1727. unter dem Titul: *Liber*

Symbolicus Russorum, oder der grössere Catechismus den Russen heraus gegeben. Aus selbigem ist zu ersehen, daß das Glaubens-Bekändtnis der Rußischen Kirche so elend nicht beschaffen sey, als sonst viele aus Feindschafft, Partheylichkeit und Unverstand wohl davon vorgegeben.

Eben dieser Petrus Mogilas übersetzte auch das Griechische Ritual in die Sclavonische Sprache, welche Übersetzung auch noch heut zu Tage in der Rußischen Kirche unter dem Nahmen *Trebnick* oder allgemeines Gebetbuch gebrauchet wird. Was sich in den Ceremonien nachhero asttößiges und unanständiges gehäuffet, hat der heutige heilige Rußische Synod mit grosser Klugheit ausgemustert und abgestellt. Die Bibel, welche die Russen haben, hat der Czaar Alexius Michaëlowitz a. 1663. in Sclavonischer Sprache drucken lassen, nach demjenigen Exemplar, welches Hertzog Constantinus a. 1581. zu Ostrogh in Vollynien zum Druck befördert. In der gebräuchlichen Rußischen Sprache aber ist zur Zeit noch keine Bibel vorhanden, ob gleich solches von einigen irrig versichert werden wollen. Das alte Testament und die Offenbahrung Johannis werden in der Rußischen Kirche nicht gebrauchet, ausgenommen daß aus dem erstern einige Stücke an gewissen Festtagen in den Kirchen verlesen werden. Sonst werden zu dem Glaubens-Systemate der Rußischen Kirche noch die sieben Concilia, nemlich (1) das Nicænische von anno 325. (2) das Constantinopolitanische von a. 381. (3) das Ephesinische von a. 431. (4) das Chalcedonensische von a. 451. (5) das andere Constantinopolitanische von a. 553. (6) das dritte Constantinopolitanische von a. 680. und endlich (7) das andere Nicænische von a. 787. mit gerechnet. Von den Sekten und Schismaticis in der Rußischen Kirche hat Demetrius Saritz in einem Besondern Buche, und Herr Christian Martini ist seiner Nachricht aus Rußland ziemlich umständlich gehandelt. Nächst der Griechischen ist unter der christlichen Religionen die Lutherische in Groß-Rußland am stärcksten. Die sich dazu bekennen, haben 2. Kirchen zu Petersburg, 2. zu Moscow, eine zu Astrachan wie auch zu Novogrod-Weliki, Tobolsk und Catharinen-Burg. Die Römisch-Catholische und Reformirte haben gleichfalß zu Peters-

burg, Moscow und Archangel ihre Kirchen und Versammlungen. Auch haben die Armenianer in Astrachan eine eigene Kirche.

Die Mahometaner geniessen im Rußischen Reiche gleichfaß ihrer völligen Religions-Freyheit, und gibt es deren zu Casan, Astrachan, Casimow und andern Orten eine grosse Menge. Die Baskirrische, Nagaische circassische und viele von den Siberischen Tartarn sind gleichfaß dem Alkoran zugethan. Sie haben in allen ihren Städten und Dörffern ihre Versammlungen und Schulen, reisen ungehindert nach ihren heyligen Oertern, und haben die Polygamie und andere Dinge nach dem Türckischen Gesetze frey. Doch sind der Heyden in Groß-Rußland wenigstens dreymal so viel als der Mahometaner. Diese haben nicht einerley Götzen Dienst und Ceremonien, folglich würde es hier zu weitläuffig fallen den Unterscheid davon zu berühren. Es gehören hieher sie Samojuden, ein Theil der Ostiacken, die Czeremissen, Morduiner, Tungusen, Jakuten, Juckagrger, Koræiken, Moschianer und viele andere Tartarische Nationen. Man hat zwar, nachdem so wohl die Mahometanische als heidnische Tartarn unter Rußischer Bothmäßigkeit gekommen, viele Mühe angewandt, um sie zur Christlichen Religion zu bringen. Sie haben sich aber zu Anfangs lieber allesamt niedermetzeln, als ihren Aberglauben und Götzen-Dienst fahren lassen wollen, und man hat ihrer Treue nicht eher versichert seyn können, als bis man ihnen ihre völlige Glaubens- oder Unglaubens-Freyheit zugestanden. Alexius Michaëlowitz machte diejenige zu Edelleuten, welche den Christlichen Glauben annahmen, und ertheilte Ihnen hiernächst allershand Freyheiten und Privilegia, wodurch sehr viele zur Rußischen Kirche gebracht worden. Petrus der Grosse sandte Lehrer und Schulmeister zu Ihnen, und ließ denenjenigen, welche sie hören wolten, mit grossen Glimpf von den Anfangs-Gründen des Christenthums Unterricht geben, welche Bemühung zwar nicht fruchtlos abgelauffen, doch ist erstlich in dem künftigen Zeiten nach Gottes Willen eine reichere, und vielleicht eine völlige Erndte zu hoffen.

Die Studia sind zwar in Rußland schon in gewisser Masse zu Ende des 9. Seculi, da man in diesem Reiche angefangen, die Scla-

vonische Sprache in Schrifften zu verfassen bekannt worden, von der Obersten Geistlichkeit aber aus besondern hierarchischen Absichten verborgen gehalten, und bey derselben so lange versteckt geblieben, bis sie endlich unter dem Czaar Michaël Fedorowitz einen, gleichsam aus der Dunkelheit nur wenig hervorblickenden Schimmer; unter Alexio Michaëlowitz einen sich schon etwas näher zeigenden zwar zarten, aber doch schon im Zunehmen begriffenen Schein; unter Petro dem Grossen und unter Catharina einen, auff dem Rußischen Horizont plötzlich hervorbrechenden Glantz; und unter der glorreichen Kayserin Anna Sonnenhelle und weit und breit um sich leuchtende Strahlen gewonnen. Und wenn man auff die schon vorhinberührte, besondere natürliche Fähigkeit der Rußischen Nation die Augen wirfft: wird man sich nicht übermäßig zu verwundern haben, daß gute Künste und Wissenschaften in Rußland so schnell empor gekommen, und in so kurtzer Zeit zu einer so ausserordentlichen Aufnahme gedien. Petrus der Grosse fing nach seiner erleuchteten Einsicht die Sache bey dem rechten Ende an, in dem er in allen Städten, und so gar auch auf den grossen Kirch-Dörffern, Schulen anlegen, und solche mit Leuten, die die Jugend in den Grund-Stücken der Religion, wie auch im Lesen und Schreiben unterrichten konnten, besetzen ließ. Einige gefangene Schwedische Officiers eröffneten in Siberien eine Schule, worin Sie junge Leute in der Lateinischen, Teutschen, Frantzösischen und anderen Sprachen, imgleichen in der Sitten-Lehre, Mathesi und allerhand Leibes-exercitiis als Fechten, Reiten etc. unterwiesen, welche Schule bey der Rußischen Nation einen solchen Beyfall und Ruhm erlanget, daß Sie von allen Ecken und Enden ihre Söhne dahin gesandt, und dieselbe alda zu allem Güte anführen zu lassen.

Der Rußische Monarch resolvirte hierauf, ausser gemeldeten geringen Schulen in einem jedem Rußischem General-Gouvernement ein Haupt-Gymnasium zu errichten, und widmete dazu gewisse Closter-Güter, welche nach Absterben der alten Mönche seiner Absicht gemäß angewendet werden solten. Wie weit aber dieser rühmliche Entschluß zum Stande gekommen, können wir aus Mangel der hieher gehörigen Nachrichten nicht melden. So

viel ist gewiß, daß in der Stadt Moscow schon längstens drey vortreffliche, von Petro dem Grossen gestiftete Gymnasia floriret, worin die allergeschicktesten Leute, welche in Groß Rußland und sonst zu finden gewesen, zu Professoren bestellet worden. In dem ersten werben Theologica und humaniora in verschiedenen Classen gelehret, und sind darin insgemein vier bis fünfhundert Lehrlinge. Die Professores sind Rußische Religiosen, welche in Pohlen, in der Ukraine, in Preussen, ja selbst in Teutschland und Italien studiret, In dem andern wird die Arithmetica, Geometrie und gantze Mathesis gleichfalß in verschiedenen Classen tractiret, und sind insgemein sechs- bis siebenhundert junge Leute darinnen. Die Professores sind theils Russen, theils Ausländer. In dem dritten wird die Jugend einzig und allein in denen zur Seefahrt gehörigen Wissenschaften unterrichtet, und wöchentlich ein paar mahl auf das Observatorium geführt. Die sonst nichts als Rechnen und Zeichnen lernen, werden hernach zu mechanischen Künsten und Wissenschaften angeführt. Zu Petersburg blühet die Welt berühmte Kayserliche Academie der Wissenschaften. Selbige ist mit den geschicktesten und gelehrtesten Männern, die man in Teutschland, Franckreich, Engelland und Holland aufreiben können besetzt, und wird darin die Rede-Kunst, die Morale, Metaphysic, Geographie, Historie, Mathesis, Astronomie, das *lus Publicum*, die Physiologie, Physica Experimentalis, Chymia Experimentalis, die Anatomie, Botanic, die Römische und Griechische Antiquität etc. mit grossem Fortgang dociret.

In der gleichfalß zu Petersburg befindlichen See-Academie werden die jungen Leute in den See-Wesen völlig perfectioniret. Und solcher gestalt werden in diesen Pflantz-Schulen Leute gezogen, welche dem Staat so wohl in Affairen, als im Kriege dienen, und dem Vaterlande Ehre und Vortheil erwerben können. Ausser diesen Schulen aber studiren viele von den Rußischen Geistlichen zu Kiow, Prag und selbst zu Rom. Der Adel machet sich auf den Teutschen, Frantzösischen, Englischen und Wälschen Academien qualificiret, und da Petrus der Grosse ein Gesetz gegeben, nach welchen ein Mann, der 500. Rubel Einkommens hat, und seine Söhne nicht in Sprachen Künsten und Wissenschaften unter-

richten lässet, seine Güter nach seinem Absterben nicht auf dergleichen unerzogene Söhne vererben kan, sondern den nächsten Agnaten hinterlassen muß: so ist anitzo kein vornehmer und bemittelter Mann in gantz Rußland, der nicht seine Söhne bey Zeiten zu den Studien anführen lässet. Man findet also heut zu Tage unter denen gebohrnen Russen nicht allein eine grosse Menge gelehrter Leute, die in allen Gattungen der Wissenschaften excelliren, und sich darinnen mit Schrifften hervor thun, sondern auch eine unzählliche Anzahl von Architekten, Maschinisten, Künstlern und Fabricanten von allen nur erdencklichen Künsten und Professionen. S.Petersburg ist gleichsam das Rußische Athen, alwo so wohl Einheimische als Fremde, die etwas rechtschaffenens lernen und sehen wollen ihres Wundsches vollkommen theilhaftig werden können.

Die Academie der Wissenschaften besitzt den allervollkommensten Apparat, von allen Mathematischen Instrumenten, Anthlien, Barometern, Thermometern, Stern-Röhren, Optischen Gläsern, Machinen und dergleichen. Die Bücher-Liebhaber finden hier die auserlesenste, vollständigste und mit unsäglichen Kosten zusammen gesuchte Kayserliche Bibliothec, und die Kenner der Gemählde einen solchen Schatz der raresten und von den besten Meistern gefertigten Stücke, dergleichen sonst wenig zu sehen. Die an der Müntz-Wissenschaft ihr Vergnügen suchen, finden in dem Kayserlichem Müntz- und Medaillen-Cabinet hiezu die vollkommenste Gelegenheit, als worin unzählige Stücke vorhanden, die anderwärts gar nicht anzutreffen. Die zu Naturalien, Antiquitäten und Kunst-Stücken Lust haben, können sich in denen Kayserlichen, hiezu gewiedmeten Kammern umsehen, worin unter andern der von Alberto Seba gesammlete, und von Petro dem Grossen erkaufte Naturalien-Schatz, der schwerlich irgendwo seines gleichen haben wird; imgleichen eine erstaunliche Menge von den raresten Antiquitäten und Kunst-Stücken, die aus allen vier Theilen der Welt gesammelt worden, zu betrachten. Unter den Letzern sind sonderlich die Drechsler-Arbeiten, Petri des Grossen, welcher hierin der aller gröste Künstler gewesen, zu bewundern. Die Liebhaber der Stern- und Himmels-Kunde

können hier das vortreffliche, und mit allen Instrumenten und Maschinen versehene Kayserliche Observatorium besuchen, und auf demselben den Weltberühmten Gottorffischen Globum in Augenschein nehmen. Die Botanophili haben auf der so genannten Insel Beresow, welche zu Petersburg gehöret, den unvergleichlichen Medicinischen-Garten, welcher nicht alleine mit allen Officinal-Kräutern, sondern auch mit unzähllichen Gattungen von den raresten ausländischen Blumen, Kräutern, Pflanzen, Gewächsen und Stauden angefüllet. Welche curiöse Anatomische und Chirurgische Operationes zu sehen verlangen, werden dazu in den beyden prächtigen Invaliden-Häusern, so Petrus der Grosse vor blessirte und zu fernern Diensten untüchtig gewordene Soldaten und Matrosen erbauen lassen vielfältige Gelegenheit finden, weil in selbigen in einem Jahre mehr Körper nach der Kunst zergliedern werden, als an manchen andern berühmten Ort in zwanzigen.

Es gehet auch kaum ein ein Tag vorbei, daß nicht besondere und sonst selten vorkommende Chirurgische Operationes allhier geschehen solten. Im dem Kayserl. Theatro Anatomico ist unter vielen andern des berühmten Amsterdammischen Professoris Ruy-schens Anatomische Sammlung zu sehen, welche Petrus der Grosse mit vielen Unkosten erhandeln lassen, und in gedachten Invaliden-Häusern finden sich alle Chirurgische Instrumenta, so jemahls in dieser Kunst erdacht und genuetzt worden, beysammen. Die sehenswürdige und kostbare Kayserliche Druckerey hat an guter Einrichtung und Menge der Lettern in den Occidentalischen und Orientalischen Sprachen nirgend ihres Gleichen. Wie die grosse Chinesische Gesandtschaft dieselbe a. 1732. mit Ihrer Gegenwart beehrete, zog man Ihres Hohes Principals und Ihre eigene Nahmen, welche besagte Gesandtschaft nur kurtz vorhero von sich gegeben in chinesischen Caraktern, nebst der Rußischen und Lateinischen Verdollmettschung aus der Presse, und setzte sie durch diese unvermuthete Probe des Petersburgischen Drucks auf eine angenehme Weise in Verwunderung.

In dem zu Petersburg angelegten und mit den geschicktesten Meistern versehenen Hütten- und Schmeltz-Werck können die

Liebhaber der Metallurgie nicht allein alle Metallen, Mineralien und Berg-Arten, so wie sie in den Bergwercken gewältiget werden, kennen lernen; sondern auch zugleich sehen, wie dieselbe in den Schmelz-Hütten traktieret, und zum gemeinen Brauch bereitet werden. <...>

In den Keyserlichen Lust-Gärten zeigen sich die prächtigsten Lust-Häuser, raresten Statuen, kostbarste Orangerien, Menangerien, Labyrinth, Grotten, Spring-Wasser, Cascaden und dergleichen.

Die vom Krieger Wesen profession machen, können auf den grossen Exercir-Plätzen sehen, wie die Soldaten geübet, und zu allem, was in Scharmützel, Battailen und Belagerung vorkommen kan, realiter angeführet werden.

Auf dem Admiralitäts-Hof finden sie alle, zum Schiffbau und zur Seefahrt erforderliche Materialien, und können zugleich daselbst mit Augen sehen, wie Orlog-Schiffe, Fregatten und Galeren gebauet, vom Stapel gelassen und auffgetackelt werden.

Der Newa-Strom ist beständig mit Kauffardey-Schiffen von allerhand Nationen bedeckt, und man kan auf selbigem dergleichen Schiffe, imgleichen Jagden, Schmacken, Chalouppen und andere dergleichen Fahr-Zeuge in unzähliger Menge täglich auf- und ab-seegeln sehen.

Zu Cronstadt lieget die Kayserliche Flotte, und die Curiosen haben daselbst Gelegenheiten, die Ordnung, so haben gehalten wird, nebst den Manoeuvres der See-Leute fast täglich; die prächtige Auffzierung derselben aber an hohen Festen und bey öffentlichen Freunden-Bezeugungen zu betrachten.

Das gegen überliegende, überallemassen wichtige See-Castel Cronslott ist so sehenswürdig, als keines auf der gantzen Welt.

Die Kayserlichen Zeughäuser und Arsenalen sind mit der zahlreichsten, schönsten und künstlichsten Artillerie angefüllet, und begreifen hiernechst einen unglaublichen Vorrath von allerhand Gewehr, Waffen, Rüstungen und Krieger-Geräthschaft. Die Liebhaber der Feuerwerckerey können hier alles was in dieser Kunst so wohl zur Lust als zum Ernst erfunden worden, zu sehen bekommen.

Die Kauffleute finden in den Kayserlichen Pack-Häusern und Magazins alle Sorte von köstlichen und nutzbahren Wahren, die sie zu sehen und zu erhandeln wünschen können.

Was aber an den Kayserlichem Hofe, dessen Pracht, Ansehen, klüger Aufführung, Regierungs-Art und Oeconomie theils zu bewundern, theils zu erlernen, davon ist besser zu schweigen, als unzulänglich zu reden. <...>

Wie die Russen zu dem Manufaktur-Wesen gleichsam von Natur getrieben werden; also haben Sie darin in gar kurtzer Zeit ebenfaß solche Progressen gemacht, daß sie es ihren gehabten Ausländischen Lehrmeistern nicht alleine in den mehresten Stücken gleich thun, sondern selbige auch noch in vielen übertreffen. Es zeugen hie von die unzählliche wohl eingerichtete Fabriquen, die durch gantz Rußland anzutreffen. Zu Petersburg werden silberne und güldene Stoffen, Tressen, Spitzen und dergleichen in gehöriger Quantität und Qualität verfertigt, und ist diese Fabrique von vornehmen und bemittelten Leuten angeleget, von Kayserlichen Hofe aber mit grossen Privilegien versehen.

Denen Seyden- und Wohl-Manufacturen sind durch Privat-Neid und Eifersucht viele Hindernisse im Weg geleyet, so jedoch von keiner besondern Dauer gewesen seyn müssen, weil die Rußische Dammasten und seydenen Zeuge häufig in andern Ländern gesehen werden. Wenigstens aber hat Rußland hiezu vor andern sehr gute Gelegenheit, weil die rohe Seyde theils aus Persien sehr wohlfeil zu haben, theils auch würcklich im Astrachanischen erzielet wird.

Zur Aufnahme der Tuch-Manufacturen sind die Schäfereyen nach teutscher Art eingerichtet, und die Wolle so somit der Fremden überlassen worden, wird nunmehr im Lande verarbeitet. Castor-Hüte, Strümpfe und Handschuhe, Knöpfe und Corden werden in Rußland so gut und wohlfeil gemacht, daß dergleichen Waaren von andern Nationen nicht mit Nutzen mehr eingeführet werden können.

Leinwand wird eine halbe Meile von Petersburg so gut gemacht, daß sie der Holländischen wenig weicht. Bey dieser Fabrique ist ein Spinn-Hauß erbauet, worinn liederliche Weibes-

Personnen ihre Thorheit büßen und unter der Carbattsche spinnen lernen müssen.

Zur Verbesserung des Flachs- und Hanffbaues sind allerhand nützliche Anstalten und Einrichtungen gemacht worden. Seegeltücher und allerhand zur Seefahrt gehöriges Seil- und Tauwerck werden gleichfalß zu Petersburg in solcher Menge und Güte verfertigt, daß die Crone nicht nötig hat dergleichen von andern zu erhandeln.

Die Bereitung der Juchten ist der Rußischen Nation schon vor langen Zeiten her gantz eigen gewesen, und hat selbige die Kunst, diesem Leder seinen gehörigen Geruch zu geben, so geheim gehalten, daß niemand ihr solches nach machen, und dem damit geführten Monopolio Eintrag thun können. <...> Die besten Juchten werden zu Jaroslau, Castroma, Wologda, Novogorod und Pleskow gemacht, und die Handlung mit selbigen soll dem Rußischen Reiche jährlich bis acht Millionen eintragen. Was sonst vor eine Menge von schwarzen und allerhand gefärbten, imgleichen an sämischen Leder jährlich in Rußland verfertigt wird: solches ist unbeschreiblich.

Zu Systerbeck in Carelien ist die vornehmste Kupfer-Meßing-Eisen- und Stahl-Fabrique im gantzen Rußischen Reich, und werden daselbst sonderlich allerhand klein Gewehr und andere Waaren, als Kugel-Büchsen, Mousquetons, Flinten, Pistohlen, Degen-Klingen, Degen-Gefässe, Messer, Scheeren und allerhand Handwerck-Geräht verfertigt, die Hämmer und Werckzeuge aber mehrentheils durch Maschinen getrieben. Man hat daselbst die Probe gemacht, daß man eine frühmorgens bestellte Flinte in einem Tage geschmiedet, gebohret, verschäfftet, mit Schloß und Beschlag versehen, und am Abend völlig fertig gelieffert. Die Arbeit, die daselbst gemacht wird, ist feiner, künstlicher, auch viel besser polirt, als auf vielen andern Europæischen Fabriquen, die sonst in grossen Ruff gewesen, und man hat schon gantze Schiffe voll nach Spanien gesandt, und reichliche Rechnung dabey gefunden. Die Arbeits-Leute sind anitzo lauter Russen. Eben eine solche Fabrique ist auch zu Olonetz, wovon wir vorhin bereits Erwehnung gethan haben.

Zu Tolmatschewa in Siberien im Alapaiskischem Distrikt, imgleichen zu Catharinenburg sind Drat-Bleich- und Degen-Klingen-Fabriquen. Zu Camenska werden Kugeln-Bomben, Granaten, Töpfe, Grapen, Kessel etc. etc. in den Kayserlichen Gieß-Häusern zu Petersburg aber allerhand Gattungen von Metallinen groben Geschütz, Glocken, Säulen und dergleichen gegossen. Auf den Pulver-Mühle bey Petersburg und Moscow wird eine solche Menge Pulver gemacht, daß man im Reiche nicht allein die Nohtdurft davon hat, sondern auch auswärtige Reiche, wann man will, damit versehen kan.

Auf den Pappier-Mühlen bey Duderhoff in Ingermanland wird eine unsägliche Quantität Pappier bereitet, welches so gut als das Holländische und Frantzösische. Die Pergamentmachereyen zu Petersburg und Moscow liefern so viel Pergament, daß man keines Ausländischen mehr bedarff. <...>

Nechst dem Manufaktur-Wesen ist die Rußische Nation hauptsächlich auch zu dem Commerce aufgelegt. Die Russen haben nach Constantini Porphyrogenetæ Zeugnis schon in den ältisten Zeiten über das schwartze Meer nach Constantinopel und in Syrien ihren Handel getrieben. Ihre alten Stapel-Städte, als Ladoga am See gleiches Namens, und Tzarda am Kama-Fluß sind den Scribenten voriger Zeiten nicht unbekannt, und finden sich Zeugnisse, daß Sie nach Arcona, Julin und Wisby gehandelt, und von dem Süden herauf unsäglich viel Waaren dahin gebracht haben, bis endlich Venedig sich des Persianischen Handels bemächtigt, und die Fahrten nach Ost- und West—Indien von den Portugiesen und Spaniern erfunden worden. Nachgebends ist sothane Alt-Rußische Handlung in Verfall, und da die Russen gar von der Ost-See abgeschnitten worden, in Vergessenheit gerathen. Was darauf die Hansee-Städte, imgleichen die Engelländer, welche unter der Königin Maria den Weg nach Archangel gefunden, und endlich die Holländer, die unter Michael Feodorowitz die Freyheit in Rußland zu handeln erlanget, eine geraume Zeit vor Vortheile aus dem Rußischen Commercio gezogen, ist weltbekannt, und billig zu bewundern, daß die Rußische Nation den

Gewinn, welchen Sie selbst von Ihrer Handlung hätte geniessen können, denen Ausländern so lange Jahre geruhig überlassen.

Betrachtet man Groß-Rußland in seiner itzigen Situation; so lieget kein Reich auf dem Erdboden zur Handlung mit allen vier Theilen der Welt bequemer als eben dieses. Denn es berührt in seinem entsetzlichem Umfange die Ost-See, das Eiß- Meer, den Oceanum Septentrionalem und Orientalem, das Caspische Meer, den Paludem Moeotidem und das schwartze Meer. Die Ströhme, womit es durchgehends versehen ist, sind gröstentheils Schiffbar, als der Dniper, der Don, die Wolga, Occa, Moscua, Kama, Dwina, Wiatka, Juga, Twersa, Wolchowa, Wim, Nim, Pyzora, Tura, Pysma, Ysett, Niewa, Tafda, Tobol, Oby, Irtisch, Jenesey, Lena, Kett, Angara, Czulim, Aldan, Maja uns andere. Die Wolga verknüpft das Caspische Meer mit der Ost-See. Der Don-Fluß laufft in dem Paludem Mæotidem, und so ferner in das schwartze Meer, worin sich auch der Dnieper ergiesset. Zu Petri des Grossen Zeiten ist ein Entwurff zum Vorschein gekommen, wie durch Vereinigung verschiedener Flüsse als der Dwina, Tafda, Jrtisch, Oby, Keta, Jenesey, Angara, der Baikal-See, der Schulcka und des Amur von Archangel in den Oceanum Orientalem mit Schiffen und Waaren zu gelangen, folglich dem Rußlichem Reiche ein unbeschreiblicher Vortheil zu wege zu bringen. Die mehristen von allen hier nahmhaft gemachten Flüssen sind mit bequemen Ländern, Rheeden, Häfen-Städten und Handels-Oertern hin und wieder versehen, unter welchen letzern S.Petersburg, Riga, Reval, Narva, Moscow, Tula, Archangel, Wologda, Wlodimir, Castroma, Twer, Nisni-Novogrod, Plescow, Groß-Novogrod, Colmogorod, Jarislau, Mologa, Uglitz, Kiow, Tobolski, Tumeen, Narim, Tomskoy, Sviatka, Catharinenburg, Orowa, Casan, Astrachan, Derbent und Asoff, die vornehmsten sind.

Johannes Basilides II erkannte den grossen Nutzen, welcher bey der ungemein vortheilhaftten Lage seines Reichs durch das Commercium zu erlangen zur Genüge, und wündschte schon zu seiner Zeit wieder einen Fuß an der Ost-See zu haben, um sich einen bequemen Weg zur Handlung mit den Europæischen Nationen zu bahnen. Er fand aber so viel Hindernisse, daß er es fast

bey dem blossen Wundsch bewenden lassen muste. Petrus der Grosse aber brach endlich durch alle diese Hindernisse glücklich hindurch, und öffnete Sich und Seinen Unterthanen die Wege, welche zu den Zeiten Seiner Vorfahren versperrt gewesen. Und darauff zeigte sich alsobald, daß es der Rußischen Nation an Geschicklichkeit, Einsicht, Lust und Fleiß zu Führung eines grossen Commercii keines weges fehle, und daß diejenigen nicht Unrecht gehabt, welche derselben einen natürlichen Trieb zur Handlung zugeschrieben. Man sieht anitzo in allen berühmten Häfen, See- und Handels-Städten Rußische Schiffe und Handels-Leute, welche ihre Waaren daselbst verhandeln, und das benötigte wieder zurücknehmen.

Es gehen jährlich grosse Rußische Caravanen durch die Tartarey nach China, welche daselbst die Rußischen Peltereyen und Manufakturen verhandeln, und davor die köstlichste Chinesische Waaren wieder zurückbringen. Das Commercium mit den Bucharen und Indostanern hat in der neuerbauten Stadt Orowa einen glücklichen Anfang genommen. Über Astrachan wird ein grosser Handel nach Persien, und denen an der Caspischen-See gränzenden Landen getrieben, wobey zu mercken, daß die Russen in Persien die Handlung frey haben, und weder die eingebrachte, noch ausgeführte Waaren verzollen dürffen. Die Armenianer kommen in grosser Menge nach Astrachan, und versehen sich daselbst mit allen, was sie nötig haben.

Asoff dienet zur Niederlage der Türckischen und Tartarischen Waaren, und von Kiow geht die Handlung nach Litthauen, der Ukraine, Moldau, Wallachey &c.

Die Stadt Moscow vertheilet eine unsägliche Menge von Waaren im Reich, und spediret einen grossen Theil derjenigen, die über Archangel und Petersburg in andere Länder gehen. Tobolski ist der Stapel der Siberischen und der meisten aus der grossen Tartarey kommenden Waaren, was aber Camtschatka dem Rußischen Commercio dereinst vor einen Zuwachs geben wird, muß die künftige Zeit lehren.

Indessen ist S.-Petersburg anitzo das Centrum aller Rußischen Handlung, und gehen von da und von Archangel die einländische

Rußische Waaren nach Pommern, Mecklenburg, Lubec, Hamburg, Bremen, Holstein, Schlesewig, Dänemarck, Norwegen, Schweden, Holland, Engelland, Franckreich, Spanien und Portugall. Die aus dem Reiche gehende Waaren bestehen hauptsächlich in allerhand Getreyde, Rocken, Gersten, Habern, Hirsen, Buchweitzen, Erbsen und allerhand Hülsen-Früchten, Lein- und Hanff-Saamen, Hanff, Flachs, Rhabarbara, Wurtzel Ninsi, oder Ginseng, Wayde und Krapp zum Färben, Matten, Linden-Bast, Tau-Werck, Theer, Pech, Hartz, Pottasche, Seiffe, Lein-, Hanff- und Nuß-Oel, allerhand Holtz-Werck, Stab-Holtz, Tannen-Stäben, Masten, Balcken, Brettern, rohen und allerhand zubereiteten Leder, sonderlich Juchten, allerhand Peltereyen, als Zobel, Mardern, schwarzen Füchsen, Hermelinen, Grauwerck, Astrachanischen Lämmer-Fellen, Elends-Hirsch-, Tyger-, Bären-, Wolfs-, Luchs-, Vielfratz- und wilden Pferde-Häuten, See-Hunde-Fellen, Schweins-Borsten, Unschlitt, Honig, Wachs, Unschlitt-Lichtern, Thran von See-Hunden, Caviar, Saltz, Bisert, oder kleine gefärbte Glaß-Corallen, welche an die Tartarn und Mungalen mit grossen Vortheil verkaufft werden, kostbahren Chinesischen und Persianischen Waaren, Seyden-Zeugen, Cattun, Stoffen, allerhand in Rußland fabricirten Eisen-, Stahl- und Kupfer-Waaren.<...>

Die Staatsverfassung des Rußischen Reichs belangend: so ist bekannt, daß die Rußische Hierarchie vor diesem unter den Patriarchen von Constantinopel gestanden, und daß A. 1588. allererst einer Nahmens Hiob von dem Constantinopolitanischem Patriarchen Jeremia zum ersten Patriarchen von Rußland geweiht worden. Von dieser Zeit an hat die Rußische Kirche zwar ihre eigene Patriarchen gehabt, dennoch aber in wichtigen Geistlichen Dingen beständig an den Stuhl von Constantinopel appelliret, wie solches noch aus der letzern Appellation des Czaren Alexii Michaëlowitz an den Patriarchen von Constantinopel erhellet. Diesen Herrn hatte der Rußische Patriarche Nicon unbedachtsamer Weise in den Bann gethan, er ward aber von dem Stuhl zu Constantinopel davon freygesprochen; Nicon hergegen wegen seiner Übereilung der Patriarchalischen Würde entsetzet.

Petrus der Grosse schaffte nach Absterben des letztern Rußischen Patriarchen Adriani diese Würde ab, und verknüpfte die höchste geistliche, mit der höchsten weltlichen Macht in Seiner eigenen Persohn, erklärte Sich Selbst zum Vollgewaltigem allerhöchsten Oberhaupt der Rußischen Kirche, und machte damit allen Ansehen, welches so wohl der Patriarch von Constantinopel als der von Rußland in besagter Kirche gehabt, auf einmal ein Ende. <...>

Wannhero er einen Synod oder ein geistliches Ober-Collegium angeordnet, und darin den Ertz-Bischoff zu Resan als *Exarchum fedes Patriarchales* zum Vice-Präsidenten, sechs Bischöfe zu Rächten und sechs Archimandriten zu Beysitzern bestellet, das Præsidium aber auf den äussersten Nothfall vor Sich Selbst behalten. Bey diesem Synod ist ein Ober-Procurator, ein Ober-Sekretarius und etliche andere Sekretarien, welche weltliche Persohnen sind, und Er hat unter Sich ein Justitz-Contoir, ein Cammer-Contoir und ein Contoir vor die Schulen und Buchdruckereyen. Wenn sehr wichtige, und den Staat hauptsächlich mit betreffende Sachen in demselben vorkommen; so müssen solche im Senat des Reichs vorgetragen werden, und alsdenn versammelt sich der gantze Synod im Senat, und hat einen Sitz inter den Senatoren. Übrigens haben die mehristen General-Gouvernements ihre eigene Ertz- und etliche andere Bischöffe. Die Archimandriten haben nur mit ihrer untergebenen Clöstern zu thun, und die mittlern Städte haben ihre Protopopen oder Pröbste.

Das weltliche Regiment ist nach Art der Asiatischen und Morgenländischen Staaten vollgewaltig, und die Rußische Monarchen regieren mit einer so umschränkten Macht, als keiner von den Europæischen Potentaten. Sie schalten und walten nach Belieben über das Leben und über die Güter so wohl der Vornehmsten als Geringsten im Reich, und besitzen auch in geistlichen Dingen die höchste und vollkommenste Gewalt, richten den Gottes-Dienst nach Ihrem Gutbefinden ein, und ordnen nach Gefallen, was zu den öffentlichen Lehren hinzu zu thun, oder davon weg zu lassen. Zu Summa, Sie sind so wohl im Geistlichen

als im Weltlichen Souverain und kan keine vollkommenere und grössere Gewalt auf Erden erdacht werden.

Der Keyserliche Staas- und Cabinets-Raht erkläret allen übrigen Collegiis und hohen Civil- und Militair-Bedienten des Monarchen Willen. In demselben werden alle wichtige Staats-Geschäfte, Friedens-Schlüsse, Krieges-Declarationen, Bündnisse und alle hohe Consilia so auf den äusserlichen Ruhestand, Wachsthum und Flor der Monarchie abzielen, reguliret, und was so dann ferner zu besorgen, gehöriger Orten befördert.

Der Senat bestehet aus den vornehmsten und wohlverdientesten Herrn des Reichs, und versiehet die Hohe Reichs-Geschäfte, welche die innerliche Verfassung den allgemeinen Ruhestand und das Auffnehmen der Monarchie betreffen, befördert alles was in dem General-Gouvernements zu veranstalten, fertigt alle wichtige Bestallung-, Schenckungs- und alle andere Gnaden-Brieffe aus, berathschlaget die von andern Collegiis eingehende Relationes, schlichtet die Streitigkeiten der vornehmen Geistlichkeit, berichtet die dahin erwachsene Appelationes, vollführet die Untersuchungen wieder die hohen Staats—Verbrecher etc. etc. gehet aber in keinem Stücke weiter, als es dem Willen und Befehl des Monarchen gemäß, welcher in allen Vorfällen die einzige Richtschnur bleibt.

Das Kriegs-Collegium hat alles dasjenige zu besorgen, was den Kriegs-Staat zu Lande angehet, und lasset seine Bemühungen dahin gerichtet seyn, daß die Arméen in gutem Completen Stande, und die Festungen, Zeug- und Proviant-Häuser mit allen Nothwendigkeiten gehörig versehen bleiben. Was die vornehmen Kriegs-Bedienten vorzustellen und zu suchen haben, wird allhier angebracht, worauf nach Gutbefinden des Monarchen die Antwort und Resolution erfolget. Es gehen auch die Appelationes, so bey der Armée vorkommen an dieses Collegium, und die vacante Chargen werden von demselben mit geschickten und wohlverdienten Subjektis, so von der Generalität vorgeschlagen werden wieder besetzt.

Das Admiralitäts-Collegium beschaffet dasjenige, was den Krieges-Staat zu Wasser betrifft, und trägt Sorge vor die Flotten,

See-Häfen, Magazins und Arsenale. Es erkennet in allen Streitigkeit und Vorfällen, die im See-Wesen vorkommen, untersucht die Pässe der ankommenden Schiffer und Passagiers, urtheilet über die Prisen und gestrandete Güter, fertigt den See-Offisiers ihre Patenta aus und ertheilet den Admirals, Commandeurs, Creutzern etc. ihre Instruktion und Ordres.

Das Financen-Collegium hat die Aufsicht über die Reichs-Einkünfte, und ist mit Einrichtung, Verbesserung, Einbringung, Vertheilung und Berechnung der Kayserlichen Intraden beschäftigt. Es ertheilet allen denenjenigen ihre Ordres, welche in den Provintzen mit Zusammenbringung und Berechnungen der Keyserlichen Gefälle zu thun haben, fertigt ihnen ihre Bestallungen aus und erkennet in denen Zwistigkeiten, die sich im Finanz-Wesen ereugen.

Das Justitz-Collegium hat ein wachsames Auge darauff, daß einem jeden gleich durchgehende Gerechtigkeit wiederfahre. Es erkennet so wohl in Bürgerlichen als Peinlichen Sachen, entscheidet alle Apellationes die aus den Provincial-Gerichten hieher gehören, und ziehet die Unterrichter, welche die Justice muhtwillig gekräncket, dem Befinden nach zu Straffe.

Das Commerciens-Collegium sorget vor den Flor der Handlung, entscheidet alle Irrungen so in Kauffmanns- und Handlungs-Sachen vorkommen in der Kürtze, und verhilfft einem jeden, der etwas zu fodern hat, nach dem eingeführtem Wechsel-Recht zu dem Seinigen.

Das Berg-Collegium ist mit fleißiger Untersuchung der Landes-Mineralien beschäftigt und betreibt die Aufnahme und den Fortgang der angelegten Bergwercke.

Das General-Reichs-Post-Amt hat mit Einrichtung, Verbesserung und Verwaltung der reitenden und fahrenden Posten zu thun, und die. Policy-Cammer hat die nächtliche Sicherheit der Stadt Petersburg, die Veranstaltung in Feuers-Gefahr, die Auszierung der Stadt mit Gebäuden, Brunnen, Gassen-Laternen und dergleichen zu beschaffen, hienächst aber auch das Policy-Wesen in den Provintzen anzuordnen und vor dessen Verwaltung Sorge zu tragen.

Alle diese Collegia haben ihren Sitz zu Petersburg und wird niemand darinnen aufgenommen, als welcher genugsame Verdienste, Erfahrung und Eifer besitzt, die ihm aufgetragene Functiones wohl zu verwalten, und dem Staat mit Nutzen zu dienen.

Die Einkünfte der Rußischen Monarchen sind in keiner gewissen Summa zu determiniren, weil keine Nation auf der Welt ihre Sachen heimlicher hält als die Rußische. Es lässet sich also nur muhtmaßlich davon urtheilen, doch wenn man die entsätzliche Summen die an Geld und Geldes-Werth in den Cron-Schatz einfließen, nebst den unsäglichen Ausgaben, welche die Crone wiederum zu verwenden hat, mit gehöriger Auffmercksamkeit betrachtet: so scheinen diejenigen nicht unrecht zu haben, welche behaupten, daß die Intraden der Rußischen Monarchen sich nothwendig über sechszig Millionen Rubel oder 240. Millionen Livres belaußen müssen. Petrus der Grosse hat eine prächtige Hoffstaat geführt, viele weite Reisen gethan, zahlreiche Arméen auf die Beine gebracht, und mit allem wohlversehen ins Feld gestellet, zwanzig und mehr Jahre Kriege geführt, mächtige Flotten ausgerüstet, und mit allen Nothwendigkeiten versehen, nichts destoweniger aber Seinen Bundes-Verwandten grosse Subcidia bezahlet, an allen auswärtigen Höfen kostbare und prächtige Gesandtschafften gehalten, unzählliche Pensiones an ausländische Officiers, Gelehrte und Künstler gegeben, grosse Städte, Festungen, See-Häfen, Schlösser, Clöster, Lust-Häuser, Gärten etc. erbauet und angeleget, erstaunliche Canäle gezogen und im Stand gesetzt, unzählliche Kostbarkeiten und Raritäten erhandelt, bey diesem allen aber die benöthigte Hülffs-Mittel allezeit in seinem eigenem Reiche gefunden. <...>

Die übrigen Geld-Einkünfte bestehen in den ordentlichen und ausserordentlichen Reichs-Anlagen, welche über acht Millionen austragen, eben so viel ergiebet die Vermögen-Steuer, und der also genannte Grund- und Erb-Zins, nebst dem was der Land-Mann besonders von Mühlen, Fischereyen, Bienen-Stöcken, Wiesen, Gärten, Ziegel-, Pech- und Theer-Brennereyen etc. abträgt, soll nicht viel weniger auswerffen. Die Zölle bringen fünf bis sechs Millionen.

Die Schenck-Häuser und Cabacken, worin Bier, Meet und Brandweine verkaufft wird, werden von der Crone zerleget, und durch diesen Canal kommt fast alles in die Schatz-Cammer was der gemeine Mann besitzt und jährlich verdienet.

Die öffentlichen Bade-Stuben gehören gleichfalß der Crone. Die Vornehme und Bemittelte aber haben ihre Bade-Stuben in den Häusern, und bezahlen vor diese Freyheit ein gewisses in der Keyserlichen Schatz, und weil die Russen so wenig des Badens als des Essens und Trinckens enrbähren können; so rechnet man die Cron-Einkünfte von den Schencken und Bad-Stuben wenigstens auf acht Millionen.

Mit den Saltzwercken im Reich hat es eben diese Beschaffenheit, und soll die Crone davon jährlich bis vier Millionen zu geniessen haben.

Von dem Juchten-Handel ziehet dieselbe jährlich wenigstens eine Million. Hiernechst hat die Crone das Monopolium mit allen Siberischen Peltereyen, Chinesischen, Persianischen und Tartarischen Waaren, imgleichen von der Rhabarbara, Caviar, Stockfischen, Weinen, Toback, Pottasche, Theer, Pech und Fischleim, wovon sich der Profit jährlich ebenfalß auf zehn Millionen belaufen soll. Was die neuangelegte Bergwercke, Eisen-, Stahl- und Kupfer-Hämmer, Blech-, Draht-, Waffen- und alle übrige Fabriquen, das Müntz Regal, das Post-Wesen, die Fehren auf den Ströhmen und Canalen etc.etc der Crone einbringen, soll von einem Jahr ins andere gerechnet sich ohngefähr auf vier Millionen belaufen.

Ausser diesem allem aber haben die Rußische Monarchen noch viele sehr wichtige Einkünffte und Subcidia, welche zwar nicht in baaren Gelde bestehen, Ihnen aber eben so nützlich und zuträglich sind als baares Geld, weil sie dadurch viele Millionen, so sonst ausserhalb Landes verwendet werden müssen, erspaaren. Denn erstlich hat die Crone Selbst so viel Eisen, Stahl, Kupfer, Bley, Salpeter, Schwefel, Pech, Theer, Eichen- und Buchen-Holz, Hanff, Flachs und dergleichen innerhalb Reichs, daß die Rußische Monarchen im Stande sind, aus ihren eigenen Gieß-Häusern, Pulver-Mühlen und Gewehr-Fabriquen Ihre Arméen, Flotten, Zeug-

Häuser, Arsenele und Magazins ohne sonderlichen Kosten mit allen Nothwendigkeiten zu versehen, auch mit weit geringern Spesen als alle übrige Potentaten, mächtige Flotten auszurüsten, und in Stand und Wesen zu erhalten.

Überdem müssen die Kornreichen Provintzen jährlich eine gewisse Quantität Rocken, Haber, Erbsen, Grütze etc.etc in natura zur Unterhaltung der Arméen und Flotten, und zu Anfüllung der Magazins und Proviand-Häuser liefern. Diese Lieferung aber wird nach Beschaffenheit der Umstände und Bedürfnis bald höher bald niedriger eingerichtet, und werden die Arméen, Flotten und Magazins auf diese Art nicht allein ohne des Hofes Unkosten bequemlich versehen, sondern es bleibet auch von dem geliefertem Getreyde jederzeit so viel übrig, daß denen Civil-Bedienten ein Theil ihrer Besoldung davon kan entrichtet werden. Zugeschweigen, daß dergleichen Rußische-Bediente, imgleichen die Officiers und Soldaten sich ohne dem mit wenigern Gold und geringerer Verpflegung als die von andern Nationen behelffen. Endlich so müssen auch die Provintzen die benötigte Recruten, so wohl vor die Armeen als Flotten jährlich auffbringen, und an Ort und Stelle liefern, ohne das solches der Crone etwas kostet. Auf gleiche Weise müssen selbige die Handwercks-Leute als Tischler, Zimmerleute, Maurer, Schmiede, Wagenmacher etc. zum Dienst der Crone, wie nicht weniger die Fronarbieter zum Festungs-Bau, Ausgrabung der Canäle und andern dergleichen Arbeiten herbey schaffen, und die ersten unterwegens, die letzern aber sechs Monate mit Lebens-Mitteln versehen.

Die Cosacken und Tartarn müssen auf Befehl der Monarchen im Felde erscheinen und ohne Gold dienen, und die letzern sich auch zu allerhand gemeinen Arbeiten brauchen lassen. Wie vielen Millionen die Crone bey diesem allen menagire; werden diejenigen, welche in die Oeconomie grosser Potentaten einen Blick gethan, ohne Unser Erinnern zu beurtheilen wissen. <...>

Folglich ist es nur eine Thorheit, wenn der Brieffsteller meinet, die Rußische Monarchie habe nicht Geld genug, drey oder vier hundert tausend Mann zu Lande, und noch dazu eine wichtige Flotte in der See zu unterhalten; oder wann derselbe aus Furcht

vor den Persianern Cosaken und Tartarn die Rußische regulirte Milice so viele hundert Meilen aus einander leget, und sich alsdann über das Gerücht von der grossen Macht dieses Staats lächerlicher Weise entrüstet. Denn was das erstere betrifft, so haben wir schon vorhin angemercket, daß es denen Rußischen Monarchen weder an zureichlichen Armeen, Flotten und im Lande liegenden Defensiv-Trouppen, noch an genugsamen Einkünften und Mittel fehle, dieselbe reichlich und genüglich zu unterhalten. Selbige haben bis auf diese Stunde in Persien eine tüchtige Armee auf den Beinen, ohne daß anderwärts der Abgang derselben verspüret wird, und wann es die Umstände erfodern, können sie solche zu Lande und Wasser secundiren. Solte also der Couli-chan oder wer es auch sonst seyn möchte, Lust bekommen, dasjenige, was die Persischen Schachs a. 1723 und a. 1712 vermittelt solenner Traktaten und Friedens-Schlüffe an Großrußland auf ewig abgetreten, wieder an das Persische Reich zu bringen: so würde er schon Leute vor sich finden, die den Besitz und die Gerechsame ihrer Souverainin nachdrücklich würden zu behaupten wissen. <...>

- 6 Was hier gesagt wird, ist so widersinnig, dunckel und unbegreiflich, daß man Ursache hätte, die Erklärung davon bey einem Oracul zu suchen. Weil sich aber dieselbe im folgenden Brieffe findet: so können wir allhier der Mühe entübrigt seyn, einen neuen Beweis von des Briefstellers Tausendlügen zugeben.
- 7 Daß dieses eine Lügen sey, kan jederman mit Händen greiffen. Es ist kein Reich in der Welt, wo diejenigen, welche Kriegesdienste thun sollen, mit mehreren Sorgfalt zu den nöthigen Wissenschaften angeführet werden, als in Rußland, und wer Rußische Officiers gekannt, oder von ihnen gehöret, wird an ihnen wahrgenommen haben, daß sie die Regeln der Kriegeswissenschaft eben so genau, als die Offisiers von andern rechtschaffenen Nationen innen haben.
- 8 Auch dieses ist eine offenbare Lügen. Man kan im Gegentheil mit Wahrheit versichern, daß keine Milice mehr zur Mäßigkeit und Nüchternheit gewöhnet wird, als die Rußische. Wer Rußische Soldaten gesehen, wird dieses mit seinem Zeugnis bestärcken

müssen. Wie die jüngstens am Rhein gestandene Russen wieder nach Hause marchirten: liessen vornehme Herrschafften hie und da gantzen Bataillons und Compagnien auf dem durch-March Brandtwein und weiß Brodt zur Erfrischung præsentiren, und einem jedem so viel als ihm davon beliebte, anbieten. Man hat aber als etwas besonders an Ihnen bemercket, daß die wenigsten etwas davon genommen, ob es gleich im Winter, unjd die Leute schon durch einen vier- oder fünff stündigen March fatiguiret gewesen. Ob Trouppen von andern Nationen diese Mäßigung von sich blicken lassen würden; stünde bey Gelegenheit zu versuchen.

9 Es scheint den Brieffsteller zu verdriessen, daß man in Rußland ein Gesetze hat, welches den Degen zu ziehen verbietet, und seinem Vorgeben nach jederzeit sorgfältigst beobachtet wird. Vermuthlich aber wird ihm bekannt gewesen seyn, daß man in Franckreich eben ein solches Gesetz habe, und solches wird er ohne Zweifel so wohl als andere daselbst haben beobachten müssen. Wenigstens hat er die Ursache seiner Flucht keinem Degen, sondern nur einer Scheide zugeschrieben. Wir haben oben schon erörtert, was es mit diesem Rußischen Gesetz vor eine Bewandnis habe, und wissen im übrigen, daß ehrliebende Officers in Rußland, wegen Ihnen zugefügter Beleidigung jederzeit unverzüglich mit einer solchen Satisfaktion versehen werden, daß Sie sich keines wegese zu beschweren haben. Ist ihnen aber mit rechtlicher Genugthuung nicht gedienet; so kennen sie die *Subterfugia* und *exceptiones*, die wieder ein solches Gesetz erfunden worden eben so gut, als die Officers in Franckreich und anderwärts, und wissen sich derselben auf den Nothfall gar wohl zu bedienen. Kurtz! Es ist eine schändliche Lügen, daß die Rußische Officers Ihre Streit-Händel niemals anders, als mit Faust- und Stock-Schlägen ausmachen.

10 Dieses allhier verschüttete unverschändige Plauderwerck werden wir an einem bequemen Ort zu betrachten haben.

Перевод

Так называемые Московитские письма,

или

направленные против славной РУССКОЙ НАЦИИ
и составленные неким прибывшим с чужбины итальянцем
немыслимые клеветы и тысячекратная ложь.

Перевод с французского,
снабженный подробным указателем,
учинен НЕМЕЦКИМ АВТОРОМ
на благо сочинителям записок
и всем друзьям-единомышленникам,
которые возвращаются из чужих краев
с полезными воспоминаниями.

Франкфурт и Лейпциг
Издатель Иоганн Леопольд Монтаг,
книготорговец в Регенсбурге. 1738.

Ко всем честным и разумным читателям.

Среди тех, кто по неразумию или злобе поносил другие народы или нации в самой легкомысленной, дерзкой, коварной манере, самым бесстыдным и бессовестным, каких свет не видал, следует признать сочинителя так называемых «Московитских писем».

В этих «Письмах» он часто упоминает, что он в прошлом — наш соотечественник, но как его зовут и чем он прежде занимался, в историческом ежегоднике 1736 года не указано. Он также сообщает, что из-за неприятностей, которые с ним случились во Франции, он покинул ее, дабы поискать счастья где-нибудь в другой стране, и при этом прозрачно намекает, что из-за любви и каких-то удивительных фантазий он стал сам не

свой, и поэтому в России на него смотрели как на человека, у которого с головой не все в порядке.

Мы не можем с уверенностью ни подтвердить, ни отрицать, что какие-то подобные причины подвинули его на бегство из Франции — в особенности то, что из-за своего поведения, если б он не решился на бегство, он якобы должен был бы жениться; впрочем, причина могла быть и другой, связанной с какими-то конфликтами. Можно также представить, что эта любовная история свела его с ума. И, говоря о его поведении и поступках, следует признать, что он не принадлежал к числу тех, кто полностью владеет своими пятью чувствами.

Во всяком случае, в голове его сидел какой-то злоботочивый червь и роились всякие замыслы. Отсюда понятно, откуда взялось его нелепое чванство. Не имея на то никаких оснований, он стремился представить себя человеком благородного происхождения и высокого ранга. Так как, к своему величайшему сожалению, он убедился, что в России его ни по одежде, ни по манерам не воспринимают как человека знатного, да и к тому же он странно двигал своей головой неправильной формы, он пережил такое смятение, что и сам перестал понимать, что он такое из себя представляет и как ему относиться к тем людям, которые не проявляют к нему достаточного почтения.

Наконец, в нем одержали верх гнев и жажда мести, и, так как у него не было ни повода, ни возможности нападать на отдельных лиц, он обрушил свою злобу на всю Россию, припомнив все, что ему стояло там поперек дороги. Отныне для него не оставалось ничего святого, возвышенного или просто хорошего, а все представлялось мелким, ничтожным, недостойным внимания; все время пытаясь самым коварным образом все обливать грязью и подвергать шельмованию ради унижения самой российской нации, он опустошил все возможные источники, исчерпал все запасы клеветы и лжи, поддаваясь при этом разнузданности своих жалких страстей — так что трудно сказать, чего здесь было больше: злобы или глупости, яда или легкомыслия, подлости или безумия.

В таком вот бурлении появилось на свет это бездушное тво-

рение, получившее название «Московитские письма». Всему свету стало ясно, что это — безнравственный и безумнейший пасквиль, который когда-либо появлялся на свет; сам же сочинитель его оказался весь в тех нечистотах, в каких он хотел измазать других. Фактически, он сам разоблачил себя, показал, что он не кто иной, как зловредный пасквилянт, архилжец и клеветник, взломщик, вор, предатель — одним словом, архивисельник.

После этого и спрашивать-то нечего, может ли честь и достоинство, я не говорю уж, всей нации, а хотя бы ее самой малой части, очернить неряшливая пачкотня подобного молодчика? или — не принадлежит ли автор «Писем» к тем людям, которые способны только оболгать традиции и душевную одаренность целых народов? И, особенно, достоин ли постыднейший пасквиль подобного рода, не содержащий ни одного истинно живого слова, опубликования или же только молчаливого презрения? И может ли на осуждение такого честно живущий человек напрасно тратить слова, не уронив себя?

Русская нация отнюдь не располагает в каком-то заброшенном углу оторванной от всех остальных частей земного шара, а населяет огромные земли в Европе и Азии, которыми владеет, образуя государство. Какой она была в древнейшем времени — это, слава Богу, еще не полностью предано забвению, и память о блеске и процветании в разные периоды истории прошедших веков отнюдь не утрачена. Можно вспомнить о судьбах нации, как она сложилась в средние века, когда страна была раздроблена на множество владений. Но это ни в малейшей степени не уменьшает ее славы, ибо она преодолела это положение, обнаружив незаурядное мужество, смелость и героизм. А то, что она в новейшие времена отмечена великими и славными деяниями, дает нам право признать, что ни в коем случае не канули в забвение благородные черты ее предков, кровь которых течет в жилах их преемников, и не забыто и происхождение от древнейших и знаменитейших скифов, деяния которых обрели всемирную славу. Что произошло в России при жизни нынешнего поколения — об этом знает весь мир.

И речь идет не о каких-то бабьих сплетнях, а о народах, которые получили признание за свое мужество, за то, что они одержали триумф над противником, обретя мировую славу... Они именно своей храбростью завоевали уважение и дружбу, более того, почтительное отношение со стороны владетельных особ, которые отнюдь не вслепую принимали факты и события и вносили свой *Votum in Senatum Gentium**.

Мудрость россиян в государственном управлении и в военных науках, их опыт в морских делах, торговле, финансах, в создании мануфактур, в области хозяйствования в целом, их успехи в образовании повергли весь мир в изумление. Присутствие России ощутили в своей повседневной жизни различные европейские народы. Они познакомились с российской армией, и самые значительные европейские дворы стали принимать российских министров и других высокопоставленных особ. В прославленных европейских гаванях и на биржах появились русские моряки и торговые люди. И, пожалуй, уже нет такого народа в Европе, представители которого не провели бы сколько-то лет в России, наблюдая там нравы русского народа внимательно и с должным уважением, и не обнаружили там много хорошего, достойного того, чтобы научиться, и заслуживающего, чтобы перенять. И как же стало возможно, чтобы самый ничтожный и подлейший среди людей мог отважиться унижать и чернить на свой манер честь и достоинство столь достославной и благородной нации и посредством глупой болтовни и разных шуточек в духе хромого Уленшпигеля каждого русского обливать грязью.

Тот, кто собирается судить о целой нации как разумный и честный человек и дать надежные, проверенные сведения об особенностях ее души и нравов, должен обладать не только нормальным рассудком, но и незаурядной искренностью, и основательно разбираться и в людях, и во всем человеческом роде. Он обязан, соответственно, знать, как из опыта истории,

---

* Мнение в международном сенате (*лат.*). Здесь и далее перевод А.С.Небольсина.

так и из собственного опыта, что из себя представляли известные нации в далеком и недавнем прошлом, что они представляют из себя теперь и каковы у них надежды и перспективы.

Известно, что в силу человеческого несовершенства в каждом народе есть плохие и хорошие люди, и ни один народ не бывает по природе добродетельным или порочным, хорошо воспитанным или неотесанным, деятельным или ленивым, смелым или робким, ловким или неумелым, но, в конечном счете, почти все это перемешано, и многое хорошее или дурное зависит от хорошего или дурного воспитания или правления. Одним словом, если хотят вынести верное суждение о целом народе, то надо длительное время прожить среди этого народа, свободно общаясь с разными его группами и разными людьми, самому стать своим человеком в этой среде. И, далее, он обязан, прежде чем обрушиться с упреками на основе своих наблюдений, присматриваясь к тому или другому отдельному человеку, меньше всего основываться на наблюдениях над отбросами людскими и подонками черни, а непременно познакомиться с людьми, представляющими разные сословия общества, непременно — с людьми преклонного возраста, обладающими жизненным опытом, имеющими преимущества, вытекающие из их общественного положения. Он должен в разных случаях и обстоятельствах наблюдать действия и события, сталкиваясь при этом как с высокими, так и с низкими фактами поведения, точно взвешивать эти факты, отличая обычное и распространенное от случайного и искаженного, что по разным причинам переплетается в реальной жизни. Все это надо сравнивать, сопоставлять и приводить в порядок; обыденное и проверенное отделять от нечаянного и приблизительного. К тому же ведь в жизни многое ухудшалось или улучшалось усилиями разных правителей. Надо разобраться в том, как проявлялась забота или, напротив, пренебрежение всякими обязанностями, и это позволит расставить по местам Добро и Зло, дать оценку тому и другому, увидеть достойное и недостойное, объективно, не проявляя партийных пристрастий.

И все видят, что наш писакса очень далек от честного взгляда

да на русскую нацию и от справедливого описания ее нравов и душевного склада и не более искусен, чем известное вьючное животное в игре на лютне. Этот тип злорадствует по поводу того, что ему так ловко удалось выместить свою злобу и вылить столько яду и желчи безнаказанно на одну из величайших и могущественных наций. Более того, он угрожает новыми пасквилями, ибо считает, что он еще недостаточно зло написал; при этом он сам собирается где-то найти убежище и готов спрятаться хоть в чертовом пекле. Ему придется примириться с какой-нибудь дырой, дабы спастись от преследования судебных властей, где никто не будет в состоянии там ех сарите: Si quadrupes pauperieum fecerit*, — допросить его и доставить в Россию, чтобы принудить его к покаянию за негодное поведение. Он действует по «правилу честных воров»: Calumniare audacter, semper aliquid haeret (Клеветчи смело, что-нибудь да останется).

Эти негодные «Письма» подвергались то здесь, то там конфискации и поношению; хорошо бы собрать все их экземпляры, циркулирующие по белу свету, чтобы воспрепятствовать их дальнейшему существованию — но это удалось сделать лишь в немногих местах.

Большинство людей так устроено, что когда от них что-нибудь прячут, они это тем упорнее ищут — им все равно, ложь это или правда. А те, кто в состоянии отличить белое от черного и высказать свое «да» или «нет», руководствуясь рассудком и чуждые какой-либо партийной односторонности, весьма немногочисленны; они, правда, в состоянии найти себе удовольствие в том, чтобы презирать и пренебрегать всем порочным. Да, есть много разумных и честных людей, которые считают недостойным для себя внимать глупой болтовне жалкого клеветника; но есть многие тысячи глупых, недалеких, легкомысленных и враждебно настроенных людей, которых можно обмануть любыми фокусами, выдумками, шарлатанством, бесчестным очер-

---

* этого безумца, впавшего в скотскую убогость (лат.).

нительством — в отличие от тех, кто не поддается лукавым попыткам высмеять целую нацию.

Поэтому не надо удивляться, когда в газетах сообщается, что так называемые «Московитские письма» жадно читаются — чем пасквилянту доставляется необычайное удовольствие: он узнает, что его сочинение опубликовано в таких городах, о которых он и помыслить не смел. Но он, конечно, знает, что у него есть подручные распространители и передатчики его безмерной лжи, и его вдохновляет сама мысль, что он взбудоражил всех европейцев. «Письма» сыграли особую общественную роль, будучи переведенными на многие языки. И вот этот, забывший Бога и честь, позорящий целую нацию и ее правителей, объявляет во всеуслышание, что он не один и действует среди толпы равных себе подонков. Он ни над чем не задумывается, и его ничто не пугает; он с дерзостью умалишенного утверждает, что все европейцы вместе и порознь поддерживают и его, и его позицию по отношению к русской нации; и при этом он действует мошеннически, бездоказательно и бессмысленно.

И эти бесстыдства распространяются по всей Европе — дураками, по отношению к которым не только право, но и долг каждого честного человека такого дурака просто отдубасить, чтобы дурак ответил за свою дурость <...>

Поэтому мы и предпринимаем усилия эти так называемые «Московитские письма» перевести на немецкий язык и вернуть их этому писаке и его друзьям с некоторыми напоминаниями.

Многие полагают, что бессмысленный лай этого помешанного не может повредить русской нации в глазах честных людей; и что порядочные люди сами разберутся, даже если мы и попытаемся замолчать этот пасквиль — но необходимо не только этого позорного лжеца ткнуть носом в его же грязь, но и, схватив за руку всех его друзей, сообщников и помощников, с такой страстью читавших эти «Письма» и обманывавших этой тысячекратной ложью, заставить их высморкнуть нажитые ими деньги.

Не стоит тратить много усилий на то, чтобы собирать подробные сведения о разных историях, приключившихся с этим

писакой в России, ибо в его «Письмах» мы находим достаточно доказательств того, как же много он врал, выворачивал наизнанку, фальшивил, отдаваясь игре своего воображения. Нет недостатка в доказательствах того, что все его сведения и рассуждения — сплошная ложь в сочетании с клеветой. И пусть читателя одурманивали собственной выдумкой или прибегая к помощи недобросовестных исторических писателей — всему миру доказательства вранья распоясавшегося клеветника были ясны.

Те, кто разбирается в истории и мировых событиях, и без нашей подсказки знает, где находится истина. Другим, однако, придется до поры до времени потерпеть, пока мы не только изложим наши истины на строго исторической основе, но и разберемся с некоторыми сомнительными источниками, к коим писака прибегал, и одновременно подробно и точно укажем на те обстоятельства и события, которые были им извращены.

Прежде всего мы хотели бы представить кратко историческое, политическое и географическое описание Российской Империи и в сжатом очерке показать читателю, как этот писака все перевирает.

Не говоря о том, что даже самые полные, новейшие, только что вышедшие из печати данные страдают неполнотой, ибо нужны *средства*, чтобы исследовать столь явно, день за днем, меняющееся к лучшему положение в этой необъятной монархии, но и правду, выросшую из этих новых данных, надо сопоставить со старыми писаниями. Иначе нами из девяносто девяти книг была бы составлена сотая. Но так как нас уверяют, что русские ученые уже несколько лет назад употребили большие усилия, чтобы исполнить этот долг и обязанность перед своим отечеством, милостью и заботами великой императрицы Анны, их покровительницы истинной и богини великой и в ратном деле и в мирных трудах, то мы можем уже возжечь свою свечу от этого солнца.

Возможно, кому-то из посторонних придет в голову, что мы должны были наши воспоминания печатать не сейчас, как это почти сорок лет назад при подобных обстоятельствах сделал

защитник некоего Д***, а одновременно с выходом в свет этих так называемых «Московитских писем»; а многим, склонным к поспешным умозаключениям, могло показаться, что мы не знаем, что в таких случаях предписывается славными законами нашего немецкого отечества...

Наш пасквилянт публично оболгал одну из достославных наций вопреки всяким духовным и светским законам, вопреки здравому смыслу и элементарной порядочности, вопреку очевидной правде и человеческому долгу. Своим преступным сочинением он частью обманул, частью обозлил всю Европу. Но, совершив это злодеяние, он скрылся и избежал тем самым вмешательства бдительного правосудия. Поэтому порядочные люди во всем мире вынесли ему свой приговор. Отныне он уже клеймен как лжец, клеветник, порочный человек. И его книгу надо подвергнуть проверке на предмет *corpus delictu**, чтобы и сторонники, и противники его поняли, где правда и где ложь...

Всякая ложь ослепляет своей фальшивой логикой до тех пор, пока она скрывается во мраке, когда же она выходит на свет, истина обнажается, и ложь предстает в своем грязном и позорном одеянии, ошеломляя тех, кто был одурачен, вызывая чувство стыда и раскаяния. А те, кто были рабами-подручными автора, платят за свое поведение стыдом и позором...

Любимая привычка этого писаки состоит в том, что он об одном и том же повторяет десять раз и более, он водит нас то туда, то обратно, утомляя нас бесполезными повторениями. Внимательный читатель и без нас заметит, что перед нами настоящий *stabulum Augiae***. Наш писака выделывает в своих письмах пируэты не хуже известной рыбы каракатицы, которая выбрасывает черные струи, образуя такое скопление черного супа, что на какое-то время становится совершенно невидимой.

Возможно, местами мы обостряем перо более, чем этого тре-

---

* состава преступления (лат.).

** Авгиевы конюшни (лат.).

бует суть дела, невольно повторяя его приемы. Мы имеем дело с человеком, который не просто по недосмотру или ошибочно проявил слабость, напав на то или иное частное лицо, но который самым подлым образом нападает на коронованных лиц и безо всякого основания порочит целую нацию. Неужели мы должны щадить этого человека, который почему-то возомнил, что народ, который он — из бабьей жажды мщения — избрал целью своих подлых нападков, должен щадить его? К тому же он и сам себя не щадит и изображает себя ничтожным и нечестным...

Если критическую остроту тона наших писаний оценивать применительно к его «заслугам», то, по мнению большинства, наш тон достаточно мягок и излишне спокоен.

Относительно многочисленных опечаток в тексте, то мы не несем за них ответственности, ибо нам не удалось быть в том месте, где это печаталось. Между тем при перечитывании текста мы отметили все места, нуждающиеся в исправлении, и эти исправления вместе с нашими извинениями прилагаются в конце книги вкупе с указателями.

Что касается гравюры, представленной на титульном листе, то здесь наш писак изображен в истинном виде. А именно как газетный борзописец, который преподносит читателю свои жалкие историйки об убийствах или о чем-то подобном. Так, он стоит в своем потрепанном халате перед одним из ковров, повешенных на стене, и показывает на надпись, из которой следует, будто он задумал нечто с иголки новое. А сатиры смеются над его глупостью и бесстыдством... Тот сатир, что наверху, шипит по поводу того, что он, как глупый мальчишка, вмешался в мирские дела, не соображая, что другим народам давно известно то, чего он не знает. Сатир, изображенный посередине, бичует его... А нижний сатир насмешничает над ним за позор, который он принес своим поведением собственному отечеству.

Так как мы обещали показать автора «Писем» во всей совокупности его действий, мы выполняем это обещание в предлагаемом нами «Зеркале души». Каждый может увидеть себя в нем; тем самым и автор как бы становится таким, каким он

видел себя в зеркалах, висящих в прихожих Петербурга, и если он еще не совсем утратил трезвое восприятие, имеет теперь серьезный повод для огорчения.

Перевод С.В.Тураева

Так называемые «Московитские письма» Из седьмого письма

...Я пробыл уже четыре месяца в Петербурге и не слышал ни слова о том, окажусь ли снова на свободе. После долгих размышлений о моем положении мне, наконец, пришло в голову, что возможно у министров возникло подозрение по отношению ко мне, так как я высказывал желание поехать в Персию, чтобы служить там под началом принца Гессен-Гомбургского. Причина эта показалась мне тем более основательной, что названный принц не собирался отправляться в Персию до тех пор, пока ему не объяснят поводов подобного неудовольствия. Поскольку же основное правило русского правительства состоит в том, чтобы никому не доверять и видеть во всех людях способность совершать самые позорные дела, то в это можно было поверить как в причину моего столь долгого пленения. Они пытались лучше разобраться в подлинной причине путешествия, предполагаемого мною¹. Также возможно, что, учитывая обстоятельства нынешнего времени, во мне видели человека, засланного Францией или даже королем Станиславом. Но я не знал за собой ничего, когда-либо сказанного или сделанного, что могло бы дать малейший повод к такому подозрению. И мое поведение в Москве не было таковым, какое присуще человеку, связанному с тайными делами. Тем не менее позднее я узнал, что меня считали шпионом короля Станислава. Я же никогда не имел честь знать этого короля или оказаться каким-то образом среди его знакомых². Но я лучше оставляю все эти предположения, уводящие слишком далеко от моей цели, думаю, будет лучше, если опишу Вам, как я устроился в моей новой квартире.

После того как я открыл свой чемодан и добыл из него необходимые мне вещи, я уже больше не захотел пользоваться деревянной вилкой, которую мне дали, а также не хотел стеснять себя тем, чтобы выпрашивать нож, когда мне нужно было разрезать хлеб или другие кушанья. Итак, теперь я клал на виду мою большую вилку и нож, извлеченные из чемодана. Мои люди (охранники.— *Прим. перев.*), казалось, были ошеломлены при виде этого выложенного мною скарба. Не менее ошеломлен был и я, когда увидел: что они при этом смиренхонько молчали. Я сделал вывод, что они уже больше не боятся, не перережу ли я себе горло, и что теперь все внимание моей охраны направлено на то, не начну ли я снова писать. Для меня было особой забавой наблюдать, как они каждый день осматривали печати на моем чемодане, чтобы установить, не пытался ли я открыть его. Я и сам часто напоминал им о том, чтобы произвести подобный осмотр, показывая им, что понимаю, как важно им внимательно следить за состоянием печатей. Таким образом, я еще высмеивал их, после того как действительно обманул³. Проводя так часть дня, другую его часть я тратил на то, чтобы изучать мой «Московский календарь», единственную оставшуюся у меня книгу. Однажды, когда я просматривал список европейских князей, с удивлением обнаружил, что Август III был назван там королем Польши. Это новое известие дало мне повод для самых разных предположений и пробудило неопишемое желание узнать, что же произошло.

Я уже больше не сомневался в том, что в Польше началась война. И тут же заметил себе, что тот человек, от которого я, будучи в Петербурге, получил больше всего сведений, был весьма хорошо осведомлен о планах и намерениях русского двора. Именно эта особа, о которой я, кажется, уже упоминал ранее, в немалой степени способствовала тому, что я решил поехать в Персию. Я уже давно предполагал, что он должен был находиться в Петербурге из соображений тайных и важных дел. Позже я получил подтверждение, заставившее меня ни в коей мере не сомневаться в правильности моих мыслей на этот счет. Он оказался мне тем более пригодным для исполнения своих

обязанностей, чем доступнее были для него все сведения о происходящем при русском дворе.

Узнав о том, что к моему крайнему удивлению на трон возшел король Август, я тотчас понял, что московитяне приложат все силы, чтобы исключить короля Станислава. Однако трудно было представить, что они когда-нибудь доведут это предприятие до счастливого конца. И действительно, существует нечто, чего я не могу постичь и о чем не устаю повторять Вам: на сегодняшний день Россия имеет такое большое влияние в европейских делах. Да, конечно, это так! Из этой монархии сотворили такое пугало власти⁴, которого не найдешь больше нигде, кроме воображения тех, кто в этом абсолютно ничего не понимает. Я, право же, не отрицаю, что Россия⁵ — это чрезвычайно большая и обширная страна. Сам я считаю, что ни в Европе, ни в Индии, да и вообще нигде не найдется больше такого государства, которое простиралось бы так далеко. Вы сможете судить о его длине, если представите расстояние от Риги до его крайних восточных берегов, до недавно открытой земли Камчатки, а о ширине, проложив путь от провинции Килан на южном побережье Каспийского моря до морского залива в Нассау.

Такое огромное пространство является для этого государства, вне сомнения, только обузой, так как создает, так сказать, слишком большие трудности, лишая соответствующей возможности передвижения. Если же говорить о тех частях, из которых состоит территория этого государства, то мы обнаружим необъятные пустыни, бесконечные болота, огромные по протяженности леса. И если все это соединить вместе и пересчитать, то окажется, что в Германии находится столько же людей, сколько в Московии. К тому же надо еще прибавить малую храбрость московитян, это не те люди, которые могут внушить страх другим нациям. (*Nam si homines, vix sunt homines hoc nomine digni**.)

---

* Ибо если это люди, то люди едва ли заслуживающие этого имени (лат.).

Мне хорошо известно: если верить всему тому, что сообщается о России, то получится, что она действительно располагает мощными армиями, все из которых состоят из регулярных частей. Однако, поверьте мне, сударь, все эти сведения лишены основания. Я бы очень хотел знать, где же находятся все эти армии? В 1733 г. мне удалось увидеть список всех русских войск, и если они ныне насчитывают сто тысяч человек, то за истекшее время они, конечно, должны были весьма заметно увеличиться. Но если предположить, что русская армия действительно располагает таким числом регулярных частей, то их необходимо распределить, отправить в разные места. Вам известно, что в Персии нужно держать сильную армию и что было бы опасно выводить ее из этой страны даже в мирное время. Персы тем временем достаточно преуспели в солдатском ремесле. Если они однажды заключат мир с турками, Кули-хан не упустит случая снова вернуть персидскому государству все те прекрасные провинции, что незаконным образом захватили себе московитяне. А что можно подумать о поведении, проявленном московитами по отношению к персам? Под предлогом помочь правителю, пострадавшему от своих мятежных подданных, они вторглись в страну, были приняты там с распростертыми руками и в то же время захватили те земли, какие показались им наиболее удобными.

Кроме войск, которые московитяне должны держать в Персии, они вынуждены расположить хорошую армию в Астраханском царстве, так как оно со всех сторон окружено татарами, а их они всегда боялись. Еще не забыты те беспорядки, что происходили здесь не так давно. Горстка людей учинила беспорядок, ввергла всех в страх и ужас и принесла огромный ущерб. Поэтому с неизбежной необходимостью нужно в любое время держать в готовности войска и в Астраханском царстве, иначе уфимские и башкирские татары, владевшие этой землей ранее, однажды легко поднимут голову и наделают московитянам много неприятных дел. Во время моего пребывания в Казани у меня была возможность наблюдать эти народы. Судя по их лицам, говорившим об их внутренних качествах, они не станут

терпеть московское иго долго. Но я должен отступить несколько назад и остановиться у Дона, откуда кубанские татары, располагающиеся неподалеку, делают частые налёты и причиняют москвитам не меньше беспокойства. Если эти народы не держать в узде, то наверняка они с легкостью прорвутся до Воронежа, а потом с помощью своих братьев, крымских татар, смогут предпринять что-нибудь значительное. Держать в подчинении Украину также возможно только с помощью внушительной армии, состоящей из хороших частей. У москвитян интерес к этой стране связан с турецкими делами, а также с крымскими и будзякскими татарами, за которыми глядят в оба козаки, так как они легко могут учинить мятеж и найти повод, чтобы выйти из-под зависимости.

Итак, Вы видите, что если москвитяне в каждой из этих стран, а особенно в Персии и на Украине, будут держать такое количество регулярных войск, к чему они действительно вынуждены, то их армия в сто тысяч человек окажется слишком маленькой и незначительной. К этому надо прибавить те войска, которые стоят в Польше: а также три тысячи человек, что послали в помощь кайзеру на Рейн, и, наконец, те многочисленные части, которые им необходимо содержать в областях, отнятых у шведов. Но предположим, что москвитяне действительно располагают таким количеством войска, какое им приписывают. Откуда же они тогда берут так много денег, чтобы платить за него? Ведь доходы этой огромной монархии не превышают десяти или двенадцати миллионов талеров. Как же возможно содержать на такую умеренную сумму триста или четыреста тысяч человек в сухопутных войсках и еще значительный морской флот?

Исходя из всех этих обстоятельств, можно легко сделать вывод о том, так уж ли я неправ, когда выступаю против шума, который поднят сегодня по поводу могущества этого государства? Отношу его, этот шум, на счет малой осведомленности газетных писак. Но и сам не знаю, что думать о москвитянах, которые, основательно зная внутреннее положение своей страны, численность и состояние своего войска, а также умерен-

ность своих доходов, тем не менее берутся за выполнение проектов, подобных нынешним. Поверьте мне, сударь, не устаю повторять Вам о том, что московитяне никогда не доводят свои предприятия до нужного состояния...

Мне совершенно неизвестны проекты московитян по поводу нынешней кампании. Я точно знаю одно: в прошлом году для поддержания собственных сил они были вынуждены стянуть все войска внутри страны, так что даже в Москве, где всегда в готовности имелись значительные части, остались только инвалиды. В Петербурге оставили лишь гвардию и два крестьянских батальона. Они состоят из тех, кого только что оторвали от их печек. Все это привело к тому, что не получилось даже приличной охраны. Уменьшили даже мою охрану, оставив около меня троих, да и тех пришлось сменить через два месяца⁶.

Манера солдатской службы в Московии также кажется весьма странной. У любого, кто, как я, видел это собственными глазами, сложится о ней определенное суждение: и о солдатах, и об их начальниках. Солдат, находящийся на вахте, никогда не знает времени, когда его сменят. Что же касается офицеров, то лишь немногие из них знакомы с начальными правилами военной науки, в которой хорошо осведомлены офицеры других стран⁷. Редкий случай, если часовой выполняет поручение своего сержанта. Без разбора могут поставить на несение вахты пьяного. Часто случается так, что вся охрана, как офицеры, так и солдаты, вдребезги пьяны и не в состоянии нести службу⁸.

Ссоры, что случаются среди <...> офицеров и солдат ежедневно, никогда не разрешаются никакими иными способами, как кулаком и палкой. Ведь, как я уже упоминал, в России существует закон, по которому запрещается обнажать шпагу, и за этим всегда следят самым тщательным образом⁹.

Единственным поводом для похвалы может служить следующее обстоятельство: в России солдат никогда не оставляют без дела. Вспоминаю, что однажды видел в Петербурге за работой целых пятнадцать батальонов. Повсюду выставлены караулы.

Ни малейшая услуга не обходится без помощи с их стороны. Чужеземных министров, независимо от того, из какого они сословия, какова их должность, никогда не оставят без охраны. Отсюда можно сделать вывод, что деньги в Москве также охраняются. Могу Вас заверить: даже около самого простого сборщика податей, едва имеющего в наличии дюжину мешочков медных монет, всегда увидишь охрану по меньшей мере из шести человек. Вот на что используют добрую часть большого гарнизона, а тем временем оставшаяся его часть постоянно занята заготовкой дров. В этой стране это называется так: солдаты должны все время упражняться и быть готовыми в любой момент отправиться в военный поход. И при том пребывают в полной уверенности, что солдаты будут творить чудеса¹⁰.

Сверх того я мог бы сообщить Вам и другие сведения, но вижу, что мое письмо и так слишком затянулось. Поэтому должен прощаться с Вами, хотя мне бы не хотелось этого делать. Прощаюсь в уверенности, что всю мою жизнь буду оставаться Вашим. (*Dum memor ipse mei, dum Spiritus hos reget artus**.)

Примечания к седьмому письму

- ¹ У автора письма новые фантазии. Они касаются подозрения, возникшего по поводу его предполагавшегося путешествия в Персию, однако оказываются пустой болтовней. Напротив, сделанное им здесь замечание об основном правиле русского правительства оказывается не совсем выдумкой. Ибо каждодневный опыт показывает, что в России не доверяют определенному сорту людей, особенно если они проявляют душевные качества и манеру поведения, свойственные автору письма. Таких не просто считают способными на постыдные поступки, они действительно давали повод к тому, чтобы о них так думали. Однако по отношению к

---

* Пока я в твердой памяти, пока душа управляет этим телом (*лат.*).

порядочным людям, обладающим разумностью, честью и добродетелью, в России не просто проявляется всяческое доверие. Их считают способными к осуществлению самых замечательных предприятий. Бесчисленные примеры, которые мы в течение долгого времени видели перед глазами и которые продолжаем видеть сейчас, убеждают любого, что такое доброе доверие не прекращается и никогда не прекратится. В частности же, даже собственный пример клеветника дает нам совершенно очевидное доказательство того, что и его не считали способным на те позорные дела, которые он сотворил в действительности. Ведь если бы его заподозрили в том, что он будет нарушать печать, красть бумагу и воск, взламывать свой чемодан и изымать оттуда вещи, которые ему как пленному иметь не положено, то его наверняка поместили бы в совсем другую комнату. А что можно было подумать о подлинной причине его путешествия? И что могло подвигнуть русское правительство к тому, чтобы отпустить такую птицу на свободу, если оно понимало, что наш автор способен натворить множество низких и подлых дел?

- ² Предположить, что подобный человек мог бы стать посланцем Франции или короля Станислава, значит впасть в явное противоречие со всякой очевидностью и разумностью. Ведь в России достаточно хорошо знают, что нынешние министры французского государства, то есть те люди, которые используются для выполнения тайных поручений, выбираются из тех, кто проявил такое же мастерство, как некогда кардиналы Ришелье и Мазарини, и кто может хранить тайны своих суверенов намного надежнее, чем такой вот типчик с причудами и не в ладу с самим собой.

Король Станислав, отличающийся большим великодушием, выполняя свой жизненный жребий, предназначенный ему Божественным Провидением, никогда не имел намерений, для осуществления которых он должен был бы засылать шпионов и предателей. В таком большом сердце подобные мысли даже не могли бы зародиться.

HUIC, levis ingenio, quamvis discrimine summo
Proditor apportet suspensa morte salutem,
Nunquam gratus erit: scelерum sprevisse Ministros.
Hoc semper placuit...*

Поэтому, если считать верным предположение о том, что король Станислав мог удостоить нашего автора своим доверием и послать его для выполнения тайных дел, тому пришлось бы стать толковым, богобоязненным, благородным, одним словом, по-настоящему добродетельным человеком. Для выполнения поручений этого господина ему понадобились бы такие качества, как спокойствие, мирность души, дружелюбность, хорошее поведение, готовность делать общее благо. А с такими качествами он бы не пропал при дворе русской императрицы и не стал бы бояться, что с ним случится что-нибудь плохое. Поскольку же ни его собственная совесть не говорит ему, что он обладает названным характером, ни его дела, ему и пришла в голову мысль, что его посчитали шпионом. Он, кажется, вбил себе в голову, что ему окажут честь, если будут видеть в нем такого героя. При этом он беспричинно льстит себе. Будто бы в России не понимают, что люди его калибра становятся шпионами и предателями по собственному желанию, так как не знают, как найти другой выход из овладевшего ими отчаяния и уныния. У нас перед глазами слишком свежие примеры — Бонневаль и Рипперда. Кажется, что Роккафорт в Большой Орде и Персии занимался теми же делами против России, что названные персоны делали в Турции и Марокко против других высоких особ христианства.

³ Охранники знали, что большая вилка и нож находились в чемодане. Если бы он сам смастерил оба прибора и нагло положил их на виду, то вне сомнения, что охрана спросила

---

* Этому скорый на выдумку предатель, — хотя бы он и доставил ему в величайшей опасности спасение от смерти, — никогда не будет мил. Презирать служителей преступлений — вот что всегда угодно (*лат.*).

бы, из чего он их изготовил. Она не ограничилась бы только усердным осмотром печатей... Благоразумный читатель изволил тем временем заметить следующее: проделки нашего несчастного мошенника кончаются для него весьма плачевно. Надеясь слегка повеселиться, он показывает охране, что обманывает ее, а потом еще и издевается над ней. Однако, он никого кроме себя самого не обманывает... Ведь когда он высказывает суждение о том, что солдаты из охраны больше не должны бояться его ножа как орудия, чтобы перерезать себе горло, он в то же время обязан признать: большую вилку, принадлежащую ему, они не воспринимают как вещь, используя которую вместо кинжала, можно, например, обратиться в бегство трех или четырех из них.

⁴ Автор письма не может понять, почему Россия в настоящее время имеет такое большое влияние в европейских делах. Это не удивляет, ведь такой мелкой душонке недоступны великие и значительные дела. Напротив, явной глупостью, слепо противоречащей всякой действительности, является то обстоятельство, когда он обвиняет весь мир в том, что из этой монархии сотворили такое пугало, которого не найдешь нигде, кроме воображения людей, абсолютно ничего в этом не понимающих.

О могуществе и славе этой страны в более древние времена нами речь уже велась. Что же касается новых времен, то уже более двух столетий назад Европа увидела внутреннюю крепость русской монархии, прежде всего ее ощутили татары. Но вскоре после них с ней познакомились Пруссия и Лифляндия. Духовенство тогда запугивало людей, предрекая среди прочего: вот придут русские и все себе возьмут. Следы подобных пророчеств и сейчас можно найти в некоторых старинных сборниках проповедей. Еще в те времена можно было увидеть, что русское государство оказывало услуги тем, кто имел дело с турками. Кайзер Карл V хотел иметь с Иваном Васильевичем I дружеские и добрые отношения, а кайзер Максимилиан II был склонен оказывать подданным Ивана Васильевича II предпочтение, однако это

прекратилось из-за того, что то с той, то с другой стороны следовали всяческие помехи и отговорки. Названный русский монарх уже в то время шел путем, по которому впоследствии пошел Петр Великий. Если бы он прожил дольше, то еще во время своего пребывания на престоле поднял бы русскую монархию на большую высоту. Соседние правители и другие влиятельные лица, желавшие извлечь преимущества от соседства с русским государством, как правило, никогда не воевали с русскими дольше, чем два или три года, а потом заключали мир. По возможности они старались отдалить русских от коммерции с другими европейскими нациями. Лишь Божественное Провидение покончило со всеми препятствиями, которые поставили на их пути человеческий рассудок и осторожность. Как только беспорядки, возникшие при Лжедмитрии, полностью затихли, чужестранцы стали постепенно получать все больший доступ к делам. Преимущественная власть, которой располагало тогда духовенство в государственных и полицейских делах, шаг за шагом ограничивалась. Царь Алексей Михайлович продемонстрировал важную проверку своих сил, прежде всего, перед поляками. Федор Алексеевич дал понять туркам, на что способна Российская держава. А славной памяти Петр I полностью раскрыл всю мощь русской монархии и в 1696 г. показал туркам и крымским татарам их *Non Plus ultra**. Он наводил ужас на всех своих врагов и был надежной опорой союзникам. Петр распространил свою власть на все четыре части света и совершал такие дела, что мир должен был убедиться: Российская держава не никчемное пугало, а реальная сила. Китай, Индостан и Большая Орда уважали силу и славу российской монархии. Персия и Оттоманская империя могли бы рассказать о силе русского оружия больше, чем им хотелось. Огромное количество татарских народностей подчинилось российскому скипетру.

---

* Далее нельзя (*лат.*).

Отныне северные государства стали смотреть на Российскую державу совсем другими глазами, чем прежде, а прочие европейские страны весьма зауважали как русскую монархию, так и русскую нацию. Какое важное значение придавала в ходе последней войны делам на севере ныне достохвально царствующая государыня императрица и то, как великолепно покончила она со своими военными операциями в Польше, у всех на виду! Она благополучно вернула Азов, который, как считали мусульмане, останется беспрепятственно в их вечном владении. Туркам, крымским, ногайским, кубанским и другим татарам она дала понять значение Российской державы, причем в такой мере, что у них руки и ноги затряслись. Более подробно мы сообщим об этом в следующем далее описании России и одновременно попытаемся, как бы используя хлопущку, отбить комариные нападки автора письма.

- ⁵ Великороссия — чрезвычайно большая и могущественная страна, частично расположенная в Европе, частично — в Азии. Границами этого государства на Востоке является Восточный океан; на юге оно граничит с так называемой Большой Ордой, а также с Каспийским морем и частью Персии, с дагестанскими, черкесскими, ногайскими, крымскими татарами — на западе, с Польшей, Литвой, Курляндией, кроме того с частью Финляндии и со шведской и датской Лапландией; на севере же его границу образует Северный океан.

С восточной стороны это государство расположено между 47-м и 77-м градусом, а с западной — между 41-м и 77-м градусом северной широты, и находится между 41-м и 172-м градусом долготы. Таким образом, на восток оно простирается на 450, а на запад на 540 немецких миль. Протяженность от границы с Курляндией до восточного побережья Камчатки составляет 1965 немецких миль. Некоторые, правда, считают, что страна эта по своей ширине несколько короче, а по длине несколько длиннее, чем указано нами. По старому методу, ее делили на собственно Рос-

сию и присоединенные земли, теперь же все вместе обозначается одним общим названием: Великороссия. Петр I поделил Великороссию на десять главных губерний, а именно: 1 — Петербургско-Ревельскую, 2 — Московскую, 3 — Киевскую, 4 — Архангельскую, 5 — Смоленско-Рижскую, 6 — Сибирскую, 7 — Воронежско-Азовскую, 8 — Казанскую, 9 — Астраханскую и, наконец, 10 — Нижегородскую.

Каждая из названных губерний может включать в себя различные большие и малые княжества, определенное число городов и, в свою очередь, делится на отдельные провинции, которые разбиты на уезды. Губернии управляются генерал-губернаторами, провинции — губернаторами, а уезды — особыми чиновниками, которые несут отчет перед соответствующими губернаторами, а те — перед своими генерал-губернаторами.

Климат в этом государстве не везде одинаков. В областях, расположенных выше 60-го градуса, он очень холодный и суровый, а зима длится восемь-девять месяцев. Между 57-м и 60-м градусом климат уже несколько мягче. Между 54-м и 57-м он умеренный и приятный. Между 48-м и 54-м уже довольно теплый, но все-таки еще в меру, тогда как между 41-м и 48-м градусом очень жарко, а в летнее время может быть почти палящий зной. Вообще же климат здесь весьма здоровый, так как испарения и ядовитые туманы бывают редко. В жарких областях случаются мощные грозы, а при умеренном климате, то есть в областях между 57-м и 60-м градусом, осенью устанавливается дождливая погода. Между 48-м и 54-м градусом дожди обычно идут в той мере, как потребно для урожая. А в областях, находящихся между 41-м и 48-м градусом, летом их почти не бывает. Страна по большей части расположена на равнине, гор и крутых утесов в ней мало. Зато она имеет богатые запасы озерной и речной воды. В итоге Великороссия — чрезвычайно плодородная страна, получившая от Бога все необходимое и удобное для человеческой жизни. Это земля,

благословенная Господом. И если в той или иной русской провинции в чем-либо существует нехватка, то в ней будут в изобилии другие дары природы, легко покрывающие недостающее. Из всех прочих провинций Рязань, Владимир, Коломна и Ярославль — самые плодородные. Поля в этих местностях засеваются каждый год. При том что их необязательно удобрять, землевладельцы получают от каждого посеянного зерна двадцати-тридцатикратный урожай.

Жители северных областей зерноводством не занимаются. Зато у них произрастает много разнообразных плодов диких кустарников, а также коренья. У них есть черная и красная смородина, ежевика, малина, земляника, черника, также растет можжевельник. Те, кто живет между 48 и 60 градусом северной широты, в достаточном количестве, а то и в изобилии, имеют рожь, ячмень, пшеницу, спельту, овес, гречиху, просо, горох, бобы, вику, чечевицу. В лесах растет дикорастущий хмель. Лифляндия дает невероятное количество льна и конопли. Жители этих областей также имеют в достаточном количестве, а зачастую и в изобилии, плоды древесных растений, такие как груши, яблоки (из которых так называемые «наливные яблоки» по сочности и превосходному вкусу не имеют себе равных в мире), а также гранаты, персики, абрикосы, вишни, каштаны, горький миндаль, кедровые орехи, которые используют вместо миндаля, лещинный и водяной орех. Кроме того они имеют садовые растения и овощи: капусту, свеклу, репу, морковь, салат, редьку, огурцы, лук, чеснок. В земле произрастают всевозможные сорта грибов. Под Астраханью растет прекрасная и невероятно крупная спаржа и разные виды дыни, которые превосходят европейские по прекрасным вкусовым качествам. Самый лучший сорт из них жителями называется «арбуз». Арбузы разводятся от Киева до Азова. Это не просто сорт дынь, который намного нежнее и сочнее прочих сортов, но он и намного полезнее, чем те, что растут в Европе.

На западном берегу Каспийского моря и под Астраханью

растет прекрасный виноград, из которого давно давится вино, он почти не уступает знаменитому сорту «ширазский».

В русском государстве произрастает также множество особо целебных трав и растений. В этой области немецкий ботаник по имени Бухсбаум сделал много открытий. В татарских землях и под Астраханью растет род перца в красной оболочке, который гораздо острее обычного перца. В областях, примыкающих к Волге, в большом количестве растет ревеня, а в приграничных к Китаю землях драгоценный корень «нинфи» или «женьшень». Серповидная трава «коза траба», которая, как говорят, может проломить железо, а также целебный волчий корень найдены в Сибири. Там же собирают и так называемый ковыль, который выглядит, как белые султаны для шляп. Кроме того встречается вайда, марена и другие травы, используемые при крашении. Наконец, в недавно открытой Камчатке растет некий вид сахарного тростника, который местные жители называют «ахатка».

В Великороссии необыкновенное изобилие строительного леса и леса, идущего на дрова: это сосна, ель, пихта, ольха, береза. Здесь также огромное количество липы, ни с чем не сравнимой для пчеловодства, кроме того липа дает лыко. Из него ежегодно изготавливают сотни тысяч циновок, которые выгодно расходятся по всей Европе. Дубы, столь пригодные для судостроения, прежде всего растут в области Казани, несколько лет назад их обнаружили также под Петербургом. Прекрасно развиваются и дубовые леса, посаженные в Ингерманландии. Буковых лесов также достаточно. Кедр растет в Верхотурских горах. Так называемая «адамова кость», имеющая черный цвет и по прочности не уступающая камню (некоторые причисляют ее к минералам), а также крушина и так называемый «кап», вид сибирской узорчатой древесины, обнаружены в этих лесах. А «жаворонковое дерево» встречается, прежде всего, в местах проживания барабинских татар. Тутовые деревья, которые Петр Великий за хорошую денежную сумму приобрел у

камердинеров персидского правителя, чтобы начать шелководство в области Астрахани, по слухам хорошо прижились. В Великороссии почти везде есть тучные пастбища. Трава во многих провинциях растет настолько буйно, что скот ходит погруженным в нее до живота.

Поэтому здесь невероятное изобилие как домашних, так и диких животных: быков, коров, лошадей, овец, коз, свиней, верблюдов, как двугорбых, так и одногорбых, а также вьючных животных, оленей, косуль, лосей, зайцев, диких лошадей, кабанов, диких овец и козлов, северных оленей, серн, горных козлов. Также изобилуют соболя, куницы, горностаи, песцы и чернобурые лисы, белки, мускусы, хорьки, норки, рыси, росомахи, медведи, волки, тигры, дикие кошки и т.д.

Кабардин водится только на границах сибирской части (России) с нивхами и монголами. Домашняя птица: куры, утки, гуси,— разводятся в Великороссии повсеместно, к тому же в больших количествах. В лесах, на лугах, в болотах и мощных реках находит себе пропитание изысканная пернатая дичь: тетерева, фазаны, куропатки, рябчики, дрофы, журавли (птицы с черным оперением и пурпурными бровями), вальдшнепы, лысухи, бекасы, дикие гуси, дикие утки и т.д. В российских лесах нет недостатка и в певчих птицах. Зимородок встречается в Сибири, там же проживают отдельные виды соколов и три особых породы орлов.

Россия славится таким невероятным количеством пчел, что, можно сказать, эта страна почти истекает медом. В реках, озерах и морях великое множество разнообразной рыбы: осетр, сельдь, стерлядь, сиг, снетки, судак, семга, лосось, окунь, щука, линь, карась, налим, а также угорь, корюшка, раки и т.д. Белорыбица считается одним из самых деликатесных сортов рыбы и ненамного уступает хариусу. Осетры и стерлядь дают необыкновенное количество икры, которая с большим успехом распространяется среди всех европейских народов. Это обработанная икра осетра и белуги. Особенно хороша последняя, которая делается двух сор-

тов: как зернистая и как паюсная. Зернистая обычно используется внутри страны, а за границу посылается лишь в небольшом количестве в качестве презентов. Паюсная икра изготавливается летом. Ее сильно солят, затем отжимают выделяющийся сок, раскладывают в бочки и мешки и вывозят в таком виде на продажу за границу, прежде всего, в Испанию и Италию. В России есть и красная икра, добываемая из рыбы сиг.

В сибирских реках в изобилии водятся выдра и бобер. В Коле, Варзуге, Вусме, Суле, Амуре, а также других восточных реках у границ с Китаем встречаются раковины со столь драгоценными жемчужинами, что даже в России одна такая жемчужина может продаваться за пять, шесть и более рублей. Раковины с хорошими жемчужинами находят даже под Архангельском. В устьях больших рек, впадающих в Северный океан, население часто занимается добычей тюленей.

Великороссия также благословлена Всевышним на богатые залежи металлов, минералов, всевозможных горных пород. И если, заручившись терпением, разрабатывать уже открытые рудники до конца, то добыча будет весьма значительной. При этом большое значение имеют и те рудники, разработки которых уже прекращены. В некоторых сибирских реках обнаружен такой богатый золотом песок, что в фунте песка может находиться до 28 лотов самородного золота. В трех квинтинах золотоносного песка из реки Дарья можно обнаружить два с четвертью дуката чистого золота. Однако по некоторым сообщениям, калмыки из зависти так засорили эту реку и в месте ее впадения в Каспийское море сделали ее столь мелководной, что повозки больше не могут въезжать в нее. Но кроме того иные люди утверждают, что этот золотоносный песок обнаружен не в реке Дарья, а в сибирской реке Иртыш. Богатый золотом песок нашли также недалеко от Астрахани. И вообще, если придавать этому делу значение, то подобные пески можно обнаружить во всех реках, где сплавляют много леса. На Енисее нашли вид породы, как по цвету, так и по весу

напоминающей золото, однако из-за необычайной хрупкости и летучести она не выдерживает обработку огнем. Возможно, когда-нибудь отыщется честный человек, который сообщит Вам о неизвестном искусстве облагораживания подобной летучей золотой руды. Во время исследовательских работ по обнаружению серебряных рудников, проводившихся по указанию Петра Великого по всей России, таковые рудники были открыты в разных местах. На Аргуни в Нерчинской области в Сибири и на протекающей неподалеку речке Серебрянке, русло которой находится у границ с землями нивхов и монголов, обнаружены богатые серебряные рудники, дающие хорошую добычу. В добываемом здесь серебре содержится много свинца, который однако из-за дальности и дороговизны транспортировки используется мало и остается поэтому лежать невостребованным. Может быть, когда-нибудь Вам откроется, как этот свинец можно переплавлять, а потом извлекать его, как и золото с серебром, в тех местах, где имеются металлургические заводы и где изобилуют леса. На уже названной реке Аргунь есть горное ведомство, где чиновниками и самыми главными горняками служат саксы, шведы, греки и русские. Металлургические заводы существуют там с древнейших времен, задолго до того, как туда пришли русские, они были построены татарами. В этой местности и сейчас находят развалины городов, земляных укреплений, а также мельничные жернова, железные колеса и т.п. В Тверском княжестве и Ингерманландии также имеются богатые серебряные рудники. Время покажет, какова будет добыча на серебряных и золотых шахтах Камчатки.

Медная руда встречается в различных местах Сибири. Особенно богатые залежи обнаружены в Верхотурском уезде на реке Выя, в Невянском уезде на речке Шадрик, в Усть-Кутском уезде на реках Кута, Камышенка и Селезянка, под недавно заложенным городом Екатеринбург у реки Исети, в Каменском уезде у Каменки, а также в Угорье на Чусовой. В Уральских горах много медных месторождений,

некоторые из них разрабатываются, некоторые же пока еще не используются. Не меньше медной руды добывается на реке Вятка у городка Малмыш и под Олонцом на Онежском озере.

Железная руда в Сибири и в России имеется почти повсеместно, к тому же в невероятных количествах. Залежи лучшей железной руды находятся на Енисее в Сибири. Из этого железа изготавливаются разные изделия, которые вывозят в Голландию, Англию и Германию. Из него же льют пушки, мортиры и другое крупное оружие, отличающееся хорошим качеством и прочностью. Железо, добываемое на рудных месторождениях под Петровским и Олонцом, т.е. на восточном и южном берегах Онежского озера, считается лучшим, самым прочным, из него производят наиболее долговечные изделия. Пушки, мортиры, гаубицы и мелкое оружие, изготавливаемые из него, обладают высоким качеством.

В Липецке, расположенном между Тулой и Воронежем, также производятся различные виды оружия. В Козминском изготавливаются кованые якоря. В Каменке, в Сибири недалеко от реки Исеть плавят сталь. А в Павлограде выпускаются клинки и оружейные стволы из так называемой дамасской стали. Вообще же в России насчитывается пять главных железо-горнорудных заводов, принадлежащих царской короне, и двадцать семь, находящихся в частном владении. Среди последних самым хорошим считается Тетковский завод Никиты Демидова.

Под Казанью и в Сибири расположены приносящие хорошую прибыль серные рудники. Примечательно, что в горах вокруг первой из названных провинций добывается сера такой прозрачности и чистоты, какие свойственны янтарию. На Енисее, неподалеку от его впадения в Северное море, стоит гора, извергающая огонь, которая выбрасывает такую золу, что ее считают *flores Sulphuris nativi**. Между

---

* цветы природной серы (лат.).

Тулой и Калугой находится квасцовая каменоломня, имеющая важное значение. А около Астрахани обнаружена селитра, причем в большом количестве. Свыше 30000 пудов селитры ежегодно поставляется из этой провинции в императорские хранилища. Месторождения селитры в немалом количестве располагаются и вокруг Москвы. В Сибири же, недалеко от реки Исеть, лежит озеро, на берегах которого в самое жаркое летнее время выпаривается большое количество соли, на треть перемешанной с селитрой. Если бы русские хотели увеличить производство селитры, они бы вполне преуспели в этом. У них так много необходимых для такого производства материалов, пространства и возможностей, что они могли бы снабдить ею всю Европу, оставив далеко позади Ост-Индскую компанию по продаже селитры.

Поваренная соль в Великороссии встречается также в таком обилии, что к многочисленным соляным рудникам относятся просто с пренебрежением. Соль в России встречается в трех видах. Во-первых, это соль, вывариваемая на солеварнях. Таким способом соль добывают на самых главных российских соляных заводах, а именно: Бахмудовских на Дону, Строгановских в Казани и сибирских. Во-вторых, это каменная соль, которая добывается в местности, где живут уфимские татары, а также около города Тотьмы, расположенного между Архангельском и Москвой. В-третьих, это соль, которая в летнее время выпаривается на солнце из озер, например, находящихся в огромной астраханской степи или в местности, лежащей между Волгой и рекой Яик. Удивительно озеро, лежащее в Калмыкии, земле, которая находится в подчинении России. Оно называется Маныч-Гудило и чрезвычайно богато солью такого вида. Русские ежегодно караваном в 20—25 повозок, сопровождаемых 2500 солдатами, идут вверх по Иртышу, чтобы затем часть пути пройти по суше до названного озера, где они вырубают соль на берегах, подобно тому, как вырубается лед. Затем соль грузится на суда, Однако редкий год обходится без их стычек с калмыками, которые неодобрительно смотрят на вывоз

соли, но в то же время не могут его запретить. Вокруг озера Байкал также встречаются подобные соляные озера.

Кроме того в Сибири обнаружен минерал, который русские называют «каменное масло». Это некий вид нефти. А на Иртыше, недалеко от названного соляного озера обнаружен асфальт.

Между Енисеем и Хатангой собирают янтарь. В Северодвинске, под Архангельском, а также около Уфы добывают хрусталь. Причем в первом случае хрусталь отличается столь благородными качествами, что после полировки напоминает алмазы. В Верхотурских горах и под Томском найден хрусталь, по своей твердости далеко превосходящий европейский. В Даурии, под городом Аргунь, открыта гора с богатыми залежами яшмы. Яшма там темная и светлозеленая, причем такой твердости, что не поддается обработке сталью. При полировке она становится гладкой, как зеркало.

В этой же провинции встречается и настоящий лазурит. В Кархарии, на берегах реки Тавды найден карнеол, а под Екатеринбургом — аметист. Река Обь выбрасывает камни, напоминающие агат. Русские вырезают из них всевозможные фигурки и затем вставляют в перстни. Под Архангельском обнаружена необычайно светлая слюда. Ее прежде всего используют при изготовлении фонарей, а также для окон военных кораблей. В Верхотурье и под Тобольском добывают асбест и амиянт или, как его называют русские, «шелковый камень». Из него изготовляют негоряемое полотно, бумагу и т.п. Сама гора, из которой добывают это вещество, у русских называется так же — Шелковая. Под Екатеринбургом найден вид асбеста, из которого изготовляют полотно, чулки, перчатки и т.п. На реках Тагил и Утка расположены целые магнитные горы. Под городом Петергофом, находящимся между Петербургом и Кроншлотом, добывается мрамор, равного которому нет ни в Швеции ни в Италии. Под Перемогорой, стоящей на Северной Двине между Тотьмой и Архангельском, есть алебастровые горы,

где природа в удивительном порядке создала коридоры и пещеры. Подобное встречается также в полумиле от города Конгур в Угорье. Первые из названных нами пещер занимают шесть миль в окружности, в них проводится различная работа с алебастром. Вторые пещеры имеют протяженность чуть больше немецкой мили, а по ширине они занимают полмили. В них русские устроили заводы по обжигу гипса.

Среди минеральных вод особой славой пользуются олонецкие, а также те, которые были открыты под Казанью. Наконец, в недавнее время и под Астраханью была обнаружена минеральная вода.

В Великороссии имеются обширные болота, большие необитаемые равнины или степи, как их называют русские, а также протяженные леса и кроме того моря и озера. Все они занимают довольно значительную часть страны. В то же время эти болота далеко не так бесконечны, а пустыни или степи не столь неизмеримы, как представляет себе наш автор письма. Это государство, тянувшееся почти на 2000 миль в длину, а по ширине имеющее свыше 500 миль, может легко обходиться без той площади, которую занимают болота, пустыни и леса. Преимущества, которые получила российская монархия от такого природного устройства, очевидны. Понятно, что Великороссия с трудом решилась бы на то, чтобы осушить болота и обустроить леса и степи. Даже если бы представилась возможность заселить людьми площадь, ставшую пригодной для обитания. Ведь болота и леса дают дичь, мед, воск, смолу, деготь, вар и, что особенно ценно, столь любимые во всем мире меха. А в степях и так называемых пустынях проживает наисчислимое количество разной пернатой и прочей дичи. Что же касается прочих земель, где, скажем, нет необходимого числа жителей или которые нельзя использовать на общую пользу, то они обустроиваются со всей разумностью и тщательностью. Достаточное свидетельство тому многочисленные крепости, города, слободы, предместья и деревни, которые построили царь Алексей Михайлович, Петр Великий, Екатерина и досто-

славно царствующая ныне императрица Анна. Заселили их отчасти русскими, а отчасти теми людьми, которые были взяты в плен во время войн. Эта счастливая правительница с благословения Божия безошибочно приведет свою страну к тому, что некогда прекрасные ее части, ныне находящиеся в запустении из-за разбойных действий татар, наконец, опять будут полностью освобождены от их хищнических нападений и набегов и заселены жителями. Заметим, что Великороссия располагает огромным количеством населения. В этом можно без труда убедиться, если представить, какие многочисленные армии выводил на поле боя Петр Великий, с какой легкостью он набирал рекрутов, как быстро он обеспечил людьми свой флот, а также то, какое невероятное количество народа понадобилось ему для строительства Петербурга, прокладки каналов, вырубки лесов, заселения местности и т.п. Русские женятся рано. Поэтому у них много детей, что является естественной причиной столь большой численности населения. Город Москва кишит людьми, уже только из них можно составить целую армию. А русские колонии, осевшие во всех соседних странах, настолько расширились и увеличились, что зачастую уже превосходят своей численностью местных жителей.

По своим телесным особенностям и душевным качествам, а также по способностям, обычаям и привычкам русские (мы здесь не будем говорить о других живущих среди них народностях) — это в основном крупные, широкоплечие, сильные люди степенного вида. К тому же они, по большей мере, хорошо сложены. А женщины вообще хорошо выглядят, но в них есть что-то, несколько напоминающее мужчин, они подобны амазонкам. У русских необычайно почитается та религия, в которой они выросли. Они очень следят за чистотой своих церквей, за богатством церковного убранства. В богослужении они строги, в молитве усердны, особое почитание воздают своим святым. У них беспредельное преклонение перед верховной властью, Богом поставленной над ними. И в этом русские превосходят все нации мира. Рус-

ские люди, принадлежащие к благородному сословию, выглядят как важные персоны, они уделяют большое внимание тому, чтобы к ним относились с уважением. В обращении они серьезны, появляясь в обществе, заботятся о том, чтобы выглядеть с роскошью. Они любят парадность, большую свиту, а также нарядную одежду, украшенную золотом, серебром и драгоценными камнями. Милосердны по отношению к духовенству и бедным, расточительны на пиршествах. Большие любители охоты, особенно соколиной, и травли с борзыми. Они хитры и скрытны в делах, большие мастера в назначениях и перестановках, строги к своим подчиненным. По величественности в обращении, умному, благонравному и галантному обхождению, благоразумному образу жизни теперешнее воспитание ставит их в один ряд с самыми политесными европейскими нациями, а некоторые народы оставляет далеко позади. Средний русский человек, живущий в наиболее культурных провинциях, по своему складу весел, вежлив, услужлив, готов на благие дела как по отношению к чужестранцам, так и бедным. Он работящ, падок на наживу, склонен к хитрости и лукавству, но также терпелив в учебе и работе, бережлив и домовит.

Политика простолюдинов состоит в том, что они представляют себя бедняками и людьми недалекого ума и поэтому без принуждения не работают и вообще работают лишь тогда, когда это крайне необходимо для поддержания жизни. В отдаленных провинциях и местностях этот народ живет в робости, этакое естественной простоте. Вообще же чернь в России имеет те же качества, как и в прочих больших государствах, бегают за теми, кто ей наболтает что-нибудь про лучшие дни, или уходит воевать из-за непомерных налогов и жестоких притеснений со стороны начальства. Она легко впадает в отчаяние, если не видит выхода, а после тяжелой работы и строгих постов любит развлечься. А то, что она далеко не так глупа, как представляется, видно хотя бы по тому, что самые скромные и самые простые русские весьма отличаются в шахматной игре. Рус-

ский простолюдин умеет выждать удобный случай, показывает ловкость в обучении чему-либо, особенно, когда его поощряют вознаграждениями. Он без усталости выполняет тяжелую работу, что дает ему преимущество в выработке терпения. Верен своему господину, и если тот относится к нему хорошо, будет служить ему душой и телом. Все русские, от мала до велика, это крепкие и здоровые люди. Они одинаково могут переносить жару и холод, лишения и изобилие, голод и благополучие, тяжелую работу и безделье, все хорошее и все плохое. Выполняя свое дело, они мало беспокоятся о том, светит ли солнце, или же гремит гром и сверкает молния, тепло или холодно, стоит ли хорошая погода или идет дождь, снег и падает град. Терпение, проявляемое ими при несчастных случаях, невероятно. Они не робеют даже перед лицом смерти, не видя в ней нечто такое, что может внушить страх, вызвать неприятные чувства. Почти во всех случаях, когда преступникам объявлялся смертный приговор, наблюдалось удивительное хладнокровие последних, это послужило причиной тому, что иногда при особо тяжелых преступлениях выбирался и чрезвычайный вид смертной казни, т.к. обычный вид смертной казни русского запугать бы не смог.

Раньше думали, что русские не являются хорошими солдатами, что они могут проявить себя, только находясь в крепости, за стенами. Однако теперешний опыт показал, что им недостает только дисциплинированности и приличного руководства. Петр Великий сказал после битвы под Нарвой, что его люди, хотя и были разбиты, теперь, в чем он может уверить, научились, как побеждать других. И прошедшее после этой битвы время четко подтвердило правоту его слов в многочисленных военных походах, баталиях, осадах городов и крепостей, морских сражениях, где русские в достаточной мере проявили свою храбрость и мужество. С особым удовольствием русские становятся пехотинцами и матросами, ибо при этом нужно исполнять всего лишь следующие четыре правила: выполнять команды, не жалеть

своих сил, в бою держаться достойно и считать, что лучше умереть, чем отступить. Все это они впитали уже с молоком матери. А то, что русские от природы вообще очень способны и обладают недюжинными дарованиями для овладения чем-либо, в этом их иностранные учителя многократно могли убедиться, так как в свое время были по большей части превзойдены своими учениками. Особо искусны русские в механике и мануфактурном деле, к тому же проявляют немалую склонность к торговле и всяким сделкам. Кроме того от мала до велика это отменные пловцы, превосшедшие почти все другие народы. Кажется, что они просто рождены для морского дела. Вероятно больше всего этому способствовали купания, к которым их приучают с материнской утробы. И старые и молодые купаются по меньшей мере раз в неделю. Происходит это так: после жарко натопленной бани они бросаются в чрезвычайно холодную воду какой-либо реки или озера, плавают там какое-то время или охлаждаются снегом и льдом. Такие бани у русских считаются универсальным средством против любых болезней. Им не страшны ни жара ни холод, поэтому русские не знают ни насморка ни кашля. Во время летней жары они обычно после обеда ложатся отдохнуть на пару часов. Впрочем и зимой это уже почти превратилось в общую привычку. Чеснок и спиртное по необходимости должны употреблять те, кто работает на морозе. Климат в северных российских областях настолько суров, что живущим там просто невозможно обойтись без спиртного. А поскольку при таких обстоятельствах случаются безобразные выходки, то некоторые люди стали обвинять в пьянстве целую нацию. Между тем, существовавшая некогда мода заставлять человека пить чрезмерно у людей высшего сословия давно упразднена, а среди среднего сословия и простолюдинов сильное пьянство также уже не так распространено, как прежде. Хотя совсем оно все-таки не отошло и время от времени происходят отдельные безобразные выходки, связанные с пьянством.

Мужчины в России одеваются теперь повсеместно на

немецкий манер, а женщины, особенно из благородного сословия, на английский и французский. Никто, кроме попов, не носит больше длинную бороду или длинные волосы, да, пожалуй, некоторых крестьян, непривыкших к ножницам. Только те, кто находится в трауре или впал в немилость у своего господина, иногда отпускают бороду и волосы в знак скорби или раскаяния. Понимающие язык русских и знакомые с ними могут общаться с этим народом, как ни с каким другим в мире, ибо основные качества их души — это искренность, миролюбие, услужливость, то есть то, что мы замечаем у многих тысяч людей и в Германии. Русских, между прочим, обвиняют в том, что они слишком придерживаются дедовских привычек и весьма склонны к раболепству. Первое свойство присуще само по себе и всем прочим народам. К тому же именно русские показали, что никакой другой народ на земле не смог столь быстро отказаться от старых манер и привычек и с такой легкостью перенять у других народов нечто лучшее. Что же касается раболепства, то оно бросается в глаза только тем, кто незнаком с восточным типом правления или абсолютной властью. Русские привыкли к этому с давних времен. Кроме того, в почитании, которое они проявляют по отношению к своим монархам, русские находят особое удовольствие. Правда, Петр Великий не был любителем проявлений излишней покорности. Он совершенно не мог терпеть, когда его подчиненные падали перед ним на колени или целовали землю у его ног. Они должны были в своих прошениях к нему, подписываясь, ставить не слово «холоп», а «раб». Однажды он весьма убедительно высказался о рабстве в беседе с неким иностранным министром. Петр-де никогда «не мог без ужаса представить, когда в Писании упоминалось о том, как твари неразумные с вытянутыми шеями стремились освободиться от власти погибели, из чего можно легко сделать вывод о том, с каким страхом и стенаниями стремились к этой свободе твари разумные». Безусловно, мысли, достойные такого великого монарха!

Что касается языка русской нации, то нужно сказать, что при богослужении, в церковных делах и других высокодуховных предметах используется старый славянский язык. В основе стиля, употребляемого при дворе, находится обычный язык, который содержит однако много темных мест и использует почти все слова, искусственно образованные иностранцами. Петр Великий внедрил этот стиль во все канцелярии. Обычный, используемый в повседневной жизни русский язык — это дочь славянского языка и является, собственно, родным языком венеков. Правда русские, если иметь в виду этот диалект, кое-что в нем изменили, но в то же время сохранили основу в той мере, что поляки, богемцы, моравцы, а также жители Штирии, Каринтии, Крайны, Саксонии, Бранденбурга, Люнебурга и Померании понимают его без труда и при необходимости могут использоваться как русские переводчики. Язык этот весьма богат словами и в нынешнее время его изучают с большим усердием.

В Великороссии ведущей религией является греческое христианство. Первой приняла его княгиня Ольга в 950-м году в Константинополе. А Владимир I, женившись в 988 г. на Анне, принцессе из дома греческих императоров, ради которой он вернул греческому императору город и местность Корсунь, основательно внедрил эту религию среди русских. С того времени греческое вероучение осталось в русской церкви. Но с течением времени в нем появилось много новшеств и изменений. Поэтому Киевский митрополит Петр Могила с помощью различных ученых архиепископов и епископов в 1642 г. написал его определение под названием: «Православное Исповедание». Затем оно было подвергнуто изучению со стороны Константинопольского патриарха, а также названного митрополита с привлечением некоторых благочестивых, образованных и правомочных людей и было полностью подтверждено Собором четырех патриархов греческой церкви (Константинопольским, Иерусалимским, Александрийским и Антиохийским) в 1643 г.

Это та книга, которую Лаврентий Норманн издал в 1695 г. под названием «Orthodoxa Confessio Catholicae & Apostolicae Ecclesiae»* на греческом и латинском языке, а г-н Фриш в 1727 г. под названием «Liber Symbolicus Russorum», или «Пространный русский катехизис». Из этой книги видно, что вероисповедание русской церкви далеко не так ущербно, как это многие представляют себе из чувства вражды ли, или в связи с партийными взглядами, или просто по неведению.

Тот же Петр Могила перевел греческий ритуал на славянский язык. Этот перевод и сегодня используется в русской церкви под названием «Требник». Что же касается предосудительных моментов в церемониале, то Священный Синод русской церкви в наше время со всей тщательностью исследовал их и некоторые из них отменил.

Библия, которой пользуются русские, была издана царем Алексеем Михайловичем в 1663 г. на славянском языке. За основу был взят тот печатный экземпляр, который был издан по указу князя Константина в 1581 г. в волынском городе Острог. На обычном русском языке Библии и поныне нет. Ветхий Завет и Иоанново Откровение в русской церкви не используется. Правда из Ветхого Завета в церквях читаются некоторые места во время определенных церковных праздников. Кроме того, для вероучения русской церкви важны постановления семи Вселенских соборов, а именно:

1-го Никейского в 325 г., 2-го Константинопольского в 381 г., 3-го Эфесского в 431 г., 4-го Халкидонского в 451 г., 5-го Второго Константинопольского в 553 г., 6-го Третьего Константинопольского в 680 г. и 7-го Второго Никейского в 787 г. О сектах и расколах внутри русской церкви достаточно подробно писал в специальной книге

---

* Православное Исповедание Кафолической и Апостольской Церкви (лат.).

Дмитрий Саритц, а также г-н Кристиан Мартини в своих заметках из России. Наряду с греческой среди христианских религий в Великороссии сильнее всего развито лютеранство. Верующие, исповедующие его, посещают две церкви в Петербурге, две в Москве, одну в Астрахани, а также по одной церкви есть в Великом Новгороде, Тобольске и Екатеринбурге. Римо-католики и реформаты также имеют церкви и молитвенные дома в Петербурге, Москве и Архангельске. У армян есть своя собственная церковь в Астрахани.

Мусульмане в российском государстве также пользуются полной религиозной свободой. Многочисленные места их проживания находятся в Казани, Астрахани, Касимове и других городах.

Приверженцами корана являются и башкирские, ногайские, черкесские татары, а также множество татарских народностей, живущих в Сибири. Во всех городах и деревнях, где они обитают, имеются дома для молитвенных собраний и школы. Татары-мусульмане свободно путешествуют к своим святым местам. У них беспрепятственно существует полигамия, а также другие обычаи турецкого закона.

Однако язычников в Великороссии, по меньшей мере, в три раза больше, чем мусульман. Они занимаются идолопоклонством, совершают различные обряды, описывать разницу между которыми было бы здесь не к месту. К ним относятся самоеды, часть остяков, черемисы, мордвины, тунгусы, якуты, юкагиры, коряки, и многие другие татарские народности.

Однако, после того как татары, исповедующие мусульманство, а также татары, исповедующие язычество, попали под зависимость к русским, было приложено много усилий, направленных на то, чтобы обратить их в христианскую веру. Но вначале они скорее готовы были пойти на то, чтобы их всех вырезали, чем согласиться с отказом от своих суеверий и идолопоклонства. В их верности можно было удостовериться только после того, как им была предоставле-

на полная свобода в вере или в неверии. Тем из них, кто принял христианство, царь Алексей Михайлович даровал дворянство. Таким он давал различные свободы и привилегии, благодаря чему очень многие перешли в русскую церковь.

Петр Великий послал к ним учителей и наставников, которым повелел с большой снисходительностью преподавать татарам основы христианского вероучения. Усилия учителей оказались не бесплодными, однако, по Божьей воле, на обильный урожай можно было надеяться только в будущем.

Научные исследования на Руси в некоторой мере проводились уже в конце IX столетия, когда в этой стране начали употреблять славянский язык в письменных сочинениях. Но высшее духовенство в силу своих особых иерархических намерений держало их в прикровении. И в таком положении они находились вплоть до того, пока их, наконец, не извлекли из темноты при царе Михаиле Федоровиче. Но тогда это были лишь слабые проблески. При Алексее Михайловиче науки показали чуть более яркий свет, который однако набирал силу. При Петре Великом и при Екатерине они вдруг засверкали на русском горизонте. А в славное правление императрицы Анны достигли солнечного сияния, распространяя свои яркие лучи далеко и широко. И если принять во внимание уже упомянутое ранее особое природное качество русской нации, то тот факт, что искусства и науки в России возросли столь быстро и за короткое время достигли такого необычайного развития, не вызовет чрезмерного удивления. Петр Великий с его светлым разумом ухватил дело с нужного конца, учредив во всех городах и даже в больших селах школы, в которые послал людей, способных обучать юношество основам религии, а также чтению и письму. Несколько пленных шведских офицеров открыли в Сибири школу, где стали преподавать молодым людям латынь, немецкий, французский и другие языки и кроме того этику, математику, а также различные дисциплины для те-

лесного развития, как то фехтование, верховую езду и пр. Школа эта у русских пользовалась такой славой, что люди со всех концов государства стали посылать туда своих сыновей, чтобы научить их там всему хорошему. К тому же русский монарх кроме названных нами малых школ повелел открыть в каждой российской губернии по одной главной гимназии и выделил на это определенные монастырские средства, которые после кончины старых монахов должны были расходоваться по его усмотрению. Однако в связи с недостаточностью сведений на этот счет мы не в состоянии сообщить, насколько претворилось в жизнь его доблестное решение. Во всяком случае известно, что в городе Москве уже давно процветают целых три прекрасных гимназии, основанных Петром Великим, где профессорами назначены самые толковые люди, приглашенные сюда из других городов Великороссии, а также прочих стран.

В первой из трех московских гимназий в различных классах преподаются теологические и гуманитарные дисциплины. Всего в ней обучается от четырех до пяти сотен учеников. Профессорами назначены русские монахи, получившие образование в Польше, на Украине, в Пруссии и даже в Германии и Италии.

В классах второй гимназии преподаются арифметика, геометрия и вся математика. В ней обучается в общей сложности от шести до семи сотен молодых людей. Профессорами же являются частично русские, частично иностранцы.

В третьей гимназии юношеству преподаются только те науки, которые имеют отношение к морскому делу. Кроме того молодых людей раза два в неделю водят в обсерваторию. Они изучают счет, рисование, а также получают знания, необходимые для овладения механическими ремеслами и механикой как наукой.

В Петербурге процветает всемирно известная Императорская Академия наук. Должности в ней занимают самые толковые и образованнейшие люди, каковых можно было отыскать в Германии, Франции, Англии и Голландии.

В Академии с большим успехом изучаются такие дисциплины, как ораторское искусство, мораль, метафизика, а также география, история, математика, астрономия, Jus Publicum*, физиология, экспериментальная физика, экспериментальная химия, анатомия, ботаника, римская и греческая античность и др. В Морской Академии, также находящейся в Петербурге, молодые люди совершенствуют свои познания в морском деле. Таким образом в этих школах возрастают те, кто послужит государству в различных делах, а также на войне, те, кто составит честь и славу своего отечества. Кроме названных школ многие русские духовного звания обучаются в Киеве, Праге и даже в Риме. Дворянство же совершенствует свои знания в немецких, французских, английских и швейцарских академиях. Петр Великий издал закон, по которому человек, имеющий 500 рублей дохода и не желающий, чтобы его сыновья обучались иностранным языкам, искусствам или наукам, лишается права передавать свое имущество по наследству необученным сыновьям, а должен оставить его ближайшим родственникам по мужской линии. С тех пор в России не найдется ни одного человека благородного происхождения, имеющего достаточное состояние, который в свое время не посылал бы сыновей на учебу.

Таким образом, сегодня среди русских уроженцев встречается не только большое количество образованных людей, подвизающихся во всех видах наук и пишущих научные сочинения, но и неисчислимое количество архитекторов, механиков, художников и заводчиков, представляющих все мыслимые искусства и профессии. С.-Петербург как бы является русскими Афинами, где как местные жители, так и иностранцы, желающие по-настоящему чему-то научиться, могут достичь этого в совершенстве. Академия наук располагает самой совершенной аппаратурой, всеми видами математических инструментов, а также барометрами, термомет-

---

* публичное право (лат.).

рами, подзорными трубами, оптическими приборами, различными механизмами и тому подобным.

Любители же книг смогут найти самые изысканные, совершенные сокровища в несказанно богатой Императорской библиотеке. А знатоки живописных полотен увидят в Академии собрание редчайших работ, написанных лучшими мастерами, подобное которому вряд ли где еще можно встретить.

Тем, кто находит удовольствие в занятиях нумизматической наукой, представится необычайная возможность посетить Императорский кабинет монет и медалей, располагающий огромным количеством предметов, нигде более не встречающихся.

Те, кто интересуется естественнонаучными предметами, а также собранием древностей или различных кунштюков, могут осмотреть соответствующие кабинеты в Императорской Академии, например, коллекцию естественнонаучных предметов, которую собрал Альберт Себа и позднее купил Петр Великий, равную ей вряд ли можно найти. Тут можно увидеть и удивительное множество редчайших древностей и кунштюков, собранных во всех четырех частях света. Среди последних особого восхищения достойны токарные работы Петра Великого, слывшего непревзойденным мастером этого дела.

Любители астрономии могли бы посетить в Академии превосходную Императорскую обсерваторию, оснащенную всеми необходимыми инструментами и приборами, и там обратить внимание на всемирно-известный глобус Готторфа.

Те же, кто интересуется ботаникой, найдут на так называемом Березовом острове, относящемся к Петербургу, ни с чем не сравнимый аптекарский сад, заполненный не только всеми видами местных трав, но и бесчисленным количеством редчайших чужеземных цветов, трав, растений и кустарников. Возможность увидеть разнообразные анатомические и хирургические операции предоставляется в обоих прекрасных Инвалидных домах, построенных по указанию Петра

Великого для раненых солдат и матросов, более непригодных к тяжелым видам службы. Ведь здесь в течение года проводится больше операций по расчленению тела, чем в других известных заведениях за двадцать лет. Здесь и дня не проходит без особо редкой хирургической операции. В Императорском Анатомическом театре среди прочего можно осмотреть анатомическую коллекцию знаменитого амстердамского профессора Рейша, которую за весьма большую сумму приобрел Петр Великий. В упомянутых Инвалидных домах находятся все хирургические инструменты, когда-либо изобретенные для хирургических операций и используемые в них.

Достойна внимания и ценна также Императорская типография, не имеющая себе равных по хорошему оборудованию и количеству литер как западных, так и восточных языков. Когда в 1732 г. большое китайское посольство оказало честь типографии своим посещением, типографский пресс выдал должности и собственные имена высоких гостей. Отметим, что посольство лишь незадолго перед этим дало названия китайских должностей своих членов, которые были весьма приятно удивлены, увидев их наряду с русским и латинским переводом, и таким неожиданным образом могли убедиться в качестве петербургской печати.

В расположенных под Петербургом металлургических и плавильных заводах, где работают искуснейшие мастера, можно ознакомиться не только со всевозможными видами металлов, минералов и горных пород, добываемых на горных заводах, но одновременно и увидеть, как они обрабатываются перед плавкой, чтобы быть пригодными к обычному употреблению. <...>

В Императорских увеселительных садах вы увидите самые роскошные сооружения для развлечений, редчайшие статуи, драгоценнейшие оранжереи и зверинцы, а также различные лабиринты, гроты, фонтаны, каскады и тому подобное.

Для тех же, кто своей профессией избрал военное дело,

будет интересно понаблюдать, как на больших плацах упражняются солдаты, воочию посмотреть на то, что происходит при перестрелке, баталиях, осадах.

На Адмиралтейском дворе вы можете увидеть все материалы, потребные для кораблестроения и морского дела, а также посмотреть собственными глазами на то, как строятся военные корабли, фрегаты и галеры, как их оснащают, как спускают со стапелей. Река Нева постоянно заполнена торговыми судами, принадлежащими всевозможным нациям. На ней можно увидеть не только корабли, но и различные яхты, шмаки, баркасы и прочие мелкие суда, в необычайном количестве снующих под парусами туда-сюда.

Императорский флот находится в Кронштадте. Любители зрелищ имеют возможность убедиться, в каком порядке там все содержится, а также почти ежедневно наблюдать морские маневры. Однако с особым торжеством они проходят в дни больших праздников, а также по поводу радостных общественных событий.

Лежащая против Кронштадта морская крепость Кроншлот имеет чрезвычайное значение. Она настолько достопримечательна, что не может быть в своем роде сравнима ни с чем на свете.

Императорские цейхгаузы и арсеналы наполнены огромным количеством отменного и искуснейше выполненного артиллерийского оружия. В них находится невероятное множество различных ружей, снаряжения и приборов для военного дела. А любители фейерверков увидят здесь все, чем располагают мастера этого искусства как для увеселительных целей, так и для использования всерьез.

В императорских пакгаузах и складах купцы обнаружат все виды изысканных и нужных им товаров, которыми они хотели бы торговать.

Что же касается Императорского двора, его роскоши, славы, мудрого ведения дел, формы правления и экономической стороны, то об этом лучше уж просто промолчать, чем говорить недостаточно <...>.

Сама природа предрасполагает русских к тому, чтобы заниматься мануфактурным делом. За совсем короткое время они преуспели в этом настолько, что не просто сравнялись со своими иностранными учителями, но и во многом превзошли их. Мануфактурой здесь занимаются на многочисленных прекрасно оснащенных фабриках, рассыпанных по всей России. Например, в Петербурге изготавливаются серебряные и золотые ткани, позументы и кружева в нужном количестве и требуемого качества. Причем отметим, что хотя эту фабрику основали люди благородного происхождения и весьма состоятельные, она пользуется большими привилегиями со стороны Императорского двора.

Российским мануфактурам по изготовлению шелковых и шерстяных тканей какое-то время мешала чужая зависть и ревность, однако длилось это недолго, ныне дамаст и шелка из России часто можно увидеть в других странах. Однако надо сказать, что в этом отношении у России перед остальными есть и свои преимущества: ведь шелк-сырец она частично получает из Персии, притом очень дешево, а также использует тот шелк-сырец, что поставляется из Астраханского уезда.

Овчарни, поставляющие сырье суконным мануфактурам, устроены по немецкому образцу. И если прежде шерсть обрабатывалась на чужбине, то теперь в собственной стране. Касторовые шляпы, чулки, перчатки, пуговицы, изделия из корда делаются сейчас в России столь хорошего качества и так дешево, что больше нет смысла ввозить подобный товар из других стран.

В полумиле от Петербурга производится такой хороший лен, что мало уступает голландскому. При этой фабрике построен прядильный цех, где развратные особы женского пола искупают свое беспутство и учатся прядь под ударами плетки.

Для улучшения льно- и коноплеводства устроены необходимые учреждения. Полотнища для парусов, а также канаты и снасти разных видов, потребные для морского дела,

также изготавливаются в Петербурге в таком количестве и такого качества, что у императорской короны нет нужды закупать их за границей.

Русские издавна занимались изготовлением изделий из юфти. Они овладели искусством, как придавать этому виду кожи присущий только ей запах, что держали в большой тайне. В искусстве выделки юфти никто не мог повторить русских и причинить ущерб их монополии на это <...>. Лучшие изделия из юфти изготавливаются в Ярославле, Костроме, Новгороде и Пскове. А торговля ими приносит российскому государству ежегодно до восьми миллионов дохода. Что же касается ежегодного производства в России несметного количества изделий из черной или окрашенной кожи, а также из замши, это просто не поддается описанию.

В Сестрорецке в Карелии находится известная во всем российском государстве фабрика по производству благородных сортов меди, железа и стали. Там же изготавливаются различные мелкокалиберные виды оружия и другие товары, например, такие, как гильзы, мушкеты, ружья, пистолеты, клинки и ножи для шпаг, ножи, ножницы, а также всевозможные инструменты для ремесленников. Однако молотки и подобные им предметы по большей части производятся с помощью машин. Однажды там провели такой эксперимент: рано утром было заказано ружье, в один день его выковали, выточили, подогнали, сделали затвор и приклад и к вечеру в совершенно готовом виде вручили заказчику. На этой фабрике выполняется более тонкая и искусная работа, чем на многих подобных европейских фабриках, пользующихся уже немалой славой. В Испанию были отправлены целые корабли с ее изделиями, что принесло ей богатые доходы. Сейчас там работают исключительно русские. Точно такая же фабрика находится и в Олонце, о чем мы ранее уже упоминали.

В Толмачеве в Сибири и в Алапаевском уезде, а также в Екатеринбурге есть фабрики по производству проволочного металла и клинков для шпаг. В Каменске отливаются пули,

снаряды, гранаты, кроме того котлы, горшки, чугушки и пр. В Императорских литейных в Петербурге отливаются такие металлические изделия, как крупнокалиберные орудия, колокола, столбы и тому подобное. На пороховых заводах под Петербургом и Москвой производится такое количество пороха, что полностью покрывается потребность в нем не только в собственном государстве, но и иностранные государства по желанию могут иметь его в достаточной мере.

Бумажная фабрика под Дудергофом в Ингерманландии поставляет невероятно много бумаги, причем столь же хорошего качества, как французская и голландская. А пергаментные фабрики Петербурга и Москвы производят его столько, что Россия уже не нуждается в пергаменте, привозимом из-за границы. <...>

Наряду с мануфактурным делом русский народ в основном склонен также к коммерции. Еще в древности русские получили от Константина Порфиросного грамоту о том, что могут торговать на Черном море вплоть до Константинополя и в Сирии. Их древние города-верфи, например, Ладога на озере с тем же названием, или Чердынь на Каме, писателям прошлого были неизвестны. Есть сведения, что они вели торговлю на территории вплоть до Арконы, Юлиха и Висби, привозя туда с юга несметное количество товаров, пока, наконец, Венеция не завладела персидской торговлей, а португальцы и испанцы не открыли торговые пути в Ост-Индию и Вест-Индию. Впоследствии устроенное таким образом древнерусское торговое дело пришло в упадок, и так как русские были отрезаны от Балтийского моря, попало в забвение. Позднее же ганзейские города и англичане, открывшие при королеве Марии путь к Архангельску, а также голландцы, получившие при Михаиле Федоровиче право свободной торговли на Руси, долгое время пользовались преимуществами, извлекаемыми из русской коммерции. Это известно всему миру. Остается только удивляться, что русская нация на столь долгие годы спокой-

но предоставила иностранцам получать те доходы, которые она сама могла бы иметь от собственных торговых дел.

Если посмотреть на Великороссию в ее теперешней ситуации, то можно сказать, что никакое иное государство на земле во всех четырех частях света не имеет более удобного расположения для ведения торговли. На своей огромной территории оно имеет выходы к Балтийскому и Белому морям, к Ледовитому и Тихому океанам, а также к Каспийскому, Азовскому и Черному морю. Реки, которыми сплошь покрыта страна, по большей части судоходны. Это Днепр, Дон, Волга, Ока, Москва, Кама, Северная Двина, Вятка, Юг, Тверь, Волхов, Вымь, Мезень, Печора, Тура, Пижма, Исеть, Нева, Тавда, Тобол, Обь, Иртыш, Енисей, Лена, Кеть, Ангара, Чулим, Алдан, Мая и другие реки. Волга соединяет Каспийское и Балтийское море. Дон впадает в Азовское море и таким образом далее соединяется с Черным морем, куда впадает Днепр. Во времена Петра Великого появился проект, как в будущем обеспечить для российского государства неоспоримые преимущества, соединив различные реки, например, такие, как Двина, Тавда, Иртыш, Обь, Кеть, Енисей, Шилка, Амур и озеро Байкал, проложив таким образом от Архангельска до Тихого океана путь торговым судам. Большинство из названных здесь рек имеют удобные стоянки, места для рейда, гавани и площади для торговли. Среди них выделяются С.-Петербург, Рига, Ревель, Нарва, Москва, Тула, Архангельск, Вологда, Владимир, Кострома, Тверь, Нижний Новгород, Псков, Великий Новгород, Холмогоры, Ярославль, Молога, Углич, Киев, Тобольск, Тюмень, Нарым, Томск, Вятка, Екатеринбург, Орск, Казань, Астрахань, Дербент и Азов.

Иоанн Васильевич II видел, что его государству будет весьма выгодно использовать преимущества своего расположения для коммерческих целей. Еще он в свое время выражал желание снова получить доступ к Балтийскому морю для устройства удобного торгового пути в европейские страны. Но для осуществления данного желания он столкнулся

со столь многими препятствиями, что действительностью оно так и не стало.

С препятствиями однако счастливым образом покончил Петр Великий, который открыл себе и своим подданным пути, бывшие закрытыми во времена его предшественников.

И тут вскоре стало понятно, что русскому народу отнюдь не чужды сноровка, разумность, желание и усердие к ведению больших коммерческих дел. Оказалось, что были правы те, кто приписывал русским природную склонность к торговле. С тех пор во всех известных гаванях, морских портах и торговых городах можно увидеть русские корабли и русских торговых людей, которые предлагают там свои товары и возвращаются домой с товарами, необходимыми в России.

Ежегодно большие русские караваны идут через Орду в Китай, где они торгуют мехами и изделиями российских мануфактур, а оттуда возвращаются с изысканными китайскими товарами. Торговле с бухарцами и индостанцами счастливое начало было положено во вновь построенном городе Орске. Через Астрахань ведется большая торговля с Персией, а также землями, расположенными у Каспийского моря. Заметим, что русские ведут в Персии свободную торговлю, а товары, которые они ввозят и вывозят, персидской пошлиной не облагаются. В Астрахань приезжает большое число армян, запасавших там все, что нужно. Азов служит складом для турецких и татарских товаров. А через Киев производится торговля с Литвой, Украиной, Молдавией, Валахией и т.д. и т.д. Через город Москву по всему государству распространяется огромное множество товара. Через Москву переправляется также большая часть товаров, которые затем через Архангельск и Петербург доставляются в другие страны. Тобольск является складом для сибирских товаров и кроме того для большей части товаров, переправляемых из Большой Орды. Что же касается значения Камчатки для развития российской коммерции, это покажет будущее.

С.-Петербург сейчас является центром всей русской тор-

говли. Отсюда, как и из Архангельска, российские товары вывозятся в Померанию, Мекленбург, Любек, Гамбург, Бремен, Гольштинию, Шлезвиг, Данию, Норвегию, Швецию, Голландию, Англию, Францию, Испанию и Португалию. Из России прежде всего вывозятся всевозможные зерновые: это рожь, ячмень, овес, просо, гречиха, горох, а также бобовые, кроме того льняное и конопляное семя, льноволокно, конопля, ревень, корень нинфи или женьшень. Вывозят вайду и марену, используемые для крашения, а также рогожу, липовое лыко, канаты и тросы, смолу, деготь, канифоль, поташ, мыло, льняное, конопляное и ореховое масло, разного рода древесину, как то бревна, еловый лапник, мачтовое дерево, а также дерево для балок, досок. Еще назовем кожаное сырье, а также кожу после различной обработки и прежде всего юфть. Кроме того из России вывозятся разнообразные меха: соболь, куница, чернобурая лиса, горноста́й, белка, астраханский барашек, лосиная, оленья, тигровая, медвежья, волчья, рысья и росомашья шкура, шкура дикой лошади, тюлений мех и свиная щетина. А также сало, мед, воск, сальные свечи, тюлений жир, икра и соль. Упомянем, что среди татар и монголов весьма выгодно продается бисер, маленькие окрашенные стеклянные шарики. Среди прочих товаров, которыми торгует Россия, назовем еще драгоценные изделия из Персии и Китая, а также шелк, хлопок, другие ткани, равно как и всевозможные изделия из чугуна, стали и меди, изготавливаемые на российских заводах <...>.

Что касается государственного состояния Российской империи, то известно, что ранее русская духовная иерархия подчинялась Константинопольскому патриарху и что в 1588 г. впервые русским патриархом стал Иов, посвященный в этот сан Константинопольским патриархом Иеремией. С того времени Русская церковь собственно управлялась своими Патриархами, однако по важным духовным делам постоянно обращалась на Константинопольскую кафедру, как об этом можно судить по последнему обращению

царя Алексея Михайловича к Патриарху Константинополя. Русский патриарх Никон опрометчиво отлучил его, однако Константинопольская кафедра признала невиновным. Никон же, напротив, из-за своей опрометчивости был лишен патриаршего сана.

После смерти последнего русского Патриарха, Адриана, Петр Великий упразднил этот сан и объединил высшую духовную и высшую светскую власть под началом своей собственной персоны, объявив себя полномочным и высшим главой Русской церкви, и таким образом сразу покончил как с авторитетностью Константинопольского патриарха для данной Церкви, так и значением русского Патриарха <...>. Он учредил Синод или Духовную обер-коллегию и назначил архиепископа Рязанского, бывшего патриаршим экзархом, его вице-президентом, шесть епископов советниками, шесть архимандритов заседателями, председательство же на случай крайней необходимости оставил за собой. При Синоде есть обер-прокурор, обер-секретарь, еще несколько секретарей, это светские лица; под его управлением юстиц-контора, камер-контора и контора по делам школ и типографий. Если в Синоде рассматриваются вопросы особой важности, имеющие государственное значение, то о них должно быть доложено в Императорском Сенате. В подобном случае все члены Синода собираются в Сенате и заседают вместе с сенаторами. Как правило, в большинстве губерний есть свои архиепископы и епископы. Архимандриты управляют только подчиненными им монастырями. В городах средней величины служат протопопы или протоиереи.

Светское правление имеет абсолютную форму, по типу азиатских и восточных государств. Российские монархи правят страной с такой неограниченной властью, какой нет ни у одного из европейских властителей. По своему произволу они ведут суд над жизнью и имуществом как высших, так и низших лиц. В духовных делах они также обладают высшей и полномочной властью, например, по своему усмотрению вмешиваются в последование богослужений. По собственно-

му желанию они определяют и то, что ввести в общественное образование, а что изъять. Говоря суммарно, российские монархи и в духовном и в светском отношении являются суверенами, более полная и мощная власть просто немислима.

Императорский Государственный и правительственный совет объявляет монаршью волю всем высшим гражданским и военным чинам. Здесь регулируются важные для государства дела, подготавливаются договоры о мире, объявления о вступлении в войну, о заключении союзов, на высоком уровне проходит обсуждение всех мероприятий, направленных на укрепление внешнего положения, рост и процветание монархии. Затем Государственный совет обязан обеспечить выполнение соответствующих распоряжений на местах.

Сенат состоит из самых благородных и состоятельных лиц Империи, он ведаёт высшими государственными делами, касающимися внутреннего законодательства, общего состояния и развития Российской империи, занимается делами губерний, а также готовит все важные документы о назначениях на должность, о наградах и т.п. В Сенате обсуждаются реляции, внесенные другими коллегиями, улаживаются споры среди высшего духовенства, ведутся дела по апелляциям, расследуются особо важные государственные преступления и т.д. Однако в своей деятельности Сенат ни на шаг не отступает от волеизъявления и распоряжений монарха, за которым во всех случаях остается высшее руководство.

Военная коллегия обязана следить за всем, что связано с боеготовностью на суше. Ее усилия направлены на то, чтобы армии имели хорошо укомплектованный состав, чтобы крепости, цейхгаузы и провиантские склады были надлежащим образом снабжены всем необходимым. В задачи высших военных чинов входит подготовка ответов на запросы монарха и соответствующих резолюций. Апелляции, возникающие внутри армии, разбираются также в этой коллегии. Кроме того коллегия производит назначения на вакантные

должности, отбирая достойных и хороших людей, рекомендуемых генералитетом.

Адмиралтейская коллегия обеспечивает боеготовность на воде. Она отвечает за состояние флота, морских гаваней, военных складов и arsenалов. В ее ведении все спорные дела и происшествия, а также проверка паспортов приплывающих кораблей и пассажиров, кроме того она определяет судьбу грузов с захваченных во время войны кораблей, равно как и судов, потерпевших кораблекрушение. Коллегия готовит свидетельства на звания морских офицеров и передает распоряжения и инструкции адмиралам, морским командирам, военным судам.

Финансовая коллегия осуществляет контроль за доходами империи и ведает регулированием, успешным ведением, размещением, распределением и учетом имперских финансов. Данная коллегия делает свои распоряжения лицам, занимающимся имперскими доходами в провинциях, определяя назначения на должность и помогая в спорных случаях, возникающих в финансовом деле.

Юстиц-коллегия бдительно следит за тем, чтобы каждому подданному империи были обеспечены равные права. Она занимается как гражданскими, так и уголовными делами, принимает решения по апелляциям, приходящим из провинциальных судов, а также штрафует судей, преднамеренно нарушивших законы.

Коммерц-коллегия радеет о процветании торговли. Здесь в весьма краткие сроки принимаются решения по ошибкам, произошедшим в купеческо-торговых операциях. Коллегия помогает каждому, кто обращается к ней с каким-либо прошением, в соответствии с введенным в России вексельным правом.

Берг-коллегия занимается разработками в области минералогии и следит за развитием уже существующих горных заводов.

Генеральное Императорское почтовое ведомство занимается организацией, усовершенствованием и управлением разных видов почтовой связи.

В ведении полицейской палаты находится обеспечение безопасности города Петербурга ночью, а также организация пожарной безопасности и благоустройство города, т.е. поддержание зданий, колодцев, уличных фонарей и т.п. Кроме того сюда относится полицейское дело в провинциях, забота об его управлении.

Все названные коллегии располагаются в Петербурге. Принимают в них только тех, кто имеет достаточные заслуги и опыт в определенном деле, кто может исправно выполнять возложенные на него функции, чтобы с пользой служить своему государству.

Доходы российских монархов нельзя определить в точных суммах, обо никакая другая нация в мире не ведет свои дела в большей тайне, чем русская. Таким образом, можно лишь предполагать, какие огромные денежные суммы и ценности стекаются в имперскую казну. В то же время по поводу невероятных расходов Российской империи возможны также только догадки. Вероятно, весьма правы те, кто оценивает состояние российских монархов на сумму свыше 60 миллионов рублей или 240 миллионов ливров. Петр Великий имел роскошный двор, он совершал много далеких путешествий, поставил на ноги несколько армий, которые были прекрасно оснащены всем необходимым. Более двадцати лет он вел войны, основал хорошо оснащенный флот. Выплачивал своим союзникам большие субсидии, при всех иностранных дворах содержал дорогие и роскошные посольства. Он выплачивал многочисленные пенсии иностранным офицерам, ученым и художникам. Построил несколько больших городов, крепостей, морских гаваней, а также замков, монастырей, увеселительных домов и садов. Он прокладывал каналы, которые всех удивляли, покупал ценные и редкие предметы, однако необходимые для этого средства всегда изыскивал в собственном государстве <...>

Остальные денежные доходы состоят из штатных и внештатных вложений, насчитывающих свыше восьми миллионов. Примерно столько же дают налоги с имущества, а

также так называемый оброк и налог на наследство. Не намного меньшую сумму приносят и налоги, собираемые прежде всего с сельских жителей: за мельницы, рыбную ловлю, пчеловодство, луга, сады, а также с кирпичных заводов, смолокурен и т.п. Это приносит от пяти до шести миллионов.

Питейные заведения и кабаки, где продают пиво, медовуху и водку, подчинены императорской короне. По этому каналу в казну попадает почти все, чем владеют и что ежегодно получают простолюдины.

В ведении короны и общественные бани. Люди благородного происхождения и состоятельные имеют собственные домашние бани, за что платят определенную сумму в императорскую казну. И поскольку русские не могут отказаться от бани, означающей для них почти то же, что еда и питье, доходы от питейных заведений и бань оцениваются, по меньшей мере, на восемь миллионов.

Так же обстоит дело и с соляными заводами, приносящими империи до четырех миллионов дохода.

От торговли юфтью казна ежегодно получает не меньше одного миллиона. Кроме того Империя пользуется монополией на торговлю ревенем, икрой, вяленой рыбой, вином, табаком, поташем, смолой, дегтем и рыбьим клеем, ежегодный доход от которой составляет около десяти миллионов. Новые горные заводы, кузницы, выпускающие изделия из чугуна, стали и меди, производства жести, проволоки, оружия и прочие фабрики и заводы, а также чеканка монет, почтовое дело, паромная переправа на реках и каналах и т.д. и т.д. приносят казне ежегодно примерно четыре миллиона дохода.

Кроме вышеназванного российские монархи также располагают весьма важными видами доходов и субсидий, которые, хотя находятся и не в наличных деньгах, представляют для них такую же пользу и выгоду, что и наличные, поскольку империя сохраняет таким образом многие миллионы. Иначе эти суммы оказались бы за пределами страны.

Ведь у империи так много своих собственных чугуна, стали, меди и свинца, селитры, серы, дегтя и смолы, дубового и букового леса, конопли, льна и тому подобного, что добывается и произрастает внутри страны. Посему российские монархи в состоянии без особых затрат снабдить всем необходимым армию, флот, заполнить арсеналы и военные склады изделиями собственных литейных заводов, пороховых заводов и фабрик по производству оружия. Добавим, что российские монархи могут, например, вооружить мощный флот и поддерживать его в должном состоянии с куда меньшими финансовыми издержками, чем все прочие властители.

Богатые зерном провинции ежегодно отправляют в армию и во флот определенные количества ржи, овса, гороха, различных круп, заполняя ими продуктовые склады и провиантские дома. Поставки эти осуществляются в натуральном виде, они, смотря по обстоятельствам, производятся то в большем, то в меньшем объеме. Таким образом, не только армия, флот и военные склады обеспечиваются необходимыми продуктами без всяких издержек со стороны двора, но от названных зерновых каждый год остается еще столь значительная часть, что она может выдаваться гражданским служащим в виде частичной оплаты натурой. Мы уже не говорим, что и без того российские служащие, а также офицеры и солдаты, по сравнению с иностранными, обходятся меньшими деньгами и более скромным довольствием. Наконец, добавим, что провинции набирают нужное число рекрутов для армии и флота и проводят ежегодно их доставку на место, при этом императорской короне не приходится ничего тратить. Подобным же образом провинции посылают и ремесленников, столяров, плотников, каменщиков, кузнецов, каретников и т.д., на службу для империи, а также в меньшем количестве отправляют на барщину крестьян для строительства крепостей, копки каналов и прочих подобных работ, причем если первые должны обеспечить себя пропитанием в дороге, то последние обязаны обеспечить себя продуктами на целых шесть месяцев.

Казаки и татарские войска по приказу российских монархов должны участвовать в военных походах и служить безвозмездно, к тому же татар используют и для обычных армейских работ. Тот, кто имеет представление об экономической стороне жизни великих властителей, поймет и без нас, какие огромные миллионы экономятся при этом короной <...>.

Поэтому просто глупо предполагать, как это делает наш автор письма, что у Российской империи недостает денег для содержания трех-четырёх сотен тысяч сухопутного войска и серьезного морского флота. Или когда он утверждает, что из страха перед персами казаки, татарские войска и нерегулярные российские части по охране порядка промаршировали многие сотни миль. Глупо насмешничать и по поводу «слухов» о великой мощи этого государства.

Что касается первого из рассуждений нашего автора, то мы уже говорили, что у российских монархов нет недостатка ни в численности армии или флота, ни в оборонительных войсках на территории собственной страны. У них также достаточно доходов и прочих средств, чтобы хорошо содержать их. Далее: к данному времени дело обстоит так, что в Персии действует боеспособная русская армия, при этом не наблюдается отхода войск в каком-либо ином месте. А если потребуют обстоятельства, то войска — как на суше, так и на воде — можно будет поддержать подкреплением.

И наконец, если у Кули-хана или кого бы то ни было еще возникнет желание вновь присоединить к персидскому государству те земли, которые навечно отошли к Великороссии согласно соответствующим трактатам и мирным договорам, заключенным персидскими шахами в 1712 и 1723 гг., то он увидит перед собой людей, знающих, как можно с настойчивостью отстаивать права на владение и привилегии их самодержавной правительницы.

⁶ Сказанное настолько нелепо, туманно и непонятно, что дает повод за разъяснением обратиться к оракулу. Но поскольку оно, разъяснение этого места, содержится уже в следующем

письме, хочется избежать необходимости лишней раз доказывать тысячекратную лживость автора.

⁷ То, что это утверждение является ложным, может с легкостью доказать любой. Нигде в мире нет второго такого государства, где бы люди, состоящие на военной службе, с большим тщанием, чем в России, изучали необходимые им науки. Тот, кто знает русских офицеров или хотя бы слышал о них, понимает, что последние владеют правилами военной науки точно так же, как и офицеры прочих порядочных стран.

⁸ Это также является откровенной ложью. Напротив, воистину можно утверждать, что никакие войска по охране порядка не приучены к большей умеренности и трезвости, чем русские. Кто видел русских солдат, должен подтвердить это собственным свидетельством. Когда недавно стоявшие на Рейне русские снова маршем отправились домой, благородные господа то там, то сям на их пути для подкрепления выставляли крепкие напитки и белый хлеб, причем каждый солдат, мог получить столько, сколько захочется. Но как нечто особенное было замечено то обстоятельство, что лишь совсем немногие пользовались предложенными дарами, хотя дело было зимой и люди уже проделали утомительный четырех-пятичасовой марш. Смогли бы войска других наций проявить такую умеренность? Предлагаем при возможности это проверить.

⁹ Кажется, автора письма раздражает, что в России существует закон, запрещающий обнажать шпагу, и что за его выполнением следят с постоянным тщанием. Как предполагаю, автору однако известно, что во Франции существует точно такой же закон, несомненно, он сам должен был наблюдать там действие оного. Ему-то следовало бы искать объяснения истории с побегом не в шпаге, а всего лишь в ножнах. Выше ... мы уже объясняли, какое отношение автор имеет к этому российскому закону. В общем же известно, что честолюбивые офицеры России из-за нанесенных им оскорблений в любое время безотлагательно могут получить

сатисфакцию такого рода и им совсем не нужно жаловаться. В случае, если они не получат удовлетворения законным путем, им так же хорошо, как и французским офицерам или всех прочих стран, известно, что с помощью уверток и исключений данный закон можно обойти. При необходимости они прекрасно сумеют этим воспользоваться.

Короче говоря, утверждение, что русские офицеры никогда не разрешают свои споры иначе, чем кулаком и палкой, является позорной ложью.

- ¹⁰ Подобную невразумительную болтовню мы рассмотрим там, где это будет уместно.

Перевод Е.Г. Владимировой

Комментарии

- С. 232 *Станислав Лещинский (1677—1766)*, польский король в 1704—1711 гг. (избран под нажимом шведов) и в 1733—1734 гг. После поражения шведов под Полтавой в 1709 г., лишенный их поддержки, эмигрировал во Францию. В 1725 г. выдал дочь замуж за Людовика XV. В 1733 г. восстановлен французской дипломатией на польском престоле, но в ходе войны за Польское наследство был изгнан из страны. По Венскому миру 1738 г. отказался от претензий на польский престол.
- С. 233 *...в Польше началась война.* — Война за Польское наследство (1733—1735) между Россией, Австрией и Саксонией, с одной стороны, и Францией с другой. Поводом послужили выборы короля на польский престол после смерти Августа II. Франция выдвинула кандидатуру Станислава Лещинского, утверждение которой могло привести к созданию против России блока государств под руководством Франции. Россия и Ав-

стрия поддержали саксонского курфюрста Фридриха Августа II. По просьбе польских магнатов царское правительство ввело в сентябре 1733 г. в Польшу войска. 12 сентября 1733 г. на сейме в Варшаве Станислав Лещинский был избран королем. Часть шляхты и магнатов 5 октября на территории, занятой русскими войсками, избрала на престол Фридриха Августа (Август III). В ходе начавшихся военных действий русские войска в январе 1734 г. заняли Торунь, а 7 июля Гданьск. Лещинский бежал, большинство польских магнатов перешло на сторону Августа III. Война закончилась подписанием в октябре 1735 г. прелиминарного, а в ноябре 1738 г. окончательного мира между Австрией и Францией, к которому в 1739 г. присоединилась Россия, Польша и др. Франция признала польским королем Августа III.

С. 235 *...снова вернуть персидскому государству все те прекрасные провинции, что незаконным образом захватили себе московитяне. — Персидский поход 1722—1723 гг. русской армии и флота под командованием Петра I в прикаспийские владения Ирана с целью оказать помощь народам Закавказья в освобождении от иранского господства, обеспечить торговые связи России с восточными странами и воспрепятствовать турецкой агрессии в Закавказье. 12 сентября 1723 г. иранское правительство заключило Петербургский договор, по которому к России отошли Дербент, Баку, провинции Ширван, Гилян, Мазендеран и Астрабад. В 1735 г. прикаспийские области были возвращены Ирану.*

С. 236 *Держать в подчинении Украину <...> интерес к этой стране связан с турецкими делами... — В XVII—XVIII вв. русско-турецкие войны являлись продолжением борьбы России против Османской империи и ее вассала — Крымского ханства. После захвата*

Подолии в результате польско-турецкой войны 1672–1676 гг., турецкое правительство стремилось распространить свое господство на всю правобережную Украину. В 1710 г. Турция была втянута в Северную войну и объявила войну России, а в 1711 г. крымские татары вторглись на Украину. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. явилась следствием русско-турецких противоречий, обострившихся в связи с русско-польской войной 1733–1735 гг. и участвовавшими набегами татар на Украину в к. 1735 г.

С. 236 ...те многочисленные части, которые им необходимо содержать в областях, отнятых у шведов. — Во время Северной войны 1700–1721 гг., когда Россия воевала со Швецией за выход в Балтийское море, русские войска в 1702 г. заняли Нотебург (переименован в Шлиссельбург, ныне Петрокрепость); в 1703 г. — Ниеншанц, Ям и Копорье; в 1704 г. — Нарву, Дерпт; в 1705 г. — Митаву (Елгаву) и Бауски; в 1713 г. — Гельсингфорс (Хельсинки) и Або (Турку), Васу (Вазу). Эти территориальные приобретения были закреплены в 1721 г. Ништадтским мирным договором.

С. 239 Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585–1642), кардинал с 1622 г., французский государственный деятель, первый министр Франции, проводил политику французского абсолютизма.

Мазарини Джулио (1602–1661), кардинал с 1643 г., французский государственный деятель, первый министр Франции, идеолог политической гегемонии Франции в Европе.

С. 241 Еще в те времена можно было увидеть, что русское государство оказывало услуги тем, кто имел дело с турками. — Русско-турецкая война 1686–1700 гг. началась с присоединения России в 1686 г. к антиту-

рецкой «Священной лиге» 1684 г. (Австрия, Речь Посполита, Венеция).

- С. 241 *Карл V* (1500–1558), император Священной Римской империи в 1519–1556 гг., испанский король (Карлос I), из династии Габсбургов.

Максимилиан II (1527–1576), император Священной Римской империи с 1564 г., австрийский эрцгерцог.

Иван Васильевич I — *Иван III Васильевич* (1440–1505), великий князь московский с 1562 г. При Иване III началось оформление полного титула великого князя «всех Руси», в некоторых документах он уже именовался царем. Вторично Иван III был женат на Софье (Зое) Палеолог, племяннице последнего византийского императора. После русско-литовских войн 1487–1494 и 1500–1503 гг. к Москве отошел ряд русских земель: Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск и др. В княжение Ивана III вырос международный авторитет Русского государства, установились дипломатические отношения с многими странами Европы, в том числе с Германской империей.

- С. 242 *Иван Васильевич II* — *Иван IV Васильевич* (Грозный) (1530–1584), великий князь с 1533 г., первый русский царь с 1547 г. В Ливонской войне 1558–1583 гг., воюя против Польши, Дании и Швеции почти в полном отсутствии союзников, разгромил Ливонский орден, овладел берегом Балтийского моря. Разработал идеологию русского самодержавия.

Петр Великий — *Петр I* (1672–1725), русский царь с 1682 г., российский император с 1721 г., государственный деятель, полководец и дипломат.

Лжедмитрий (?–1606), самозванец, авантюрист, вы-

дававший себя за русского царевича Дмитрия Ивановича, русский царь в 1605–1606 гг.

- С. 242 *Алексей Михайлович* (1629–1676), русский царь с 1645 г., отец Петра I. Главные успехи в его внешней политике: воссоединение Левобережной Украины с Россией в 1654 г. и возвращение в 1667 г. части исконной русской земли с Черниговым и Стародубом, которыми завершилась русско-польская война 1654–1667 гг. за Украину и Белоруссию.

...в 1696 г. показал туркам и крымским татарам их *Non Plus ultra*. — Азовские походы 1695–1696 гг. с целью завладеть турецкой крепостью Азов, запиравшей выход в Азовское и Черное моря. По Константинопольскому мирному договору 1700 г. России отошел Азов.

- С. 243 ...ныне ... царствующая государыня императрица... — Анна Иоанновна (1693–1740), российская императрица с 1730 г.

...немецких миль. — Географическая миля равна $1/15^\circ$ экватора, 7,4204 км.

...с Курляндией... — Курляндское герцогство, феодальное государство на территории Латвии, с 1710 г. было в сфере влияния России.

- С. 246 ...в Ингерманландии. — Ингрия или Ижевская земля, местность по берегам р. Невы и по побережью Финского залива.

...в *Верхотурских горах*. — Средний Урал, верховье р. Туры. В XVIII в. проезд в Сибирь проходил по Верхотурскому тракту, а на станции Верхотурье была таможня.

- С. 248 ...до 28 лотов самородного золота. — Лот (нем.

Lot), мера веса, применявшаяся до введения метрической системы; 1 лот равен $1/32$ фунта или 3 золотникам (12,797 г).

- С. 248 ...два с четвертью дуката чистого золота. — Дукат (ит. ducato), венецианская золотая монета весом 3,4–3,5 г золота.
- С. 250 ...завод Никиты Демидова. — Никита Демидович Антуфьев, более известный под фамилией Демидов (1656–1725), тульский кузнец, выдвинувшийся при Петре I и получивший земли на Урале, Алтае и в центре страны под строительство металлургических заводов.
- С. 251 ...Ост-Индскую компанию... — Голландская Объединенная Ост-Индская компания, монопольная торговая компания существовала в 1602–1798 гг. Ее акционеры были богатейшие голландские купцы.
- С. 252 В Даурии... — Даурская земля, русское название Забайкалья и частично Приамурья.
- В Кархари... — Кондинская низменность, Среднее Зауралье.
- С. 253 Екатерина I Алексеевна (1684–1727), российская императрица с 1725 г.
- С. 256 ...после битвы под Нарвой... — Эпизод Северной войны (см. комм. выше): летом 1704 г. русские войска штурмом овладели Нарвой.
- С. 258 ...в Писании упоминалось о том, как твари неразумные с вытянутыми шеями стремились освободиться от власти погибели... — Вольный пересказ происшедшего во время всемирного Потопа, трагического события Священной истории (Бытие 7, 21–23).
- С. 259 Ольга, христианское имя Елена (890–969), великая

княгиня киевская, в 955 г. (или 957) посетила Константинополь и приняла христианство.

- С. 259 *Владимир I Святославович* (?–1015), князь киевский с 980 г., в 988 г. женился на сестре византийского императора Анне, крестился и ввел христианство на Руси.

...Киевский митрополит Петр Могила ... в 1642 г. написал ... «Православное Исповедание». — Петр Могила (1597–1646), митрополит Киевский, в 1640 г. созвал Собор подвластных ему малороссийских епископов, на котором было решено составить книгу «Православное Исповедание» и послать к патриарху Константинопольскому на рассмотрение. Сочинителем книги был Петр Могила, но его авторство было впервые подтверждено в издании «Православного Исповедания» 1642 г., на польском языке.

...было полностью подтверждено Собором четырех патриархов греческой церкви... — На «Соборе на кальвинистов», созванном в 1643 г. в г. Яссы, книга «Православное Исповедание» была рассмотрена, исправлена и одобрена священниками-депутатами от Константинопольской церкви и для окончательного утверждения послана к Восточным патриархам. Книга долго странствовала по Востоку и была неизвестна в России. В 1662 г. «Православное Исповедание» было переведено на греческий язык и издано в Амстердаме. Лаврентий Норманн, упсальский профессор, епископ Готенбургский, перевел книгу на латинский язык и вместе с греческим текстом напечатал в Лейпциге в 1695 г. Леонард Фриш перевел книгу на немецкий язык и издал в Берлине в 1727 г.

- С. 260 *... Петр Могила перевел греческий ритуал на славянский язык <...> под названием «Требник». — Издан «Большой Требник», с приложением наставлений свя-*

щенству богословских, казуистических и обрядных, в 1646 г. в Киеве.

- С. 260 *Библия, которой пользуются русские... За основу был взят тот печатный экземпляр, который был издан по указу князя Константина в 1581 г. — Первая полная славянская Библия, Острожская, была издана в 1580—1581 гг. в г. Остроге в типографии Ивана Федорова, основанной на деньги киевского воеводы, князя Константина Острожского (1526—1608).*

...для вероучения русской церкви важны постановления семи Вселенских соборов... — Православная церковь признает лишь семь первых Вселенских соборов, происходивших до разделения церквей.

- С. 262 *Михаил Федорович (1596—1645), первый русский царь из династии Романовых, в 1613 г. избран на престол Земским собором.*

- С. 266 *...анатомическую коллекцию знаменитого амстердамского профессора Рейша, которую ... приобрел Петр Великий. — Фредерик Рейш (1638—1731), голландский анатом, с 1665 г. в Амстердамском университете, с 1685 г. профессор. В 1717 г. Петр I, обучавшийся анатомии, купил почти все его коллекции и поместил их в Кунсткамере в Петербурге.*

- С. 270 *... от Константина Порфиринозного... — Константин VII Багрянородный, Порфирородный (905—959), византийский император с 913 г. из Македонской династии.*

...до Арконы, Юлиха и Висби... — Аркона, город балтийских славян XII в. на о. Рюген в южной части Балтийского моря, был религиозным центром, объединившим ряд славянских племен. Юлих, историческая область в Северной Рейн-Вестфалии в Германии. Висбю,

главный город о-ва и лена Готланд в Швеции, порт. В Средние века — крупный торговый центр, главный посредник в торговле западных стран с юго-восточной Прибалтикой.

- С. 270 *...торговые пути в Ост-Индию и Вест-Индию.* — Ост-Индия — термин, употреблявшийся в прошлом для обозначения территорий Индии и некоторых других стран Южной и Юго-Восточной Азии; возник в противовес названию Вест-Индия — общее название островов Атлантического океана между материками Северной и Южной Америки.

...англичане, открывшие при королеве Марии... — Мария Тюдор (1516–1558), английская королева в 1553–1558 гг.

- С. 272 *...во вновь построенном городе Орске.* — Город в Оренбургской области на Южном Урале, основан как крепость в 1735 г. у впадения р. Орь в р. Урал.

- С. 273 *Иов (?–1607)*, первый русский патриарх, был избран в 1589 г., в царствование Федора Иоанновича, церковным Собором в Москве (в 1588 г. удалось добиться согласия Константинопольского патриарха Иеремии на установление патриаршества на Руси).

- С. 274 *Никон... из-за своей опрометчивости был лишен патриаршего сана.* — Никон (1605–1681), патриарх русской церкви в 1652–1667 гг. В 1653 г. начал проведение церковной реформы: исправление книг и обрядов по греческим образцам. Значительная часть духовенства выступила против нововведений, в церкви возник раскол. Никон стремился использовать реформу для укрепления церкви, вывода ее из-под опеки светской власти, усиления власти патриарха. Выдвинув тезис «священство выше царства», он пытался противопоставить власть патриарха власти царя. Разрыв про-

изошел в 1678 г., когда Никон, оставив патриаршество, уехал в Новоиерусалимский монастырь, рассчитывая, что царь вернет его. Но этого не случилось. Церковный собор 1666—1667 гг., подтвердив проведенные Никон реформы, снял с него сан патриарха. Никон был сослан в Ферапонтов Белозерский монастырь.

С. 274 *Адриан* (1636—1700), патриарх Московский (десятый и последний до 1917 г.) с 1690 г.

...назначил архиепископа Рязанского... — *Стефан Яворский* (1658—1722), с 1700 г. местоблюститель патриаршего престола, с 1721 г. президент Синода.

Н.Д.Блудилина

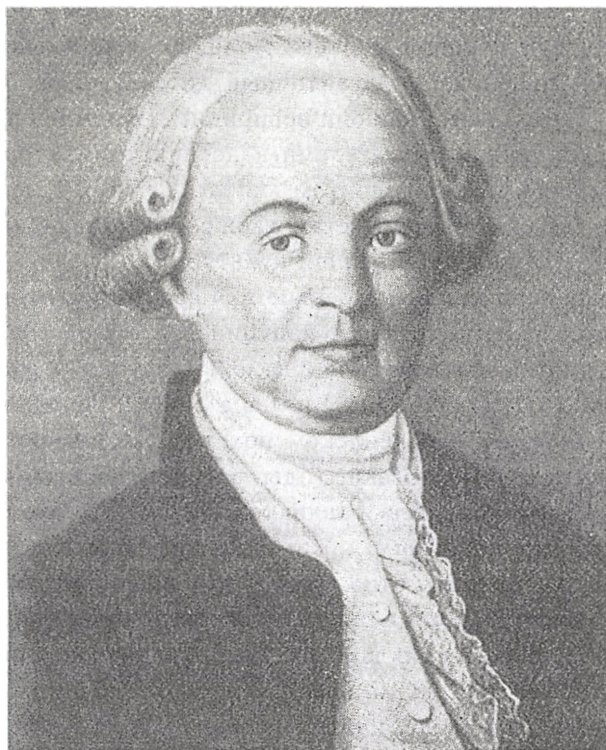
Литературная история Франции глазами В.К.Тредиаковского

Общая характеристика

В судьбе русского поэта, переводчика и теоретика литературы Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1769) воплотились некоторые важнейшие черты духовного развития целого поколения послепетровской Руси: тяга к образованию, новое отношение к науке как делу всей жизни, ориентация на новейшие явления западной культуры и стремление использовать ее лучшие образцы для создания первых оригинальных произведений русской поэзии. Николай Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» так писал о заслугах В.К.Тредиаковского перед русской культурой: «Сей муж был великаго разума, многаго учения, обширнаго знания, и безпримернаго трудолюбия; весьма знающ в Латинском, Греческом, Французском, Италиянском и в своем природном языке, также в Философии, богословии, красноречии и в других науках. Полезными своими трудами приобрел себе бессмертную славу; и первый в России сочинил правила новаго Российскаго стихосложения, много сочинил книг, а перевел и того больше... При том не обинуясь к его чести сказать можно, что он первый открыл в России путь к словесным наукам; а паче к стихотворству: при чем был первый Профессор, первый стихотворец, и первый положивший толико труда и прилежания в переводе на Российский язык препозлезных книг»¹.

---

¹ Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал *Николай Новиков*. СПб., 1772. С. 218—219.

В.К.Тредиаковский

Тредиаковский был не только знатоком европейской литературы и новатором во многих областях русской словесности. Первый светский поэт в России, первый русский профессор красноречия в Российской Академии наук, первый филолог в точном смысле этого слова, объединивший в одном лице теоретика, критика и историка литературы, реформатор русского стиха и орфографии, Тредиаковский был одним из тех русских писателей-классицистов, кто глубоко впитал в себя достижения европейской — и прежде всего французской — литературы Нового времени и через ее призму — эстетические идеалы античности. Эволюция его литературных вкусов и пристрастий состояла в

отказе от увлеченности французской салонной, прециозной культурой, характерной для его молодых лет, и все большей ценностной ориентации на античные литературные образцы и каноны — в том виде, как они воспринимались и пропагандировались французскими писателями-классицистами, сторонниками партии «древних» в знаменитом «споре древних и новых». Результатом этой эволюции стал также возрастающий интерес писателя к истокам собственной культуры.

Тредиаковский получил редкое для своего времени первоначальное образование в школе капуцинских монахов в Астрахани — латинской католической школе, которую в те же годы или чуть позже (в 1722—1723 гг.) посещал и А.Д.Кантемир, участвовавший с отцом в персидском походе¹. Латинское образование, полученное в отроческие годы, во многом определило дальнейшую судьбу молодого Тредиаковского. Хотя ему, как сыну священника, судьбой было предназначено духовное звание, однако он, вопреки воле отца, уже будучи женатым, покидает в 1722 году родной дом и бежит в Москву, в «Спасские школы», «за наукой». В Спасских школах, куда Тредиаковский был принят «на собственное иждивение», а не на казенное содержание, как большинство академических воспитанников², он проводит около двух лет, изучая поэтику и риторику. Однако, характер и уровень обучения, по-видимому, не удовлетворяют будущего ученого, и он отправляется сначала в Голландию, где живет у русского посланника графа И.Г.Головкина, обучаясь французскому языку, а затем в Париж, чтобы слушать лекции по философии и богословию в Сорбонне, а лекции по истории и словесности — в Парижском университете. В одном из писем Тредиаковский писал: «В моем намерении никогда сего не было, чтоб

---

¹ Самаренко В.Н. В.К.Тредиаковский в Астрахани (новые материалы к биографии В.К.Тредиаковского) // XVIII век. Сб. 5. М.; Л., 1962. С. 359.

² Майков Л.Н. Молодость В.К.Тредиаковского до его поездки за границу (1703—1726) // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Июль. С. 6.

объезжая чужестранные государства, только насыщать новинами юностную курioзность, но чтоб успевать в науках, к которым я такую имею охоту...»¹. Путешествие Тредиаковского за границу не финансировалось академией, как, например, учеба Ломоносова в Германии, и поэтому тяга к знаниям грозила обернуться для него голодной смертью, о чем он сам писал в своем прошении 1727 года: «Ныне в окончании 1727 года, прибыл я, по всегдашнему моему желанию, в Париж, где уже в такой бедности нахожусь, что не токмо не могу содержать себя успевая в науках, но и дневной пищи лишен бы был несомненно, ежели бы его светлость Александр Борисович Куракин, почитай, отеческою милостию сожалея, не принял меня к себе в дом на время...»². Свободно владея латынью, он успешно изучает философию и математические науки, а выучив французский язык, получает возможность непосредственно ознакомиться с состоянием французской словесности. Но самое главное, Тредиаковский усваивает принципиально новое отношение к науке вообще как деятельности, которая может стать профессией и делом всей жизни.

Уже в ранний период творчества у Тредиаковского проявилось не только восторженное преклонение перед Западом (например, в гимне Парижу как центру тогдашней западной цивилизации в «Стихах похвальных Парижу»), но и не менее горячая, ностальгическая любовь к Родине в «Стихах похвальных России»:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее доброты
Мыслить умом есть много охоты.

Россия мати! Свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,

---

¹ Пекарский П. История Императорской Академии Наук в Петербурге. Т. II. СПб., 1873. С. 8.

² Там же. С. 7.

Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небу российску ты солнце ясно!

...
Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

Коль в тебе звезды все здравьем блещут!
И россияне коль громко плещут:
Виват Россия! Виват драгая!
Виват надежда! Виват благая!

Возвратившись в Россию в 1730 году, Тредиаковский примыкает к кружку Феофана Прокоповича. Ему близок критический пафос сатир Антиоха Кантемира, которые он, по свидетельству очевидцев, читал в обществе вслух, намеренно вызывая негодование у приверженного старине духовенства. Собственные взгляды Тредиаковского в этот период отличаются радикализмом и религиозным свободомыслием. Еще в 1726 году, за границей, князь А.Б.Куракин, покровитель Тредиаковского, рекомендует его члену Сорбонны Бурсье, составителю известной записки для Петра Первого о соединении вер. В письме к Бурсье Куракин отзывается о Тредиаковском как о подходящем человеке для выполнения поручений аббата Жюбе, посланного в Россию для подготовки соединения вер: «я прошу сделать Тредиаковскому честь вашими поручениями...»¹. Позднее, по приезде в Россию, в письме к Шумахеру от 18 января 1731 года Тредиаковский резко отзывается о тех «ревнителях древнего благочестия», которые враждебно встретили появление его первой книги — перевода любовного романа П.Тальмана «Езда в Остров Любви»: «Утверждают, что я первый развратитель российского юношества, тем более, что до меня оно совершенно не знало чар и сладкой тирании любви... оставим этим святошам их

---

¹ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862. С. 42.

бешеное суеверие; они не принадлежат к числу тех, кто может мне вредить»¹ (подлинник по-французски). В том же письме Тредиаковский упоминает о высказывавшихся в обществе обвинениях «в нечестии, в неверии, в деизме, в атеизме, наконец, во всякого рода ересьях» в свой адрес, немалые основания для которых и в самом деле имелись.

Религиозное свободомыслие сочеталось у молодого Тредиаковского с демонстративной сменой литературной и языковой ориентации. Перевод любовно-аллегорического романа Тальмана — своеобразного путеводителя по «стране любви», написанного в традициях галантной, прециозной литературы, культивируемой в литературных салонах Франции (ср. роман Мадлены де Скюдери «Клелия»), явился вызовом благочестивым обычаям русской старины. В придворной, светской среде книга Тредиаковского шла нарасхват, и он становится модным поэтом.

В 1732 году Тредиаковский занимает должность секретаря в Академии наук, выполняя переводы. В 1735 году в Академии наук было учреждено Российское собрание, на первом заседании которого Тредиаковский выступил с программной речью к его членам. Он исполнен оптимистической веры в прогресс наук и искусств, ожидаемый в скором времени в России. Культурный процесс мыслится им как постоянное и неуклонное совершенствование во всех областях разума. За точку отсчета истории взята Петровская эпоха: «Посмотрите, от Петра Великого лет, обратившись на многие прошедшие годы, то рассудив увидите ясно, что совершеннейший стал в Петровы лета язык, нежели в прежде его бывшие. А от Петровых лет толь отчасу во многих писателях приятнейшим оной становится, что ни мало не сомневаюсь, чтоб, в великия Анны в лета, к совершенной не пришел своей высоте и красоте»². Процветание языка ожидается уже в недалеком будущем, еще в правление Анны, а критерием совершенства объявляется современная речевая практика «двора ея

---

¹ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 46.

² Тредиаковский В.К. Стихотворения. М.; Л., 1935. С. 331.

величества в слове научтивейшего, и богатством наивеликолепнейшего», «министров», «священноначальников», «знатнейшего и искуснейшего дворянства»¹. Деятельность Российского собрания планируется Тредиаковским по образцу Французской и Флорентийской Академий и Лейпцигского ученого общества: «Первые ли мы в Эвропе, которым сие не токмо трудно, но почти и весьма неприступно быть кажется?»² Россия тем самым включается в единое культурное целое со всей просвещенной Европой. Задачи, которые Тредиаковский ставит перед Российским собранием, аналогичны функциям созданной более ста лет ранее Французской Академии: исправление языка, составление грамматики, риторики, заботы о стихосложении, и самое трудное — «дикционарий».

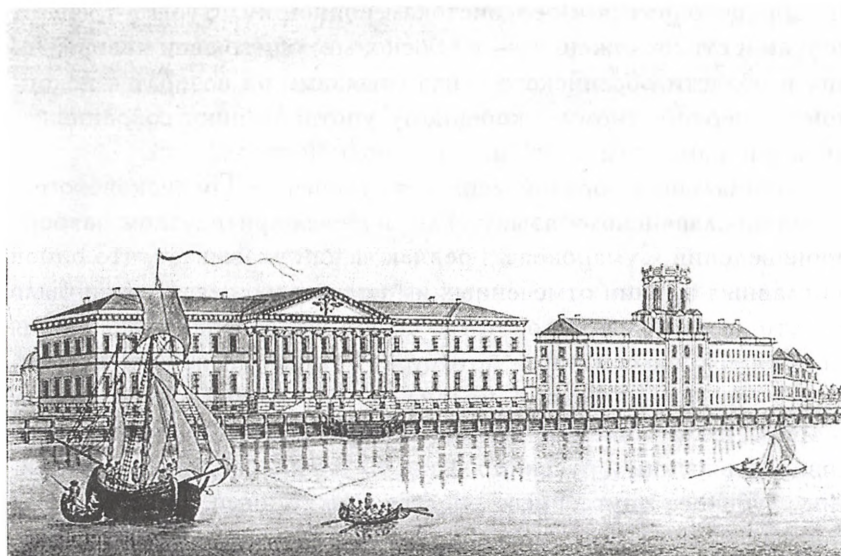
В 1743 году Академическая канцелярия отказывает Тредиаковскому в просьбе о производстве его в профессоры на том основании, что кафедра латинской элоквенции занята Я.Штелиным, а кафедра российской элоквенции не учреждена Петром I. Тредиаковский в ответ писал в своем опровержении на отзыв академического собрания, что «хотя есть профессор элоквенции латинской, однако надлежит ему быть токмо по то время, пока нет к тому способного человека из российских» и что «российская элоквенция в здешней Академии еще больше имеет право немецкой для наичастейшего и общаго своего употребления и толь большее, что сия Академия учреждена в пользу россиянам...»³. Только в 1745 году, благодаря хлопотам Тредиаковского, была учреждена кафедра российского красноречия, первым профессором которой он и стал. В «Слове о <...> витийстве» — своей речи, прочитанной в Академии по случаю произведения его в профессоры красноречия, Тредиаковский указал на высокое гражданское предназначение словесных наук в обществе, славу и пользу, которую приносит Отечеству развитие лите-

---

¹ Тредиаковский В.К. Стихотворения. С. 331.

² Там же. С. 330.

³ Там же. С. 98, 99.

Академия наук в Санкт-Петербурге.
(С гравюры середины XVIII в.)

ратуры и ораторского искусства на родном языке: «...Нет ничего в смертной сей жизни, которое бы могло быть толь изрядное, толь честное, толь похвальное, толь необходимое каждому Гражданину <...>, как чтоб Отечество свое любить, к нему во всю свою жизнь усердие иметь, пользу его наблюдать <...> Народы <...> ничего святяе Сограждан своих пользы не почитая, сочинения свои <...> природным языком и написали, и предали, и потомкам своим оставили»¹.

Начиная с 40-х годов, в мировоззрении Тредиаковского происходит глубокий перелом, проявившийся и в его творчестве, и в литературно-теоретических взглядах, и в эстетических пристрастиях. Позицию зрелого Тредиаковского можно охарактеризовать как позицию «древнего» — ученого и поэта, все боль-

---

¹ Тредиаковский В.К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. С. 577–578.

ше обращающегося к первоисточкам родной культуры — языка, поэзии и стихосложения — и обосновывающего свои нововведения в области российского стиха ссылками на возврат к исконному, «первобытному», коренному употреблению, сохранившемуся в неизменном виде лишь в народной среде.

Радикальным образом меняется отношение Тредиаковского к церковнославянскому языку. Так, в своем критическом разборе произведений Сумарокова Тредиаковский указывает, что одной из главных причин отмеченных им недостатков его поэзии было то, что «не имел в малолетстве своем автор довольного чтения наших церковных книг; и потому нет у него ни обилия избранных слов, ни навыка к правильному составу речей между собой». Если молодой Тредиаковский противопоставлял церковнославянский и русский языки, то теперь он убежден в наличии глубокого внутреннего родства между ними. Церковнославянский язык (в терминологии Тредиаковского — славено-российский) признается им исходным, коренным, а современный русский — производным от него. В «Рассуждении о первенстве Словенского языка» (1757 г.) исследователь идет еще дальше и утверждает, что именно Словенский язык (предок славено-российского) является древнейшим среди языков западной и северной Европы: «древнейший всего запада и севера Европейский язык был один Словенский, отец по прямой черте Славенскому, славено-российскому, Сербскому, Болгарскому, Хорватскому, Расцианскому и многим прочим». Любопытно, что в другом, юго-западном ареале Европы, по его мнению, получили распространение языки, произошедшие от Греческого языка, — латинский и производные от него французский, итальянский и др. Таким образом, словенский и греческий являлись, по Тредиаковскому, самыми древними, «первобытными» языками в Европе (к тому же и внутренне родственными между собой).

В своих статьях о происхождении поэзии («Мнение о начале поэзии и стихов вообще», «О древнем, среднем и новом стихотворении российском») Тредиаковский проводит мысль о том, что поэзия не была человеческим изобретением, но была «влита в человеческие разумы от Бога». Именно поэтому поэзия была

у древних людей «священнейшею, и первейшею Философиею, которая с начала веков образу жития научала, путь показывала к добродетелям, и провозжала по нем; а особливо, прославляла Бога, и его Величие и свойства»¹. Если в начале своего возникновения поэзия была теологией, и законом, и нравоучительной философией, то впоследствии люди стали употреблять ее «на мирские многие потребности, отворотивши от первого установления». Современное состояние поэзии свидетельствовало, по мнению Тредиаковского, о полной утрате ею ее истинного назначения: «в нынешние времена повсюду Стихи по большей части употребляются токмо или на пустые игральща, или на другие светские сочинения, возбуждающие страсти».

Много внимания в своих сочинениях Тредиаковский уделяет вопросам стихосложения. Уже в своем «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735) поэт указывает на национальный, самобытный характер своей реформы русского стихосложения: «Подлинно, почти все званья, при стихе употребляемые, занял я у французской версификации; но самое дело у самой нашей природной, наидревнейшей оных простых людей поэзии... я французской версификации должен мешком, а старинной российской поэзии всеми тысячею рублями. Однако Франции я обязан и за слова; но искреннейше благодарю Россианин России за самую вещь»². В более поздних статьях «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» и «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» преобразование российского стиха путем введения в него тонических стоп также обосновывается Тредиаковским ссылками на «первородное и природное наше, с самыя отдаленныя древности, стихосложение, пребывающее и дондесь в простонародных, молодецких, и других содержаний, песнях живо и цело»: «...Сличающему сию новую систему с самым древним нашим стихотворением, ясно всякому есть, что сия во всем подобна оному первобытному

---

¹ Тредиаковский В.К. Стихотворения. С. 407.

² Там же. С. 352.

нашему, кроме рифмы. Следовательно, сия система справедливее называться долженствует *возобновленною*, а не *новою*...»¹.

В своих литературных симпатиях Тредиаковский все больше смыкается с партией «древних» (и прежде всего, с их представителями во Франции) — непререкаемыми авторитетами для него в вопросах литературной эстетики и теории: с Н.Буало, Ш.Ролленом, А.Дасье, Ф.Фенелоном и другими. Переводам именно этих авторов он отдает предпочтение во второй период своей деятельности. Многотомные «Древняя» и «Римская история» Роллена, «История римских императоров» Кретье, «Аргенида» Д.Барклая, «Похождения Телемака, сына Улисса» Фенелона (поэма «Тилемахида»), поэтический трактат «Наука о стихотворении и поэзии» Н.Буало и многие другие, более мелкие переводы Тредиаковского появлялись, большей частью, не по указу академического начальства, а в результате его собственного выбора. А это означает, что деятельность писателя не сводилась к механической пересадке чужой культуры на родную почву. Здесь мы видим самый начальный этап формирования национальной литературы, которая может существовать какое-то время и в формах чужой мысли. Поэтому Тредиаковский выражал самосознание целой литературной эпохи, когда писал о себе: «Во мне знатно более способности, буде есть некоторая, мыслить чужим разумом, нежели своим...»² Так, через заинтересованного переводчика, отбирающего наиболее ценное из западной культуры для своего народа, и происходило усвоение духовных достижений других наций. Именно так, в условиях ускоренного развития светской культуры в России в XVIII веке, русскими писателями-первопроходцами в кратчайшие сроки создавались те литературные традиции, которые в той же Франции вырабатывались веками. Период ученичества и подражания у русских писателей довольно скоро заканчивался

---

¹ Тредиаковский В.К. Стихотворения. С. 422, 443.

² Пекарский П. История Императорской Академии Наук... Т. II. С. 129, примечание 2.

созданием вполне самостоятельных и оригинальных произведений, в которых полно и ярко раскрывались как особенности национального характера и миросозерцания (оды Ломоносова), так и богатейшие возможности русского языка, способного передать красоту текстов Священного Писания, выразительность и силу античного гекзаметра (Переложение Псалтыри, «Тилемахида» Тредиаковского).

Известны знаменитые слова Тредиаковского, написанные им незадолго до смерти и как бы подводившие итог всей его жизни: «Исповедую чистосердечно, что ничего другого, после правоверныя Истины, и после вернейшаго Всепоподданчества Предержажей Матери Отечества, не ценю дражае в жизни моей Услужения, на честности и пользе основанного, досточтимым, по гроб мною Соотечественникам»¹. И если писательство на Руси становилось в XVIII веке или служебным, или частным делом, то у Тредиаковского и частная его литературная и переводческая деятельность была осознана им как высокое общественное служение, а ценность ее измерялась для него той пользой, которую она приносила России.

Значение В.К.Тредиаковского — нашего первого русского филолога, основателя литературоведческой науки в России — и по сей день, когда мы отмечаем уже трехсотлетие со дня его рождения, остается неоцененным, а большинство его трудов не переизданными и недоступными для читателя. А значит, по-прежнему актуально звучат сегодня слова, сказанные о Тредиаковском Пушкиным: «Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков... Изучение Тредиаковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей».

О.А.Крашенинникова

---

¹ Пекарский П. История Императорской Академии Наук... Т. II. С. 229.

Текст

К читателю

(предисловие В.К.Тредиаковского к переводу романа П.Тальмана «Езда в остров Любви», изданному Академией Наук в 1730 году)

Хотя ныне много искусных щитают предисловия при книгах за весьма непотребной придаток: Однако мне, доброжелательный читателю, ни по какой мере обoitися было невозможно, чтоб, дая новую Российскому свету сию книжку, не донести вам о том, что до оныя касается, и что вам ведать всячески надлежит.

Оная выдана на Французском языке в Париже в 1713 году, и учинила великую своему творцу славу, [которая всем охотникам и в мою бытность была памятна], потому что он весьма разумно ее выдумал, и могу после всех доброразсудных сказать смело, что она еще Первая в своем роде такова нашлась.

Будучи в Париже я оную прочол с великим удовольствием моего сердца усладившись весьма как разумным ея вымыслом, стилем коротким, так и виршами очюнь сладкими и приятными, а наипаче мудрым нравоучением, которое она в себе почти во всякой строке замкнула так, что я в тож самое время горячее возымел желание перевести оную на наш язык. И хотя силы я тогда, без самохвалства вам доношу, столко и мог иметь дабы мне потрудиться в переводе сем, но в продолжении тамо философии время мое к тому меня недопустило. Однако, как говорится, *чему быть, того не миновать*: ибо способной случай сам себя мне подал к переводу оныя таковым образом:

Когда я был в Гамбурге по случаю чрез несколько время, где не имея никакова дела со скуки я пропадал. Между тем *Его сиятельство князь Александр Борисович Куракин*, которой отеческую и щедрую свою милость и по ныне мне кажет, повелел мне чрез одно свое письмо из Москвы перевести какуюнибудь книжку Французскую на наш язык, и то длятого, дабы всуе мое время нетратилось. Желая, дабы чрез скорое мое по-

Маркиза де Помпадур

слушание так великому и светлому моему благотворителю показать, что сколь свято я имею его повеление, также с другой стороны дабы и скука моя не так была мне чувствительна, думал я долго что какую бы то книжку Французскую начать переводить. Тогда впала мне на разум сия, которую я там не без трудности сыскал у одной девицы очюнь охотницы до книг, и стал оную переводить с так великим прилежанием, что в месяц еще и меньше я со всем ея окончал; а каково, то в ваше доброе разсуждение, и совестное отдаю безпристрастие.

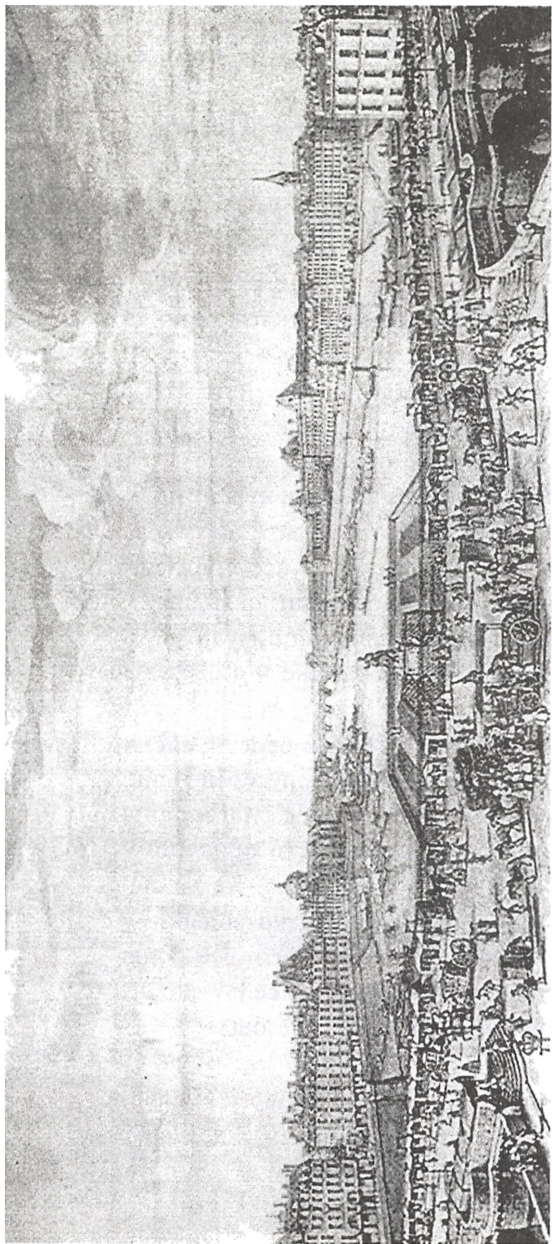
Вот, *доброжелательный читателю*, причина, которая меня побудила сию книжку Французскую учинить Рускою.

Комментарии

«Езда в остров любви» — аллегорический роман Поля Тальмана (1642–1712), написавшего его в возрасте девятнадцати лет и избранного за это во Французскую Академию. Первое издание книги вышло в 1663 году. Тредиаковский пользовался одним из ее переизданий 1713 года. Рукопись перевода не сохранилась. Отрывок печатается по первому и единственному русскому изданию 1730 года: «Езда в остров любви. Переведена с Французскаго на Руской Чрез Студента Василья Тредиаковскаго и приписана Его сиятельству князю Александру Борисовичу Куракину. Напечатана 1730».

...в продолжении тамо философии... — Находясь в Париже в 1727–1728 гг., Тредиаковский слушает в Сорбонне лекции по богословию, а в парижском университете — по философии и другим наукам.

...Его сиятельство князь Александр Борисович Куракин... — Куракин А.Б. (1697–1749) — дипломат начала XVIII века, русский посол в Голландии, у которого Тредиаковский жил первое время пребывания за границей и служил секретарем и которому посвятил свое издание «Езды в остров Любви».

*Панорама Парижа. Вид на Сену с Нового моста.
(С французской гравюры середины XVIII в.)*

Текст

Стихи похвальные Парижу

Красное место! Драгой берег Сенски!
Тебя не лучше поля Элисейски:
Всех радостей дом и сладка покоя,
Где ни зимня нет ни летняго зноя.

Над тобой солнце по небу катает
Смеясь, а лучше ни где не блистает.
Зефир приятный одевает цветы
Красны и вонны чрез многия леты.

Чрез тебя лимфы текут все прохладны,
Нимфы гуляя поют песни складны.
Любо играет и Аполлон с музы
В лиры и в гусли так же и в флейдузы.

Красное место! Драгой берег Сенски!
Где быть не смеет манер деревенски:
Ибо все держишь в себе благородно,
Богам, богиням, ты место природно.

Лавр напояют твои сладко воды!
В тебе желают всегда быть все роды:
Точишь млеко, мед, и веселье мило,
Каково нигде истинно не было.

Красное место! Драгой берег Сенски!
Кто тя нелюбит? Разве был дух зверски!
А я немогу никогда забыти,
Пока имею здесь на земли быти.

Комментарии

Стихи написаны В.К.Тредиаковским в Париже в 1727–1728 годах. Помещены в приложении к изданию «Езды в остров Любви» (1730), стр. 181–182. В них выразилось восторженное отношение Тредиаковского к Парижу — центру тогдашней западной культуры.

Красное место... — Красивый город, полонизм (от польск. miasto — город).

...берег Сенский! — Берег реки Сены, на котором стоит Париж.

...поля Элисейски... (греч. миф.) — Элисейские поля, или Элизиум, «острова блаженных», где нет ни зимы, ни лета и куда после смерти переселяются герои. В начале XVIII в. так была названа одна из знаменитейших и красивейших улиц Парижа.

...вонны... — Благовонны.

...лимфы... — Воды.

...флейдузы. — Флейты.

...все роды... — Все народы.

Точишь... — Источаешь.

Точишь млеко, мед, и веселье... — Библейская цитата (Втор. 26, 9), связанная с изображением райской земли.

Текст

Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий

Глава «Заключение о сочетании стихов»

...Некоторые, по несколько, или лучше, весьма неосновательно, толькож с хитрою насмешкою, предлагали мне, что, буде, подняв брови и улыбаяся говорили, сочетание Стихов не будет введено в новое твое Стихосложение; то новое твое Стихосложение не совсем будет походить на Французское. Сии господа знать конечно думали, что я сие новое Стихосложение взял с Французскаго; но в том они толь далеко отстоят от истины, коль Французское Стихотворение отстоит от сего моего новаго. Я, что сие праведно говорю, в том ссылаюсь на всех тех, которые Французское Стихотворение знают: оные могут всем засвидетельствовать, что Французское Стихосложение ни чем, кроме Пресечения и Рифмы, на сие мое новое не походит.

Пусть отныне перестанут противно думающие думать противно: ибо, поистинне, всю я силу взял сего новаго Стихотворения из самых внутренностей свойства нашему Стиху приличнаго; и буде желается знать, но мне надлежит объявить, то Поэзия нашего простаго Народа к сему меня довела. Даром, что слог ея весьма не красный, от неискусства слагающих; но слатчайшее, приятнейшее, и правильнейшее разнообразных ея стоп, нежели иногда греческих и латинских, падение, подало мне не погрешительное руководство к введению в новый мой Эксаметр и Пентаметр, оных выше объявленных двусложных тонических стоп.

Подлинно, почти все звания при Стихе употребляемые, занял я у Французской Версификации; но самое дело у самой нашей природной, наидревнейшей оной простых Людей Поэзии. И так всяк рассудит, что не может, в сем случае, подобнее сказаться, как только, что я Французской Версификации дол-

жен мешком, а старинной Российской Поэзии всеми тысячью рублями. Однако Франции я должен и за слова; но искреннейше благодарю Россианин России за самую вещь.

Комментарии

Трактат Тредиаковского был опубликован в 1735 году. В нем впервые в России вводится тонический принцип стихосложения, основанный на правильном чередовании ударных и безударных слогов, в сочетании с силлабическим принципом равносложности стихов.

В первой редакции его трактата 1735 года более отчетливо, чем в редакции 1752 года проявилась ориентация молодого Тредиаковского на принципы и правила европейской поэзии. Так, автор подчеркивает близость российской поэзии ко французской и польской системам стихосложения, когда пишет, что «французская поэзия <...> вся таж, что и наша, кроме некоторых не малых околичностей» и что у поляков «стихотворение во всем сродное нашему, кроме падения и стоп...»¹. То же самое он пишет в «Письме некоего россиянина к своему другу, написанном по поводу нового российского стихосложения» (1736 г., на французском языке): «он (Тредиаковский пишет о себе в третьем лице.— О.К.) <...> имел пример польского стихосложения, которое по роду почти такое же, как и наше, исключая некоторые частности...»². Здесь имеется в виду принцип равносложности стихов, на котором строится французская и польская силлабика и которому следовали и русские поэты силлабической школы. Принцип равносложности наиболее последовательно соблюден в трактате Тредиаковского. Им вводятся только те новации, которые не затронули бы это фундаментальное положение его системы. Так, Тредиаковский сохраняет старый силла-

---

¹ Тредиаковский В.К. Избранные произведения. М., 1963. С. 369, 384.

² Тредиаковский В.К. Стихотворения. С. 357.

бический тринадцатисложник с обязательной цезурой после седьмого слога. Новаторским было введение понятия стопы, которого не знала наша старая силлабика. Между тем это понятие (фр. *piéd*) довольно широко использовалось в теории французского стихосложения, где оно обозначало пару слогов. Так, например, оно встречается во второй книге трактата Роллена «Способ учить и учиться изящной словесности». В главе, посвященной стихосложению, Роллен пишет, что французская версификация «подчиняется необходимости делить александрийский стих на два абсолютно равных полустишия, чтобы делать своего рода передышку после трех законченных стоп и снабжать рифмой конец трех других стоп»¹. Во французском стихосложении понятие стопы применялось лишь к александрийскому (героическому) 12-сложному стиху (он мог называться также гекзаметром, по количеству стоп) и к 10-сложному стиху (или пентаметру). Не отсюда ли требование Тредиаковского вводить двусложные тонические стопы только в 13-сложном «героическом российском стихе» или «новом российском экзаметре» и в пентаметре, т.е. старом 11-сложнике? Таким образом, Тредиаковский полностью следует принципам французской версификации, когда допускает в русском стихосложении только двусложные стопы, которые согласуются с требованием равносложности: «Новый наш Стих составляется токмо из стоп двусложных, для того что оный имеет в себе определенное некоторое еще число слогов; а тресложных дактилического рода <...> принять никак не может»².

...мой Эксаметр... — Гексаметр, или героический Российский стих. У Тредиаковского этот термин означает тринадцатисложный стих, состоящий из шести двусложных стоп, с цезурой на седьмом слоге. Он использовался в героических поэмах и

¹ *Rollin Ch. De la manière d'enseigner et d'étudier les belles-lettres*. Б. м., 1751. Т. I. P. 419.

² Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб., 1735. С. 7–8.

потому назывался еще героическим (или александрийским) стихом.

...Пентаметр... — У Тредиаковского это одиннадцатисложный стих, состоящий из пяти двусложных стоп.

...почти все звания при Стихе употребляемые, занял я у Французской Версификации... — Тредиаковский заимствовал из французской теории стиха следующие термины: стопа (фр. *piéd*, до Тредиаковского переводилось как «нога»), перенос (*enjambement*), рифма (*rime*) и ее разновидности: богатая (*riche*), женская (*féminine*), мужская (*masculine*), непрерывная (*suivie*), смешанная (*mêlée*). Им также была заимствована специальная терминология для обозначения поэтических жанров: ода, эпистола, элегия, эклога, сонет, мадригал, рондо, эпиграмма, стансы.

Текст

Эпистола от российския поэзии к Аполлину

...Не презренна и сестра от тебя та нежна,
С Тевтом, Ибером живет что в середине смежна,
С мягким так же в юг блиска что Италиянцом,
С острым в север чрез моря купно и Британцом;
Галлы ею в свет уже славны пронеслися,
Цесарем что, но давно, Варвары звалися.
Два Корнелия, Рацин, Трагики искусны,
Реньние в них, Боало, Сатирами вкусны;
С разумом и Молиер в роде их глумливый,
Был, Виргилия Скарон осмеять, шуточный;
Молодой хоть в них Волтер, но весьма чист в слоге;
Цаслив О дела Фонтен басен был в прилоге!
Одами летал Малгерб в них всегда достойно,
Экклогу поправил там Фонтенель пристойно;
Воатюр в Ронде играл весел и приятен,

Больше чрез Псалмы Русо, хоть чрез все он знатен.
Про других упоминать, право нет им щоту:
Особливу всяк в Стихе показал доброту.
Эпиграммы тот писал, ин же Филиппики,
Славны Оперы другой слаткой для музыки;
В Элегиях плакал ин жалостно, умильно,
Тот Сонет, тот Мадригал, тот балад клал сильно.
Песен их что может быть лучше и складняе?
Ей! ни Греция, ни в том мог быть Рим умняе.
Славны и еще они, но по правде славны,
Что жены, тот красный пол, были в том исправны:
Сапфоб греческа была в зависти великой,
Смысл девицы Скудери есть в Стихе коликой;
Горько плачущей Стихом нежной дела Сюзы,
Сладостнее никогда быть не может музы.
Токмо полно мне и сих имянно счисляти,
Лучше сам ты, Аполлин, можешь про них знати.
Галлия имеет в том, ей, толику славу,
Что за средню дочь твою можно чтить по праву...

Комментарии

Стихотворение помещено в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735, с. 37–44) в качестве примера жанра поэтической эпистолы и снабжено следующим предисловием автора: «Эпистолу мою пишет Стихотворчество, или Поэзия Российская к Аполлину, вымышленному богу Стихотворчества <...> чрез Аполлина должно здесь разуметь желание сердечное, которое я имею, чтоб и в России развелась наука Стихотворная, чрез которую многие народы пришли в высокую славу» (С. 36). В стихотворении автор дает краткий очерк европейской поэзии Нового времени — достойной преемницы античной литературы — перечисляя лучших писателей и поэтов в каждом литературном жанре. Аполлон — бог музыки и поэзии — выступает в эпистоле как начальник муз-сестер: французской, итальянской, британской, испанской и герман-

ской, связанных между собой родственными узами. Тем самым подчеркивается единство всей европейской литературы и культуры Нового времени. В этот круг европейских литератур включается на равных и молодая Российская муза. Для публикации выбран отрывок, где дается характеристика французской сестры-музы и перечисляются писатели, представляющие различные жанры французской литературы.

...к Аполлину — Аполлон, предводитель девяти муз.

... С Тевтом, Ибером... — С немцем, с испанцем.

Галлы... — Французы.

Два Корнелия... — Французские драматурги Пьер Корнель (1606—1684) и его брат Тома Корнель (1625—1709).

...Рацин... — Жан Расин (1639—1699), французский драматург, автор классицистических трагедий.

...Реньние... — Матюрен Ренье (1573—1613), французский поэт, автор сатир.

...Боало... — Никола Буало-Депрео (1636—1711), французский поэт, автор сатир, теоретик классицизма.

...Молиер... — Жан Батист Поклен Мольер (1622—1673) — великий французский драматург, основатель национальной комедии.

...Скарон... — Поль Скаרון (1610—1660), французский поэт, романист и драматург, создатель жанра бурлеска и поэмы-трагедии, автор бурлескной поэмы «Вергилий наизнанку» («*Le Virgile travesti*» 1648—1652).

...Волтер... — Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ, 1694—1778) — великий французский поэт, драматург, философ, глава французских просветителей. В 30-е годы XVIII столетия Вольтер был уже знаменит как автор трагедий «Эдип» (1717), «Брут» (1730), «Смерть Цезаря» (1731), «Эрифилла» (1732) и «Заира» (1732) и эпической поэмы «Генриада» (1728). В эпис-

толе Тредиаковского содержится самый первый в России отклик на творчество Вольтера (см.: Вольтер в России. Библиографический указатель 1735–1995. Русские писатели о Вольтере. (Стихотворения, статьи, письма, воспоминания). М., 1995. С. 1). В своем трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» 1735 года Тредиаковский указывает на Вольтера как одного из лучших французских писателей, образца для подражания в драматическом и эпическом родах поэзии: «...правила поэмы эпической не больше служат греческому языку в Гомеровой “Илиаде”, и латинскому в Виргилиевой “Энеиде”, как французскому в Вольтеровой “Генриаде”, итальянскому в “Избавленном Иерусалиме” у Тасса, и аглинскому в Мильтоновой поэме о потере рая». «Любопытным охотникам российским объявляю здесь авторов наиславнейших, которым надлежит подражать во всех <...> родах поэзии. В эпической поэзии <...> На французском: Вольтер. В драматической <...> На французском: два Корнелия, Рацин, Вольтер — трагики...» (см. В.К.Тредиаковский. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 366, 417). Ср. с более поздней оценкой «Генриады» Вольтера в «Предъязъяснении об Ироической пииме» Тредиаковского (1766) — см. комментарий ниже.

...О дела Фонтен... — Жан Лафонтен (1621–1695), французский поэт, автор «Басен».

...в прилоге! — (ц.-сл.) — Эд.: пример, образец.

... Малгерб... — Франсуа Малерб (ок. 1555–1628), французский писатель, основоположник жанра классицистической оды.

...Фонтенель... — Бернар Ле Бовье де Фонтенель (1657–1757), французский писатель и ученый, а также автор эклог («Égloues»).

Воатюр... — Венсан Вуатюр (1598–1648), французский поэт, представитель прециозной литературы, автор сонетов.

...Русо... — Жан Батист Руссо (1670 или 1671–1741),

французский поэт, знаменитый своими «Одами» и переложениями псалмов.

...Филиппики... — Обличительные речи.

Песен их что может быть лучше и складняе? Ей! ни Греция, ни в том мог быть Рим умняе.— В ранний период своего творчества Тредиаковский отдает предпочтение авторам новейшей литературы перед писателями античности, примыкая тем самым к партии «новых» в известном «Споре древних и новых». С конца 40-х годов позиция писателя в этом вопросе меняется на противоположную (см. комментарии к «Предъизъяснению об Ироической Пииме»).

Сафо... — Сафо, древнегреческая поэтесса 1-й пол. VI в. до н.э.

...Скудери... — Мадлен де Скудери (1607—1701), французская писательница, хозяйка известного литературного салона, где ее называли «новой Сафо».

...дела Сюзы... — Де ла Сюз (1618—1673), французская поэтесса.

Текст

К читателю

**(предисловие В.К.Тредиаковского к переводу
«Науки о стихотворении и поэзии» Н.Буало)**

В самом начале сих моих трудов предлагается вам, благосклонный Читатель, Наука о Стихотворении и Поэзии, сочиненная от Боало-Депрео, Французскаго славнаго Сатирика. После Горациевы Эпистолы о тойже материи к Пизонам, Римским знатным особам, сия Депреова почитается искусными за верьх совершенства в сем роде. И поистинне, все что ни сочинял Боало, есть исправное и удивительное; но Наука его Пииме

тическая, кажется, пред всем находится превосходная, как в рассуждении состава Стихов, и чистоты языка, так и в рассуждении порядка, и правил в ней предлагаемых. С другой стороны, ей и не быть совершенною невозможно: почерпнута она из самого чистого источника, а именно, из помянутых Флакковых Эпистолы. В сей взял мой Автор не токмо план, но и по самой большей части изображения; а правила все без изъятия: сим токмо отличается последний от первого, что переднее Римское иногда есть заднее Французское, и что пространнейшее во Французском, чтется на некоторых местах сокращеннейшее в Латинском писателе, и вопреки. Впрочем, коль Подлинник есть неподражаемым, толь и Список: Оба из сочинителей на своем языке Авторы, хотя и обоим был преднейший предводитель, Латинскому Греческий Аристотель в Наставлениях своих о Поэзии, а Французскому Латинский Гораций; и потому оба велики, что у обоих были пред очами образцы всесовершенныи в том.

Чтож до меня; Французскую Боало-Депреову Науку, как большей части читателей известнейшую, составил и я нашими Стихами; а для показания всем, что Боало-Депрео все-на-все взял из Горациевы, не оставил я и сея, и положил ея после, но токмо Прозою...

Да твердят стремящиеся, что переводныи Стихи с Стихов не могут быть хорошими: но и да знают, что сие произглашаемое вобщем, и без всякаго изъятия, есть не весьма столько праведно, сколько думается. Такая неправда изобличается многими образцами...

Можно... многих превосходных привесть из новых Переводчиков с Стихов Стихами; можно и о Сегрее утвердить, что он Латинскую Энеиду перевел Французскими Стихами презрядно. Корнелий премного переводил с Латинских: Расин еще и больше с Греческих и с Латинских; что самое делали и другии из Французов. Сам Боало-Депрео в том числе из первых. Но все они то зделали, и ныне другии подобно делают, с довольною, и еще с великою похвалою.

О Прозаическом переводе с Прозы, я уже и упоминать

боюсь: задавит меня неисчетный полк достойных и великих Переводчиков, теснясь предстать ко мне, как хотящему их по именам перекликать... Одного с меня довольно Вожласа, который один между толь многими светилами на подобие солнца; а перевел он на свой язык Квинта-Курция о делах содеянных Александром великим. Но как? так, что и доднесь в сомнении находится дело между искусными людьми, лучшель Курций Латинский Французскаго Вожласова, или Вожласов Французский лучше Курция Латинскаго: тоестъ, не могут прямо определить, Подлинник ли совершеннее Перевода, или Перевод Подлинника. Правда, я сию похвалу Вожласу всегда почитал и почитаю за пребезмерную, для того, что вижу в ней чрезвычайное и самохвальное пристрастие народа к своему одноземцу. Роллень один из всего того народа назвал справедливее, длятого что воздержнее, Перевод Вожласов преизрядным только: сие случилось ему зделать при конце вступления в шестый Том древняя своя Истории, который и сам по большей части был во всей той Истории токмо преизрядный же Переводчик то с Греческаго, то с Латинскаго, а часто еще и Копист с Французскаго по Французскиж. Как то ни есть; токмож сие непреодолеимо доказывает, что Вожласов перевод есть превосходный, что тмы находятся Переводчиков Прозаических с Прозы самых добрых, исправных...

Комментарии

Отрывок печатается по первому прижизненному изданию Собрания Сочинений В.К.Тредиаковского (Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василья Тредиаковского. Том 1—2. СПб., При Императорской Академии Наук 1752 года. Т. 1. С. I—X), где перевод Тредиаковского поэмы Н.Буало «Поэтическое искусство» («L'art poétique» 1674 г.) открывает первый том его сочинений. Отрывок интересен изменившимся у Тредиаковского к 1752 году отношением к проблеме «древних и новых» авторов: Тредиаковский теперь утверждает, что «пе-

реднее Римское иногда есть заднее Французское», что современная французская литература — это «список» с античного «подлинника»: «коль Подлинник есть неподражаемым, толь и Списание», а «Всякий подлинник достовернее Списка есть, и потому честнее».

После Горациевы Эпистолы о тойже материи к Пизонам, Римским знатным особам... — Имеется в виду поэтическое Послание римского поэта Квинта Горация Флакка (65–8 г. до н.э.) к Пизонам об искусстве поэзии, названное еще в древности «Наукой поэзии» («Ars poetica»)

...Аристотель в Наставлениях своих о Поэзии... — Древнегреческий философ Аристотель (384–322 до н.э.) был автором знаменитого литературно-эстетического трактата «Поэтика».

...можно и о Сегрее утвердить, что он Латинскую Энеиду перевел Французскими Стихами преизрядно. — Жан Рено де Сегре (1624–1701) — французский поэт и писатель.

Корнелий... — Пьер Корнель, французский драматург (1606–1684).

Одного с меня довольно Вожласа... — Клод Фавр де Перож Вожла (1585–1650) — французский литератор и ученый, один из основателей Французской академии. Помимо своего главного сочинения «Заметок о французском языке» (1617), он всю жизнь работал над переводом «Истории Александра Великого Македонского» римского историка Квинта Курция (I в. н.э.). Перевод был издан посмертно Ж.Шапленом в 1653 году.

Роллень... — Шарль Роллень (1661–1741), французский писатель и историк. Главные сочинения — «Древняя история» (1730–1738) и «Римская история» (1738). Переводы этих трудов были напечатаны Трелиаковским в 1749–1762 годах («Древняя история») и в 1761–1767 гг. («Римская история»).

Тексты

Предъизъяснение об иронической пииме

...Ни один, из самых просвещенных Народов, ничего потом [после Омира. — О.К.] не вымыслил подобного: все почерпают в нем пример, заедают у него правила, и приемлют его себе в Учителя; да и толь больше получают в том успеха, коль более к нему приближаются...

Не-было с тысячу с семь сот лет после Марона, кроме трех Иронических Пиим, двух на Еллинском языке, да одна на Латинском. Илиада и Одиссия на первом, а Ениида на втором, были вся и единственная сладость Читателей благоискусных. Но Фенелон, Муж как Просвещенный¹, так и Преосвященный², когда Лудовиком XIV, Королем Французским, дан в Учителя старшему его Внуку Дюку³ Бургонскому, снабдил Общество Ученое четвертою Эпопиею, хотел его просветить и усладить токмо своего Ученика. Снабдил он то Общество, говорю, четвертою Эпопиею, сочиненною им на Французском своем языке; да какую сею снабдил? По самой сущей правде, превосходнейшею несравненно и Первых двух, и Третия последняя, а сие Истиною и Твердостью нравоучительнаго Христианскаго Наставления, хотя и всемерно подражал всему прочему, по Естеству великому, благородному, и велелепному, находящемуся в Омировой особливее Одиссии, да в Маронової Енииде, так что и разделил всю свою Пииму на дватцать на четыре Книги, по числу Книг в Одиссии...

Автор Тилемаха, подражал повсюду правильности Мароновой... Все его Эпизодии непрерывны, и толь искусно вплетены один в другой, что из предвидущаго происходит следующий. Главныя его Лица не снискают с очей; а Прехождения от Эпизодия к Главному и Коренному Действию, дают всегда чувство-

---

¹ Πελαδευμένος.

² Πατερός.

³ Герцог.

вать Единство Намерения. В первых шести Книгах, где Тилемах говорит, и рассказывает приключения свои Калипсо, сей долгопротяжный Эписодий, по подражанию в Мароне Дидонину, сказан с толиким искусством, что Единство первенственного Действия пребыло совершенно. Читатель там задержан на взвесе, и чувствует с самага начала, что Пребывание того Ироя в оном Острове, и все там происходящее, есть токмо Препятствие, кое преодолеть должно. В третьей надсять и в четвертой надсять Книгах, где Ментор наставляет Идоменея, Тилемах тут не присутствует, он в Войске находится: но то Ментор, как одно из начальнейших Лиц в Пииме, который делает все в пользу Тилемаху, и в собственное сему наставление; так что сей Эписодий совершенно сопряжен с коренным намерением. Автор мой превесьма искусен, владеть в свою Пииму такия Эписодии, которые не следуют из главныя его Басни, а однако теми не пресекают Единства и непрерывности в действии. Сии Эписодии вмещаются не токмо как важныя Наставления юному Царевичу, в чем состоит главное Намерение Пиитово, но и как Повествования Ирою во время его досуга, да пустое наполнится место. Так Адоам научает Тилемаха, о Нравах и Законах Ветическия¹ Страны, во время тишины морския; а Филоктит ему рассказывает о своих злоключениях, когда тот юный Царевич находится в Стане у Союзников, ожидая дня к сражению...

Автор Тилемаха, удалившись от Узлов, обыкновенных нынешним Романцам или Повестям вымышленным, не погряз равнож и в чрезвычайную Чудесность, какою порицаются Древнии. Не говорят у него Кони, не ходят Триножныя Столы², не раждают и Кумиры: нет также и ни Палиц наших боевых во-сто пуд, возметаемых за облаки, и от высоты тоя упадающих на Иройскую голову, да или ломающихся, буде оне худыя доброты, или прегибających токмо. Действие Эпическое долженствует быть Чудесно, но Вероятно: мы не дивимся тому, что нам кажется быть

---

¹ Бетическия.

² Таган.

невозможно. Пиит не долженствует никогда досаждать Разуму, хотя и преходит он иногда за пределы Естества. Древнии ввели Богов в свои Пиимы, не токмо на совершение, их пособием, великих Дел, и на сопряжение *Вероятности с Чудесностию*, но и в Наставление человекам, что самые храбрые Мужи и премудрые, не могут ничего содеять без помощи Вышних. В нашей Пииме, Паллада всюду руководствует Тилемаха. Сим Пиит соделывает возможно Все своему Ирою, и дает чувствовать, что Человек ничего не может совершить без Божественныя Мудрости. Но искусство его не состоит в едином сем токмо: высота в том, что он укрыл Богиню образом человеческим. В сем уже не едина токмо Вероятность: в сем *Естественное* соединяется с *Чудесным*. Все есть Божественное; а все Человеческое является. И не толькож того еще. Еслиб Тилемах знал, что руководствуется Божеством; тоб достоинство его и заслуга не велики были: Божеством бы он преизбыточно был поспешествуем. Омировы Ирои ведают почитай всегда, что Безсмертныи оным пособствуют. Наш Пиит, утаевая от своего Ироя чудесный вымысл, приводит в удивление нам Добродетель его и Мужество...

...Автор Тилемаха, подражая всему, что есть изрядное в Баснях Еллинскаго Пиита, уклонился от двух главных погрешностей, приписываемых тому. Он представляет Лицамиж, как и тот, Божия свойства, и соделывает из них Божественности подчинные; но являет их токмо в такии случаи, кои достойны тех Присушья. Оне у него вещают и действуют способом достойным Божества. Соединяет он искусно Стихотворение Омирово с Любомудрием Пифагоровым. Не говорит ничего, кроме что и Язычники моглиб говорить; но в уста их влагает все что есть превысокое в Христианском Нравоучении, и чрез то показал, что сие Нравоучение, написано есть незагадимыми писменами на Человеческом сердце, кои ощутиг всяк неложно, когда будет повиноваться гласу Чистаго и Простаго Разума, дабы предаться всесовершенно Вержховной той и Повсемственной Истинне, просвещающей Умы, как Солнце осиявает Тела все, без которя всяк Ум есть токмо густый мрак и заблуждение.

Понятия, какия наш Пиит подает нам о Божестве, не токмо

суть достойны Божества, но и вселюбезны для Человека. Все вдыхает Надежду и Любовь: Благочестие смиренное, Поклонение благородное и свободное, должное притом крайнему Совершенству беспредельнаго Существа, а не суеверное Служение, сумрачное, и рабское, кое хитит сердца и низвергает в подлый трепет, представляя Бога не Отцем, но Мучителем.

Бог нам у него предъизъявляется как Человеколюбец: но котораго Любовь и Благость не подвержены Судьбам слепым, и Участи необходимой; не бывают оне также заслуживаемы пышными видами внешнего Богочтения, и ниже так самонравны и злосерды, как Божественности Языческие. Всегда у Автора премирная и вездесущная Сила, действует порядочно по непреложному Закону Премудрости, не могущему любить кроме Добродетели, и не награждающему человек за множество Животных, ими закланых в жертву, но за число Страстей умерщвленных...

Автор Тилемаха сочетавает великия Наставления с Ироическими примерами; то есть, Нравоучительность Омирову с Добронавием Мароновым. Однако Нравоучение его имеет три Качества, каковых нет у Древних и Пиитов, и Философов. Оно есть у него *Высокое* в своих Основаниях; *Благородное* в Поощрениях, а *Повсемственное* в Употреблениях...

Мудрый Автор Тилемаха сочинил его свободным, а не заключенным Словом, на Французском природном своем Языке. Ведая совершенно, что Течение Ироическия Пиимы, долженствует быть не удерживаемое никаких препон обузданием, да так скажу, а Французския Стихи и безстопный суть и Рифмический; следовательно, как подобоструйнаго Течения не имеющий, так и преламывающийся своими Рифмами, ктому же еще и бряцающий оными, как будто на утешение Младенцев: того ради, восхотел быть лучше своей Пииме идущей пеше без остановки, нежели чтоб ристать ей на бескрыльном Пигасе¹, по каждых двенадцати шагах претыкающемся, и в то же время ржущем визгом нелепым.

---

¹ Пегаз.

<О «Генриаде» Вольтера>

Да определяется ж теперь, ежели угодно, основательно Автор Генриады [по многим впрочем Титлам между Французскими знаменитейшими Писателями занимающий место] жаловался не однократно на письме всему Ученому Свету, что Однородцы его Французы не восхотели отнюд признать сея егож Пиимы за Эпическую. Мне мнится, а мнение мое не может никому быть в указ, хотя и на многих основанное твердостях, что Определение всего Французскаго Ученаго Общества, отказавшее Автору от Права Эпическия Пиимы так, чтоб ему уже о том никогда не бить челом, есть и *Праведно*, и *Дельно*, и *Сильно*. Основание Истории, взятыя Автором в Бытие и Деяние Пииме своей, есть не токмо не самоудаленных Ироических времен, единственно служащих грунтом Ироической Пииме, но и самага Новаго Века; Ирой его есть не *Лаомедонт* или *Приам*, но *Генрик*¹, поражающий наши слухи не знаю чем Гофическим и не приятным, для того что Ирой *Шилбранд*, осмеянный от *Боало-Депрео*, и *Ганри* Ирой, суть одного поля, да так сравню, Ягоды.

И не знаю, не большель Одноземцы Автору Ганриады имеют Права негодовать на него, что он хотел всячески преподать сию Ганриаду свою за Эпическую Пииму, нежели чтоб ему жаловаться на них, не восхотевших оныя признать за такую, а не восхотевших ея признать такую, не токмо по самой сущей Справедливости, но и по истинному и претвердому Благоразумию. Ибо, что Эпическая Пиима? Есть Баснь, вымышленная на возбуждение любви к Добродетели: тоестъ, Ирой сея Пиимы долженствует быть баснословный. Но *Генрик IV*, Король Французский, Ирой Ганриады его, был Монарх, в XVI Веке один из самых славных и из самых великих: следовательно,

---

¹ Автор чувствуя непристойность сего Имени в Эпической Пииме, и убегая от сего в ней дикаго звона, именовал его почитай всюду мягче *ВАЛОА*, когда еще слово было о *Генрике III*.

Вольтер

крайнее было бы безславию Французскому Народу, и нестерпимая обида, когда бы толикому Государю его быть некоторым Родом Бовы королевича в Эпической Пииме: ибо и Величавности и Славе его противно, находить басенную чудесность в простоте Летописей своих. Сверх того, новыя сии стремительства к препрославленному Эпичесеству, отъемлют всю достоверность у Истории по основаниям сих самых Господ: ибо утверждают они, что несомнительность Истории начинается с XV века по вопло-

щении Спасителев; а Генрик IV начал королевствовать с 1589 года. Следовательно, Ганриаде надлежит быть истинной Истории. Но понеже она Пиима: того ради есть Баснь¹, и нет в ней прямыя Истины; а потомуж, Истории ея твердь о Деяниях Генриковых и с XV Века долженствует быть также ложная, как и самоудаленная Древняя, по их же, Истории. Чтож будет уже сия самая История, по прошествии тысячи, или двух тысяч лет? И сие толь наипаче, что Ганриаде должно пребыть и тогда, как Пииме, Баснию, хотя История ея, и по XV Столетии? И как, с другия стороны, преблагомысленный Боало-Депрео, называет *Богопреступством* данный вид Басен *Правде Священной*; так сей самый вид данный *Правде Содеяний Предержавшаго*, можно наименовать, по самой же сущей Истине, *Оскорблением Величества*.

<О романе «Приключения Телемака»>

...Итак, презнаменитый Пиит соединил в своей Пииме самыя лучшия Изящества Древних. Он имеет все Огнедыхание и Обильность Омирову; но всеж Велелепие и Правильность Маронову. Как Еллинский оный Творец, начертывает сильно, просто, живо, различно в Басни, и разно в Характерах: размышления его нравоучительны, описания одушевленны, вымышления многоплодны. Всюду в нем оный яркий пламень, кой единым подается Естеством. Но как Латинский тот, наблюдает совершенно Единство Действия, единообразность характеров, порядок, и правила. Рассуждение его глубоко, а Мысли вознесенны, когда сочетавает Естественное с Благородным, с Высоким же Простое. Везде Искусство становится Природою. Чтож до Ироя его; то сей есть совершеннейший обоих, Еллинскаго и Латинскаго: ибо Умственности Тилемаховы суть просвещеннейшие, но Чувственности благороднейшие, нежели Ахиллеевы, Одиссеевы, и Ениевы...

---

¹ Наше присловие: Песня быть, а Сказка Небылица.

В Тилемахе, словом, господствует всюду Разум, и красуется Чувственность. От сего точно Пиима сия, есть Пиима всех Родов, Племен, Состояний, и Веков. Тилемах соблюдет всегда, на всех языках, силу свою, благородство, душу, и сущную красоту: ибо Пиима сия состоит в высоком проявлении истины, в Чувственностях благородных и вознесенных, да и в способе природном, нежном, и разсудном, каким те и другие предлагаются. Такия добролепотствия суть всех Языков, всех Времен, всех Стран, и приводит равно в любление к себе острьи Разумы, и великие Души во всей Вселенной...

...Автор ея воспел на Французском своем Языке свободною Речию: однако воспета она Прозою, за неспособность Французскаго Языка к Ироическому Еллинолатинскому Стиху; а так называемый на том Языке *Александровский Стих*, есть не Стих, но Прозаическая простая Строчка, Рифмою токмо на конце в лад гудущая, которая уже и всего нестройнее примешается к Течению Слова в Пииме Самоначальной. Чтож до нашего Языка; то он столькож благолепно воскриляется Дактилем, сколько и сам Еллинский и Римский: и также преизящно употребляет пренесение Речей с места на другое, не пригвождаясь к одному определенному, как и оный Еллинский с Латинским: Природа ему даровала все изобилие и сладость языка того Елинскаго, а всю важность и сановность Латинскаго.

На чтож нам претерпевать добровольно скудость и тесноту Французскую, имеющим всякородное богатство и пространство Славенороссийское? Достохвальнее петь Омировым и Мароновым доброгласием, а толь и наипаче, что непринужденно можем, нежели детским некаким Рифм звенением: да и есть ктомууж, мнится, благодаровито, дать здесь чувствовать, не читавшим из наших ни Омировых Пиим ни Мароновы, истиннаго по течению Слова Омира, и истиннаго по томууж Марона в Славенороссийской сей Тилемахиде... Французы всякое Стихотворение составляют Стихами, или праведнее, Прозаическими строчками, с Рифмами для того, что не имеют Стихов состоящих Стопами, тоестъ, нет у них всеконечно никаких Стихов, и потому употребляют рифму, да утаят ею безобразный род Прозы, ибо опреде-

ленным числом Складов состоящая, в ложных своих Стихах. Не бедность ли то, и мелочь?

<О споре древних и новых>¹

По разуму, Достовернейшаго должно держаться, и предпочитать Честнейшее. Но всякий Подлинник достовернее Списка есть, и потому честнее. Впрочем два мнения, в разсуждении сего, и поныне в самой Франции под жарким Стязанием продолжаются. Первое есть, что Древнии Писатели, каков например Омир, Димосфен, Платон, Марон, Туллий суть такия Писатели, коих за верховное и единственное Правило всего добраго вкуса Новейшим нам почитать должно. Сии утверждают, «что между Новейшими нами нет ни Словесника равнаго Туллию или Димосфену; ни Пиита подобнаго Омиру, Марону, Пиндару, Флакку, Феокриту... а Древнии сии не для того суть дивны и достоподражаемы, что они Древнии, но что Превосходныи из Древних. *Seux, qui admirent les Anciens, croient, que dans le Moderne il n'y a ni Orateur, qui égale Ciceron, ou Demosthene; ni Poete qui approche d'Homere, de Virgile, de Pindare, d'Horace, de Theocrite... car les partisans des Anciens n'estiment pas les Poetes, parce qu'ils sont Anciens, mais parce qu'ils sont Bons* [Предисловие Г.Дацiera при издан. его Стихотворений Флакковых]. Другии твердят, что и Омир, и Марон, и Пиндар, и Флакк были такияж люди, как и мы, и что Природа и нам не Матчиха; следовательно, Древних мы и превзойти можем, не то что с ними сравниться; а сие самое и подтверждают таким уподоблением: «Буде Древа, кои расли в прежния времена у нас на полях, были больше нынешних; то с Омиром, с Платоном, с Димосфеном, не можно сравниться в нынешнии веки: но понеже нынешния наши Древа суть столькож велики, сколько и старинныя; того ради можем мы быть равны Омиру,

---

¹ Примечание автора на стр. LII—LIII.

Платону, Демосфену». En cas que les arbres, qui étoient autrefois dans nos campagnes, aient été plus grands que ceux d'aujourd'hui, Homere, Platon, Demosthene, ne peuvent être égalés dans ces derniers siècles: or nos arbres sont aussi grands, que ceux d'autrefois; nous pouvons donc égaler Homere, Platon et Demosthene (отступлен. Г.Фонтенеля о Древ. и Нов.).

Однако, сколько сие второе Мнение ни Сильно и ни Хитро есть в Созерцательности [в Феории]; но первое оное в самой деятельности [в Практике] превозмогает. Ибо поныне еще, всюду в ученой Европе, те единственно из Новых Пииты, Риторы, и Историки препохваляются, кои наближае подошли токмо к Древним оным, а их не то что не превзошли, но и не сравнились с ними. Так мне сие видится в разсуждении Словесных Наук. Не спору, Фисика нынешняя и Геометрия, особливож называемая Высокою (sublimis), несравненно превзошли древнюю Геометрию и Фисику. Да и Народ, который чем более будет когда Геометр или Фисик; тем меньше имеет в нем оказаться красная Словесности Пиитическая, Риторская, и Историческая, по наблюдению Дациерову в том же Предисловии, как то и весьма, мнится, основательно, а сие и по самым опытам, разве что, по моему, «нет Правила без Изъятия»: Nulla est regula sine exceptione.

Комментарии

Отрывки из «Предъизъяснения об Ироической пииме» печатаются по изданию: Тилемахида или Странствование Тилемаха сына Одиссеева описанное в составе ироическая пиимы Василием Тредиаковским Надворным Советником членом Санктпетербургския Императорския Академии Наук с Французския нестихословныя речи сочиненныя Франциском де-Салиньяком дела-Мотом Фенелоном Архиепископом-Дюком Камбрейским Принцом Священныя Империи. Том первый. В Санктпетербурге 1766 года. С. I—LXIV.

[Омир] — Гомер, древнегреческий поэт (от XII до VII вв.

до н.э.), считавшийся автором эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

...Марона... — Публий Вергилий Марон (70–19 до н.э.), римский поэт, автор мифологической поэмы «Энеида».

...Фенелон... — Франсуа де Салиньяк де Ла Мот Фенелон, французский писатель и религиозный деятель (1651–1715), с 1695 г. — архиепископ Камбрейский. В 1689–1699 гг. Фенелон был воспитателем внука Людовика XIV герцога Бургундского, для которого и был написан философско-утопический роман «Приключения Телемака, сына Улисса» (1699). Роман был чрезвычайно популярен в эпоху Просвещения. Его главный герой Телемах, сын Одиссея, знакомится с разными типами государственного устройства, причем сам автор отстаивает принципы просвещенной монархии. Первый прозаический перевод романа на русский язык вышел в 1747 году. Поэма В.К.Тредиаковского «Телемахида» (1766) была вольным стихотворным переводом прозаического романа Фенелона. В ней Тредиаковский впервые широко применил новый для русского стихосложения стихотворный размер — дактило-хореический гекзаметр, добиваясь тем самым эффекта искусной стилизации античного эпоса.

...Адоам... — Брат Наарвала, главный на корабле Финикийском (миф.).

...Ветическия Страны... — Часть Испании, названная по имени реки Ветиси или Бетиси, ныне Гвадалквивиры (миф.).

...Романцам... — Романам.

...Паллада... — Второе имя древнегреческой богини Афины, покровительницы городов и воинства.

...с Любомудрием Пифагоровым. — Пифагор (582–507 до н.э.), древнегреческий философ.

...свободным, а не заключенным Словом... — Прозою, а не стихами.

...*Автор Генриады*... — Французский писатель Вольтер (1694–1778) являлся автором эпической поэмы «Генриада» («La Henriade», 1728), главным героем которой был французский король Генрих IV (1553–1610). В «Предъязыяснении об ироической прииме» ТрEDIAKовский, в соответствии со своими новыми взглядами российского «древнего» (см. комментарий ниже), критикует Вольтера за несоблюдение им правил эпической поэзии, согласно которым в основе эпоса должен был лежать мифологический сюжет. Это требование было главным пунктом расхождения между сторонниками «древних» и «новых». Как отмечалось выше, ранний ТрEDIAKовский, напротив, относил Вольтера к числу «наиславнейших авторов», которым следует подражать в жанре эпической поэмы (см. выше комментарий к «Эпистоле от Российския поэзии к Аполлину»).

...*Лаомедонт*... — Правитель Трои, отец Приама (миф.).

...*Приам*... — Последний царь Трои, сын и последователь Лаомедонта, убит во время осады Трои (миф.).

...*Генрик*... — Король Генрик IV, главный герой поэмы Вольтера «Генриада».

...*Шилбранд*... (Хильдебрант) — Герой одноименной поэмы на средневековый сюжет второстепенного поэта Кареля де Сент-Гарда (1666). Н.Буало в третьей песне «Поэтического искусства» писал: «Нет, не допустит тот, в ком жив еще талант, Чтобы в поэме стал героем — Хильдебрант!» (Буало Н. Поэтическое искусство. М., 1957. С. 87).

...*Бовы Королевича*... — Рыцарь, герой популярной в России сказки французского происхождения.

...к *Ироическому Еллинолатинскому Стиху*... — Античный гекзаметр, стих, состоящий из 6 стоп дактиля (последняя — усеченная), с цезурой после 2-го слога 3 стопы (в греческом гекзаметре) или после 1-го слога 3 стопы (латинский гекзаметр).

...*Александровский стих*... — То же, что Александрийский

стих, во французском стихосложении 12-сложный силлабический стих с постоянными ударениями на 6-м и 12-м слогах и цезурой после 6-го слога, использовался в героических поэмах с рифмовкой аабб.

...пренесение Речей... — Эд.: свободный порядок слов в предложении, инверсия.

...два мнения... и поныне в самой Франции под жарким Стязанием продолжаются. — Имеется в виду знаменитый «спор древних и новых» («La querelle des Anciens et des Modernes») во Франции — спор идей в конце XVII века о достоинствах античных писателей в сравнении с писателями века Людовика XIV. В основе спора лежала проблема прогресса в искусстве и науке. Первый этап идейной борьбы «древних» и «новых» начался в 1657 году, когда французский поэт Демаре де Сен-Сорлен напечатал христианскую эпопею «Хлодвиг» («Clovis»), сопровождавшуюся несколькими трактатами. В них автор нападал на поэтов древности и критиковал античную культуру. Позднее, в своем трактате «Защита героической поэмы» (1674) он изложил принципы национальной эпопеи, основанной на христианских чудесах. В 1674 году против Сен-Сорлена выступил его оппонент, Н.Буало в своем знаменитом трактате «Поэтическое искусство», где он защищал традиционные с точки зрения эстетики мифологические чудеса. В поэме «Век Людовика Великого» («Le Siècle de Louis le Grand», 1687) Шарль Перро, сторонник «новых» авторов, утверждал преимущество современной ему литературы перед литературой эпохи Августа. В более позднем трактате «Параллели между древними и новыми авторами» (1688–1697) Перро отверг принцип подражания античным образцам, который отстаивали классицисты, и утверждал идею прогресса человеческой культуры и превосходство современных писателей над древними. К партии «новых» примкнул и Б. Де Фонтенель, выступив с трактатом «Свободное рассуждение о древних и новых авторах» (1688), где он утверждал, что «мы столь же одарены природой, как и древние, но мы счастливее их, потому что пошли дальше их».

Он начал свое рассуждение со знаменитого тезиса: «Весь вопрос о превосходстве древних над новыми или новых над древними... сводится к тому, чтобы понять, выше ли были деревья, некогда росшие в сельских местностях, чем деревья нашего времени». Писатель утверждает, что ничто так сильно не сдерживает прогресс и не ограничивает ум, как излишнее преклонение перед древностью. Первый этап полемики закончился в 1694 году публичным, в присутствии всей Академии, примирением главных оппонентов спора — Н.Буало и Ш.Перро. Однако в начале XVIII века он разгорелся с новой силой в полемике между поэтом Ударом де ла Моттом и известными филологами, переводчиками античных писателей, супругами Анной и Андре Дасье. В 1714 году Удар де Ла Мотт издал свой вольный и модернизированный перевод гомеровской «Илиады», в предисловии к которому назвал Гомера грубым, варварским поэтом, описывавшим низкие страсти своих героев. Анна Дасье выступила с резкой критикой перевода в трактате «О причинах повреждения вкуса» (1714), где она утверждала, что хороший вкус можно образовать только чтением античных авторов в оригинале, а достичь высот в поэзии — лишь путем подражания греческим и латинским образцам. Ее мнение разделил и Андре Дасье, на которого в своем примечании и ссылается В.Тредиаковский. Спор «древних и новых» продолжал сохранять свою актуальность на протяжении всего XVIII века. Вольтер в 1770 году констатировал: «Великая тяжба древних и новых все еще не разрешена...».

Русский писатель-классицист хорошо осведомлен о сущности «спора древних и новых». Если симпатии молодого Тредиаковского были полностью на стороне «новых» французских авторов, творчество которых он знал превосходно (см. его «Эпистолу от Российския поэзии к Аполлину»), то поздний Тредиаковский все более склоняется в сторону «древних», признавая непревзойденный авторитет античной литературы, а из современной французской литературы предпочитая тех писателей, которые стремились следовать античным образцам: Буало, Фенелона, Роллена и др. Признавая прогресс в точных науках,

поздний Тредиаковский вместе с тем убежден в том, что «словесные науки» развиваются по иным законам и к ним неприменима идея поступательного развития. Эстетические идеалы самого Тредиаковского были помещены в далеком прошлом, в литературе античного мира, и на их основе писатель пытался строить основы национальной культуры. В этом стремлении вернуть к жизни утраченные художественные ценности прошлого, создать новые произведения путем подражания античным образцам («Тилемахида») состояла утопическая сторона творчества русского «древнего».

...Димосфен... — Демосфен (ок. 384—322 до н.э.), древнегреческий оратор.

...Платон... — Древнегреческий философ и писатель (ок. 427 — ок. 347 до н.э.).

...Марон... — Вергилий (Марон Публий, 70—19 до н.э.), римский поэт.

...Туллий... — Цицерон (M. Tullius Cicero, 106—43 до н.э.), римский оратор, философ и государственный деятель.

...Пиндару... — Древнегреческий поэт (ок. 518—442 или 438 до н.э.).

...Флакку... — Римский поэт Квинт Гораций Флакк (65—8 до н.э.).

...Феокриту.... — Древнегреческий поэт к. IV — 1-й пол. III в. до н.э.

...[Предисловие Г. Дациера при издан. его Стихотворений Флакковых.] — Имеется в виду Андре Дасье (Dacier), французский филолог (1651—1722), известный переводчик Горация, Аристотеля, Платона, Плутарха, сторонник партии «древних» в «споре древних и новых».

...(отступлен. Г.Фонтенеля о Древ. и Нов.) — Француз-

ский писатель Бернар Ле Бовье де Фонтенель (1657–1757) сыграл большую роль в «споре древних и новых», поддержав Ш.Перро. В «Свободном рассуждении о древних и новых авторах» («Digression sur les Anciens et les Modernes», 1688) он доказывал несостоятельность утверждения преимущества античной литературы перед современной.

Текст

Слово о мудрости, благоразумии, и добродетели <О Дижонской Диссертации Ж.-Ж.Руссо>

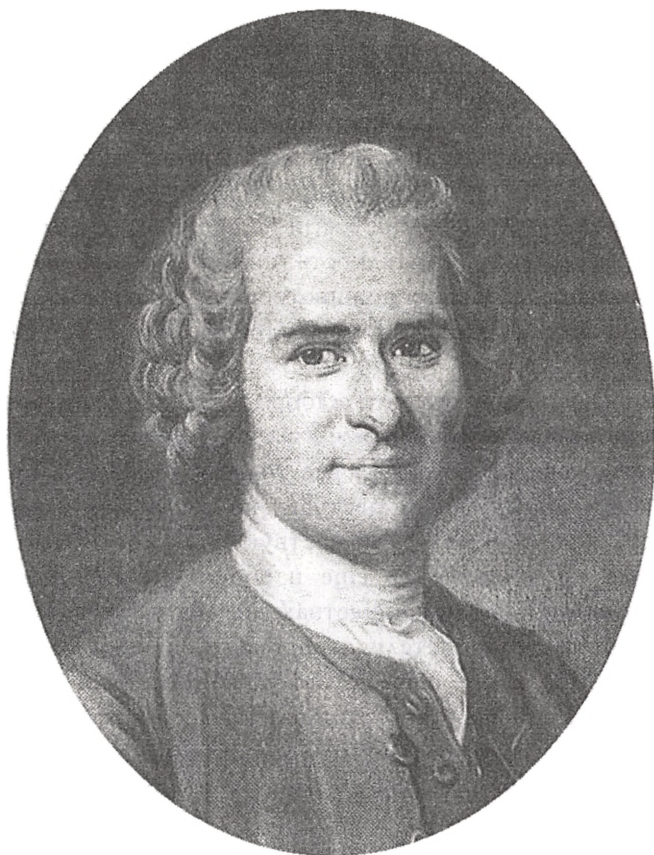
...В нынешния времена, в кои все Науки и Знания толь на высокую степень произведены, и никогда больше не подавали чувствовать всем сладость зрелых своих плодов, в нынешния, вещаю, времена, и недавно, произник некто¹, который все свои напруг силы, дабы доказать, что «от Учений больше повреждения произошло Добронравию, и что без Наук и Знаний добродетельнее люди пребывают и жительствоуют в Обществе».

Какою желчию растворю мое нареkanie? Или, какою не растворю онаго? Что возопию? Как нападую? Чем поражаю? Куда обращусь? Оглашуль токмо? Иль и поругаюсь толикому сему безмestию? Ужасное и невероятное злоупотребление человеческого Ума! Но еще и невероятнее кажется, что Ученое негде у инославных Собрание², Собрание, говорю, Ученое подтверждением и одобрением своим с награждением, увенчало такую онаго суемысленность, или лучше, тщеславность. Разве, может быть, и он свое мнение препоручил тому Клевретству на рассуждение прямо как игру своего разума, расцветив, распестрив, и обогатив токмо Слово пышным, и велелепным Красноречием;

---

¹ Жан-Жак Руссо, обыватель Женевский.

² Дижонская Академия в Бургонии.

Ж.-Ж.Руссо

и оно либо в нем подтвердило несамую силу дела, но одни красные его начертания и изображения.

Как то ни есть; толькож лжеучение его, или лучше блядословие, само в себе имеет, и с собою несет на себя возражение и опровержение. Ибо, самое Добронравие, бесспорно, есть Навык Воли наша к люблению всего чеснаго, и Законом повеленнаго. Но если Навык, то как не Учение? И будез Учение, то как и неразумное? Следовательно, ни Добродетель без снис-

кания и научения не получается; и признанием снискания и научения, полагается уже твердо и просвещение разума, то есть, Мудрость и благоразумие, в сопротивление грубости и скотствованию. Вот же необходимо и по его нужны нам как нравоучительные, так и разумные Науки; и нужны для того, что оне не токмо поспешествуют очищению нравов, но без них — еще и не осиявается человеческий Ум, и не удобряется Воля и Сердце. Солнце есть для них Мудрость: она там все доброе и истинное производит, согревает, оживотворяет, украшает, расцветает, плодоносит, и озаряет. Без Мудрости, нет совершенства в Добродетели...

Примеры впрочем его, что «добродетельнее некоторы Мужики и Общества пребывали без Учений, нежели наученны жительствуют», сверх того, что все токмо частны¹, а не общии роду человеческому, но от частного ко всему без изъятия общему нет, как научают Логичествующии, последовательнаго заключения, не сильняе ль еще наоборот подтверждают, что самых грубых времен в Обществах, не токмо не в равновесии надлежит быть Добродетели с пороками, но сим и превозмогать оную? Ибо когда свет не без тмы, твердость не без слабости, обуздание не без самовольнаго вристанья; то какой должно быть темноте в самой глубокой нощи, изнеможению в самом расслаблении, невоздержанию в самом злодейственном бесчинии?

Итак, не говорю уже, что, а сие не может назваться Софистическим, ложным, и ухищренным опровержением, мнение то противно благополучному и святому Употреблению всех Христианских Обществ, у которых Мудрость, Разум, Совет, и Знание первейшими *Духа Святаго* прославляются Дарами благочесно; обличают и опровергают оное древнейшия Идолопоклонническия, вознесшия не токмо Храбростию, не токмо Добродетелию, языческою впрочем, токмож достохвальною, но и Мудростию и благоразумием. Негодование мое на толь недо-

---

¹ Particularis.

стойное суемудрие новаго того мудреца, представляет себе здесь мысленно восставшии и ишедшии на среду оныи в Истории не умершии роды, и слышит оно их будто как вещающии сие: Что твое, о! Человек и Христианин, за дикое, или и смехотворное мудрование? Откуда ты почерпнул такое мнение? Где преисполнился отнюд не божескаго вдохновения? Кто тебя сему научил, или подустил лучше? Кто? Скажи нам толь истинно, коль мудрствовал ты ложно. Можешь ли сею лжею обнесть наши оставшиися Писания? И буде на нас клеветтешь; то с каким бесстыдством? Вами, вами самими, о! глубокии наши Мудролюбцы, благоразумныи Законоположники, краснословныи Витии, сладкопесенныи Стихотворцы, свидетельствуемся, коих многия Сочинения Христианскими не без великия обращаются пользы руками, свидетельствуемся вами, и вас взываем, не от нас ли предано, что «Мудрость есть Матерь всем изрядным Учениям, и Царица всем Добродетелям, коея ни полезнее, ни преславнее, ни бесценнее ничто не-дано свыше человеческой жизни»?¹ Не нашиль восклицания побуждают не токмо обучаться Мудрости, но и самой Добродетели? Не гласят ли они: «научись, о! Каждый отрок, Добродетели, и совокупно постоянному, великодушному, да и достодолжному трудолюбию»?² Не мы ль и поныне в книгах вопием наших: «кто обучился исправно и верно преизящным Наукам, тот свои нравы и украсил Добродетелию, и умяхчил их, и удобрил, и совокупно не стал быть ни диким, ни грубым, ни невеждою»?³ Так громогласно трубят на неисчетных местах в Сочинениях

---

¹ «Ita fit, ut mater omnium bonarum Artium Sapientia sit: a cuius amore graeco verbo philosophia nomen inuenit, qua nihil a diis immortalibus uberius, nihil florentius, nihil praestabihus hominum vitae datum est». Cic. de Leg. I.n. 22; Princepsque omnium Virtutum est illa Sapientia, quam Σοφίαν vocant. Cic. de offic. I.n. 43.

² Disce, puer, virtutem ex me, propriumque Laborem. Virg. Aeneid. Lib. 12. V. 436.

³ Adde quod, ingenuas didicisse fideliter Artes, Emollit mores, nec finit esse feros. Ouid. de pont. Eleg. 9.V.77.

своих все оныи язычники! Того ради, не Науки, поистинне не Науки причиною развращенных нравов; но почитай общее презрение к Учениям, и потом злое употребление рассуждения, необузданная страсть, слабость попушенная природы, прелесть мирских сластей и роскошей, и наконец, наведенная невоздержанием и суемудрием слепота умной силе, и окамененное нечувствие истиннаго блага в прихотьствующем самоволии. Сие все есть смертоносный вред и Правоверию и Добронравию, а не Науки: ибо все сие и препятствует обучаться Добродетели твердо.

Комментарии

«Слово о мудрости, благоразумии, и добродетели» Тредиаковского было впервые напечатано в его «Сочинениях и переводах как стихами так и прозою» (Т. 2, СПб., 1752. С. 236–315). Выбранный для публикации отрывок представляет собой наиболее ранний полемический отклик в России на трактат Ж.Ж.Руссо (1712–1778) «Рассуждение о науках и искусствах» 1750 г. Рационалистическая философия Тредиаковского, поэта и теоретика классицизма, убежденного в абсолютной ценности разума, знаний и науки, обусловила резкую критику в его речи идей руссоизма, основанных на отрицании науки, прогресса и цивилизации и их положительного влияния на нравственное состояние общества. Трактат Руссо был впервые переведен на русский язык лишь в 1768 году. Идеи Руссо подвергались в России критике с рационалистических позиций также А.П.Сумароковым («К добру или к худу человек рождается», «О новой философической секте», «О слове Мораль») и Д.И.Фонвизинным, однако они оказались близки последующему поколению писателей — сентименталистов (Н.М.Карамзину и А.Н.Радищеву). Приведенный отрывок свидетельствует о широте интересов и эрудиции русского филолога и писателя, пристально следившего за новинками французской литературы и философии и спорами, которые они вызывали в обществе.

...Ученое негде у инославных Собрание... подтверждением и одобрением своим... увенчало такую онаго суемысленность... — Поводом для появления трактата Руссо стал конкурс, объявленный в 1749 году Дижонской академией на сочинение «Чему способствовало возрождение наук и искусств, очищению или порче нравов?» Трактат Руссо выиграл конкурс и был удостоен премии академии.

О.А.Крашенинникова

Россия и Запад в творчестве М.В.Ломоносова

Общая характеристика

Оды Ломоносова 1740—1760-х годов характеризуются острым интересом поэта к злободневным вопросам современной ему политической жизни. Созданные по законам похвального жанра, они обычно вмещают огромный спектр проблем, отнюдь не сводящихся лишь к воспеванию достоинств того или иного монарха, но имеющих прямое отношение ко внешней и внутренней политике российского государства, его славной истории, новой его роли в современных международных событиях. Кто бы ни являлся адресатом ломоносовской оды — малолетний Иван Антонович, императрица Елизавета, Петр Федорович или Екатерина II — речь в этих одах идет на самом деле совсем не о них — а о величии России в прошлом, настоящем и будущем, о ее необыкновенных, изумляющих всех успехах, о ее молодой силе, которая подчиняет своей воле весь мир. Оды Ломоносова 40—60-х годов (а также похвальные слова и неоконченная поэма «Петр Великий») стали летописью славных побед русского оружия в первой половине XVIII века, историей покорения Россией враждебной ей Европы:

Противные страны геройством и трудом
Вы в собственный себе преобратили дом,
И солнце, к нам спеша в обратной колеснице,
Готовит новой блеск Российской багрянице..

(Из поэмы «Петр Великий»)

Есть одна характерная особенность у военно-патриотических од Ломоносова. Русская армия в его изображении всегда побе-

М.В.Ломоносов

Милостивый Г-н Иванъ Ломоносовъ.

Полученное отъ Васъ въ Присоединеніи своемъ Г-ну
Васъ письмо съ выраженіемъ удивленія и удивленія и
контрактный Васъ контрактъ о Присоединеніи
всеподданнейшаго Г-на Императора Петра
Императора ПЕТРА ВЕЛИКАГО на иностранныхъ
Языкахъ. Въ семъ контрактѣ Г-на Импера-
тора не упоминается о томъ, что можно оудъ
обстоят. т. е. сего Г-на Императора Г-на
Петра это отъ власти описано, и по сему
расширеніи вѣсели Васъ Г-на Императора
Характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ Г-на Импера-
тора отъ Васъ Г-на Императора; оудъ Г-на
Императора Г-на Императора Г-на Импера-

Письмо М.В.Ломоносова И.И.Шувалову.
2 сентября 1757 г. (автограф)

И.И.Шувалов

дательница, она не умеет отступать и сдаваться врагу. В поэме «Петр Великий», в эпизоде взятия русскими Нотебургской крепости, Петр, видя большие потери войска, дает приказ князю Голицыну отступить. Однако этот приказ князем не выполняется, и он повелевает солдатам вместо отступления следовать за ним на приступ: «Бесчестен в свете вам и смертен здесь возврат; Преславно торжество, конец ваш будет свят. Дерзайте мужеством отечество прославить, Монарха своего победою поздравить». Русского солдата Ломоносов называет подвижником — ибо он побеждает врага прежде всего силой своего духа, решимостью идти до конца, готовностью положить голову за други своя, принять смерть за Отечество:

Удара и часа урочного дождав,
Спешит на подвиг свой, на положенье глав;
Им к разным путь смертям, течение прекрасно.
Представь себе, мой дух, позорище ужасно!

(Из поэмы «Петр Великий»)

Однако русским не нужна война сама по себе. Русский воин у Ломоносова никогда не бывает агрессором, нападающим — он всегда или освободитель своей земли, дающий отпор захватническим устремлениям западных королей (например, Карла XII в Северной войне со Шведской короной), или защитник слабых стран, ставших жертвой их агрессии. Миссия России — нести в Европу мир, а роль русской армии — сдерживать амбиции честолюбивых завоевателей (например, прусского короля Фридриха II), рвущихся к мировому господству. Почти все оды, где затрагиваются проблемы внешней политики России, построены на противопоставлении миролюбивых и кротких российских монархов (так, например, императрица Елизавета у Ломоносова — «ангел мира», покоя и тишины) и амбициозных, тщеславных западных королей-завоевателей, желающих диктовать всему миру свою волю: Карла XII, шведского короля Фридриха, прусского Фридриха II. Итог их агрессивной политики — безмерные бедствия, разорение и обнищание народов Европы, изнемогающих под бременем затяжных и кровопролитных войн.

Поэтому страны Европы с надеждой смотрят на Россию как на реальную силу, которая способна остановить войну, обеспечить надежную защиту политически слабым государствам, установить прочный и стабильный мир. Трезвый политик своего времени, Ломоносов хорошо понимает, что путь к миру лежит через войну, через защиту своих государственных интересов с оружием в руках.

Для публикации выбраны несколько од Ломоносова 1740—1760-х годов и отрывков из них, а также фрагменты из поэмы «Петр Великий» и «Слова похвального ...Петру Великому», отражавшие основные этапы победоносного шествия России на Запад в первой половине восемнадцатого века. Исторической основой для создания этих произведений послужили следующие события внешней политики России: взятие Ореховца (Нотебургской крепости) Петром I в Северной войне, Вильмандstrandская победа над шведами в 1741 году, Рейнский поход русской армии 1747 года, победа над прусской армией под Кунерсдорфом в 1759 году и, наконец, предательский по отношению к России мирный договор с Пруссией, заключенный Петром III в 1762 году.

Тексты публикуются по Полному собранию сочинений М.В.Ломоносова, т. 8 (Поэзия, ораторская проза, надписи. 1732—1764 гг.). М.; Л., 1959. В основу комментариев положены примечания к произведениям Ломоносова, опубликованные в Приложении к 8 тому Полного собрания сочинений (с. 864—1209).

О.А.Крашенинникова

Текст

М.В.Ломоносов

**Первые трофеи Его Величества Иоанна III,
императора и самодержца всероссийскаго,
через преславную над шведами победу
августа 23 дня 1741 года в Финландии
поставленные и в высокий день тезоименитства
его императорскаго величества
августа 29 дня 1741 года
в торжественной оде изображенные
от всеподданнейшаго раба Михаила Ломоносова**

Ода

[1]

Российских войск хвала растет,
Сердца продерсски страх трясет,
Младой Орел уж льва терзает;
Преж нежель ждали, слышим вдруг
Победы знак, палящий звук.
Россия вновь трофей вздымает
В другой на Финских раз полях.
Свой яд премерску зависть травит,
В неволю тая храбрость славит,
В Российских зрила что полках.

[2]

Оставив шум войны, Градив¹,
Изранен весь, избит, чуть жив,
К полочным с южных стран склонился.

---

¹ Марс (прим. Ломоносова).

Иоанн VI

Искал к покою гор, пещер,
У Финских спать залег озер,
Тростник подслав, травой покрылся.
«Теперь уж, — молвил, — я вздохну:
Изойдут язвы толь глубоки.
Бежите, брани прочь жестоки,
Ищите вам мою сестру!»

[3]

Кровавы очи лишь сомкнул,
Внезапно тих к себе почул
Приход Венеры и Дианы.
Лилей стали в раны класть,
Впустили в них лечебну масть,
Смешавши ту с водой Секваны:
«Ах, встань, прехраброй воин, встань
О старой нашей вспомни дружбе,
Вступи к твоей некосно службе,
Внеси в Россию тышку брань!»

[4]

Вскочил, как яр из ложа лев,
Колеблет стран пределы рев.
Не так, на верх высокой Эты
Поднявшись, брат его² шумел,
Как яд внутри его кипел.
Уж действия есть его приметы.
Мутятся смежны нам брега,
Стокгольм, подобным пьянством шумен,
Уязвлен злобой, стал безумен,
Отмкнуть велит войны врата.

---

¹ Беллону.

² Геркулес.

[5]

Но что за ветер с вечерних стран
Пронырства вас закрыл в туман?
Не зрела чтоб того Россия,
Что ваших войск приход значит?
Зачем ваш збор у нас стоит?
В закрытье видны мысли злая,
В шерсти овечьей знатен волк.
Хоть Аннин зрак от нас высоко,
Вторая есть, Которой око
Эрит, твой к чему намерен полк.

[6]

К пределам нашим чтож пришли?
Надежда кажет что впреди?
Надежда ныне вам не лжива!
К себе вас та земля влечет,
В которой мед с млеком течет?
Нуж впредь; пройдите! Нет и дива!
Ведь вы почти уж так в Раю.
Коль блиско наша к вам столица!
Но ближе тем парит Орлица,
Что правит Свой полет ко льву.

[7]

Не сам ли с вами есть Нимврод,
Собрался весь где ваш народ?
Что землю он прилежно роет?
Воздвигнуть хочет столп и град?
Рушить прямой природы ряд?
Ужасну в свете вещь откроет!
Все ждут, чего не знают ждать.
Да чтож увидим мы за диво?
Колено хочет то кичливо
Другу Полтаву тут создать.

[8]

Смотри, тяжка коль Шведов страсть,
Коль им страшна Российска власть.
Куда хотят, того не знают:
То тянут, то втыкают мечь,
То наш грозятся мир пресечь,
То оной в век хранить желают;
Чинят то умысл нам жесток,
Хотят нам желчи быть горяче;
То воску сердце их мягчае;
Однако вас сыскал свой рок.

[9]

Противу ветров сильных плыть,
Среди несносных бурь вступить
Отважны их сердца дерзнули.
Колючей терн, сухой тростник,
Таился в коих зной велик,
Теперь уж явно всем вспыхнули.
Войну открыли Шведы нам:
Горят сердца их к бою жарко;
Гремит Стокгольм трубами ярко,
Значит в свету свой блиский срам.

[10]

Однако топчут, режут, рвут,
Губят, терзают, грабят, жгут,
Склоняют нас враги под ноги;
Российску силу взяли в плен,
Штурмуют блиско наших стен,
Щитают: вот добычи многи,
Да гдеж? — в спесивом их мозгу.
А в деле ужас потом мочит,
И явно в сердце дрожь пророчит,
Что будет им лежать в низу.

[11]

Подобно быстрой как сокол
С руки ловцовой в верх и в дол
Бодро взирает скорым оком,
На всякой час взлететь готов,
Похитить, где увидит лов
В воздушном царстве свой широкою, —
Врагов так смотрит наш солдат,
Врагов, что вечной мир попрали,
Врагов, что наш покой смущали,
Врагов, что нас пожрать хотят.

[12]

Уже ступает в свой поход
К трудам избранной наш народ,
Нагим мечем на запад блещет,
Которой скрасит Шведска кровь,
Что брань начать дерзнула вновь.
Противных ближней край трепещет.
На Финском небе черной дым,
Российска ревность где кипела.
Сквозь слезы видит житель села,
Зажгла что месть огнем своим.

[13]

Вспятить не может их гора,
Металл и пламень что с верха
Жарчае Геклы к ним рыгает.
Хоть купно Вилманстранд на них
Ретиво толь со стен своих
Подобной блеск и гром пускает,
Но искрам и огню претят
Полки, сильнейши гор палящих
И ярко смертью им грозящих,
Стрелам подобно сквозь летят.

[14]

В морях как южных вечной восток
От гор Атлантских вал высок
Крутит к брегам четвертой части,
С кореньем вырвав, лес валит;
Пустыня, луг и берег дрожит,
Хотят подмыты горы пасти,—
Российский воин так врагам
Спешит отмстить, свиреп грозою,
Збивает сильной их рукою,
Течет ручьями кровь к ногам.

[15]

Вдается в бег побитый Швед,
Бежит Российский конник в след
Через Шведских трупов кучи бледны
До самых Вилманстрандских рвов,
Без щету топчет тех голов,
Что быть у нас желали вредны.
Стигийских¹ вод шумят берега,
Гребут по ним побитых души,
Кричат тем, что стоят на суши,
Горька опять коль им беда.

[16]

За нами пушки, весь припас,
Прислал что сам Стокгольм про нас:
Дает подарок нам в неволю.
При Вилманстранде слышен треск,
Мечей кровавых виден блеск.
Ты будешь скоро равен полю,
Дерзнешь в упрямстве ежель стать.
Подумать было кратко время;

---

¹ Адских.

Анна Леопольдовна

В момент Славенско храбро племя
Успело твой отпор поправить.

[17]

Последний конник вспять бежит,
Оставшей труп и стыд смердит.
К себе скоряе в дом спешите,
Скажите там приятну весть,
Какую здесь достали честь,
Добычи часть друзьям дарите.
Не Карл ли тут же с вами был?
В Москву опять желал пробиться?
Никак вам это в правду снится.
Скачите в след; он кажет тыл.

[18]

Не то ли ваш воинской цвет,
Всходил которой двадцать лет,
Что долго в неге жил спокойной.
Вас тешил мир, нас Марс трудил;
Солдат ваш спал, наш в брани был,
Терпел Беллоны шум нестройной.
Забыли что вы так щитать,
Что десять Руских Швед прогонит?
Пред нами что колени клонит
Хваслив толь нашей славы тать?

[19]

На вот вам ваших бед почин:
Соседа в гнев ввели без вин,
Давайте в том другим примеры.
Избранной воин ваш попрап.
Где ваш снаряд, запасы, стан?
Никак тому неймете веры.
Хотя и млад Монарх у нас,
Но славны Он чинит победы,

В Своих ступает Предков следы,
Недавно что карали вас.

[20]

Высокой крови Царской Дщерь
Сильнейшей Что рукою дверь,
Отверзла к славнейшим победам!
Тобою наш Российской свет
Во всех землях, как крин, цветет,
Наводит большой страх соседям.
Твоя десница в первой год
Поля багрит чрез кровь противных,
Являет нам в признаках дивных,
Созреет коль преславлен плод.

[21]

Доброт чистейший лик вознес
Велику Анну в дверь небес,
Откуда зрит в России ясно
Монарха в лавровых венцах
На матерних Твоих руках,
Низводит весел взор всечасно.
К Героям держит речь сию:
«Вот всех Моя громчайша слава!
Во днях младых сильна держава,
Взмужав до звезд прославит ту».

[22]

Отца отечества Отец,
Вручил Кому небес Творец
Храбрейшу в свете силу править,
Твоих премного сколь похвал,
Сам наш завистлив враг познал,
Не может сам Тебя не славить.
В бою Российской всяк солдат,
Лиш толькоб для Иоанна было,

Твоей для славы лиш бы слыло,
Желает смерть снести стократ.

[23]

Прекрепкий Боже, сильный Царь,
Что всю рукою держиш тварь,
Зриш, что враги встают напрасно,
Жезлом карай их мести сам,
Подай всегда победы нам,
Твое что имя славим гласно.
Не ищут естли брань пресечь,
Подай, чтоб также в них вонзился
И новой кровью их багрился
Нагретый в ней Иоаннов мечь.

Комментарии

Ода напечатана в «Примечаниях к Ведомостям» 11 сентября 1741 года (чч. 73—74, с. 288—296), а также отдельным изданием 1741 года. Это стихотворение является первым произведением, в котором Ломоносов выступил в печати под полным своим именем. Ода была написана между 23 августа (день победы русских войск над шведами под Вильманстрандом) и 29 августа (день тезоименитства императора Ивана Антоновича) 1741 года.

В 1739—1741 годах шла деятельная подготовка шведов к войне с Россией, которая была объявлена 28 июня 1741 года. Целью западноевропейских держав (среди которых важную роль сыграла также французская дипломатия) было пересмотреть результаты Ништадтского мира, заключенного Петром I со шведами в 1721 году, и оттеснить Россию от Балтийского моря. Шведы требовали возвращения завоеванных Петром I Выборга и Кексгольма. Театром военных действий была Финляндия. Вильманstrand — шведское название города Лаппенранта в Южной Финляндии, на южном берегу оз. Сайма. Этот погра-

ничный город был обращен шведами в укрепленную крепость, удобную для вторжения в русскую Карелию. Победа русских войск под Вильманстрандом 23 августа решила исход войны со Швецией в пользу России.

Младой Орел уж льва терзает — Орел — герб России, лев — герб Швеции.

Россия вновь трофей вздымает В другой на Финских раз полях. — Первой победой на финской территории было взятие Петром I Выборга в 1710 году.

...Градив... — Карл XII.

...К полочным с южных стран склонился. — После поражения под Полтавой Карл XII бежал в Турцию, откуда вернулся в Швецию в 1715 году.

...Приход Венеры и Дианы... — Богини любви и охоты в римской мифологии. Намек на две страсти, которым предавался шведский король Фридрих, преемник Карла XII.

...Лилеи стали в раны класть... Смешавши ту с водой Секваны — Лилеи — лилии, герб Франции. Секвана — латинское название реки Сены.

«...Внеси в Россию тяшку брань!» — Французская дипломатия, субсидируя шведское правительство, склонила его к объявлению войны России.

Не так, на верьх высокой Эты Поднявшись, брат его шумел, Как яд внутри его кипел. — Имеется в виду Геркулес-Геракл, умерший мучительной смертью на горе Эте, отравленный кровью кентавра Несса, смешанной с ядом лернейской гидры.

...Стокгольм, подобным пьянством шумен, Уязвлен злобой, стал безумен... — Франция, о которой шла речь выше, уподобляется жене Геракла Деянире, пославшей в подарок мужу, чтобы сохранить его любовь, отравленный плащ. По мысли Ломоносова, подстрекательство Франции к войне с Рос-

сией под предлогом любви к Швеции, обрекает последнюю на поражение и гибель.

Зачем ваш збор у нас стоит? — К весне 1741 года шведы придвинули к границам России 30 000 войска.

...Аннин зрак от нас высоко... — Имеется в виду умершая императрица Анна Иоанновна.

...Вторая есть, Которой око Зрит... — Речь идет о матери Ивана Антоновича Анне Леопольдовне.

Ведь вы почти уж так в Раю. Коль блиско наша к вам столица! — Подразумевается распространенное в XVIII веке уподобление Петербурга раю.

Не сам ли с вами есть Нимврод... — Нимврод (Быт. X, 8–9) — сын Хуша, особенно отличающийся от других его сыновей, «первый богатырь на земле», «могучий охотник пред Господом». Под его властью находились Вавилон, Эрех, Аккад и Кальнэ; в Ассирии он будто бы построил Ниневию и Калах. Считается вождем тех лиц, которые предприняли постройку Вавилонской башни.

Что землю он прилежно роет? ... Колено хочет то кичливо Другу Полтаву тут создать. — Укрепление шведами крепости Вильманstrand напоминает Ломоносову об их фортификационных работах под Полтавой, предшествовавших Полтавской битве.

...То наш грозятся мир пресечь, То оной в век хранить желают... — Швеция после заключения мирного договора с Россией 1724 года то возобновляла союз с Россией, то начинала готовиться к войне с ней.

...Врагов, что вечной мир попрали... — Ништадтский мир со шведами (1721), заключенный Петром I, был провозглашен «вечным, истинным и неразрывным».

...К трудам избранной наш народ... — Эд.: избранный к войне.

Вспятить не может их гора — Шведская артиллерия была сосредоточена на имеющейся в городе высокой горе.

...Жарчае Геклы к ним рыгает. — Гекла (Некла) — известный вулкан в южной части Исландии.

...Вечной восток... — Ветер, вечно дующий с востока.

...От гор Атлантских вал высок Крутит к брегам четвертой части... — Вест-индские ураганы в Атлантическом океане от берегов Африки по направлению к Центральной Америке.

...Бежит Российский конник в след... — Бегущие шведы преследовались русской конницей.

За нами пушки... — Русские войска захватили в Вильманстранде 12 пушек.

Не Карл ли тут же с вами был? — Шведский король Карл XII.

...Беллоны... — Богиня войны (рим.).

Хотя и млад Монарх у нас... — Российскому императору Ивану Антоновичу был в то время один год.

Высокой крови Царской Дщерь... — Обращение к Анне Леопольдовне.

...крин... — Лилия.

...Велику Анну... — Императрицу Анну Иоанновну.

Отца отечества Отец... — Имеется в виду отец Ивана Антоновича принц Антон-Ульрих, генералиссимус русских войск.

Текст

**Ода
на прибытие Ея Величества
великия государыни императрицы
Елисаветы Петровны
из Москвы в Санкт-Петербург
1742 года по коронации**

Отрывок

9

Но что страны вечерни тмятся
И дождь кровавых капель льют?
Что Финских рек струи дымятся,
И долы с влагой пламень пьют?
Там, видя выше горизонта
Входяща Готфска Фаетона
Против течения небес
И вокруг себя горящий лес,
Тюмень в брегах своих мутится
И воды скрыть под землю тщится.

10

Претящим оком Вседержитель
Воззрев на полк вечерний рек:
«О дерсский мира нарушитель,
Ты мечь против Меня извлек.
Я правлю солнце, землю, море,
Кто может стать со мною в споре?
Моя десница мечет гром,
Я в пропасть сверг за грех Содом,
Я небо мраком покрываю;
Я Сам Россию защищаю».

Елизавета Петровна

11

Но Вышний зрак свой отвращает
От Готфских ослепленных стран
И тем продерзость их смущает,
Трясет полки их, флот и стан;
Как сильный вихрь, с полей прах гонит
И древ верхи высоки клонит;
Богине Росской гром вручил,
Чем злость разить противных сил;
«Прими разженны к мести стрелы,
Разсыпь врагов своих пределы».

12

Стокгольм, глубоким сном покрытый,
Проснись, познай Петрову кровь,
Не жди льстецов своих защиты,
Отринь коварну их любовь;
Ты всеу Солнце считаешь
И пред Луной себя склоняешь;
Целуй Елисаветин мечь,
Что ты принудил сам извлечь:
Его смягчит одна покорность,
Остриг кичливая упорность.

13

Примеры храбрости Российской
Представь теперь в уме своем;
Воззри на Дон и край Понтийской,
Смиранный мстительным огнем.
Там степи, кровью напоенны,
Родили лавры нам зелены.
Багорова там земля тряслась,
И к небу с дымом пыль вилась;
Россиян твердо грудь стояла,
И слава их во мгле блистала.

14

Свою Полтавску вспомни рану,
Что знать еще в груди твоей,
И гордость при Днепре погранну,
И многий плен твоих людей,
За Обския брега вселенный,
Хребтом Рифейским заключенный,
За коим сильна Росска власть
Велику держит востока часть,
Где орды ей збирают дани,
По ней всегда готовы к брани.

15

Как нельзя лить рекам к вершине
Против крутизны вод своих
И силы взять огню в пучине,
Так к нам ввести людей твоих.
Орлы на тое не взирают,
Что львовы челюсти зияют.
Вотще твой хитрый был совет:
Россию сам Господь блюдет;
Рукою Он Елисаветы
Противных разрушит наветы.

16

Уже и морем и землею
Российско воинство течет
И сильной крепостью своею
За лес и реки Готов жмет.
Огня ревущаго удары
И свист от ядр летящих ярый
Згущенный дымом воздух рвут
И тяжких гор сердца трясут;
Уже мрачится свет полдневный,
Повсюду вид и слух плачевный.

17

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж Готфскими полками
Бежит ярясь из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух;
Там тысящи валяются вдруг.
Но естли хочешь видеть ясно,
Коль Росско воинство ужасно,

18

Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею понт;
Простри свое чрез воды око,
Коль много обнял Горизонт;
Внимай, как Юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на зыбь ставит,
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину
И с морем дождь и град мешает:
Так Росс противных низлагает.

19

Как ежели на Римлян злился
Плутон, являя гнев и власть,
И естли Град тому чудился,
Что Курций, видя мрачну пасть,
Презрел и младость, и породу,
Погиб за Римскую свободу,
С разъезду в оную скочив,—
То ей! Квириты, Марк ваш жив
Во всяком Россе, что без страху
Чрез огонь и рвы течет с размаху.

20

Всяк мнит, что равен он Алкиду
И что, Немейским львом покрыт
Или ужасную Егиду
Нося, врагов своих страшит:
Пронзает, рвет и разсекает,
Противных силу презирает.
Смешившись с прахом, кровь кипит;
Здесь шлем с головой, там труп лежит.
Там мечь, с рукой отбит, валится.
Коль злоба жестоко казнится!

21

Народы, ныне научитесь,
Смотря на страшну гордых казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренню приязнь;
На множество не уповайте
И тем небес не раздражайте:
Мечи, щиты и крепость стен —
Пред Божьим гневом гниль и тлен:
Пред ним и горы исчезают,
Пред ним пучины изсыхают.

22

Бежит в свой путь с весельем многим
По холмам грозный Исполин,
Ступает по вершинам строгим,
Презрев глубоко дно долин,
Вьет воздух вихрем за собою;
Под сильною его пятою
Кремнистые бугры трещат,
И следом дерева лежат.
Что множество веков стояли
И бурей ярость презирали.

23

Так флот Российский в понт дерзает,
Так роет он поверьх валов,
Надменна бездна уступает,
Стеня от тягости судов.
Во след за скорыми кормами
Спешит седая пена рвами.
Весельный шум, гребущих крик
Наносят Готам страх велик;
Уже надежду отвергают
И в мгле свой флот и стыд скрывают.

24

Не Швед ли мнил, что он главою,
Как Атлас, держит целой свет
И море сильною рукою
И полной властью в узах жмет,
Что твердь с собой в союзе свяжет
И вспять итти Луне укажет?
Однако род Российский знал
И мысленно тогда взирал,
Когда он стал на нас грозиться,
Как он бежит, как нас страшится!

25

На нивах жатву оставляет
От мести уstraшенный Фин,
И с гор, оцепенев, взирает
На дым, всходящий из долин,
На мечь, на Готов обнаженный,
На пламень, в селах воспаленный;
Там ночью от пожаров день,
Там днем в пыли ночная тень;
Багровый облак в небе рдеет,
Земля под ним в крови краснеет.

26

Но холмы и древа скачите,
Ликуйте, множества озер,
Руками, реки, восплещите,
Петрополь буди вам пример:
Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит;
Любя вселенная покой,
Уже простертой вам рукой
Дарует мирные оливы,
Щадить велит луга и нивы.

27

Хоть с вамиб, Готы, к вам достигли
Поящи запад быстрины,
Хотя бы вы на нас воздвигли
Союзы ваши все страны,
Но тщетны былиб все походы:
Незнаемые вам народы,
Что дале севера живут,
Того по вся минуты ждут,
Что им велит Елисавета,
Готовы стать противу света.

28

О слава жен во свете славных,
России радость, страх врагов,
Краса Владетельниц державных!
Всяк кровь свою пролить готов,
За многия твои доброты
И к подданным твоим щедроты.
Твой слух пленил и тех людей,
Что странствуют среди зверей,
Что с лютыми пасутся львами.
За честь Твою восстанут с нами.

29

Твое прехвально имя пишет
Неложна слава в вечном льде,
Всегда где холодный север дышет
И только верой тепл к Тебе;
И степи в зное отдаленны,
К Тебе любовьию возженны,
Еще усерднее горят.
К Тебе от восточных стран спешат
Уже Американски волны
В Камчатской порт, веселья полны.

30

В шумящих берегах Балтийских
Веселья больше, нежели вод,
Что видели судов Российских
Против врагов щастливый ход.
Коль радостен жених в убранстве,
Толь Финский понт в Твоем подданстве.
В проливах, в устьях рек, в губах
Играя, Нимфы вьют в руках,
Монархиня, венцы лавровы
И воспевают песни новы.

31

О чистый Невский ток и ясный,
Щастливейший всех вод земных!
Что сей Богини лик прекрасный
Кропишь теперь от струй своих,
Стремись, шуми, теки обильно,
И быстриной твоей насильно
Промчись до Шведских берегов
И больше устраши врагов,
Им громким шумом возвещая,
Что здесь зимой весна золотая.

32

Как лютый мраз она прогнавши
Замерзлым жизнь дает водам,
Туманы, бури, снег поправши,
Являет ясны дни странам,
Вселенну паки воскрешает,
Натуру нам возобновляет,
Поля цветами красит вновь:
Так ныне милость и любовь,
И светлый Дщери взор Петровой
Нас жизнью оживляет новой.

33

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сон?
Еще горит во мне охота
Торжественный возвысить тон.
Мне вдруг ужасный гром блистает,
И купно ясный день сияет!
То сердце сильна власть страшит,
То кротость оное живит,
То бодрость страх, то страх ту клонит:
Противна страсть противну гонит!

34

На запад смотрит грозным оком
Сквозь дверь небесну Дух Петров,
Во гневе сильном и жестоком
Преступных он мятет врагов.
Богиня кротко с ним взирает
На Невский брег и простирает
Свой перст на Дщерь свою с высот:
«Воззри на образ твой и плод,
Что все дела твои восставит
И в свете тем себя прославит».

Петр I

35

«Исполнен я веселья ныне,
Что вновь дела мои растут,—
Вещает Петр к Екатерине,—
Твои советы все цветут.
Блаженны Дщерью мы своею;
Рука Господня буди с Нею;
Блажен тот год, тот день и час,
Когда Господь ущедрил нас,
Подав Ее нам на утеху
И всех трудов моих к успеху».

36

Но речь их шумный вопль скрывает:
Война при Шведских берегах
С ужасным стоном возрыдает,
В угрюмых кроется лесах.
Союз приходит вожделенный
И глас возносит к ней смиренный:
«Престань прекрасный век мрачить
И Фински горы кровавить:
Се царствует Елисавета,
Да мир подаст пределам света.

37

Хотя твои махины грозны,
Но сплавлю их в зваянный вид,
Чтоб знали впредь потомки позны,
Что ныне свет в России зрит.
Я вящщи учиню премены,
Когда градов пространны стены
Без пагубы людской сотру,
В огромные столпы сберу;
Превыше будут те Мемфийских
Монархов славою Российских.

Екатерина I

Мечи твои и копыя вредны
Я в плуги и в серпы скую;
Пребудут все поля безбедны,
Отвергнув люту власть твою.
На месте брани и раздора
Цветы свои рассыплет Флора.
Разить не будет серный прах
Сквозь воздух огонь и смерть в полках,
Но, озарив веселы ночи,
Восхитит зрящих дух и очи»...

Комментарии

Стихотворение было написано в промежутке между 26 сентября (обнародование в Академии наук Указа Сената о том, что императрица Елизавета Петровна собирается выехать из Москвы в Петербург) и 20 декабря (дата возвращения императрицы в Петербург) 1742 года. Отрывки из оды были опубликованы в «Риторике» 1748 года, а полностью она впервые появилась в Сочинениях Ломоносова 1751 года. Ода написана в обстановке подъема национального самосознания в русском обществе, вызванного падением Бирона, Миниха и Остермана, изгнанием иностранцев с ключевых постов управления страной, а также успешным окончанием войны со шведами.

...Готфска... — Шведского.

...Фэтона... (миф.) — Сын бога солнца Гелиоса, упросивший отца один день самостоятельно править солнечной колесницей, не удержал коней, и колесница стала отклоняться к земле, сжигая все живое. Зевс поразил Фэтона молнией, чтобы спасти мир от гибели.

...против течения небес... — Не с востока, а с запада, откуда шведы наступали на русских.

...Тюмень... — Кюмень или Кюммене, река в южной Финляндии.

...Содом... (др.-евр.) — В наказание за греховность жители этого библейского города были уничтожены землетрясением и огненным дождем.

...Богине Российской... — Императрице Елизавете Петровне.

Ты все Солнце почитаешь и пред Луной себя склоняешь... — Солнце — Франция, Луна — Турция. Франция пыталась склонить Турцию к военному союзу со Швецией против России.

...край Понтийской, Смиранный мстительным огнем. — Черноморское побережье, покоренное Россией в русско-турецкую войну 1739 года.

...И многих плен твоих людей, ... Хребтом Рифейским заключенный... — Шведы, взятые в плен в Северной войне, были сосланы в Сибирь, за Уральские горы.

Орлы... — Русские.

...львовы челюсти... — Шведы.

...Курций... — Римский гражданин, который, по преданию, не задумываясь бросился в пропасть, чтобы спасти Рим от гнева бога подземного царства Плутона.

Квириды... — Название граждан Древнего Рима, употреблявшееся в официальных обращениях.

Всяк мнит, что равен он Алкиду И что, Немейским львом покрыт — Алкид — Геракл (гр.), герой, обладавший необычайной силой. Победив Немейского льва, он всегда носил на себе его шкуру.

...Или ужасную Егиду нося... — Егида (Эгида) — щит, атрибут Зевса и богини войны Афины. Последняя носила щит с изображением головы Горгоны.

...Наносят Готам страх велик... — В военных действиях против Швеции принимал участие и русский галерный флот.

...Атлас... (гр.) — Атлант, титан, державший на краю земли на плечах огромные столбы, разделяющие небо и землю.

...Там ночью от пожаров день... — Русский главнокомандующий П.П.Ласси дал распоряжение о поджоге финских деревень, чтобы вынудить шведов к окончанию войны.

...Елисавета к вам приходит, Отраду с тишиной приводит... — Имеется в виду правительственный манифест, предлагавший финнам не принимать участия в военных действиях и обещавший содействовать провозглашению Финляндии независимым государством.

К Тебе от восточных стран спешат Уже Американски волны В Камчатской порт, веселья полны. — 29 октября 1742 года в Петербурге было получено известие о том, что русская морская экспедиция В.Беринга и А.И.Чирикова достигла берегов Северной Америки.

Богиня кротко с ним взирает... — Императрица Екатерина I, мать Елизаветы Петровны.

Хотя твои махины грозны, Но сплавлю их в зваянный вид... — Т.е. переплавлю артиллерийские орудия в статуи.

...В огромные столпы сберу... — В пирамиды, дворцы.

...Превыше будут те Мемфийских Монархов... — Мемфис — древнеегипетский город, развалины которого находятся близ Каира. В 3-ем тысячелетии до н.э. был столицей Египта, местом пребывания египетских фараонов. Знаменит сохранившимися в нем гробницами царей и знати, произведениями древнеегипетского искусства.

Разить не будет серный прах... Но, озарив веселы ночи, Восхитит зрящих дух и очи. — Т.е. порох будет тратиться только на фейерверки.

Текст

Ода

**на день восшествия на престол Ея Величества
государыни императрицы Елисаветы Петровны
1748 года**

Отрывок

9

Тогда во все пределы Света,
Как молния, достигнул слух,
Что царствует Елисавета,
Петров в себе имея дух.
Тогда нестройные соседы
Отчаялись своей победы
И в мысли отступали вспять.
Монархиня, кто Россов знает
И ревность их к Тебе внимает,
Помыслит ли противу стать?

10

Что Марс кровавый не дерзает
Руки своей простерти к нам,
Твои он силы почитает
И власть, подобну небесам.
Лев ныне токмо зрит ограду,
Чем путь ему пресечен к стаду.
Но море нашей тишины
Уже пределы превосходит,
Своим избытком мир наводит,
Разлившись в западны страны.

11

Европа, утомленна в брани,
Из пламени подняв главу,

К Тебе свои простерла длани
Сквозь дым, курение и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чем для блаженства смертных рода
Всевышний наш украсил век,
Склонилась для ея защиты,
И мечь Твой, лаврами обвитый,
Не обнажен, войну пресек.

12

Европа и весь мир свидетель,
Народов разных миллион,
Колика ныне добродетель
Российский украшает трон.
О как сие нас услаждает,
Что вся вселенна возвышает,
Монархиня, Твои дела!
Народов Твоя державы
Различна речь, одежда, нравы,
Но всех согласна похвала.

Комментарии

Стихотворение было написано Ломоносовым в конце октября — ноябре 1748 года, когда в С.-Петербурге было получено известие о заключении Ахенского мира, которым закончилась война за австрийское наследство в Европе (1740—1748 гг.). В течение всего 1747 года Австрия, Англия и Голландия вели переговоры с русским правительством, настаивали на посылке союзных русских войск против Франции и Пруссии. В сентябре 1747 года Елизавета дала свое согласие на посылку русских войск к берегам Рейна. Однако поход русских войск обошелся без кровопролития: их движение к берегам Рейна заставило воюющие стороны заключить мир и остановило войну, которая велась в Европе в течение семи лет.

Тогда нестройные соседы Отчаялись своей победы И в мысли отступали вспять. — Речь идет о шведах в русско-шведской войне 1741—1743 годов.

Лев... — Герб Швеции.

Лев ныне токмо зрит ограду, Чем путь ему пресечен к стаду. — Мирный договор Швеции с Россией 1743 года.

Но море нашей тишины... Своим избытком мир наводит, Разлившись в западны страны. — Речь идет о Рейнском походе русских войск, ускорившем заключение мира в Европе.

Текст

Слово похвальное блаженным памяти государю императору, Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года

Отрывок

...Укрепилось Российское воинство и в двадцатилетнюю войну с короною Шведскою и потом в другие походы наполнило громом оружия и победоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое под Нарвою сражение было не удачливо, но противных преимущество и Российскаго воинства уступление к их прославлению и к нашему уничтожению больше от зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самую вещью, ибо, хотя Российское войско было по большей части двулетное против старого и к сражениям приобыкшаго, хотя несогласие учинилось между нашими полководцами и злохитрой переметчик открыл неприятелю все обстоятельства нашего стана и хотя Карл второйнадесять скоропостижным нашествием не дал времени Россиянам построиться, однако они и по отступлении отняли у неприятеля смелость продолжать бой и докончать победу, так что оставшаяся в целости Российская Лейбгвардия и немало протчаго войска за тем только напасть на неприятеля не отважились, что не имели главных

предводителей, которых Он, призвав для мирного договора, удержал как своих пленников. Того ради гвардия и протчее войско с оружием, с военною казною, распустив знамена и ударив в барабаны, в Россию возвратились. Что сия не удача больше для показанных нещастливых обстоятельств, нежели для неискусства войск Российских приключилась и что Петрово новое войско уже в младенчестве своем могло побеждать привыкшие полки противных, доказали в следующее лето и потом многия одержанные над ними преславныя победы.

Я к вам обращаю мое слово, ныне мирные соседи, когда вы сии похвалы военных дел нашего Героя, когда вы превозносимыя мною победы Российскаго воинства над вами услышите, не в поношение, но больше в честь вашу припишете, ибо стоять долгое время против сильнаго Российскаго народа, стоять против Петра Великаго, против Мужа, посланнаго от Бога на удивление вселенныя, и, наконец, быть от Него побежденным есть славнее, нежели победить слабые полки под худым предводительством. Почитайте по справедливости истинною своею славою храбрость Героя вашего Карла и по согласию всего света утверждайте, что едва бы кто возмог устоять пред лицом его гнева, когда бы чудною Божескою судьбою не был в Отечестве нашем против Его воздвигнут Петр Великий. Его храбрые и введенным регулярством устроенные полки воспоследовавшими в скором времени победами доказали, коль горяча их ревность, какво в военном деле искусство, приобретенное от премудраго наставления и примера. Оставляя многочисленныя победы, которыя Российское воинство сражениями числить приобыкло, не упоминая великаго множества взятых городов и твердых крепостей, имеем довольное свидетельство в двух главных победах, под Лесным и под Полтавою. Где более удивил Господь свою на нас милость? Где явственнее открылось, коль сильные имело успехи в заведении новаго войска благословенное начинание и ревностное рачение Петрово? Что сего чуднее, что не вероятнее могло воспоследовать? Войско, к регулярству давно приобыкшее, из областей неприятельских дерзостию к бою славных приведенное, под предводительством начальников, в воинском уп-

ражнении все время положивших, войско, всякими снарядами преизобильно снабденное, уклоняется от сражения с новыми Российскими полками, числом много меньшими. Но оне, не дая сопротивным отдохновения, быстрым течением постигли, сразились, победили, и главной их предводитель с малыми остатками едва пленения избыл, что бы принести своему Государю плачевныя вести, которыми хотя он сильно возмущился, однако мужественным и стремительным духом бодрствуя, еще поощрялся против России, еще не мог увериться, что бы малолетное войско Петрово могло устоять против его возмужавшей силы, наступающей под его самого предводительством и, надеясь на дерзостныя обнадеживания бессовестнаго России изменника, не усомнелся вступить в украинские пределы нашего Отечества. Обращал высокомерными размышлениями Россию и весь Север чаял уже быть под ногою своею. Но Бог в награждение трудов неусыпных воздал Петру совершенною победою над сим презрителем его рачений, которой противу своего чаяния не токмо очевидным был свидетелем не вероятных Героя нашего в военном деле успехов, но и бегством своим не мог избегнуть мечтающей в мыслях стройной храбрости Российской...

Комментарии

Похвальное слово Петру Великому было произнесено Ломоносовым 26 апреля 1755 года на публичном собрании в Академии наук и издано к этому дню академической типографией. Слово пользовалось большой популярностью у современников. В 1759 году оно было переведено секретарем И.И.Шувалова бароном Чуди на французский язык и в июле того же года отправлено Вольтеру, который так отозвался о нем в ответном письме Шувалову: «В сем похвальном слове действительно есть красноречие. Я вижу, что ваш народ вскоре будет отличать себя науками так же, как оружием...». В 1761 году И.Готшед перевел «Слово похвальное» Ломоносова на немецкий язык и опубликовал его в своем журнале «Новейшее из области изящной учености» (1761, стр. 200–207), сопроводив его высокой оцен-

кой ораторского таланта Ломоносова: «Теперь уже наши читатели могут сами судить о том, какой мужественной силой и каким хорошим вкусом обладает этот русский вития».

...в двадцатилетнюю войну с короною Шведскою... — Великая Северная война со шведами (1700–1721 гг.).

...хотя Российское войско было по большей части двулетнее против старого... — В сражении под Нарвой принимали участие преимущественно вновь набранные солдаты, не бывавшие до этого в боях (в том числе Преображенский и Семеновский полки).

...несогласие учинилось между нашими полководцами... — Несогласованность действий командиров после отъезда Петра I из-под Нарвы и отсутствие связи между полками стали основной причиной капитуляции русской армии.

...злехитрой переметчик открыл неприятелю все обстоятельства нашего стана... — Капитан Преображенского полка Гуммерт, швед по происхождению, пользовавшийся полным доверием Петра I, перебежал к шведам.

...предводителей, которых Он, призвав для мирного договора, удержал как своих пленников... — Шведами в качестве военнопленных были задержаны семь русских генералов и семь полковников.

...доказали в следующее лето... — Имеется в виду захват двух шведских кораблей под Архангельском в июне 1701 года.

...ныне мирные соседи... — Обращение к шведам.

...в двух главных победах, под Лесным и под Полтавою. — Победы при деревне Лесной 28 сентября 1708 года и под Полтавой 27 июня 1709 года.

...главной их предводитель ...едва пленения избыл... — Шведский генерал Левенгаупт был настигнут русской армией при Лесной и разбит.

...бессовестного России изменника... — Мазепы.

Текст

Ода

**Ея императорскому Величеству
всепресветлейшей державнейшей великой
государыне императрице Елисавете Петровне,
самодержице всероссийской,
на торжественный праздник тезоименитства
ея величества сентября 5 дня 1759 года
и на преславных ея победы,
одержанные над королем Прусским
нынешняго 1759 года, которою приносится
всенижайшее и всеусерднейшее поздравление
от всеподданнейшаго раба Михайла Ломоносова**

1

Щедрот источник, Ангел мира,
Богиня радостных сердец,
На Коей, как заря, порфира,
Как солнце, тихих дней венец.
О мысли наших Рай прекрасный,
Небес безмрачных образ ясный,
Где видим кроткую весну
В лице, в устах, в очах и нраве!
Возможноль при Твоей державе
В Европе страшну зреть войну!

2

Позволь, мне жар велит сердечный,
Монархиня, в сей светлый день,
Как в имени Твоем Предвечный
Поставил нам покоя сень,
Безмолвно предвещая царство,
Чтоб миром свергла Ты коварство,

Позволь мне духа взор простерть
На брань и сродство милосердо:
Где кротости жилище твердо,
Жалка и сопостатов смерть.

3

О коль мечтания противны
Объемлют совокупно ум!
Доброты вижу здесь предивны!
Там — пламень, звук, и вопль, и шум!
Здесь — полдень милости и лето,
Щедротой общество нагрето,
Там смертну хлябь разинул ад!
Но промысл мрак сей разгоняет
И волны в мыслях укрочает:
Отверзся в славе Божий град.

4

Ефир, земля и преисподня
Зиждителя со страхом ждут!
Я вижу отрока Господня,
Приемлюща небесный суд.
Всесильный властью своею
Вещает свыше к Моисею:
«Я в ярости ожесточу
Египту сердце вознесенно,
Израиля неодоленно
Пресветлой силой ополчу».

5

Сиеж явил Бог в наши лета,
Неистову воздвигнув рать,
Дабы Тебе, Елизавета,
Венцы побед преславных дать.
Позволил вознестись гордыне,
Чтоб нашей кроткой Героине
Был жребий — вышша в славе часть;

Фридрих II Великий, король Пруссии

Чтоб враг делам Российским верил
И опытом своим измерил,
Каков наш род, мочь, верность, власть.

6

Парящей слыша шум орлицы,
Где пышный дух твой, Фредерик?
Прогнанный за свои границы,
Ещели мнишь, что ты велик?
Ещель, смотря на рок Саксонов,
Всеобщим дателем законов
Слывешь в желании своем?
Лишенный собственная власти,
Ещель стремишься в буйной страсти
Вселенной наложить ярем?

7

Взирая на пожар Кистрина,
На протчи грады оглянись:
Что им не равная судьбина,
Не храбростью своей гордись.
Что земли, где твоя корона,
Не слышат гибельного стона,
Не видят пламенной зари,
Дивятся и в войне покою,
Победоносной над тобою
Монархине благодари.

8

Велика божеством природным,
Восходит выше тишиной;
Чтоб жить союзникам свободным,
Жалея, двинулась войной;
Узрев растерзанны союзы,
Наверженные скиптрам узы,
Рекла: «Как злых не укочу,
Алчбе их света не достанет;

Пуškai на гордых гнев мой грянет,
Сobleщет молния мечу».

9

От стран, родящих град и снега,
С Атлантской буря высоты
Стремится чрез бугристы бреги,
Являя страшные следы.
С дубами камни похищает
И горы, двигнув, раздирает.
Налегши на морской хребет,
Волнам встречается волнами,
Песок валит со дна с китами;
Там в пене стонет новой свет.

10

Так Россов мужество в походы
Течет противников терзать
И роет чрез поля и воды,
Услышав щедрю в гневe Мать!
Где ныне Королевско слово,
Что страшно воинство готово
На Запад путь наш прекратить?
Уже окровавленна Прегла,
Крутясь, в твоей земли пробегла
Российску силу возвестить.

11

Там Мемель, в виде Фаетона
Стремглав летя, Нимф прослезил,
В янтарнаго заливах понта.
Мечтанье в правду претворил.
За Вислой и за Вартой грады
Падения или отрады
От воли Росской власти ждут;
И сердце гордаго Берлина,

Неистоваго исполина,
Перуны, близ гремя, трясут.

12

Еще не допустя до року,
С отвагой сопрягшись, талан
Гиганту приложили сроку,
Дабы ему умножить ран.
Цорндорфские пески глубоки,
Его и нашей крови токи,
Соединясь, кипели в вас!
Нам правда отдает победу,
Но враг такого после вреду
Еще дерзает против нас.

13

Богини нашей важность слова
К бессмертной славе совершить
Стремится Сердце Салтыкова,
Дабы коварну мочь сломить.
Ни Польские леса глубоки,
Ни горы Шлонския высоки
В защиту не стоят врагам;
Напрасно путь нам возбраняют:
Российски стопы досягают
Через трупы к Франкфуртским стенам.

14

С трофея на трофей ступая,
Геройство Росское спешит.
О Муза, к облакам взлетая,
Представь их раздраженный вид!
С железом сердце раскаленным,
С Перуном руки устремленным,
С Зарницей очи равны зрю!
Противник, следуя Борею,

Сказал: «Я буйностью своею
Удар ударом предварю».

15

Подобно граду он густому
Летяще воинство стеснил,
Искал со стороны пролому
И рвался в сердце наших сил.
Но вихря крутость пружестока
В стремленьи вечнаго востока
Коль долго простирает ход?
Обрушась тягостным уроном,
Внезапно с шумом, ревом, стоном
Преобратился в сонмы вод.

16

Бегущих горды Пруссос плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сечи.
Главы валяются, как листы.
Теперь с готовыми трубами
Перед Берлинскими вратами
Победы нашей дайте звук,
Что ваш Король, полки, снаряды
Не могут вам подать отрады,
Рассыпаны от наших рук.

17

О честь Российскаго народа,
В дни наши воинов пример,
Что силой перваго похода
Двукратно сопостатов стер!
Тебе тот лавры уступает,
Кто протчим храбро исторгает,
Кто вне привыкнул побеждать,
При дверях дом свой защищая

И крайни силы напрягая,
Не мог против тебя стоять.

18

Такие у Тебя Герои,
Монархиня, в златой Твой век,
Такие Бог полков дал строи,
Как царствовать Тебя нарек.
Во всем послал Тебе успехи,
И в мире и в войне утехи.
О коль блаженны мы Тобой!
Искусства, нивы, торг, науки,
Победоносны слыша звуки,
Блажат свой внутренний покой.

19

Какого светлость зрю собора?
Подвижники меж звезд стоят,
Петрова наслаждаясь взора,
«Красуйтесь, — к сродникам гласят:
Мы стерли мужеством гордыню,
Мы смерть прияли за Богиню,
Что мертвым отдает живот,
От казни винных освобождая,
Щедротой бедных воскрешая
И дух вливая тем в народ.

20

Ревнуйте нашему примеру:
Поможет Бог, как нам помог;
Ее, Отечество и веру
Представив, презирайте рок.
Не ускорят вам дни спокойны;
Явитесь в брани нас достойны
И детям сей внушите глас.
Герои семени Петрова,

На зависть устремляясь снова,
В потомках наших спросят нас».

21

Воздвигнися в сей день, Россия,
И очи окрест возведи;
К Тебе гласят концы земныя:
«Межь нами распри ты суди
Елисаветиной державой;
Ея великолепной славой
Вселенной преисполнен слух.
Мы равно ныне восклицаем,
Желаний жертву воссылаем,
Как верных Ей Россиян дух.

22

Ея неодолимо войско
По правде ходит поборать,
И сердце с кротостью геройско
С пощадой знает побеждать.
Коль тщетно пышное упорство,
Надеясь на свое проворство,
Эбирает беглые полки;
В пределы кроткаго зефира
Златаго не приемлет мира:
Еще кровавой ждет реки».

23

С верхов цветущаго Парнасса
Смотря на рвение сердец,
Мы ждем желаемого гласа:
«Еще победа — и конец,
Конец губительных брани».
О Боже! Мира Бог, возстани,
Всеобщу к нам любовь пролей,
По имени Петровой Дщери

Военны запечатай двери,
Питай нас тишиной Твоей.

24

Иль мало смертны мы родились
И должны удвоять свой тлен?
Ещель мы мало утомились
Житейских тягостью бремен?
Воззри на плачь осиротевших,
Воззри на слезы престаревших,
Воззри на кровь рабов Твоих.
К Тебе, любовь и радость света,
В сей день зовет Елисавета:
«Низвергни брань с концев земных».

Комментарии

Ода написана Ломоносовым вскоре после получения в Петербурге известия о победе русских войск над прусской армией под Куннерсдорфом в августе 1759 года. Победа имела большое стратегическое значение для России — в следующие 60—61 гг. русские войска заняли Берлин, овладели сильнейшей крепостью Кольберг, поставив тем самым прусскую армию на грань катастрофы и приблизив окончание Семилетней войны. В этой оде Ломоносов прославляет геройство российских войск и высмеивает самонадеянность Фридриха II и его армии, самой крупной в Европе, великолепно вымуштрованной и претендовавшей на непобедимость. Противоположностью воинственному прусскому королю в оде выступает императрица Елизавета, «ангел мира», идеалом которой является Европа без войны и насилия.

Уже в сентябре вышло два издания оды — 570 экземпляров было напечатано в типографии Академии наук и еще 500 экземпляров — за счет Московского университета.

...в Европе страшну зреть войну! — Семилетняя война (1756—1762 гг.) — крупнейшее внешнеполитическое событие

в Европе в середине века, в котором участвовали все важнейшие страны Европы, в том числе и Россия.

...Как в имени Твоем Предвечный Поставил нам покоя сень... — В XVIII веке библейское имя Елизавета толковали в соответствии с греческой формой этого слова, принятой в Септуагинте, как «бог покоящегося» или «бог покоя».

...отрока Господня... — Здесь: библейского пророка (Моисея).

«Я в ярости ожесточу Египту сердце вознесенно, Израиля неодоленно Пресветлой силой ополчу». — Поэтический пересказ библейской книги Исход (VII, 1—4), где речь идет об освобождении евреев из египетского плена.

...пышный... — Напыщенный, тщеславный.

...смотря на рок Саксонов... — Семилетняя война началась с оккупации прусскими войсками Саксонии в 1756 году.

...Ещель стремишься в буйной страсти Вселенной наложить ярем? — Агрессивная политика Фридриха II, лелеявшего планы захвата Силезии, Польши, Чехии, Саксонии и Курляндии, представляла серьезную угрозу интересам России и ведущих европейских стран.

...пожар Кистрина... — Город Кюстрин, бомбардированный 4 августа 1758 года русской артиллерией, сгорел дотла.

...Узрев растерзанны союзы... — Намек на известное пренебрежение Фридриха II к международным обязательствам.

...окровавленна Прегла... — Ломоносов напоминает о победе, одержанной русскими войсками в начале кампании, 19 августа 1757 года, под Гросс-Егерсдорфом, на берегу р. Прегель. Потери с обеих сторон были очень значительны, поэтому Ломоносов называет реку «окровавленной».

...Мемель... — Прусский город Мемель капитулировал 24 июля 1757 года после четырехдневной бомбардировки.

...в виде Фаетона... — См. комм. на стр. 376.

За Вислой и за Вартой грады Падения или отрады От воли Росской власти ждут — Осенью 1759 года намечалось движение русско-австрийских войск в Силезию.

...И сердце гордаго Берлина... Перуны, близ гремя, трясут. — После победы при Кунерсдорфе русским войскам открывался путь на Берлин, который позднее ими и был занят, хотя и ненадолго.

...талан... — Здесь: удача.

Цорндорфские пески глубоки... — Напоминание о необычайно упорном и кровопролитном сражении при Цорндорфе, продолжавшемся целый день 14 августа 1758 года, с огромными потерями с обеих сторон, и закончившемся бегством пруссаков.

...Салтыкова... — Новый русский главнокомандующий П.С.Салтыков сразу после назначения одержал две крупные победы над прусским королем.

...горы Шлонския... — Силезские горы, возвышенность на юге Польши.

...Искал со стороны пролому И рвался в сердце наших сил. — Речь идет о Кунерсдорфской битве, которая началась с того, что Фридрих прорвал наш левый фланг и, «сделав из всей своей армии колонну, устремился — как говорилось в реляции, — со всею силою сквозь армию вашего величества до самой реки продрагаться».

О честь Российскаго народа... — Здесь и далее обращение к П.С.Салтыкову.

...От казни винных свобождая... — Намек на указ императрицы от 7 мая 1744 года, которым было приостановлено приведение в исполнение смертных приговоров.

...Надеясь на свое проворство, Збирает беглые полки... — Армия Фридриха II славилась умением делать быстрые переходы.

...Военны запечатай двери... — Т.е. прекрати войну (в древнем Риме при объявлении войны принято было открывать двери храма Януса).

Текст

Петр Великий

Героическая поэма

<Отрывки>

Песнь вторая

О войско славное, потомки тех Героев,
Что, следуя Петру по жатве многих боев,
Торжественные в век приобрели венцы,
Отечество в земны прославили концы,
Я вашим мужеством в труде сем ободряюсь
И сердцем и умом меж вами обращаюсь:
Воюйте счастливо, сравните честь свою
Со предков похвалой, которую пою.
Военны подвиги Петровы начинаю,
В отцах и в дедах вам примеры представляю.
Неустрасимость их изобразит мой глас,
Что чувствуете вы наследственную в вас.
Ступая мужески в похвальные их следы,
Монархине своей приносите победы,
Где ваш оружный звук восходит до небес
И по путям везде растет лавровой лес.
Там Немень с Преглою, там Висла, Одра, Шпреля,
Живое ваших дел мечтание имея,
Текут с почтением, как при Петре текли,
Где с трепетом Его встречали Короли.
И реки и поля вам к вечной славе двери
Отверзли, чувствуя Его в Великой Дщери.
Противныя страны геройством и трудом
Вы в собственной себе преобратили дом,
И солнце, к нам спеша в обратной колеснице,
Готовит новой блеск Российской багрянице,

Чтоб нашей радостью украсить новый год,
Вторично угобзить успехами поход.
Дыханья нежные, рожденные весною,
Повеют, бодрому споспешествуя строю;
Прохладная роса от благовонных трав
К отраде вам прольет обилие забав.
Богатые плоды в дни летние пожните,
Монархине своей сторичный принесите.
Завистникам своим не оставляйте зерн;
Оставьте плеввы им, сухой тростник и терн,
Чтоб, чувствуя в груди язвление, их злоба
Несноснее почла затворов мрачных гроба;
Чтоб гордостью своей наказанный Берлин
Для беспокойства царств не умышлял причин
И помнил бы, что Петр ему был оборона:
Его десницею удержана Корона,
Чем ныне красится среди земных Владык.
Великим он Петром на свете стал велик.
Всех ныне дел Его имеет Дщерь наследство;
Пусть Карловых он дней себе представит бедство.
О коль бы в жизни я благополучен был,
Когда бы действие усердых ваших сил,
Изобразив в водах прохладной Ипокрены,
Воспел, с подвижники Петровыми сравненны,
Елисаветиных певцем бы стал побед;
Но ныне труд Петров к себе мой дух влечет.

. . .

Уже Ореховец стесняется в осаде
И в каменной крепясь противится громаде;
Российским воинством отвсюду окружен,
Но Готской гордостью в надежде вознесен,
На бреги, на валы, на множество взирает
И, видя новые полки, пренебрегает;
К пособству призывать старается с границ.
Поставив знамена на высоте стрельниц.

Тогда Кексгольмская уразумева Корела
К осадным на судах притти не укоснела.
Прибывшим воинством противник подкреплен
И пищей и ружьем избыточно снабден,
Все мысли устремил к жестокому отпору,
Надеясь получить от Карла помощь скору.

. . .

Уже суда, ходя по собственной Стихии,
На Шведской брег везут защитников России:
Там тысяща мужей, преправясь чрез Неву,
Надежду подают к победам, торжеству.
На ров, на вал бегут, врагами укрепленный,
Даются Шведы в бег, от Россов уstraшенны.
И Шереметев, став на оном берегу,
Отвсюду запер путь к спасению врагу.
Уже к начальнику под крепость посылает,
Свободный выход всем без бою обещает,
Что им против Петра не можно будет стать,
Напрасно кровь хотят отвсюду проливать
И здача города не будет им зазорна.
Но Готы, помощи надеясь от Горна,
Сказали: от него приказу к здаче ждут.
На лживой их ответ громады вдруг ревут,
Пылают всех сердца, присутствием разжженны,
От сил их потряслись упорства полны стены.
Обширность воздуха курению тесна,
И влажная огнем покрыта быстрина.
Гортани медныя рыгают жар свирепый;
Пылая, зелие железны рвет заклепы.
Представь себе в пример стихий ужасный спор,
Как внутренность кипит воспламененных гор,
Дым, пепел и смола полднелну ясность кроют,
И выше облаков ражженны холмы воют,
Трещат, расседавшись во облачной воде,
Сугубят гром и страх, сражаясь в высоте,

Грознее, как в земном ярились прежде чреве.
В таком трясении, во пламени и реве
Стоит, отчаявшись, противу Росса Швед,
В ничто вменяет кровь и презирует вред.
Однако в пагубе, в смятении великом
Подвигнут женским был рыданием и криком.
Растрепанны власы и мертвость бледных лиц,
И со младенцами повергшиися ниц
Мужей к смягчению Россиян преклоняют.
Уже из крепости с мольбою присылают:
«Избавьте от страстей, от бедства слабых жен,
И дух ваш на мужчин пусть будет изощрен.
Из нужной тесноты дозвольте им свободу;
Являйте мужество крепчайшему их роду».
От предводителя осады дан ответ,
Что толь свирепаго у Россов нраву нет:
Между супругами неучинят разлуки;
Вы, вместе выступив из стен, избавьтесь муки.
С отказом зашумел из жарких тучей град,
Перуны Росские и блещут и разят.
Напрасно из дали противны подъежжают
Осадных выручать: ни в чем не успевают.
Готовится везде кровопролитной бой,
И остров близ врагов под нашей стал пятой.
Приемлет лестницы охотная дружина;
Перед очами их победа и кончина.
Иным летучей мост к течению готов,
Иные знака ждут меж Ладожских валов.
Дивятся из дали в стенах градских пожару,
Призывнаго на брань неслышавши удару.

Как туча грозная, вися над головой,
Надута пламенем, сокрывшимся водой,
Напрягшуюся внутрь едва содержит силу,
Отъемлет, почернев, путь дневному светилу,
Внезапно разрядясь, стисняет громом слух,

И воздух, двигаясь, в груди стесняет дух,
Сугубят доли звук и пропасти глубоки,
И дождь и град шумит, и с гор ревут потоки —
Земля, вода, леса поколебались так,
Когда из многих вдруг жерл медных подан знак
И Ладога на дне во глубинах завывала.
Стоящая на ней самоизвольна сила,
Удара и часа урочного дождав,
Спешит на подвиг свой, на положенье глав;
Им к разным путь смертям, течение прекрасно.
Представь себе, мой дух, позорище ужасно!
От весел шум и скрип, свист ядр и махин рев
Гласят противникам Петров и Божий гнев.
Они, упрямством злым еще ожесточенны,
Покрыв смертельными орудиями стены,
Судьбину сиятся на время отвратить
И смертью Росскою свою смерть облегчить.
Как вихри сильные, стесненные грозою,
Полки Российские сперлися пред стеною.
К приступу Карпов, вождь Преображенских сил,
Всех прежде начал бой, всех прежде смерть вкусил,
Свинцом лежит пронзен сквозь чрево и сквозь руку,
Бьются дал знать с душой и с храбростью разлуку.

Сквозь дым, сквозь кровавых сверканье мечей
Вперяет бодрых Петр внимание очей
И лестниц краткость зрит, поставленных к восходу,
В приступе Своему губительну народу;
Не могут храбрые стен верьху достигнуть
И тщетно верную противным ставят грудь,
Стремясь отвратить ражение их встречно.
О коль велико в Нем движение сердечно!
Геройско рвение, досада, гнев, и жаль,
И для гибели удалых глав печаль!
Смотря на воинства упадок бесполезный,
К стоящим близ Себя возвел зеницы слезны:

«Что всеу добрых Мне, — сказал, — сынов губить?
Голицыну спеша велите отступить».
Примером показал Монарх наш, что Герои
Не радостию чтут кровопролитны бои;
И славных над врагом прибыточных побед
Покрытый трупами всегда прискорбен след.

Меж тем подвижники друг друга поощряют
И лестниц мужеством короткость дополняют.
Голицын, пламенем отсюда окружен,
Сказал: «Мы скоро труд увидим совершен;
Через отступление от крепости обратно
В другой еще приступ погибнет войск двукратно.
И естьли Государь желает город взять,
Позволил бы нам бой начатый окончать».
С ответом на стену пред всеми поспешает,
Салдатам следовать себе повелевает:
«Бесчестен в свете вам и смертен здесь возврат;
Преславно торжество, конец ваш будет свят.
Дерзайте мужеством отечество прославить,
Монарха своего победою поздравить».
На копья, на мечи, на ярость сопостат,
На очевидну смерть Россияне летят.
Противники огнем разят и влажным варом,
Железом, камнями, всех тягостей ударом.
На предводителя поверженно бревно
Свирепым зелием упало разжжено.
Он, сринут, побледнел меж трупами бездушных
И томным оком зрит оружников послушных;
Еще старается дать к твердости приказ,
Еще пресеченной болезнью нудит глас.
Ревнители его и слову и примеру,
Держа в уме Царя, отечество и веру,
Как волны на крутой теснятся дружно брег,
Вспященный крутизной возобновляют бег,
До прежней вышины от низу встав, ярятся,

И скачущих верьхи кудрявые крутятся,
Старинных корни древ и тяжки камни рвут.
С обеих сторон стоял сомнительный рока суд.

Меж тем ревнительны сердца к звездам восходят,
Святаго с горних мест Героя в мысль приводят.
Поборник Александр из древле сих берегов
Зрит, грозно ополчен над ними, на врагов.
Уже высокий исход с землей быть мнится равен,
И Ярославов сын, среди зарей преславлен,
Являя сродный зрак Великаго Петра,
Оружием звучит чистейшим серебра,
Святою силою противных устрашает,
Россиян важностью десницы укрепляет.
Защиту древнюю от сильного плеча,
Броней, копья, щита, и шлема, и меча
Воспомянув, места веселый плеск воздвигли,
Что избавления желаннаго достигли;
Достигли наконец желанных тех времен,
Что паки Александр для них вооружен.

В священной дерзости то представляет воин,
По мыслям, по делам бессмертия достоин,
Высок усердием, надеждою легок,
Чрез мертвые тела на свой ступает рок.
По крепких подвигах, к успеху не удобных,
И по волнениях противных и способных
Взливается на стен кровавых высоту,
Наводит на врагов боязнь и тесноту.
Наполнился весь град рыдания и плача.

Уже не Нарвская, о Готы, вам удача,
Не местничество здесь и не оплошной Крой,
Не старой брани вид, не без порядка строй:
Великий правит Петр рожденное им войско,
И Шереметева рачение Геройско

Отмщеньем дышущих бодрит напор сердец.
Увидев крепости в сражении конец,
Вы неизбежну смерть покорством предварили
И белой к эдаче знак по ветру распустили.

Умолкнул грозный звук со обеих сторон,
Лишь слышен раненых плачевный вой и стон.
Вандалы выпуску с военной честью просят
И городских ворот ключи Петру приносят,
На Победителя в восторге взводят взор
И укрепляют свой о эдаче договор.
Коль радостная там, коль красная премена!
Ужь веют на стенах Российския знамена,
Изображаются, Нева, в твоих струях.
Тимпанов мирный шум при радостных трубах
Забывать велит сердцам минувших тучей грома;
И Шведы тцатся в путь в свои достигнуть дома.

Обычай войны из древних лет хранят,
Чтоб храбрых почитать по эдаче сопостат:
Признаки мужества в руках их оставляют
И славу тем своей победы уважают.
Победоносец наш жар сердца отложил
И первый кротостью успех свой посвятил:
Снабдил противников к отшествию судами.
Оставив стену, зрят прискорбными очами.
Распущенны на ветр знамена, трубный шум
Печальной радостью теснят их вольной ум.
На волю им пути прискорбны — стен проломы,
Что отворили им из рук Российских грома.
По грозным толь страстям и по таком труде
Начало чувствуют предбудущей беде.

В Отечестве сказать сей случай поспешайте,
И побежденны быть от Россов привыкайте;
Скажите ваш домой почтительный возврат,

Что выпущены вы пространством новых врат;
И Карлу вашему победу возвестите,
Что Петр, Отечеству и к славе, и к защите
Над вами получив, наследство возвратил
И ближе к Швеции простер шум орлих крил.
Пускай в Германии Герой ваш успеваает,
Отверсты города свободно протекает,
В рожденной счастием кичливости своей
Низводит с высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветер, к востоку
И приближается к предписанному року.
Не найдет Дария, чтоб Александром стать;
Неспорит межь собой развратна прежде рать:
Петрову новому учению послушны.
Россияне стоят в полках единомудушны.
Движением Своих величественных сил
Народу новый дух и мужество вложил.
Восток и Океан его послушен слову;
Карл пышностью своей возвысит честь Петрову.

Разливы Невские на устьях шумят
И течь Россиянам во сретенье хотят.
Там Нимфы по берегам в веселии ликуют,
И в осень Зефиры между древами дуют,
Вменяя, что лице земное расцвело.

Тогда возвел Монарх веселое чело
К начальникам своих победоносных ратных,
Что видит в целости друзей своих обратных.
Отрада всех живит, стократно выше бедств;
Отвсюду слышен глас желаний и приветств:
«Уже нам, Государь, Твоими в запад персты
Врата для подвигов торжественных отверсты,
И промысл дал Тебе земли и моря ключь:
По их обширности распростирай Свой лучь.
Нам сносны все труды и не ужасны смерти,

Лишь только бы Твоих врагов гордыню стерти,
Отечеству подать довольство, честь, покой
И просветить народ, как дух желает Твой»...

Комментарии

Первые две песни неоконченной эпической поэмы «Петр Великий» создавались Ломоносовым на протяжении шести лет, с 1756 по 1761 год. Первая песнь вышла отдельным изданием в декабре 1760, а вторая — в июле 1761 года. Поэма явилась дальнейшим развитием и поэтическим воплощением идей, вдохновивших Ломоносова на создание «Слова похвального... Петру Великому» (1755 год). На этот раз Ломоносов задумал масштабное поэтическое произведение в жанре эпопеи. Поэма «Петр Великий» стала одной из первых попыток (не считая неудачную «Петриду» А.Д.Кантемира) создания русского героического эпоса на материале национальной истории. Поэма создавалась в период подъема национального самосознания русского общества, связанного с внешнеполитическими успехами России в Семилетней войне в конце 50-х — начале 60-х годов. Победы, одержанные русской армией над Пруссией, нашли отражение в оде Ломоносова 1759 года и ускорили работу над поэмой «Петр Великий». 29 сентября 1760 года русскими войсками был взят Берлин, а к 1 ноября Ломоносов уже окончил первую песнь поэмы, чтобы в декабре приступить ко второй песне. Именно в это время написано вступление ко второй песне, обращенное к современной Ломоносову русской армии:

Там Немень с Преглою, там Висла, Одра, Шпроя,
Живое ваших дел мечтание имея,
Текут с почтением, как при Петре текли,
Где с трепетом Его встречали Короли.
И реки и поля вам к вечной славе двери
Отверзли, чувствуя Его в Великой Дщери...
И солнце, к нам спеша в обратной колеснице,
Готовит новой блеск Российской багрянице...

Таким образом, события современности, и прежде всего, победы русского оружия в Семилетней войне вдохновили Ломоносова на создание поэтического повествования о героических событиях 60-летней давности — борьбе России со Швецией в Северной войне (1700—1721 гг.), когда благодаря усилиям Петра I по созданию регулярной армии закладывались основы будущей военной славы России. Ломоносов начинает вторую песнь с описания осады и взятия русскими войсками Шлиссельбургской крепости (Нотебурга) в октябре 1702 года — первой значительной победы Петра над шведами после памятного поражения в битве под Нарвой.

...О войско славное... — Обращение к современной Ломоносову русской армии, действовавшей в то время в Пруссии.

Там Немень с Преглою, там Висла, Одра, Шпреля... — Имеются в виду победы русского оружия над прусской армией под Гросс-Егерсдорфом (1757 г.), в Силезии (1759 г.), при Кунерсдорфе (1759 г.), в Берлине (1760 г.)

...Чтоб нашей радостью украсить новый год... — Имеется в виду новый 1761 год (строки были написаны в декабре 1760 г.).

...плевывы... — Плевелы, сорные травы.

...И помнил бы, что Петр ему был оборона: Его десницею удержана Корона... — Пруссия в Северной войне укрепила свое положение благодаря союзу с Россией.

...Ипокрены... — Источник на вершине Геликона в Беотии, символ поэтического вдохновения.

...Ореховец... — Укрепленная крепость при истоке Невы из Ладожского озера, заложенная новгородцами в 1323 году. На протяжении нескольких столетий многократно переходила от русских к шведам и обратно, меняя при этом свое название: Орехов или Орешек (1323—1661), Нотебург (1661—1702), Шлиссельбург (1702—1944), ныне Петрокрепость.

...Готской гордостью... — Готами Ломоносов называет шведов.

...К пособству призывать старается с границ. Поставив знамена на высоте стрельниц. — Шведы выставили на башне королевское знамя в знак осады своей и просьбы помощи от своих.

Тогда Кексгольмская уразумев Корела К осадным на судах притти не укоснела. — По выставленному в башне знаку из Корелы были посланы на помощь шведам три судна с людьми, оружием и продовольствием.

...Надеясь получить от Карла помочь скору. — Шведский король Карл XII.

...Там тысяща мужей, преправясь чрез Неву... — На помощь осаждавшим на другую сторону Невы было послано 1000 человек Преображенского и Семеновского полков.

...Шереметев... — Осадой Нотебурга руководил фельдмаршал Б.П.Шереметев.

...Свободный выход всем без бою обещает... — 1 октября 1702 г. Шереметев послал письмо коменданту Нотебурга, предлагая ему сдать крепость без боя.

Но Готы, помощи надеясь от Горна, Сказали: от него приказу к задаче ждут. — Нотебургский комендант просил Шереметева четырехдневной отсрочки, чтобы получить от своего командира, генерала Горна, находившегося в Нарве, приказ о сдаче крепости, на что русские ответили пушечной стрельбой.

От предводителя осады... — От Петра I.

...Вы, вместе выступив из стен, избавьтесь муки. — В ответ на письмо жены шлиссельбургского коменданта с просьбой выпустить из крепости офицерских жен, Петр I предложил выпустить их вместе с их мужьями, на что шведы ответили артиллерийским огнем.

Стоящая на ней самоизвольна сила... — Добровольцы, по-

желавшие участвовать в приступе, дожидались сигнала к нападению на судах, стоящих на Ладожском озере.

К приступу Карпов, вождь Преображенских сил... — Приступ возглавляли подполковник Семеновского полка князь Голицын и майор Преображенского полка Карпов, получивший тяжелые ранения в руку и ребра. Однако Карпов остался жив (у Ломоносова неточность: «всех прежде смерть вкусил») и погиб только двумя годами позже при осаде Нарвы.

...И лествиц краткость зрит, поставленных к восходу... — Лестницы, использовавшиеся во время приступа, оказались слишком коротки и не доставали более трех метров до нижнего края бреша.

...Поборник Александр из древле сих берегов... — Святой князь Александр Невский, разгромивший в 1240 году шведских захватчиков на Неве.

Уже не Нарвская, о Готы, вам удача... — Имеется в виду поражение русской армии под Нарвой 20 ноября 1700 года.

...Не местничество здесь и не оплошной Крой... — Поражению русской армии в битве под Нарвой способствовали несогласованность действий командиров и разобщенность между полками, причиной которых являлось то обстоятельство, что значительную часть командования составляли иностранные наемники.

...Петр... наследство возвратил... — Вернул России крепость, основанную в XIV веке новгородцами.

Пускай в Германии Герой ваш успевает... — Осенью 1703 года Карл XII, продолжая воевать с Польшей, занял города Торунь, Мариенбург, Эльбинг и Данциг, которые Ломоносов относит к Германии.

...Низводит с высоты и взводит Королей... — 1 июля 1704 года под прямым нажимом Карла XII, подступившего к Варшаве с сильной армией, был свергнут с престола польский

король Август II и вместо него избран королем Станислав Лещинский.

Не найдет Дария, чтоб Александром стать... — Славу великого полководца Александр Македонский (336–323 до н.э.) заслужил, победив персидского царя Дария III в свой первый и второй Восточный поход (334–331 и 331–329 гг. до н.э.).

Текст

Ода

**всепресветлейшему державнейшему великому
государю императору Петру Феодоровичу,
самодержцу всероссийскому...
всемиловитейшему государю,
которую Его императорскому Величеству
на всерадостное восшествие на всероссийский
наследный императорский престол
и купно на новый 1762 год в изъявление истинных
радости, усердия и благоговения всенижайше приносит
всеподданнейший раб Михайло Ломоносов**

<Отрывок>

17

Европа, ныне восхищенна,
Внимая смотрит на восток
И ожидает изумленна,
Какой определит ей рок:
То видит зрак Твой пред полками,
Подобный Марсу меж врагами,
То представляет общей пир,
Отрады ради утомленных,
Избавы ради раззоренных,
Тобою обновленный мир.

Петр III

18

Когда по глубине неверной
К неведомым брегам пловец
Спешит по дальности безмерной,
И не является конец,
Прилежно смотрит птиц полеты,
В воде и в воздухе приметы, —
И как уж томную главу
На брег желанный полагает,
В слезах от радости лобзает
Песок и мягкую траву.

19

Германия сему подобно
По собственной крови плывет,
Во время смутно, неспособно,
Конца своих не видит бед;
На Фарос сил Твоих взирает,
К Тебе дорогу направляет
Тебе себя в покров отдать;
В согласии желает стройном
В Твоем пристанище спокойном
Оливны ветви целовать.

20

Тогда по славнейших победах,
Как общий ускоришь покой,
Пребудешь знатнейший в соседах,
Прехвален миром и войной.
Тогда в трудах, Тебе любезных,
Российским областям полезных,
Все время будешь провождать;
И каждой день златаго веку,
Коль долго можно человеку,
Благодеяньями венчать.

Комментарии

Ода Ломоносова 1761 года — одна из вершин его зрелого творчества и с точки зрения ее художественных достоинств, и с точки зрения глубины выраженных в ней политических идей. Написанная в кратчайшие сроки, сразу же после известия о смерти императрицы Елизаветы 25 декабря 1761 года, ода была исполнена самых оптимистических прогнозов о политическом будущем России. Восшествие на престол Петра Федоровича для Ломоносова — это как бы возвращение славной эпохи правления Петра I, залог обновления страны на новом витке ее исторического развития. В политике Петра III Ломоносов надеется увидеть принцип соблюдения национальных интересов России, которым следовал Петр I в своей реформаторской деятельности. Вот почему Ломоносов развертывает в оде подробную программу развития страны, уделяя внимание как вопросам внутренней, так и внешней политики. Выбранный для публикации отрывок посвящен одной из наиболее волновавших русское общество русско-прусской проблеме. Результатом победоносной войны с Пруссией стало новое отношение к России в Европе как стране, которая отныне определяет судьбы Европы и Азии, войны и мира. Ломоносову как истинному гражданину не нужна война — он искренне жалеет и уставшую от войны Россию, и изнемогающую от военных ран, плывущую «по собственной крови» Германию. Однако именно от России теперь зависит скорейшее заключение мира, которого ждут и Россия, и Пруссия. По мнению Ломоносова, именно поверженная Пруссия должна принять из рук России «оливны ветви», а не наоборот. В действительности произошло обратное: Петр III начал свое царствование с предательства национальных интересов России. Он сам предложил Фридриху II позорно-капитулянтский мир, отдав ей добровольно все завоеванные у нее территории и превратив Россию в союзника Пруссии в войне с Австрией.

...На Фарос сил Твоих взирает... — Фарос — остров около г. Александрии в Египте, славившийся своим маяком.

Текст

Ода

торжественная Ея императорскому Величеству
вспресветлейшей державнейшей великой государыне
императрице Екатерине Алексеевне, самодержице
всероссийской, на преславное ея восшествие
на всероссийский императорский престол
июня 28 дня 1762 года в изъявление
истинной радости и верноподданного усердия
искреннего поздравления приносится
от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова

<Отрывок>

6

Слышал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О стыд, о странной оборот! —
Чтоб кровью куплены Трофеи
И победителей злодеи
Приобрели в напрасной дар
И данную залогом веру?
В тебе, Россия, нет примеру,
И ныне отвращен удар.

7

Любовь Твоя к Екатерине,
Екатеринина к Тебе
Победу даровала ныне;
И Небо верной сей Рабе
Без раздробляющего звуку
Крепит благословенну руку

На наших буйных сопостат.
О коль видение прекрасно!
О коль мечтание ужасно!
Что смотрит сей, что слышит град?

8

Не мрак ли в облаках развился?
Или открылся гроб Петров?
Он, взором смутен, пробудился
И произносит глас таков:
«Я мертв терплю несносну рану!
На толи вселюбезну Анну
В супружество Я поручил,
Дабы чрез то Моя Россия
Под игом области чужия
Лишилась власти, славы, сил?»

9

На толь, чтоб все труды несчетны
И приобретенны плоды
Разрушились и были тщетны
И новы возрасли беды?
На толь воздвиг Я град священный,
Дабы, врагами населенный,
Россиянам ужасен был
И вместо радостной столицы
Тревожил дальняя границы,
Которы Я распространил?»

10

О Тень великая, покойся:
Мы помним тьмы Твоих заслуг;
Безмолвна в вечности устрояся:
Твой труд меж нами жив вокруг.
Не предадим Твоей любви,
Не пощадим последней крови:
Спешим Отечество покрыть

Во след премудрой Героине,
Любезной всем Екатерине,
Любезны Ей и верны быть.

. . .

13

Гряди, Российская отрада,
Гряди, желание сердец,
И буди от врагов ограда,
Поставь опасностям конец,
И оправдай Елисавету,
Всему доказывая свету,
Что полная Триумфов брань
Постыждена поносным миром
И сопостат, почтен Кумиром,
От нас приемлет в жертву дань.

. . .

19

А вы, которым здесь Россия
Дает уже от древних лет
Довольство вольности златыя,
Какой в других державах нет,
Храня к своим соседям дружбу,
Позволила по вере службу
Беспреткновенно приносить;
На толь склонились к вам Монархи
И согласились Иерархи,
Чтоб древний наш закон вредить,

20

И вместо, чтоб вам быть меж нами
В пределах должности своей,
Считать нас вашими рабами
В противность истины вещей?
Искусство нынешне доводом,
Что было над Российским родом

Умышлено от ваших глав
К поправню нашего закона,
Российскаго к паденью Трона,
К рушению народных прав.

21

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувствам собственным поверьте:
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас Героев
От земледельца до Царя,
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и на чужих пределах
И у святого олтара.

Комментарии

В оде 1762 года, написанной Ломоносовым по случаю восшествия на престол императрицы Екатерины II (напечатана отдельным изданием в июле 1762 года), поэт далеко выходит за рамки жанра похвальной оды и ставит проблемы, имевшие решающее значение для судьбы нации в целом. Он вновь возвращается к итогам Семилетней войны и с горечью пишет о позорном, предательском мире с Пруссией, заключенном два месяца назад Петром III, в результате которого русский народ из победителя превратился в побежденного и когда «полная Триумфов брань Постыждена поносным миром И сопостат, почтен Кумиром, от нас приемлет в жертву дань». Плачевна участь правителя, презирающего собственный народ и готового поставить на карту судьбу страны, отказаться от ее культуры, славной истории, веры предков — во имя слепого и рабского поклонения Западу. Этот исторический урок, по мысли Ломоносова, должны усвоить все монархи, которым суждено будет править Россией.

В последней части оды — в строфах 19–21 — Ломоносов поднимает сильно волновавшую его в то время проблему засилья иностранцев в верхних слоях общества, особенно распространившегося при Петре III. Ту «вольность златую», которую получили иностранцы в России и которой они не имели в других державах, они использовали против интересов страны, их приютившей, стремясь обратить русских в рабов и замышляя планы введения лютеранства в России и политического подчинения страны (с помощью Петра III) прусскому королю. Ода Ломоносова — это гневный протест поэта-гражданина и патриота против унижения национального достоинства русского народа, непонимания самобытности русской истории, обычаев, веры, утверждение необходимости независимого пути развития русского государства.

...Чтоб торжествующий народ Предался в руки побежденных? — По условиям мира, подписанного в мае 1762 года с Пруссией Петром III, Россия возвращала Пруссии все завоеванные территории и превращалась в ее союзника в войне с Австрией.

...Приобрели в напрасной дар И данную залогом веру? — Петр III вынашивал планы принятия лютеранства в России.

...ныне отвращен удар. — Дворцовый переворот 28 июня 1762 года, в результате которого на российском престоле воцарилась Екатерина II, сорвал планы Петра III.

...Без раздробляющего звуку... — В манифесте Екатерины II от 6 июля 1762 года говорилось, в частности, о том, что Петр III «армию всю раздробил такими новыми законами, что будто не единого государя войско то было».

...вселюбезну Анну... — Старшую дочь Петра I, от брака которой с герцогом голштинским Карлом Фридрихом родился Петр III.

...Под игом области... — Под игом власти.

...град священный... — Санкт-Петербург.

...поносным миром... — Позорным миром.

...сопостат, почтен Кумиром... — Фридрих II, перед которым преклонялся Петр III.

...древний наш закон... — Т.е. православная вера.

Искусство нынешне доводом... — Т.е. нынешние результаты их деятельности служат доказательством.

О.А.Крашенинникова

А.П.Сумароков

**О истреблении чужих слов
из русского языка. О путешествиях.
О французском языке. Французской язык**

Общая характеристика

Александр Петрович Сумароков (1717—1777) — один из крупнейших писателей XVIII века, выдающийся поэт-сатирик, драматург. Выходец из семьи служилых дворян, А.П.Сумароков получил образование в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе (1732—1740 гг.), где увлекся литературой и начал писать стихи — песни и оды. Избрав военную карьеру, Сумароков долгое время состоял адъютантом при графе А.Г.Разумовском (1741—1755 гг.), выслужив чин бригадира (в конце 1755 г.).

Со второй половины 1740-х годов большую часть времени Сумароков посвящает литературе, направляя свои усилия на утверждение принципов классицизма. Его трагедии «Хорев» (1747), «Гамлет» (1748), «Синав и Трувор» (1750), «Семира» (1751), «Димитрий Самозванец» (1771) и др. (всего 9 трагедий) явились первыми попытками «правильной» драматургии на русском языке¹. Не менее энергично Сумароков работает в

---

¹ Ср. отзыв о нем Н.И.Новикова (издавшего первое собрание сочинений Сумарокова): «И хотя первый он из россиян начал писать трагедии по всем правилам театрального искусства, но столько успел во оных, что заслужил название северного Расина» («Опыт исторического словаря о российских писателях», 1772). Ср. также характерный панегирик В.И.Майкова:

Друг Талии и Мельпомены,
Театра русскаго отец,
Изобличитель злых пороков,
Расин полночный, Сумароков!

(«Ода о вкусе Александру Петровичу Сумарокову», 1776)

А.П.Сумароков

жанре комедии, соединяя условные нормы классицизма с нраво-описательной проблематикой и фарсовой речью персонажей («Тресотиниус», 1750, «Ссора у мужа с женою», 1750, «Опекун», 1765, «Рогоносец по воображению», 1772, «Мать со-вместница дочери», 1772 и др. — всего 12 комедий).

В 1756 году, по высочайшему указу от 30 августа, Сумароков назначается директором первого государственного театра (в Петербурге), основу которого составила ярославская труппа Ф.Г.Волкова. В 1761 году из-за постоянных трений с Придворной конторой, курировавшей деятельность театра, Сумароков был вынужден уволиться от должности (указ от 13 июня 1761 г.) и с этого времени целиком посвящает себя творчеству.

С появлением во второй половине 1750-х годов литературных журналов¹ Сумароков активно в них сотрудничает, а в 1759 году — с января по декабрь — издает собственный журнал «Трудолюбивая пчела», ставший событием в литературной жизни России². В отличие от других журналов, печатавших главным образом переводы, сумароковский журнал состоял в основном из оригинальных сочинений, в большинстве своем написанных им самим. «Трудолюбивая пчела» представляла читателю небывалое по тому времени многообразие жанров, рассчитанных на максимальный круг читателей — духовные стихотворения, оды, элегии, эклоги, песни, басни, эпиграммы, научно-популярные (большей частью филологические) и полеми-

¹ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764, изд. Акад. наук), «Праздное время, в пользу употребленное» (1759–1760, изд. при Сухопутном шляхетном корпусе), «Полезное увеселение» (1760–1762, изд. М.М.Хераскова), «Свободные часы» (1763, изд. М.М.Хераскова).

² Д.И.Фонвизин упоминал «Трудолюбивую пчелу» в числе лучших сочинений отечественной словесности всех времен, наряду с Триодью, Минеями, летописью Нестора и сочинениями Ломоносова («Способ, коим работа толкового словаря славяно-российскаго языка скорее и удобнее производиться может», 1783).

ческие статьи (прообраз сатирической журналистики 1770-х годов)¹.

Это был по сути первый русский журнал, имевший четкую идейную линию, которую Сумароков наметил еще в 1748 году в своих «Двух епистолах» — «О русском языке» и «О стихотворстве». Целями «Трудолюбивой пчелы» и группировавшегося вокруг нее кружка единомышленников Сумароков ставил создание оригинальной русской словесности, основанной на любви к родному языку и уважении к его корням; развитие культурного самосознания нации и противодействие духовной экспансии Запада, засорению русской речи чужеземными словами (в особенности французскими); культивирование «естественной красоты» и простоты слога, а также пропаганду принципа равенности жанров в противовес ломоносовской иерархии «штилей» и жанров.

К проблемам языковой политики Сумароков обращался постоянно, как в художественных творениях, так и в специальных статьях, обнаруживая недюжинную лингвистическую эрудицию (эпистола «О русском языке», «О истреблении чужих слов из русского языка», «О коренных словах русского языка», «О французском языке», «О правописании» и др.).

Язык был главной заботой Сумарокова; язык составляет и главное достоинство его сочинений². Прирожденный остро слов, сатирик по призванию — язвительный, хлесткий, обладавший к тому же сварливым нравом и беспримерным самомнением, Су-

---

¹ Известно, что многие материалы, предназначавшиеся для «Трудолюбивой пчелы», не смогли пройти через академическую цензуру. Так, Ломоносов своим распоряжением запретил печатать в ней сумароковские «вздорные» оды — остроумные пародии на гиперболическую образность ломоносовских од. Многочисленные помехи подобного рода, по всей видимости, и явились причиной преждевременного прекращения этого издания.

² «Сумароков лучше знал русский язык, нежели Ломоносов...» — заметил Пушкин (Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям», 1827).

мароков особенно убедителен и ярок в сатирических жанрах — комедиях, сатирах, баснях, пародиях, эпиграммах.

По числу написанных им басен — «притч» (свыше 375) Сумароков намного превосходит всех русских баснописцев, включая Крылова, а по оригинальности и мастерству часто стоит на высоте лучших образцов этого жанра.

Стиль сумароковских сатир и басен — подлинно индивидуальный, «сумароковский» стиль, язык — живой, образный, подчеркнуто грубоватый — подлинно народный язык, ориентированный на просторечие его времени. В отличие от Ломоносова, Сумароков не чурался «подлых» слов (даже в «высоких» жанрах), сознавая их выразительность и силу, — благодаря чему его слог и поныне сохраняет свою свежесть.

Первопроходец во многих областях, писатель широчайшего диапазона и такой же образованности, с характерными чертами просветительского скептицизма и социального критицизма, Сумароков явился одним из создателей светского литературного языка и самобытной литературы, утверждавшим национальное достоинство русской культуры, предшественником и учителем многих выдающихся деятелей отечественной словесности. Достаточно сказать, что поклонниками сумароковского пера были В.И.Майков, Н.И.Новиков, Д.И.Фонвизин, И.И.Хемницер, И.А.Крылов, А.С.Шишков, С.Н.Глинка...

Творческое кредо Сумарокова в полной мере отражают заключительные стихи из эпистолы «О стихотворстве»:

Лишь просвещение, писатель, дай уму:
Прекрасный наш язык способен ко всему.

Тексты Сумарокова печатаются по первым публикациям с исправлениями отдельных мест по первому и второму изданиям «Полного собрания всех сочинений, в стихах и прозе покойного... Александра Петровича Сумарокова» (Ч. 1–10. М., Унив. тип. Изд. Н.И.Новикова, 1781–1782; 1787).

Тексты

О истреблении чужих слов из русского языка

Восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка. Тако долговременно портился притяжением латинских слов немецкой, испортился польской, перьвый от единого с нашим отца, а другой тот, который наш, только с некоторою отменою, почти какую и российския области между собою в наречии имеют, и как портится немецкими и французскими словами русской. Честолюбие возвратит нас когда-нибудь с сего пути несумненного заблуждения; но язык наш толико сею заражен язвою, что и теперь уже вычищать его трудно; а ежели сие мнимое обогащение еще несколько лет продлится, так совершенного очищения не можно будет больше надеяться. Какая нужда говорить вместо *плоды* — *фрукты*? *вм. столовой прибор* — *столовой сервиз*? *вм. передняя комната* — *антишамбера*? *вм. комната* — *камера*? *вм. опахло* — *всер*? *вм. епанечка* — *мантилья*?¹ *вм. верхнее платье* — *сюртут*? *вм. похлебка* — *суп*? *вм. мамка* — *гувернанта*? *вм. любовница* — *аманта*? *в картах* *вм. козырь, король, краля, хлап* — *атут, роа, дама, валет*? *вм. насмехаться* — *мокероваться*? *вм. похвала* — *еложь*? *вм. князь* — *принц*? *вм. кошелек* — *бурса*? *вм. уборной стол* — *нахтиш и тоалет*? *вм. задумчив* — *пансив*? *вм. переписка* — *корреспонденция*, и еще чудняе — *каришпанденция*? *начальный повар* — *кйхенмейстер* и чудняе — *кухмистр*, не от поварни, да от пирога, и *мистр* — *вместо мейстер*? *вм. бритовщик* — *изломано*² *фершел*? *вм. часть книги* — *том*? *вм. издание книги* — *едйция*? *вм. остроумие* — *женй*? *вм. разсуждение* — *бонсан*? *вм. воспитание* — *едюкация*? *вм. великолепно* — *ма-*

---

¹ В изд. 1787 г. эта и предыдущая пара слов отсутствуют.

² В изд. 1781 и 1787 г.: изломако.

нифи́к? вм. нежно — деликатно? вм. страсть — пассия? Но кто все то перечесть может! Сказывано мне, что некогда немка московской Немецкой слободы говорила:

«Mein муж kam домой, stieg через забор und fiel ins грязь». Это смешно; да и это смешно: «Я в дистракции и дезеспере: аманта моя зделала мне инфиделитэ, а я кусюр¹ против риваля своево буду реванжироваться». Странны чужия слова в разговорах, в письме еще страннее, а в печати и того страннее. Что скажет потомство! Предки наши несколько татарских слов присвоили нашему языку, из которых мы уже некоторых не в силах выгнать, напр., *казан*, *кафтан* и пр., а в гораздо прежния времена вместо *конь* присвоено слово *лошадь* — от АЛАША и АТ, *мерин*, и хотя мерин по немецки от древняго скифскаго языка называется *Wallach*, однако мы не от древних скифов, но от новых татар прияв слово *лошадь*, *коня* в нее преобразили, ибо в славенских наших книгах *конь* *лошадью* ни где не называется, и слово *лошадь* хотя и неисходимо нашему языку присвоено, однако всегда пребудет словом низским, как *кафтан* и все новыя не к стати введенныя в наш язык дикия слова. От немецких и французских слов русскому языку сея же судьбины ожидать надобно. Греческия слова введены в наш язык по необходимости и делают ему украшение, а немецкия и французския нам ненадобны, кроме названия таких животных, плодов и протчаго, каких Россия не имеет, напр., *рыба карп*. По сей необходимости и стерлядь наша на немецком и французском языках *стерлядью*, а соболю *соболем* называются. *Сарделли*, *каперсы*, *оливки*, *цитрон*, *апельсин*, *померанец* и пр. А кулик *бекасом* и протчее тому подобное — чужими именами напрасно называются. Греческия слова, как напр. *профира*, *скипетр*, *диадима*, имена наук, болезней и протчия надобныя слова для изъяснения точности потребны нашему языку. Они ж в латинской и во все европейския языки войти право имели; ибо старание греков в нужных именованях на верьх совершенства взо-

¹ В изд. 1781 и 1787: ку сюр.

шло и получило почтение воспринято быть римлянами, а потом и всею Европою для избежания великия трудности в изыскании новых нужных именованій, а некоторыя их слова с необходимыми и без нужды в чужия вошли языки и с необходимыми ради единья красоты их утвердились, как на нашем языке *трон*; ибо и *престол* то же знаменует, а при том и великолепно слышится. Таковым образом вошло слово *корона* в русской язык и знаменует то же, что и *венец*. Ради необходимости многия греческия слова стали быть словами всем языкам общими. И тако воспринятая греческия слова присвоены нашему языку достохвально, а немецкия и французския язык наш обезображивают.

О путешествиях

1.

На Российском языке путешествий нет ни каких. Переводчиков хороших нет ни одново и перевесть некому, от чево изображение будет не живо, а путешествия не для того только, чтобы оныя вместо романов служили для потеряния времени, но для прояснения географии, мыслей и разсудка; а чтение оных больше приносит пользы человекам, ежели они писаны хорошим разумом, нежели молодому непросвещенному человеку, ни кому не порученному, ни о чем не сведущему, ни чево не примечающему и ни чево со своим отечеством не сравнивающему путешествователю.

2.

Путешествования чужестранныя не могут большой пользы принести Россиянам, хотя бы они и лутчим духом и лутчим пером писаны были; ибо не довольно того, что нечто описывается, но кем оно описывается и с чем сравнивается; ради чего описатель должен быти Россиянин.

3.

Должен путешественник имети о своем отечестве совершенное знание и искусен быти в литературе; ибо и свинья видит солнце, но о нем ни какова не имеет понятия.

4.

Путешествие, описанное невежею, служит ко вреду ево отечества. Мышь о домах, в которых она бывала, иначе толкует, нежели человек.

5.

Какая разность между мертвого и живаго человека: такая разность между мертваго и живаго описания. Один описанием в чувствие вселяется и живо изображает то, что он видел на яву, а другой бредит то на яву, что он видел во сне: смешенно видел и еще смешенные рассказывает. Такой описатель вместо просвещения смущает и самаго разумаго читателя, и приводит ево иногда на кривую дорогу. Слепова следам верить не лъзя.

6.

Я предприемлю зделати описание путешествия и из оставших лет середины моего века два года и четыре месяца, считая от мая сего года, употребити в сию пользу моего отечества.

7.

Каково мое перо, о том и по худым переводам все учнейшия в Европе знают и ту мне похвалу соплетают, которая превосходит желание авторов и тех народов, в которых науки созрели и утвердились. И что я России зделал честь моими сочинениями, в том я всех учнейших людей во всей Европе свидетелями имею.

8.

Фамилию мою оставить и бегать по свету, я в наступающих летах моей старости, и дочерей, о которых воспитании я попечение имею, не могу, так же и умереть на два года не дерзаю;

ибо и кроме слабости моего здоровья, которое священной Римской Империи графом К.... Е.... С.... и Его Сиятельства регистратором за труды мои по Теятру совсем испорчено. Мне уже времени жить и ходить не скорчившись осталось не много. А когда скорчится тело, тогда скорчится и разум, и уподоблюся я тогда тем людям, которая свой век как-нибудь проживают, почитая слово сие «как ни будь» символом своего закона.

9.

Многия наши путешествователи показывают экипажи свои чужим народам, а я не за тем ехать собираюся; ибо наши экипажи и головы с наружи чужестранным уже со излишком известны. Однако с недостатком ехать, желая услужить моему отечеству, не хочу. И ради того мне к моему жалованью, на оныя два года и четыре месяца, потребно мне по моему исчислению двенатцать тысяч рублей, которая деньги по издании моего путешествия возвратятся в казну с излишком; ибо шесть тысяч экземпляров, продаваяся по три рубли, — осмнатцать тысяч рублей, а по том книга оная во всегдашнее время продаваться будет, и так казне убытка не будет.

10.

Я опишу одну Италию и, проехав оттоле в Париж, опишу Париж, места на пути до Италии и оттоле до Парижа, и из Парижа чрез Голандию до Петербурга.

11.

Ежели бы таким пером, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стоило России, ежели бы она и триста тысяч рублей на ето безвозвратно употребила.

12.

Я прошу о сем не для себя, но для пользы моего отечества, а мой собственной прибыток из того только — одна честь имени моему.

О французском языке

Взрощен дитя твое и стал уже детина;
Учился, научен, учился,— стал скотина.
К чему, что твой сынок чужой язык постиг,
Когда себе плода не собрал он со книг?
Болтать и папугай¹, сорока, дрозд умеют:
Но больше ни чево они не разумеют.
Французским словом он в речь русскую плывет;
Солому пальею, обжектором вид зовет.
И речи русския ему лишь те прелестны,
Которы на Руси вралям одним известны.
Коль должно молвити о чем или о ком,
На основании совсем не на таком:
Он бредит безо сна и без стыда и смело;
Не на такой ноге я вижу его дело.
И есть родители, желающи тово,
По русски б дети их не знали ни чево.
Французски авторы почтенье заслужили,
Честь веку принеся, они в котором жили.
Язык их вычищен; но всяк ли Молиер
Между французами, и всяк ли в них Вольтер?
Во всех землях умы великия родятся,
А глупости всегда ж и более плодятся,
И мода стран чужих России не закон;
Мне мнится все равно — присядка и поклон.
Об етом инако ЕКАТЕРИНА мыслит:
Обряд хороший нам она хорошим числит,
Стремится нас она наукой озарить,
А не в французов нас не к стати претворить,
И неоспориму дает на то надежду,
Сама в российскую облекшися одежду.
Безмозглым кажется язык российский туп:

---

¹ В изд. 1787: попугай.

Похлебка ли вкусняй, или вкусняе суп?
Иль соус, просто сос, нам по́ливки вкусняе?
Или уж наш язык мордовскова гнусняе?
Ни шапка, ни карту́с¹, ни шляпа, ни челма
Не могут умножать нам даннаго ума.
Темноволосая равно и белокура,
Когда умна, умна; когда глупа, так дура.
Не в форме истинна на свете состоит;
Нас красит вещество, а не по моде вид:
По моде ткут тафты, парчи, обои, штофы;
Однако люди те — ткачи, не философы:
А истинна ни где еще не знала мод:
Им слепо следует безумный лиш народ.
Разумный моде мнит безделкой быть покорен:
В длине кафтана он со протчими беспорен,
А в разсуждении он следует себе,
Оставив дурака предписанной судьбе.
Кто русско золото французской медью медит,
Ругает свой язык и по французски бредит.
Язы́ки чужды нам потребны для тово,
Чтоб мы читали в них, на русском нет чево;
Известно, что еще книг русских очень мало,
Коли́ко их перо развратно ни вломало.
Прекрасен наш язык единой стариной;
Но глупостью писцов он ныне стал иной:
И ежели от их он уз не свободится,
Так скоро ни куда он больше не годится.
Пиитов на Руси умножилось число,
И все примаются за ето ремесло:
Не соловьи поют, кукушки то кукуют
И врут: и враки те друг друга критикуют;
И только тот у них поменяе наврал,
Кто меняе еще бумаги замарал.

---

¹ В изд. 1774 и 1781: карпус (испр. по изд. 1787).

А твой любезный сын бумага не мараёт,
В библиотеку книг себе не собирает,
Похвален он и тем, что бредит на речах,
Парнаса и во сне не видел он в очах.
На русском прежде был языке сын твой шумен:
Французского хватив, он стал совсем безумен.

Французской язык

В Париже говорят и малыя ребята
Французским языком;
Французской им язык с младенчества знаком.
Такия маханьки учоны там щенята,
Не знаю кто сказал, во Франции быв сам:
У нас ребяток учат,
Наукой мучат;
А там
И не учася все умеют по французски
Как мы по руски.

Комментарии

- С. 425 О истреблении чужих слов из русского языка. — Впервые — «Трудолюбивая пчела. 1759. Генварь». С. 58–62. Подпись: «А.С.»

Вошло в ч. IX «Полного собрания всех сочинений...» (М., 1781 и 1787).

Данная статья является ценным источником по истории русского языка, содержащим обстоятельный перечень модных варваризмов середины XVIII века и наглядно демонстрирующим степень их усвоения языком.

Приводим иноязычные параллели к этим словам (большой частью из французского языка).

Fructus (лат.), frukt (польск.), Frucht (нем.) — плод, фрукт.

Service (фр.) — сервиз; служба.

Antichambre (фр.) — передняя (комната).

Kammer (нем.) — комната.

Fächer (нем.) — веер; wehen (нем.) — веять.

Mantille (фр.) — мантилья, накидка («епанечка»).

Surtout (фр.) — сюртук, верхняя одежда.

Soupe (фр.) — суп.

Gouvernante (фр.) — гувернантка.

Amante (фр.) — любовница.

Atout, Roi, Dame, Valet (фр.) — козырь, король, дама, валет.

Moquer, se moquer (фр.) — насмеяться.

Eloge (фр.) — похвала.

Prince (фр.) — принц, князь.

Bourse (фр.), bursa (лат.) — кошелек.

Nachttisch (нем.), toilette (фр.) — туалетный, ночной столик.

Pensif (фр.) — задумчивый.

Correspondance (фр.) — переписка, корреспонденция.

Küchenmeister (нем.) — шеф-повар.

Küche (нем.) — кухня, «поварня».

Kuchen (нем.) — пирог.

Feldscher (от Feldscherer, нем.) — полевой цирюльник; хирург.

Tome (фр.) — том.

Edition (фр.), editio (лат.) — издание.

Génie (фр.) — гений, дарование, «остроумие».

Bon sens (фр.) — здравомыслие, рассудок.

Éducation (фр.), educatio (лат.) — воспитание.

Magnifique (фр.) — великолепный.

Délicat (фр.) — нежный, тонкий, изящный, деликатный.

Passion (фр.) — страсть.

С. 426 *Mein муж kat домой...* — То есть: *Мой муж пришел домой, перелез через забор и упал в грязь.*

Я в дистракции и дезеспере... — Данная фраза является буквальным воспроизведением французской фразы, имеющей следующий смысл: *Я в рассеянии и в отчаянии: возлюбленная моя мне изменила; а я непременно (à coup sûr) у соперника своего буду добиваться удовлетворения.*

...слово лошадь — от АЛАША и АТ... — Этимологическая справка Сумарокова в большей части верна; суффикс же -адь (ать) — имеет др.-славянское происхождение (см.: *Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1986. С. 525–526.*)

...рыба карп. — Это слово есть во всех славянских языках и считается древним заимствованием из немецкого (Karpfen).

Сарделли, каперсы... цитрон... померанец и пр. — Сарделли — прежнее название сардин (от ит. Sardella). Еще в начале XX в. «сарделькой» называли мелкую сельдь (тюльку). *Каперсы* — разновидность приправы к блюдам. *Цитрон* — лимон (нем. Zitrone). *Померанец* — разновидность цитрусовых, горький апельсин.

А кулик бекасом... — Французское заимствование (bécasse). Другие названия этой птицы — вальдшнеп, (допельшнеп).

С. 427 *О путешествиях.* — Впервые — «Полное собрание всех сочинений...» Ч. IX. 1781. С. 369–373. Печатается по этому изданию.

Посмертно опубликованное Н.И.Новиковым и, вероятно, им же озаглавленное, это небольшое сочинение является запиской, предназначавшейся для Екатерины II и переданной Сумароковым через графа Г.Г.Орлова. В форме творческого проекта Сумароков излагает здесь просьбу о материальной поддержке его заграничной поездки, итогом которой должно было стать издание книги об этом путешествии. Данная записка упомянута Сумароковым в его письме к царице от 3 мая 1764 г., где он повторил свою просьбу, уточнив, что намерен ехать «для описания Италии, смотрения театров, как тамошних, так и парижских, и для истинной пользы и просвещения в географии» (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 97). Судя по выраженному в записке намерению отправиться в путь «считая от маяя сего года», написана она была не позднее апреля 1764 года.

Настоящий документ, равно как и упомянутое прошение Сумарокова — наглядное свидетельство его эксцентричности и болезненного самомнения. В своем «челобитье» от 3 мая он, в частности, писал царице:

«Ежели бы я получил по семи тысяч в год к моему жалованью, так бы я оное путешествие охотно учинил, потому что мне без фамилии моей ехать нельзя, ради того что я не учиться еду, но принести пользу России, и в оставших моих летах среднего века потерять двух лет на разлуку с моими домашними, которым мое присутствие нужно, я не могу. Деньги, которые бы я получил на два года и четыре месяца, по прибытии моем возвратилися бы в казну, а книга бы ко просвещению народного любопытства осталася навсегда. А я бы сделал описание совсем на ином основании, как они делаются; а перо мое, по апробации всех ученейших в Европе, к пользе моего отечества способно. Основательно ли мое требование, это я передаю воле в.в., ибо моего интереса в том нет, и ежели на то не будет благоволе-

ния, так я оный отказ безо всякого приму огорчения, ибо не мой того интерес требовал. Я в прочем не имею никакого места и должности. Я ни при военных, ни при академических делах, ни в отставке. Я приемлю дерзновение в.и.в. принести мою просьбу, дабы мне было учинено что-нибудь, чтобы я знал, что я. Ежели я в отставке, так следует мне чин, ибо я от графа Разумовского, исполняя беспорочно службу мою, без обыкновенного награждения чина отбыл, а от театра также, хотя сколько я России по театру услуги сделал, и вся Европа ведаёт, а особливо Франция и Вольтер» (цит. изд. С. 95—96)

Как и следовало ожидать, требуемых денег Сумароков не получил и за границу не поехал, что легко понять, принимая во внимание высокомерный, едва ли не дерзкий тон его «прошений». Не осуществленное им описание заграничного путешествия, вероятнее всего, было бы проникнуто духом сатиры и оппозиции модной галломании (что ярко проявилось позднее у Д.И.Фонвизина в его письмах из-за границы 1777—1787 гг.).

- С. 427 *На Российском языке путешествий нет ни каких.* — Жанр путешествий известен на русском языке по меньшей мере с XII века («Хождение игумена Даниила», 1106—1107) и был весьма популярен. Разумеется, Сумароков имеет в виду путешествия Нового времени, написанные светским литературным языком и отражающие новейший строй понятий. В эпоху Петра I, когда начался процесс широкого знакомства русских с Европой, было создано немало путевых записок (Б.П.Шереметева, 1697—1699, П.А.Толстого, 1697—1699, А.М.Апраксина, 1697—1699, А.А.Матвеева, 1705—1706, Б.И.Куракина, 1705—1708 и др.) Среди них есть и занимательные описания заграничных достопримечательностей и курьезов (анонимный «Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697—

1699 г.»), и серьезные многоцелевые работы (книга «о всем состоянии королевства Французского» А.А.Матвеева), и описания, в которых совмещаются различные аспекты изучения европейской жизни («Путешествие» П.А.Толстого). Однако бóльшая их часть стала известна широкой публике лишь в XIX веке.

С. 427 *...чтобы оныя вместо романов служили для потеряния времени... — В «Письме о чтении романов» («Тр. пчела». 1759. Июнь) Сумароков писал: «Романов столько умножилось, что из них можно составить половину библиотеки целого света. Пользы от них мало, а вреда много. Говорят о них, что они умеряют скуку и сокращают время, то есть век наш, который и без того краток. Чтение романов не может назваться препровождением времени; оно погубление времени <...> Я исключаю Телемака, Донкишота и еще самое малое число достойных романов <...> Довольно того, чем и просвещаяся можно препровождать время, хотя бы мы и по тысяче лет на свете жили».*

С. 428 *...в том я всех ученейших людей во всей Европе свидетелями имею. — Сумароков намекает прежде всего на то, что он был членом Лейпцигского литературного общества (зачислен 7 августа 1756 г.) Председатель этого общества И.Х.Готшед ставил в особую заслугу Сумарокову то обстоятельство, что героев для своих трагедий он нашел в русской истории, избежав стандартов ложноклассической драматургии, обращавшейся преимущественно к античности (см.: Гуковский Г.А. Русская литература в немецком журнале XVIII в. // XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 388).*

...я в наступающих летах моей старости... — Сумарокову в эту пору не было еще и 47 лет.

...и дочерей, о которых воспитании я попечение имею... — Подразумеваются дочери Сумарокова от

первого брака (с Иоганной Христиановной Балиор) Екатерина Александровна (в замужестве Княжнина) и Прасковья Александровна (в замужестве Головина).

- С. 429 ...графом К... Е... С... — Т.е. Карлом Ефимовичем Сиверсом (1710–1774), который был в это время гоф-маршалом, носил титулы барона (с 1745 г.) и графа Священной Римской Империи (с 1760 г.) Его имя зашифровано, скорее всего, публикатором записки, Н.И.Новиковым.

Сиверс возглавлял Дворцовую контору, в ведении которой с начала 1759 года находился сумароковский театр, и в этой должности сделался, по словам Сумарокова, его «злодеем главным». Оскорбительными намеками на К.Е.Сиверса и выпадами кляузного свойства наполнены многие сочинения и письма Сумарокова, в том числе цитированное выше письмо к Екатерине II от 3 мая 1764 г. В статье «О копиистах» («Тр. пчела». 1759. Декабрь) Сумароков охарактеризовал Сиверса как «самого безграмотного подъячего и самого скаредного крючкотворца».

...ибо шесть тысяч экземпляров, продаваясь по три рубли... — Эти расчеты Сумарокова свидетельствуют об амбициозности его замысла, ибо он исходит из предельного для того времени тиража будущей книги и максимальной ее цены.

- С. 430 О французском языке. — Впервые — «Сатиры Александра Сумарокова. Книга Первая» (другие не выходили). СПб., изд. Ак. наук, 1774. С. 23–25. Сатира «VI».

Вошла в ч. VII «Полного собрания всех сочинений...» (М., 1781 и 1787).

Это одна из 10 сатир, написанных Сумароковым. Точное время ее написания неизвестно (П.Н.Берков предположительно относит ее к 1771–1774 гг.). По со-

держанию она близка к статье «О истреблении чужих слов из русского языка» (1759), что свидетельствует об устойчивости основных тем в творчестве Сумарокова.

- С. 430 *Солому пальею...* — Палья (фр. paille) — букв.: «солома». По всей видимости, речь идет о колористическом термине, обозначавшем светло-желтый, «соломенный», палевый цвет (прежде всего в одежде).

...объектом вид зовет. — От фр. objet и objectif — объект, предмет, цель (вид).

Мне мнится все равно — присядка и поклон. — Присядка — книксен, реверанс.

- С. 431 *Похлебка ли вкусняй, или вкусные суп?* — Слово «суп» воспринималось еще как галлицизм (тот же пример Сумароков приводит в статье «О истреблении чужих слов из русского языка»).

Иль соус, просто сос... — Слово «сос» отражает французское приношение.

...тафты, парчи, обои, штофы... — Перечисляются дорогие материи. Тафта — гладкая, тонкая шелковая ткань; парча — шелковая ткань, шитая золотой и серебряной нитью; обои — шпалеры (первоначально крашеная ткань для обивки стен); штоф — шелковая плотная ткань, обычно с разводами (Даль).

Не соловьи поют, кукушки то кукуют... — Подобным образом начинается сумароковская притча «Кукушки» («Притчи». Кн. VI. № 47): «На место соловьев кукушки здесь кукуют, / и гневом милости Дянины толкуют».

- С. 432 *Французской язык.* — Впервые — «Полное собрание всех сочинений...» Ч. VII. М., 1781. С. 204. Напечатано в книге IV Притч (притча XXI).

Во втором издании (1787) текст полностью идентичен.

Басня написана между 1769 г. (дата выхода в свет третьей книги «Притч») и 1777 г. (год смерти Сумарокова). Основанием для такого предположения служит свидетельство издателя «Полного собрания всех сочинений...», утверждавшего в объявлении «Московских ведомостей» от 8 января 1780 г. (№ 3), что IV и V книги «Притч» — «совсем новые» — написанные в последний период жизни Сумарокова и прежде не печавшиеся (см.: *Сумароков А.П. Стихотворения*. М., 1935. С. 444).

В.И.Щербаков

А.Р.Воронцов

Записка об Испании

Общая характеристика

Граф Александр Романович Воронцов (1741—1805) — видный государственный деятель и дипломат, старший брат С.Р.Воронцова и Е.Р.Дашковой.

Рано потеряв мать, А.Р.Воронцов воспитывался главным образом под руководством дяди, канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, получив блестящее начальное образование, включавшее в себя знание нескольких иностранных языков¹. Уже пяти-шести лет от роду А.Р.Воронцов, по его словам, имел «решительную склонность к чтению»² и к двенадцати годам был знаком с серьезными французскими авторами, такими как Буало, Корнель, Расин и в особенности Вольтер, который навсегда стал его любимым писателем (в июле 1758, будучи еще юношей, А.Р.Воронцов лично познакомился с Вольтером в Мангейме и в дальнейшем поддерживал с ним переписку).

Детство и юность Воронцова прошли при дворе Елизаветы Петровны, о которой впоследствии от вспоминал с большой теплотой, называя время ее царствования «благостным» (fortuné) для России. По ее же воле он был отправлен семнадцати лет во Францию, где полтора года (в 1758—1759) обучался в версальской школе легкоконной гвардии (chevaux légers), после

---

¹ Е.Р.Дашкова в своих «Записках» говорит, что «дядя не жалел денег на учителей».

² Здесь и далее мы используем данные из его мемуаров, начатых им в последний год жизни (доведены лишь до 1758 года). Оpub.: Архив князя Воронцова. Кн. 5. М., 1872 (оригинал на фр. языке).

чего продолжил знакомство с Европой, посетив многие страны, в том числе Испанию и Португалию. В 1861 году, в возрасте двадцати лет, он был определен поверенным в делах при венском дворе, в октябре того же года назначен чрезвычайным посланником в Голландии, в 1762–1764 гг. был полномочным послом в Англии, а затем снова в Голландии, где оставался до 1768 года.

Вернувшись на родину, А.Р.Воронцов отправлял некоторое время придворную службу и в 1773 году, вместе с чином тайного советника, получил должность президента коммерц-коллегии (министра торговли), главное свое назначение в период правления Екатерины Второй. Кроме того, в течение своей служебной карьеры Воронцов был сенатором (с 1779 г.), членом Государственного совета (с 1787 г.), выполнял ряд ответственных поручений, среди которых составление общего тарифа (1781–1782 гг.), участие в заключении договора о дружбе и торговле с Францией (конец 1786 г.), Верельского мира со Швецией (1790) и Ясского мира с Турцией (1791).

За годы службы при Екатерине II А.Р.Воронцов приобрел чин действительного тайного советника, орден св. Александра Невского (и бриллиантовые знаки к нему), орден св. Владимира 1-й ст., пользовался вниманием царицы в виде дорогих подарков и больших денежных премий, однако не был ею любим за свой независимый и строгий нрав¹. Сам Воронцов также весьма критично отзывался в своих мемуарах о порядках при дворе Екатерины II, подчеркивая разлагающее влияние много-

---

¹ Приводим достоверное свидетельство французского посла в России Луи-Филиппа де Сегюра (1753–1830): «Граф Воронцов, человек способный, но придиричивый и упрямый, держал себя строго и восставал против роскоши. Он, кажется, хотел бы, чтобы русские пили только мед и одевались бы в платье домашнего изделия. Потемкин его ненавидел; другие министры его боялись. Императрица не слишком любила его, но уважала и почти безусловно предоставила на его волю торговые дела (Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–89). СПб., 1865. С. 111–112).

М.И.Воронцов

численных ее фаворитов. Чуждая Воронцову атмосфера невольно питала в нем фрондерские настроения, чем отчасти объясняется знаменательный факт его многолетней дружеской связи с А.Н.Радищевым, который служил под его началом в коммерц-коллегии. Несмотря на прямую опасность для своего положения, Воронцов поддерживал интенсивную переписку с Радищевым даже во время его сибирской ссылки, неоднократно выручал его из бедственного материального положения, а после смерти писателя заботился о его семье.

Усиление в связи с этим интриг и внутреннее отчуждение от службы побудили Воронцова подать в конце 1793 года прошение об отставке, в которой он пребывал вплоть до восшествия на престол Александра I. Молодой царь высоко оценил деловые качества и независимость Воронцова, вновь призвав его на службу (с 28 апреля 1801 г.), наградив его высшим орденом (св. Андрея Первозванного) и высшим чином (государственного канцлера). В последующие несколько лет в центре внимания Воронцова были вопросы внешней политики — в первую очередь касающиеся наполеоновской Франции, угрозу которой он вполне создавал, проводя курс на сближение с Англией и создание широкой антинаполеоновской коалиции. Однако через три года он вынужден был удалиться в деревню по болезни и умер в разгар неудачной войны с Наполеоном 1805 года (2 дек. по ст. стилю)¹.

Публикуемая записка А.Р.Воронцова об Испании, составленная по желанию его дяди, канцлера М.И.Воронцова, и отсланная ему письмом из Вены от 15/26 октября 1760 г., явилась результатом поездки, предпринятой им в первой половине того же года (А.Р.Воронцов пробыл в Испании около четырех месяцев, посетив Мадрид, Кадис, Гранаду, Картахену и Барселону). Записка представляет интерес уже тем, что Воронцову в это время было лишь 18 лет, и эта поездка явилась первым в его жизни опытом дипломатической работы. Она изначально

---

¹ А.Р.Воронцов умер холостым.

задумывалась как некоего рода экзамен на профессиональную пригодность, с успехом которого связывались блестящие перспективы. Всего лучше это понимал дядя Александра, Михаил Илларионович, в каждом письме к нему разъяснявший важность этой миссии и вразумительного отчета о ней. Он не только снабдил племянника весомыми рекомендательными письмами к испанскому министру иностранных дел, но и подробно проинструктировал его о содержании будущей записки. Так, в письме от 11 января 1760 г.¹ он наметил основные ее тезисы, указав на необходимость «иметь точное сведение (поколикую оное искусным и неприметным образом получить можно)» о государственном устройстве и внешнеполитических целях испанской монархии, состоянии ее вооруженных и морских сил, финансах и обменном курсе, о колониальных «сокровищах» и мануфактурах, о составе руководящих чиновников и дипломатов, церемониале двора, нравах «гишпанцев» и проч. Однако главной задачей неофициальной миссии Воронцова-младшего канцлер Воронцов считал налаживание дипломатических отношений между обеими державами.

Выполнение этого плана представляло немалую трудность, поскольку Россия и Испания к тому времени уже на протяжении 30 лет не поддерживали между собой дипломатических контактов (после отзыва в 1730 г. кн. И.А.Щербатова и герцога де Лириа с испанской стороны), что было вызвано нежеланием испанского короля признать императорский титул русских царей — в чем он видел ущемление собственного достоинства (сама Испания по сути была колониальной империей). Таким образом, А.Р.Воронцов отправлялся в страну, которая уже давно не имела российского представительства и не была связана с Россией даже торговым соглашением, в котором нуждались оба государства.

Несмотря на это момент для установления контакта с Испанской монархией был выбран удачно, ибо он приходился на пер-

---

¹ Оpub. в изд.: Архив князя Воронцова. Кн. 31. М., 1885.

вые месяцы правления короля Карла III (взошедшего на престол 11 сентября 1759 года), который к тому же многие годы жил вне пределов Испании (с 1735 г. он был королем Неаполя), что давало надежду на обновление политического курса.

Начинающий дипломат успешно справился со своей задачей: он приобрел личное расположение министра иностранных дел Рикардо Вала, имевшего большой вес в государственных делах, постоянно бывал в королевском дворце и в течение нескольких месяцев добыл много полезной информации (в том числе секретной), сообщив, в частности, о готовности Карла III «к установлению дружбы и согласия» с Россией и весьма точно охарактеризовав направление внешней политики нового короля.

Политические оценки и прогнозы Воронцова, сделанные в его записке, вообще глубоки и выдают в нем дипломата по призванию, прекрасно разбирающегося в международных делах. Весьма ценными были также его сведения и личные соображения относительно статей возможного импорта и экспорта в будущей торговле двух стран.

Говоря о личности короля и других первых лиц монархии, молодой Воронцов также обнаруживает острую наблюдательность, трезвый аналитический ум, способность разбираться в людях и легкую иронию человека, знающего цену своему мнению. Так, например, он верно подмечает ограниченность и несообразное самомнение Карла III (с именем которого связывают эпоху испанского Просвещения), наличие ума и характера у королевы, расточительность королевы-матери, высокие достоинства первого министра Вала, гордость и «учтивство» дворян, «ужасное великолепие» быта вельмож и духовенства, «храбрость и твердость» испанской нации.

Небольшое сочинение Александра Воронцова получило достойную оценку в письме канцлера М.И.Воронцова от 1 декабря 1760 года:

«Мои сего неveu, письмо ваше от 15/26 октября получил я исправно. Благодарствую за присланное описание о Гишпанском дворе и о владениях онаго. С удовольствием усматриваю я из онаго, что путешествия ваши не тщетны были; я согласен с

учиненными от вас о купечестве рассуждениями, и похваляю являемое вами о пользе Отечества доброжелательство. Поверьте мне, что я и брат мой¹ всячески стараемся, дабы вы по склонности вашей к делам определены были»². Как вспоминал сам А.Р.Воронцов, еще до исхода 1760 года его записка была поднесена императрице Елизавете и удостоилась «апробации» ее величества³.

Ближайшим следствием данной работы стало назначение Воронцова дипломатом при венском дворе, а проявленная им эрудиция в экономических вопросах, по-видимому, сыграла свою роль и при позднейшем его назначении на пост министра коммерции.

Была определенная заслуга Воронцова и в том, что уже осенью 1760 года в Мадриде открывается постоянное российское представительство (4 июля на должность полномочного посланника в Испании назначен князь П.И.Репнин)⁴, а в марте следующего года в Россию отправляется испанский посол соответствующего уровня Педро де Лухан, маркиз д'Альмодовар, после чего русско-испанские отношения (в том числе торговые) становятся постоянными.

Карл III, преклонявшийся перед Фридрихом Вторым и явно впечатленный русскими победами в Пруссии, согласился именовать русскую царицу императрицей, а его готовность к сближению с Россией как нельзя лучше выразилась в инструкции своему послу от 9 марта 1761 г.: «Хотя удаленность Московии от наших владений разделяет взаимные интересы обеих монархий, могущество этой державы и влияние, оказываемое ею на все европейские дела и события, с каждым днем делают дружбу с ней все более желательной»⁵.

---

¹ Отец Александра, Роман Илларионович Воронцов.

² Архив князя Воронцова. Кн. 5. М., 1872. С. 88.

³ Там же. С. 3.

⁴ См.: Россия и Испания. Документы и материалы. 1667–1799. Т. 1. М., 1991. С. 455.

⁵ Там же. С. 165.

Оригинал записки А.Р.Воронцова хранится в Российском Государственном архиве древних актов (Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 3). Рукопись включает в себя как беловой, так и черновой экземпляры. Черновик — авторизованная рукопись с многочисленными исправлениями стилистического характера, сделанными рукой Воронцова (практически весь текст переправлен неоднократно). Беловой экземпляр — писарский дубликат — полностью идентичен черновой рукописи и учитывает все авторские исправления, если не считать немногочисленных отклонений от орфографии (напр. «лучше» вм. «лутче», «столко» вм. «столько») и обозначения цифр прописью.

Оригинальное заглавие в обеих рукописях отсутствует. В беловом экземпляре имеется аналог заглавия: **«Копия с писма к канцлеру от племянника его графа Александра Воронцова из Вены от 15/26-го октября 1760-го года».**

Текст печатается по беловому экземпляру с исправлениями отдельных мест по черновику (автографу).

Текст

<Записка об Испании>

По выезде моем из Гишпании ни о чем я столько попечения не имел, как о исполнении Вашего Сиятельства повеления от 11-го генваря. Малое время моего пребывания в сем Государстве, а и того более, недостаток сил моих зделали б меня робким, естли б не ободряло меня снисхождение, кое вы всегда иметь изволите к первым молодых людей трудам.

Владетельной король имеет 44 года. Рост, осанка и фигура его известны Вашему Сиятельству; сложение имеет весьма твердое; употребляет часто все эксерциции тела, особливо же любит охоту, без которой редкой день обойтится может; время свое разделяет между сим увеселением и слушанием дел с статскими секретарями; встает всегда в шесть часов и с самага утра статские секретари свободной имеют к нему доступ. В одинатцать

*Испанский концерт.
(С картины худ. К.Ванлоо, 1754)*

часов ходит к обедни с фамилиею, а потом садится за стол с королевою, где весьма мало время бывает; стол всегда публичной, послы и иностранные министры должны вседневно при том быть. После обеда король и королева разговаривают с ними обыкновенно с четверть часа, а потом отходят во внутренние свои покои, откуда король ездит на охоту и бывает на оной обыкновенно до семи часов. По возвращении ходит вместе с королевою к вдовствующей королеве, а потом Статские Секретари приносят к подписанию дела, всякой в назначенное ему время. В 10 часов ложится король в постель. Сию жизнь Его Католическое Величество ведет во весь год. Что ж касается до его характера, то без пристрастия можно сказать, что Государь не без разума, однако весьма далеко от того, что о нем разгласили в Европе, с тех пор как он на престол Гишпанской вступил. Имеет великую склонность к салдатству и весьма убежден удивлением к королю прусскому. Придворные, кои его окружают, видя сию слабость, столько королю ласкательствовали, что и уверили его, будто он в самом деле много сходства с сим Государем имеет в разсуждении знания в военном искусстве. От одного из знатных слышал я, говоря с ним наедине, что король сам ему сказывал, будто много находит сходства между собою и королем прусским; известно, что придворные Государя всегда в мыслях его оставляют. Статской Секретарь Иностранных дел Вал, которой сверх того департамент военной имеет, будучи весьма отягощен делами, просил короля, чтоб сложил с него один из них, на что он отвечал: «Мне угодно, чтоб вы при обоих остались, вы знаете политическия дела, а я военные, и так можем мы друг другу помогать». Как можно было заметить, склонность имеет к французскому двору не только в разсуждении родства, но и по ненависти к Англии, с тех пор как утрачен был флотом ея в последнюю италиянскую войну, предприятием на Неаполь. Любит весьма прежнее свое королевство, а к королеве, матере своей, хотя и имеет должное почтение, но в делах ни какой не показывает ей доверенности. Королева, его супруга, с фаворитами ея старались еще до приезда в Мадрит уверить его, сколько кредит королевы, его мате-

ри, может быть вредителен, потому что сия принцесса окружена всяким сбродом людей, кои из нея много делают.

Владетельная королева имеет от роду 36 лет, не дальней красоты, но не без приятности, разумом весьма одарена и имеет великую над королем силу, приобретение и сохранение которой тем труднее, что должны ему быть неприметны, понеже его самолюбие таково, что не может вообразить себе, чтоб не от него самого происходило все то, что делается, и так к получению намерения своего принуждена королева многими своими забавами жертву делать. Например, музыку, как ея ни любила, принуждена оставить по отвращению, кое имеет король; напротив же того, не редко с ним на звериную ловлю ездит, к чему, как уже выше доносил я Вашему Сиятельству, король страстной охотник. К нации Гишпанской наполнена она, чего и не скрывает, ненавистью и презрением; привести ея на то немало способствовали неаполитанцы, а особливо приехавшие с королем в Мадрит, более же всех дюшеса Кастра Пиньана, которая с своей стороны столь мало старается скрывать собственные свои худыя мнения, что мне не один раз адрессовала разговор при многих людях с бранью всего народа. Сия дюшеса в превеликой у королевы милости; идут чрез нея многие дела, понеже Статские Секретари не могут ни с каким адрессоваться к королю, не изъясняясь прежде с королевою, а как случай не всегда им допускает видеть оную на едине, то по болшей части адресуются к сей даме, которая тогда только с королевою растается, когда король с супругою своею вместе бывает. Иностранные министры весьма вхожи к дюшесе, также и ко всем неаполитанцам, которые по ненависти к Гишпанцам между собою соединяются и чужестранных весьма ласкают. Любовь Королевы хотя и велика к Королю полскому, ея родителю, однакож не может сравнена быть с тою, которую имеет к нему дофина. И неудивительно сие по долговременной ея с родителем разлуке. Частая переписка могла б оную содержать; но видно, что Саксонской двор то не за велико щитал, ибо много уже тому лет, как оной и министра в Неаполе не имел, а Граф Коловрат, министр саксонской в Мадрите, кажется, способнее дать аверсию, нежели

сохранить дружбу к двору своему. Детей своих весьма горячо любит королева, а особливо короля Неаполитанского, для которого всею Гишпаниею жертвовать рада. Естли о будущих приключениях можно с основанием рассуждать, не удивительно будет, ежели со временем возжет она в Италии войну для построения которого ни есть из инфантов, равно как, вероятным образом, не с приятностию увидит совершение брака с внукою короля Французского наследного эрц-герцога австрийского, за которого охотно желала бы выдать одну из своих дочерей.

О принце астурийском трудно чужестранному иметь справедливое мнение, как по молодым его летам, так и по тому, что мало его кажут. Довольно сказать Вашему Сиятельству, что он имеет 12 лет от роду, но по сию пору не учен ни какому языку, кроме природного италианского и гишпанского. О прочих инфантах должно то же сказать, примечая о всех, что аю, или гофмейстер их, весьма посредственного разума и наполнен суеве-рием. Сия должность вверена ему от короля только для того, чтоб опорожнить чин оберкамергера, которой он прежде имел, и которой дан после дюку Лосаду, одному из главных фаворитов короля и королевы, следовательно для благополучия одного человека и удаления другого отваживают воспитание наследника короны, а чрез то, может быть, и будущее благополучие нескольких миллионов подданных, которое однакож Государю священо быть должно.

Королеве вдовствующей от роду 68 лет; о разуме ея излишно и говорить, понеже время правления ея в Гишпании довольно могло показать, какова она; любит с горячностью короля, своего сына, и известно¹, сколько она страдала от короля по случаю возведения его на престол неаполской. Он показывает ей всевозможное почтение, но может ли оно удовлетворять принце-

---

¹ Известно, что она была очень мучена королем, своим супругом по заключении мира между французами и цесарем — в 1736 году, ибо король имел великое отвращение к начатию тогдашней в Италии войны (*Прим. А.Р.Воронцова*).

су, которая, обывнув править государством, видит себя удаленною от дел сыном, для котораго все на свете делала и над коим надеялась, может быть, иметь ту же власть, какую имела над королем, своим супругом. Разговор и вид ея весьма приятны, в прочем имеет по определению короля, Филипа Пятого, около шести сот тысяч пиастров дохода, кои ей всегда верно платимы были, но она столько щедра, что еще и в немалых долгах находится; ожидали, что по вступлении сына ея на престол долги ея оплачены им будут, но по сию пору и не упоминал еще он о том.

Первой в королевстве чин обер-гофмейстера, которой имеет ныне дюк Д'Алва, самого знатного рода, он и старшей министр конференции, которая однакож ни один еще раз собираема не была. Он правил всею Гишпаниею на конце жизни последнего короля, одарен великим разумом, но склонен болше к злым делам, нежели к добрым; ненавидим от всей нации; статской секретарь Вал должен ему всем своим щастием; теперь не имеет он никакого в делах участия, а в мою бытность в Мадрите ожидали, что сам от двора добровольно удалится. Прочие знатные чины, которые более к великолепию двора служат, нежели к правлению дел, не думаю я, чтоб достойны были примечания Вашего Сиятельства, и так доволствуюсь я донести вам только о статских секретарях и чужестранных министрах, а потом о купечестве и о всем том, что я в толь краткое время видеть мог и по колику слабыя мои силы мне приметить допустили.

Старшей статской секретарь господин Вал родом ирлянец, из тех фамилей, кои за королем аглинским Яковом Вторым из отечества своего выехали; он родился и воспитан в Сенжермене, в дватцати от Парижа верстах, месте, назначенном от Людовика 14-го для жития как самому изгнанному королю, так и всем его партии ирляндцам, которых он известным образом с великим великолепием и довольством во всю свою жизнь содержал; но как по смерти его регент дюк Орлеанской совсем противные виды принял, то большая часть тех ирляндцев из Франции выехали, а в разсуждении того, что Гишпаниа по причине католическия веры весьма великия выгоды им давать стала, устремился господин Вал в службу ея. Недолго после того был он

послан при посольстве дюка де Лирия в Россию, и с тех самых пор начал быть наполнен почтением и удивлением ко всем добродетелям Государыни Императрицы, в которой оныя, когда Ея Величество и цесаревой еще была, не меньше уже сияли. Он вседневно говорит, что ничего столько не желает, как восстановления доброго и твердаго согласия между дворами Ея Императорского Величества и короля, его Государя. Сверх иностраннаго департамента правит он и военным к удовольствию всего военного чина. Человек разума великаго и весьма трудолюбив; неприятели его, а особливо французы, почитают его преданным Англии; но известно французское правило именовать аглинскими креатурами всех тех, кои не вдаются слепо в виды версальскаго двора. Сколько я приметить мог, имеет он более ненависти ко Франции, нежели преданности к Англии. Естли Гишпания в последние годы жизни покойнаго короля весьма была дружна с Англиею, тем можно меньше винить статскаго секретаря Вала, которой следовал толко повелениям королевы, которая кредит доволно известен был, нежели самую Францию за неосторожныя ея поступки, а особливо посла дюка Дураса, которой до того доходил, что при многих людях в дерзких словах о королеве отзывался, так что естли бы отзыв его скоро потом не воспоследовал, он и выслан быть мог бы. Французское министерство с самих тех пор столько против статскаго секретаря Вала огорчено, что не однократно старалось у нынешняго короля отрешить его от дел, что, как Ваше Сиятельство сами разсудить можете, от господина Вала не скрыто; но несмотря на то, сей Государь не меньше уверен о его верности и о нужде, кою он в нем имеет, потому что он один из его министров состояниие всего Государства знать может.

Французские послы имеют почти везде такой талант, чтоб быть в несогласии с министрами дворов, при которых они находятся. Отзыв графа Мерла из Лисабона служит новым тому примером. Упователно, что сие происходит от самолюбия и презрения, коим французы наполнены к обыкновениям других народов, а особливо от системы их вмешиватся во все чужия дела, в чем, можно сказать, против их недоволено остерегаются. Ин-

флюенция Франции столь велика, что нет почти трактата, в котором бы она или главною стороною не была, или б приступлением участия не приняла, хотя и нет в оном ползы и нужды. Кредит господина Вала у короля и у королевы весьма велик; думали, что некоторой удар зделает ему возврат ко двору Маркиза Де Лансенада, но не видно, чтоб оной поныне произвел какое действие, хотя маркиз и великую имеет партию. Он способен гораздо ко внутренним делам, и определен в комисию, назначенную от короля для рассмотрения натуре податей и всех государственных доходов, и приведения в лутчее состояние, понеже болшая часть из оных непорядочными зборами народу чрез меру тягостна. Место статскаго секретаря дает 12000 щетных пиастров, а сверх того имеет нынешней пенсии и жалованье генерал-поручика. Департамент иностранных дел в Гишпании на таком же почти основании, как и во Франции. Статской секретарь онаго не должен ни с кем иметь дела, кроме самого короля; министры при чужих дворах репортууют ему, а он королю. Он имеет при себе некоторое число подчиненных ему канцелярских служителей (*commis*), по которым разделяются корреспонденции дворов, чем дела скорее течение иметь могут, понеже одним только Государем или статским секретарем оставлено быть может. Означенные комми получают великое жалование. Для конференции с послами и иностранными министрами назначен день в субботу, а в прочем статской секретарь уведомляет одного короля о всех делах чужестранных, а из прочих министров ни которой не имеет права вмешиваться в оныя.

Департамент морской, от котораго и все селения новаго света зависят, имеет статской секретарь Дарияга, человек разума простаго, нрава весьма тихаго, не любит новых учреждений, и не только что кредита не имеет, но, как думают, и совсем скоро отрешен будет, а в прочем не любим от офицерства морскаго. Сей департамент весьма велик и источник самых знатных фортунов, понеже все сокровища новаго света во власти онаго. Одно вице-королевство Мексиканское дает обыкновенно в три или четыре года, при всех издержках — милиона три или четы-

ре щетных пиастр; последней вице-рой возвратился с четырьмя миллионами. Посылка офицеров для провождения купеческого флота или для другой какой причины делает всегда их щастие.

Правление доходов и расходов Государственных поручено статскому секретарю марки Дескилачи, которой имел тот же чин и в Неаполе, где, как сказывают, доходы весьма умножил. Он в великой у короля милости и всех неаполитанцов содержит в своей партии, оказывает великое старание к поправлению не-порядков в зборе податей; но как многие люди в оных интересованы, то чаятельно и найдет много затрудненей к произведению сего предприятия, сколь ни велика к нему милость королевская. Начало его дел приобрело ему похвалу; например, уплата долгов Монархии, чем ослабленной ей кредит вновь устанавливается, уступка многих недоимок, а особливо за хлеб, розданной в ссуду из королевских магазинов жителям обеих Кастилий. Но после моего отъезда из Мадрита выдан указ, которой не столько уже был почитаем. Уволены оным все французския товары для отправления в новой свет, сухим путем привозимыя, от платежа пошлин, кроме собираемых в Кадиксе, ибо когда Гишпания была разделена на особливья королевства, то во всяком были и особливья пошлины, кои по соединении всех провинцей не были однакож сняты, так что многие товары Гишпанские до отсылки в новой свет, переходя чрез разныя провинции до Кадикса, где флот нагружается, дороже французских становится будут, чрез что может Ваше Сиятельство и вообразить себе убыток, какой нести принуждены подданные пред иностранным народом, а и без того Гишпания не получает себе ни трети сокровищ, приходящих из селений ея в Америке.

Кроме сего департамента есть еще комерц-коллегия. Некоторые оной члены имеют великое о купечестве знание, особливо два ирляндца. Я не могу оставить без примечания, что болшая часть иностранных, кои в службе гишпанской короны, ей все полезны, чему по моему мнению причиною строгой их выбор и великия притом выгоды, достойным людям дозволяемыя. Число оных велико, а наипаче фланманцов, французов и ирлянцов; достоинства могут их до всех чинов довести, но в людех равнаго

достоинства по справедливости предизбирают природных подданных, кои вкорененно к отечеству любовь больше к пользе и славе онаго побуждаемы, нежели иностранной корыстию или другим каким намерением.

Сверх оных есть еще многие другие трибуналы, но как оные касаются только до внутренних дел, незнание языка и короткое мое житие недопустили мне получить об оных обстоятельное сведение. Из всех достойнее примечания камора Кастильская. Прежнее ея основание имело много сходства с парламентом Парижским; имеет она право делать представления Государю, на которыя однакож со времени владения Филипа 5-го мало зачали смотреть. Нация почитает еще сей трибунал посредником между королем и ею; президент сей каморы имеет обыкновенно великую консидерацию.

Гишпанская на сухом пути сила, буде в комплекте, должна быть до 100 т. человек, щитая в том числе около 10 т. кавалерии и драгун, да 30 т. ландмилиции. В пехоте находится много иностранных; но армия столько была некомплетна, что не превосходила 40000 человек по приезде нынешняго короля: но по новому его распоряжению к укомплектованию войск могут оныя дойти до 70000, которое число небезтрудно для державы толь малолюдной и излишнее в разсуждении отдаления ея натурального от прочих Европейских земель; доброта кавалерии их удивление всех иностранных заслуживает. Дворянство провинциальное служит весьма охотно. А между добрыми качествами нации Гишпанской можно щитать храбрость и твердость, которою многих народов превосходят. Артилерия и инженерство их весьма в хорошем состоянии, школы их наполнены добрыми инженерами французскими. Известно, что сия наука никем столко в совершенство не приведена, как французами.

Гишпанския морския силы состоят ныне в 50 военных кораблях о двух ярусах; самая болшая, коих число не велико, имеют 80 пушек, что по их объявлению гораздо способнее для плаванья в Средиземном море; офицеров имеют довольно знающих, а из контръадмиралов лутчими почитаются господин Режио и Штуарт, сын известнаго дюка Делерия; последней

оказал довольно искусства при сражении флота Гишпанскаго под его командою с алжирцами. Корпус кадетской морской в Кадиксе не мало способствует к формированию достойных офицеров. Главныя их адмиралтействы на Средиземном море учреждены в Кадиксе в Картагене; последней город построен покойным королем Фердинандом Шестым, вместо порт Магона, которой Утрехтским трактатом уступлен Англии. Арсенал Картагенской достоин любопытства в разсуждении употребленных на оной ужасных сокровищ. Внутри онаго зделан бассейн, которой может в себе содержать 80 военных кораблей; но может ли Гишпания толикое оных число в одном порте иметь? Сей порт начал строится при министерстве маркиза Лансениада; все почти его дела сему подобны: он искал во всем более наружности, нежели поправления внутренних пороков. Фабрики ли какия заводил, то более думал о воздвижении к оным великолепных зданий, нежели о ползе, какую бы со временем получить можно было. Третьей их, но единой на окиане порт, есть Фероль; я не мог онаго видеть, только как слышал, находится в лучшем состоянии. Корабли их по большей части строятся из лесу, которой привозят агличане, голанцы и датчаня. Я чаю, естли бы подданныя Ея Императорскаго Величества с оным корабли в Кадикс иль Фероль отправляли, что из того могло бы входить великое число денег в Империю. Делают несколько кораблей в Гаване из лесу их селениев американских. Доброта его в том состоит, что тамошнее дерево ядрами пробито быть не может. Видно, что оного недоволю, ибо построенных в Америке кораблей весма мало. В северных провинциях Гишпанских также лесу нескудно, но мало способнаго к корабелному строению. Матрозов в Гишпании для вооружения всех кораблей недостаточно; причиною тому, во-первых, малолюдство, а еще болше, что нет ни одной реки способной к плаванию, хотя и все глубоки у устья, но в дали очень мелки. Перевоз из одного порта в другой также несвободен от алжирцов, с которыми Гишпанцы в непрестанной войне, чем Государство множество людей теряет. Война продолжается для того, что для оной имеет король от папы позволение брать десятину с доходов

духовенства и с продажи увольнений церковных от поста и тому подобнаго. Что весьма прибыльно казне, а инако заключение мира лишило бы сего дохода. Видно, что двор в сем случае не следует генералному правилу, что Государственная полза неразделна с интересами Государя. Но за добрую плату может Гишпания иметь чужих матрозов, а особливо сицилцов. Сверх 50 кораблей кои действительно содержатся в исправности, есть еще несколько фрегатов.

О казенных доходах прямое описание сделать трудно, но как от знающих людей слышал я, простираются оные от 24-х до 28 миллионов щетных пиастр, что делает 21 миллион рублей, щитая российскую копейку в один су, а по пробе серебра выдет по крайней мере 25 миллионов, кои по большей части приходят из новаго света как денгами, так и продажею привозимаго оттуда табаку, шеколату и многих других вещей; но естли збор податей в лутчей порядок приведен будет, может оной гораздо умножится. Покойной король оставил по себе, как я от знающаго человека слышал, 30 миллионов щетных пиастр, сумма весьма неравная той, о какой везде разглашено было, но великая в разсуждении нынешних Европейских обстоятельств и удивительная при всех строениях и покупках, кои Фердинанд Шестой делал.

Купечествующия державы, кои более участия имеют в сокровищах новаго света, суть Франция, Голандия и Англия, также отчасти Дания и Швеция; последние две более служат к оснащению кораблей, нежели к сочинению грузов. Из первых трех держав Франция более всех производит торгу, которой самим Гишпанцам весьма вреден, понеже в оборот забирая весьма мало товаров, подданныя ея вывозят множество наличных денег. Земли сея державы производят почти все то же, что и Гишпания, с такою только разностию, что произращении свои лутче употребляет и выделявает. Французской торг состоит во всяких материях тамошних манифактур, полотне и других к роскоше служащих товарах. Агличане и голандцы привозят такие же товары, да сверх того многия из Севера; берут в оборот шерсть, шелк и вина. Сколько народ ненавидит за то францу-

зов, столько напротив того любит агличан. Манифактуры начали умножаться в Гишпании; в городе Валансе делают уже изрядные штофы. Хотя число чужих товаров, кои в новой свет отправляются, и велико, но все принуждены итить чрез руки природных Гишпанцов, понеже не только чужестранных карабелей не допускают, но и ни один чужестранной в селения их принят быть не может. Естли б сего установления не было, то б Гишпания получала пред другими народами еще меньше богатств из своих селений. На особливом листе зделал я описание как курсу монет, так и товаров, кои с Россиею в обмен годны. Внутренняя комерция очень невелика, будучи утесняема разными пошлинами и налогами, в проезд чрез разныя провинции.

Я ни о чем столько не старался в бытность мою в Мадрите, как о разпознании нынешней политической системы, но как она во многом зависит от персональных качеств Государя и его министров, нелзя еще было с достоверенностию ничего приметить, понеже тогда прибыл король в новое свое владение. Укомплетование сухопутных войск и намерение приводить морския в лутчее состояние оказывает, что он намерен брать в Еропейских делах болше участия, нежели его предместники. Ваше Сиятельство справедливо изволили приметить, что Гишпания может великую перемену зделать в разсуждении морской войны между Англиею и Франциею; но естли смею я объявить мое мнение, миновало уже удобное к тому время. Оно настояло в 1756-м году, по взятии французами острова Минорки, но тогда Гишпания была совсем иного мнения. С коликим бы сия держава неудовольствием ни взирала на разорение сил морских Франции, а на приращение аглинских, однакож теперь тем меньше может с безопасностию воспрять что-либо против великой Британии; ибо французския силы не могли бы ей быть подпорою; и так, какова бы ни была будущая опасность для селений Гишпанских, но удалена она; напротив чего, действуя против Англии, могла бы Гишпания собственныя свои разорить и намерением отвратить будущее бедствие впасть в настоящее. Естли бы меньше думали о равновесии и не начинали войну для избежания могущей быть в предь,

то бы Европа не претерпела оную сорок раз с 1600-го года по ныне. Король и его министерство, как приметить можно, намерены поправлять внутренние непорядки, к чему нужен покой.

Не могу я оставить, чтоб не донести Вашему Сиятельству о склонности в самом короле, оказывающейся к установлению дружбы и сношения с Ея Императорским Величеством. Кроме добродетелей и величества, блистающих в Государыне Императрице, которая слава в целом свете гласит, инфлюенция, которую Россия имеет под Ея щастливым Государствованием в Европейских делах, служит сильным побуждением короне, которая сама надеется играть роль между державами. Ни что так не может утвердить сие согласие, как комерция подданных обоих дворов к поспешствованию взаимной ползы. Предоставлено совершение толь великаго дела дщери Петра Великаго, которая не первое уже из его намерений к щастливому окончанию привела.

Что ж касается до помощи денежной, учиненной будто от королевы королю польскому, Родителю ея, то при мне еще ни чего подобнаго не воспоследовало, равно как и в удовольствии его претензии на Гишпанию, до миллиона ливров простирающейся, кои по согласию с Франциею должен он получить с Гишпаниею, по случаю соединения его с сими двумя коронами против Императрицы королевы. Граф Коловрат не мог тогда и ответа получить; но сказывают теперь, что недавно королева ссудила своего родителя некоторою суммою, а чаятельно ежели б саксонской двор содержал другаго министра вместо Графа Коловрата, которой каждой день пьян, то мог бы по видимому, лучше интересы свои при сем дворе поспешествовать.

Чужестранных министров в Мадрите довольно. Послы имеют немалыя отличности по этикету двора, но наблюдается при том весма, чтоб к возвышению их не унизить велмож нации. Второго ранга министры не в великом почтении, а еще меньше их жены, с коими жены велможев на равне и знатся не хотят. В Мадрите находятся следующие послы: нунsius при мне был кардинал Спинола, которой сменен потом. Римской двор гораздо меньше имеет в Мадрите кредита, нежели сколько думает.

Французской посол марки д'Осюн любим весьма королем, королевою и неаполитанцами; напротив же того чрез меру мало статским секретарем Валом. Он человек холодной и не без разума, хвалит часто короля, унижая нацию. Я слышал от человека, в Иностранном департаменте во Франции употребленного, что министерство не иначе называет реляции маркиза д'Осюна, как панежириками короля Гишпанскаго; упователно, что он не малое участие имел к поданию публике французской толь великой о сем Государе идеи. Португалской посол Силва, человек разумной, любим также королем; португалцам великою потерею кончина покойнаго короля. Аглинской посол милорд Бристоль человек весьма посредственной и много навел на себя посмеяния, требуя от всех дам титула милорда. Неаполской посол принц Йячи очень неглуп и имеет чрез жену свою у королевы довольно кредит. Венецианской посол Фоскарини весьма любим от всех. Граф Роземберг, министр австрийской, любим от министерства за поведение его. Находятся сверх того шведской и датской министры, также и других дворов, но более для протекции торгу подданных их дворов, нежели для политических дел. Житье всем иностранным министрам должно быть дорого, естли захотят уподобятся знатным, кои все весьма богаты.

Не могу я оставить без примечания, что печатные о Гишпании описания весьма ей неласкательны; но я нашел гораздо больше обхождения и учтивство в велможах, нежели по объявлению разных вояжиров ожидать было можно. Они живут с ужасным великолепием, имеют при себе великую свиту и множество серебра и золота в домах. Нация весьма самолюбива и почитает себя превосходною другим, отдалена весьма от чужих обыкновений, и к милостыне склоннее всех. Епископы и главные члены духовенства отличают себя в том особливо. Богатство их в Гишпании ужасно, один архиепископ Толедской имеет 300000 пиастров доходу. В новом свете духовенство богаче и того.

Вот все, что я мог в краткое время спознать в сей монархии. Без надежды на снисхождение Вашего Сиятельства не осмелился бы никогда взять на себя зделать описание онаго, уповая

притом, если бы какая-нибудь погрешность или недовольно подробностей найдете, что в том изволите меня извинить по охоте и прилежанию к исполнению вашего приказания. С глубочайшим почтением пребываю я,

Милостивый Государь,
Вашего Сиятельства
покорный и верный слуга

Граф А.Воронцов

Комментарии

С. 448 *Владетельный король имеет 44 года.* — Карл III (1716—1788), представитель династии Бурбонов, сын Филиппа V и Елизаветы (Изабеллы) Фарнезе, король Неаполя и Обеих Сицилий с 1735 г., король Испании с 1759 по 1788 гг., вступивший на престол по смерти Фердинанда VI. Своей основной задачей Карл III считал возрождение былого могущества Испании, проводя экспансионистскую политику и реформы внутри страны. Его военные действия против имперской Австрии и Англии не имели значительного успеха и лишь истощали казну, одновременно ставя ее в большую зависимость от Франции. В самой же Испании Карл III добился значительных результатов в проведении финансовой реформы, реорганизации армии и флота (находившегося в упадке), развитии сельского хозяйства. Кроме того он запретил в 1767 г. орден иезуитов и успешно занимался градостроительством в Мадриде, способствуя его украшению. Итогом правления Карла III стало известное усиление испанского влияния в Европе, что, на фоне последующего упадка испанской монархии, сделало его имя памятным в истории страны. Существенным достижением его политики является и то, что при нем получили развитие российско-испанские отношения.

С. 450 *...Его Католическое Величество...* — Официальный титул испанских королей (французский король имел титул «Его Христианнейшего Величества»).

Имеет великую склонность к салдатству... — В 18-летнем возрасте Карл III (в то время Дон Карлос де Бурбон) совершил удачный рейд на Неаполь, захваченный австрийцами в ходе войны за Испанское наследство, взяв его 10 мая 1734 г., что дало ему титул короля Неаполитанского, а также позволило вернуть Сицилию под власть испанского монарха (при этом Тоскана, Парма и Плезанс были уступлены Австрийской империи). Военные амбиции Карла подтолкнули его к безуспешной войне с Англией (в союзе с Францией), в ходе которой Испания потеряла Гавану (Кубу) и Манилу, возвратив их по Парижскому миру (10 февраля 1763 г.) лишь в обмен на Флориду.

...убежден удивлением к королю прускому. — Подобно Петру III, также преклонявшемуся перед Фридрихом Вторым (1712–1786), сам Карл III не имел выдающихся полководческих способностей, на что вполне определенно намекает Воронцов.

Статской секретарь Иностранных дел Вал... — Рикардо Вал-и-Девреус (1695–1777), ирландец на испанской службе, министр иностранных дел Испании в 1754–1763 гг., секретарь испанского посольства в России в 1727–1730 гг. Несмотря на солидный возраст, он был наиболее способным из высших чиновников, окружавших короля (ранее он был фаворитом Фердинанда VI), но в 1763 году, задолго до своей смерти, получил отставку.

«Мне угодно, чтоб вы при обоих остались»... — В 1763 году он был заменен на посту министра иностранных дел маркизом де Гримальди (1720–1786), который был советником Карла III еще во время прав-

ления в Неаполе. Пост военного министра в том же году занял маркиз д'Эскилаче (о нем см. ниже).

- С. 450 ...склонность имеет к французскому двору, не только в разсуждении родства... — После смерти последнего испанского Габсбурга, Карла II (1661—1700), приведшей к войне за Испанское наследство, на испанском престоле утвердилась династия Бурбонов (начиная с Филиппа V, внука Людовика XIV), что привело к дальнейшему сближению Испании и Франции. Карл III, взойдя на трон, сразу стал энергично сближаться с Людовиком XV, желая реализовать при поддержке могущественной Франции свои честолюбивые планы. Это привело к подписанию обоими державами 15 августа 1761 года т.н. «Семейного пакта», которым Испания оказалась втянутой в Семилетнюю войну. В инструкции послу Педро де Альмодовару от 9 марта 1761 г. Карл III, в частности, подчеркивал, что «Испания и Франция во всем действуют одинаково» (Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 1. М., 1991. С. 164).
- С. 451 Владетельная королева имеет от роду 36 лет... — Супруга Карла III — с 1738 г. — Мария-Амалия Саксонская (1724—1760) была дочерью польского короля и саксонского курфюрста Августа III Фридриха (1696—1763), упоминаемого ниже. От брака с Карлом у нее было 13 детей (из которых 5 дочерей и один сын умерли в раннем возрасте), в том числе и наследник (будущий Карл IV), о котором Воронцов говорит далее. Мария-Амалия скоропостижно скончалась 27 сентября 1760 г., вскоре после отъезда А.Р.Воронцова из Испании. Вопреки обыкновениям тогдашних монархов, Карл III отказался от повторного брака, оставшись вдовцом.
- С. 452 ...а особливо короля Неаполитанскаго... — Титул ко-

роля Неаполя и Обеих Сицилий носил третий, малолетний сын Карла III Фердинанд.

- С. 452 ...наследнаго эрц-герцога австрийского, за котораго охотно желала бы выдать одну из своих дочерей. — Имеется в виду эрцгерцог Леопольд (Петер-Йозеф-Иоганн-Антон-Иоахим-Пиус-Готтхард, 1747–1792), сын императора Франца I и Марии-Терезии, впоследствии великий герцог Тосканский (1765–1790) и австрийский император (имп. «Священной Римской Империи») в 1790–1792 гг. (под именем Леопольда II). Его супругой действительно стала инфанта Мария-Луиза (ум. в 1792), дочь Карла III и Марии-Амалии, от которой он имел 16 человек детей, включая наследника, Франца Второго.

О принце астурийском... 12 лет от роду... — Титул принца Астурийского (от названия княжества, составившего позднее исп. провинцию Овьедо) традиционно носили наследники престола. В данном случае речь идет о втором сыне Карла III и Марии-Амалии, Карле (1748–1819), признанном в 1759 г. преимущественным наследником престола из-за слабоумия его старшего брата Филиппа. В период испанского вояжа А.Р.Воронцова Карлу было 11 лет (двенадцать исполнилось 11 ноября 1760 г.). Однако уже в 1765 году (9 декабря) он женится на своей кузине Марии-Луизе Пармской, а в 1788 г., по смерти Карла III, становится королем Испании. Не унаследовав никаких государственных способностей, Карл IV неудачно воевал с революционной Францией, а позднее допустил оккупацию Испании французскими войсками, отказавшись от всех прав на престол в пользу брата Наполеона, Жозефа Бонапарта. В качестве личной компенсации он получил Компьенский замок и пожизненную пенсию.

Королеве вдовствующей от роду 68 лет... — Речь

идет о второй супруге (с 1714 г.) короля Филиппа V Елизавете (Изабелле) Фарнезе, урожденной принцессе Пармской (1692–1766). Властная, склонная к интригам, не любимая испанским народом, она довольно точно охарактеризована Воронцовым.

- С. 453 *Разговор и вид ея весьма приятны...* — Подобным образом описывал королеву Елизавету и герцог Луи де Сен-Симон, видевший ее в 1721 году. Его поразили контраст между ее лицом, «до крайности» обезображенным оспой, и особым шармом ее личности: «Действительно, стоит немного ее узнать, как начинаешь понимать, что она не лишена красоты и обаяния, которых не смогла уничтожить даже ужасная оспа»; «Эта государыня имела много природного ума и природной грации, которыми она прекрасно умела пользоваться» (*Saint-Simon Louis. Mémoires. Т. 6. Paris, 1958. P. 820; 1083*).

...на конце жизни последнего короля... — Фердинанда (Фернандо) VI (1713–1759), короля Испании с 1746 по 1759 гг.

...кои за королем аглинским Яковом Вторым из отечества своего выехали... — Яков II (1633–1701), король Англии с 1685 г., был низложен парламентом и в конце 1688 г. бежал во Францию, а его место занял глава оппозиции Вильгельм Оранский (1650–1702), его зять, принявший титул английского короля под именем Вильгельма III (с 1689 г.)

...в Сенжермеине, в дватцати от Парижа верстах... — Ныне Сен-Жерменское предместье составляет одну из западных окраин Парижа (Большого Парижа).

...регент дук Орлеанской... — Филипп II Орлеан-

ский, герцог Шартский (1674–1723), в 1715–1722 гг. регент при малолетнем Людовике XV.

- С. 454 *...при посольстве дюка де Лириа в Россию...* — Герцог де Лириа (Якобо Франциско Фитц-Джеймс Стюарт 2-й, герцог Бервик, 1696–1738) — испанский гранд английского происхождения, обладатель многих титулов (с 1716 — герцог де Лириа-и-Херика), генерал-лейтенант (с 1732 г.), посол в России с 1727 по 1730 гг. (в это же время Рикардо Вал был секретарем испанского посольства). Отцом герцога де Лириа был эмигрант Якобо Фитц-Джеймс, герцог Бервик (1671–1734), который, в свою очередь, был побочным сыном короля Якова II и Арабеллы Черчилль.

...ко всем добродетелям Государыни Императрицы... когда Ея Величество и цесаревой еще была... — Речь идет о Елизавете Петровне, великой княгине, затем императрице (с конца 1741 г.)

...имеет он более ненависти ко Франции, нежели преданности к Англии. — Сам А.Р.Воронцов также довольно неприязненно относился к французам, что он явственно дает понять в своей записке. Это подметил позднее и французский посол граф Л.-Ф. де Сегюр, характеризуя Воронцова: «...он охотнее покровительствовал англичанам, чем нам» (Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–89). СПб., 1865. С. 112). Несмотря на то что А.Р.Воронцов вырос на французской литературе и провел юность в Париже, его мемуары содержат выпады против господствовавшей тенденции к «офранцузиванию» детей, лишаящему их знания родного языка и нравов своей отчизны (Архив князя Воронцова. Кн. 5. М., 1872. С. 12).

...королевы, которые кредит... — Т.е. репутация (часто используемое Воронцовым слово).

С. 455 ...возврат ко двору Маркиза Де Лансенада... — Зенон Сомодевилла, маркиз де ла Энсенада (1702—1781) был обладателем всевозможных должностей в период правления Фердинанда VI и с сер. 1740-х гг. сосредоточил в своих руках огромную власть (гос. секретарь по экономическим, военным, морским и колониальным делам, гос. канцлер), но позднее впал в немилость и 20 июля 1754 г. был лишен всех постов и сослан в Гранаду. В апреле 1760 г., в начале правления Карла III, он был возвращен в столицу и получил новые назначения, хотя прежней роли уже не играл.

...12000 щетных пиастров. — В специальном приложении к своей записке А.Р.Воронцов приводит следующую информацию: «Щетная пиастра, коею все щитається, не есть существительна, а только мнимая, в 75 су гишпанских, что по нашей пробе серебра может стоять рубль или девяноста копеек».

...все селения новаго света... — Т.е. испанские колонии в Америке и Вест-Индии. К тому времени Испания представляла собой огромную колониальную империю, включавшую в себя Кубу, восточную половину Сан-Доминго, Центральную Америку и половину Южной Америки (за исключением португальской Бразилии), Мексику, Флориду и Западную Луизиану, а также Филиппины в юго-восточной Азии.

...статской секретарь Дарияга... — Хулиан д'Аррьяга (ум. в 1776), занимавший после Лансенада, с 1754 г. до своей смерти, пост гос. секретаря (министра) по морским делам и делам Индий (колоний). В пору своего министерства д'Аррьяга существенно улучшил состояние испанского флота: при нем было построено 33 военных корабля, в том числе 140-пушечный суперлинкор «Тринидад».

С. 456 ...марки Дескилачи... — Маркиз Эскилаче, Леополь-

до де Грегорио (ок. 1700—1785), главный фаворит Карла III. Сицилиец по рождению, он был государственным секретарем при короле Карле еще в Неаполе (с 1750 г.) и получил титул маркиза д'Эскилаче (Esquilache) в 1759 году, при вступлении своего короля на испанский трон. Сохранив пост гос. секретаря и в испанском правительстве, он в 1763 году заменил Рикардо Вала на посту военного министра, сохранив пост министра экономики и финансов. Находясь на последнем посту, д'Эскилаче пытался проводить финансовые реформы, наводнив страну обесцененными деньгами, дабы покрыть чрезмерные расходы, связанные с королевской программой по реконструкции Мадрида. Одновременно с этим он издал непопулярный указ о запрете ношения плаща, шпаги и сомбреро простолюдинами (якобы с целью более эффективного выявления преступников), что вызвало широкое недовольство в народе. Под влиянием иезуитов, притесняемых королем, в марте 1766 года вспыхнул бунт, в результате которого дворец Эскилаче в Мадриде был разгромлен, а сам он по настоянию короля был вынужден покинуть страну. В последние десятилетия своей жизни Эскилаче был послом в Венеции, где и умер 15 сент. 1785 г.

С. 457 *Гишпанская на сухом пути сила, буде в комплете... которое число небезтрудно для державы толь малолюдной...* — В письме к М.И.Воронцову от 3/14 мая 1760 г. (из Барселоны) Воронцов сообщает (довольно точно): «Гишпания более не имеет в себе как 9 миллионов душ обоих (sic!) пола» (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 145 об.)

Сухопутные силы Испании находились тогда в упадке. Так, еще в 1756 г. «Московские ведомости», приводя подробный анализ военной силы Испании, оценивали численность сухопутных войск в 140 тыс. чел. (МВ. 1756. № 12. 4 июня). Для сравнения: в

России на 1755 г. числилось ок. 288 тыс. солдат, а с казаками — 325 тыс. (Копия с промемории из коллегии Иностранных дел в Военную коллегию от 21 июля 1755 г. // Архив князя Воронцова. М., 1871. Кн. 3.)

- С. 457 ...добрыми инженерами французскими. Известно, что сия наука никем столко в совершенство не приведена, как французами. — Французы первыми осознали важность военно-инженерной науки, достигшей привилегированного положения при Вобане (1633—1707, маршал с 1703 г.), который построил множество современных крепостей и руководил взятием более чем пятидесяти неприятельских.

Испанская морская сила состоит ныне в 50 военных кораблях о двух ярусах; самая большая, коих число не велико, имеют 80 пушек... — Подробный перечень военных судов, стоявших на приколе в Кадисе, Фероле и Картахене, Воронцов приводит в письме к М.И.Воронцову от 6/17 апреля 1760 г. Согласно этому перечню, Испания имела в своих портах 36 линкоров (в основном — 68—70 пушечных) и 6 фрегатов, не считая 10 кораблей, находившихся тогда в Америке (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 136—137).

- С. 460 На особливом листе зделал я описание, как курсу монет, так и товаров, кои с Россиею в обмен годны. — О курсе монет см. выше. В указанном описании, приложенном к записке, среди товаров, представляющих интерес для России, названы «во-первых, вино, кое мы по болшей части из Франции берем, хотя оно и дороже становится», масло, фрукты, «медицинальные и красилные» травы, в особенности те, которые произрастают в колониях Америки, шелк, «шерсть, которая доброта всем известна», драгоценные металлы. Важность последней статьи вероятного импорта Воронцов подчеркивает: «Наиболее примечания заслуживает

вывоз пиастр, из коих делают монеты серебряные целого света. Надобно чтоб серебро, которое агличане по подряду ставили на монетной наш двор, из оных пиастров было». Там же Воронцов называет и российские товары, которые могут быть предметом экспорта: «разные мехи», «лес для корабельного строения», «лен, а еще лучше естли б несуровой» («холст наш очень дешев»), рыба, воск (прибыльная статья ввиду множества церквей в Испании), юфть, мед «и несколько железа, понеже в последнем сами Гишпанцы нескудны», смола, канаты, сало, ремень, а также — «хлеб, естли б вывоз онаго позволен был, мог бы из прибыточнейших товаров быть, когда Англия своим, которой весьма дорог, великую еще ползу получает».

- С. 462 *Житье всем иностранным министрам должно быть дорого, естли захотят уподобляться знатным...* — Сам Воронцов, принадлежавший к весьма знатному роду, которым все Воронцовы очень гордились (наряду с близостью к монархам), входил в немалые траты, находясь в Испании, что видно, в частности, из его переписки с отцом, Р.И.Воронцовым. Так, 25 февраля 1760 г. последний с возмущением писал А.Р.Воронцову в Мадрид: «Я дивлюсь крайним образом тому, что ты в два года издержал более пятнадцати тысяч рублей, к чему, я точно знаю, тебя не надобность, а гордость да тщеславие побудили. К чему держать при себе толь большую свиту? На что повара, камердинеры? Можно бы и без них довольну быть с теми, кои с тобою и прежде бывали <...> ныне приказываю, чтоб ты непременно в 7 дней по получении сего письма из Гишпании в Париж выехал, ибо я не намерен для твоего удовольствия продать деревни» (Архив князя Воронцова. Кн. 31. М., 1885. С. 41).

...я нашел гораздо больше обхождения и учтивство в велможях, нежели по объявлению разных вояжиров

ожидать было можно. — Яркие образцы расхожих представлений об испанцах являют собой письма Р.А.Воронцова, который с присущей ему живостью писал сыну:

«Между прочим уведомя, справедливо ли говорят об Гишпанцах, что оных гордость так далеко простирается, что и крестьяне землю пашут, имея при себе красныя епанчи и шпаги и оныя, усмотря проезжающих, на себя надевают, оставляя притом и работу свою?» (5 мая 1760 г.); «Известия о учтивости Гишпанцев мне также приятны; по сие время мне не случалось слышать об них такой похвалы, какую ты им приписываешь. Здесь они почитались за грубых, спесивых и необходимых людей. Да и в разсуждении тебя, не по причине ли бывших о тебе рекомендаций учтивость была оказываема?» (Первая полов. мая 1760 г.— Архив князя Воронцова. Кн. 31. С. 41—42).

С. 462 *Нация весьма самолюбива и почитает себя превосходною другим, отдалена весьма от чужих обыкновений...* — Эту характеристику вполне подтверждает позднейший скандал при русском дворе, вызванный непочтительным поведением супруги испанского посла в отношении великой княгини Екатерины Алексеевны (будущей императрицы Екатерины II), о чем рассказано в письме М.И.Воронцова к А.Р.Воронцову от 9 октября 1861 г.: «Довольствуюсь я коротко вас уведомить, что 30-го числа минувшаго месяца, на бывшем тогда при дворе куртаге, маркиза д'Алмодовар, жена гишпанскаго министра, отреклась, при первом Ея Императорскому Высочеству Государыне великой Княгине представлении, поцеловать у Ея Высочества руку, хотя установленное в том обыкновение всегда без изъятия и прекословия наблюдаемо и исполняемо было от жен всех чужестранных министров <...> 7-го числа сего месяца от церемониймейстерских дел и учинено, что

ныне в предь, естли жены их не станут целовать руки у Государыни великой Княгини, не будут они взаимно приглашаемы к бывающим при дворе собраниям; в следствие чего третьяго дни ни одна, ни другая на куртаг не приехали» (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Ед. хр. 151. Л. 62–63 об.; с неточностями опуб.: Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 5. С. 91).

С. 462 ...*один архиепископ Толедской...* — Людовик де Бурбон, сын короля Филиппа V и брат короля Карла III.

В.И.Щербаков

В. Григорович-Барский

Путешествие к святым местам в Европе (1723—1725)

Общая характеристика

Василий Григорович родился в 1702 г. в Киеве. Его предки были родом из Польши: в 1648 г., спасаясь от гонений на православных, пришли в Малороссию из волынского города Бара. С детства Григорович обучался в Киевских Академических школах. Но в 1723 г., закончив курс риторики и поступая в философский класс, он был вынужден из-за болезни ног отправиться для лечения в г. Львов (Польша) со своим академическим товарищем, который хотел продолжить обучение в Львовской Иезуитской Академии. Они оба стали слушателями этой Академии.

Во Львове Григорович успешно излечился от своей болезни, но притеснения его с товарищем как православных и их изгнание из Академии, «яко из стран Киевских суть, и противны кафолической римской церкви», побудили юношей отправиться в паломничество через Рим на Восток. В апреле 1724 г. «пешеходцы» начали свое странствие: через Венгрию и Австрию, потом через Лорето, Барлетту и Бари в Неаполь, а оттуда 28 августа достигли Рима. Пробыв там 20 дней, Григорович один без товарища пошел на Восток обратно через Флоренцию и Венецию в Корфу, Солунь и Афон.

10 сентября 1726 г. через Солунь он отплыл в Палестину. Григорович посетил все святые места Палестины и поехал на о. Кипр, а оттуда в Каир и Александрию; прошел через Суэц в Аравию до горы Синайской, и в июне 1728 г. возвратился в Каир. В следующем году он вторично посетил Иерусалим, обо-

шел всю Сирию и остался в Трипольском училище до 1734 г. Желая усовершенствоваться в греческом языке, Григорович стал путешествовать по всем островам Архипелага и Анатолийским берегам до Антиохии (совр. г. Антакия, Турция), где в нач. 1734 г. патриархом Сильвестром был подстрижен в монахи под своим же именем Василий. Для продолжения обучения он удалился на о. Патмос в монастырь, где пробыл шесть лет.

В 1743 г. Григоровича вызвал в Константинополь российский резидент Вешняков, у которого он прожил целый год. Сохранилось «харачное свидетельство», выданное Григоровичу турками, благодаря которому мы можем представить внешний облик русского странника: «Василий Григорович, монах, росту высокого, лицом смугл, глаза светлокарие, брови густые черные, сросшиеся вместе» (см. указанное ниже издание, с. 465). Из Константинополя путешественник отправился на Афон, где находился почти год; оттуда в 1745 г. — в известнейшие греческие исторические места Эпир, о. Крит и Ливадию.

В сер. 1746 г. Григорович вернулся в Константинополь и, не застав в живых прежнего резидента, своего благодетеля, решил возвратиться на родину. Отправившись сушей через Болгарию, Валахию, Молдавию и Польшу, 2 сентября 1747 г. пришел в Киев — через 24 года своего странствия. От долгого хождения у него развилась серьезная болезнь ног — опухоль. Прожив в отеческом доме только 35 дней, Григорович скончался 7 октября 1747 г., на 46 году жизни.

В своих путешествиях он часто менял свое «прозвание»: назывался иногда Барским, по родному городу своих предков; иногда по фамилии Беляевых, по-гречески — Плакою, по-латыни — Албовым; и по родине — Киевским.

Во всех своих странствиях, начиная от Киева до последнего своего пребывания на Афоне, Григорович вел обстоятельные записи своего путешествия. Он был, к чести его можно сказать, беспристрастным автором: не скрывал ни добродетелей «иноверцев», ни собственных слабостей. Его многочисленные описания святых мест подробны до мельчайших деталей и достаточно верны: точность его записок (до нач. XIX в. они служили хо-

рошим путеводителем) засвидетельствовали многие из русских, позже побывавшие в тех же местах. Григорович был просвещенным путешественником: все свои описания он подтверждает не одним простым сказанием, но часто ссылкой на древних и средневековых греческих авторов, которых он прилежно изучал в монастырских архивах. Главное отличие его записок от письменных свидетельств «иноверных» путешественников и русских странников-простолудинов заключалось в том, что он, будучи сам православным и просвещенным в науках, мог лучше и в самих истоках понимать «заведения», обряды и уставы святых мест, особенно Востока, часто искажавшиеся от незнания другими авторами того времени.

Спокойный, эпически-повествовательный стиль записок иногда прерывается взволнованной эмоциональной речью автора, особенно когда он бывает поражен не «христианским» поведением и отношением к паломникам местного населения: «...прискорбно нам бысть, яко злыи тамо нам случахуся людие, понеже ни от кого ни в несом милостыни получитьи не возмогом...» Горечь и обиду испытал наш странник, покинутый в болезни своим товарищем: «Тогда Бог весть, каковую аз тамо нужду претерпех от алчбы, нужды и болезни, немогуци испросить слабости ради, ниже имущи за что купити пищи себе, ниже помогающаго, ниже служащего мне, ниже призирающаго на мя, кроме единого вседержителя Бога; тогда зело болезновах сердцем, и от несносного мучения скорбях до зела на спутника Юстина, понеже остави мя в таковой нужде, и в сидевом неблагополучии, еже бы и неверный не сотворил, аще бы вкупе друголюбно со христианином шествовал; что бо может лютейше быти, имуще брата и друга своего искренняго, единыя веры, и единыя страны с ним сущаго, и чрез многое время вкупе на единой трапезе с собою хлеб ядущаго, и в далекия чужие страны спустешествующаго, во время скорби в чуждом краю с ним разлучитися, и кий вид безчеловечия свирепейший изобрестися может, яко его болезнна и от расслабления телесе валяющася на пути ... оставит, отбежит и всеконечному небрежению его предавши отъидет?»

Язык Григоровича очень колоритен и является образцом церковно-славянского (книжного русского в то время) языка, с небольшим количеством вкраплений украинских и польских слов, что было весьма характерно для просвещенных российских деятелей родом из Малороссии.

Григорович не только описывал, но и зарисовывал виды, планы и фасады примечательных мест и построек — рисунков и чертежей набралось около 150.

По возвращении на родину он хотел пересмотреть и исправить свои записки, разложить по местам рисунки, но не смог: помешала скоропостижная кончина. После смерти Григоровича рукописная книга осталась у его матери, которая разрешала ее списывать всем желающим. Так списки «Путешествия» множились по всей Малороссии. Часть рисунков и рукопись книги были отданы епископу Псковскому Симону Тодорскому, который после правки текста хотел напечатать записки. Но не успел, умер в 1754 г. Граф А.Г.Разумовский также желал издать сочинение Григоровича. Но и ему смерть помешала осуществить его публикацию.

В 1770 г. в петербургском журнале «Парнасский Щепетильник» из «путешествий монаха Антиохийского» было напечатано «Описание города Селуня, с именами Архипелажских островов».

Князь Г.А.Потемкин дал поручение В.Г.Рубану, сопоставить и свести воедино несколько списков книги Григоровича, исправить и издать ее. В 1778 г. в Санкт-Петербурге впервые было опубликовано сочинение русского паломника, в лист, под названием: «Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к Святым местам в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723, и оконченное в 1747 году, им самим писанное». Перепечатана была книга в двух частях, в четверть листа, в 1785, 1788, 1793, 1800 и 1819 гг. Первый издатель В.Г.Рубан дополнил авторский текст предисловием (с. III–XII), а в некоторых местах известиями из иностранных путешественников и ссылками на многие российские книги;

сравнением иностранных мер, весов и монет с русскими; а в конце книги переводом грамот, данных Григоровичу в разных местах (с. 753–760), алфавитным указателем имен и географических названий (с. 787–796). Но издатель исключил из подлинника фрагменты повествования, тождественные по содержанию с другими российскими церковными и гражданскими книгами. Не были опубликованы и рисунки автора, они были лишь указаны в приложении к запискам (с. 769–774) под заглавием: «Показания чертежей или рисунков, находящихся в списке *Путешествия по Святым местам*, монаха Василия Григоровича, сообщенном из Полтавы от отца архимандрита Феокиста Мочульского».

Мы печатаем часть книги Григоровича, посвященную путешествию по Европе, по указанному выше изданию 1778 г. (с. 1–112), сохраняя орфографию автора и редакторскую правку первого издателя без отсылок к другим источникам.

Н. Д. Блудилина

Текст

Путешествие к святым местам <в Европе>

Елико не откровенна есть премудрость Божия, толико недоумлим Его о смертных промысл и смотрение: *его же судьбы суть бездна многа*, яко же опытом я в себе познал. Никогда же помышляюще мне ходити по толиким далеким странам, понести и подъяти толь великие труды, освободиться от множества бед и посетити многия святостию прославленные места; зрети же и описати различныя страны и грады, изрядная здания и преславные монастыри, пустыни, скиты, церковные чины, жития и деяния народов, мною зримых; пачеже знаменитых мужей, и инныя достопамятныя и достохвальныя вещи, обаче сподоби мя премудрый вселенныя Зиждитель! Сего ради вся

сия, яже видех, не в собственное тщеславие, но в славу и благодарствие Божие и в пользу чтущим и слышащим предлагаю zde.

В благополучное и славное в России царствование государя императора Петра Великого, во времена же, в которые правил паству Киевскую преосвященный митрополит Иоасаф Кроковский, и по нем в 1722 году вступил архиепископ Варлаам Ванатович, тогда в младых летах я обучался в Латинских Киевских школах. Аще же и не силен в науке был, обаче прошел малыя школы даже до риторики и начал философских, во дни ректорства в Академии Киевской Феофана Прокоповича, бывшего потом архиепископа Новгородскаго, и по нем Сильвестра Пиковскаго, некое же время и Иосифа Волчанскаго, бывшего при том архиепископа Московскаго, мужей высокостию знания и изящностию добродетелей довольно известных. В сие же научение вступил я сам, кроме изволения отца моего, и кроме помощи домашнего учителя, отец бо мой был книжен точию в российском писании и в церковном пении, муж аще и благоговееен, но нравом прост, видя в ученых излишнее прение, гордость, упрямство, славлюбие, зависть, и прочие обыкновенные их пороки, и мя, яко от науки им сия бывают, а не от самовольнаго произволения, тщался всячески воспятить мне намерение, но не возможе, помоществующей мне матери. Многожды же и после покушался развращать меня словесы своими и советовал оставить мало потребную сию науку, и в церковном упражняшися песнословии и чтении, но видя во мне некую к сему необоримую естественную склонность и охоту, прочее оставя мя мирна. Доспевшу убо мне, якоже предрекох, до начал философских, сотворися внезапно на левой ноге моей толь великая рана, яко не в силах был я ходить. Оставив убо школы и врачахся; врачом же тогда в Киеве неискусным сущим и многим приходящим и переменяющимся и деньги не малы взявшим, но не возмогшим исцелити мя; и сице мимо иде время кроме учения; ибо я уже вовсе оставил было науки, понеже не чаял исцелитися; но виждь нечаянный случай:

И ШЕХОАЦА
ВАСИЛІЯ ГРИГОРОВИЧА-БАРСКАГО: 74 7/3

ПЛАКИ-АЛБОВА,

УРОЖЕНЦА КІЕВСКАГО, — МОНАХА АНТЮХІЙСКАГО.

ПУТЕШЕСТВІЕ

КЪ

СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ,

ВЪ

ЕВРОПѢ, АЗІИ и АФРИКѢ

НАХОДЯЩИМСЯ,

ПРЕДПРИЯТОЕ ВЪ 1723, и ОКОНЧАНОЕ ВЪ 1747 ГОДУ,

ИМЪ САМИМЪ ПИСАННОЕ.

Часть первая,

СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ СТРАНСТВОВАНИЕ ЕГО

СЪ 1723 ПО 1735 ГОДѢ.

Изданное третимъ тысячелѣтѣмъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Изданное въ Императорской Академіи Наукъ,

1793 года.

В. Григорович-Барский. Путешествие к святым местам.
Титульный лист (изд. 1793 г.)

Один из студентов киевских именов Иустин Линецкий, брат бывшего епископа Суждальскаго, потом Коломенскаго, таже Астраханскаго Варлама Линецкаго, мой же соученик и сверстник отъезжал тогда в Польшу до града Львова, ради совершенія вышших наук; тому поревновав, возжелал я отъехать с ним тояжде ради вины, наипаче же ради исцеления ноги моей, слышах бо яко тамо искусные обретаются врачи. Начав убо молити мать мою да отпустить мя; она же вину благословную представивши отсутствие отца, ни како же хотела первее соизволиши; ибо отец мой по причине промысла купческаго, в дальном находился пути, котораго ожидати не лъзя было, при так верной оказии, молящи же аз многожды мать, и приклоняющи ее благословною виною врачевания своего, аще убо аки мати большее к чадом соболезнование имеет, нежели отец, и о разлуке сына горее печалиться имеющая, но напоследок преклониася на прошение мое, и давши мне нужная на путь, отпустила меня, простившись со слезами. Егда же отъехали мы вне пределов Киевских, несколько точию миль; отец мой от пути того ж дня возвратившись, послал скоро за мною на конех слугу; иже достигши мя увещавал и преклонял всячески к возвращению, яко же ему повелено есть, аз же видящи случай мне благополучен препославши отцу должный сыновский поклон, не повинухся его совету, и возвративши слугу вспять продолжал путь свой.

Бысть в то время 1723 год, егда изыдох из Киева 20 день месяца июля; возраста же моего было около двадесяти двух лет, (с 1701 года, в коем я произошел на свет): и так 26 дней находясь в дороге, по которой лежащий сел и местечек, яко всем известных, не описывая, скажу только о знаменитейших из них, а имянно: Мы проехали чрез польские грады Острог, в нем же первая на славенском языке Библия напечатася, и Почаев, идеже есть монастырь униятский Успения Богородицы, и тамо бывает на всяк год 15 августа, в праздник храма, великое сборище народа и ярмонка, на ней же случилися и мы быти. Оттуда аще и не по пути приехали и до града, нарицаемого Броды. Минувшим бо нам некое место, стерегущие войны силою взявше нас тамо отвели, и по проискам жидов, озлобили

нас до зела, обаче от начальника за сие наказаны были, мы же учинилися свободны. Броды град, стеною каменною обведен, стоит на месте равном и низком, окрест же себе имать блата и воды мелки, отуду бо наречены суть и Броды, яко до града чрез воды в брод переходить должно. Тамо жидов множество и власть их великая. Оттуда поехали до града Львова, латински именуемаго *Leopolis*, немецки же *Lemberg*; каменные здания, церкви, колокольни, и дома изрядны, такожде и гражданскаго народа довольно имущаго. Тако с сопутником Иустином наняли мы на предградии дом с прокормлением, и платили на месяц, условясь по тамошнему обычаю, даже до новонаставшаго високоснаго 1724 лета, и обретши аз тамо врача искусна, исцелил свою ногу в мале времени; тамо есть много страннолюбивых людей от руссов духовных же и мирских, которые к нам весьма благосклонны были; наипаче же тыи, иже на Унию насилваны, в тайне же быша зело православны.

Львов, есть главный город Львовскаго воеводства и всея Польския чермныя Руси, построен около 1280 году, Львом Даниловичем, великим князем российским, и по его имени Львовым градом назван. Лежит между горами, имеет трех епископов, римско-католицкаго, русоуниатскаго и армянскаго, по чему и народ сих вер в нем обитает. Во Львове обретается Академия Езуитская, в которую мы желающе вписатися да искусим их предания учений, и да видим преуспяние учащихся, боящихся же да не како познаны будем, яко есмы православны, не принимают бо тамо таковых, наипаче же киевских; и хотяще утаитися, поживши малое время, поучения ради их языка и обхождений, оставихом своя прежняя проименования, и нарекохомся Барский единым проименованием оба; ибо я Григоровичем нарицался в Киеве, притворшеса быши братия родная, и аки бы от Бара сущи, иже есть в Польской стране на Подолии. Бысть же Иустин спутник мой мало старейший, и той мняшеса быти брат больший, аз же меньший. С сицевым согласием явившися пред префекта, аще же и вопрошаемы были, где первое училися, отвечавши в неких тамо окрестных городех знающа имена, вероятны возмнилися ему быши, яко nepřеткновенно

и сладко ответствовахом латински, и по прошению убо и достоинию нашему ввел нас во риторику в средних числах иануария, 1724 года.

Ходящим же нам в школу точию осьмь или десять дней, не вем, от характера ли писания, или от сочинения, или же от беседы польскаго языка, начаху соученики познавати нас, яко мы не от Польских произошли стран, наипаче же тамошнии руссы унияты о сем любопытливы суть, но не могущи яве обличиши нас, понеже от префекта предъистязуемы сущи, приняты быхом честно, такожде и от их профессора риторическаго. Завистию убо или ненавистию наполнены сущи, умышляют коварство злобное сидево: сочиняет некто лукавейший из них письмо, или послание руское притворное, аки бы нам из Киева от родителей писанное, с великим сетованием и слезами, ради несноснаго нашего от них разлучения, и якобы поучительное и увещательное, да блюдем себя всячески от кваса униятскаго и от яда папскаго, и прочая, елико его злоба научи, таже запечатавши и надписав наши имена и прозвания, вручи некоей старой бабе, и научи ее, да мимо ходя пред школами, вопрошает, кому надлежит письмо сие вручить? Сказуя, якобы от купцов неких русских получила оное. Видь какковыя орудия себе избрала ненависть! Сотворшей же бабе, якоже научена, нам ничто же о сем ведущим, ниже присутствующим, абие похитивши писание от рук бабини, на сие согласившись, и видяще надписанная наша проименования, распечаташа и прочетши между собою в кругу, отнесли к префекту; префект же написав эксклюзию, си есть изгнание и пригвоздил на вратех внешних Академии. Пред окончанием, егда же надлежало исходить профессорам со ученики из школ, прииде в риторический класс и приветствовал учителя нашего латински, таже рек: «Согреших в неведении, и сочетав овцам прокаженная козлища»; всем же созирающим друг на друга и удивляющимся речению, абие зва нас по именам, и повеле нам изыти из школы. Нам убо изшедшим в приобсение, рече: бегите отсюду лицемеры и к тому zde не возвращайтесь. Мы же ответствовахом, каковой ради вины? Честный отче! Рече нам, понеже познашесья, яко волки есте от лесов

киевских. Отверщаю, никак же. Паки рече к нам: писание родителей ваших, от Киева посланное, дойде в руки моя? Мы же познавше яко хитрость злотворных людей есть, рекохом: яко чуждое и притворное может быти послание, истинное же никак же, и молихом, да нам его покажет. Префект же более възъярися и рече: аще до показания приидет, зле пострадати имаше; мы же давши место неправедному гневу, поклонившеся отыдохом, и прежде даже не изыти учеником из школ, проходящи врата Академии и видящи прибитую противу нас написанную эксклюзию, то есть причину изгнания нашего, прочтохом ю в кратце: заключашеся же в ней разумение сицево: «Понеже Иустин и Василий по проименованию Барский, познашася, яко из стран Киевских суть, и противны кафолической римской церкви, для того по регулам и правам Академии нашей Езуитской Львовской не имут в ней места, но изгоняются яве». Сия прочетши идохом скоро в дом свой, пременивши стыд на дерзость, печаль же на радость, разсуждаючи яко вина изгнания нашего не токмо бысть не безчестна, но еще и честна, егда яве в сем граде прославиша нас, яко есмы православные Христиане, сыны восточной Апостольской церкви, и противны не православно и еретически мудрствующим сим последним и новопроявльшимся вымысленникам и чадам западной Римской церкви.

Сия убо и инна сицева пришедши в дом и размышляючи безмолствовахом никакоже исходящи и советуящи с собою едину седмицу, что имама творити? Аз убо советах да проживши неколико месяцев во Львове и научившися беседы польской, паки повратимся в Киев мерзячи необычно, яко все церкви руския и монастыри вольною и невольною повреждены бяху Униєю, и ведаючи свою немощь в деньгах, которых я мало имел; понеже яко же предписах, нечаянно и спешно изыдох от отечества в небытии отца моего; Иустин же Линицкий, понеже денег имяше много, не хотяше прияти совета моего, ниже собывшегося безчестия, но советоваше всячески, да припадем к некоему знаменитому лицу, молящи, да его ходатайством да предстательством паки приняты будем в училище; сего ради

идохом купно в катедральный Львовский монастырь к епископу рускому унияту бывшему тогда Афанасию Шелтицкому и открыв ему вся подробно, молихом его о ходатайстве; он же умилосердися о нас и обещася нам сотворити сие добродееание, понеже великое приятельство имееше с латины: и абие призвав архидьякона своего, и рече ему: «Пойди с сими юношами к ректору и префекту, и рцы, яко прошу их прилежно да примут сих студентов паки в Академию, ибо от моя епархии суть, и вем их отечество, но яко юны суще и чуждых стран зрети желающие, отъидоша точию до Киева видения ради и паки возвратишася в свое отечество». Мы же слышащи сия благодарствовахом его по премногу. Поведшу убо нас пред ректора и префекта архидьякону, и рекшу яко же ему повелел епископ, аще и не хотяху нас прияти, прекословящи довольно, яко по эксклюзии или изключении несть обычая паки приимати, обаче ради великаго приятельства и ради епископскаго уважаемаго моления обещаали нас прияти паки, и повелеша нам утро прийти в Академию; мы же поблагодаривши им и архидьякону, отъидохом в дом с радостию.

Утру же бывшу приидохом в Академию, и прият нас префект, и паки вручи нас профессору в риторику, исповедавши ему тайну вину нашего возвращения. Шатахуся же много и удивляхуся от зависти злодеи наши, не ведая что творити, и недоумеваху, како се сотворися! и сице ходихом свободно до школы яко две седмицы и больше, тогда начахом размышляти и советоватися между собою, что сотворим? Аз убо рекох, яко довольно есть нам, зане приняты есмы паки, и возвратися честь нам воспать. И сего ради оставихом самовольно ходити до школы, многих ради вин: первая, да не ископают нам паки каковую новую яму ненавидящи нас, горшую первой. Вторая, да не истяжут нас о вере, и да не принудят нас к соединению своему паписты и унияты. А третья, да идем и к иным градом и видим иных людей обычай, и прочии многи представих ему причины; спутник же мой Иустин советова, да не оставим школ даже до праздника Светлаго Воскресения Христова, бысть бо тогда месяц март, а следовательно недалече конец

поста великаго и тако сотворихом. Мы убо различная помышляхом и советовахомся, но се внезапно открыся нам благоприятствующий случай. В то время един поп русский униат, млад овдовевший, муж учен, именем Стефан Протанский, готовящися по учиненному обету итти в Рим; мы же имущи его приятеля, поревновахом ему и возжелахом с ним купно итти; он же и радостен бысть ради сопутнической дружбы, и сице давши друг другу слово и обещание, начахом предуготовлятися и мы, аще же и денег при себе зело мало имехом; но повергая себя на милость христианскую, не отчаивались в намерении. Упование же наше бысть сицево: умыслихом первее итти во Львовский кафедральный Епископский монастырь к своим благодетелям, хотящи милости их, да яко советники и наставники наши прежде; и ныне да дадут нам здравый совет, ко предприятию нашему в путь; но понеже тогда Светлыя Пасхи праздновахуся дни, сего ради идохом о празднике третьяго дни, то есть 7 числа апреля приветствовавши их, быхом убо у архидиякона, игумена и наместника и прочих духовных лиц, после же намерение наше архидиякону открыхом, о чем он не точию, не отрече, но благоволи и во всем нам помоществовати обещася, рад бо бысть о сем зело, сего ради повеле нам, да предъготовившися утро придем к епископу с приветвительными речьми: сие же нам без укоснения сотворшим, и за утра зело рано 8 апреля в среду ускорившим по литургии и по трапезе идохом вкупе с архидияконом и приветствовахом его, но в той же речи и неколико слов о намерении нашем приложихом, чесому архиерей радостен бысть премного! И абие повелел призвати писаря и написать нам без укоснения патенты, или грамоты свидетельствованныя; с теми по совету его идохом к ректору школ и к арцибискупу польскому, и от них такожде взяхом свидетельства, в которых написано бяше: «Яко такие-то N.N. руссы от области Польской студенты школ Львовских путешествуют к Риму» и прочая.

Получа убо свидетельства и предъготовавши себе облечения peregrinская, си есть путническая, понеже не готов еще бяше поп, имеющий с нами спутешествовати; и тако время имея

и хотящи себя искусити, каковы нам покажутся труды путешествия, идохом за три мили от Львова к местечку Жолкве, где находятся мощи святого Иоанна Сочавского; приидохом же к инокам тамо при храме мощей обитающим, и прият нас игумен честно с вечера со всяким учреждением и упокоением, за утра же по службе Божией званы паки были к игумену, уже учреди нас паки трапезою довольною. Местечко Жолков славится также частным в нем пребыванием короля польского Иоанна III (Собескаго), где и дворец его находится; оттуда пойдохом к монастырю, имянуемому Креховский, идеже доспевши на вечерню, быхом в церкви и видехом вся по чину и изрядно правящаяся, послеже от игумена и братии звахомся в трапезу, и тамо такожде видехом благочиние и прияты быхом честно от смиренных, страннолюбивых и zelo добронравных иноков. Тамо четыре церкви суть внутрь монастыря, а пятая вне, в лесу; от них же первоначальная в честь Преображения Христова есть сооруженна. Здесь игумен на един точию год поставляется и равен с братиею во власти, токмо именем и достоинством больший разумеется быти; словом рещи, во всем достохвальная обитель. Тамо мы пренощевахом, за утра же по прошению нашему дадоша нам писания, свидетельствующая путь к Риму, с приложением монатырской печати, и подписанием игуменской руки, та же по учреждении трапезы и благодарений идохом паки до Львова иным путем, но не доспехом того дня возвратится во град, понеже погубивши путь, заблуждахом в пустом лесу много, для того обнощевахом у некоего священника в селе Ясликах. За утра же воставши возвратихомся во Львов благопешно, и показася нам путешествие радостное и полезное, быхом же тогожде дня на празднике святого великомученика Георгия 23 апреля, в четверток, третья недели по Пасхе, празднуемаго в катедре Львовской Епископии; по празднице же сем на третий день, то есть 25 апреля, в субботу предъуготовихом перегринския к путешествию одежды и вся яже бяху потребная, таже идохом к монастырю рускому Иоанна Богослова, в предградии львовском; на прекрасном и уединенном месте обретающемуся, тамо именем игумена, духовнаго нашего отца и благо-

детеля Пахомия Гучинского, мужа страннолюбива, благонравна и многими добродетельми приукрашенна, при нем же аз неколикое время жительствовах, и многое от него благодеяние получих, тому убо вручихом книги наши, одежды же студентския и вся яже имехом вещи, сами же облекохомся в одежды перегринския или путническия по обыкновению отходящих в Рим. Есть же одеяние путническое или перегринское сиецево:

Одежда черна из сукна, или из платна, не имуща възкрилий, то есть пол раздельных, но совокупно сошвенна на подобие стихаря диаконскаго, точию с узкими рукавами, которую перегрини носят вне верху своих обычных одежд, под сею сокровенных, и на персях носят повешен крест изваянный вне одежды, пояс ремян, и при боку тыквица, ради ношения воды в местах безводных, мешек на плечах с нужными вещьми, плащ короткий, с верьху, елик точию доволен покрыти от дождя плеча, и мешек от платна увощеннаго сшит, подобнаго коже черной, сандалия на ногах крепко обвязанны; шляпа или шлем черн, кругло верьху главы распростерт, и в руке жезл толст, высоту досягающ даже до главы, нарочно лепо выточен и очернен.

В сиевы убо и мы облекшеса одежды, поп же с послушником своим, малым чем различествующей, идохом все четыре первее в монастырь катедраальный, и по литургии и трапезе отклонившися и милостыню от игумена взявши, такожде приветствовавши и прочих наших благодетелей, отъидохом оттуду с многим провождением знаемых и соседев и облобызавшися с ними вне града на поле далече разлучихомся, таже пошли в благонамеренный наш путь, и прошедши три польския мили, dospехом яко во втором часу ноци к веси, нарицаемой Криница, в ней же ношевахом в дому родителей священника, с нами грядущаго со всяким страннопрятием и упокоением; утро же по литургии в воскресенье, 26 апреля, учреждахомся до полудни, таже мало препочивши оттуду идохом яко полмили к граду, нарицаемому Грудек или городок, достопамятный смерти Владислава Ягелла, короля польскаго в 1434 году, и тамо обношевахом в некоем дому, за утра же в понедельник, 27 ап-

реля, мало нечто сневши, идохом с многим провождением знаемых и сродников и родителей вышеупомянутаго спутника нашего священника, и разлучившихся от них с крайним целованием, прейдохом яко милю едину, и мимошедши веси Готвишню и Ошаны, таже паки милю едину и доспевши веси нарицаемой Рудка, ту обношевахом у некоего человека проста на соломе в житнице. По утру 28 апреля, во вторник воставши пройдохом веси Новоселки и Хлопчики, таже шествовахом над реками, именующимися Днестр и Стрываж, которая в Днестр впадает, в первой вода цветом мало зеленая, в другой же рудоватая, и прошед веси Пеняне и Бабино, доспехом на ночь к граду, именуемому Самбур, который ото Львова отстоит девятыю мильями, имеет предградия долга и красна с множеством верб, чинно посаженных; еще же и школы имать Латинския. Тамо гостихом у зело благонравных и страннолюбивых людей со всяким довольством и упокоением; чрез два дни 29 и 30 апреля, оттуда же идохом до стараго места, яко две мили, идеже прежде Самбур бысть; там же ношевахом такожде у единого страннолюбца.

За утра же в пятницу мая 1 дня, возсиявшу солнцу, идохом яко три поприща к знаменитому монастырю Спаскому, в нем же обитает епископ Перемышльскый униат. Сего монастыря, аще же тамо и знатен есть, описати не возмогохом; ибо не токмо лепоты его внутренния не видехом, но и внешния добре не рассмотрим; ибо еще точию нам под монастырскую пришедшим ограду, под сению некоего дерева седшим и беседующим о красоте обители тоя; абие по случаю изыде от монастырских врат епископ, именуемый Иероним Уштрицкий: мы же едва возмогохом познати его; ибо не яко епископ, изыде в худых одеждах едину токмо последующему ему некоему мирянину; но мы узревши его, аще и недоумевахом кто есть, обаче воскочихом от мест своих, и должное сотворихом ему поклонение. Они же абие сими нам приветствовах словесы: откуда? зачем? почто? Мы ответствовахом, странны есмы, владыко святыи; он же превративши очей своих зеницы возсвирепе и не аки пастырь к овцам, но яко хищный волк ослепленный Униєю,

страшный на нас испусти глас; мы же абие бежахом от лица его и яхомся пути, идохом же спешно, яко полмили, и придохом к инному монастырю, имянуемому Лавра; тамо страннолюбно приняты быхом, и свидетельство от монастыря взяхом, и оттоль идохом полторы мили над потоками, по каменьям текущими, путем каменнородным до веси, нарицаемой Стебник, и тамо ношевахом во дворе господском у прикащика.

За утра же, мая 2 дня в субботу, воставши шествовахом три мили и доспевши до веси, нарицаемой Угорцы; тамо ношевахом у некоего священника.

За утра же 3 мая, в воскресенье по литургии и по угощении от тогож священника, идохом паки горами две мили над рекою, камение удивительное имующею, доспехом до Белаграда, места пограничного, в Белеграде замедлихом через два дни, 4 и 5 мая. Тамо жиды благосклонно прияша нас и некоторое число денег нам подарили: имехом бо кезде сущим жидам от кагалу, или братства Иудейскаго Львовскаго просительную грамоту чрез ходатайство единого еврея данную нам, за некую нашу прежнюю к нему благоуслужливость; тамо гостихом у страннолюбива человека, старейшины места сего, иже, егда оттуду отыдохом, даде нам и проводника, понеже путь тяжек к прохождению был, только бо выдели дебри и вертепы непроходимы, и горы каменны ужасныя величиною, камень на камени, аки бы руками положенны имущи; егда же прейдохом милю едину и приведе нас до некоей веси, и оттуда дадоше нам иннаго проводника повелением предреченнаго Белоградскаго старейшины, и с ним пришедши к веси нарицаемой Воля, ношевахом у некоего священника Самуила, мужа страннолюбива.

Во утрие, 6 мая, приведе нас вождь на гору великую и ужасную, лесами густыми заросшую, нарицаемую Бескид, тамо разбойником есть скопище и бедное преходящим шествование: обаче, что долженствовахом творити, не имея иннаго пути, ибо далеким разстоянием протяжеса гора сия и не можно было обойти ее; сего ради идохом спешно с помянутым священником, и возшедши на верьх тоя горы, на нем же Польская убо окончается, Венгерская же начинается земля; тамо опочивши

мало, видехом облака сице низко ходящии, яко и главам нашим касахуся, таможде не далече отстоящую видехом высочайшую гору с многими снегами, им же бы и не прилично было быти тогда в летнее время; но понеже высока есть зело, того ради всегда на ней хлады обретаются; повествоваху же нам мнози, яко там снега многолетни суть в вертепах кроющиеся: снег бо ветхий лежит до новаго, и никогда же до конца исчезнути может. Мы же видевши таковое разнство стихий, и Божию сие смотрени восписавши, пойдехом оттуду долу, обон пол горы Бескида, и снийдохом невредимы на землю Венгерскую.

По сем разлучихомся с оным священником провождающим нас, и путешествовахом паки чрез места, в которых народ короткое и тесное одеяние носит, и язык отменный имат, его же мы не могохом разумети. Прешедши убо дня того три мили, доспехом к веси, нарицаемой Грушев; тамо едва возмогохом упроситися на ношевание в дом: понеже ни они нашего, ниже мы их возмогохом распознати наречия, точию разглагольствова-ли помаванием рук. За утра же, 7 мая, воставши и прешедши милю едину, придохом до местечка, еже нарицается Гуменное. Тамо замедлихом полтора дня, и оттуду 9 числа по полудни идохом две мили через веси, Страское и Грушев, и угощеваше нас в тех страннолюбивы человецы, и ношевахом в Грушеве. За утра же 10 мая, в неделю шествующи на пути и удалившися мало от сопутников своих, заблудих от пути правого, достигаючи их, по неведению же разлучихся, и пойдох путем иным и прейдох сам милю едину и достигох до веси нарицаемой Парховимни, и в ней обношевах. За утра же 11 мая в понедельник, зело рано воставши шествовах три мили, и прейдох веси, Бачко, Клечанов, Бедовцы, и тамо едва случихся с моими сопутниками, и прошедши совокупно две мили и приидохом к граду всей Унгарии знаменитому, который общим венгерским языком именуется Кошицы, латински же Cassovia, немецки же Caschau.

Сей град лепотен есть и крепок, того ради яко зело твердую имеет стражу: еще бо точию нам к первым града вратам пришедшим, абие вопросиша нас стражи, кто, откуда, за чем? Мы не боязненно отвечахом: путницы есьмы от Польских стран

грядущии, к преславному граду Риму; они же требоваху от нас свидетельства, си есть патентов, мы же аще и дадохом, обаче еще не попустиши нам внити, но повелеша ждати донележа покажут властелину града и повратятся от него, и бысть тако: таже возвратившись и отдавши коемуждо своя патенты повелеша нам итти внутрь; мы же прешедши стражу первую видехом лепоту его внешнюю, грядущи чрез мост на каменных столпах стоящ, и видящи под ним в глубоком и широком рве окрест града текущую воду; таже идохом чрез вторую стражу во вратах каменнозданную стоящую, перешедши ю не возбранно, видехом второй ров широк и глубок, такожде воду в себе имущий, но огражден камением сюду и сюду, таже паки преїдохом третью стражу, такожде во вратах каменных стоящую, последи же и в третьих вратах четвертую пройдохом стражу, таже внидохом внутрь самого града уже темному вечеру бывшу и приидохом к некоему скудельнику в дом, добронравну и страннлюбиву человеку, и у него нощевахом и гостихом полтора дни, то есть понедельник и пол вторника, или 11 и 12 числ просящу милостыню по граду, аще и не без сраму бысть нам сие новое художество. Лепота же и внутренняя града сего бысть сия:

1) Каменны вси суть дома едины верьху других стоящи красны, белы и чисты, от них же многи суть с железными на окнах решетками, нещыи же и с железными дверьми и от вне красками упещренны.

2) Вода посреде града течет потоком узким каменнозданным, обаче быстрым, и измывает всякую нечистоту от смрадных и сокровенных мест исходящую, из коегожде дому извергаемую.

3) Кийждо дом и двор имат свой кладезь от камени устроенный, и всяк от своего почерпает изобильно, и ни от кого же требует воды.

4) Церкви и монастыри тамо аще и не многи, обаче суть изрядны, от вне и от внутрь строением со столпы и колокольни, при коемждо храм стоящии такожде лепотны, наипаче же церковь Фарская, аки бы у руссов нарицаемая первоначальная или соборная церковь, красотою своею и иждивением вся превозхо-

дит: от самого бо сеченнаго составлена каменя, зело искусным художеством, такожде колокольня при ней каменная.

5) Улицы чисты, ниже мало блата имущи, камением бо суть помощенны нарочно наискось, да во время дождевное омываются, и да стекает в них вода в предписанный каменозданный поток, чрез град текущий.

6) Конец и глава всем красотам тамо обретается столп каменный, 1624 года созданный зело искусным художеством, и расположением на три угла аки пирамида посреди града стоящ; на нем же ангелов сидящих по краям углов от низу, даже до верху изображенных, в верху же оногo столпа от токожде камня образ Богородичен, хитростне и лепотне изсеченный, двенадцать золотых звезд окрест главы своя имущий, с смиренным и умиленным лицом стоящий, ниже же ангелов повешена медная дска, золотую надпись имущая латински сими словесы: *Beatissima Virgo Maria, Tuo honori hoc nostrum consecramus opus, conserua nos famulos Tuos, a peste, labe, bello, igue, et caetera.* Си есть: Преблаженная дево Мария, твоей чести сие наше посвящаем рукотворение, сохраняй нас рабов твоих, от губительства, вреда, брани, огня и прочая. Ниже же тоя дски на камени от единыя столпа страны изрыто надписание сие: *Ave Dei Patris Filia*, Радуйся Бога Отца Дщерь. На другой же стране сие: *Ave Dei Filii Mater*. Радуйся Бога Сына Мати. На третьей же стране сие: *Ave Dei Spiritus Sanktis Sponsa*. Радуйся Бога Духа Святаго Невесто. Низу же окрест онаго столпа суть ступени каменозданны, на них латинских святых икон от камени такожде иссечены стоят, при самой же земле, окрест основания, суть хоры или ограда имуща балясы, такожде от камня изсечены, на них же суть окрест стоящи светильники, которые зажигаются в первой час ночи, суть же тамо избранны от коллегии студенты, или певцы сладкогласны, иже утро восходящу солнцу и в вечер паки заходящу поют песни красны, нарочно сложенны, в честь Божия Матере.

Оттуду изыдохом в среду 13 мая по полудни и инными градскими вратами, и видехом стражу твердо, яко же в предре-

ченных находящихся окрест града вратех. Видехом же тамо жестокою казнь эле творящим; си есть рук, ног и глав человеческих множество на виселицах и колах, и на зубцах железных висящих; ветхих же и новых, яко едва от страха возмогохом на оныя взирати. Разлучися же тамо от нас сопутник наш поп Стефан Протанский, иже с нами совокупно изыде ото Львова, стыдяшеса бо с нами в дружбе быти, зане он богат, мы же скудня быхом. Он убо с послушником своим иным путем отъиде. Я же с другом моим Иустином Линницким инным протшим, яко же нас наставиша искусны людие, и прешедши едину милю, доспехом к веси имянуемой Ганиска; тамо у начальствующаго дадоша нам милостыню малу, пива же довольно в сосуд, и нощевахом у виносодержателя. За утраже в четверток 14 мая на Вознесение Господа нашего Иисуса Христа быхом в церкви, на службе римской; ибо далеко отстояше церковь наша; после же быхом у латинскаго мирскаго попа, и принявши от него милостыню малу, идохом две мили чрез весь Наги-Иду, в которой едины кальвины обитают, точию первоначальный католик, доспехом к веси нарицаемой Гарагна, яже имеяше в себе от части кальвинов, отчасти же и папистов; тамо мы нощевахом у некоего человека блага, рускую содержащаго веру: но ведомо да будет, яко по веси Венгерской земли аще и различных вер обретаются людие, обаче все суть страннолюбивы. Оттуда за утра в пяток 15 мая воставши идохом две мили долгих, и приспехом до местечка, имянуемого Сиксо, в котором одни кальвины жительствоуют, точию два или три римскаго исповедания. Тамо быхом в коллегии кальвинской у директора, и прият нас страннолюбно, оттуду идохом милю едину до веси проименованной Арновец, имущей в себе разноверных людей; тамо нощевахом в доме некоего руска добра человека; за утра же 16 мая в субботу воставши идохом милю едину к местечку, имянуемому Мишковцы, такожде различнаго исповедания христиан в себе содержащему, большую же часть кальвинскаго, которые тамо и коллегию училищ своих имут; тамо испросивши у неких домов милостыню, и мало нечто от пир своих сневши,

идохом между виноградами и видехом продающих в оградах вино, даяху же и нам пити.

Тамо мя остави спутник мой Иустин, и сам пойде спешно; аз же сам оставшиися и шествующи погубих путь мой и заблуждах; утрудившиися возлегох при пути не боязненно, слышах бо, яко несть мощно изобрести по всей земле Венгерской разбойников и инных злотворных людей; и егда уснух от труда крепко, обретеса мимоходяй зол человек, и сня с главы моей шлем новый, или шляпу на мя же наложи свою ветхую и раздранную; аз же не разсуждению сие причет, яко уснух сам един при пути, похвалив же и разсуждение татя, яко не остави мя отнюдь без покрова, и ниже мало о сем скорбя, надеясь большую милостыню получить в старой шляпе, и прешедши оттуда едину милю приход к веси, в ней же люди исповедуют веру рускую, нарицаемой Геренбель; тамо гостей во дворе священническом, и прият был честно. По трапезе же оттуда идох две мили, и приход к веси, нарицаемой Гесть, кальвинских в себе людей содержащей; тамо ношевах в дому единого калвина страннолюбива. За утра же 17 мая в воскресенье идох две мили, таже приход к веси имянуемой Тард, в ней же людие римскую содержат веру, точию тамо два или три греко-русские обитают языком и исповеданием веры. Тамо аз препочих у некоего убога человека славенски глаголющаго, добронравна, истиннолюбива, и ядох у него обед; тамо достигох паки спутников.

Последи же идохом милю долгу и приидохом к граду имянуемому венгерски Егер, немецки же Eglau, латински же Agria. Тамо такожде якоже и в Кошицах не попустиши нам внити во град, донележе не донесоша и не показаша стражие наших патентов начальнику града, вси бо тамо четири снидохомся вкупе. Обаче аще и свидетельство от нас чтоша, но не попустиша нам внити во град. Вечер бо бысть, но повелеша ждати до утра. Мы же кийждо особо идохом на предградие к домам, и ношевахом тамо, идеже кто у кого мог упроситися. За утра же, 18 мая, в понедельник, возсиявшу солнцу, невозбранно внидохом в град

Егер, в 22 милях от Кошице отстоящей, и разделихся от сопутников своих, гневаяся за то, яко мя оставиша прежде, и пребыв через понедельник у некоего человека православна арацкую веру содержащаго: суть бо тамо арака, сице именующися, по одежде и беседе их суть якоже и греки; ибо суть и греческаго исповедания, и имут церковь свою особну, в которую чужестранным входити не попускают; и стражник всегда при дверех стоит, иже хотяща мя зело и многожды покушающася внити, всячески возбраняше; сему аз удивихся довольно, яко сицеву имут тверду веру, яко не токмо римского исповедания людем, но и греком и руссом, от неизвестных стран пришедшим запрещають вход. Сей град каменной обведен стеною, и внутрь лепотен есть, но не якоже Кошицы, и мало имать домов каменных; но все древяны. Тамо обретаются столпы каменные турецкии зело тонко выделанные, на которых они гласиша на свое богомолие, егда обладаша градом сим. Тамо суть пять монастырей, более 16 церквей и школы латинскии, точию по риторику, тут и епископ папы римскаго престол свой имать, к нему же мы ходихом и просихом от него свидетельства; он же не точию не отрече и повеле написати вскоре, ибо тамо спутешественники мои не известивши мне, взяша свидетельства сами, и отъидоша, 18 мая, в понедельник. Аз же егда уведав о сем возкорбех не мало, Идох же во вторник, 19 мая, пополудни к писарю катедральному, и взях от него свидетельство за деньги. Недалеко от сего города находится знатный монастырь новаго ордена Назареев. Таже идох спешно три мили до веси нарицаемой Домослов, и тамо ношевах в дому некоего человека страннолюбива.

За утра же, мая 20 дня, рано воставши от сна еще пред восхождением солнца; хотех бо спешно шествовати и достигнути сопутников своих, и прешедши милоу едину велику приидох до местечка имянуемаго Гиенгеш. Сие место было бы изрядно, аще бы было огражденно, имать бы и училища латинская даже до риторики и лежит под горою Матрою. Тамо аз от начальнейших домов изпросивши милостыню, идох оттуда и прешедши же от места яко поприще едино, абие возшуме дождь велик; аз же сокрыхся в мельнице не далече при пути стоящей, и уснух

от труда мало; возпрянувши же от сна, и видех, яко дождевное не престаёт лянние, сидех тамо пишучи мое путешествие даже до вечера; и для продолжения дождя тамо нощевах.

Рано же в четверток 21 мая оттуду идох две мили к веси нарицаемой Гатван, прежде бывшей крепости у реки Садвы; но разоренной, по отнятии оной у турок в 1687 году. Возле оныя находится католицкий монастырь. Тамо препочих мало у Плебана и хлеб ядох. Таже от инных домов изпросивши милостыню малу, паки шествовах две мили, и доспех к веси, нарицаемой Осовт; в которой от части людие суть иже лютеранскую содержат веру, некии же папешскую, аз же ночевах у лютеранина страннолюбива.

За утра же в пятницу, 22 мая, возставши, идох зело долгу милю между горами и холмами, красну траву и кустарник на себе имущими, приидох же к веси, зовомой Гехделов, калвинов в себе содержащей. Тамо немощи ради своя купивши полбутылки вина, испих, и еще оттуда идох милю едину такожде горами и дубровами красными к веси именуемой Керепеш; тамо был у Плебана и взях от него милостыню зело малу.

Таже шествовах две мили велики, и приидох до славного града именуемого Буда, латински Ossen, сидящаго над рекою Дунаем, возмущенную и беловатую имущим воду. Место оно разделено есть на две части, един град старый каменiem крепко и высоко огражденный; на единой стране реки, имянуемой Пест, другой замок новый, на горе такожде или крепчае каменною огражден стеною, на другой стране реки, иже именуется латински и немецки Буда, славенски же Будим; ниже же сего, на ровнине есть торжище, или базар с лавками или рядами, где есть православная церковь и сербов много живущих. Ни единого же града внутренняя лепоты описати не могу; понеже не попутиша мне внити в него; еще бо точию к первому старому граду приидох и покусихся итти во врата, абие страж вратный воспяти мя глаголя: яко чуждым и странным входитьи возбранено есть. Аз же идох ко вторым вратам на другой стороне стоящим, стражи же в них стоящие рекоша мне, да иду на мост на бреге речном стоящ, от него же исходит весь народ на перевоз.

Для перевоза же тамо юлбот есть устроенный хитростным и искусным художеством тако, иже аще не имеет ветрил, обаче сам преплывает, никому же гребящу, или инно что делающу в нем, но токмо кормилом единому правящу. Тамо жители непрестанно перевозятся; идох убо и аз на побережный мост и взошед на юлбот, взяв же от меня стражник юлбота свидетельство, и привезши мя кроме мзды, иде со мною к крепости, повелеша же мне тамо стражи ожидати вне врат, донележе начальствующий их прочтет свидетельство мое; егда же прочте и отосла вспять, даде ми ответ, яко несть повеления входитьи странным, кроме своих. Возвратившись убо аз оттуда, идох на нижнее предградие сербское, си есть на предреченное торжище; и тамо паки обретши сопутника своего Иустина, не хотех сочетатися с ним, понеже гневахся на него, яко уже дважды мя остави на пути. Преходих же аз яко до пятнадцати дворов, молящи, да примут мя на ночь, но никто же мя прият. Тамо бо обитают все сербы православны и от одежды peregrinской, мняху мя быти папис-та, им же сущи противны, не хотеша мя угостити.

Хотех же нощевати на стогне; но понеже жажден бых, вопрсих: где продают пиво? И показаша мне, идох убо и повелех принести пива, и севши тамо пих; человек же он, иже продавал пиво, бысть сербин православный; аз же не ведя о сем, беседовах с ним многая, таже последи рекох, яко многих молих, да восприимут мя на ночь в дом, но нигде не получих. Он убо познав мя от беседы, яко единовѣрен ему есмь, прият мя благодарственне. Прииде же тамо и сопутник мой Иустин, и рад бысть обeim за православие наше, и примирив нас, повеле дати ясти и постелю к препочиванию, ядохом же изобильно и насытихомся и спяхом сладко утружденны сущи от пути. Пребывахом же у него чрез 23 и 24 число маия, со всяким учреждением. Сей человек именовашеся Христофор Вилкович, иже страннолюбив и смирен сущи, не точию угощение нам довольно сотвори, но еще и возвести о нас всем православным сербам, яко православны есмы. Таже показа нам, идеже архимандрит обитает, и повеле, да идем к нему и возвестим о себе: егда убо

приидохом к нему, привествова нас любезне и вопросы нас, аще есмы истинны руссы? Смущашесе о одежде нашей pereгринской; мы же во уверение истиннаго православия, о нас, показаном ему свидетельства от монастырей руских; видев же и прочет уверися, и благоволи о нас зело, и повеле нам быти в церкви своей на правиле. Бе бо тогда праздник велик сошествие Святого Духа, 24 мая, и быхом в церкви сербской на всеобщном бдении и на литургии, юже служаше тогда архимандрит, иже повеле в церкви собравшемуся народу сложити нам милостыню и даде кийждо по силе своей, и собрася нам милостыня не мала.

За утра же, 25 мая, в понедельник, си есть в Троицын день, такожде быхом в церкви, после же с процессиею ходихом по стогнам между домами. По совершении же церковнаго пения, званы были от архимандрита на трапезу, и учредихомся различными пищаами до изобилия, возвратишися оттуда паки к первому страннолюбцу, и тамо мало препочивши и воздавши ему должное благодарение за любовь и благодеяние, отъидохом от Буды тогожде дня 25 мая по полудни, завратишися на путь ведущий к Вене. Первее бо намерение имехом просто шествовати чрез Сербию и Далмацию, по суху, таже морем до Венеции, но благоразсудныи нам возвестиша людие лучше итти на Вену, да и столицу цесарскую узрим и крепкими себя вооружим свидетельствами, еже и бысть.

Прешедши убо от Буды между горами две мили доспехом к веси нарицаемой Сантов, тамо ношевахом. За утра же во вторник, 26 мая, идохом две мили до веси именуемой Костов, таже оттуда едину милю до местечка Острогона, и тамо мало препочихом, оттуда же прешедши две мили к веси нарицаемой Унфалов, ношевахом у некоего человека блага. Тамо обретается изрядная новосозданная церковь, и при ней колокольня.

Утро же в среду, 27 мая, прежде возхождения солнца идохом три мили по над рекою Дунаем чрез веси Олмашев и Шунь, и приидохом под град Комарна, по другой стороне Дуная от нас стоящ. Мы же внутрь его не быхом; ибо аще и не далече от пути нашего отстояше, об он пол реки, обаче превозишися не хотехом, точию сидящи на брезе и омывающи нози наши, виде-

хом яко изрядна и красна есть крепость тамо особливо стоящая возкрай брега реки Ваги, и твердо каменною ограждена стеною и пушками вооружена. Изшедши же от Буды, не видехом уже более никакого страннолюбия ни милости от немецкаго народа; сего ради и нощию начахом шествовати; понеже та земля мирна есть от разбойников.

От Комарна убо града двигнувшисьи чрез всю нощь шествовахом три большия мили, таже мало препочихом при брезе Дуная, и уже кончащейся нощи, приидохом к некоей веси, и пришедши отай на гумне, или овине спахом, даже до возхождения солнечнаго.

Оттуда возставши 28 мая идохом две мили протяженных до града именуемаго Юр. Тамо егда приидохом, ко вратам градским; абие стражницы вратные взяша от нас свидетельства и отнесоша к старейшинам во град, ради соизволения входа; они же отславши вспять возбраниша: тако бо тамо опасно блюдошася во всех знаменитых градах, яко никому же от чужестранных входиши в ня попущаху, наипаче же от стран Польских, сицевоу ради вины, яко в вышеупомянутый град Буду, 1720 году некий путник от польских стран пришедший созже град огнем. Оттуда мало препочивши идохом милу едину долгу и доспехом к некоей веси; и тамо у плербана латинского нощевахом.

За утра же 29 мая, в пятницу рано шествовахом две мили и приидохом к граду, иже обще нарицается Стар-гард; и тамо прибившимся нам к вратам, тожде сотвориша, еже и в предписанных городех, и пренощевахом на предградии. Оттуда воставши идохом спешно миль пять, мало где препочивающе, и ничего же от кого просящи; понеже тамо повсюду (якоже слышахом) повеление кесаря, заповедано бысть и просити и даяти милостыню под казнию сицевою: просящаго взять в узы, и работу ему наложити; милующему же поплащати три рубли в казну государскую. Се же быть того ради, понеже многи от немцов с женами и детьми, под изветом шествования до Рима, преходящи от града в град, от веси к веси, просящи милостыни, и стуюжащи людям, многи собираху деньги, сребролюбствоваху

и безчинствоваху. Мы же слышавши сия, к тому ни у кожде ничего не требующи, идохом спешно: имехом бо довольно в пире хлеба и сыра и тем довольствовавомся; приидохом же до места или града; иже нарицается Прук, от него же уже начинается земля Немецкая, Венгерская же окончивается. Тамо не точию возбраняли входить во град, но и на предградии никто не хотяше прияти нас в дом свой; тамо ношевахом на улице с купцами, тогда тамо пришедшими с оливою, или деревянным маслом.

Оттуда за утра в неделю 31 мая по выслушании службы Божией, обретши священника с нами вкупе грядущаго, идохом милоу малу, и придохом к некоей веси прекрасной, зело бо подобится предреченному граду Кошицам, точию неогражденна есть. Тамо отдохнув у начальника, си есть у судьи, иже увидевши наши патенты, повеле дати нам шпиталь, си есть гостинницу, идеже мы пришедши, купихом себе ястия и пития (понеже тогда мясупуст или заговение бысть пред Петровым постом) и учреждахомся с веселием просяще Господа, да сохранит нас от осквернения мяса, масла, сыра и прочих чрез все постное время, понеже уже оттуда весь пост наш чрез Немецкую страну имяше быти, и удоволившися спяхом покойно на соломе.

За утра же 1 июня в понедельник, яко близь полудня идохом оттуда две мили зело малыя, яко полмили доброй к славному граду нарицаемому Вена, идеже цесарская столица есть, тамо аще и многи идущих нас устрашаху сим, яко не точию не пущены будем в град, но и в темницу всажденны будем; ибо не точию мирских, но и духовных жестоко истязуют, и во истинну всуе будет труд наш, его же подъяхом, ибо и глаголати ничтожно пред ними возможно; мы же ничто же сумняшеса о сем, идохом дерзновенно. Недалечеж к граду приходяще, видехом сад царский, аки некий замок прекрасный, твердо и лепо каменнем огражденный; ему же почудившися довольно, идохом к граду Вене. Егда же приидохом к вратам первым, аще не к граду, но к предградю, надлежащему тамо, отнюдь бы нас не пустиша, ибо никогоже повеленно впускати, наипаче же от стран Польских, понеже некий путник от Польши недавно пред

нами пришедши, много зла сотвори, сице злый добрым па-
кость содела, но нам добре устройся. Егда бо стражие нам
начаша возбраняти входити во град, и претити всячески, мы
уже намерение имехом воспать возвратитися, не успехом бо им
ничто же глаголати, ниже оправдатися, ибо ни мы их, ни они
нашего неразумехом языка; но се по случаю идоша в град с
полеваго гуляния студенты венские, иже искусно латинским и
немецким диалектом глаголати разумеша, молихом же оным да
наши латинские ответы немецки истолкуют. Иже егда сотвори-
ша, абие нам повелеша показати свидетельства начальнику во
вратех, иже егда прочте и виде новыя и достоверныя, ят нам
веру и подписа рукою своею, да пропустят нас чрез предградие.

Идохом убо смело, никому же нас вопрошающу чрез пред-
градие долгое и широкое окрест града обстоящее, и тамо виде-
хом дома все от перьваго даже до последняго лепотным и ис-
кусным составленны иждивением, наипаче же дом зело красен
и велик, имущ позлащенные верхи, сии бяху внешние палаты
цесарския, яже егда узрехом почудихомся не мало, и уже разу-
мехом то быти град, но соблудихом во мнении, егда бо прейдом
предградие, узрехом град, яко два поприща от предградия
отстоящ, его же внешняя точию красота услади наши зеницы и
сердца. Видехом бо прекрасныя церкви, башни, дома и много
по верху злата блестящегося, зрехом же и стражницы около
врат градских на валах стоящи и позлащенная медныя верхи
имущия. Прейдохом же каменный мост велик, под ним же течет
вода, таже приидохом к единым вратам градским, тамо аще и
видеша и чтоша наши патенты, обаче вход жестоко возбраниша:
заповедь бо велику имейху, да никого же впустят, повелеша убо
нам, да идем на другую страну к вторым града вратам. Мы же
идохом, соболезнующии суетному труду нашему, и просяще
Господа о помощи прейти к Риму, ибо от многих слышахом, яко
путников, неимущих венскаго свидетельства, берут на галеры,
си есть на вечную во узах работу, идеже от тяжестнаго труда
безвременно жизнь свою оканчивают. Егда же прейдом ко
вторым вратам, и тамо подобне нам отрекоша и повелеша нам

итти к третиим вратам; мы же идохом, но и тамо ответ таковой же восприяхом; хотеша бо еще нас отслати к четвертым вратам, обаче нечаянный случай избави нас труда сего. Некий человек знаменит тогда шел от града, иже зная добре нужду путническую, и видя нас немогущих достигнути к граду, советова стражником ласкательне, да един от нас с стражею взявши свидетельства идет к нунциусу, си есть архиепископу от папы тамо учрежденному, и бысть тако: и возвратися ходивший вскоре, и прият ответ за утра приходить нам в десятом часу, идохом же на предградие, где купя хлеба, снедохом по укруху, и опростав бутылку вина, коего купил нам Иустин Линницкий, бысть бо тогда день патрона, или ангела его, и приветствовахом его именинами; таже молихом, да пустит кто нас на ночь, но ни от кого же получихом милости: идохом же на брег реки Дуная, тамо бо помежду дома течаше и хотехом ношевати в лодке порожней, но и оттуда хотеша изгнати нас, мы же свидетельства дадохом в залог, яко ни в чем не имеем подозрения, они же едва соизволиша, и то вопрошаху нас не имама ли с собою трутницы или огня, и не курим ли трубки? И прочая. Аще бо и не могохом разглагольствовати немецким языком, обаче един из них умел по молдавски, си есть по волоски, аз же разумех вся, что глаголяше, и тако едва с нуждою преношевахом тамо.

За утра же во вторник 2 июня отобравши патенты идохом к тем же вратам града, и иде паки от нас священник с единым стражником в град к нунциусу. Мы ожидахом при вратех сидяще, таже совратися яко в полуденное время и принесе патенты от нунциуса или от бискупа италианскаго, и абие вси невозбранно пойдохом во град, прешедше же первую и вторую каменную башню, идохом чрез мост, широк и глубок, камением сюду и сюду огражден, и приидохом ко вратам от камене лепо и крепко составленным имущим на себе написание золотое, таже внидохом и в самый град.

Тамо дома каменны чинно стоят в зело нарядном и лепотном виде, и при коемждо фонарь висит на железе повешен. Тамо быхом в църкве святого Стефана, и видехом икону Богородичну, стоящую на великом олтаре в златокованном киоте,

тако же и столпы на олтарех начальнейших мраморные, зело великие, якоже и орган изряден, и многия в ней сущия сокровища. Оттуда нашедше ходихом по граду с неким тамошним жителем, и зрехом удивительне многа устрояющаяся, видехом при той же церкви изрядну и високу башню, или колокольню, от самага камня составленну, ниже мало на себе имущую древа, обаче хитростно и лепо сеченно, в высоту яко пятьдесят сажен, в широту же шесть или седьм, так же видехом столп каменный еще больший и краснейший, посреди града стоящ, нежели в Кошицах; такожде источники или фонтаны от камня лепо составленны, от них же на многи части истекает вода, зрехом же и купецкия лавки, чинно стоящия, и что в которой продается, висит над коеюжде лавкою всякой вещи изображение, тамо всяк дом кладязь особый имеет, в коемждо же кладязе труба, которою воду пуцают, суть же иные явны, инные же потаенны и за стеною стоящии, точию чрез стену, егда кто воззошет, пускает воду; сия мы видевши чудихомся много. Таже идохом на ночь к гостиннице, идеже перепринам всегда на три дни с ястием и питием место дается; тамо имехом чрез три дни кийждо от нас свой одр с возглавием долгим соломоу набитым, идеже есть таков обычай, в полдни дают снесь едину, обаче довольну, но никогда же постную: в вечер же дают по укруху хлеба и по мерной чаше вина, аще убо и ядоша инные тогда сошедшиися путницы представляемое, но мы никако же, точию хлеб и вино в вечери взимахом, бысть бо у нас тогда Петров пост; и мяса ясти не дерзахом.

За утра же в среду 3 июня сидехом в дому и писахом книги путешествия своего.

В четверток же, 4 июня, понеже праздник быше велик у немцов, в честь и славу «тела Господня» учрежденный, и бысть крестный ход, или процессия велика зело, в ней же первее идоша цеховии ремесленники и купцы, кийждо в разном одеянии, с своею хоругвою или знаменем. Последи же разные духовные чины, их же числом было единонадесять со вещами, образами и всякими различными утварями, и обхождаху все стогны града, после же возвратишася, в соборную церковь святого

Стефана, от нея же изыдоша: и видехом егда вхождаше и изхождаше цесарь многим ему предыдущим первее воинам, с острым оружием, таже предходящим и последующим ему разным вельможам, коих было не малое число. Между ими удобно познаваем был отличением сана и одежды цесарь Карл VI, лицом приятен, быстровиден и меток; возраста же малаго, который из церкви возвратился во дворец.

Оттуда, 5 июня, в пяток пред полуднем изыдохом, и прешедше яко полмили, сидехом с полчаса под покровом, идеже делают плинфы, или кирпичи, бысть бо тогда дождевное лянние, и не могохом где инде сокрытися, понеже далече отстояше весь, и ожидахом дондеже престанет дождь, егда же преста, идехом равным полем по подгороми чрез лепотныя веси, в них же суть дома ово от камней, ово же от древа зданные. Нощи же надходящей, преспехом к некоей веси, ей же имени не вем, не возможно бо бе ни о чем кого спросити, понеже в наречии отнюдь согласитися не могохом. Тамо у многих просилися на ночь, но ни от кого же получихом милости. Идохом убо вне веси, и обретохом винограды камением огражденны, и тамо возлегохом под каменною стеною, не все же спахом, но бодр-свовахом по чину и часах.

Утру же бывшу в субботу 6 июня начахом итти помежду горами великими зело и удивительными, из коих иные малое, иные же среднее камене в себе имели. Тамо идехом все по над быстрыми потоками, по камению текущими, чрез красныя веси каменнозданные: тамо бо мало где обретахуся деревянные дома, но повсюду каменные, еще же и не просто созданные, несть бо ту художника проста ни в чесом, но егда кто что созиждет, удивлятися тебе. Идохом же помежду теми горади даже до 9 июня до места, именуемаго латински *Mariae cella*, славенски же, келия, или дом Мариин. На пути сем зрехом монастырь и при нем церковь изрядную, и быхом в ней, но не возмогахом известитися, како имянуются монахи, или законники обитающие при ней, никто же бо можаше с нами разглагольствовати; тамо быхом в церкви, иже и от вне, и от внутрь красна зело. Внутрь красится, яко многая от мрамора имеет

составленные иконы и окна зело лепыя, от вне, храмы и колокольни красные при себе имеет. Тамо двое часов, одни на церкви, а другие на колокольне, и вкупе гласят часы. Тамо чинно и изрядно устроенныя келии для монахов, и посреде церкви зело лепый есть источник от камене составленный, от него же на верху столпа вода, аки стрела просте течет, в высоту яко на сажень, а возвращается низу. Тамо ничто же ни ко ястию, ни ко питию не просихом, но точию един от стражей привратник и той из милости даде нам гнилаго хлеба, его же мы с благодарением принявши, идохом в дом, идеже пиво и вино монастырское продается, и купивши пива, часть же снедохом вышереченного хлеба, часть же гнилую повергохом.

Оттуду изшедше видехом много чудесна, идохом бо все над потоками долиною; горы же бяху сюду и сюду зело высокия и прекрасныя, приятную бо траву на себе имеаху; много же видехом гор каменных, и на них превысокия древа растущия из камени, аки бы преестественне корения своя расширяющия; на некихже висящие большие камни, иже всячески мнутся падающими, обаче держатся незыблемо, не взирая на высоту и тяжесть безмерную. Еще случися нам итти воскрай горы высочайшей, идеже ни травы, ни былия ниже древес несть, но снег превеликий, аки бы среди зимы было у нас; много же почудихомся, како до толе, си есть до середины июня снег лежит, мы бо не многохом стерпети вара солнечнаго, но объявили нам тамо живущие, яко на горах сих и до зимы снег не сходит. В удолии гор сих непрестанно вода чиста широким и быстрым потоком по камениям течет, не от некия же реки взятая, но от самых жерл, или ключей водных, от гор текущих собранна, без числа бо тамо ключей от боков истекающих зрится. При той воде разные художники живут для своих работ, мало что делающе руками, точию водою; рудокопы железо и другие металлы делают, ковачи куют, древоделы доски режут, и прочая, кто что умеет. Тамо при пути много видехом разных вещей от металлов и камней, выработанных высоким художеством, продажи ради обретающихся. Тамо посещали мы при пути два монастыря лепотных, а третий вышереченный. Не далече от Мариацеля находятся две

мрамором украшенные часовни; при одной из них вода пятью трубами исходит в мраморные чаши, напоения ради жаждных; а при второй мраморные же сооружен образ Богоматери, держащая на руках умершего Христа; от его же язвы ребренной течет непрестанно вода в сосуды мраморные, и напоет изобильно шествующих. Тамо видехом множество обоего пола народа, к Мариацелю поклонения ради грядущаго; иных же возвращающихся; неции же идут по образу крестнаго хода с образами и хоругвами поюще песни красно немецким и другими языками; идохом же не точию между гор, но и чрез горы высокия зело, всходяще и нисходяще по них, с трудом великим.

Вся тамо видехом благоустроена, точию люди неблагоприятны; не точию бо ясти и пити, но ниже пренощевати соизволяют; много же нощевахом со зверьми на поле и в дубровех, и зной претерпевахом от росы и от прохлажденнаго поту, наипаче же в долинах, и тамо вся себе к ястию питию купующе, идохом ни от кого же ничтоже просяще, бояхомся бо, да не кто видя нас оклеветет и сотворит препятие и смущение; случися же нам тамо на пути пити пиво и не хотяще от нас брати венгерских денег корчемник, мы же наипаче сию монету имехом; понеже чрез Венгерскую страну идохом, и тамо от милостиваго народа собрахом, еще не точию сих, но и польских денег не берут, точию червонных голландских; мы же сия слышавше поскорбехом много, и кающесе, яко мало пременихом пенязей еще в Вене суци. Прешедши же осмнадцать миль немецких от Вены, dospехом до места имянуемаго Мариацель, си есть дом Марии: се же того ради тако имянуется, яко тамо в църкве монастырской, в ней же Бенедиктинскаго ордена монахи обитают, есть Богородичен образ в киоте, на образец назаретскаго дома состроенном, и по тому новым Назаретом именуемым, и от цесарцов чудотворным почитаемым.

Приидохом же тамо во вторникъ 9 июня, быхом в църкве на литургии, чрез униатскаго священника отправляемой, и видехом красоту църкви устроенну зело лепо, такожде орган и киот оный, Назарет именуемый, посреди църкви стоящий; в нем же икона Богородична, коего стена, образами злато- и сребро-ко-

ванными тако покрыта, яко ни места праздна обретися может, ограда же киота онаго и врата входные от чистаго лепотне изкованны сребра, пред вратыже ограда каменная мраморными балясами хитростне изсечена; видехом же множество народа обоего пола людей, инных приходящих, инных же отходящих, поют же в церкви неисходно. Тогда изшедше из церкви идохом к трапезным вратам и просихом, да дадут что ясти или пити, и дадоша некоего с мясом варения; мы же не вси едохом, понеже Петров пост бяше у нас; пития же ни мало не дадоша, и тако оттуда возвратишися; еще идохом к гостиннице, в ней же ядомая и пиемая вся продают. Тамо купивше себе сырой капусты, и приправя с одною солью и луком, такоже взяв кружку пива, насытихомся: вечерни же преспевшей, идохом паки в церковь, откуда возвратяся в гостинницу, в ней нощевахом.

За утра же 10 июня, в среду вставше идохом в церковь на обедню, чрез униатскаго священника тихо отправляемую; после же изшедше, быхом в иной церкви на стране града под горою стоящей; тамо видехом по обою страну олтаря от древа лепотне соделанных двух ангелов, висящих и имущих в руках своих сосуды каменные; от них же непрестанно исходит приведенная с означенной горы вода в чаши великия мраморныя, на земли стоящия; от них же нисходит паки в проведенную под церковнию трубу и проходит в пруд, в саду находящийся. Оттуда изшедше купихом мало что к ястию и питию, и укрепившися идохом паки между горами, якоже и прежде по над потоком, но уже широким и глубоким, иже аки река течет, имея уже людей ласковейших; ибо нигде тамо не нощевахом на полях, но в домах или овинах, либо сараях; тамо уже не бяхо тако каменисты, но глиняне и низшия горы, точию издалече видехом высокия и много снегу на них. Прешедшеж от Мариацеля пять миль, приидохом к веси Шебежен, зело в глубокой долине стоящей; тамо едва с зельным трудом снидохом с горы, наипаче же, понеже тогда бысть дождевное лияние, идеже нощевахом в гостиннице.

Оттуда за утра 11 июня, то есть в четверток, идохом четыре мили, и доспехом к местечку изрядному нарицаемому Кофенберг.

Оттуда за утра 12 июня, в пяток, идохом шесть миль чрез град Пруг, чрез град Лоим, и через веси Сент-Михаель и Сент-Лоренс, тамо нощевахом; и оттуда 13 числа, за утра в субботу; все купно идохом по между горами пять миль, точию низшими аз же последовах им, и приходх к граду знатному, не вем, како разминувшися и предваривши их, бых тамо в монастыре францисканском; тамо дадоша мне укрух хлеба лепаго и чашу мерну вина, им же аз удоволившися, хотех изыти от града; но некий тамо начальник повеле возвратитися воспать, и вопросы мя о патентах, и написа несколько словес на венском и отпусти мя с миром. Аз же изшед вне града, приидох к некоей веси, недалеко отстоящей, тамо нощевах в гостинице при пути стоящей.

Оттуда за утра 14 числа, в неделю, от сна востав идох две мили, и приходх к некоей веси и снишедшеся тамо быхом все на мше; оттуда идохом четыре мили к граду нарицаемому Навмарк; тамо аз паки от них останах; не могах же dospети к граду дождевнаго ради лияния, но вне града не далече нощевах в доме великом гостинном, идеже хлеб пекут продаяния ради; дадоша же ми в вечере укрух хлеба благаго, и снешди нощевах на соломе, весьма покойно. Еще бо негде тако не прилучися, яко тамо лепо устроены одры угождения ради странных.

В понедельник, 15 числа, за утра не идох к граду, не преставаше бо дождь; но паче вящший умножащеся, егда молитвы обычныя прочет, призваша мя к кухне и даяху мне ясти, нечто от варений: аз же познав быти не постное, не восхотел ясти, но паки просих хлеба единого, и дадоша ми укрух мерен, снешдох же и ожидах, донележе престанет дождевное лияние; таже востах видех, яко преста мокрота, идох к граду Навмарк; тамо снихдохся с своими и идохом ко градоначальнику, да положит подпись на патентах; и бысть тако, оттуда прешедши милю нощевахом в некоей гостинице при пути стоящей.

Оттуда 16 числа, за утра во вторник они убе преди, аз последи идох пять миль к граду имянуемому Сант Флинт; тамо не обретох их, пойдох еще милю едину к некоей веси, и тамо нощевах. Случися мне тогда на пути скорбь немала; ибо погубих от пенязей, яко рубль.

За утра же, 17 числа; в среду воставши зело рано возвращахся воспать, но никого же обретох; идох же оттуда четыре мили, и приидох к некоей веси над озером великим, широким и долгим стоящей, тамо ношевах в гостинице при пути стоящей. Тамо видех на другой стране езера монастырь изряден, над самым берегом стоящ, от вне и от внутрь каменный, такожде имать красну колокольню и високу; на ней же и часослов изряден. Тамо обитают законники, именующияся бенедиктины.

Оттуда за утра, 18 числа, в четверток шествовах по над тем же озером две мили, и приидох до града знатнаго, иже именуется Филох; тамо исках своих, но не обретох, быша бо они в некоем монастыре; аз же мнех, якоже уже отъидоша далече, и идох оттуда за ними немедля; прешедше же яко полмили от града, и приходя уже под великия зело горы, обретох по пути некую гостиницу каменну изрядну и две каплицы (часовни), изрядны древяне при ней стоящии; от них же зело чисто истекает вода, мнех же аз, яко хладна есть и хотех напиться; но егда вложив первее руку и ощутив быти теплу, аки бы согрeяну при огне, усумнехся и почудихся, како такова теплота от спудов земных истекает. Даже мыслих тамо предпочити труда рады и паления солнечнаго: бе бо место изрядно и видех мыющихся людей в оных теплицах, и аз возжелах и молих обитающих тамо приставников, да не возбранят и мне омыться; они же хотяху от меня мзду восприяти; но аз отрекохся неимением, яко нищ и убог есмь, таже едва умолих к безмездному дозволению, и идох, и мыхся, донележе годе мне бысть. После приидоша и спутешественники мои, мняхо бо и тыи, яко вода хладна есть, и хотяху пити, и узреше мя в воде мыющагося и себе возжелаша, и идоша и умолиша такожде, и промедлихом долгое время мыющеся, таже оттуда идохом твердым и зело трудным путем по между холмов и чрез высочайшия горы каменные, бел алавастр родящия, на них же ни травы, ни древа, токмо един снег избретахом, и прошедше яко полторы мили, ношевахом в некоей веси.

Идуше на пути, видехом монастырь зело изряден на высокой каменной скале или горе стоящ в некоей веси, аки некий

замок; быхом же в нем и видехом пушки, и до келий чрез трое врат каменных итти требе, тамо мы пренощевахом.

За утра, 19 числа, в пяток идохом чрез весь день точию четыре мили зело сокривленным, по между горами и твердым шествуя путем, доспехом же к граду, имянуемому Понтафль, идеже немецкая скончавается, италианская же начинается граница. Сие место, аще и не весьма красно есть, обаче именитое, сопредельности ради своя с Италиею и Германиею; тамо дадоша нам свидетельство, дабы свободно могли итти далее, и дозволиша нам итти в гостинницу на ночь; но ничто же дадоша тамо к ястию и питию, точию место к упокоению.

Оттуда за утра, 20 июня, в субботу пременихом монету, тамо бо инная уже италианская ходит монета. Мыслихом же сухим путем итти даже до самого Рима; неции же нам советоваху, яко унше есть морем на Венецию; сеже того ради, яко за краткое доспеем тамо время и многая чудесная узрети возможем. Сей мы воприяхом совет, и до zde немецкими по 7 российских верст имеющими шествовахом милями, но уже краткими италианскими по $1/2$ версты содержащими начахом итти; прешедше того дня пять миль чрез грады: Дония, Сюза и Лигота, препочевахом же в некоем граде, таже идохом над потоком по над крутыми горами. Оттуда препочивше идохом еще далее, не могох же аз вкупе итти ради скорого их хождения, и скорбях от части, но се по случаю увидех пловущих потоком с лесом и дсками пыльными на плотях, и молих их, да возмут и меня с собою; они же без всякого отречения взяша мя; пловох же с ними пять миль, и присташа на ночь к берегу подбградом, нарицаемом Зория; воздавши же аз им благодарность за благоснисхождение их ко мне, идох к тому граду яко поприще едино, и случися мне ношевати у человека блага, иже имянуется Петр Вентурини, иже дади ми ясти и пити, много блага разглагольствова со мною, и ущедри мя до сытости.

Оттуда идох полем седмь миль до града Санкт-Даниель, в место красно на низкой горе стоящее, в день воскресный, 21 числа июня, и хотех тамо быти на мше, но недостигох при-

идох же тамо к гостиннице, идеже peregrinam место дается к предпочиванию; тамо мя без всякого прекословия прияша и дадоша ми к ястию вина и хлеба по обычаю своему, аз же сневши то, спях довольно, таже воставши писах путник, ожидающи своих, и премедлих даже до вечера, таже и они приидоша, и паки в вечер дадоша нам по чаше вина и по укруху хлеба, но не всем, мне точию не дадеша, аз же купих: единожды бо точию на день тамо дается; таже по обычных молитвах возлегохом кийждо на ложе, еже кто себе избра, ложи же тамо вси, яко едино посланны.

За утра же, 22 июня, воставши и по обычных молитвах просихом, да дадут нам что снадно? Но никакоже дадоша; купихом же себе кийждо против силы своей, и подкрепихомся, да не ослабеем на пути; таже идохом оттуда две мили, и приидохом к веси, нарицаемой Вильниоре; тамо неции от нас предпочиваху, неции пойдоша по стогнам просяще хлеба, драго бо бысть куповати.

Оттуду предпочивши час довольный, идохом пять миль до веси нарицаемой Дигняно; оттуду превезохомся чрез реку Невдику, не возможно бо бысть преити ногами, но мзды не дадохом, оставиша бо нас Христа ради, и прешедше пять миль, доспехом к знатному граду рекомому Велюежон, сие место красно и изрядно от вне и от внутрь; тамо приидохом к гостиннице, идеже точию четыре ложа суть уготованны peregrinam, обаче изрядны, ко ядению и питию ничего не дается; тамо нам место на ночь дадоша, и пренощевахом угодно, воставши же от сна, за утра 23 июня, во вторник оттуда шествовахом десять миль к граду велику, иже имянется Cordua, Кордуа, тамо в монастыре, в нем же обитают павлины, испросихом вина и зело мало хлеба, та же паки оттуда идохом пять миль, и приидохом к преславному граду, ему же имя Портогуар, рекомое от порта, си есть пристанища, се же того ради, что недалече берега морскаго разстояние имать, и от него рекою падающею в море плывут к Венеции и к иным странам кораблями; тамо попустиша нам место нощевания ради в гостиннице, идеже к ястию и

питию ничто же нам не дадоша, точию мягки, белы и чисты послаша постели, на них же угодно чрез ночь препочихом.

За утра же, 24 числа, в среду воставши рано, идохом к корабельником, ищуще, иже бо восхотели плысти в Венецию, но не обретохом, таковый бо тамо обычай, яко точию два раза в седмице корабль в море идет, си есть в понедельник и в четверток; и тако умысливше ожидати утра, скитахомся у кораблей при порте, не имуще где главы преклонити: ибо нигде в дому привочивати не попушают, ядохом же, еже купихом, мало точию от домов хлеба испросивше, приспеху же вечеру, идохом паки на ночь к вышереченной гостиннице, тамо бо на три нощи время путникам дается, где и препочихом.

За утра же, 25 числа, в четверток идохом рано до порту, и обретохом корабль приплывший от Венеции и паки до Венеции отплыти имущий в вечер; мы же не отходяще от пристанища чрез весь день пребывахом тамо, потребная кийждо своя делающе; не имея же аз тогда что творити, писах сие, еже видех и рассмотрех идуще чрез сию часть земли Италианской, начен от Понтафля даже до зде.

1) Видех винограды великие зело, толсто, высоко и широко растущие, при них же деревья велики лесные сажденные; се же того ради, да от единаго древа к другому, и паки к третьему прицепляются, и тако аки некие леса стоят, плоды же зело изобильно имут.

2) Жита или ржи и пшеницы зело мало, и инных же пашен никако не сеют, токмо много пшеницы турецкой, юже простой народ в Молдавии какаруза или кийки, в Малой же России просто пшеничка именуют. Ту пшеницу на многия вещи употребляют: мелют бо первое на муку, а инные от нея кашу варят и хлеб пекут, и инные же в половину мешающе сия творят, не сеют же в ограде ничего, кроме единыя капусты. Тамо никако же обрящещи квасного хлеба, токмо сладкий аки мед, его же там в милостыню даяху, но никогда же возможно бысть насытися, аще и довольно ядохом. Солнце тамо зело палит и всячески тяжостно шествовати, рано бо теплота начинается и долго продолжается, того рада два раза в едино лето семена в землю

всеають, и два раза пожинают. Видехом от древ: сосны волоские яловец, или можжевельник и фиги с плодом растуция, фиги тако растут яко и орехи грецкие или волоские, лист же яко у винограда, точию грубейший и жестокий.

3) Вся Венеция за патрона или ангела себе имеет Евангелиста Марка, на пенязех же и всюду печатаются оным, и еще же кроме того на надписаниях и грамотах царских, по пристанех и вратах градских вместо его самого лев с крылами изображается, держащий в ногах своих книгу, на ней же сицево надписание, мы везде чтохом; «*Pax tibi Marce! Euvangelista meus*», т.е. «Мир тебе Марко! Евангелист мой». Тамо не возможно разнствия познати между девицею и женою, обая бо едначе ходят не покрывающе главы, аще бы и седину имели. Но возвращаюсь к первому, егда бо приспе вечер того дня, си есть четвертка, вопросихом пловцов, что хочете да привезете нас к Венеции? Три литры от коегождо; мы же аще и многом молихом да меньше от нас возмут, но никако же получихом, обаче нейдохом уже на ночь к гостиннице, но ношевахом в корабле, бояхомся бо, да не нощию отплывут и оставят нас тших, зело бо желахом видети Венецию.

Утро же возсиявшу солнцу в пяток 26 числа ожидахом до полудни, донележе отпловет корабль; но дождевнаго ради кропления и ожидания ради инных тогда имевших быти в корабле, замедли, таже по полудни яко о третьем часе пустихомся от берега, и пловохом косою морскою даже до вечера; нощи же надходящей внезапно возшуме ветер сильный, и возбуди волны по воде великия, и начав жестоко колебати кораблем и соврати корабль от пути на иное место; видев же корабельщик, яко не лепо действуется с нами, абие верже кошвицу воскрай берега, и оцепи вервом за мачту, яже посреде корабля стоит, повеле всем ити к верву, иже беша в корабле и тянути верв при мачте привязанный, дабы возмогл пристати к берегу; ускорша же все не токмо бодрствующии, но и от сна воставшии паче страха ради, а не повеления, и едва с великою силою привлекохомся к берегу, бысть же тамо на брезе некая корчма, и привязавше

корабль, идохом в ню, и купихом елико кто возможе к ястию и питию, таже паки возвратихомся в корабль и спахом.

За утра же в субботу, 27 июня, воставши от сна, плыхом мысом морским, сево и овамо идушу воскрай брега морскаго; видехом же много весей и несколько градусов издалече и много виноградов великих красных, зрехом паки кораблей без числа на море от различных стран пловущих, и волны морския, аки холмы великия, зело бо играше тогда море, и сего ради корабельник не хотяше плысти, ибо корабль бяше мал, еще же к тому и отягчен, и приплывше от Португуара осьмьдесят без двух миль, пристахом к берегу морскому, идеже венецкая стража стоит и призирает свидетельств; дадохом же и мы о себе свидетельствованное писание, еже в Португуаре дадеся, и абие пропустиша нас; пловохом же оттуда морем седьм мил, даже до Венеции, и видехом недалече одесную при брезе моря град зело велик и красен, ему же имя Бувян, паки видехом аки погружену на воде стоящую некую церковь зело изрядную, паки зрехом ошуюю на небольшом острове, яко на воде стоящий монастырь велик и лепотен, о имени коего известиться не могли. Вечеру убо темну нашедшу приспехом ко граду Венеции, и приплывше даже к самому предградию, привязахом корабль к углу некоего храма, послежде помысляхом внити во град, несть бо тамо стражи, ни врат, и сего ради никто же бы нам возбранил входа; но понеже ночь бысть, сего ради оставихом и ношевахом в корабле, им же приплывахом, ядохом же то, что кто у себя имеяше.

Утру 28 числа, возсиявшу, в день воскресный идохом к гостиннице святыя Анны, идеже весьма покойныи ложи видехом путников ради устроенная; но ничто же получихом к ястию и питию: ибо точию един раз в вечер дается ясти, в день и сидети не попускают; суть же таковых гостинниц тамо две. Оттуду идохом к греческой церкви на литургию, и просихом милостыню от протопопа, исповедующе себе быти православных, но он не разумеяше нашего наречия, и се по случаю или по обыкновению снисдошася греческие дети на литургию в церковь, иже учатся языка латинскаго, тыи разглагольствоваху многая с нами, приидоша же последи и искусные их учителя и беседоваша долго

вопрошающе нас о вере во многих вещах, и откуда есьмы родом? Усумневахубося о благочестии нашем, не хотяще веру яти; последи же увидевши, яко истинну глаголем и требуем милостыни, тече один от них в олтар к протопопу, и возвести о нас, яко православны есьмы и благочестивы христиане еще же к тому глагола, от российских стран родом сущие, се же того ради, да большую приобретаем милость, усердно бо тамо таких людей любят, ибо и веры и обряды одни с ними в своей церкви имеют. Сия уздав о нас протопоп, обещаюся нам сотворити милостыню, токмо повеле ожидати утра и быти в церкви на литургии, понеже праздник тогда случися быти святых апостол Петра и Павла; мы же на службе Божией тогда в церкви быхом и видехом чин церковный и красно устрояющийся, слышахом же красногласное пение греческое, аще же и не разумехом словес, но понимахом самую вещь, ибо вся тако, якоже и в Руссии, токмо Евангелие чтется посреди церкви по левой стране на кафедре высокой. Оттуду по службе Божией идохом ко второй витальнице, си есть гостиннице или к шпиталю, (яко же тамо имянуют) чающе что испросити к ястию или питию, но вотще трудихомся, и тамо бо яко же в первом точию единою в вечер дается по укруху хлеба. Оттуда идохом на средоградие между ограды каменная, и купивше себе нечто мало снедохом, дорого бо тамо вся продают, милостыни испросити зело трудно, таже рассматревахом, что где продается, но мало где что бяше; бысть бо тогжа день недельный, в он же куплю деяти невольню никому же, яко же и повсюду и христиан, недельный и другие святые дни почитают, токмо вижехом книги латинския продаемыя, и купих аз одну. Оттуда возвратихомся на вечерню к греческой церкви и слышахом все пения и чтения, яко же и в наших странах. По вечерни многая разглагольствоваху с нами младые и старые искушающе и вопрошающе нас о вере; мы же яко же научихомся, всем добрый ответ дадохом; нашедшу же мрачну вечеру, требе бяше итти к единой от предреченных гостиннице ястия ради; мы же не идохом двух ради вин: первая, яко обе далече отстояху; вторая, яко желяхом быти на утрени

праздника ради, и ношевахом в шпитале тойжде греческой церкви, якоже имянуется святого Георгия.

За утра же воставши от сна в понедельник, 29 июня, си есть в день празднования святых апостол Петра и Павла, быхом на утренни, таже последи на литургии, и по совершении дадоша нам милостыню. Отуда хотяще уже изыти, идохом паки чрез средиградие и видехом многое множество лавок, и в них всякия продаемыя вещи чужеземныя, драгоценныя и малоценныя; быхом же в церкви святого Евангелиста Марка, где видехом древних иконописцев зело искусныя начертания и от расположения познахом, яко древней греческой архитектуры есть. Тамо видехом от мрамора изсеченныя многия вещи высоким делом, наипаче же церковное подножие тако зело хитростно и лепотно устроено, яко и возхвалити по достоянию несть мощно; тамо бо самым мраморным камением мелким и различновидным саждено хитростно тако, яко различные растущи цветы изображаются, такожде и вне лепо устроены, еще кроме того от приходу высако на щиту великие и красные, аки живые медные кони имать, тогда рассмотрим лепоту аще и не всю и основание града того чудесным промыслом устроенное, его же описати не возможно путешественнику, нашего состояния и ума, разве жителю, еще к тому и искусному, иже весть входы и исходы и основание и создателей его, аз сие токмо пишу, еже рассмотрим.

1) Венеция основанна есть при воде морской на отмеле.

2) Разделяется на много частей, се же того ради, да корабли между частей града переходят.

3) Врат и ограждения не имать.

4) Во всякой улице имут воду морскую непостоянную, временем бо велика, временем же мала бывает, еже аз сам многажды пристрегох, се же действием луны творится.

5) От единой к другой улице все мосты каменные и высокие имать прехождения ради чрез воду, высокие же того ради, дабы под них чолнами и малыми кораблями переходити можно было.

6) Лепотные и высокие дома один при другом чинно стоя-

щие иметь, верхи же, ими же дым исходит, у всех единым образом яко воронки устроенные.

7) Кладязи суть едва не во всякому дому, от них же варения ради и пития почерпают воду, обаче не такова в них вода, якоже в море горька, слана и неприятна, тамо же сладка, добра и здрава, но от дождя собираема, и всякия вещи ядомыя, кроме единого хлеба, на вес продаются, там и вода со льдом, купно с напоями винными продается мерою.

8) Коня и ниже иннаго скота ни единого несть тамо, токмо всяк иметь противу силы своей чолн или два, или корабль, ими же потребная себе привозит, аможе хошет. Коней же четыре токмо, и то от меди изваянных, над дверьми Соборной церкви святаго Евангелиста Марка, на самом рынке стоящие сии пренесошася от Царя Града от церкви святых Софии.

9) Обыкновению имут ходити в епанчах и в лете, токмо в легких, и всяк от мужеска полу носит всегда при себе образец на палочке малой устроен, именуемый зонтик, прохладения ради; от женска же полу иным образом. В Венеции, и далече, даже до Рима и Бара не видех чернаго ржанаго хлеба, точию всюду пшеничен, бел аки снег, мал же аки просфора, того ради и другую цену иметь, рыбы морской довольно имут к ястию, еще же ядят устрицы, и лов оных тамо нарочито велик.

Оттуду же в понедельник, то есть 29 числа, в полудни давши мзду пловцу превезохомся чолном пять миль к пристанищу на брег, и паки идохом путем сухим двадцать миль до града Падуи. Идоша же мои спутешественники чрез всю ночь, и dospеша тамо рано во вторник 30 июня; аз же не мгдох с ними итти, но по силе своей и по произволению идох чрез веси красныя, благоустроенные дома и вертограды имущие, и нощевах за три мили от Падуи, в весе зовой Доля, обаче не возмогах места испросити на ночь и на стогне (улице) хотех возлещи, таже едва с нуждою умолих мельника и у него нощевах. Во вторник до полудни придох к Падуе, и сниидохся со своими в гостиннице и препочевахом, ясти же и пити ничего же тамо нам дадоша, коея ради вины, спутешественник нам честный отец Протанский разгневался зело и не хотя вечера ожидати разлучи-

ся тогда с нами, и пойде преди с слугою своим, мы же утрия ожидахом ради взятъя свидетельства, нощевахом же в иной гостиннице.

За утра июля 1 дня в среду быхом в церкви святого Антония Падуанскаго; в ней же зело красен и богат олтарь устроенный от аливастра и мрамора. Тамо прияхом свидетельства, таже не медля идохом из града и видехом паки ину церковь, которая равно как и предреченная превращена из греческой в римскую, якоже здание верхов и внутреннее расположение греческой архитектуры доказывает. Шествовахом же от Падуи чрез среду и четверг, т.е. 1 и 2 числа июля, чрез три воды перевозящихся, и чрез два града преходящи имянуемые Гнара и Рувиго.

В пяток, 3 июля, рано внидох в град Ферару, уже папе принадлежащий и его монету имущий, тамо пременивше монету венецкую на папскую с надачею, купования ради хлеба, уже бо тамо милостыню весьма малу обретохом и идохом к преславному и великому граду Бононии, в ней же различные вещи продаемыя и купуемыя видехом, чрез град преходяще, случися же тамо нам быти у некоего аптекаря богата, человека блага, уже умеяше разглагольствовати латински; сей видя нас алчущих и жаждущих, насыти и напои нас вином довольно, яко избыткам остатися; тамо видехом собрание редкостей естественных от ползящих и четвероногих земных и морских животных, между коими крокодила и змею отличной величины видехом.

Последи же мало отпочивши идохом от града Бононии пять миль, и приспехом еще пред захождением солнца к гостиннице святого Петра зовоймой, при пути стоящей; отнюду же не хотехом далее шествовати, но изволися нам тамо обнощевати; тамо нам дадоша белаго хлеба по довольному укруху и по две чашицы малыя вина с водою раствореннаго, и одры белы и чисты к пренощеванию, идеже препочихом чрез ночь. Оттуда за утра в неделю, 5 июля идохом двадцать миль чрез весь день, и преидохом сквозь град рекомый Имоля, древле Fogum Cornelii именованный, аще и не великий, но изряден град, на острове при реке Сантерно, обведен каменною стеною, башнями и рвами, и

имеет также древний крепкий замок, в нем живет епископ, состоящий под начальством Равенского архиепископа, и опричь катедра́льный содержит 12 приходских церквей; шесть девичьих и 6 мужеских монастырей с Езуитскою коллегиею, и доспехом в вечер к второму граду подобному ему, имянуемому Кастилло́м; тамо ношевахом в госпитале peregrinном на постелях добрых, ясти же и пити ничто же дадоша. Оттуда вставши от сна, 6 числа в понедельник, идохом два дни шестнатцать миль; и пройдохом грады не большие зовомые, первый имянуется по латыне Fauentia, а по италиански Фавенца при реке Амоне, из коей повыше выходит канал, протекающий чрез город пониже онаго паки впадающий в реку сию, чрез которую построен каменной мост с башнями в несколько укрепленное предместье ведущий. Замок здешний не весьма важен, в нем живет епископ; кроме катедра́льной имеет 28 приходских церквей, четыре игуменства, 8 мужеских и 8 девичьих монастырей изрядных; рынок с лепым фонтаном мраморным, и славен по всей Италии по знатной каменной посуде, которую делают здесь в великом множестве. Не настоящий фарфор, назван по нем фаянсом. Второй Католика, небольшое местечко не имеющее никакого примечательнаго достопамятства, исключая, что в ней в 359 году собирались епископы на Риминском соборе, для словопрения с арианами.

Таже во вторник, то есть 7 числа июля, заходящу солнцу доспехом к единому граду не весьма велику, но лепотну строением домов; ему же имя Римини, по латыне Ariminum; град оный есть ветхий и знаменит отчасти; понеже не далече стоит от моря, яко за поприще едино, на месте равном и веселом под горами, и имеет пристанище для малых кораблей. Город сей, в 1671 году, не малой понес убыток от землетрясения. Здесь живет епископ, состоящий под ведением Равенского архиепископа. Прекрасная здесь церковь францисканская. На площади пред ратушею устроен изрядный фонтан и металлическая статуя апостола Павла. Древние триумфальные ворота в честь кесаря Августа воздвигнуты. Остаток амфитеатра и амвон, с котораго, как сказывают, Юлий Цезарь говорил речь к войску, пере-

шедши реку Рубикон. Тамо пойдохом в гостинницу путническую, и первое нам случися, яко обнаживши нас до последнего рублища, всех колику нас случися; тамо ведяху на одры созирающе по единому создади, еда ли не имать проказы, или чего инаго на теле, и аще кий что либо имеяше, сицевому особое даяху место; мы же удивляхомся обычаю оному, и похваляхом тщание их, яко призирают да едит от другаго не повреждаются.

Оттуда рано, 8 июля, в среду изъидохом и шествовахом в дни и нощи с обношеваниями земными при пути, не ищущи гостинницы: понеже бо путь бяше прост и равен берегом морским; прейдохом же градов при море стоящих три лепотных строением, имянуемых: первый Пезаро, древле *Pisaugum*, лежащий в долине, имеющий 7 приходских церквей, 8 мужеских и 4 девичьих монастырей, управляемых епископом здесь обитающим. Тут же находится мраморная статуя папы Урбана VIII. Смоквы в окрестностях сего града родящиеся, такожде и виноградное здесь делаемое вино во всей Италии славны. Город изрядно выстроен, чист и многолюден; другой Фано, древле именуемый *Fanum Fortunae*, также *Colonia Fanestrus* или *Iulia Fanestrus*, несколько укрепленный город с пристанищем для малых кораблей; здесь живет епископ, и в городе кроме катедральной 16 еще церквей, 5 девичьих и 9 мужеских монастырей, такожде и благородное училище. Здесь видны остатки триумфального Августова здания, и не по далеку отсюда есть славный Камахдуленский монастырь; а третий град именуемый Сенегалия, по латыне *Senegallia*, краснейший и славнейший прочих как зданием укрепленного каменного замка, так и пристанищем кораблей, понеже в то время бысть тамо ярманка велика, и видехом множество купцов с различными товары пришедших купующих и продающих всякия вещи. Тамо мало замедлихом, идущимже нам посреди града чрез мост на сводах деревянный по реке Мисе, случися видети чудесное. Дети италианския убогия, в десяти летех и нижеае, взлазаху нагие верху свода онаго мосту, иже отстоящий от воды высоко, яко три сажени, и глубины в воде, яко мню, толико же, и аще кто от людей метнет в воду наименьшую монету как то квадрын, то

есть полушку, абие оные дети вергаются с высоты в глубину даже до дна, и мало тамо замедливше, вскоре обретше износят, и елико людие метаху, ни единого квадраина не оставиша погибнути в воде, якоже пред нашими очима явне сотвориша; мы же видевши хитрость ума и сердечную отвагу детей оных, чудихомся не помалу; таже оставше изыдохом оттуда пред захождением солнца, не хотяше в гостинницах ноцевати, дабы не медлящи, скоро могли шествовати, понеже больше нощию уходядохом, нежели днем, жара деля солнечнаго зело палящаго, к тому же прискорбно нам бысть, яко злыи тамо нам случахуся людие, понеже ни от кого ни в несом милостыни получитьи не возмогохом, и единаче нам бысть тамо шествовати в нощи, яко и во дни, понеже рассмотревши их нестраннолюбие, оставихом их вящше просити, но за пенязи, яко имехом, куповахом, ускоряюще минути их страну, наипаче же о хлебе трудно бысть зело, не токмо дати, но ниже продати не хотяху; на распутиях и при пути в гостинницах живущии корчемники, аще кто не прежде купит у него вина, понеже тамо вина довольно, хлеба же скудно; нам же не бысть тако потребно вино, яко хлеб, понеже якоже уразумехом с хлебом без вина крепче могохом шествовати; с вином же без хлеба аще и наикрепчайшим ослабевахом, сего ради аще и нужны сребром быхом, хотяше и нехотяще куповахом первее вино, и тогда нам продаяху хлеб, а ежели мало взимахом вина, хотяше токмо, да продадут нам хлеба колико хощем, не продаяху вящше; но за колиху цену взимахом вина, за толику продаяху и хлеба, се же токмо на пути бысть, в градех же чесого изволихом куповахом; сего ради, якоже прежде рек, немедляще изыдохом от града Сенегалия, имеющаго епископа, 3 приходския церкви, 5 мужеских и 1 девичий монастырь, пред захождением солнца.

Идушим же нам тоя нощи, и за утра, 9 июля, приспехом о полудни к знаменитому граду Анконе. Анкона град знаменитый по всей Италии, Греции и инных странах, понеже от всех тех купцы морские приплывают, тамо творяще куплю, есть бо пристанищем славным, устроенным еще от кесаря Траяна, в честь коего и возвигнутые здесь из бледно-голубаго мрамора триум-

фальные ворота находятся. Здесь множество жидов, имеющих синагогу, и отличающихся от христиан шляпами перевязанными голубою лентою. В городе считается 10 приходских церквей, 4 женских и 12 мужеских монастырей, управляемых обитающим здесь епископом, непосредственно зависящим от самого папы. Град той разпростертием есть больший от предреченной Сенегалии; строением же домов не весьма высок, токмо до трех степеней; дома же все каменные и улицы камением насажденные, стоит на месте веселом и высоком, на двух высоких горах, с коих зрится все море, како ходят по нем корабли, разпрострися же селение до брега морского сице близко, и домов касается вода, чист же бывает всегда, того ради яко не равен стояй между холмов, и по тому во время дождя весь водою омывается. Воды имать здравые, от гор текущая, и народа содержит много. Здесь построен огромный карантинный дом для свидетельства приезжих с моря, такожде знатная биржа и дом духовенства оратории. Гостинницы же для бедных путешественников хотя и есть, но скупость и грубые приемы, во оные вход нам възпятиса. Приспевшим же нам тамо в пяток, 10 июля, по полудни идохом на базар, хотяше себе купити нечто снедно на трапезу, но не возмогохом, вся бо на великой цене продавахуся, купихом же единого токмо хлеба, аще и драго, но без него не возможно, и пришедши к воде седохом во вратех града близ источника воднаго и снедохом собственную трапезу, таже пойдохом хотяще ускорити к достохвальному Лорету, недалече бо отстояше, токмо пятнадцать миль, куда от Анконы за полдня приходят; тогда оставихом брег морской, понеже предлежаще нам путь чрез горы, и пойдохом тяжестным путем горами и долинами; прешедшим же нам яко два поприща ослабевахом, понеже в нощи много труждахомся шествующе, и обретше при пути корчемничный дом, седохом под сению его и почивахом яко час един, ово пишуще своя путники, ово утешающе друг друга в нужде, и иная беседующе братолюбне.

Таже пойдохом прилежно путем горним шествующе непрестанно, и доспехом к преславному месту, имянуемому Лорет, зело поздно, мню о третьем часе, голодны в ношь, предваривше

же аз спутника своего Иустина внидох внутрь, бяху бо отворенны, зане во всей Италии, не обыкоша заключити твердо врат, яже в малых градах, отворенны все стоят, в великих же и знаменитых градах великие точию врата от всех стран затворяются, но малые отворсты стоят, се же того ради, яко во всей Италии чрез всю ночь не спят, больше делающие нощию, нежели в день, зная демя солнечнаго; дошедши же убо та аз внутрь идох к гостиннице pereгринской, где едва с велиею нуждою умоливши начальника, нощевах, не хотяше бо мя прияти в такое позднее время, понеже имут уреченный час, в оне же снисходятся путницы; спутник же мой Иустин не прииде тогда тамо, и тако раздельне оную препроводихом ночь.

За утра же, 13 июля, в субботу рано сниидохомся и пойдом в едину церковь велику и прекрасну строением, от сеченного мрамора зданную, на ней же и часослов с преди глашает часы; пред лицем же врат начальных стоит источник зелен, зело хитростным художеством изсечен от мрамора бела, иже верху ступеней дватцать восемь; кладязь широко созданный; посреде же имат столп высоко сведенный, и окрест его четыре некий животныи лепотно изсечены, кийждо от них из уст своих избыльно точащ воду, верьху же столпа онаго пятая струя тояжде воды аки стрела в верьх точится непрестанно и на низ возвращается в кладязь; оттуда же исходит под землю: к оному источнику вси приходят жаждущии и утруждению пьют и омывающиеся прохлаждают лица своя, хладно бо от него и здрава исходит вода; тогда мы пошедши внутрь оныя церкви, видехом лепоту ея и строение удивительное, много бо имат престолов служебных от других и различновидных мраморов созданных, такожде мраморными таблицами и подножие насажденно, таможе суть седалища от древа ради исповедающихся, чинно устроенныя, имуще на себя коеждо свою подпись, где духовник каковым языком исповедует, понеже народы разноязычныи тамо приходят от различных стран на поклонение, и исповедают тамо грехи своя, того ради яко есть тамо дом мал каменный посреде церкви стоящ, от Иерусалима тамо, якоже повествуют, пренесенный чудесным образом чрез Ангелов, и есть самый тот, где

Богородица родилась, и благовестована Ангелом, о чем последние обстоятельнее реку; приидохом убо к вышереченным духовным седалищам, и прочтохом все надписи, яко здесь духовник для языка италианскаго и французскаго, там для немецкаго и венгерскаго; в сем углу для греческаго, а в том месте для польскаго. К сему последнему, понеже знахом добре по польски, идохом, а даде нам коемуждо лист свидетельсвованный и по пяти байоков тамошней монеты, понеже от стран польских посылается тамо скарб, из известнаго числа денег состоящий, дабы от него давалася милостня peregrinam польским; ибо Польша, милосердствуя о своих единоземцах и уважая труды их, творит сию благостыню.

Таже изшедше из церкви идохом, видяще иных, идеже peregrinam и всем убогим дают хлебы малы и по чаше вина два раза в день; в первые пред полуднем, а в другое после ужина: сия и мы приявше, не удоволихомся, но идохом еще к гостиннице, в ней же трапеза изрядна дается, странным священником, монахам и всему духовному чину, и еремитам, си есть пустынножителям; надлежит же под протекцию законников, именуемых капуцинов; тамо бо гвардиян, си есть начальник или игумен капуцинский, всегда присудствует с оными духовными и мирскими знатными особами, иже служат разносяще кушанья, и вино вливающе в чаши, и прочая потребная творяще.

Тамо пришедших нас и просящих нечто снадно узре оный гвардиян человек благ зело, и вопросы нас, что пришли ести друзи, едали есте от духовнаго чина и путницы? Понеже здесь простым peregrinam несть места, токмо рече оное, идеже обще всем убогим дается хлеб и вино: сия же глаголяше нам диалектом италианским, разуме бо, яко не знаем латински. Мы же не знающе разглагольствовати языком италианским, ответсвованом ему латинским сице: и мы убо, отче честный! Не просты есьмы путницы, но студенты, обучающиеся латинскому языку, и прилежащи учениям школьным, на большее подтверждение и разширение православной кафолической веры, на честь же и похвалу Всемогущаго Бога. Он слышавши от нас сие и узревши наши патенты, повеле прияти от нас честно в туужде гостинни-

цу и представиша нам трапезу изрядну, якоже и прочим; повеле же нам оный игумен проходити тамо на всяк день в обед и в ужин, донележе замедлим тамо; мы же не ходяще время погубляти, замедлихом точию два дни субботу и воскресенье, то есть 13 и 14 число июля, ядохом же и пихом довольно в той гостинице, ношевахом же в иной вышереченной; ибо та токмо к ястию довольна, другая же к ношеванию обще всех путников устроена есть. Размотрехом же добре чрез то время вне и внутрь уду вышепомянутый Богородичен дом, и како и откуда принесся, что все последовательне увестся.

Дом Богородичен, иже в Лорете в области Римской, стоит посреди церкви, создан не от природнаго камня, но от одних плинф, или кирпичей. Не велик собою, в долготу яко десять локтей; в широту же и высоту яко осмь, ветхий зело, имущ по обою страну дверцы; от вне с верху до низу весь мрамором белым гладко обложен, яко аще кто не размотрит его, и разумети имать, яко весь от единого мрамора изсечен есть, сице зело углаженными деками мраморными лепо облечен, яко лице в них зрится человеце, аки в зеркале. Со зади дома того, си есть на стене олтарной, изображена есть надпись латинским диалектом, писмены великими, сеченными на мраморе теми словесы: «Christianissime hospes, qui pietatis votivae causa huc aduenisti. Sacram Lauretanam domum vides. Haec e Palestina in Illiricum deducta ab Angelis anno Salutis 1291. Nicolao IV, summo Pontifice. Trienni post, primo Pontificatus Bonifatii VIII, in Picenum (nempe Anconam) translata, prope Recanetum urbem in hac collis nemore collocata. Postremo hic fixa anno 1500. Clemens VII, Papa illam marmoreo ornato convestivit anno 1525. Clemens VIII, Papa brevem historiam in hoc lapide inseribi jussit anno 1585. Antonius Maria Gallus Sacri Romani pontificatus Presbiter, Cardinalis et Episcopus Auxinij, S. Domus protector, faciundum curavit».

То есть:

«Христианский посетитель по желанию и обету зде пришедший. Зри священный Лоретский дом, иже от Палестины в Иллирик Ангелами при Николае IV, Папе, пренесен бысть

1291 лета, потом в Пинцене, или Анконе близ Реканета града находился, а оттуда в 1500 лето зде поставлен. Климент VII, Папа Римский, мраморным украшением его окрест одея, лета 1525. Климент VIII, Папа Римский, краткую на сем камени изобразити повеле повесть, в лето 1595. Антоний Мария Галл, св. Римск. престола Пресвитер, Кардинал и Епископ Авксинский, святаго дому блюститель, сотворити сия потщался».

До зде внешнее лице его, многократне же вхождах внутрь, поклонения ради с протчим множеством народа, и рассмотрех вся в нем внутренне его здание просто на четыре угла разположен, и якоже рех от самых точию плинф без примешания каменья природнаго; есть же зело стар, яко не мог бы стояти, аще не бы от вне мрамором был огражден. Есть же тамо внутрь и престол служения ради литургии, серебром, и золотом, и лампадами украшен; верьху же онаго есть икона Богородична, не вем, от каменья ли или от древа, или от чего иннаго сотворенна; се точию вем, яко неписана на дске, но сечивом соделана, си есть резною работою устроена; каменьями же драгими и кленотами зело упещренна. Тако яко на неколико миллионов рублей ценятся онаыя величайшыя сокровища. Со зади престола в стене дому онаго, низу по земле, есть место маленькое, в подобие печи, именуемое тамо *culina*, то есть кухня, идеже Богоматерь уготовляше трапезу, и при ней хранятся в золото оправленные деревянные ложки, глиняные чаши, и прочие сосуды, показуемые путником. До зде о дому Богородичном, но ныне повем о граде Лорете.

Град Лорет сидит верьху горы высоко между иными горами и долинами от моря не далече, яко три или четыре порища, строением не велик и не высок, токмо лепотен, и имать неколико палат великолепных. Дома суть каменные, ограду токомо имать едину, и то не крепку; крепости же не имать, но во подобие веси составлен; лавок много торговых имать, в них же продаются разные товары. Народа имать много живущаго, приходящаго же еще вящше на поклонение дому Богородичну: от различных бо стран преходят тамо, наченши от Польской, Немецкой, Венгрской, Чешской, Венецкой, Грецкой, Римской,

Гишпанской, Французской, и от прочих земель идут, их же не вем нарекиши множества ради. Всяк бо грядый до Риму или до Бару, где лежат мощи св. Николая, не минет сего места, понеже на пути римском стоит; есть же от Рима далече 139, от Бару же 400 италианских миль.

Сотворшим же нам и совершимшим довольно свое путническое поклонение, сотворихом совет между собою аз с другом моим Иустином, како имамы переее шествовати к Риму ли, или к Бару? Разсуждахом бо яко аще пойдем переее к Риму, довольноны будем видением величества красоты и славы его, и о меньших уже не брегуще, восхощем возвратитися воспать, или утрежденны сущи пешехождением, обленимся пойти поклонитися, аможе хощем, у угодника Божия святителя Христова Николая; егде же пойдем переее к граду Бару, и узревши меньшая, можем ради больших, на большие и дальшие подвигнутися труды; и умыслихом переее идти к Бару.

В понедельник убо, 15 числа июля, возсиявшу солнцу, идохом в церковь, таже изшед от Лорета, предприняв путь в Барград, идохом переее горами яко три или четыре поприща до моря, таже пойдохом землею иною, которая именуется Калаврия, некоторые же именуют ее землею Труда, Тегга Laboris, и бысть нам путь просто в страну полуденную, завратися бо там море, и зряше брег просто прямо полуденнаго солнца; путь же нам, якоже прежде уведахом еше в Лорете от peregrинов, имяше быти весь воскрай брега морскаго даже до самаго Бара; и тако пойдохом в долготу земли тоя. Шествовахом же девять дней ово равным брегем морским воскрай воды, ово же жестокими горами и высокими; при бреге моря стоящими, и зело жестокое и острое камение на пути имущими, и воистину не бысть нам нигде тако тяжестен яко тамо. Шествовахом же денно и ношно, не обретающе гостинниц к пренощеванию, понеже тамо путницы не обыкоша ходити, или яко мало усердия имущи к святому Николаю, или тяжестнаго ради пути; аще же инные и ходят, то идут от Рима чрез Неаполь иным путем великим, не случися же нам кроме двух устрести путников; не ходят бо тамо так, якоже путем римским, якоже прежде шест-

вующим нам в Италии, где не обретахом в дни часа ни единого, вон же не стреталися с единым, двумя, тремя, четырьмя, пятью, иногда же и десятию peregrinami. Тамо же никаго же, страна бо та оскудна в хлебе, не имущая хлеба бела пшенична, токмо черн ячменный, и тот драг, земля везде суха и неплодна, вод здравых не имущая, того ради и от благородных мало в себе имать, но весь народ неякий, простолюден, не красноречен, не татен, не страннолюбив, учений школьных не имущ; во всем отменен от италианскаго; тамо градов знаменитых несть, токмо посредние, и тех мало, и не тако лепотны строением, якоже в Италии; един тамо град издалече видехом, имянуемый Юлианов, той зрящеся от вне быти доброобразен и крепок: внутрь же не вем како, понеже не токмо далече, яко высоко от пути стояше на горе над берегом морским, и не хотехом трудитися к нему, не градом бо приизирати, но места святыя идохом посетити. Прочих же градов ниже имени вемы, понеже ниже вопрошахом, а инныи ношью мимо идохом, того ради яко гостинниц не имут к приятию путником; и тамо нам бяше гостинница, идеже изнемогохом или в дни или в нощи, земля тамо суха до зела, ниже травы, ниже леся имущая; аще же и бяше, но далече от пути; весь от веси такожде далече, и мнится быти край он не весел; и аки пусть.

Больше быши и широчае желал описати благий читателю, но ниже аз, ни спутник мой Иустин могохом нужды ради превеликой, во истинну бо не бысть нам нигде тако путь тяжестен, яко тамо, многажды бо прехождахомт реки и потоки от между гор тамо в море текущие, иже не суть глубокие, но быстрые, и мелкое камение на дне имущие, их преходити нужде велие бяше, преходяще бо их, преношахом ризы своя верху глав, и многажды ово от претыкания, ово же не терпящи болезни, от остраго онаго и мелкаго камения под ногами слышимой, иже аки гвоздия в ноги бодут, иногда же и тяжестно ураняют, падахом погружающесе и омочающесе с одеждами, еда ли может что горчайшее быти? Прехождахом же потоков тех яко 15 или 20 чаще обнажающесе и одевающесе, и паки обнажающесе, инде же токмо презувающе сандалия; на сусе такожде нужда

баше, не имехом бо чрез девять дней и ночей, то есть с 15 по 23 число июля, нигде пути чиста без камени, но аще брегом идохом воскрай воды морской, все баше камение мелкое острое, якоже и в потоках, по нем же аще и в сандалиях шествующе, болезнь в ногах претерпевахом, понеже не может на себе держати человека, не угнетаются под ногами, и человек ходя по них зело ослабевает; аще же где путь не пройден баше воскрай воды, тамо путь разделяющесе от брега в горы, и паки на брег сходяще и паки совращашесе в горы; на многих же местех шествовахом горами высокими и зело неравный путь и острое камение имущими, идеже велию нужду претерпевахом, не обретающе воды ни веси, понеже тамо далече едины от других селятся, немощны бо бехом пищи ради, яко ничто инно не имехом ясти, кроме хлеба и луку; инде же и того не имехом, но глад претерпевахом, испрошающе мало что, или ничто же: купивши же с собою нести не могохом, едва тело свое от горячести солнечной влекти могуще; множицею же зело тяжестно падахом от частого претыкания ножного о камень остр, и поражахом члены и разбивахом сосуды, в них же воду ношахом, и пребывахом без воды, яже есть дражайше паче злата и сребра путешествующему, случашесе ходити блудяще, алчуще и жаждуще в горах и вертепах и пропастьех земных к единому воззывающе Богу; расслабвахом же и костями от хождения и лежания на камени твердом; еще же к тому в самое горящее время месяца июля, и толь горящею страну полуденною шествовахом, яко все нам кости и составы телесные расслабваху, яко едва мозг в главе не изсушися, и едва чувства не повредишася, и уже не бысть тамо когда путешествия описывати, не токмо бо писати, но ниже ясти, ниже сидети, ниже зрети, ни что разглагольствовати, кроме нужного словеси возмогохом, полумертвы суще от зноя солнечного и от облияния потного преизлишше от нас текущаго. Зде всяк разсуждай путешествовати желаяй, но мы сия вся претерпехом помощию Вышняго.

Таже по девяти днех 24 июля в среду рано доспехом к граду имянуемому Sanct Michael, то есть Святаго Михаила, стоящему на горе высокой, яже имянуется Monte Gorgone, еже есть гора

Горгонская. Оный град во всей Калаврии и далечеа есть славен; стоит на высокой зело горе над берегом морским стоящей, дома в нем каменные и церкви, и монастыри суть зданием лепы. Вода обретается здрава; единою же точию оградю каменную огражден, якоже и Лорет; всход к нему и сход такожде зело тяжестен есть.

В сем граде были мы в церкви Архангела Михаила, в олtare коея колодезь, а под спудом церкви мраморная пещера, в коей поставлен богатоубранный образ святаго Михаила, по имени коего и град сей наречен Санкт-Михаэлом; мы посета церковь и пещеру отдыхали до вечера. Таже заходящу солнцу изыдохом оттуда, не хотехом бо коснити, яко желяхом к Бару ускорити, понеже недалече отстояти слышахом; идохом же жестоким и узким путем каменным, с горы сходящи круто, яко три поприща уже при месяце ношном, и видехом каменосечцов с работ возвращающихся дневных, таже снишедши на равнину, шествовахом донележе месяц светяше; егда же ночь помрачися, яко не видехом пути, совративше на страну, где обретше маслину, возлегохом под нею, и спахом до утра.

За утра же, 25 июля, в четверток возшедшей деннице, пойдехом и прейдехом един градок не велик, но леп, с оградю каменную, стоящ на брезе морском, яко и ограде его касается вода морская. Тот городок надлежит до вышереченнаго града Санкт-Михаель, есть бо пристанищем его корабельным. Оттуда осташася нам горы на правой стороне, и бысть уже поле ровное, даже до самого Бару, токмо малые негде долины являхуся, и идохом берегом песчаным чистым и мелким, бродяще в воде морской чрез весь день и ночь.

За утра же, 26 июля, в пяток приходящим нам к граду Барлету, видехом недалече на поле ровном множество народа влачащих от езер соль яко мелкое камение, лепу и белу, и высыповаху от нея могиля велики, и множество людей бяху и могил, вящше яко сто, и езер такожде множество, в езерах зело мало воды, и вода в них красноватая, яко некое вино; под водою же на дне соль зело чиста и бела родится. Тамо аз видех хлеба много и котлы кипящие с яствою, ради делающих соль;

просих от них милостыни, и даяху мне хлеба много, яко едва могох понести; просих же и соли мало, нужды ради подорожной; но никако же нигде же даху; еще же прещаху, грозящесе на мя, и глаголюще некая словеса своим наречием: но аз не зная ни мало их языка, стражаху же мя и отгоняху скоро от себя, да не како возму мало от той их соли; чудихся же не помалу, яко от толикаго множества ни мало соли мне дадоша, и недоумевах в себе, что и чесо ради бысть сие; даже отыдох оттуда; и се преминувше оные езера, и прешедше яко поприще едино, абие ять мя страж на пути, и обнажи мя даже до хитона, и искаше у мя соли, озирающе от перваго до последнего рубище моего; но не обретоша ни мало, не имех бо в то время, аще бо прежде и всегда с собою соль ношах по пути, тогда же не бысть, и тако отпустиша мя с миром. Друг же мой Иустин не бысть со мною вкупе, понеже езеры оныя от части удалены суть от берега и стоят при пути великом, и обленися тамо пойти видения ради; идяше же берегом морским лучшей ради прохлады, видя же он возвращающихся от поля людей во град и вергающих в море соль, елико кто из града изнесе потребы ради и остася, иные же высыповаху на брезе на сусе, се же того ради, яко всех тамо призирает страж, и аще бы у кого обрел соль, то в узы полагают его, и плащает много, не имущи же чем заплатити, в катаргу отдают его, яко злодея цесарскаго; соль бо тая цесарская бысть немецкая; и Иустин же мой не ведяще такожде, коей ради вины мещут соль, и отшедшим им, взяв на потребу свою, колико хотяше, и преиде берегом даже до самого града, не усмотревшей его стражи.

Таже о полудни приидохом к граду Барлету, который есть велик и в широту и долготу, и изряден строением, палаты лепыя и церкви и монастыри, такожде имать больший и лучший от Лорету и св. Михаеля подобный, якоже Аримини, седит от гор далече, яко едва зрится от него, при море на брезе равном, море касается ограды его, пристанище кораблям многим есть, люди внутрь много имать; тамо мы не разсмотрим долго, понеже знаяхом яко паки тамо имати прейти возвращающесе от Бара, и Риму бо тамо путь предлежаще, якоже увестихомся, сего

ради изшедше оттуду седохом за враты градскими и снедохом трапезу. Таже пустихомся в путь совещаешесе денно и ношно шествовати даже до Бара, недалече бо за 30 поприщ точию отстояше; к тому же ночь светла бяше, и путь велик и широк и един бысть; шествующим же нам ноши тоя помежду прекрасными оградами виноградными и прельстившесе плодами запрещенными, прелезовахом, идеже зело низкие обретахом ограды и рвахом отай ягоды, никому же слышащу, понеже в день твердо стерегут, а в ноши же не тако, се же того ради, яко не имехом тогда в тыквцах своих воды и жаждны быхом; от части же страсть нас побеждаше, яко в то время еще точию начинаху дозревати ягоды, и едва очима их не ядохом, наипаче же яко от стран тех бежом, в них же виноград не родится или мало; обаче аще и малу кривду сотворихом человеком в ягодах, но Бог праведен сый, комуждо даяй по делом его, наказа мя от части; уже бо кончащейся ноши егда утрудихомся от пути минувше един град Трани, и обретши при пути в стене ограды виноградной созданное от камени точило, в нем же делается вино; тамо изволихом уснути мало. Седшим же нам тамо внутрь и разрешшимся от саков или сумок своих, таже в недра моя вложих руку, хотя извлеши патенты и соккрыти их, но не обретох прочее, ниже ведах, где погубих: тогда начах скорбети и тужити, не ведая что творити: оставих же Иустина, да идет к Бару, и ожидает меня тамо, сам же возвратихся искати патентов, и идох чрез остаток ноши и утро и до полудни, ища и познавая место, идеже крадах ягоды, или инно что делах, но не обретох, такожде и вопрошах всякого встречающаго мя человека, но никако же ни от кого же увестихся, и уже в обедное время паки приидох к граду Барлету, и вшедши внутрь на средоградие, многих вопрошах людей с плачем, но обретесе обретший; пойдох же аз в канцелярию градскую, и сказуя тамо неблагополучный случай свой, просих у них или совета, да что имат творити; или некоей помощи; они же даша мне свидетельствованную грамоту за подписанием главного судии и инных соначальных ему двух; в ней же прописано бяше свидетельство о погублении патентов моих и прошение, еже везде добровольный имети пропуск и странно-

принимание от всех равное с прочими peregrinami; и давши мне оное свидетельство, рекоша: да яко аще и не обретеши патентов своих, удобее с тем пройдеши всюду и прият будеши. Аз же взявши мало отрады в себе, сие послышах, и благодарствуя им отъидох. 27 июля, тогож дня в субботу по полудни; идох же по малу денно и ношно, понеже утрудихся до зела и разболеси ми правая нога, яко едва могох шествовати; мимо идох четырех градусов воскрай брега морского стоящих, лепые дома и монастыри каменные, сущие с ограждениями и враты, но меньшие от Барлета; тамо же случися мимо итти берегом морским два или вящше поприщ, идеже смрад исхождаше от моря, яко едва мощно терпети, там же в брезе морском в воде источников водных видех множество, воду горе испущающих от спудов земных, чесому почудихся не мало.

И едва в воскресенье, 28 июля, поздно в вечеру ради болезни нужной, достигох Бара града, тогожде дня и спутник мой Иустин прииде тамо по утру, и совокупившеся паки, идохом к гостиннице святителя Христова Николая, стоящей при церкви; в ней же мощи его опочивают; в той гостиннице всякому приходящему peregrину даются чрез три дни обеды и ужины, и три раза к пренощеванию свободно. Сидехомся же тогда не вем 10 или 12 человек, и по всегдашнему своему обыкновению оглядевши всех патенты, представиша нам трапезу честну и по довольной мере вина; по снадении же и благодарении введе нас странноприимник внутрь гостинницы, и даде всякому свое ложе, и спахом. За утра же в понедельник идохом в церковь; в ней же опочивают святыя мощи Чудотворца Николая, вшедшим же нам тамо и созирающим, где мощи Святаго и не обретохом; видехом же множество народа с женами и детьми входящих внутрь и исходящих вон по обою страну степенями каменными, тако уразумехом, яко тамо сущи мощи, и текохом абие в след их степенями мраморными широкими лепотне созданными под спуд великия церкви десным входом, два бо суть тамо входа, единаче созданные, един одесную и един ошуюю; тогда вшедшим нам внутрь, обретохом тамо инну церковь лепу, но не велику, яко до половины верхней, крашка бо зело и низка,

токмо широка, якоже и верхняя, ея же верх поддержится двадцатью шестью столпами, иже все подобятя в деле, точию един разнствует, меньших бо тонкостию от прочих, и огражден решеткою железною; престолов точию два имать, един начальный и другой подначальный, на них же священницы на всяк день от утра даже до полудни непрестанно совершают мшу. Престол первоначальный есть весь среброкован хитростным и лепотным художеством; стоит же посреди церкви верху гроба святителя Христова Николая. Подножие церкви тоя вельми гладкими и чистыми дсками мраморными устланно есть; верх же ея весь лампадами серебряными украшен многочисленными; от них же суть вящше яко пятьдесят; тамо мы слыхахом литургии римским наречием и обыкновением отправляемая, и по обычаю путешескому помолъшеся по силе своей, лобызахом гроб святителя, понеже мощей не отверзаху в то время, неимут бо римляне сего обыкновения, кроме великой потребности; престол же оный великий есть, загражден с преди в подобие вертограда балясами, от мрамора искусне сеченными; на той убо ограде ошуюю стоит в потире, или чаше серебряной манна от мощей святого Николая, истекающая яко вода, и часто к ней приходя един от священник помазует на челе крестообразно тех людей, которые по выслушании мши хотят отходити; тамо и мы приходихом многократне и мазахомся манною оною, недалече же того потира на другой стране в стене в малом ковчежце за решеткою железною есть отделенная часть сухая мощей святителя Христова Николая, идеже людие приходят и касаются перстами, досязающе чрез решетку и лобызающе персты своя, чесому и аз участником быти сподобихся; егда же излезохом оттуда вон в церковь великую, которая на верьху стоит, видехом и строение ея лепо и честно зданно, три врата великие входные имущие со столпами каменными и подножием каменным пространно в долготу, высоту и широту расположенное; медлящим убо нам в Баре граде чрез три дни на вечеру и нощевание ходяще к вышеописанной гостиннице; в день же потребная себе предуготовляюще; бывахом же на всяк день на правиле церковном в храме святого Николая, и о многих вещах вопрошаючи ово от свя-

щенник, ово от людей увестихомся, яко суть тамо близ церкви торговья лавки четыре продающия сосуды стеклянные различного вида и образа, имущие на себе икону Святителя Христова Николая изображенную; суть же неции зело малые, неции зело хитростне и лепотне созданные; сосуде же оные продаются праздно, ради взятия манны святаго Николая от мощей его проистекающей, которая от церкви его раздается всем требующим; неции же сосуды, иже суть зело малы, наполненны и запечатанны крепко, продаются с манною; от них же и аз купих неколико сосудцов наполненных, и два праздных, и идох и наполних их в церкви, и спутник мой Иустин такожде; сосуды же оные строятся коштом церковным, и собранные за них деньги на управление церкви и снабдение гостинницы путнической употребляются. Мира, или манны тамо дается довольно, елико кто хошет, токмо сосуды да будут купленны из лавок церковных; на них же есть изображение святаго Николая, кроме бо тех в инные отнюдь не дают; суть тамо священницы, имянуемые стражие гроба святаго Николая постановленные, иже суть в отменной чести, сии блюдут опасно себе, людей и гроб святителя Христова Николая и сохранно ходят около святынь церковных, такожде раздают требующим оную воду, юже они токмо имянуют: «Sancta manna», то есть «Святая манна», и прочая потребная церкви творят.

В Баре граде случися мне пойти вкупе с другом моим Иустином до единого францисканскаго, си есть монастыря, ради прошения снеди, идеже един от братий тех имея любовь Божию и ближняго в сердце своем, изнесе нам неколико окружцов хлеба бела и чиста от трапезы оставшихся с иною яствою, и вина мало; таже по снедении того введе нас внутрь монастыря в единый угол темный, обещася нам еще нечто принести в снеть, и иде повелевая ожидати его; таже принесе полн обрусец винограда сладкаго сухаго; и давши его нам в руке, абие сам вержеся долу, хотя мои облобызати нозе; мне же недопускающу его, заклят мя именем Божиим да не возбраню ему, и оставих его по воле сотворити; и той нагия мои облобызаша нозе и даде мне сандалия, такожде и друга моего Иустина: но той бяше здрав и

обувен в сандалия, сего ради верху сандалий лобыза его, и отпусти нас с миром. Мы же праведно почитающе толь великую любовь и смирение инока того, удивляхомся зело, понеже еще первое случися видети толь великую добродетель в римлянах, еже в незабвенную память написахом в путницех своих.

Разсмотрехом убо красоту града, который величеством и красотою есть якоже и град мимошедший Барлет; стоит на веселом поле далече от гор, яко едва зрятся от тамо, на месте ровном песчаном, чистом, на самом брезе моря, яко от единыя страны ограду его омочает волна морская; строением церквей, монастырей и домов есть лепотен, народа в себе живущего имеет много, такожде и от приходящих на поклонение по морю и по суху есть множество; тамо поставлен есть архиерейский престол, и архиепископ тамо живущий начальствует, иже имать в ведомстве своем 8 епископов; в самом городе Баре находится 8 мужеских и 4 девичьих монастырей. Бар град оградою каменною огражден есть лепо со враты от камене сеченнаго зданными; окрест града суть много садов мигдальных, и инное овощие имущих; виноградов же и маслин велие изобилие; тамо пашен мало; от пристанища же морского живет всяких вещей, понеже множество чужестранных и окрестных людей с корабли тамо приплывают и куплю деют.

Предуготовавшим же нам вся тамо в Баре граде, и уже хотящим изыти, зело жалехом, яко не видехом целых мощей святителя Христова Николая, и како от них истекает манна, никому бо отверзают гроба; мы же просихом зело прилежно всех оных стражей гробу Святителя Христова глаголяще: яко мы от толь далечейших стран не возленихомся приити, единого ради того, да видим и лобызаем мощи угодника Божия; ныне же тщи отходим в желании, како убо и что проповемы инным не видевшим не увидевши сами, и прочая? Умилосердився же прошению нашему, повелеша замедлити нам к вечеру и ускорити в церковь пред вечернею прежде даже не снитися людем, отай хотяще нам отверзсти гроб Святаго, да не будет зазор в людех, понеже не имут обыкновения николи же показывати; мы же сотворихом, якоже нам повеленно бысть; и егда приидохом

пред вечернюю в церковь, поведе нас еkkлезиарх в скарбницу церковную, идеже разные святости содержатся; показав же нам мощи святых подробну, их же множества ради вспомнити не могу; последи же поведе нас в оную вышеписанную церковь, яже есть под спудом верхняя церкви, к великому олтарю от сребра кованному, и отверзи с преди малыя дверцы, яко точною человеку можно вползти чревом; вползе же первее до пояса тамо сам он ключехранитель, и зажже мал светильник, да зримо будет; влезох же аз по нем и мнех раку отверсту быти, якоже в наших странах повсюду, святых рака отворяется, и подобна есть ковчегу, или просто рекши сундуку; тамо же не тако, рака бо мощей Святаго никакоже отверзается, понеже от мрамора изсечена толсто и широко, аки некий сосуд или ковчег и глубоко в землю, яко на пять пядей, ровно с подножием престола поставленна недвижима, и дскою великою, такожде от мрамора изсеченною, привалена крепко; дверь же не отверзают никогда же, сеже мню того ради, яко мощи не суть, но или украденны от них, или инуду сокровенны, или раздробленны на малыя частицы, и розданны вместо святых римских; и не мощно народу являти я; сквозь же оной дски мраморной сверху ест оконце просеченное круглое и не великое, яко может ефимок или рубль покрыти его; бысть же над оным оконцем на цепочке железной, внутрь зажженная свеща и завешенна глубоко, яко до половину раки, и влезши аз тамо внутрь положих едино око над оною скважиною, и видех раку оную мраморну глубочае локтя в земли, аки кладезь до половины воды, или манны имущую, яже аки наичистейшая вода светла есть, и сквозь ю под спудом зрятся, аки бы кости белыя, от них же оная вода исходит непрестанно; тело же несть, но все расплыся глаголют в миро, и кости не мощно познати от какового члена суть, понеже не на своем месте лежат, и не мнятся быти истинныя кости, но от тогожде мрамора хитростне изсеченны, якоже уразумехом с Иустином. Егда же излезох аз оттуда, влез же по мне друг мой и спутник Иустин. Вопросы же оный священник, иже отверзи гроб святаго: еда ли видех добре? Отвещах, яко видех, токмо не могу уразумети, како тамо, (якоже прежде от многих слышах

и чтох) от колена деснаго истекает миро святое. Он же рече ми, яко не возможно есть познати, кая кость от колена, и кии инныя, все бо не на своем месте лежат, но смешенны пренесения ради; от колена же деснаго точию начат миро точитися, ныне же равно от всех костей исходит. Егда же излезе друг мой Иустин, паки аз смотрех вторицею, и уразумех лучше. Таже последи вопросихом стража гробу онаго, аще убо гроб никогда не отверзается, то како почерпают миро? Ответвова, яко сквозь оное малое оконце тянут хитростно устроенным орудием. Тогда мы за вся, яже видехом и слышахом, Богу благодарение сотверше и Его угоднику святому Николаю, изыдохом от Бара града тогожде дня, 31 июля, в среду пред захождением солнца.

Идохом паки воспать, тем же путем 30 миль, даже до предреченнаго града Барлета; шествовахом же с укусением двоих ради вин: 1) яко начах немоществовати лихорадкою, которая мне сотворися от многого пития воднаго, жажду сушу, 2) замедлихом на пути вопрошающе по градах и стогнах о изгибших моих патентах, их же аз погубих прежде еще идучи до Бару, обаче не обретохом их тогда, скорбех же аз до зела, и отнюдь не хотя шествовати к Риму от предел тех, донележе бо не мог обрести; чего ради от начальника града именуемаго Тран, отстоящаго за шесть миль от града Барлета, взях лист писанный до градоначальника Барлетскаго, ходатайствующий за мя, дабы повелел запросити и изыскати по граду от своих и от приходящих людей о погубленных моих патентах; приидохом же паки ко граду рекомому Барлету, августа 1, в день четвертка, на память святых мученик Маккавеев, и идох к начальнику града того с предреченным письмом; бысть же тогда час обеда, и рече мне, яко да прииду в вечеру, писание же взят к себе; друг же мой Иустин Линницкий, молвяше и скорбяше на мя, не хотя мя ожидати, глаголюще, яко всеу и время погубляю, и труд подъемлю, патентов же никакоже обрести возмогу; уже бо рече, изгибшее погибе, и к тому возвратитися не может, понеже и сам не веси, где погубил еси, к тому же не веси языка, и не можете вопрошати о сем, и что прочее трудитися, аще и патенты погубил еси, то имаши свидетельство от града сего, в нем пишет, да везде дан

будет пропуск, вероятие и угощение, яко ни в чем жаднаго подзору не имущему; сицева лестна ми он советоваше, да оставлю прочее скорбети и труждатися о патентах; но не послушах его, понеже помыслих в себе, яко pereгрин без патентов не что ино есть, токмо человек без рук, воин без оружия, птица без крыл, древо без листвия, кто бо ему может веру яти, яко в тех и в тех странах путешествоваше, или тамо и овамо бываше, кроме же сих вин всякому путнику сладко есть воспоманути путешествие свое, и видети свидетельства потоваго труда своего, с подписанием великих лиц духовных и мирских: словом реку, яко путешественные pereгрину патенты чрез все житие его единым утешением суть: сего ради положивши надежду на Всемогущаго Бога, умыслих попечение иметь о своих патентах дотоле, донележе бы их могл обрести; спутник же мой Иустин Линницкий, не хотяще мя ожидать, аще и много молих его, но остави мя и пойде преди к Риму, обещаая итти на пути со укоснением, да послежде удобее его постигнути возмогу, и тамо оставив мя самого скорбна и болезненна, отъиде.

Вечеру же приспевшу пойдох аз к предписанному градоначальнику и молих его, да что ответствует на вышеписанную хартию. Он же христанское свое на мне показавши милосердие, и сожалевшися о падеже моем неблагополучном, посла абие единаго человека со мной на площадь, си есть на базар, да возгласит яве пред всем народом, и прилежно вопросит о погубленных моих патентах; сотвори же человек оный повеленное, и едва начат вопрошати во град велегласно, абие обретесе человек он, иже обрете патенты мои на пути, не имеяше же с собою, но остави их в дому, идеже пребываше, иже отстояше за 10 миль от Барлета, вспять к Бару, понеже человек он бяше от инаго града, и прехождаше тамо куплю десяти, обещаая мнеи их на утрие привезти, егда возвратится в дом, обаче сведе мя на долзе; всегда бо от утра до утра отлагая, удержа мя тамо чрез пять дней, еже пять дней мняхуся быше долга, яко пять недель, се же сих ради вин; первое зело скорбех, яко чрез оные дни спутник мой Иустин далече отъиде, и не чаях его отнюдь постигнути; второе, яко не имеях с собою сребра и гладом изну-

ряхся, не имея на что хлеба купити, того ради некия вещи тамо продах пищи ради: аще бо и вещи оныя зело мне нужны бяху, обаче пища тогда нужнейша бяше; еше бо во всей Италии и в инных странах нигде не случися видети толь драго продаемаго хлеба, яко тамо и сице черного; пекут же хлебы не велики, яко в полфунта или вящше тяжестны, и продают их по четыре баюки един, полтретя же баюка неаполитанскаго и римскаго ценит шесть копеек русских, отсюду всяк рассуди и сложи цену; егда же кто онаго хлеба или не может, или не хошет два или един купити, но или полшара и полхлеба токмо, тогда хлебопродавцы пререзуют на полы и полагают на мериле, единую одесную, а другую ошуюю, и егда премогает тяжестию едина другую, тогда оной мало отрезают и прилагают ко второй; егда же сравнятся обе части, яко мерило ниже семо ни овамо двигнутися не может; тогда купуй, каковую хошет берет половину, не лишит же ни малейшей крупичи от своая части у хлебопродавца остатися, но изметши до последней отходит, не вем же для недорода ли хлеба тогда бысть сие или всегда тако есть? Аще бо и во всей Калаврии, по над морем наченши от Лорету, даже до Бару, чернейший и дражайший хлеб продается, но нигде же дражае, яко в оном граде, прочия же вещи по цене мерной продаются; мясо, рыба, вино, овощие, огадины, наипаче же елей зело малоценен, понеже изобильно его тамо родится, и мигдальных плодов такожде, се ми бысть велия нужда, яко убог бех, и не имех за что хлеба купити в чуждой и гладной стране, испросити же отнюдь не возмогах, понеже един день от утра до вечера хождах тамо по граду, и едва с нуждою испросих толь хлеба мало от всех людей, яко ниже снедох до сытости, кроме же хлеба, аще даяхо что инно от варения, то не можях ясти ни мясна, ни сырна ничто же, понеже пост тогда Богородичен бяше, и должен бых его сохранятьи. Третье, яко немоществовах лихорадкою, и не бяше тамо странноприемницы переринской доброй с постельми, якоже в прочих градах; но есть тамо едина пуста с нагими одрами, тако аз чрез оныя пять дней лежа и стражда лихорадкою лютою, иже мя ово хладом, ово же огнем мучаше.

В Барлете есть епископ, иже именуется Назарейский и Канский. Он един из католицких епископов носит крест и мантию.

Тогда Бог весть, каковую аз тамо нужду претерпех от алчбы, нужды и болезни, немогуши, ниже испросити слабости ради, ниже имущи за что купити пищи себе, ниже помогающаго, ниже служащаго мне, ниже призирающаго на мя, кроме единаго вседержителя Бога; тогда зело болезновах сердцем, и от несноснаго мучения скорбях до зела на сопутника Иустина, понеже остави мя в таковой нужде, и в сицевом неблагополучии, еже бы и неверный не сотворил, аще бу вкупе друголюбно с христианином шествовал; что бо может лютейшее быти, имуще брата и друга своего искренняго, единыя веры, и единыя страны с ним сущаго, и чрез многое время вкупе на единой трапезе с собою хлеб ядущаго, и в далекие чужие страны спутешествующаго, во время скорби в чуждом краю с ним разлучитися, и кий вид безчеловечия свирепейший изобрестися может, яко его болезненна и от расслабления телесе валяющаяся на пути или во граде, в народех, их же языка не знает, без одра и постели на твердыне лежащаго, и не имущаго ни от кого капли воды прохладения ради испросити, оставит, отбежит и всеконечному небрежению его предавши отъидет?

Се тако искренний друг мой и спутник сотвори! Се познася братняя любовь, се явися христианское помилование! Где оный непременно искренняго глагол? Где оное шляхетное товарища слово? Где оная твердая клятва, еже друг друга не оставити, аще бы и в падеже смертном? Се глагол пременяся, слово запряся, клятва же разрушися и потребися; тогда аз возвергох на Господа печаль свою, и помянух пророческия словеса: «Яко и ближнии мои отдалече сташа», и егда пренемогаша дух мой от обдержания мя болезни и скорби, помянух Бога и возвеселихся, и тогда на мне собышася Давыдовы глаголы: «Скорбь и болезнь обретох и имя Господне призвах». Глаголю же яко нигде тамо друголюбие искренное познатися не может, яко в путешествии, аще бо тогда кто брата своего не призрит, то николиже и явих бы ти, читателю благий, широчаю нужду свою; но понеже недуга ради своего, не тогда писах, когда что

сотворися, но последи, сего ради кратце изъявивши, прочее оставляю.

Тогда человек оный, иже обрете мои патенты от утра до утра удерживаше мя ожидать, донележе привезет их и сведе мя даже до пяти дней, лентяя отходить в дом; аз же недуга ради своего неможах часто о сем стужати ему, и тако едва по шести днех замедления моего тамо, чрез иных людей приисканные патенты получивши августа 6 числа, изыдох оттуду во вторник рано, сам одинаго Бога руководителя имея в сем пути, не имех же от человек с собою никакого другого спутника.

Пойдох же оттуда путем новым чрез Неаполь, ко граду Риму, на страну западную, идеже шествовах три дни и три ночи путем добрым, овогда равниною, овогда же зело малыми горами, токмо горящим краем и полем, ни мало древ ни трав не имущих; идох же аз тогда с великою нуждою на всяк день, стражда лихорадкою, и множицею валяся при пути на поле пустом и на зное солнечном, стражда, трясяся и паляся, не имея ни капли воды омочити язык свой, ово же при аустериях, си есть при кормчах дорожных лежай, и не имея за что купити пищи или пития, едва с нуждою одинаго хлеба испросити мог; понеже не зная их наречия, и к тому не смеяху ко мне ближиться, да не прейдет болезнь на них, видеху бо мя неимуща своего друга, и различно о мне помышляху, понеже тамо без дружбы не приходят путницы, разве аще кто от близкой страны есть; тогда аз чрез три дни прелезши с нуждою от Барлета, приидох к граду именуемому Троя.

Град Троя имеет титул графства, содержит в себе епископа, 5 мужеских и 1 девичей монастырь, и 6 приходских церквей, из коих 1 соборная, стоит на положении веселом и красном на месте высоком, при горах великих; весь от камня здан, и оградою такожде каменною огражден единою, стоит при воде здоровой, имать всякое довольство, и хлеб дешевший, нежели в предних градах; есть же тамо больница нищих и странных ради сотворенна, и видевше мя люди недужна суща, советоваху мне, да иду тамо и исцелюся, есть бо рекоша тамо приставленный

врач, иже дозирует больных, и дается пища и питье Христа ради, больница она именуется Iuanna de Dio, т.е. Иоанна Божия; послушавше же аз совета их; пойдох тамо, и прияша мя без отречения, обнажиша же мя от риз моих, и давше ми бел и чист хитон и одр мягк уготован, повелеша мне лежати.

Прихождаше тамо врач на всяк день два раза, рано и вечер озирати больных; прихождаше же и ко мне и разглагольствоваше со мною наречием латинским, и осызая жилы мои ручные рано и вечер, обещаюся мя сотворити здрава, и еже хотяше, то повелеваше тамо служащим, что давати ясти и что пити и какову меру; пища же даяшеся два раза на день, но зело мала, овогда бо едино варено яйцо, овогда же нечто от варения и едина чашица студеной воды. Тамо аз в мале не исчезох от малоястия, наипаче же жажды ради, понеже, кроме единой чаши при обеде, и второй при ужине ни в дни, ни в нощи, ниже капли воды не даяху, повелением врача. Тамо аз лежах три дни, мя уврачеван быти, но видевши мя цельбы не получивша, но паче ослабевша, к тому же и время погубивша, не хотех более тамо лежати, но молих их, да мя отпустят; они же удерживаху мя, советующе еще некие дни замедлити, да оздравивый отъиду, несть бо, рекоша, у нас обычая, еже приявши больного в гостинницу, отпустить его неисцеленна: сего бо ради и создана, да убогим болящим поможем Христа ради; аз же благодарствовах им за странноприятие, и сидевое благодеяние, больше же у них промедлити не хотел, чух бо мя паче ослабевша, нежели прежде бех, се же оскудной ради пищи и пития, и молих да мя отпустят; они же насилувати мя не хотяще, отдадоша ризы моя воспать, и отпустиша мя с миром.

Изъидох убо оттуда августа 11 числа в воскресенье по полудни, не могох абие шествовати от залежания онаго, раслаблен бо был всем телом: сего ради замедлих тамо во граде проходящеся по малу, даже до вечера; нощи же надшедшей изыдох вне града и спях на поле, не возмогох бо тогда шествовати залежания ради, таже отпочивши на ветре чрез ночь, и укрепяся несколько, предприях путь свой.

За утра в понедельник, августа 12 числа, едва не с плачем

начах итти чрез горы высокия и великия, от всех стран далече обстояющия, помышляя свою немощь и бездружие, и представляя себе пред очи долгий и тяжестный путь, и не скорое возвращени к дому воспать; молих же всемогущаго Владыку и Бога, да мя свободит от болезни и дарует скорое возвращение: Бог же человеколюбив сый и милостив, сотвори мя от того часа здрава от лихорадки, и уже более на ню не болезновах, но не возмогах скоро шествовати, ово горняго ради пути и прехождения, ово горячести ради, наипаче же немощи дея, яко не возмогах к первому привратитися здравию чрез неколико дней; все бо, еже едя и пих, не бысть мне в сладость, к тому же мало уходях миль за день, расслаблен сый по болезни, едина точию вещь тогда малу ми крепость подаде. Егда об изыдох от града Трои, и шествовах полдня, обретох при пути едину корчемницу, при ней же источник стояще зело прекрасную и преизбранную имущу воду; хладная бо аки лед, чистая же аки хрусталь, к тому же здравая и сладка при употреблении сице, яко аще кто и много ея пиет, не вредит ничто же: сицеж глаголаху тамошнии жители, яко вода оная многим есть, знаменитая и пресловутая, и во всей Италии первейшая есть, чесому веру ях, понеже нигде же не обретах сице сладкой и здоровой воды, стоит же на горе высоко и точится горе сквозь столб бел мраморный, идеже аз препочих неколико часов, и пих оную воду в сладость и укрепихся мало от нея: сице же оная вода есть хладна, яко человек единым дхновением пить ея не может, понеже зубы терпети в не силах; тогда яко же рех наченши от града Трои идох все горами, обаче не тако жестокими, яко в инных странах, но от части веселыми, понеже частию камень, частию же землю добру имут, инде же и дрevesа лесные малые проявляются, и аз под сению их множицею витах; винограды же и сады зело красные, наипаче же приходящу ми к великому граду Неаполю, на всяк бо день, им же приближахся к Неаполю, тем краснейшим и равнейшим шестовах путем, аще бо и между горами бысть путь, но равен и широк и людей много проходящих видех. Винограды тамо великие продят, их же лоза, аки некое древо толсто и высоко; насаждают же дрevesа лесные при всякой лозе,

и тако лозия плетушися при оных древесях, распростираются высоко и широко, прицепляющеся от древа на древо, яко лепо на них смотрети и под сению их витати. Винограды оные именуются дикие, того ради, яко мало их дозирают и очищают, и ягоды их к ястию неприятны; вино же изрядное бывает, суть же винных лоз различных цветов множество разждающих ягоды различного образа и вкусу, иные бо суть черныя, инныя белыя, инныя червленныя, инныя желтыя, инныя долгиа именуемая изюм, инныя же круглыя, иные мелкия аки горох, инныя же великия, аки сливы, неции мягки и полны соку, прочия же тверды, но сладки зело, другия же кислы и всяко различны суть, такожде и оградины разныя обретаются, наипаче же арбузы и дыни толь великия роятся, яко человек купивши на торжище един арбуз едва в дом свой занести может, прочии же убогии сложившися пять или шесть человек вкупе, един арбуз или едину дыню купуют на снадение, толь же сладкия и вкусныя суть, яко сладчайшия быти не могут, к тому же не весьма драго продаются; ягоды же от винограда лозныя зело малоценны, равно фиги или винныя ягоды, яблоки, груши, орехи, волоские или грецкие, мигдальныя и простые орехи, каштаны и прочая, от них же всех тамо древесы растут, наипаче же орехов волоских или грецких и простых, каштанов и фиг между садами же и лесами, идеже грады, веси и гостинницы общия стоят, велие изобилие. Идуще между ими приятно и нечувствительно прихождах ко граду или веси, и во истинну прекрасная страна и от иных различествующая, тако в строении градов, весей, палат, гостинниц, виноградов, оградин и источников водных, якоже и в прочих инных вещах.

Идох же тамо людьми от прежних милостивейшими, идеже всегда пищу обретах не купуемую, наипаче же хлеб и овощие даяху, варений же нигде не дают, не токмо тамо, но и во всей Италии, разве когда случаем бывает, но аще кто хощет от путников варение ясти, купует, всюду бо обрящет и в градах и на пути, понеже странноприемницы устроенныя всюду тамо при пути суть, их же именуют тамо аустерии, или трактиры, просто же корчмы, идеже разныя варения и вина продаются для всех,

богатых же в убогих обще приходящих. Тамо егда шествовах, видех в оных аустериях много народа ядуща, пиюща и веселящася, упивающегося же нигде ни единого; шествовах же от Трои к Неаполю 20 миль; приближающидеся к предградью великаго Неаполя, видех ограды зело чинно и лепо строенныя, в них же хитростне вращением кола посредством мулов или лошаков разливается вода, где тебе.

Входящу ми в предградие Неаполя, видех три источника водныя зело искусным сечением от мрамора бела созданные, един от единого недале отстоящие различныя лица в себе имущия изображенна; первый источник стоит при пути в стене каменной, дсками мраморными гладце устроенный, имущ на себе подпись, чиим попечением и пенязьми, и когда устроися. Второй и третий посреди пути стоят, но не вкупе, един по другому приходящи к граду, и тые суть искуснейшаго здания, понеже в гору воду испущают на четыре страны имея разныя изображения. Тамо предградием идущи вся лепота Неаполя зрится аки на длани и вся расположение и строение церквей и палат, понеже стоит под горами и между горами великими на равном и веселом месте; предградие же красное есть, имущее все дома каменные великие и высокие, искуснаго строения; прешеду же ми оное приближихся к ограде каменной высокой, яже объиде окрест града, и 9 миль в окружности своей имат, и се врата высокие и широкие от мрамора резаннаго лепо и крепко устроенные с столпы толстыми гладце сеченными.

Бысть же тогда августа 14 число в среду, егда преспех аз к Неаполю, и бысть вечер уже по захождении солнца, егда внидох во врата градския, тогда вшедши внутрь, узрех мимо ходящих многое множество народа от благородных и знаменитых мужей и жен ездящих по граду позлащенными и гордыми колесницами; других же проходящихся семо и овамо; прочих же различныя вещи продающих и толь многое множество народа, яко едва разминутися мог; не озираха же тогда более ничто, бе бо уже час вечера темна, и ускорях зело к гостиннице далече отстоящей, едва не на другой стране града, к тому еще прежде слышах, яко честно тамо принимают перегринов; идох же спеш-

но яко час един, предводяще мя едину мужу, таже достигох яко в первом часу ноши к госпиталю, то есть к гостиннице Святыя Троицы; идеже уже кончился вечерний стол и отведоша путников в ложницы их.

Пришедшу же мне тамо, удивишася укосненному и необычному моему пришествию; обретох же аз тамо от благородных и богатых мужей и жен неколико лиц, ради посещения и услужности странных пришедших, тыи мя прияху с любовью и посаждаху мя в самой гостиннице на седалищи честном, сами предстояще ми; аз же не терпех сидети пред толь великими лицами, они же нуждою и насилием сотворивши мя сидеши, сами предстояще, повелевающе мне ожидати, донельже принесут трапезу, призирахуся же мне в лице, потом омоченное, и покивающе главами, соболезноваху труду моему; вопрошаху же мя, но не вем о чесом, не знаях бо их наречия; последи же чрез толмача латинским языком ответствовах им на некие вопросы; приде же тогда тамо священник начальствуяй и управляяй peregrинския дела, той разглагольствова со мною латинским диалектом, и вопросы мя, откуда есмь и камо иду? И повеле мне показати свои патенты; аз же открых ему все яже имех, наченши от страны Польской даже до зде, и удивляшеся толику множеству, и прочет точию един, или два и всем веру ят, и подписа свой знак и сокрых я. Таже представиша ми трапезу аще и в кратце, но честну; бяше же едина снедь варена, вторая печена, и третия овощие лозное, и сосуд доволен вина, та вся донележе потребих, служажу мне предстояще оные предреченные благородные мужие же и жены, ово порезующе яству, ово же наливающе вино в чашу и подающе ми в руце, таже по ужине един приставник тамошний поведе мя горе по степенем в инныя палаты к прочим peregrинам, идеже даде ми ложе посланное чисто, и отъиде заключивши двери; аз же спях тогда без памяти утружден сый до зела. За утра же воставши ходих по церквам и по граду разсмотрения ради; в вечер же паки к тойже гостиннице приидох вкупе с прочими peregrинами, и паки озираше священник от всех патентов, и знак коемуждо даяше; чин же таков бысть и всегда есть: по озирании патентов все путницы идут в

церковь, яже тамо внутрь двора есть, и творят установленную свою мольбу, таже тем часом исчислят колико суть лиц, и по толику представляют трапезу; по окончании же оной мольбы; всему сущу готову, седают по обою страну трапезы, где кто изволит, или на первоначальном месте, или по среде, или на конце, сеже того ради, яко яства едина и единака часть всем, разве еще кто будет духовная особа, тогда тех особне принимают. Седшим же при трапезе встают вдруг все, и благословит священник яству в кратце, таже паки возлегают и ядят кийждо пред собою, три же яди обыкоша давати или мясное или постное, якоже требует время, егда бо в мясопустии, подают варение от зерна, мясо вареное и мясо печеное и плоды гроздные, егда же в пяток и в субботу, или в ин пост, тогда варение от зерна или огадины с елеем, таже два яйца на всякаго, и часть сыра прекраснаго пармазанскаго, и от лозных плодов, аще в лете; аще же в зиме, то от инных; аще же великий пост, то вся с елеем дают, всегда же покал вина изобилен; и вода в другом меньшом сосуде и чаша пред всяким; идущим же перепринам предстоят много от духовных особ и от мирских знаменитых и благородных мужей, иже якоже слышах, добровольне смиряюще себе в память Христову, приходят тамо на всяк вечер и служат, понеже всегда странные едины по других обретаются, или от Рима к Бару шествующие, или от Бару к Риму; служат же, якоже предрекох, особо, ово разрезающе яди, ово вино вливающе в чашу и подающе в руце, ово собирающе праздные сосуды; от вечери же воставши паки идут в церковь и молитву дают, таже ведут их в ложницы и дают всякому одинакий одр бел и чист, услан мягкою постелею, и заключают их внутрь; за утра же рано испущают, да идет всяк и творит потребу свою. Тогда аз во втором пренощевании паки ходих с прочими перепринами по граде, и видех строение прекрасных палат, и благородных мужей приветствия и беседы слышах и здания удивительныя различных ремесленников и премудрых мастеров, и инныя различныя вещи, о них же последи яснее скажу, паки третьего вечера с инными путниками идох в туюже гостинницу и единаче прият бых со всяким удовлетворением. Всех гостин-

ниц в Неаполе считается 11. Сиротских домов 3. Училищных домов 10. Церквей соборных 43. Приходских 70. Часовен 130, якоже слышах тамо.

Гостинницу оную тамо имяную по их наречию госпиталь Пресвятыя Троицы, понеже храм Троицы имать в себе, отстоит от торжища далече, строена на четыре страны аки некий монастырь, палаты окрест имать, келии строены высоко едины на других; посреде же и подворие или площадь пространная камением насаденная, врата имать велие, едины токмо, ими же входят и исходят, и студенец от камня зданный пития ради, здраву воду содержащ, ошуюю входа вратнаго есть аптека, в ней же врач живет со всякими цельбами, яко да аще кому случится впасти в болезнь, абие врачуют его без всякой мзды; в ложницах же чинно одры устроенные по обою страну, един по другому стоящие, скованные от железа и медию желтою упешренные: верху же постели мягки и белы с одеялами и лепотными и теплыми, светильник же чрез всю ночь горит для всякой потребы, таможе низу есть дом, идеже яства варят странных ради путешественников; о лепоте же великаго града Неаполя по достоянию изрещи не могу, понеже малы тамо пребывах дни, и не могах внутренния его испытати красоты, не знах бо языка их, к тому же ускорях к Риму, хотя вышеписаннаго сопутника своего Иустина или постигнути, или обрести в Риме, не токмо же внутрь, но и вне его не разсмотрех совершенно, понеже величества ради его не могах весь преходити и призрети, но еже в мале великую его видех лепоту внешнюю, сего ради в кратце изъявляю той град Неаполь, не токмо всей Италии, Греции же, Франции и Гишпании, но и во всех иных странах есть славен величеством, ветхостию и местом, крепостью, строением, богатством, многолюдствием, пристанищем морским и куплями; величество его большое в долготу нежели в широту, распрострися же яко на 20 миль и тесно дома построены суть; сидит над морем на месте равном и веселом между великими горами каменными, леса на себе не имущими и между садами по долинам растущими и различное овозие имущими, такоже стоит при водах здравых от спудов горних и быстротекущих, весь камен-

ною стеною огражден, наипаче же фортецу зело крепко иметь, которая на высокой горе вне града создана и наполнена множеством пушек, праха, ядер и всякой инной военной потребности; утверждена же стражею и наполненна воинством блюдется опасно.

На добром во истинну и прекрасном месте положение свое иметь, яко и смотрети на ню лепо есть и к защищению всего града удобопомощна; часто же тамо оглашают из пушек, или приход кораблей, или инныя новости. Что же реку о лепотном строении его, которое увеселяет сердце и очи видящих, аще кто узрит церкви, иже суть прекраснаго иждивения, чиннаго расположения, совершенной меры в высоте, долготе и широте лепотнаго строения, от вне покровенны белым железом; внутрь же великими резаными дсками мраморными, иныя белыми, иныя черными, иныя червленными, иныя пестрыми, и другими различновидными цветами имут своя подножия постланны, сие же прекрасно сравнены суть таблицы каменные, будто оледеневшая вода, яко едва не поползнется всяк ходяй; что же еще реку о многочисленных и коштовных оных престолах служебных одесную и ошуюю во всякой церкви чинно стоящих; от них вси яко един от различных мраморов и драгоценных порфиоров, изумрудов, агатов, и инных безчисленных камней, их же по имени наректи не вем, суть созданные хитростным сечением, с столпами же и иными фигурами искусным художеством живо изображенными весьма прекрасно; несть же ни единого храма, иже бы был не лепаго или не искуснаго строения, но вси от перваго до последняго един другому в деле подобятся, не имут тамо незнающих художников, но все искусные и знающие добре свое дело, принадлежащее до строения и до благолепнаго облечения храмов, равно как и снабдения в сокровищах церковных, сие есть во злате, серебре, в сосудах священных, в стихарях, ризах и в прочих одеждах драгоценных, их же во всяком храме довольно обретается, взирая на монастыри иноческия обою полу, их тамо 149 суть, от них же в каков либо буди видет человек, наипаче же странный, узрит его внешность соответственную внутренности. Суть же инные внутрь града, инные вне;

строение же их бывает на четыре страны, идеже келии высоко в верх едины на других стоят даже до пяти или шести степеней; внутрь имут все монастыри подножие гладце каменем постланное, и в коемждо монастыре кладязь, или два зело прекраснаго здания, и церковь такожде искуснаго художества.

Поступим ныне к строению палат и расположению улиц: улицы расположены и размеренны зело чинно и лепо; едины бо суть начальныя улицы, иже чрез весь град протяженны, сии суть широкия довольно, яко тремя колесницами разминутися; вторыя средня, иже суть по странам тех великих, идеже две колесницы разминутися могут; третие же побочныя при вторых, и четвертыя еще узкия, внутрь тех же, пешеходящих ради, кояжде улица согласует своей паре, си есть колико улица великая от инныя стран имать к себе поперечных улиц, толико и от другия, такожде и средня и меншия, все же великими каменями черными умощенны толь гладце, яко ток или гумно; сице же чисто по улицах, яко нигде сметия не узриши: ибо суть приставленны чедовецы от граждан, иже на всяк день ходят по всем граде имущи кийждо в руке правой метлу, кошницу на плечах и лопату в левой руке; и идеже что обрящет на улице, изметает на лопату и вергает в кошницу, и наполнивши, износит вне града; другии же суть, иже ослом вывозят, сего ради всегда чисты суть, еще яко на инных ниже прах обретається; строение же палат и общих домов толь лепо есть, яко зрящаго услаждает зеницы, и удивляет ум изящной ради своей архитектуры, понеже знатныи суть все подобным образом едина при других толь нераздельно, яко стена от улицы разумеется быти от единыя палаты, точию по дверех разнствие познавается, сице же высоки, яко неции до пяти степеней, неции же до шести едины верьху других стоят, едины от других неотдельны даже до поперечной улицы; все же суть от камня на четыре угла тесаннаго созданныя, токмо различне, инныя бо от белаго мрамора, инныя же от чернаго, инныя же от червленнаго, инныя же камень чернаго, камень белаго, камень червленнаго, имущия, и овия шахматы полныя; другия же гладкия; прочия же ветви и инныя на себе фигуры изображенныя имут и все суть единой

меры великия, к тому же огражденные решетками железными, при коемждо дому на улице суть ганки, или балконы от железных залом устроенныя и на подножии мраморном, при той же стене утвержденныхя.

Тамо на позлащенных или шелковых креслах прохлаждения ради и созираня низу на людей зрятыя сидящие господие обоего пола, и таковыя палаты суть главнейшия; в них же богатые люди обитают на начальных и широких улицах; на средних же и узких аще не суть тако великолепные дома, обаче подобны строением и такожде от гладкаго тесаннаго или резаннаго камня лепо зданные, и высокия такожде, яко не обретаеся тамо внутрь града ни малейшая хижина дела неискуснаго, над все же палаты краснейший есть королевский двор, тако он вне, яко и от внутрь. От вне имать крыльцы великия и долгиа чрез весь двор с многими каменными столпами; стоит же на самом брезе при мори, яко и вода касаетя основания его; не далече же врат начальных стоит источник воды ниемой, идеже течет вода быстрою струею от каменнаго болвана или фигуры, которая аки жива быти зрится искуснаго ради художества; не воспоминаю же оных дворов господских и сенаторских, в них же студеницы и фонтаны здраву воды точащие, лепотнаго здания суть, обаче разумей слышай о сем, яко тамо дворов мало суть таковых, в них внутрь праздное место обреталось, якоже в странах Российских, кроме точию знаменитых персон; прочии все палаты и посполитые дома толь тесно стоят, яко отнюдь ни мало пражда места между собой не имут, яко мнятыя вся единым зданием быти; идущи же по между улицами, ничто же больше не зрится точию горе небо, ибо обоюду высокая здания; кроме же того всего многую умножают лепоту строения каменных домов под всякою палатою и домом при стене на улице высоко прикованные фонари хрустальные; в них же всяк пред своим домом зажигает свещу с вечера, и горят даже до четвертаго часа нощи, и сице на улице зрится светло, яко же и во дни; се же того ради творят, понеже тамо край есть горячий, и не могут в дни ниже что творити, ниже прохождашися; в нощи же есть прохладно, и сего ради наченши от вечера даже до четвертаго часа колесни-

цами, иные же пеши прощаются и посещают едины других, и пиршествуя угощаются и веселятся: словом рещи, зело прекрасный обычай и чин и град, над него же лучшаго не видех ни где; что же реку о богатстве и достатках его, богатства его изъясняют самые толь великия махины, удивительныя структуры, прекрасныя монастыри и церкви, великолепныя палаты, безценныя церковныя оклады, понеже всяя вся богатством быша, к тому же искусных художников множество, иконописцов, золотарей, каменносечцев и прочих безчисленных многолюдством тамо в граде обитающем, а всякаго вообще состояния людей считается до 300000 душ, еже и отсюду поминати можно, яко суть тамо зело великия и продолженныя торжищи; на них узревши вещи снадныя различныя, от хлеба же, мяса и рыб зело многое множество, человек чужд, во истинну почудится, и мнится яко отнюдь того не за седмицу искупити не могут, таможде до вечера ничто же не останется; сице же на всяк день бывает на торжище только тесно от народа, яко разминутися зело нужно; пристанище тамо есть при море тойжде, при нем же Венеция, Анкона, Барлет и Бар стоят, токмо воспать завратимшися; Бар бо стоит на полуденную страну, Неаполь на запад. Пристанищем оным зело славится, корыствует и обогащается град, понеже тамо купцы богаты от Франции, Гишпании, Англии, Венеции, Греции, Португалии и от Рима, и от прочих множественных стран приплывают кораблями, наполнивши их различными товарами и куплю деют, ово привозяще тамо разныя вещи, ово же оттуду купующе и развозяще в иныя земли, наипаче же сии товары: шелк, деревянное масло, серу, манну, розмарин, анис, изюм, винный камень, смоквы, мыло, разныя благовонныя воды и шелковыя материи, такожде и вина и прочая, сим убо, якоже рех, многия корысти граду тому прикасаются, богатства умножаются, и слава его всегда пребывает. Обитатели здешние вообще одарены острою разумом, в обхождении с чужестранными учтивы и преклонны к сожалению о бедных, а по тому и прельекают великое множество путешественников.

Замедлих аз в Неаполе некое малое время, ово предпочива-

ния ради и доброго страннолюбия гостинного, ово же взятия ради патентов, ово же рассмотрения ради града, и воистинну аще бых был укоснил тамо большее время, лучше бых прозрел и описал его; не возмогах же тамо более пробыти нужд ради сицевых: первая, яко не имех ни злата, ни сребра, еже бы купити себе пищу, людие ни богатые, ни убогие не дают милостыни ни мало, сего ради не могох питатися, ниже испросити пенязя, ниже что снадно, разве точию, где в неких монастырях, и то с великим трудом и нуждою; ибо тамо аще и премного (якоже предзрех) яствия и пития продается, но вся купити тебе сице богатому, яко же и убогому, коемуждо противу силе своей, еще к тому вся драгою даются ценою всякия вещи ядомья и пития, наипаче же хлеб, к тому же и воду зимнюю продают, аки некий напой чашу малу по полушке; и больше тамо в самое горячее летнее время тратят на воду денег, нежели на вино; второе ускорях оттуду изыти, хотящи постигнути или снитися в Риме с спутником своим прежним Иустином, обаче и чрез тое малое время всегда хождах на плацы, си есть на торжища или площади, идеже всякия вещи продаются, и видех како оные вельможи и боляре шестоконными, четвероконными и пароконными колесницами ездяху семо и овамо возящемся по стогнам града; других же носят на носилках, прочие же пеши прохаждаются на плацах, или торжищах, и по между рядами купеческими, и встречающиеся друг с другом приветствуются лепо, с уклонами и приветствиями; видех паки семо и овамо благородных и богатых мужей, утро и вечер всегда в кофейных домах, пиющих кофе, вина, и инные дороги напои.

Что же реку о оных сладких словесах и прекрасных беседах, их же слышати едино услаждение иноземцу; что же паки реку о множестве купеческих лавок и различных товарах, или о множестве искусных во всяком художестве делателей, иже от наших, яко небо от земли разнствуют; есть же внутри града Неаполя един студенец квасну воду имущ и зело к питию здраву, юже почерпают множество народа, наипаче же нищии и убогии приходят тамо непрестанно, и вместо вина ядят с хлебом; толикожде вода оная есть здрава, яко аще кто может вмес-

тити пиет, ничто же вредит, в меру же пьющим здравие приносит.

Есть тамо церковь греческаго создания странных дея купцов от Греции приходящих; в ней же священницы вся по чину восточныя церкви творят, си есть олтарь имут затворен, органов несть, священницы в брадах и в долгих одеждах черных, покрывают главы шляпами, крестятся по восточному и кланяются так же и служат на хлебе квасном; мирские же греки тамо вси исповедаются и причащаются и вся по обычаю своему творят, в сем точию разствуют от прочих греков, яко послушны суть папе римскому, суть униаты, папу поминают и в многих догматах ему покаряются.

Есть тамо вне града в горе Везувии огнедышущия продушины, от них же непрестанно курится дым, аки от некоея печи; часто же исходит огонь велик и пламень страшен, испущают густыя искры и множицею, егда ветр бывает, наносит на град тлетворный пепел, и многий вред творит обитателям, обаче в мою бытность злоклучения сицеваго не случилось.

Та вся аз уведавши вкратце и некая видевши, взях четвертого дня два патента, един от тамошняго нунциуса, си есть митрополита, а других от королевскаго двора, и изыдох августа 18 числа, пред вечером в путь: возможно же бе тамо кораблем по морю дойти к Риму, обаче не имех сребра, им же бы мог наняти пловцов, понеже без мзды взяти не хотеша; и тако шествовах ногами, не попушая им обленяться, да не како разслабевши не донесут в отечество мое, понеже аще и надежда есть на Бога, но к тому много пользуют и ноги, и тако шествовах от Неаполя 40 миль между великими горами, семо и овамо стоящими, обаче долинами, имущими равный путь, широкий и каменiem устланый, имянуемый путь Римский, се же того ради, яко непрестанно путь Римский каменный должен быти, понеже, якоже слышах от тамошних жителей, на все страны окрест Рима града путие каменем сажденные суть, се же славы ради и чести, толь всему миру явнаго града; идох же от части и между лесами и садами каштановыми, наипаче же между виноградами великими и высокими, зело по древах лесных разпростирающи-

мися подобне, яко же предрекох; шествовах к Неаполю, под их же сению лепо странным витати, яко аще бы они не были, во истинну бы человеку тамо, наипаче же иноземцу пешешествовати отнюдь не возможно было; людие же иже, тамо родишася, удобее ходят и труждаются, обаче и они более нощию делают, нежели во дни, понеже тамо в нощи прохладно, такожде проходах весьма частыя села и гостинницы наемныя подобне, якоже и по первой стране Неаполя.

Прешедши же 38 миль, приидох ко граду, рекомому Зарилано, идеже паки тожде море завращается, и град стоит на брезе. Тамо стоит стража неаполитанская того ради, яко тамо граничит Неаполитанская область с Римскою; ибо от начала пути, даже до зде Неаполь властительствует, и его тамо ходит монета, даже до границ, идеже Рим обладает; тамо вопроси мя предреченная стража о патентах, яже взях от Неаполя; аз же показах им, и видевше оставиша мя шествовати добровольне; возможно же, аще кто хошет и от тамо морем дойти к Риму, обаче аз пешехождению обещание предположив не исках иннаго пути, разве подлежащаго, к тому же понеже тогда месяц светяше в нощи, умыслих более шествовати нощию, нежели днем, горячести ради солнечной, к тому же хотех постигнути спутникам своего Иустина в Риме, зело бо скорбен бех без друга. До зде владение Неаполитанское.

Оттуда отшедши, оставих море, и пойдох владением Римским, паки знаменитым путем каменным по между густыми горами, частию преходя их, от части же равными долинами по между ими шествуя; случашежеся мне тамо устретати неколико peregrinov к Неаполю идущих, нециих же постизах от Неаполя к Риму шествующих, быху же инные немцы, инные французы, другие же римляне, и не можах с ними разглагольствовати: сего ради ниже совокупитися, всегда бо дружбою шествуют, или два, или трие, или четыре, к тому же не спешат, ниже нощию ходят, но ношуют в гостинницах по градах и весях; идох же аз спешно един, не ищущи странноприимниц; но идеже изнемогах от труда и падах на землю, тамо и гостинница мне бяше, или во дни, или в нощи. Прехождаях же неколико градов лепотных,

зданием домов, и весей множество, но и те веси суть лепотнейшаго строения, нежели в иных странах грады; земля тамо не весьма камениста; но имать от части негде лесы малые, и древа при пути, яко аще и не часто, обаче случается под сению их витати; к тому же воды здравы всюду бяху, и людие от части милостивые; мало бо тамо что куповах, даже до самого Рима, понеже пищу всюду обретах от милостыни, наипаче же по конвентах, си сеть по монастырях иноки обыкоша всегда питати шествующих peregrinov, мирстии же, понеже в то время собираху плоды, даяху много от плода лознаго, и фиг, ибо от сих тамо многое изобилие родится; винограды же тамо иным образом насаждают не тако, яко же окрест Неаполя; и окрест бо Неаполя, яко же предрекох много суть виноградов диких, их же лоза великая, и виется высоко по верьху древес лесных. В Римском же владении вси винограды нижние, огражденные каменными стенами лепо, и оныи суть окрест градов, прочие же окрест весей окопанные рвами или осажены терном; многии же суть осажены тростию густою высокою и толстою, яко сквозь ея человеку протиснутися не возможно, нигде бо толь толстая и крепкая не растет трость, яко тамо аки некое древо; внутрь же за строением оным виноградное лозие, мало привязанное до палок; се ограждают того ради, да не всяк мимо ходя путем удобне сорвет: зело приятное к ястию гроздие, и вино крепкое бывает; вина же тамо мало червленнаго, токмо желтаго и белаго множество, и малою продаются ценою.

Шествовах же наченши от Неаполя, даже до пресловутаго Рима града 9 дней, и прешедши миль 120 почтовых, простых же италийских миль 300 почитают, таже десятаго дня августа, к 29 числу, пред полуднем достигох тамо.

Приходящу ми, яко за три поприща, не далече к многознаменитому и Богоспасаемому граду Риму, видих вне града зело ветхия стены каменные долги, даже до самага града протяженные, и не далече их текущую реку мелку и узку, даже внутрь града; идох же путем знаменитым от далече наченшимся, иже бяше послан камнем лепо и гладко и широко; при пути же столпы такожде каменные стоят, имущие на себе таблицы мра-

морныя, аки зеркало гладкия, на них же латинския надписи вырезанныя являют чиим коштом и старанием постлашася пути оныя; таже идох предградием долгим, лепотные дома, винограды, сады и источники имущим, и видех Рим от вне зело много красен; много бо услаждают зеницы людския оныя церкви древним строением, зданые высоко и пространно с многими главами, белым покровенныя железом и позлащенны на себе кресты имущия, такожде и красно строенныя высокия палаты.

Пришедшу же ми близ града, видех его ограждена каменною стеною единою высокою гладким и крепким делом, таже внидох вратами, искусным художеством от великих резанных камней устроенными, и идох улицами далече, хотя приити к средоградию на плац, си есть на базар или на рынок жа тамо нечто в снедь промышлю, приближебося полуденное время, к тому же бех гладен и утружден сый до зела, шествовах бо непрестанно чрез день и ночь до места сна не вкушая, к тому же хотя узретися с peregrinami, и вопросити о спутнике моем бывшем Иустине; но не могох ускорити до полудни, есть бо град зело велик и много шествия требует; устретох же на улице peregrinon и убогих множество и вопросих их камо грядут? Наречием римским, то есть италианским, знаях бо нечто мало, еже к ястве и упти требуемое; они же отвещали, яко идут на едино место, идеже дают в милостыню нечто снадно; с ними же и аз идох вкупе, и приидохом на едино место, нарицаемое Рацель стоящ высоко на малой горе, где идохом по степенех горе. Тамо стоят палаты высокия, пространныя, и высокия лепо зданныя, одесную монастырь закона францисканскаго, ошуюю же палаты великия, идеже свидетельства отходящим из Рима даются, вся прекрасно от камене зданна; при оных палатах источник водный стоит, сладку воду пиющим подавающ; между же теми всеми палатами плац пространен и равен; гладкими дсками каменными в едину меру сеченными усланый; на другой же стране паки степени каменныя другия, еще лепшаго строения обоюду имущи стены, на них же семо и овамо два болвана, тело нагих человек изображающие, сице искусно учиненные, яко аки живые мнятся быти. Тамо от оных францисканов, приспевши полуденному

часу, изнесоша некое варение, и раздаваху всякому единою мерою, идеже и аз часть свою взяв мало укрепихся и благодарих Бога, яко алчущим хлеб дает, и на странныя и нищия призирает. Таже препочивши тамо некий час по полудни, идох далечеа внутрь града и дойдох к гостиннице польской, при храме святого Станислава стоящей, для приходящих из Польши людей; тамо аз обретох неколико поляков, и бых зело благодарен, и приветствовахся с ними и неколику беседу сотворих. Вопросих же о спутниках своих, с ними же от стран польских от града Львова изыдох. Отвещавалу же ми, яко священник прежде отъиде; друг же мой, иногда бывший и спутник Иустин, трема или четырьмя днями пред пришествием моим отъиде в след священника паки в Лорет к дому Богородичну, идеже бых прежде с ними совокупно. Видех же аз, яко тако Богу хотящу не могох совокупится с дружиною своею, оставих мысль ону и к тому прочее не жалех, понеже чаях от Риму себе обрести спутников много; вопросих еще от них вся что и како имам творити во граде Риме? Известившись добре, начах вся по чину делати; оттуду приходящу солнцу на Запад, пойдох по обычаю всех peregrinov к главной гостиннице.

Пришедшу ми к госпиталю или к гостиннице начальнейшей римской, идеже обще всех путешественников здравых и немощных принимают, имянуется же госпиталей Святыя Троицы, понеже при церкви Живоначальныя Троицы стоит; тогда обретох тамо пред враты шедшихся peregrinov вящше яко сто душ от различных стран, иже на поклонение к Риму придоша, кроме же тех еще недужных толикождо; представиша же первее трапезу немощным, и служаху им честно от священных особ и знаменитых мужей Христа ради; мы все здравы стояхом вне дверей, ожидающе своего времени, не пуцают бо ни единого внутрь, донележе не приидет час той, в он же представляют трапезу здоровым, обаче созирахом вся бывшая внутрь окнами, како посадиша больных чинно обоюду трапезы долгой, и пред всяким особно яству и питие представиша, и како чинно инныи приношаху полныя блюда, другии собираху праздныя, таже по трапезе сотворшим им благодарение, поведоша их приставники

в своя больницы. Держаши тамо недужных обыкоша, кормяще и врачующе дотоле, донележе оздравеют, творяще сия в память Христа рекшаго во Евангелии: «Болен бых и послужите мне».

Таже начаша нас по единому впускати дверьми и созирати коегожде пашпорты, или патенты, откуда который, и от коея страны есть, по единому же того ради пушают, да чинно без вопля входят, понеже много от младых путников суть иже еще детищная творяще, бегают семо и овамо непостоянны суще, и теснящеся внутрь, хотя един другаго предварити угнетаются и вопль творят и тако чинно по единому впускающе оставиша и мене вниити: идеже священницы присидящи близ врат вопрошиша мя откуда есмь? Своим римским наречием отвецал им, яко не разумею языка вашего, но латинский, и вопрошающим им латински, вся отвецах, откуда есмь и како шествовал, и откуда ныне приидох; таже взяша от меня пашпорты польские, и показах им все, яже имех от града Львова, един же от них начальнйй взял прочет и подписав несколько слов своею рукою, и давши ми печать свинцовую, поведоша в лик избранных перегринов, всех же тако до последняго пресмотревши огласиша в колокольчик мал, бывшу уже часу нощи, и поведоша нас священницы в един храм тамо внутрь стоящ, и сотвориша мольбу к Пресвятой Деве Богородице, юже имянуют литания, возгласи един, не вем, кто спреди, и не вем что, римским бо бяше наречием; по гласе же оном пойдоша яко 30 человек един по единому другими дверьми в инну палату, прочии же все оставишася в церкве, и сидеша с ними же и аз; аз же видя бывшее и не разумевая творимаго, что и чесо ради, инья пойдоша, другии же ошася, и не теряя мысли своей, обретох единаго от путников знающаго мало латинский язык, римский же добре, и спросил его о сем, той же извести ми вся ясно сице: яко той, иже по окончании молитвы возгласи, да вси, иже первую нощь имут в гостиннице, идут на преди, и последуют ему: той же и поведе их в умывальницу, да омыют им нозе; прочии, иже суть второнощныи, или триенощныи, должны ожидати их, да вкупе пойдут все ясти вечерю, рече же ми.

Да и аз иду тамо, понеже в первой нощи не бех; вниидох же

и аз тамо в умывальницу, и видех близ конца творимое дело, не рекох же ничтоже, понеже нимало италианскаго не разумех языка; стоях же издалече и видех лепотворимый обряд, иже бысть сице: два ношаху сосуд, и подставляху под нозе путников, третий ношаше сосуд с чистою водою, и поливаше нозе, четвертый ношаше лентие чисто, пятый мяшше нозе и отираше, шестый ношаше ковчезец со врачевствы, и аще кто от путников имяше некую язву, прилагаше пластырь и обовязоваше струпы; по умовении же ног ведоша нас в трапезу уже лепо и чисто предуготованную пищу, и многим благородным и знаменитым мужам пришедшим к послужению странным; столы же, на них же яства представляется, зело суть долги, велики и огражденны стенами, токмо един вход имут; тогда ставши два пресвитера при входе трапезников, взитмаху печать от всякаго прежде данную, и впускаху по единому к заседанию трапезы; седшим же всем чинно, сотвориша краткое благословение священницы, и ядохом благодаряще Бога и творящих милостыню, стояше же при коемждо peregrine един муж честен и благороден, и служаще ово порезующе снедь, ово наливающе вино и подающе в руце, ово же сосуды испраздненны собирающе и прочая такая, бяху же снеди три, четвертый же плоды и бутылка вина на всякаго, якоже до обилия довлеяше, такожде и вода пред всяким в чаше, да еще кто не может самага вина пити, то да пиет с водою, в риме бо и окрест зело крепкия и наивящше белыя вина раждаются; ядушим же всем и насытившимся, востахом от трапезы воздавше благодарение Богу, таже поведоша нас в горную витальницу по мраморным степеням высоко, и тамо пресмотревше всякаго руку и лице, едали не имать кто какового вреда на теле своем; и разделивше здравых от поврежденных на особно в разныя разведеша гостинницы, и поделиша всем одры чистыя и постланны лепо учреждено же двум на едином одре ночивати, понеже одры широки суть и на двоих строенные; аще же случится когда малое число peregrinov, тогда по единому полагаются на одре, и спях аз ту ночь зело сладко и здраво по утруждении от пути, к тому же и от чаши.

Утру же бывшу, испустиша нас вон из госпиталя, аки стадо

овец черных, все бо путники, иже тамошним наречием имянуются peregrины, в черном одеянии ходят яко иноцы, и разъидошася все по церквам на слышание литургии; большая же часть поиде к первоначальной и великой церкви римской, в честь апостола Петра созданной, яже стоит об он пол реки Тибра, тогда и аз с ними идох созерцания ради, есть же тамо к прехождению устроен мост каменный зело велик на столпах высоких каменных в реке основанных, утвержен и возвышен высоко, яко ужасно есть низу зрети; оттуда возвратившеся посеща инныя церкви и знаменитыя монастыри, таже вечеру приспевшу паки отъидох в предреченный госпиталь святыя Троицы, и прият бых в тем же чином якоже и прежде, токмо на патентах второе знамение начертаху, и печати инакие раздаяху такожде и третьего вечера вкупе с прочими peregrинами прият бых; четыре же вечера тамо токмо гостят, и всяк приходяй последнюю, си есть четвертую ночь гостити, должен есть исповедан приити и свидетельство исповедания от духовнаго показати гостиннику, того ради яко имашь уже пойти на трапезу в палаты самого папы римскаго; тогда аз по обычаю тамошнему исповедахся в первоначальной церкви святаго апостола Петра, и приях свидетелествованную хартию; четвертаго же дни вечеру бывшу, поидох паки в предреченную гостинницу, и стах пред враты с прочими peregrинами держаще в руце хартию от церкви святаго апостола Петра данную; приспевшу же часу гощения странных, изыде един от клириков знаменитых, иже на всяк день собирает peregrинов 12 в число верховных апостол, и отсылает в палаты к папе на трапезу, обычай бо есть папе римскому на всяк день представляти трапезу честну 12 путником; стоящу же мне тогда пред враты гостинницы уже четвертаго вечера, и многим готовым сущим к трапезе папской на утро, и молвяху един другаго попихающе, хотяще всяк быти первым, аз един тогда сущи под именем польским, и не имущим друга ни сопутника, к тому же не знающи тамошняго языка смиряхся всегда, и стоях напоследнейшем от всех месте и не мал сый возрастом, держах свое писание высоко, еже узревший оное вышеписанный собиратель повеле раступитися всем, и возва мя внутрь гостинницы, и на-

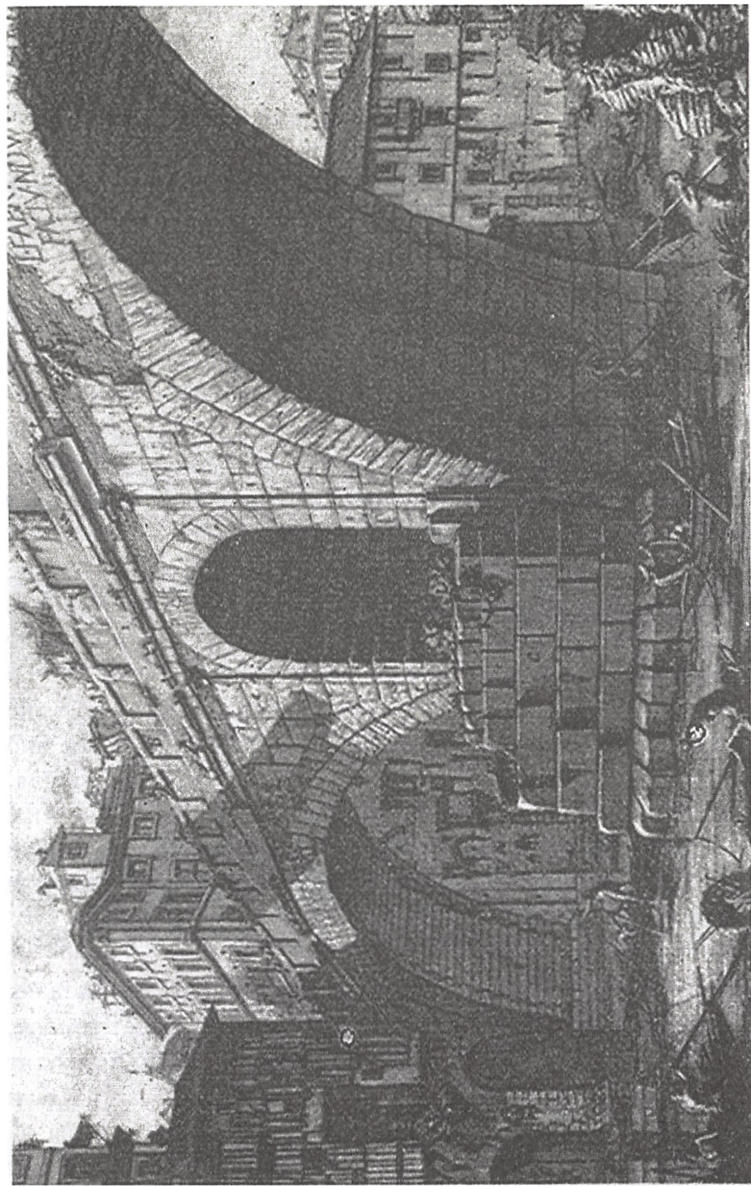
писа мя первым паче иных, и даде ми хартию вольную, яже утро итти к папе на трапезу, последи же инних единонадесять собра и всем даде хартии, и то же прочиим обычне подписоваху патента и дадоша печати, по том представиша вечерю и упокоиша в ложницах честно, якоже и прежде.

Утру же бывшу пятого дня 2 сентября в среду приспешу уреченному часу собравшеса вся двенадесять пойдохом внутрь двора папскаго, никому же нам возбраняюще, аще и стража крепка во вратах стояше; пришедшим же нам тамо и не уговтовой сущей трапезе, сидехом в нижних палатах ожидающе времени: таже по мале званны и ведомы бехом мраморными степенями высоко в горницу прекрасную, идеже не перьвее нас возведоша донележе не дадохом всяк свою хартию от госпиталя святыя Троицы данную, взявше же нас двенадесять путников во место апостолов, взяша еще единого к нам от нищих, на место Христова на память словес оных от самого Христа в Евангелии глаголаных: «Алчен бех и накормисте мя, жажден бех и напоисте мя», и ниже, «Аще кому от малых сих что сотвористе, мне сотвористе»; тогда посадивши нас представиша нам на трапезе прекрасная и различная снеди и варения, случижеса тогда быти дню среде, и боялся да не како оскоромлюся чим в день той, понеже римляне среды не постят; аз же аще и нужно, сохранях всецело греческаго устава правило, обаче Бога о мне промишляюще сохранихся от пагубы сея, случия бо день быти вигилия у римлян противу прадника Воздвижения Честнаго Креста Господня греческаго 2, римскаго же 13 сентября, обычай бо есть повсюду христаном римский держащим обычай и закон, постити день пред всяким знаменитым праздником, иже имянуется вигилия, и тако тогда представлены бяху нам на трапезе различныя рыбы и инна постныя варения, и вино избранное, служаху же нам лица знаменитыя и честныя, епископским и священническим почтенныя, и учреждены бехом довольно, даже до пресыщения.

Вестно же буди, якоже повествуется от самовидцов путников, яко в некие дни праздничные сам папа из внутренних своих изшедши покоев приходит в гостинницу и посещает оных убо-

гих перегринов, ядущих обед во дворе его и ущедряет милостынею, в буднишние же дни не приходит; воставшим же нам тогда от трапезы и сотворшим благодарение, дадоше коемуждо от нас на благословение по единому хлебу мало зело, белу же и чисту, такожде и по единому медалю медному, его же подобие и меру, зде зри на стране, на котором от единых страны икона Христа Спасителя, от другия же страны девы Богородицы излиана суть, такожде и по два образа от бела и чиста воска, иже именуется, *Agnus Dei*, си есть агнец Божий, что римляне в великом почтении имеют; таже отпустиша нас с честью, последи пойдох аз в гостинницу польскую, которую тамо зовут, госпиталь ди Полония, которая стоит при храме Станислава Костки, святаго польскаго; обычай же тамо перегринам приходящим от стран Польских гостити 15 дней кроме пищи, токмо послетя дается чиста, пришедши убо аз обретох тамо и инных путников из Польши, и бысть мне отраднее яко обретох язык к разглагольствию и совету, умышлях же абие вскоре изыти от Рима, не хотя много медлити, обаче на то время предуготовляется *Confirmatio Papae*, си есть подтверждение папы, его же по избрании минувшим неколиким месяцам подтверждают от римских церквей стекшеся весь духовный Синод и мирской Синклит, о чесом последи явит повесть, видения убо ради онаго подтверждения замедлих неколико дней в пресловутом граде Риме, нощи имея к упокоению в гостиннице польской, деньми же кормяся от монастырей иноческих купно с прочими перегринами, обхождах многие церкви в дни тые и посещах господские и кардинальские дворы и палаты, проходя стогны же, улицы, торжаша и средоградие вне уду и внутрь града и видех лепоту града и нравы народа и инныя различныя вещи.

1) Рим град есть зело ветхий, понеже прежде Рождества Христова еще от язычников созданный за 753 года, и есть град царский, понеже цари тамо ветхими временами свои седалища имяяху еще от язычников, яко то Тит Веспасиан и прочии, последи же благочестивый царь Константин престол свой имеяше тамо, донележе не пренесе его в Византию, идеже ныне есть Константинополь, его же последи созда и нарече своим именем.

*Римские древности. Мост Фабрицио.
(С офорта худ. Джованни Батиста Фабрицио, середина XVIII в.)*

2) Рим есть зело прекрасный от вне и от внутрь; от вне бо лепою и крепкою, огражден есть стеною с многими красноустроенными вратами, паки от вне лепоту свою показывает от церквей, иже с многими главами суть еще при Константине царе созданныя, покровены же, инныя оловом, инныя же медию и на них кресты позлащенные, издаличе аки молния сияют, такожде от высоких палат, столпов, башен и колоколен лепотен является; внутрь же строением домов, расположением улиц, зданием прекрасных источников и каменных болванов красится.

3) Бяше иногда град зело велик, якоже и ныне познавается от стен старых, иже вне града стоят продолженны, и ныне же велик есть; обнимает бо места с пред градием 25 миль италианских, есть же пять польских или 50 верст российских; всегда бо в граде, егда странный вопрошает, далече ли монастырь таковой отстоит или палаты папския и некая церковь? Отвещает едина или две, или три суть мили и вящше.

4) Стоит на месте веселом, но не равном при малых горах; окрест же издаличе окружают горы великия и высокия, такожде и внутрь малыя горы обретаются, от них же на единой стоит двор с палатами папскими, и именуется Монте-Кавалло, си есть гора конная, понеже пред палаты папскими сидит на коне едина персона, аки жива от белаго гипса сотворенна; паки ино место именуется Монте де Тринита, си есть гора Троицкая, понеже на горе оной стоит монастырь святыя Троицы, в нем же обитают иноки французския правила францисканскаго; паки ино место зовется Монте-Рубро, си есть гора Червленная; и сице прочая многа.

5) Рим имать морское и земное пристанище; понеже от стоит двумя днями от моря по суху ходя, водою же ближе; понеже река Тибр, которая преходит чрез Рим, впадает в море, есть же глубока, быстра и широка; ибо от моря рекою приходят различные корабли купеческие малыя же и велики, такожде и военные корабли и галеры, иже посылаемы бывають от папы на помощь царем христанским во время брани; и рыба морская свежая продается в граде.

6) Благородных, богатых и мудрых мужей многое множест-

во, понеже суть различныя училища, у них различных языков, мусикии, медицины, си есть врачества, астрономии, си есть звездочетства, риторскаго красноглаголаня, философии же и богословии, грамматики всяческих языков, искусных художеств елико обрести могут в мире сем.

7) Седит на водах здравых и изобильно текущих; первое убо великая река Тибр якоже прежде рех, преходит сквозь град, второе же от гор окрест Рима обстоящих, много воды течет внутрь под землю хитростне устроенной, ею же полны суть источники, зело лепым и искусным художеством от мрамора бела и инных прекрасных камней соделанные, подобие лиц человеческих, звериных, змиевых и иннообразных имущие; от них же ово от уст, ово от очес, ово от ушей и ноздрей точатся безпрестанно струи водныи, изобильно всему народу в почерпанию пития и всякой потребности.

8) Садов разноплодныи дресеса имущих, вертоградов всякими благоуханиями и цвѣтами исполненных много суть, наипаче же изобилие велие виноградов и вина довольство, и всякия торговья вещи мерною продаются ценою, един токмо хлеб от части скуп: обаче не с великою нуждою странны убоги пропиташия могут, понеже народ милостивый и ущедряет нищих; и иноки некии от монастырей богатых варение некое раз в седмицу раздавати обыкли, о чесом послезжди.

9) Суть столпы великие, башни и колокольни многия высокая, яже от вне и внутрь лепоту граду многу показывают; такожде и колокола различные малые и великие обретаются, и часов множество, от них же токмо звук днем и ношью непрестанно слышится, и человеком подает веселие; столпы же, иже не зданные суть, но от единаго изсечены каменя, иже в высоту, яко двадесять саженей и вящше, в толстоту же, яко сажень или две, и сии суть столпы многолетныи от ветхих царей и пап созданные, инные же из них в память поставлены бывших неких знаменитых и преславных дел, на которых подписи изритыя и доныне обретаются; стоят же не на едином месте, но на различных местах посреде торжищ града.

10) В Риме торжих или рынков много суть, иже тамошним

наречием именуют пѣццы, то есть площади. Первое убо и начальнейшее торжище именуется пѣца ди Нуово то есть торжище Новое, идеже всякия вещи обретаются по желанию коегожде человека; второе рекомое торжище Французское, и сие великое есть и богатое; есть же особно Немецкое и особно Гишпанское и инные разные, им же не вем имен; особне же есть место и торжище Жидовское, имущее врата, яко град и стеною определенное, да не смешаются с христианами, и самы между собою купующе и продающе, обаче невозбранно ни жидом на христианское, ни христианом на жидовское ходити торжище; обретается же убо в Риме жидов много, обаче черных одежд не носят, якоже в Польской земле, но якоже кто хоцет, и брады и власов не сохраняют, но обрезают, и всю одежду носят якоже италинцы, и немцы, и языком римским беседуют; в сем токмо различествуют от христиан, яко не имут воли черной шляпы носити, но от внутрь черна, а от вне червленна, или покровенна червленным платком.

11) В Риме гостинниц много суть, вяже восприимуют странных и убогих, наипаче же путников, иже тамо приходят на поклонение, которые именуются перегрины, иже егда начнут путешествовати от отечества своего на поклонение мест святых, не стригут ни власов, ни брады, но яко пустынницы ходят даже возвратяшя в страну свою, таковых убо приимают, от инья гостинницы, инде три ноци, пищию и питием и одром чистым, индеже четыре, индеже едину, в прочих же странноприимницах и по 10 и 15 дней приимуют кроме пищи, токмо одр к упокоению. И тако колики племена в Риме обретаются, толики и гостинницы суть; перьвая же и начальнейшая есть гостинница святяга Троицы, и ней же предписах, и сия есть обща, прочии же определенныи, яко немецкая немцов ради, французская французов ради, такожде и гишпанская, венецианская, и прочии. Есть еще гостинница знаменитая святаго Духа, идеже недужных врачествуют и кормлят.

Вестно же буди, яко непрестанно в зиме и лете грядут на поклонение к Риму, наипаче же лета того 1724-го множество велие снисдошася перегринов; понеже папа римский новопостав-

лен бяше, к тому же и год грядущий 1725 бяше тогда у римлян Святый год, его же именуют юбилеум; обычай бо есть римляном не токмо в Риме, но и по другим местам, прешедшим 24 летам 25 праздновать юбилеум, вон же святых мощи, елики имут, и вся сокровища церковная, износят и дают всему миру лобызати, прочии же лета в заключении имут; тогда же и разрешительныя грамоты повсюду посылают папы римскии, и инна много творят; яже явити и не явити, несть пользы.

12) Обычай есть в Риме, варение даяти от монастырей по чину дней в седмице, не токмо peregrinam, но и всем убогим. В понедельник убо суть три или четыре монастыря, от них же разделяют варение убогим убо пред полуднем, овые же в полудне; во вторник же в инных монастырях, и в среду в инных, и тако суть определенные монастыри, иже в седмице един день имут, в он же разделяют убогим яству, идеже убогие не оскудны суть в пищу; монастыри же богатыи великие и многочисленныи.

Что же реку о прекрасном и лепотном здании обителей тех, о преписных кардинальских и митрополичьих дворах, о палатах великознаменитых князей и благородных бояр, о гордом их еждении, о предходящих и последующих слугах, о позлащенных колесницах и украшенных конех, о дворе и палатах самага папы римскаго, о здании, строении и лепоте святых Божиих храмов, иже безчисленны суть, и никто же подробно исписати может, от них же аз убо некия начальнейшия тцанию твоему, благий читателю, извещаю: есть обычай peregrinow, от них же всяк едва дойдет в Рим, посещают многие храмы святых церквей, аще же может и все, но суть семь церквей ветхих и начальнейших, их же аще кто не посетит, не вменяется быти поклонник, яко vsue пришедый и тощъ отходяй, от них же аз слышавши воедин от дней потщахся, и обыдох вся сии храмы.

Первая убо есть соборная и начальная церковь святаго верховнаго апостола Петра, к ней же путь есть чрез великий мост каменный, иже на Тибре стоит, яже не далече отстоит от крепости градской, или просте рекше от замка, именуемаго S. Angelo, есть же храм, зело здания и расположения великаго

и лепотнаго тамо от вне, яко и от внутрь; от вне имат врата великие и не едины, но многи от меди излиянные весьма тонким и искусным художеством, яко дивитися всякому, наипаче же странному, верьху имат адину главу велику, яко довети всему храму, и та есть оловом покровенна, внеже пред лицом церкви есть площадь велика каменными дсками гладце насажденная; посреди же ея стоит столп высокий четырехугольный к верьху изостренный, такожде источник каменный сладку воду жаждущим точащ, одесную же и ошуюю столпов великих от бела камня изсеченных, и чинно стоящих множество суть, яко сто и вящше, иже лепоту многу показывают; внутри же в широту, долготу и высоту зело пространная есть, и многими великими столпами каменнозданными поддержива. Престолов такожде множества суть, на них же отправляют мшу, то есть службу Божию; глас же велик и шумен раздается от поющих тамо и чтущих. Тамо органов суть три великих и зело сладкопесневых; весь же храм великий дсками мраморными послан гладким художеством; тамо близ соборнаго олтаря стоит одесную храма икона от меди изваянна святаго апостола Петра, ей же с великим усердием весь народ поклонение творит и лобызает ю.

Оттуда мало пошедши посреде церкви суть гробы верьховных апостол Петра и Павла, идеже части мощей их обретаются от составов и членов тела; гробы их не суть в верьху; но внутрь под основанием церковным, идеже вход есть мраморными степенями; врата же всегда заключена суть, и никогда же отверзаются, кроме 25 года, на юбилеум или великаго некоего ради лица, вне же врат окружены суть балясами мраморными степенями, на их же много позлащенных и серебряных кадиллов висят, неусыпно горящих, идеже люди на всяк день пред враты гробов поклоняются, честь воздающе мощам святых апостол.

Тамо есть обычай всем людям исповедатися, наипаче же странным или пeregринам на поклонение пришедшим; есть же тамо столов и налов много, при них же сидяще духовницы исповедуют народы, един убо по латине, или по италиански исповедает; второй же по гречески греков соединившихся или переменившихся, инные венгров, инные же французов, инные

же немцов, инные гишпанцов, инные же поляков, и все разными языки различных людей исповедают; обретаются же многие и славенский язык знающие, аще же кто требует наипаче же далматов и хорватов ради, яко тыи славенски беседуют. Врата первоначальная церкви святого апостола Петра всегда затворенна стоят, токмо на юбилеум, то есть, двадесят пятого лета, яже сам папа римский отверзает и перьвое входит, такожде и весь народ по нем.

Вторая церковь есть в Риме ветхая и многопочитаемая святого верховнаго апостола Павла, яже стоит вне града, яко поприще едино: есть же широка и долгая, но не весьма высока, едину токмо главу имущая, прочее же весь покров ея деревян долговиден, и от вне оловом покровен, внутрь четьредесят столпов суть, в ряд по десяти стоящих великих единокаменных; кроме же тех инных столпов мраморных много обретаются, и олтари алавастрными и порфирными дсками упещренны; есть же и тамо подобным образом гроб святого Павла соделанный, якоже в церкви святого апостола Петра, к нему же врата под спуд храма суть, идеже такожде много кадилов серебряных несусыпно горящих, в котором гроб сохраняем: суть члены мощей святого апостола Павла; при храме же том сооружен монастырь великий и красный, в нем же иноков много суть.

Третья церковь подалее от храма святого апостола Павла отстоит вне града, яко два поприща далече, которая именуется римски Decollatio S. Pauli, то есть усекновение святого Павла; на месте оном, идеже честную его усекнули главу, создан есть храм от ветхих времен, иже и доныне обретається; аще же и не велик есть строением, но лепотен, вне и внутрь; есть же и монастырь тамо при храме создан, в нем же иноков мало обитают, елико довлеют на службу церковную; стоит же на уединении от людей в поле на месте высоком. Тамо внутрь церкви суть три студенца сладку воду имеющие, един близ другаго мраморами прекрасно упещренны, и ковшики железные к ним прикованные, идеже всякому пришедшему сию воду пить дозволено.

Церковь четвертая есть святого мученика Савестиана, юже

на тойже стране вне града, яко за два поприща отстоит на поле равном и веселом между винограды, купно же и монастырь великий и изрядный при церкви обретается, в нем же законником изобилие, и здание келий прекрасное; храм убо просторен и велик в высоту, в широту же и долготу, и лепоту внешнюю и внутреннюю имать верьх оныя покровен есть оловом; внутри же дол гладце послан мраморными плитами; столпами же и олтарями чинно расположен и украшен; церковь та на место том создана есть, идеже умучен святой Савестиан, вне града изведен бывши.

Пятая церковь в Риме есть знаменита и ветха, зовомая святого Иоанна Лятерана, которая есть в высоту, долготу и широту зело велика и просторна, и много престолов в себе имущая, ея же верх покровен есть оловом; внутрь же преупещренна вся порфирами, алавастрами различновидными, мраморы, драгоценными каменьями, и иными утварьми богатыми, имать же много сокровищ и мощей святых (якоже слышится), но тех не показывают, точию на юбилеум, и врата ея начальная всегда заключенна суть и не отверзаются даже до года онаго; тамо суть главы святых апостол Петра и Павла, пренесенныи по обретеннии от находящаго при Савестиановской церкви студенца; тамо вне церкви суть палаты высокия и красныя, и зело изящнаго строения, идеже прежде папы римскаго обитаху; ныне же премениша место и обитают на горе, зовомой Монтекавалло; ветхие палаты папския премениша в монастырь, в нем же и до ныне законники обитают.

Шестая церковь знаменитая, ветхая и пресловутая, в Риме есть, яже именяется S. Maria Major, си есть: святая Марии большия, которая есть в долготу же и широту зело просторна, и многие престолы лепо устроены, драгими столпами и дсками мраморными блестящими аки зеркало, в них же зрится лице человеческое, и инными утварьми драгими украшенные, подножие ея лепо и гладко постланно, верьх ея покровен оловом, стоит на месте высоком и веселом, и монастырь избранный при ней устроен, в нем же законников множество суть правила доминиканскаго.

Седмая церковь в Риме ветхая и богатая, имянуемая святого Лаврентия, в которой обретаются части мощей многих и различных святых, но не износят их в изъявление миру, токмо 25 года, во время юбилея.

Вестно же буди яко во всех сих предреченных храмах суть великие органы; понеже римская церковь нигде же без органа бывает, разве в нужном зело месте, и сии суть семь церквей ветхих и знаменитых, яже всяк от peregrinov должен есть посетити, яже и аз в едине от дний ходих и посетих вся. Есть еще внутри града церковь мала святого Петра, идеже древле темница баше, и Петр святой в ней заключен и веригами окован седяше; стоит же оный храм внизу горы глубокой яко на две сажени и вышше; на горе же оной есть двор, в нем же раздаются хартии печатанныи исходящим от Рима в инну страну свидетельствующи о здравии человеческом и о месте незаповетренном, еже место имянуется Рацели, одесную темницы, ныне же церкви святого Петра. Тамо суть зело много столпов великих, зело чинно стоящих от единого камня изсеченных на месте пустом, идеже ныне сметие повергают, от них же познавается яко бяху некие зело богатые и прекрасные палаты, таможде близ суть инья темницы великие, в них же татие, разбойницы и инныя злыя человецы ныне заключаются. Есть паки иная церковь внутри града зовома *Rotunda*, сиречь Круглая, того ради, яко здание ея от вне и внутри округло есть, ни углов бо ни камор не имать, но едину стену окрест аки столп имать, и единою главою вся покрывается, есть ветхая, зело еще от еллинов созданная, идеже всех богов их *Pantheon* или паче всех идолов капище баше, и жертву обще всем приношаху, вжигающе огонь велик просреде храма и тельцы паляще, чесого знаменем есть окно, или дыра велика посреде главы храма, таможе дым исходяше, яже и до селе непокровенна есть, оставшу же благочестию и христианом, в облать Рим восприявшим, от капища всех идолов избиша, и нарекоша Храм Всех Святых, еще же и от круглости «Круглая» общенародно имянуется, врата токмо едины имать но зело великия аки градския, окна же ни единого, но дырою, о ней же предрекох, сверху просвещается;

вне церкви покров сооружен есть в подобие паперти, поддержим четырьмя великими зело столпами единокаменными, яко всякаго взирающаго удивляет, како толь великая махина рушима и зиждема бысть, в высоту убо суть яко пять или шесть сажений, толстоты же два человека обояти не могут, к оному храму римляне великое усердие имут, на всяк бо день полно тамо людей на поклонение приходящих обретается, наипаче же того ради, яко близ торжища стоит, и всяк мимо грядый не ленится внутрь внийти. Вне храма того одесную при стене есть образ Христа во гробе лежащаго, от бела алявастра изсечен, к нему же римляне все говение велие имут, и егда поклоняются, метают внутрь пенязи, всяк по силе своей.

Есть паки внутрь града ина церковь зовома Chiesa Nova, сиречь церковь Новая, яже древле бяше капище еллинской богини имянуемой Дияна, еже во время Рождества Христова падеся; во время же христианства обновися и бысть дом Божий, сего ради и наречеса церковь Новая, сиречь обновленная. Есть же церковь великая и прекрасная, купно с монастырем, в ней же законники обитают имянуемые варнавиты, жестокие провождающие житие, идеже обыкоша людей множество снисходящися на правило в первый час ноци; исходяще же из церкви дают убогим милостыню, того ради и от нищих тамо много собираются не тако мольбы деля, яко прибытка; во вторник же, четверток и воскресенье поучение бывает, и раздают всем треконечны вервицы, яже именуются св. бичи, и угашают свечи, яко ни единой не остати, и бичуются народ, си есть всяк бьет себя самого, иные по одежде, иные же по нагом теле, Христа ради; суть бо нещыи на сие предуготованны, иже аще и видятя одеяны быти, но егда угасится светило, абие изметают верхняя одежды, и в сорочке созади на плечах имут устроенну едину дыру, и бьет в ню до боления и язве; биятся же, яко чрез четверть часа или вящше, таже хотящим престати, дают иноки знамение, и абие всяк вскоре облакает ризы своя, да тако друг друга не познавает, мало ли или много, или ничто же бияше себя нагаго ли или по одежде; последи же паки засвещают свечи и творят отпуск.

Недалече от храма, яже иногда темница святого Петра бысть, обретается монастырь при горах Сергия и Ваккха, идеже ныне иноки от греков, славян и русов обитают, именуемые базилиане, якобы по святого Василия правилу живущии, и по обычаю греческих иноков; но якоже отстоят востоцы от запад и небо от земли, сице и они разнятся от греков: во всем бо соединены суть римской церкви, одеянием токмо мало подобятся, ибо рясы носят долгие даже до земли и власяницы; клубук же имут без крыл, якоже и арменские иноцы, еще же сверх того и шляпу верьху клубука носят, брады брыют и власы стригут, постов же вовсе не сохраняют, кроме четыредесятницы, и то не твердо, литургисают овогда по гречески, овогда же по руски, обаче же по обычаю римлян на опресноках, и без пения, токмо единым чтением тихим; церковь их есть строением и обычаем римлян, без царских врат и северных и без иконостаса, откровенный престол имущая; есть же в церкви их ошуюю стоящая икона Пресвятыя Богородицы велика на деке написана, в деснице держащая младенца Христа, вся златом, серебром и драгоценными камнями, як едва лицу видешися, завешенна и украшена, ея же истинное изображение, иноцы имут на хартии с подписанием следующего славенским языком стиха: «Честнейшую Херувим, и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога слова, рождшую, сущую Богородицу Тя величаем». Внизу подписан год и место, яже иным продают, иным же дарствуют. Есть еще особне мирская церковь Греческая святого Афанасия, не тако греков ради тамо обитающих, понеже их зело мало есть, яко приходящих ради купцов, в ней же аще правило церковное и по обычаю греческому творится, но прочее во всем за едино с римляны суть, и не дивно есть, стояй бо в огни или згорит совсем, или несколько опалится.

Весь же Рим разделяется на 13 рион, или сторон; в нем же щитається 82 прихода или церкви; 62 епископа, около 3000 мирских священников, около 4000 монахов, около 2000 монахинь, около 2000 семинаристов или школьников, около 4000 пришельцов, а всего народа полагают до 1500000.

Домы в Риме суть все строения каменного, красного и высо-

каго, яко инные пять рядов, инные же шесть, едины верьху других имут с прекрасными великими окнами, железными и медными решетками, улицы же едва не все суть насажены каменьями красно, начальныи и широкие, великими каменьями ово черными, ово же белыми гладко постланныи, на них же не токмо кал, но ниже прах обретається, на всяк бо день ходяще пометают на то определенные людие, дворы господские яже в Риме, а наипаче кардинальские многия похвалы достойны красоты ради своей, в них же позлащенных, исписанных лепо колесниц полно, на которых они ездят, шестью коньями влекомы, кони же их упещренны и устроены суть великолепейшим образом, и много имут предходящих и последующих; есть же в Риме кастрон, сиречь, замок крепкий и красный на Тибром рекою стоящий, недалече первоначальная церкви святого апостола Петра, который имянуют римляне санто-Анж, си есть святой Ангел, понеже Ангелу есть в соблюдение порученный, и Ангельскую на себе имать печать, обретаютжеса в Риме многия училища, в них же различных мудростей и хитростей и языков учатся, первоначальное же училище есть рекомое Коллегиум-Романум, в нем же обще все народы от христиан латинским диалектом грамматики, философии, астрономии и богословия учатся. Сверх сея в Риме коллегии управляемых светскими священниками, да консерваторий или семинарий управляемых монахами есть 26, госпиталей или гостинниц разных народов 30, в коих нищих и бедных перегринов находится до 1050 человек.

Двор, в нем же обитают нынешних времен папы римский, стоит внутри града на месте рекомом Monte Cavallo, то есть, на горе Конной, сице от коня и яздца применованной, иже создан есть от ветхих лет от камня бела зело искусным и хитрым художеством, и стоит пред враты двора папскаго издадалече на высоком и широком камени, нань же посмотриши мимоходящему уголно есть; двор убо папы есть пространен и велик зело яко некий монастырь, оточен же стеною высокою яко град. Врат ко входу и исходу четыре имать, в них же вои стерегушии день и ночь стоят вооруженны, и не всякого оставляют внийти, преж-

де чем не попросят вины и потребы, единым токмо peregrинам невозбранный всегда вход дается, понеже многа дела имут, иные бо приходят взяти разрешительны хартии, инии же приносят письма просяще милостыни, инии же на трапезу папскую приходят, инии же чотки и инии покупки римские ради благословения к папе приносят; обычай бо есть в Риме, аще кто что купит молитвам прилично, яко то, кресты, образки, чотки, медали и прочая приносят в палаты к папе, и он молитву даючи болагословляет я, и паки тогож дня или поутру всяк взимает вещи своя; войны же папские одеяние веселое имут и различное от многих иностранных, понеже одежда их и ширавары суть суконные от многих частей сошвенные и от двообразного цвета от желтаго и голубаго, и не весьма тесные, но померные, еще имут от тогожде сукна сошвенные, аки поясы висящие от плещей даже до чресл, в подобие привратников, при знатных домах сущих.

Внутрь убо двора суть палаты многия едину верьху других зело чинно и лепо устроенныя окрест при стене, посреде же плац велик празден, гладкими великими каменьями осажден, иже многу лепоту при дворе являет. Папа, аще камо вне двора исходит, всегда на носилах носим бывает, которые овогда возят кони, овогда же носят человецы; на носилах же есть устроен златый трон или седалище от всех четыре стран окна хрустальные имущ, и заключен ясно сквозе зрится, и егда несут его некоею стогною, абие людие оставивши свои купли и продажня бежат воскоре устрести его и все припадают на колена проходяще ему; он же обими рукми благословляет народы: одежды его суть шелковы светлобагрянны претканны златом, долги же и широки довольно, шлем или шляпа такожде багряна верьху главы его; множицею же и на конех ездить по далекости к расстоянню места. Хотел бы тебе, тщательный читателю, известити о поставлении пап римских, но понеже своими очима не случися мне видети, токмо слышати множицею, того ради слышима не дерзаю писати, понеже различно повествуют о том народы, к тому же глаголемая и сам можешь услышати, о конфирмации же их (понеже видех) в кратце ти представляю повесть.

Промедлившу ми в Риме едину седмицу, и обшедшу выше-реченных семь начальных церквей, по обычаю peregrinov, умышлях изыти вскоре, но понеже предуготовляшеся конфирмация, того ради дни некия еще умедлих, и видех бывшее.

Бысть тогда новоизбранный папа римский Веденикт 13, из ордена доминиканов; обычай же есть в Риме по наставлении папы новаго, прешедшим неколиким месяцем конфирмацию, то есть, подтверждение творити, сего убо предреченнаго папы Веденикта 13, бысть подтверждение сицевым образом: снисдошася от окрестных ближних же и далеких градов, весь духовный собор и мирский синклит, и множество общаго народа. Папа же чрез три дни пред конфирмациею своею собирающе всех нищих и убогих в подворие свое, и разделяше милостыню, коемуждо равно; мужу же и жене велику же и детищу по десять баиоков, еже ценит в польской монете четыре гроша, а в российской восемь копеек, не даваше же серебром или медию, како бо может время довети, по единому, толикому сонму народа мелкими пенязьми разчисляти и давати: бяше бо убогих три или четыре тысящи, но собравши всех убогих во дворе, все врата заключиша, и по единому испускающе, поадваху по единому билетцу, бумажному, си есть малої хартии, в ней же отсылает убогаго до пекаря, коего либо буди, повелевающе, да за 10 баиоков хлеба даст ему таковыми словесы: «Сей убогий имрак посылается к тебе пекарю имраку в оном приходе, или на оном месте обитающему да даси ему за 10 баиоков хлеба, и вместо мзды хартию да удержиши». Воспривший убо всяк убогий билетец отходит к пекарю, его же имя напечатанно быше; пекари убо даяху по десять хлебов убогим, а хартии удерживаху, таже последи относяху во двор папский, и восприимаху мзду свою, разделяшеся же сицевым образом милостыня чрез три дни, единойды на день, таже в един от дней, весь священный собор взяв папу от палат своих, и бысть проводим с великою честью и почтением, сквозь некие стогны града, безчисленну ему предъидущу, и последующу народу; постилаху же на пути драгие ковры и многоценныя одежды, и предъидяху убо первее вседше на конех священников и каноников многое множество в

шелковых черных и долгих одеждах, по них же подобное число епископов и архиепископов, таже игуменов множество, иже вси шелковыя, и долгиа же и широкия одежды, цветом вишневыя имеаху; все бо по обычаю и достоинству своему одеяние ношаху не церковныя, но домашния, и сии бяху не на конех, но на мсках вседши; последи же на избранных и украшенных конех ездяху кардиналы, митрополитское достоинство имущии, все в багрянных светлых шелковых одеждах весьма долгих и пространных с широкими зело рукавами, такожде и шляпы на главах их багрянныя.

Ведомо же буди, яко многи суть кардиналы, верховных же имут римляне точию дванадесять, в число дванадесять апостол, и сии обитают в Риме; прочии же в инных градах по сих убо грядяше папа всажден на коня бела, предудобренна и преукрашенна златыми и сребряными покровами, по нем же грядаху в след два кони избранные, трон его на себе повешен, искусно носящие, пременения ради, аще бы утрудился сидящи на кони, и тако устроены пройдоша неколико стогн внутрь града, таже пройдоша едину стогну, в ней же от обоих стран на стенах множество иероглифических изображений различных, и похвал папе новому от премудрых учителей написанных пригвождены бяху, яже от ученых многие с прилежанием чтяху и ублажаху творцев; бяху же овыи стихотворною мудростию, овыи же красноглаголанием риторским сложенны; ведоша же его сквозь врата новоустроенна на единой площади широкой, яже врата зело красно и лепо состроенна от искусных мастеров бяху, в честь и славу подтверждаемаго торжественно папы Венедикта 13, и на месте том от всего собора и синклита дана бяху папе два ключа, един златый, другой же сребрянный в память (якоже глаголют) ключей вязания и решения, яже дана быша от Христа верховному апостолу Петру. Оттуда же отвелоша его паки в палаты его, со многою честью и торжеством, и сице бысть конец подтверждения его.

Вестно же буди, яко римляне суть люди благородные от ветхих еще времен, и ныне от иностранных ценяемы и почитаемы за сладкоглаголивых, почтенных, хитрых и искусных во вся-

ком деле. Обретаются же многи убоги, богатых их же множае суть.

Замедлих убо аз в Риме 20 дней ровно, таже взях патенты, якоже обычай есть путником, не имущи же сопутника, разве единого Бога, того убо призвавши на помощь, умыслих паки итти по суху в Венецию, дабы оттуда удобнее паки перьвым путем мог возвратитися в страну Польскую, известившися же и испытавши добре о пути правом и простом, иже есть чрез Флоренцию, и заблаго разсудих оным шествовати.

Изшедши убо из пресловутаго града Рима, сентября 18 числа в пяток зело рано, шествовах неколико дней, ово горами, ово долинами и лесами, идеже весей на пути мало случашеся, но негде леси, винограды и корчмы при путех, таже доспех к знаменитому граду имянуемому Витербо, о нем же много писати не могу, понеже случися притти в вечер поздно, идеже точию преночевах, и утро идох далее: есть убо град ветхий, лепый, и строением красен, в нем же церкви и дома суть лепо зданные, и улицы каменьями насажденные; стоит же на месте веселом в низу подле горы при текущих и здравых водах; оттуда идох паки частию горами, частию же равным путем, и переходих села и грады малые нощию не хотя искати гостинницы, понеже ночию лучше бысть шествовати, нежели днем, прохладения ради, милостивших тамо от части людей обретах, нежели прежде; и по неколиких днех приспех к граду именуемому Сиена, по латыне Сена, состоящему в ведомстве Тосканском или Флорентинском. Под ведением здешнего архиепископа состоят 4 епископа. Соборная церковь состроена из белаго и чернаго мрамора весьма великолепно, и зрится издалуче. Есть убо град зданием изряден и крепок; стоит же на горе на веселом месте и доброй земли; церковей и палат строение есть многолепотно; улицы все суть каменьями насаждены; вином, хлебом, плодами и инных ядомых вещей урожаем доволен есть; обретається же тамо гостинница зело лепа с красными и мягкими одрами препочивания ради странствующих peregrinov, яже аз посещаях, но нехотех ожидати, даже до вечера, частию яко не дивны бяху гостинницы, в них же нощевах множицею, частью же яко

рано тамо достигох беж, и не восхотех целаго дня погубляти всеу, и шествовах оттуда паки горами и удолиями; частыми же селами и градцами, и милостившими людьми на доброй земле сидящими, на ней же виноградов много раждается, и хлеба не оскудно; всех убо дний шествовах 11, и доспех к знаменитому и всюду пресловутому граду Флоренции, сентября 28, иже отстоит от Рима размерением миль италианских 145.

Случися мне тамо притти в понедельник зело поздно, яко в первом часу ноши, идеже абие текох к гостиннице, чая еще незаклученну, и обретох тако. Пришедши же ми тамо уже инные перегрины повечеряли, и отыдоша спати, обаче и меня прияше любезно, и представиша ми трапезу честну с довольством вина; еще же служажу велицыйи и знаменитыйи мужие и жены предстояще ми подобным обычаем, якоже в Риме и Неаполе; по окончании же вечера отведен беж на одр честен, бел же, чист и послан мягко, и спях благодарящи Бога.

Заутра же во вторник хотех изъйти от града того, не хотя всеу губити время, понеже зима приближашеся; но в день той снийде дождь не мал, и сего ради замедлих даже до вечера, и идох к инной гостиннице на ношевание, идеже купно с прочими многими шшедшимися перегринами, еще ядох трапезу, яже бысть лучша нежели в первой, и служажу такожде от благородных и знаменитых мужей много предстояще, вливающе вино в чаши; таже по окончании и благодарении отведены быхом в чертог на одры красно устроенные с постелями чистыми и мягкими, и преношевахом весьма покойно.

Флоренция есть в Италии град знаменитый и повсюду ставный под властью великаго герцога Тосканскаго, иже два оные начальные града управляет, Флоренцию и Сиену с окрестными; стоит на земле благоплодовитой, мало камня имущей в едином широком удолии, его же обстоят окрест горы высокия, и река едина, именуема Пад или По, проходит сквозь его, есть же распростерт много в широту и долготу, имать вод здравых текущих много и садов прекрасных такожде, еще же виноградов и вина изобилие велие, такожде, хлеб и инныя ядомыя вещи не скупю продаются тамо; богатых же, знаменитых и благородных

людей много, церквей, монастырей избранных и многия похвалы достойных довольно, также высоких башен и столпов; дома же и палаты зданием суть красны, торжища же и стогны чинно расположены, всегда же очищенны и помешенны суть, яко не токмо ходити, но и зрети лепо. Училищу же к научению мудрости довольно обретается, и художников во всяком рукоделании искусных; тамо народ политичный и добре беседу простирает, токмо не лепо изношение имут, аки проходит слово сие по всей Италии, что добрый есть язык тосканский в устах римских; страна бо та, идеже Флоренция есть, Тосканиа именуется, тамо бо добре в беседе глаголют; в Риме же чисто слово износят. Флоренция оный град есть, в нем же осмый собор (его же ныне Восточная церковь не приемлет) собран быше тщанием и иждивением папы римскаго, хотящаго соединение сотворити, иже собрася первее во граде Ферраре, таже мора ради преиде во Флоренцию, якоже в летописцех обретается; бяху же на оном соборе царь греческий Иоанн Палеолог, папа Евгений Четвертый, патриарх Константинопольский Иосиф, Исидор, митрополит Киевский и всея России, Марко Ефеский и прочии архиепископы греческие и епископы, архимандриты же, протосингелы и игумены от святя горы Афонския, иже вси подписашася на соединение, един токмо Марко Ефеский не подписался, и удержа греческую церковь от соединения, яже и доселе не соединяется с римлянами.

По окончании же того собора также во Флоренции патриарх Константинопольский Иосиф сидящий и пишуши наглоу умре смертию, еже бысть знамением, яко неприятно бысть Богу его соединение; он вкупе с царем первее подписашася, последи же прочии; преставися же июня 9 дня, по числам календаря римскаго, греческаго же мая 22, и погребен бысть в церкви именуемой Повелля, яже есть в монастыре доминиканском, идеже папа обиташе; бысть же собор той совершен в лето от воплощения Господня 1439 июня 6 дня по календарю римскому, по греческому же мая 26. Во Флоренции наибольшая, краснейшая и изряднейшая мраморная церковь есть, которая именуется св. Марии, при ней же высока и прекрасна колоколь-

ня каменна стоит, искусным мастерством созданна; от сея же церкви проведены каменные переходы крытые около версты в дом владетельного герцога, лучшими живописными картинами убранные; в конце сих переходов близ герцогского двора имеются преогромные палаты, в них же разныя удивительныя статуи и портреты славных на свете художников ими самими писанные с помощью зеркала, також разных воинских орудий от древности соблюдаемых и редких натуральных вещей собрание, там же в шкафах за стеклами, из воску выделанная история человеческого тела по рождении возрастающего и по смерти сохлающего постепенно, представленна весьма искусно.

Замедлих убо аз во граде Флоренции две нощи и день един; изъидох оттуда сентября 30 дня в среду рано, и шествовах паки горами еще высочайшими, и зело прискорбен и жесток путь имущими, наипаче же суть тамо горы паче иных высочайшия, их же с велием трудом преїдох; последи же шествовах путем добрым, аще и неравным, камения мало имущим, но землю мягку и добру, и садов каштановых много, или паче ректи лесов, понеже два дни идох сквозь их, идеже несть стражбы никакой, ни оточенны оплотом, но всяк мимо ходяй вземлет я, никому же возбраняющу; тамо во весех живущие людие мелют я на муку, и творят хлебы, ово в пол с пшеницею растворяюще ово же без растворения, от них же хлебов и мне даяху, и есть зело сладок и вкусен, точию в желудке не крепок.

Четвертаго же дня изъидох на равнину от между гор и возрадовахся зело, яко послабу възвѣмех в путешествии уныл бо бех до зела день оный възходящи и низходящи горами по жестокоем каменном пути и приспех к знаменитому граду Болонии или Бононии октября 3 в субботу в вечер; тамо две суть гостиницы peregrинскии, в первой убо в субботу вечерях и нощевах, и наг идох на ложе, во второй же в воскресенье, но не обнажен; есть же тамо вне града монастырь богат, рекомый Чертоза, в котором на всяк день странным дают иноци варение, хлебы и вино, юже милостыню и аз възприях.

Ведомо же буди яко от Флоренции до Бононии суть бо миль; Бонония есть град изряден и знаменит в Италии, под

папскою областю состоит, протяжена в широту, паче нежели в долготу, имать прекрасные дома и палаты, и много знаменитых и богатых в себе содержит людей; дома же толь широкия на улице имут кровли, яко еще бы и наибольший дождь был, мощно под ними пройти без омочения ног; улицы же суть широки и стеклито каменьями сажденныя, того ради, да в дождь вся нечистота от града на средю исплывает; церквей и монастырей краснотных много; тамо есть первоначальный храм при торжище стоящ зданием весьма велик, древней удивительной архитектуры греческой, над престолом два огромные раззолоченные органа, а вокруг их позлащенные хоры с перилами для певчих во время службы; храм сей именуется св. Петрония, ему же подобнаго во всей Италии мне не случися обрести; насупротив сей церкви возле кардинальского дому находится мраморная статуя, представляющая великана, вокруг коего суть малыя статуи, изпускающия из себя воду фонтанами, из мрамора же сеченныя; тут же находится конское рыстание на улице св. Стефана; сея улицы все стены украшены живописью. Тамо переходит сквозь град река именем Рено, узкая, обаче глубокая, которая много пожитку и корысти жителям приносит; разделяют бо оную на многие части, ово на мельницы, ово впускают малыми потоками в ограды и творят многоплодная корения и зелия ко яствию и варению; хлеба несть нигде изряднейшаго яко тамо, разве в Венеции, и по мерной продается цене, и инная вся к ястию такожде суть довольна.

Вне града Бононии за три версты есть церковь на горе Пресвятыя Богородицы, где образ ея писан св. Лукою; к сей церкви от города зделаны крутые каменные переходы с мраморными ступенями, коих стены украшены живописными изображениями священной истории, дозде новым путем шествовах, сеже на первый (им же к Риму идох), паки возвратихся, и уже вторицею бых в Бононии, оттуда старым путем шествовах 10 миль к знаемому граду именем Ферара, в том граде кончается владение Римское и монета, зачинается же далее владение Венецианское и монета.

Изъидох от Бононии в понедельник 5 октября о полудни,

приспех до Феррары в среду 7 октября о полудни, оттуда имех шествовати паки путем прежним чрез Падуу даже до Венеции града морскаго 65 миль, но посоветовавшись точию 24 мили идох земным путем до града не велика, обаче пресловута куплею и торговлею, именован Ровиго. Место оное преходит река великая именован Лядышь, наченшаяся между великих гор, и выпадающая в море; того ради и оное место Ровиго есть от части тамо пресловутое, яко многие людие кораблями и ладиями от моря приходят оною рекою, и куплю деют. Приидох тамо в пяток о полудни, и видех многих многая купующих, и многих многая продающих, и удивляхся почто не видех тако, егда первое идох еще к Риму; вопросих же некоего от стоящих на рынке, почто тако многолюдно ныне, прежде же не бысть тако, и рече ми, яко в сей час на всяк год бывает ярмонка велика, и торгуют на мног час; сия аз слышав, умыслих тамо замедлети до вечера, и сотворих тако, и видех многих купцов различные продающих товары, многия же штукотворения, игры и интермедии творящих; видеж же многие корабли пришедшие от Венеции и имущия возвратитися; просих единого от плывущих, да провезет мя оттуду водным путем к Венеции Христа ради, и обещах ми сотворити милость и повеле ожидати, донележе продаст рыбу; и ожидах полтора дня, си есть, в пяток 9 октября до вечера, и в субботу 10 октября до вечера.

В вечеру же по захождению солнца отпустихомся с оными рыбами водою, и пловохом чрез всю ночь 10 миль, и приплыхом уже начинающуся дню к некоему граду на море стоящему, ему же имя Кюза; тамо аз замедлих даже до вечера: мнех бо тамо милостыню велику испросити, идеже не бывают peregrины, но зело малу обретох; исках же иных плывцов к Венеции; но не быша, не хотяху бо тогда ни кого везти, понеже бысть день воскресный, 11 октября, ожидах же и не хотя даже до утра, и ношевах в гостиннице.

Заутра же в понедельник, аще и много пловоша к Венеции, обаче ни един мя возхоте взяти Христа ради, но требоваху мзды, аз же понеже оскуден бых, не возмогах дати, и ожидах на мя призрения Божия; и се по малом времени плываху не

далече к острову людие малою ладиею, откуда морем ногами итти можно; молих же их, да мя возьмут с собою; и взяша мя без всякаго отречения, и привезоша 5 миль водою к острову, и идох того дня 10 миль, все людьми тамо живущими, и много милостыню даяху от хлеба и от поленты или киселя из пшенички устроеннаго, не даяху же ми скоро ити: вопрошаху бо мя окрест обстояще, наипаче же жены, откуда родом, откуда и камо иду, и прочая. Прешедши того дня десять миль, испросих у корчемника, вне корчмы под покровом нощевати, иже сожалеса надо мною, и даде ми чашу малу вина, и полн светильник оливы (масла деревяннаго) да что восхощу, творю при нем, и отъиде; сидящу ми тамо в вечер, абие снидеса ко мне народ мног, и беседоваху со мною много, донележе олива в светильнице можаще светити, таже разыдошася; нещыи же не хотяху разытися со мною, видяще мя охотне с ними беседующа, купиша же оливы светильник полн, и сидяху со мною разглагольствующе, даже до полунощи; таже инныи отъидоша желающе ми всякаго блага и благополучной нощи; последи же угасло светило, и аз сотворши обычное моление, облегох; но мало отдохнувши бодрствовах даже до дня, не возмогох бо более спати, ветра ради и зимной стихии.

Утру же бывшу во Вторник пойдох воскрай острова брегем ищущи пловцов к Венеции грядущих, но не обретох, иже бы мя возхотеша Христа ради превезти, вси бо хротяху мзды, наипаче же того ради, яко одного везти не хотяху vsуе трудитися, инных же везти не случашеся; ходящу же ми воскрай брега и печалующу, се абие узрех пловущих к Венеции с оградными зелиями и корениями на продаяние к варению, и молих, да возьмут мя с собою; взяша же без отречения, и превезоша мя даже внутрь града самаго; аз же благодарение им воздав, идох перьвее к греческой церкви, и бых на вечерни, узрехся же со священники, и позна мя абие протопоп, аз же поклонихся низко, и просих его, да не возбранит ми некий час пребыти в гостиннице своей; он же не точию благослови, но и сам иде со мною, не далече бо от церкви отстоит гостинница, и вручи мя живущим, да не возбранят ми тамо пребывати, донележе возхощу замедлити в

Венеции; аз же положих некия тамо своя вещи, сам же в по-вседни ходих на ночь к инных гостинницам, идеже peregrinam дается милостыня: в Венеции бо гостинниц много к ношеванию и содержанию, определенных же для всех бедных особне, для peregrinow ли и путников странных; первая из них именуется госпиталь святого Петра и Павла.

Тамо первого вечера дается хлеб и вино и двенадцать сольдов или полушек и ложе; второго вечера хлеб и вино и ложе; третьего такожде; вторая именуется госпиталь св. Иоанна и Павла; тамо несть пенязей, токмо три нощи ношевати, и в вечер же хлеб и вино давати обыкоша; третья стоит аки бы на предместии на месте именуемом incurabile, то есть неизлечимый, до него же тебе чрез воду около мили превезтися; тамо раздается хлеб и вино, и едина ночь к преношеванию, аще же ты хощешь, аще же ни, то в кое ни будь время можешь отобрати свою порцию, мнози бо тако творят, ради неприборных одров; к четвертому госпиталю (аще кто возхощет) треба превезтися на остров именем Мурано; тамо на едину токмо ночь постеля добра и шесть сольдов жалования дается; тамо знатные суть стекляные заводы, в них же прекрасныя зеркала и вещи удивительныя делают. Сия еже аз вся разсмотрех последи, бывшу ми уже во всех оных вышереченных госпиталях и мыслящу изыти в путь, не хотяшеся ми ветхим возвращатися путем, но зело желая морем пуститися ко граду именуемому Зарра или Задра, в Далмации стоящему; наипаче же сие мое бысть велико желание не видения ради (понеже много видех красна и чудесна), но посещения ради мощей угодника Божия Святого Самсона Богоприимца и иных святых; еще же того ради, яко тамо всюду наченше от далматов хорваты, сербы и болгаре славенским разглагольствуют наречием, аще и италиански добре знают, идеже благо бы мне было шествовати, знающему добре славенский язык, понеже италиански не знах, или мало что, и многую претерпех нужду, не могуши ни милостыни, ни ношевания, ни пути, ни разстояния града от града, или веси от веси, ни числа верст вопросити, ниже что либо испросити, того ради не хотех от Венеции на сухой изыти путь, хотя весьма желание

мое исполнити, аще бо и зело нужно есть в Венеции замедлети тако богатому яко и нищему: богатому, яко много пенязей погубить кормящися, вся бо драгоценно продают, нищему же яко зело нужно и пенязей и хлеба испросити, обаче аз двоих ради вещей могох некую премедлити седмицу; первое яко имех своя деньги, яже мне от церкви греческой сотвориша в милостыню; второе, яко имех место ношевания, ибо мне священницы церкви греческой дадоша власть в гостиннице оной, идеже невольников от турка ушедших, или каким нибудь другим случаем свободившихся, воспримут, пребывати, донележе восхожду замедлети в Венеции: сего ради аз час от часа, день от дня, седмицу от седмицы медля, на всяк день ходящи сюду и сюду, осматривающа, ищуща, и вопрошающа многих, аще ли несть каковой либо корабль от Задрия пришедый или возвращающа, или от Венеции к Задре плывущий, или в инну страну чрез Задру грядущий; но никакоже обретох: аще же и обретох много, но таковыя, иже требоваху мзды, мзды же великой, ейже чрез все путешествие собрати не возмогах (т.е. многие цехины, или яснее рещи червонные), Христа же ради никто же взяти хотяще, глаголют бо мнози, яко перегрин путешествуя по свету, и обходя страны, зело многие собирает деньги; аз же глаголю под совестью, яко Бог точию един весть путническую нужду и терпение яко от горячести солнечной во время летнее кровавый от телесе, даже с болезнию сердца и главы, изобильно истекает пот, и кости разслабевают тако, яко ни ясти, ни пити, ниже глаголати воистинну что либо хощешь, утружден сый до зела, како во время осеннее дождевное, наипаче аще случится долече от града или веси, на поле, или в дубраве претерпевает лияние и ветры, дрожа и стения сердцем, иногда же и плача с призыванием Владыки, понеже не имеет ни единого рубища суха на телеси своем, весь сый хладом пронзен и дождем излиян, измочен, отягощен! Что же реку како во время зимы хлада, мразы, снега со обмертвением внешних и внутренних членов претерпевает, иногда же не могли стерпети, безвременно жизнь свою скончивает, ни единого же имея члена тепла, един точию дух

тепл, им же дышет; но оставя сие разсуждение, возвращаюся на первое.

И тако ми день от дня коснящу исполнения ради желания того, уводяся день от дня замедлих четыре седмицы, си есть целый месяц октябрь; последи же егда начата являтися ветры и мразы, и часть возмущашеся море, не являхуся никаковыя пловцы к граду Задре, к тому же обещаша на мне ризы и раздрашася, и тако отпаде ми желание; сухим же путем прежним бояхся шествовати, понеже путь ми подлежаще чрез горы, идеже толь великие снези упадают, яко чрез все лето изгибнути не могут: еще бо грядущу купно с друзи моими видехом многие снези на горах лежащие в средолетие, о них же прежде писах довольно: сего ради умыслих тамо в Венеции чрез зиму при греческой пребыти церкви, и бысть тако, молих бо начальнейшаго от священников онаго преждеимянуемаго отца Василия, да благословит ми пребыти чрез зимное время в вышереченном госпитале, и абие благословил без всякаго отречения; последи же видяху мя не отходяща от Венеции ктиторы, или старосты церковные, вписаху мя в реестр церковный купно с убогими, им же дается на всякий день недельный по пятьдесят сольдов (еже творят в монете польской осмнадцать грошей, российских же два алтына, полагая по два сольда с четвертью на полушку), даяху же купно и мне равную с прочими милостыню; от их руки аз взимая и Бога благодаря за промысление его обо мне, молих всегда за благодетелей своих, живущи тамо в оном вышеописанном госпитале при храме святаго Великомученика Георгия; последи же омерзе мне до зела празность, яко не имех что делати, и не умех, едино точию учение латинское, руское, и инное школьное знах, един бо от учащихся бых; есть же тамо семинариум, си есть школа греческая, в ней же дети греческие от инных стран греческих пришедшие учятся италианскому и латинскому наречию, даже до риторики.

Семинариум оное надлежит под протекциею больших неких бояр венецианских, иже не тако (мню) своя ради славы, яко паче Божия, дают кошт большой, платяще дидасколу, си есть учителю, за оные чуждые дети, кормяще, и одевающе их, даже

чрез шесть лет; тамо аз приходя часто и видя школьное их учение, желех зело, да нечто мало изучуся гречески, и молих учителя их, иже ми духовный отец бысть, да не возбраняет ми приходити тамо по всяк день; он же не точию не возбранял, но соизволи и благослови, еще повеле ученикам своим, да еще о чесом либо нибудь вопрошу, да покажут ми и научают; вси бо мя греки любяху, яко един с ними имам веру; аз же ходих и научихся грамматики греческой и писания их, ожидая времени тепла путешествию моему; егда же увестишася нецны от греков и от старших церковных о моем пользовании, и в такой нищете прилежании к наукам, благоволиша о мне зело, и подаваху мне частее, еще и малу милостыню; ктитори же церковные видеши мя нага, и дадоша ми одежду добру и теплу, и благодарив аз Бога и на большую егож честь и похвалу учахся, обаче мало пользовахся, понеже краткое к научению имех время, два дни бо просих милостыни ходящи по граду, третий же день учихся. Зело бо трудно в Венеции, наипаче убогому жити воскормления ради, ибо каковою ценою в иных странах три или четыре можешь кормитися дни, тамо един не весьма доволен; сие же творих чрез три токмо месяца, си есть, ноябрь, декабрь и январь, последи же престах, яко зело мя ненавидяху сожителие мои в госпитале, часто со мною сварящесе и премудрым мя имянующе Соломоном, насмевахуся, и иная многая пакости деяху, множицею бо книжицы моя и писание школьное вметаху в огонь, и прочая неугодная творяху; аз же иногда сваряхся, иногда же на Господа возвергая печаль мою, моляще, да той мя препитает и по печали даст радость. Таже месяца февраля 1725 года, егда начат теплети, начах и аз о себе промышляти, зима бо тамо кратка есть, и аки бы несть, чрез три бо оные хладные месяцы ни единожды не бяше снег, еще окрест и велик по горам бяше, не может бо там, наипаче в Венеции, яко стоит на море, снег падати; еще бо когда окрест Венеции бывает снег, тамо дождь, снег бо в дождь разтаивает и претворяется от теплоты дыхания морского. Видя аз, яко день от дня теплейше является, начах паки о прежнем своем промышляти намерении, и хотя весьма желание свое исполнити, молих Всемилоствиваго

Владыку и Творца моего, да якоже сподобил мя великому и дивному света сего сооружению зрителем быти в прехождении стран и градов; и якоже всеильною его помощию многая святая сподобихся места посетити, молих Всемогущество его, да и конечное путешествия моего исполнит желание; ходих едва не на всяк день в вечер на плац Марка святого, си есть, на базар, разсмотря чудныя лица, игры и продаяние балсамов, диалоги, комедии, обычаи, приветствия и прочая, яже изчислити не могу, есть бо воистину что видети тамо; все бо еже может обрестися что либо чудесное и новое, во всех тамо окрестных странах к Венеции приходит. Тамо аз различных и чудесных вещей много видех, о них же последи изъяснити пошщуся; zde же превее описание онаго всей вселенной пресловутаго града прекрасной Венеции, и яже в ней, в кратце изъяснити пошщуся; обаче о сем превее разумный читателю ведай, яко Венеция двояко именуется; первое, все владение, надлежащее к дожу Венецкому, именуется Венеция, о них же несть zde глаголати подробно, второе, самая столица, си есть, первоначальный град, идеже обитает принцип или дож, и вещь Посполитая, именуется Венеция, и о сей аз мало zde изъяснити пошщуся.

Венеция есть град прекрасный славою и честью во всем свете сияющий, дивной ради своей лепоты и чудеснаго на воде морской устройства, имать в себе много церквей и лепотных много вежей, то есть, башен и колоколен, высоких и равных стоящих, и многи часы на них устроенные, наипаче же первоначальная в граде церков святого апостола и евангелиста Марка есть зело лепотна, обаче ныне в костел от римлян превращена есть. Лепота ея таковая, от вне имать верхов пять больших свинцом лепотне покровенных, и имать же многими персонами и различными гзимсами мраморными украшения от всех стран, первая, си есть западная стена мусиею и различными мраморы украшенна, ако злато блещится; верху же мусии различными малеванна фигурами, последи же напреди щита четыре кони позлащенные, аки живые искусне соделанные имать, часы от стены правой. Внутрь вся даже до половины наченши от верха прекрасною насажденна мусиею; по мусии же старинное гречес-

кое имать иконописание, от половины же даже до земли разнолепотными таблицами и столпами от мрамора драгоценно насажденна и украшенна. Первоначальный же престол (повествуют) яко свинцу не имать, от многих бо дражайших мраморов и камней различных, еще потом греческим есть соделан. Что же реку о павименте или помосте? Воистинну удивлению великому достоин есть, како от различновидных, малых же аки боб камней мраморных весь насажден, разныя фигуры, птицы, цветы, рыбы и прочая животная изображающии; многи суть, яко рех, прекрасные костелы, обаче инные и от греческих церквей превращенные, и та самая греческая церковь (при ней же живях) святого великомученика Георгия, превращенна есть, и не вся по древнему греческому правилу творят отпаву свою, якоже и мы не во многом разнствуют.

Церковь греческая есть зело лепотна, от вне и от внутрь от единого превеликого тесаного составлена камня старинным расположением, ни единого в себе имущая внутрь столпа, токмо вне мало, и верх точно един велик, листовым белым железом лепотне покровен; тамо греки обыкновения не имут никогда приходити на утреню, аще бы и в наибольший праздник, токмо на службу Божию и на вечерню. Там в церкви не дозволяется просити милостыни; но един от церковных прокураторов есть поставлен, просяй ходящи по церкви на всю неделю в службе Божией; по окончании же раздает деньги тем, что повелено, иже суть вписаны в реестр церковный. В отправе церковной согласуют во всем с нами, токмо сим разнствуют; перьвое на службе Златоустаго, егда служат собором на перьвом входе, си есть со Евангелием егда речет диакон, «премудрость простим»: все единогласно поют: «Приидете поклонимся и припадем ко Христу»; таже входящим в олтарь окончивают, и абие поют сами такожде и тропари; 2) прокимена не поют пред Апостолом, но четет, иже четет Апостол; 3) по Апостоле не поют на два клироса: «Аллилуйя», но на единой стране; 4) «Господи помилуй», и прочая; к ектению всегда понамарь ответствует в олтарь; 5) «иже Херувимы», на единой поют стране; 6) егда многолюдствие бывает в церкви, диакон не читает Евангелия

посреди церкви, но возглашает на кафедре высоко, идеже проповедь бывает, и тамо чтет лучшего ради внимания; 7) каноник токмо на единой поется стране; 8) егда речет: «вонмем, святая святых», не отвещает абие понамарь, «един свят», но первее глаголет: «на помощь всем православным Христианом», таже «един свят», и прочая до конца; на вечерни, егда служат собором, сами священники поют «Свете тихий», егда же ни, то поет един на клиросе, и не входит в царские врата священник, донележе не услышит, «пришедшу же солнцу на западе», не выйдят на среди церкви пети ничто же, ни «стиховен», ни «достойно», токмо на крылосех; всегда же один от них что либо поет, прочие же токмо гудут и творят, в подобие некоего инструмента; всенощное вкупе отправляют с обеднею; утреннюю же всегда в свое время; на всенощное же хлебы великие пекут с медом и корением, и раздают всем от велика даже до мала, ни единого презирающе, яко у нас бывает; один точию раз благовестят на всякое Богомолие или на службу Божию, или на вечерню, или на утреню; в воскресенье и в иные праздники звонят во все колокола; по вся же дни в один токмо; в великие же праздники звонят трижды; первой раз егда идет священник на проскомидию; второй, егда преносит дары; третий егда глаголет: «со страхом Божиим и с верою приступите».

В четырехдесятницу, на «преждеосвященной» не чтут «парамиев» посреди церкви, но на крылосе; 2) «да исправится» поет седмичный в олтаре, а не якоже у нас чтят «парании» посреде церкви, он же поет и «да исправится»; поклонов творити не обыкоша, токмо метание; на перьвой же неделе поста на повечернем каноне поклонов не творят, токмо крестятся; в пяток не чтут «пассии» или страстных Евангелий, токмо малое Евангелие; вместо же «пассии» чтут часть от акафиста Богородицы, разделяюще по три «икосы» на пяток, чрез четыре седмицы на повечернице на месте оном, идеже треби чести «канон», поют «ирмосы» от акафиста с стихами, даже до «икосов», последи же выходит священник пред местный образ Богородицы и рекши: «Ангел предстатель послан бысть рещи Богородице, радуйся!» трижды; таже чтет три «кондака» и три «икоса»,

последи же престаает, и поют клирицы седьмую «песнь» с стихи, и прочая до конца; во второй пяток подобне творят, обаче три икосы и кондаки инные последующие, священник четет; в третий пяток паки инные три, а в четвертый пяток оканчивают; а тако аки един акафист чрез четыре недели чтут.

Обаче довлеет о сем, и возвращаюся паки к описанию Венеции, идеже мало помянух о лепоте церквей, обаче не могу их исповести, колико суть числом: суть бо премноги и лепоты их подробну не исповедую, понеже не всюду посещах, токмо сие пишу, яко многия имут части святых мощей, тако греческих, яко и римских, обаче не целыя, но малыя части, и не показывают ни комуже: суть три токмо целыя телеса святых греческих в римских лежащая церквах, их же токмо трижды в год открывают и показывают, сие есть в Светлое Воскресение, на сошествие св. Духа, и в день их празднования: перьвый святой именуется Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, иже лежит в церкви, именуемой S. Iohannis Bragulae, на правой стране, в золотой раце; второй святой именуется праведный Сава, иже лежит в церкви именуемой св. Антония; третий святой именуется Афанасий Патриарх, учитель церковный, иже опочивает в монастыре Капуцинском в церкви.

Славится же Венеция:

- 1) основанием на воде,
- 2) лепотою и множеством прекрасных церквей и колоколен,
- 3) множеством мощей святых Божиих,
- 4) лепотою и строением прекрасных палат, и расположением улиц, в них же непрестанно вода морская проходит,
- 5) яко от улицы до улицы суть каменные мосты лепотне устроенные прохождения ради, суть же числом всех 66, кроме деревяных, их же едва кто изчислити может. Есть тамо мост главнейший и лучший, имянуемый Ксалу, иже есть долгий, широкий и крепкий яко много выстроено на нем купеческих лавок великих, белым железом покровенных об он пол стоящих; под сводами же его корабли большие проходят.

6) Венеция есть славна и честна разнством купцов, иже приходят тамо от различных стран и куплю деют, яко то от

Греции, Турции, Армении, от немецких, гишпанских и прочих безчисленных стран.

7) Венеция есть славна и честна того ради, яко ни сеет, ни орет, но всякое изобилие от привозу морем имать.

8) Венеция есть славна и честна, яко в ней дож, или вождь всего Венецкаго владения живет, на него же посмотри в ассистенции сенаторов и других вельмож и ужасно и преславно есть, что аж многажды видех, дож ходит в порфире царской от горностаев составленной, в голове же имеет золотый рог, его же и в църкве не слагает; сенаторы же егда сопутствуют ему, тогда в червленных, егда же ни, то в черных, обаче всегда ходят в долгой одежде, яже именуется латински *toga*, яже прознаменует покой. Венеция бо всегда сидит в покои; ибо ея не отважится никто одолети; того ради и печатается нетленною девицею, яко ни от кого есть поражена; Венеция есть славна и изобильна различными премудрыми мастерами и художниками искусными, иже нигдеже не возмогут лучшие, паче их обрестися.

9) Венеция есть славна и честна, яко имать премногое множество купеческих рядов и лавок; в оных вещи, каковые могут изобрестися в свете, продаются.

10) Венеция есть славна плацом или площадью именуемую святаго Марка, на которой заслуживает внимание: 1. Яко широкое, чинное, премудрое и прекрасное имать разположение. 2. Яко чудесная и удивительная творятся на ней чрез все года время, кроме первой и последней недели великаго поста; но довлеет о сем, понеже совершенно, даже до последней вещи описати не могу, егда еще и времени и труда много приложити тебе, zde мало изъясляю вещи, яже аз видех, иже суть в Венеции.

1. Видех пир нарочитый, его же сам дож Венецкий большим своим сенатором, и благородным бояром творит во учрежденные дни празднования. Пир оный (якоже повествуют венециане) составляет трижды в год, си есть на Рождество Христово, на Пасху и в Троицын день; обаче всегда различным образом, на него же смотри, едва ни вси грядут венециане, не возбран-

но бо есть; тамо и аз приидох и зрех, еже не зрех от рождения моего, того ради и пером изобразити совершенно не могу, понеже ни оценить, ни разпознати сложения вещей, разумех, се токмо глаголю, яко многия тысящи денег к составлению требует, от драгих бо вещей есть составлен, от них же суть нещии, яковый не обретаются в наших странах, нан же точию посмотриети есть удивительно, честно и преславно; ибо не простою сочинены яствою; но все яствы в лицах составлены, еще же персонами приличествующими к ястве или питию с подписами разумно приложенными, или от истории, или от басней рифмотворческих взятыми, яко то Вакх, иже бяше бог пьянства, яко то Церера, яже бяше богиня плодов земных, и прочая сим подобная, еще же кругом фигур человеческих, зверие, птицы, рыбы, горы, дубровы, реки, источники, и прочая безчисленная от ядомых вещей, аки живыя соделаны суть тамо: чему аз долго присмотряхся с великим удивлением.

2. Видех дивное творение, (еже по вся годы бывает) в баханалии, си есть в мясопустии пред четыредесятницею. Еще бо за пять или шесть недель пред великим постом начинают веселитися, ходяще по улицам и по базару играюще, скачуще, поюще, закрывающе лица своя личинарами, и творяще многия игры, празднословия смехотворения, интермедии и прочая, зело удивительно, тако от нищих, яко и от богатых, даже до остатнаго дня мясопустнаго; пред заговеньем же за шесть дней сооружают от древа великую и лепотную структуру посреди плаца святаго Марка, в подобие некоей палаты или вежи, всю малеванную лепо, иже мнится аки от камня мраморнаго составленна быти, на ней порохов и рацей многое множество, таинственно сокровенны суть зажжения ради, и показания ради многих огней; по обою страну того щита соделывают два феатра для творения диалогов и танцов, для бою на шпагах, и для прочих действий; окрест издалече устрояют здание седения ради народа, и лучшаго ради видения; сим же тако устроенным, изводят мясопродавцы повелением дожа трех или четырех волов, и великим мечем всем от перьваго до последняго пред всенародными очами отсекают главы, аки бы закалающе на уготовление

*Венеция. Карнавал.
(С картины худ. Пьетро Лонги, середина XVIII в.)*

пиршества мясопустнаго; последи творят танцы и штуки по обою страну на оных феатрах; таже вжигают сокровенныя на щите из пороху устроенныя вещи, яже аки молния с небеси спадшая мнятся быти с громом, и явлением разновидных огней.

Паки по двою или трою дню, внутрь дожескаго двора устрояют палаты на седение народа, и снисходятся людей много, водят же паки вола оцепивше за рога вервом, и водяще окрест издалуче, таже припуцают псов изученных хватити за уши, и травят дотоле, донележу живому отгрызут уши; таже изводят втораго, третяго и четвертаго, и творят всем такожде даже до девяти, десятаго травят без верва, единодесятаго привязуют до висящаго верва посреде двора дожескаго, дванадесятому волу отсекают главу, и последи расходятся. Но преидем отсюда к инным вещем яже видех в Венеции.

Видех по вся дни (кроме святой четыредесятницы) от великородных людей, тако полу женскаго яко и мужеска, приходящих на всяк день по утру и в вечеру на плац святаго Марка на видение штук и действий; того же ради облакаются в личины, да не познаваемы будут родителями и други своими; безчестно бо есть тамо богату стояти, и на оныя игры и чудеса смотрети; тамо аки на ярманке всегда народ мног, идеже и аз едва не на всяк приходя день видех многая чудесная, обаче не волхвованием, но наукою творимая.

1. Видех двух человек сильных единаго от стран римских, другаго же от французских, в Венецию пришедших, и различные показующих храбрости, римлянин такову показовате силу: наливает ушат воды полон, и взимает от земли зубами, заложивши назад руки, и трясет тако, яко верьху главы его вода льется, таже по малу наклоняет главу и поставляет на землю; паки тот же ушат оцепивши вервом подъемлет в верьх носом, и держит яко чрез пять минут, также полагает на землю; паки две большие пушки, едину на едином, другаю на другом плече положивши держит; паки поставляет два стула, и на оных возлегает с верьху чревом, единаго дотыкающися главою, а другаго ногами; верьху же персей своих трем человекам возлезти и

стояти повелевает, и тако стоящих на себе держит висий главою и ногами на седалищах, и никако же угинайся до земли; паки подымает человека с лестницею высоко, и держит на зубах; паки железную великую наковальню, тысящу фунтов весу в себе имущую, полагает верху персей своих, сам лежащи на земле, два же человека всею силою великими млатами верху наковальни бьют.

Француз такожде сильный, о нем же прежде рекох, таковые показа храбрости: 1) Человека стоящаго на лестнице возвышает в верх, и полагает верху зубов, и держа его, пляшет. 2) Паки бревно великое яко трем человекам на плечах понести верху зубов держит. 3) Стол с кушаньем держит на зубах. 4) Два ушата железными окованные обручами, и наполнены водою, вешает по обою страну с креста древяна велика, и держит на зубах. 5) Верв толстой, яки первый палец человеческий прерывает; паки видех по шнуру скачущих и чудесная творящих чело-веков и жен, и прочая игры и штуки различныя делающих.

И тако ми помышляющу и сетующу на долзе, яко не мог обрести корабля, случися ми тамо в семинарии греческой (о ней же предрекох) с единым от учеников разглагольствовати о путешественных случаях, нуждах, о желании и намерении моем, и советова ми, да пойду в отечество их на острова морские, идеже есть вольная Греция, си есть, под Венециею, а не под турка надлежащая, сказующи, идеже суть святых Божиих мощи, и тамо суть милосердные людие к путникам и прочая, и показа ми купца грека иже тамо имеяше plyсти от Венеции, с товары в кратком времени, и настави мя, да прошу его; просих же, но той пренебреже прошение мое; умыслих же просити старейшин церкви греческой, да сотворят за мя ходатайство к оному купцу; и тако событсыя (помощию Вышняго) ходатайствоваша бо за мя и обещася мя взяти без отречения токмо повеле ожидати благополучнаго морскаго времени. Аз же рад бых зело; ожидах же уреченнаго времени предуготовляючи себе потребная на путь.

Первой бо недели по обычаю Христианскому святой четы-редесятницы приуготовляхся к Божественным тайнам, и спосо-

бихся исповедавши грехи своя проичастником быти оных, и уже во всем бых готов на путь, единого точию недоставаше ми, от части и неприятно бысть, яко не имех никакогого другаго со-путника себе; се мне мыслящу в субботу с вечера, во утрие же рано на плац святого Марка изшедше, и разсмотряюще, идеже книги и картины продают, узре мя издалече некий странный старец благочестивый, и мяше мя священника быти, понеже на главе моей священническую шапку виде, юже еще из Польши принесох, и ять мя нечаянно за руку, и рече ми, здравствуй, господин! Аз же видех его, удивихся, како тамо прииде, и каковым образом таковой инок, и отвечах ему, здравствуй отче честный, и начат мя с радостию вопрошати: откуда есмь? Аз же рек ему, яко аз несмь ни священник, ни инок, точию един от простолюдимов есмь; и рцы ми честный господине, что есть честность твоя! И откуда прииде, и камо грядеши? Тебе бо первее рещи подобает, понеже честию и саном мя превозвышаеши; он же смирен и простодушен сый и ничто же хотя утаити предо мною, вся ми изрече подробну, начен от рождения своего сице:

«Аз, рече, родом есмь от стран польских, от града Острога, от шляхтичей Гурских, от родителей благочестивых рожден и воспитан, близнец от чрева матерной происшедый, един сый (умершим всем первым) последний благодатию Духа Святого не вем на каковый конец снабден остана; егда же родители мои состаревшиися разъидошася с собою самовольно, бывшу мне тогда в двоюнадесяти летах, и взят мы мати моя с собою 1680 году, и иде в град Киев бывшу тогда тамо гладу, и пострижеся в монастыре женском в монахини, меня же постриже в иноки в Софийском монастыре катедральном. Держашу тогда престол архиерейства, митрополиту Варлааму Ясинскому, мати бо моя еще прежде рожества моего, сущу мне во чреве, обеща мя Господеву, и тако по обещаанию сотвори; тамо точию росфор восприях, си есть малый иноческий чин, и жих тамо един только год в келии архиерейской под началом, и послуговах ему всегда и братьям такожде, повелением его, во время стола.

Таже егда по имянному повелению государя императора

Петра I браху в Москву учителей, взят мя един от учителей сродник мой с собою, и привезе мя в Москву, и жих при нем полгода; таже преосвященный Стефан Яворский, митрополит Рязанский, взят мя к себе; той ми даде мантию, диаконство и священство; последи по прошению преосвященного Каллиста, архиепископа Тверскаго и Кашинскаго, отпусти мя преосвященный Рязанский к нему, и тамо жих полгода; тот благослови мя, быти строителем в монастыре Духове, во граде Кашине; тамо пребывах три года, и построих церковь древяну красну, во имя Антония и Феодосия Печерских, деньгами испрошенными и собранными от народа; оттуда по смерти преосвященного Каллиста архиепископа, взят мя Благочестивейшая царица Параскевия Феодоровна, и посла мя в Великий Новгород к преосвященному Иову, молящи чрез писание, да посвятит мя игуменом в новосозданный ею в ея волости монастырь во имя Чудотворца Николая, где аз паки якоже и прежде чрез прошение от народа собранными деньгами построих монастырь, и собрах братию даже до 24 человек, и живях три года.

По триех же летах преосвященный Иов Новгородский взят мя оттуда и посвати мя архимандритом на Великие Луки; тамо такожде пребывах три года оздобляючи монастырь, церков и вся потребная; по смерти же преосвященного Иова, царевич Алексей Петрович взят мя на больший степень в монастырь Тихвинский: тамо многим трудом и прошением милостины устроих чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, златом и предрагими камнями, и жих тамо четыре года. Но как в то время по делу царевичеву многие из духовных подпали греву цареву, то и я опасаясь, да не что зло постражду от клеветников, многих бо имел неприятелей при дворе царском: сего ради оставивши начальства, чести, богатства и имения, яже имех и бежах в полунощи, октября 24 дня 1720 года, в область Польскую, в страны Литовские, единого спокойнаго житию своему имущи места, но не обретох, и обещахся путешествовати по свету, посещаючи святые места дотоле, донележе таковое обрящу место, идеже бы мя токмо един знаяше Бог и аз его».

Таже мя сказа вся по ряду, како из Польши пройде Молда-

вию, Валахию, Сербию, и посещаше мощи святых великих Феодора Тирона, лежащие в Сербях в монастыре Опове, и святого Симеона Богоприимца, его же мощи в Далмации во граде Задре, и како шествоваше к Бару граду, паки како поиде до пресловутаго града Рима, и како тамо бяше на трапезе у папы римскаго Венедикта XIII и паки како оттуда возвратися, и како дойде к Венеции, и како со мною совокупися и прочая; видяще же аз его добронравна, простодушна и любовна, вся исповедах, како путешествовах, где бых, како семо приидох, и како отти хошу, и рады быхом, яко сице снийдохомся с собою, и дадохом слово да не разлучимся, но да совокупно в любви пребывающе, шествуем вкупе, амо же аще не случится. Он бо мною доволен бяше, аз же им, понеже видя его человека смиренна, благодарумна и доброе имуща житие, не стяжателен же бысть до зела, ибо и одинаго не имеваше пенязя, кроме малаго укруха хлеба на воспитание жизни своей, советах же ему, да идет к церкви греческой и просит милостины, понеже оную тамо всем творят православным; бысть же тогда день воскресный, и тече с радостию, не тако взятя ради милостины, яко паче слушания святой литургии, и приидохом, и поклоншеся иконам, идохом и молихом в церкви сущих о милостине, южа и дадоша, и не разлучахомся с собою, и жихом в гостиннице греческой, ищуще себе совокупнаго корабля; идохом же и молихом онаго купца, иже мя обещася взяти в Грецию, си есть в Кефалонию, и не хотяше, и паки просихом; но весьма отмахешся, понеже имеваше зело отягощен корабль людьми и товары. Аз же с сим Рувимом недоумевахом что творити, понеже не хотехом с собою разлучитися.

Корабль же онаго купца хотяше отплыти во скоре, и отплыве; мы же остахомся в печали, дондеже следующий предста случай: некий капитан сербской веры, именем Вукол, находящийся в Венеции, егда уведа наше нужду, и желание многое над нами показовате милосердием и ходатайством к некоему великому болярину, иже обладает кораблями, просящи, да украсит нас в Корфус, идеже почивают мощи святого Спиридона Тримифунскаго Чудотворца, да оттуда возможем пойти в Кефалонию, сказахом же, яко еще имамы желание (аще Бог изво-

лит) пойти в Иерусалим поклониться гробу Христову, и рады бяху о словесех наших, и тако за ходатайством онаго Вукола Сербина вышеписанный Венецкий болярин написа лист к единому корабельнику купцу под его сущему властью, таковой, дабы он не точию нас взял в корабль безвозмездно, но дабы собственным хлебом и кормил нас, обещаяся ему наградити, и отослал нас к нему с единым человеком в воскресенье в вечеру февраля последняго числа. Тот же корабля властелин абие с единым слугою посла нас в корабль и ношевахом тамо.

Заутра же в понедельник марта 1 числа пребывахом таможде не исходя от корабля, ожидающе исхода кораблю, понеже бяше ветер противен, и не могохом плысти, и спахом тамо; таже в полунощи Божьим изволением возвевя ветер помощен, и вси сниидошася в корабль, и отпыхом уже начинающуся дню даже за предградие места, и бысть марта 2 числа во вторник тишина велия, яко не могохом плысти, и тягнута корабль оцепивше вервами в лодках малый веслами гребуще, и не можаху двух ради вещей, яко спаде вода и касашеся дна судна, второе, яко отягощен бысть многими вещьми, и тамо стояхом даже до нощи, ожидающе прибытия ветра и воды; в нощи же возвевявшу ветру малу, начахом плыти по малу и начахом спускаться в глубину морскую, и пловохом два дни и две нощи, си есть, чрез среду 3 числа, и четверток 4 числа 80 миль, и приплыхом к некоему граду на брезе морском стоящему; ему имя Паренца: тамо замедля корабля начальник чрез два дни, пяток 5 числа и субботу 6 числа, ово ветра ради, ово же купования ради неких вещей; мы же видяще начальника корабля ничто нам к яствию не дающа, аще и приказ имейше, изъидохом со честным моим сопутником иеромонахом Рувимом Гурским прошения ради милостины, и испросихом помощию Божию довольну к препитанию неких дней.

Таже марта 7 в воскресенье рано возвевяшу мало помощну ветру пыхом воскрай берега морскаго, к другому еще знатнейшему граду имянуемому Рувинию; тамо слышахом о мощах лежащих в костеле римском святыя великомученицы Евфимии прехвальныя девицы, и потщахомся воскорее изыти из корабля

во град, и идохом в костел и просихом тамо начальных священников, да покажут нам, понеже всегда суть затворены, и не хотяху, понеже римляне мощей святых Божиих не обыкоша показывати, наипаче же греческих, точию слышахом сие, яко в град сей от Халкидона приплы; видехом же гроб, идеже лежат мощи ея, и окрест ходяще много народа и лобызающе гроб, и сподобихомся и мы поклонитися и целовати; замедли же и тамо корабль два дни, понедельник и вторник, и просихом милостины якоже и в первом, обаче более смеющихся нежели дающих обретохом, нещыи бо нарицаху нас схизматиками, инные же и еретиками, и не хотяху давати.

Оттуда отпыхом в среду рано марта 10, случися же тамо случай таковой, яко инок мой впаде во глубину морскую, яко на пять сажень лезучи в корабль; аз же вскричах, мнев его погибшаго быти; но Бог чудна дела творит, ибо абие воздвижен аки руками, и вознесен бысть верьху воды, и аз его за рукав одежды его извлекох в целости, держа собранную рясу и чотки в руках, да не в забвение пойдет, и се глаголю, яко изшедшим нам на море перваго дня, и плывуще на самой превеликой широте и глубине его, видехом точию небеса и воду морскую, и мняшеся быти, яко весь свет потопе, и несть ничто же кроме воды и неба, сице от превеликой широты мнится быти, яко ужасно и смотрети, наипаче же небывающим на нем; но Божиим строением, понеже бысть тишина, не вредяше ничто же. Во утрие же, егда возмутишася волны на море, и начаша носити и колебати корабль до зела, яко множицею вода вливашеся в корабль, и бысть страх велий, но не всем, единому бо мне первый раз существу на море; возмутися же ми сердце и завратися глава, яко едва не одурех, не можах бо ни внутрь и верьху корабля сидети; аз же убо въздыхах; другие же смеяхуся, глаголюще, не бойся, будеши последи лучше, нежели прежде здрав, и немощен тогда бых чрез весь день; иноку же и сопутнику моему отцу Рувиму не бысть ничто же, токмо мало болезнование на главу; едзяше бо он уже по морю, еще в России живущи; последи же егда отпути ни мало, паки видех инаго дня птицу падшую на корабль, ей же имя синица, яже не можаще

прелетети широты морской, седе на опочивание, юже аще и изгоняху, не отлете, донележе не препочи довольно. Сия аз видех почудився много, яко птицы знают свою смерть и боятся, сеже не единожды, но и многажды видех и прославих Бога за премудрое его творение; и тако пловущим по малу не бывша ветру добру, продолжишася дни многи, и уже не имущим нам что ясти.

Марта 11 в четверток печаловахом беседующе, и просяще Вседержителя, да свое о нас устроит промышление.

В пятницу бо марта 12 творящим нам обычное наше моление, носим бысть корабль непостоянными ветры; видехом же издалече град прекрасен; и се внезапно возшуме ветр от страны, и заврати корабль к оному граду, именуемому Ленсина, изрядные здания и благоплодовитые сады имущему, населенному большою частию греками восточного западного исповедания придерживающимся; и тако аще и не хотяше властелин корабля плыти, тамо приплы, и изыдохом из корабля во град, и просихом милостины даже до вечера, и испроихом довольно на пропитание неколиких дней. Есть же тамо монастырь мал святых Параскевы; в нем же иноки греческие живут, и посещахом оный, и дадоша нам милостиню малу, и благодарихом Бога, яко уже начахом в благочестивыя входити страны.

Комментарии

- С. 480 *Феофан Прокопович* (1681–1756) — архиепископ Новгородский и председатель Святейшего Синода, с 1711–1716 гг. — ректор Киевской Академии, писатель.
- С. 483 *...на Унию насилваны...* — Брестская уния 1596 г., объединение католической и православной церкви на территории Речи Посполитой, принята на церковном соборе в Бресте. Согласно унии православная церковь Украины и Белоруссии признавала, насильно со стороны подавляющего большинства населения, своим главой

римского папу, но сохраняла богослужение на славянских языках и обряды православной церкви.

- С. 488 *Иоанн III* — Ян III Собеский (1629–1696), польский король с 1674 г.
- С. 489 *Владислав Ягелл* — Владислав II Ягайло (Ягелло) (1348–1434), великий князь литовский с 1377 г., польский король с 1386 г.
- С. 502 *...сад царский, аки некий замок прекрасный <...> дом зело красен и велик... внешние палаты цесарския...* — Построенные в эпоху барокко просторные террасные парки и дворцы — Нижний (1714–1716) и Верхний (1721–1722) Бельведер (арх. Л.Хильдебрандт).
- С. 504 *...в церкви святого Стефана <...> при той же церкви изрядну и високу башню, или колокольню...* — Собор св. Стефана строился в разные эпохи: романский западный фасад (1137–1147), готический зальный хор (1304–1340), неф (1359–1454), южная башня, высотой около 136 м (1359–1433).
- С. 506 *Карл VI* (1685–1740) — император Священной Римской империи в 1711–1740 гг.
- С. 508 *...Бенедиктинскаго ордена монахи...* — Бенедиктинцы (лат. *Ordo sancti Benedicti*), старейший западно-европейский католический монашеский орден, основан ок. 530 г. Бенедиктом Нурсийским в Монтекасино (Италия).
- С. 510 *...в монастыре францисканском...* — Католический нищенствующий монашеский орден францисканцев был основан в 1207–1209 гг. Франциском Ассизским (1181–1226) в Италии, в 1223 г. утвержден папством.
- С. 515 *Вся Венеция за патрона или ангела себе имеет Еванге-*

листа Марка <...> вместо его самого лев с крылами изображается, держащий в ногах своих книгу... — Марк, один из двенадцати апостолов, александрийский епископ, составитель одного из Евангелий. Бронзовой фигурой льва (IV в.), ставшего символом евангелиста Марка (покровителя Венеции), украшены капители колонн (вывезены в 1127 г. из Тира, Сирия), стоящих на Пьяцетта ди Сан Марко (установлены в 1172 г., арх. Н. Бараттьери).

С. 516 *...на воде стоящий монастырь велик...* — Церковь и монастырь Сан-Джорджо-Маджоре построены в 1565–1580 гг. на одноименном острове.

С. 518 *...греческой церкви ... святого Георгия...* — Собор святого Георгия построен в 1539–1570, колокольня в 1582–1592 гг., арх. П. Ломбардо и А. Кион; в интерьере мозаики, выполненные по рисункам Тициана, Тинторетто, Сальвиати.

...в церкви святого Евангелиста Марка... — Собор святого Марка был построен в 829–832 гг., перестраивался в 1073–1095 гг. Собор пятикупольный, его украшают бронзовые византийские двери XI в., в интерьере — мраморные мозаичные полы и мозаики XII–XIV вв.

С. 519 *Коней же четыре токмо, и то от меди изваянных, над дверьми...* — Квадрига (III в. до н.э.), украшающая фронтон собора святого Марка, привезена дожем Энрико Дандоло в 1204 г. из Константинополя, захваченного и разоренного крестоносцами.

С. 521 *...для словопрения с арианами...* — Ариане, сторонники и приверженцы александрийского пресвитера Ария (ум. в 335), который утверждал, что сын Божий Христос не истинный Бог, а лишь «превосходнейшее творение» Бога-отца. Это учение вызвало ожесточенный бого-

словский спор в христианской церкви в IV в. В 325 г. арианство было признано Никийским собором еретическим, а Арий отлучен от церкви.

- С. 521 *Древние триумфальные ворота в честь кесаря Августа...* — Триумфальная арка устанавливалась на дорогах и площадях, на аттике в колеснице изображался герой триумфа. Цезарь Август (63 до н.э.—14 н.э.), с 27 г. до н.э. император.

...Юлий Цезарь говорил речь к войску, перешедши реку Рубикон. — Рубикон (лат. Rubico), стекавшая со склонов Апеннин и впадавшая в Адриатическое море к северу от Армина (лат. Ariminum, ныне Римини) река, по которой проходила граница между Италией и Цизальпинской Галлией (Северная Италия). Рубикон получил известность благодаря тому, что Цезарь (100–44 до н.э.), перейдя через него в нач. 49 г. до н.э. со словами «жребий брошен», начал тем самым гражданскую войну против Помпея (106–48 до н.э.). Точная идентификация Рубикона с какой-либо из современных рек затруднена тем, что со времен античности реки в данной местности изменили направление течения. В 1932 г. Фьюмичино официально получила название «р. Рубикон».

- С. 522 *Урбан VIII* — папа римский с 1623 по 1644 гг.

- С. 523 *...кесаря Траяна, в честь коего и воздвигнутые здесь... триумфальные ворота...* — Траян Марк Ульпий (53–117), римский император с 98 г. Во время правления Траяна Римская империя максимально расширила свои границы. В честь одной из его побед была воздвигнута триумфальная арка в г. Анкона.

- С. 524 *...к преславному месту, имянуемому Лорет...* — Лорето, городок на восточном побережье Италии. По преданию в XIII в. дом Богородицы из Палестины был

принесен ангелами в Лорето и установлен в главном соборе города.

С. 526 ...законников, именуемых капуцинов... — Капуцины, католический монашеский орден, основанный в Италии в 1525 г. как ответвление ордена францисканцев (см. комм. выше). Орден капуцинов придерживался аскетического характера ранних францисканских общин.

С. 527 *Bonifatii VIII* — Бонифаций VIII, папа римский с 1294 по 1303 гг.

Николай IV — папа римский с 1288 по 1292 гг.

Климент VII — папа римский с 1378 по 1394 гг.

Климент VIII — папа римский с 1592 по 1605 гг.

С. 529 ...до Бару, где лежат мощи св. Николая... — Бари, город на восточном побережье Италии. В соборе святого Николая, построенном в 1087 г., хранятся мощи святителя Николая Мирликийского, привезенные из г. Миры Ликийские, где он был епископом.

...пойдохом землю... Калаврия... — По-видимому, автор имел в виду «землю» современной Апулии на юго-востоке Италии (в отличие от п-ова Калабрия на юго-западе), где расположен и п-ов Гаргано.

С. 531 *гора Горгонская*. — На побережье п-ова Гаргано расположена гора Монте-Сан-Анжело.

С. 540 ...на память святых мученик Маккавеев... — Маккавеи, род иудейских царей и верховных жрецов, названный так по прозвищу его представителя Иуды Маккавея, вождя восстания, вспыхнувшего в ответ на религиозные преследования иудеев Антиохом IV, правившим в 166–160 гг. до н.э. После завоевания независимости династия Маккавеев (Хасмонеи) правила Иудеей

вплоть до покорения страны Гнеем Помпеем в 63 г. до н.э.

- С. 543 ...помянух пророческие словеса: «Яко и ближнии мои отдалече сташа»... — В синодальном переводе: «Друзья мои и искренние отступили от язвы моей, и ближние мои стоят вдали» (ПС 37, 12).

...Давидовы глаголы: «Скорбь и болезнь обретох и имя Господне призвах». — Псалмы Давида, в синодальном переводе: «Объяли меня болезни смертные, муки адские постигли меня; я встретил тесноту и скорбь. Тогда призвал я имя Господне: Господи! избавь душу мою» (ПС 114, 3–4).

- С. 557 ...в горе Везувии огнедышущия продушины... — Везувий, вулкан к юго-востоку от Неаполя, высотой 1277 м.

- С. 558 ...тамо граничит Неаполитанская область с Римскою... — Граница Папской области и Неаполитанского королевства. Папская область, Папское государство (*ит. stato Pontificio*), теократическое государство в VII–XIX вв. в северной Италии, возглавлявшееся папой римским, столицей которого был г. Рим. Неаполитинское королевство, государство в южной Италии, образовавшееся в 1282 г., столицей которого был г. Неаполь.

- С. 562 ...Христа рекшаго во Евангелии: «Болен бых и послужите мне». — В синодальном переводе: «...Был болен, и вы посетили меня» (Мф. 25, 36).

- С. 565 ...от самого Христа в Евангелии глаголаных: «Алчен бех и накормисте мя, жажден бех и напоисте мя», и нижае, «Аще кому от малых сих что сотвористе, мне сотвористе»... — В синодальном переводе: «Ибо алкал я, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы

напоили Меня...» (Мф. 25, 35); «...истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40).

С. 565 *...пред всяким знаменитым праздником, иже имянуется вигилия... — Вигилии (лат. vigiliae), виды ночной молитвы у христиан. Здесь: ночное молитвенное собрание как составная часть общего богослужения, сопровождавшееся евхаристией. Обычно такие вигилии происходили ночью в канун больших праздников, чаще всего Пасхи, но иногда накануне дней поминовения мучеников и престольных праздников. Известны с III в.*

С. 566 *Тит Веспасиан — Тит Флавий Веспасиан (39–81), римский император с 79 г.*

...благочестивый царь Константин престол свой... пренесе его в Византию, идеже ныне есть Константинополь... — Константин I Великий (272–377), римский император с 306 г. Поворот Константина к христианству произошел с 311 г. Миланским эдиктом 313 г. христианство признано равноправной религией. В 326 г. Константин избрал столицей империи Византию, которую в 330 г. переименовал в Константинополь (град Константина).

С. 568 *...от церквей, иже с многими главами суть еще при Константине царе созданныя... — Возведением Латеранской церкви, Сан-Джованни ин Латерано (331–314), Константин I положил начало монументальной церковной архитектуры. В 313 г. им завершено строительство базилики Максенция, в 330 г. — Сан-Лоренцо Фуори ле Мура.*

Стоит на месте веселом, но не равном при малых горах... — Древний Рим сложился первоначально на Капитолии и Палантине, потом город распространился

на соседние холмы: Эквилин, Авентин, Виминал, Целий, Квиринал.

С. 568 ...*стоит двор с палатами папскими...* — Ватикан, резиденция главы католической церкви, расположен на холме Монте-Ватикано в Риме. Архитектурная история Ватикана, целого комплекса дворцовых и крепостных сооружений, восходит к IV–V вв. Дворцовый ансамбль построен в основном в XV–XVI вв.; величественные дворы — Бельведера и Сан-Дамазо — между 1503–1545 гг., арх. Браманте; парадный вход во дворец — Королевская лестница (Скала Реджа) — в 1663–1666 гг., арх. Л.Бернини.

С. 569 ...*столпы многолетнии от ветхих царей и пап созданные...* — В честь побед римского императора Траяна (53–117) была воздвигнута в 107–113 гг. монументальная колонна (высота 33 м, с рельефным поясом дл. 200 м). На барельефах 30-метровой колонны императора Марка Аврелия (121–180) запечатлены эпизоды Маркоманской войны 171–175 гг.

С. 570 ...*пьяцца ди Нуово...* — Пьяцца (площадь) Навона, нач. XVIII в.

...*торжище ... Гишпанское...* — Пьяцца ди Спанья, арх А.Спекки и Ф. де Санктис, 1722–1724 гг., увенчивается старинной церковью, построенной еще в к. XVI в.

...*гостинница знаменитая святого Духа...* — Госпиталь св. Иоанна основан при Латеранском соборе в 1216 г.

С. 571 ...*начальная церковь святого верховного апостола Петра...* — Собор св. Петра (пл. 15160 м², выс. 132,5 м), крупнейший католический храм мира, построен в

1506–1614 гг., арх. Браманте, Микеланджело, Дж. делла Порта, Виньола, К. Мадерна и др.

С. 571 ...к ней же путь есть чрез великий мост, иже на Тибре стоит, яже не далече отстоит от крепости градской... *S. Angelo*... — Мост Сант-Анджело, 1540 г. Одноименный замок был построен в 135–140 гг., как мавзолей римского императора Адриана (76–138). В Средние века он был превращен в замок Сант-Анджело.

С. 572 ...перед лицом церкви есть площадь велика... — Торжественным входом в собор св. Петра служит обрамленная колоннадами овальная площадь св. Петра, 1657–1663 гг., арх. Л. Бернини.

...близь соборнаго олтаря... — Алтарь собора св. Петра создавался по проекту арх. Л. Бернини.

С. 573 ...церковь ... именуется римски *Decollatio S. Pauli*, то есть усекновение святого Павла... — Собор святого Павла был основан в IV в. на том месте, где был казнен апостол Павел (по преданию ок. 63 г.).

...три студенца сладку воду имеющие... — Комплекс Сан Паоло тре фонтане расположен рядом с собором св. Павла.

Церковь... святого мученика Савастияна... — Катакомбы Сан-Себастьяно (с криптой I–II вв.), раннехристианский памятник.

С. 574 ...церковь... святого Иоанна Лятерана... — Сан-Джовани ин Латерано, 311–314 гг.

...церковь... *S. Maria Major*... — Санта-Мария Маджоре, 3-я четв. IV в., мозаики V и XII вв.

С. 575 ...церковь... святого Лаврентия... — Сан-Лоренцо фуори ле Мура, 330 г., мозаики VI в.

С. 575 ...церковь мала святого Петра, идеже древле темница бяше... — Мармертинская тюрьма, построенная в 460 г. до н.э. Анком Марцием и реставрированная в 28 г. н.э. при императоре Тиберии (42 г. до н.э. — 37 г. н.э.).

...церковь... зовомая *Rotunda*, ...еще от еллинов созданная, идеже всех богов их *Panteon*... — Пантеон (греч. храм, посвященный всем богам), единственное сохранившееся здание в Риме (высотой 43 м), величайшее античное купольное сооружение. Портик с двускатной крышей служит проходом в центральное строение цилиндрической формы, которое расчленено нишами, где некогда стояли статуи богов. Пантеон был построен в 115–125 гг. при Адриане. Ранее воздвигнутый аналогичный храм (27 г. до н.э.) в 110 г. был уничтожен молнией. С VII в. находится во владении папы и является христианской церковью Санта-Мария Ротонда.

С. 576 ...церковь зовома *Chiesa Nova*, ... яже древле бяше капище еллинской богини, именуемой *Дияна*... — В Риме святилище Дианы находилось на Авентине, на его месте построен христианский храм.

С. 577 ...иноки, ... именуемые базилиане, якобы по святого *Василия правилу живущии*... — Василий Великий (330–379), епископ и богослов. Наибольшее значение в истории церкви имела деятельность Василия Великого по устройству и покровительству монашества на Востоке и Западе. Восточное монашество руководствовалось монастырским уставом Василия Великого.

Афанасий (295–373) — св., самый знаменитый из александрийских епископов с 328 г. За свою непоколебимую ортодоксальную, антиарианскую позицию пять раз изгонялся императорами. Его богословские, полные

полемики сочинения являются важнейшим источником по истории церкви IV в.

С. 580 *Венедикт 13* — Бенедикт XIII, папа римский (1724–1730).

...из ордена доминиканов... — Католический «нищенствующий» монашеский орден, основанный в 1215 г. испанским монахом Домиником для борьбы с еретиками. В 1232 г. в руки ордена была передана папством инквизиция.

С. 581 ...кардиналы, ... в багрянных светлых шелковых одеждах... — Красный цвет символически обозначает, что кардиналы до последней капли крови, не боясь смерти, будут действовать в интересах святой веры.

С. 582 *Соборная церковь построена из белого и черного мрамора...* — Строительство Сьенского собора началось в XII в., а закончилось в XIII–XIV вв. Его украшают фрески Б.Пентуриккьо.

...палат строение есть многолепотно... — Палаццо Пубблико (1338–1349), башня (1338–1349).

С. 583 ...под властью великаго герцога Тосканскаго... — С 1569 по 1801 гг. флорентийское государство, охватывавшее значительные территории, было Великим герцогством Тосканским со столицей в г. Флоренция. С 1439 по 1737 гг. (с перерывами в 1494–1512, 1527–1530) Флоренцией самовластно правили великие герцоги из рода Медичи.

С. 584 *Флоренция оный град есть, в нем же осмый собор <...> иже собрася первее во граде Ферраре...* — Ферраро-Флорентийский собор (1438–1445) католической церкви, созданный папой Евгением IV (1431–1447) с целью заключения унии между католической и православной церковью. На соборе были представители Ви-

зантии во главе с императором Иоанном VIII Палеологом (1391–1448), константинопольским патриархом Иосифом, русским митрополитом Исидором. Заключенная на соборе уния была отвергнута Русью и Византией.

С. 584 *...церковь есть, которая именуется св. Марии, при ней же... колокольня... — Собор Санта Мария дель Фьоре (с 1296), колокольня построена в 1334–1359 гг.*

С. 585 *...близ герцогского двора... — Палаццо Веккио (1298–1341), дворец герцогов Медичи, арх. Арнольфо ди Камбио.*

...имеются преогромные палаты, в них же разныя удивительныя статуи и портреты славных на свете художников... — Палаццо Питти (с 1440), средняя часть арх. Ф.Брунеллески, расширен в XVII–XVIII вв. Здесь расположена галерея Палатина, основу которой занимает коллекция рода Медичи.

С. 586 *...архитектуры греческой <...> храм... св. Петро-ния... — Церковь Сан-Петронио XIV–XVII вв., арх. Антонио ди Винченцо. Ренессансный портал работы Якобо делла Кверга.*

...мраморная статуя, представляющая великана, вокруг коего... статуи, изпускающие из себя воду фонтанами... — Фонтан «Нептун», увенчанный статуей работы Джамболоньи (1566).

...церковь ...Пресвятая Богородицы, где образ ея писан св. Лукою... — По преданию Лука Евангелист был не только писателем, но и живописцем, кисти которого принадлежат иконы Спасителя и Богоматери.

С. 587 *...река великая именем Лядышь... — Адидже, река*

имеет истоки в Восточных Альпах и впадает в Венецианский залив.

- С. 587 ...граду на море стоящему, ему же имя Кюза... — Кьоджа, город на берегу Венецианского залива.
- С. 589 ...в Далмации... — Историческая местность, расположенная на северо-западе Балканского п-ова. В VI–VII вв. в Далмации стали селиться славянские племена.
- С. 591 ...святаго великомученника Георгия... — Георгий Победоносец, в христианской религии святой: по преданию был казнен около 303 г. в Никомедии (ныне г. Измит в Турции) во время гонений на христиан.
- С. 593 ...все владение, надлежащее к дожу Венецкому, именуется Венеция, ... вещь Посполитая... — Венецианская республика как независимое государство образовалась в к. X в. и просуществовало до 1797 г. Во главе всей республики стоял пожизненно избираемый патрициатом из своей среды (путем многостепенных выборов) дож. Первоначально дож имел большую власть в республике, но постепенно олигархия свела его роль к номинальному представительству.
- С. 596 ... в церкви, именуемой *S. Iohannis Bragulae*... — Баптистерий Сан Джованни был освящен в 1059 г., реконструирован в XII в.
- ...мост главнейший и лучший, именуемый *Ксалю*... — Возможно, мост Вздохов (1600).
- С. 597 ...в асистенции сенаторов... — С к. XIII в. Венецианская республика стала олигархической. Представители двух-трех сотен знатных фамилий формировали все высшие органы: Большой совет (ведал всеми делами государства), Малый совет или Синьорию (занимался колониальными делами и вопросами внешней полити-

ки), Совет сорока (высший судебный орган). Малый совет и республику возглавлял дож (см. комм. выше).

С. 597 ...площадию, именуемую святого Марка... — Пьяцца ди Сан Марко — центральная площадь Венеции, образована собором святого Марка (829–1095), башней часов, зданиями Старых (1480–1514) и Новых Прокуратий (1584–1640).

С. 600 ...внутри дожеского двора... — Дворец дождей начал строиться в IX в., а был завершен в XIV–XVI вв.; его внутренний двор — в 1457–1501 гг.; Порта делла Карта (главный вход в его внутренний двор) — в 1438–1442 гг., арх. Джованни и Бартоломео Бон.

С. 602 Варлаам Ясинский (ум. 1707) — с 1669 г. игумен Киево-Братского монастыря, с 1687 г. архимандрит Киево-Печерского монастыря, с 1690 г. митрополит Киевский.

С. 603 Стефан Яворский (1658–1722) — митрополит Рязанский, с 1700 г. митрополит Московский, с 1702 г. блюститель Патриаршего престола.

Антоний Печерский (ум. 1073) — святой, основатель русского монашества.

Феодосий Печерский (1008–1074) — святой, древнерусский церковный писатель, с 1057 г. игумен Киево-Печерского монастыря.

Алексей Петрович (1690–1718) — русский царевич, сын Петра I.

Н.Д.Блудилина

Церковная проповедь елизаветинского времени о Западе и России

Общая характеристика

Отражение темы «Россия и Запад» в церковном словесном творчестве и, в частности, в учительной проповеди, по вполне понятным причинам осталось практически неразработанным в нашей науке. Между тем, здесь немало любопытного и поучительного, ибо именно устами церковных риторов отчетливо выражались некоторые важные идеологемы.

Надо сказать, что в целом Церковь весьма настороженно смотрела на Запад. Она воспринимает петровские перемены и последующие нововведения со все большей опаской, как перенимание западных начал общежития и наступление просветительских идей. Порой она пребывала в недоумении или тягостном раздумье, ибо не знала, как же, все-таки, относиться к атакам антиклерикальных критик: кажется, что острые стрелы последних бьют в католический Рим, но не страдает разве при этом и общая христианская идея!?

Прибавим, что именно с тех пор и пошла привычка пользоваться полемическими орудиями, изготовленными чужими руками: протестантскими — против католичества, и наоборот; привычка пагубная, потворствовавшая духовной лени и бессилию собственного богословского творчества.

Односторонне было бы определить это столетие как время большого молчания Церкви, ибо порой, временами из уст церковных риторов вырывались громогласные орации и нация порой еще расслышивала их. И, все-таки, на многие темы и идеи твердой рукой уже был положен тяжелый высочайший

запрет и попутно строго указано, чего касаться заповедано. И Церковь, — еще так недавно в победе, еще так недавно в столь бурно громокипящих спорах, в огненных перепалках обсуждающая темы национальной значимости, — голос свой утишает. При размышлении о проповеди, при обдумывании состава и содержания церковных проповедей второй половины XVIII столетия это не стоит забывать. Отныне Церковь только хвалит или просто молчит. Она стеснена и вежливо застенчива. В сравнении со светской властью отныне она просто — «рядом стоящая».

XVIII век окончательно погружает Церковь в спячку, в едва ли не сонное бытие, в мелочность узкоконфессиональных проблем. Он обращает Закон Божий в один из рядовых предметов, ничуть не выделяющийся из общей школьной программы. И весьма скоро, в перечне учебных дисциплин Закон Божий займет неподобающе скромное место — рядом с арифметикой или географией.

Но в этом столетии Церковь еще знает и ярчайшие взлеты и прорывы. Одним из таковых был до невозможности краткий (всего три-четыре года!), но исключительно плодотворный и яркий подъем начала 1740-х годов, самого начала елизаветинского царствования.

Если в эпоху Петра Великого широко публиковались только панегирики — торжественные слова и поучения, прославляющие венценосного реформатора (см., напр., известную книгу, подготовленную В.П.Гребенюком «Панегирики Петровской эпохи». М., «Наука», 1979); иные же проповеди и поучения, которые относились к нововведениям спокойнее или, — тем более, — в которых могла слышаться глухая критика Петра и крайностей его увлечений европейским стилем жизни и рационалистическим просвещением, были таковой возможности лишены. Ни общество, ни, тем более, народ их и не слышали. Красноречивейший тому пример — многострадальная книга Стефана Яворского «Камень веры». Она была напечатана (уже после Петра I, и после кончины автора, естественно) только в

1728 г., но за ее напечатание разрешивший издание архиепископ Тверской Феофилакт Лопатинский дорого заплатит (пытки в Тайной канцелярии, заточение и — как следствие — преждевременная смерть). Этот огромный фолиант церковно-славянской печати не мог иметь широкой аудитории (хотя и вызвал к жизни целую полемическую литературу); да и сквозь схоластическую ученость еще надо было процарапать или прорваться к живым и волнующим мыслям.

Десятилетнее аннинское царствование смещает акценты и дает почувствовать русским общие насущные задачи — единение и защита национальной культуры, спасение отечественной учености, физическое сохранение нации, в конце концов. Смертельные опасности заставляют русских объединиться. (Как всегда ненадолго!)

В начале правления Елизаветы Петровны церковная проповедь переживает небывалый взлет. Недолгий, но, может быть, самый яркий и плодотворный в XVIII столетии. Выдающиеся церковные риторы, «намолчавшиеся» в аннинскую декаду, спешат выговорить наболевшее и потому, как правило, говорят яснее, доступнее, побеждая свою неприменную любовь к словесным «фигурам». Правда, уже середина 40-х гг. принесет заметную усталость; многие уже просто уйдут из жизни: Феофилакт Лопатинский (1741); Маркелл Радышевский (1742); Кирилл Флоринский (1744); Амвросий Юшкевич (1745) и др.

Тема «Россия и Запад» в церковной проповеди первых лет елизаветинского царствования, — да и во всем XVIII столетии, — неразрывно связана с восприятием и оценкой великого Петра.

Но в самом начале 1740-х гг. фигура Петра, равно как и его нововведения читаются уже несколько по-особому.

Поначалу даже его настороженные противники (те, весьма уже немногие, кто еще дожил до 1741 г.; точнее, доживающие свой век), кажется, заметно вдумчивее оценивают его время. После страшных унижений бироновщины и беззастенчивого оскорбления национального чувства, которые пришлось испытать, о Петре почти не спорят: все как бы молчаливо соглашаются,

понимая, что при Петре I такого не могло быть — за возвращение православного в иную веру император предписывал смертную казнь!

Но тема отношения к Европе и иностранцам обретает весьма болезненный аспект: большинство влиятельных политиков эпохи Анны Иоанновны были «немцы» — и сам Бирон, и Остерман, и Левенвельде, и Миних и пр.

Само это десятилетие воспринимается задним числом как иностранное засилие и владычество. (Заметим сразу, что церковные проповедники никогда не смешивают тех достойных иноземцев, кто честно служит благу и славе России, с таковыми, кто смотрит на нее лишь как на средство личного обогащения и пр.)

Итак, национальное бесчестье, национальное унижение с воцарением Елизаветы прекращается и церковные проповедники произносят несколько блистательных Слов.

«Слово в День рождения императрицы Елизаветы Петровны» Амвросия Юшкевича — одна из самых первых проповедей, произнесенных после дворцового переворота, приведшего ко власти дочь Петра.

Это Слово — выдающийся памятник церковного проповедничества — напоено необычайным светом и радостью. С замечательной свободой церковный проповедник использует приемы высокого риторского искусства: он сравнивает императрицу Елизавету с библейскими, ветхозаветными героями.

Построенное по искусным риторским правилам это церковное Слово соединяет в себе красоту слога и изящество построения с приемами, свидетельствующими, что — и в раскованности тона, и в задушевности интонации, и в самой лексике — оратор настойчиво ищет и обретает новые пути ко слушателю. Он властно желает пробиться сквозь унылую повторяемость трафаретных построений и одушевляется истинным пылом.

Все нам говорит о живом и страстном произнесении этого шедевра. Слово окрашивает задушевное, доверчивое, братственное отношение ко слушателю, внимающему оратору («Ты

Э.И.Бирон

смотри какую...»). В раскованности этих интонаций оживает та победоносная размашистость, которая когда-то окрыляла самых выдающихся церковных риторов прошлых эпох, времен пламенных византийских проповедников: Иоанн Златоуст стоит перед умственным взором как знамя. Без сомнения, подобное обращение, самый тон торжественной проповеди должен был производить (и, по-видимому, производил) неизгладимое впечатление («Спроси — за что?»...). Амвросий отставляет в сторону схоластическую ученость и пути риторских фигур; он страстно желает, — не потеряв глубины, — подойти с высоким, но понятным словом к каждому соплеменнику.

Это — **песнь освобождения**, в пламенном молитвенном восторге сравнимая разве что с похвалительным псалмопением! Одно из самых восторженных и одновременно истинно глубоких по ясности мысли сочинений XVIII столетия. Амвросий сумел замечательно ярко и творчески смело ответить на запрос времени. Его творческая окрыленность дерзко взрывает жанр, утомленный тысячами перепевами одних и тех же тем и настроений.

Примечательно, что, по мысли автора, Петр и Россия неразторжимо соединены судьбой, и любовь Петра к России сомнениям уже не подвергается; для этих же, недавних правителей России само слово «русский» обозначало их противников и врагов.

Но картина прошедшего десятилетия, начертанная в проповеди, — гневное, пламенное обличение (пусть во многом и вдогонку!) — была исключительно резка и немилостива.

Главную ответственность за притеснения Амвросий возлагает на иноземцев. Как и многие, он определяет это десятилетие как время национального унижения, которое особенно больно и горько отозвалось на патриотично настроенных русских людях. Проповедник заостряет и откровенно противопоставляет недавнюю власть и природных русских («был ли из русских кто искусный...»).

Конечно, Амвросий специально оговаривается и отводит

свой немилосердный упрек от иностранцев «честных и знающих», которые верой и правдой служат России и по заслугам своим всяческой чести достойны. Однако, таковых, — как явствует из его речи, — было крохотно мало; большую часть приезжающих к нам во времена «бироновщины» составляли искатели легкой поживы, проходимцы и шарлатаны, заботящиеся лишь о том, чтобы побольше урвать («только телом, а... многие миллионы полагали...»).

Картины национального унижения, дерзостно и художнически смело набросанная Амвросием, по замечательной ясности мысли, прозрению глубинных причин, осознанию типических приемов поругания национальных святынь и пр. в значительной мере отличается от произносимого его собратьями.

Оратор бежит частных и деталей, он прорывается к сжатой заостренности, он ограняет мысли, он чеканит словесные формулы, которые не только уцелели в памяти века или просто в ответственном русском сознании, но которые точно схватывают существо духовного противостояния, а потому вполне приложимы ко всяким временам.

Напомним, что самые яркие фрагменты проповеди Амвросия когда-то были известны каждому образованному русскому человеку, окончившему гимназический курс, ибо они долгое время входили в хрестоматию по русской словесности, изданную А.Д.Галаховым и многократно переизданную в XIX столетии.

Необычайная взволнованность и приподнятость этой проповеди, ее окрыляющий пафос своеобразно продолжили свое существование, через какое-то время «оторвавшись» и от имени автора, и от торжественных обстоятельств произнесения Слова. Уже через шестьдесят лет в «Пантеоне российских авторов» (1802) даже основательно начитанный в отечественной словесности Н.Карамзин не вспомнит имени создателя Слова, да к тому же припишет проповедь другому церковному ритору.

Пламенная окрыленность Слова Амвросия Юшкевича особенно ощутима в сравнении с более спокойным, практически

вполне традиционным проповеданием иных церковных ораторов той поры.

В тот же самый день, 25 декабря в Успенском соборе в Москве произносит Слово Кирилл Флоринский.

Слово архиепископа Кирилла, конечно, во многом сходствует с проповедью Амвросия, хотя заметно более отягощено церковно-славянизмами, вообще как-то тяжело в синтаксисе, совсем не допускает просторечия, разговорных интонаций, ясных и кратких оборотов речи.

Первое, на что обращаем внимание — исключительное совпадение в темах.

Вся речь выстроена как апофеоз императрице Елизавете, которая именуется здесь «воскресителем» — семенем Петра. Самое слово «семя» многократно обыгрывается ритором, толкуясь двояко: подразумевая одновременно и дочь Петра, и «петрово дело», которое нарочито пресекалось в бироновщину и было почти загублено.

В проповеди архиепископа Кирилла, — в отличие от Амвросия, — прямо упомянуты и Остерман, и Миних — как главные виновники=погубители России и унижения великорусского национального духа (заметим, впрочем, что ни Бирон, ни тем более императрица Анна здесь не названы!).

В размышлении церковного проповедника непременно присутствует Европа. Это — как бы обыкновение проповеднических обдумываний, а потому ритор и не сопровождает свое раздумье о Европе какой-то особой доказательностью. Но Европа (Голландия, Франция, Англия, Германия) понимается им, прежде всего, как хранилище житейски необходимого, «земного» знания. Нужного и России, конечно, тоже — для полного процветания, для возрастания в мужество и державность. К Европе или европейскому просвещенный русский иерарх не испытывает никаких негативных чувств; он совсем не призывает ополчаться против такого «земного» знания, чтобы снова замкнуться в узкой национальной скорлупе.

Проповедь начала 1740-х гг. впечатляет необычайным размахом своих тем и всеохватным регистром настроений: от экзотически пламенных до горестно-гневных и трагичных. Эта широта резко поднимает уровень проповеди и влечет решительные изменения в строе мысли, в переживаемых настроениях, в самом лексическом составе.

Она гораздо более смела, она добирается до национально значимых тем, в пламенном проговаривании она оглашает национально-значимые доминанты и резко возвышает масштаб обдумывания.

Это окрыление рождено не только глубиной идейно-творческих заданий, которые решает проповедь, но и атмосферой победоносности. Порой складывается впечатление (и во многом оно правильно!), что русская проповедь XVIII столетия вообще впервые (и, кажется, в последний уже раз!) заговорила без натужности, без тяжелой придворной лести. Искренность, правда и естественность начинают властно переоформлять проповедь как жанр. Точнее сказать, эти качества возвращают проповеди ее истинное назначение и ее былую природную силу. Проповедь начала 1740-х гг. как бы «вспоминает» то, что заложено в существе жанра; она возобновляет жанровую память — то, что, казалось, давно забвенно и навсегда утрачено! Весь строй мысли (и словарь тоже) резко взрывается. На фоне этого «возвращения» поразительно плоско выглядят старомодные, обреченные на унылые повторы проповеди **последующих (!)** десятилетий.

В речах начала 1740-х гг. затрагиваются темы трагичные по тону; это властно влечет за собой изменения и в словаре, и в выражении, и в словосочетаниях — и вообще в строе мысли, который обдумывание, обсуждение такого трагичного положения рождает. Что заметно возвышает тон, градус высоты, расширяет самые возможности слова-проповеди: проповедь обретает высокие черты национального историософствования.

Как мы помним, до этого была в особом ходу, — а, может быть, и единственно широко знаемая, — торжественная, но несколько однообразная высокопарность, едва ли не помпез-

ность — рядом с которой дозволялось существование единственно только «надгробным словам». Здесь же сама проповедь в глубоком раздумье о наиболее насущных вопросах национального бытия обретает качества своеобразного историософствования. В мучительном обдумывании того, **что же произошло с великой нацией, и как могла случиться подобная непоправимость?..**

Проповедь настойчиво влекома к этим непростым обдумываниям.

Но, все-таки, всего более Церковь рассказывает о том, что произошло — о тех унижениях и горестях, которые перенесла вместе со своим народом. Она только начинает всматриваться в причины. Может быть, сознательно, а, быть может, и бессознательно — по недостатку ли искусства, выучки, по утрате духовного мужества или по традиционной неспешности — она предпочитает не торопиться с дальними выводами.

Нельзя сказать, что она останавливается на одном эмпирическом уровне; но, все-таки, кажется, ей пристало более бесстрашное искание, поход за истиной. Идти к дальним выводам, и уже даже здесь выговаривать какие-то значительные мысли о том, почему «Бог попустил», почему случилось такое поругание великой нации, она не решаетя?

Пожалуй, было бы уместно оглянуться и на себя, признав, что и сама Церковь «противостать» этому не смогла. Кажется, она должна была обдумать и собственную невозможность, собственное бессилие поделать что-либо. А, бесстрашно признав собственное бессилие, отсутствие отваги и недостаток мужества, повиниться в предпочтении «земных удобств» думам о судьбах нации, равно как и врученного заботам Церкви верующего народа?

Подобное сознание невольно бы привело к мысли — где же истоки, ключевые причины того, что такое произошло? И была ли в случившемся неотвратимость, неизбежность?.. Разве Церковь вмиг ослабела? А если — «да», то — почему? И помимо признания собственной слабости, личного недостойнства, отсутствия духовного и гражданского мужества — ес-

тественно, были бы сделаны и более широкие выводы. Которые, конечно же, сразу заострил бы вопрос: «Кем или чем приведена в полное бессилие и в столь плачевное состояние национальная Церковь?» Это резко и почти сразу же поколебало бы безудержную апологетику Петра; это резко и почти сразу же должно было осложнить его восприятие, а то и радикально изменить его. Должно было дополнить и углубить его такими чертами, которые бы панегирическими восклицаниями не исчерпывались.

В произнесенных практически одновременно проповедях мы без труда уловим сходство не только в выражениях, но даже и в самом ходе рассуждений. Некоторые важные мысли повторяются из речи в речь (порой почти одинаковыми словами!). Например, упорно повторяемая из проповеди в проповедь мысль о нарочитой намеренности в погублении=уничтожении лучших гвардейских полков — цвета русской армии. Подобное мнение выразит почти каждый проповедник.

Эти сходства — и в разговоре о Петре и пр. — говорят не только о том, что вышедшая на свободу, сбросившая цепи рабской униженности и придавленности, Церковь как бы просыпается от летаргического сна; она заново обретает чувствования и мысли, ищет способы их выражений.

Можно думать, что чувствования и мысли, переживаемые Церковью вместе со всем народом в то лихое десятилетие, были в большом единообразии: жили, в сущности, одними чувствами! Только бессилие и бесплодный гнев рождало это национальное унижение.

По-видимому, и церковные иерархи, переписываясь, встречаясь, беседуя и споря, оценивали ситуацию, искали выходы и обдумывали пути. Но эта часть — общие чувствования (поначалу всех объединяющая и находящая выход только в перемолвках и шептаниях) — тот состав мыслей, что пережит всеми, — и рождает новое ощущение — ощущение единства.

Конечно, как всегда, недолгого: дальше их мнения начнут расходиться; дальше — в условиях относительной свободы —

они и сами поведут себя по-разному. Победа гвардейских штыков и воцарение Елизаветы — исходная точка: общая радость, окончание общей тьмы.

Итак, Церкви еще только-только предоставили возможность говорить, и потому-то она покамест так не богата новыми, свободными ощущениями (самые сильные ее переживания все в прошлом: она еще только выходит из оцепенения; только приходит в себя). И хотя она и располагает столь потенциально значительными ораторскими индивидуальностями, личности церковных проповедников еще не могут вполне выразить свою неповторимость; они еще только становятся как духовные вожди. Потому-то проповеди весьма сходятся меж собой, а различие их — практически — больше художественно-исполнительское. В оформлении этих мыслей, в лексике и т.д.

В ноябре 1743 г. Амвросий (Юшкевич) в придворной церкви в Санкт-Петербурге оглашает «Слово на восшествие на престол Елизаветы Петровны» во вторую годовщину того памятного события, которое внесло решительные перемены в жизнь страны и в положение Церкви.

Самая патетичная и самая яркая часть этого Слова посвящена Петру Великому. При этом Амвросий высоко ценит первого императора именно за его государственные дела и начинания!

В сущности, этот фрагмент является ничем иным как похвальным свидетельством, почти панегирической восторженностью. В нем мы слышим как бы продолжение тех давних церковных панегириков, которые в таком преизобилии произносились церковными иерархами в петровское время.

Однако, несомненны и различия. Они не только в том, что Амвросий говорит предельно сжато, цепко выхватывая наиболее заглавные свершения петровой воли; он не растекается словом, не расписывает в подробной красочности что-либо одно...

Амвросий как бы подводит итог, в стремительном беге своего рассуждения он выделяет главные созидательные начала петровского царствования. Вдвойне примечательно, что оценка

Амвросия во многом совпадает с пафосом одической поэзии середины XVIII века! Правда, у российских одописцев Петр будет прославляться не иначе как «Отец нации», «создатель новой России»; тем самым творцом, кто родил «новую» Россию, вызволил из небытия.

Термина «новая Россия» у церковного проповедника, естественно, нет; хотя весь пафос аргументации этому противодействует мало, и почти подводит к этому.

При этом Амвросий более всего склоняется к «политично-му» или геополитическому взгляду, державной, национально-государственной оценке. Он славит Петра за его общенациональные инициативы, не желая или остерегаясь затрагивать болезненную тему отношений светской и духовной власти. Деяния Петра он перечисляет суммарно, умея, однако, в беглой сжатости перечисления выделить наиглавнейшие.

Но центральное в его проповеди, средоточие духовного смысла его речи — внимание к качественным характеристикам русского национального типа. Те новые черты и свойства, которые Петр и его громокипучая деятельность привнесли в национальный характер. Взор оратора обращен на раскрытие того, что доселе дремало или не успело вполне выявить себя в русском национальном типе и выявлению чего именно Петр и его время несомненно поспособствовали.

Что же именно, по мысли Амвросия Юшкевича, деятельность дерзновенного императора привнесла в русское самознание? Какими чертами он укрепил, обогатил, украсил наш национальный характер? Великий венценосец, считает оратор, *омужествил русский дух*.

По Амвросию получается, что русские допетровских времен «аки во тьме страха и бесчестия погребены и одного татарина боялись и трепетали». Это, конечно, риторское преувеличение, гипербола. Амвросий даже будто нарочито путает столетия. Ибо времена страха перед татарами остались глубоко в веках, и подобным качеством, «небоязнь татар» русских мог наделять — ну, если и не Дмитрий Донской, то уже кто-нибудь из царственных Иоаннов; но конечно, не Петр. Актуальным это

противопоставление — Руси и татар — давно уже быть перестало. Примечательна, однако, не эта обмолвка или путаница в хронологии, а то, что привнесение новых, решительных и смелых свойств в характер народа, по Амвросию, важнее устроения множества фабрик или возведения архитектурных строений!

Весь этот фрагмент приведен в действие и привязан к размышлению о небрежении петровским наследием (и о судьбе самой Елизаветы) в аннинское царствование. Оратору ведомо, что имя Петра Великого прославлено в самых передовых, славных и могущественнейших державах (Голландии, Франции, Англии, Германии). Несомненно, русские люди той поры со вниманием следили за тем, что говорится или пишется за границей («удивляется остроумию...»). Амвросию важно подчеркнуть какие-то, наиболее им ценимые черты в национальном русском типе, и он даже не спорит, когда иностранное мнение мнит, что именно Петр сделал русских такими мужественными и сильными («из бесчестных — славными, из малодушных — ...»).

Возвращения к высокому наследию Древней Руси — даже в мысли — здесь еще никакого нет, ибо по отрицательной логике получается, что сзади Петра было — «национальное малодушие», национальное бесчестие, боязливость и страх.

Проповедь «Слово в день торжественного... о состоявшемся вечном мире». Эта проповедь 1744 г., произнесенная в главном храме России — Московском Успенском соборе на заключение «вечнаго между короною Шведской и Россией мира».

Здесь примечательны несколько моментов.

Амвросий по прошествии всего двух или трех лет уже гораздо спокойнее говорит о прошедшем десятилетии аннинского царствования, хотя, все-таки, до конца избыть свою скорбь от тех трагических потрясений еще не может. А потому в начале Слова возвращается к этому снова.

Тема унижения Церкви, тема особенного наступления на монастыри, на монашествующих — его по-прежнему весьма

занимает, и даже волнует, в первую очередь, потому, что он видит в этом жестоком наступлении преступное влияние «иноземцев». Правда, он никого не называет поименно; более того, он даже не озадачивается сам и не подводит своих слушателей к прямому вопросу — что это? Козни Рима? Или целенаправленные, обращенные к погубительству России и русских действия?

Интересно, что в живом и страстном описании тех страстей, которые пришлось-довелось пережить церковным (да и всем русским) людям, всему русскому народу, — Амвросий с особой напряженностью живописует страдания за веру. [Попутно заметим, что эти страдания и беды в нашем сознании невольно вызывают на память, заставляют вспомнить и те, последующие, которые еще впереди, которые Церкви еще предстоят во всей глубине и скорбной значительности на широком пространстве последующей русской истории. А испытать их ей предстоит весьма скоро. Не в меньшей униженности, а, возможно, даже еще более злые и жестокие. Их принесет уже первое десятилетие екатерининского царствования, когда «великая» самодержица, безжалостно расправившаяся с собственным супругом, объявит о секуляризации монастырских земель и дальнейшем унижении Церкви. И впоследствии расправа со строптивыми, неугодными Двору иерархами — в первую очередь, с митрополитом Арсением (Мацеевичем), а также с митрополитом Павлом Тобольским... Ну и конечно, звериные жестокости большевистского режима... Однотипность действий погубителей Церкви, их замечательно ясно читаемое подобие и сходство позволяют видеть не менее ясное понимание первостепенности задач у уничтожителей России, правильно полагавших первыми задачами в разрушении государства и всего национального организма — именно умаление и последующее разрушение Церкви!]

Проповедь подхватывает некоторые темы, и в значительной своей части является продолжением того панегирического наследия, которое столь изобильно изливалось на паству в пет-

ровские времена. Выдающийся церковный проповедник и виднейший иерарх как бы неразлучимо соединяет значимость, могущество, здоровую, цветущую жизнь Церкви и государственные нужды и заботы. И не в последнюю очередь, военные!

Амвросий не подвергает сомнению высокий авторитет Петра и все его Слово прочитывается как продолжение того — двадцатилетней давности — панегирического тона. Он приводит документальные свидетельства — письма шведских солдат и офицеров друг к другу, перехваченные нашими военными, включая фрагменты этих писем в свое повествование (тем обогащая его, насыщая зримыми приметами реальной жизни). Мысль о Божием покровительстве деяниям Петра и его царственной дщери Елизаветы присутствует здесь неотступно, постоянно.

Но окончанием проповеди Амвросий склоняет, все-таки, общее мнение в иную сторону и отвращает его от войны. Несмотря на то, что войны приносят нам и победы, — и победы значимые, — тем не менее в ценностной иерархии выдающегося проповедника «мир» и «тишина» занимают самое высшее место. Напомним, что тема «мира=тишины» (и отсюда — благополучия страны, процветания наук и просвещения) явится одной из основных тем одической поэзии того времени; в частности, поэзии М. Ломоносова.

Оды Ломоносова и проповеди Амвросия Юшкевича хронологически соседствуют, по времени они принадлежат одному десятилетию. Это согласие, сходство весьма симптоматично: видение благополучия государства великим ученым, выдающимся поэтом и замечательным церковным проповедником сходно.

Примечательна в речи и ссылка на Сократа. Амвросий тонко пронизывает предмет, по-видимому, полагая, что в рассуждении о политических материях и воинских победах государства, о благополучии страны — ему надобится иной состав аргументаций — ему становится тесно в рамках богословской оснащенности; ему мало, недостаточно ссылок на какой-либо церковный авторитет или какого-то красноречивого стародавне-

го богослова — и он смело призывает в союзники античную, языческую мудрость.

Это позволяет сделать сразу несколько предположений. Во-первых, что виднейший церковный иерарх понимает особенность своего назначения в идеологическом задании — обосновании внешней политики православной державы. Но и помимо того, мы вполне можем сделать вывод, что проповедь была ориентирована не только на рядовых богомольцев и богомолков, что ее адресат заметно шире. (Заметим: оратор даже не считает нужным пояснить, кто же такой этот славный Сократ! Он находит это излишним, полагая, что имя греческого мудреца и так достаточно известно.)

По-видимому, проповедь была ориентирована не только на самые образованные круги Церкви, но и в целом на широкое общество. И не только российское, но и на международный, европейский резонанс. Церковная проповедь здесь берет на себя обоснование внешней политики, «тонкое проницание» международных дел, геополитические раздумья и прогнозы. Ибо Церковь устами своего наиболее красноречивого оратора и проповедника склонна принять в арсенал своих аргументов и что-то, перенятое, заимствованное от эллинской учености. Церковь не чурается, не бежит, сломя голову, от языческой мудрости: все разумное и здоровое она готова принять и усвоить, и с охотой идет навстречу земной здравости.

Таким образом, мы видим темы, сходно обсуждаемые и проповедью, и поэзией. Проповедь упорно ищет новые социальные функции: ей становится тесно в том узком мирке, что ей очерчен, ограничен; она сориентирована на большую общественную значимость, на формулирование и выговаривание важных национально-государственных приоритетов и идеологем.

В проповеди обращает на себя и то место, где Амвросий, — хотя и скупко, скороговоркой, — говорит о тяжелых потерях русских войск. В самом тоне, в интонации этого эпизода слышится искреннее сетование и печалование. Амвросий не останавливается на этом пространно; тем не менее, этот пассаж подготавливает тот главный, «мирный» вывод. Самим этим оберто-

ном, этим настроением Церковь вовсе не нацеливает на узколюбую победоносную кровожадность, но напротив. Здесь не обсуждаются цели войны со Швецией (справедливость ее ведения и пр.). Благодарение Богу воссылается, и самый Божий промысел углядывается именно в том, что война наконец-то закончилась. Она закончилась победоносно, — и за это Господу сугубая хвала, — но, все-таки, более привлекателен мир. Ибо только «мир» и «тишина» даруют истинное процветание государству.

Итак, мы видим здесь мудрый и здравый, государственный и национальный подход: Церковь не отвращает своих высоких взоров от земных нужд, она не уходит с головой в свои узкоконфессиональные проблемы (даже ее сетование и печалование о «бионовской тьме» имеет в виду общие национальные скорби).

В рассуждении о войнах и только что закончившейся кампании ощутима особая рачительность, бережность и человечность. Взгляд этот в целом расположен к бережению людей, и именно потому-то он и не нацеливает на воинственный азарт и дерзкую заносчивую кровожадность. Церковь не разжигает, а умиряет. Напротив, устами своего виднейшего иерарха и самого славного витии эпохи, с амвона главного собора великой, могущественной державы громче всего она выговаривает слова о мире, Вечном мире...

Тема войны и мира является одной из центральных тем русской проповеди самого начала елизаветинского царствования.

XVIII столетие — самое воинственное в русской истории. В этом веке с одной только Швецией в состоянии войны Россия находилась более четверти века. Добавив сюда еще и войны с Пруссией, Турцией, Персией и пр., мы увидим, что XVIII век мирных лет почти не знал. Церковная проповедь отнесется к этому двойственно. С одной стороны, она сама тоже напитается фанфарными звучаниями — звонкая воинственная победоносность оставит в ней яркий след (еще со времен Варлаама Ясинского, Стефана Яворского и Феофана Прокоповича, еще со времен доблестной Полтавской баталии).

Но есть и иная сторона. И чем дальше в век, чем величественнее воздымается российский колосс — тем отчетливее она начинает слышаться.

Не отсюда ли страстное желание мирного развития, спокойствия и «тишины», в котором церковные риторы совпадают с великими поэтами (М. Ломоносов).

Разговор о мире и войне поневоле принимает характер раздумья о бережливости собственного народа. Такой разговор плохо понимаем или почти непонимаем властителями (ну, разве, кроме Елизаветы Петровны, которая болезненно переживала вести о гибели русских офицеров и солдат, и, как утверждают мемуаристы, именно после одного из таких печальных известий ее и разбивает удар, приведший ко смертельному исходу).

Со времен великого императора и до самой Отечественной войны 1812 года идут рекрутские наборы. Всегда лихорадочно поспешные, торопливые, а порой и судорожные (например, в следующую русско-шведскую войну 1788 г.) они изнуряют и обессиливают нацию. Малоприспособленные, плохо, а чаще и вовсе никак необученные, новопризванные крестьяне обречены погибать тысячами! Но ведь это — цвет великорусского крестьянского сословия, столь бездарно погубляемый правителями... В рекруты уходила генетически самая лучшая часть русского народа, его цветущие здоровьем и силой сыны.

В народе каждый рекрутский набор переживается как бедствие, как катастрофа, как губительный природный ураган (вспомним рекрутские песни!). К концу века резкое неприятие войны и практики спешных рекрутских наборов среди государственно мыслящих дворян станет обыкновением (И. Н. Болтин, М. М. Щербатов, А. Р. Воронцов и пр.). Известно, что многие рачительные или просто здравые помещики делали все, чтобы их крестьяне избежали рекрутского набора. В частности, и вышеупомянутый князь М. Щербатов, и даже **сам А. Суворов** во время набора предпочитали откупаться, не желая оставлять крестьянскую семью без кормильца и работника и обрекать ее таким образом сразу же на скорбь, бедность и разорение.

XVIII век изнурил и обессилил великорусское крестьянство. За громкими фанфарами, за парадом и показным триумфаторством пряталось невидимое сверху народное горе. Рекрутские наборы выбивали генетически самое крепкое в составе великоросского племени.

Фанфары и победные реляции заглушили ворчание «стариков», «стародумов» и его мало кто услышал.

Но, повторимся, разговор этот долгий, идущий через весь век (и далеко выходящий за его пределы) начнут одновременно — и Церковь, и Литература. Вернее, самые здравые и дальновидные их представители.

Сколь многие потом будут снисходительно пересмеиваться, размышляя о военных поселениях. Но то — забота о физическом сбережении нации. В устах князя Щербатова, — начавшего обдумывать этот «утопический» проект, — это не только вопль гуманного человека, который содрогнулся, видя неизбежность народного горя; но и упорная дума горячего русского патриота, который смотрит далее, в будущее и прозревает горестные последствия.

В конце XIX века выдающийся писатель (между прочим, внук крепостного!) живописует крестьян самыми черными красками. В его свидетельстве, — очевидно, недоброжелательном, и, без сомнения, неглубоком, — ведь, все-таки, есть наблюденное, увиденные факты жизни. И он недвусмысленно рисует крестьянина физически малопривлекательным существом, давно забывшим и славянскую красоту, и великорусскую статью.

Русские середины XVIII столетия с жадным вниманием вслушивались в вести из Европы или Нового Света. Когда в 1755 году катастрофическое землетрясение стерло с лица земли Лиссабон, они — как и другие потрясенные трагедией европейцы — озадачиваются трудным вопросом: что это — роковая случайность или Божеский гнев?..

Как известно, это страшное событие вызвало к жизни целую литературу, заодно разом обескрылив, развеяв или подорвав плоский оптимизм просветителей. Этому же событию посвяще-

на замечательная проповедь придворного проповедника императрицы Елизаветы Гедеона Криновского (впоследствии епископ Псковский; 1728—1763).

Гедеон не отвергает и естественных причин землетрясения, не ставит под сомнение светские науки, но предлагает прочесть это событие как кару Божией десницы и Божие вразумление.

Отметим также, что Россия не изымается из европейского мира и не противопоставляется ему. По мысли проповедника, отвержение веры, «хладность» к ней, посетившая, — или, лучше, растекшаяся по Европе, — не заставит себя долго ждать и у нас; она уже по дороге к нам. Посему горделивое превознесение излишне: «вот, мол, их карают, а нас не задело». Такое превознесение недостойно вопрошающих, ибо на недоуменный вопрос: «Почему же такое случилось, что разом погибли тысячи людей, и среди них и младенцы, и безвинные дети?», может быть, считает оратор, только молитвенный отклик.

Добавим, что эта проповедь — один из последних громких ответов Церкви, когда на общее недоумение, с амвона, в Слове церковного риторатора обсуждается событие всеевропейской или мировой значимости.

Э.Л.Афанасьев

Тексты

Амвросий Юшкевич.

**Из «Слова в день рождения
Императрицы Елизаветы» (1741)**

Славит Писание Священное Иудифь прехрабрую за то, что она своею премудростию, а наипаче твердым на Бога упованием, главному врагу Олоферну, вождю вавилонскому, сама одна голову отсекала и все воинство его победила. Воспоминает

Иаиль, жену также мужественную, которая князя моавитского Сисару умертвила. Прославляет народ израильский даже до сего дня Есфирь пречудную за ея превеликое, в крайней беде, заступление, которое она весьма ревностно показала в то время, когда намерено было весь народ израильский до единого человека погубити; ибо она с великим сокрушением сердца молила Господа: ныне, Господи Боже Царю, пощади люди Твоя, яко зазирают нам в погибель и вожделеша погубити наследие Твое. И хотя явственную смерть в глазах видела, однако, любовь народа своего побеждаемая, дерзнула внити пред царя Артаксеркса и просить о избавлении от погубления людей своих, что и получить благополучно удостоилась.

Большия похвалы достойна наша всероссийская героиня: ибо оная народ свой свободила от врагов токмо внешних и явных; наша же преславная победительница избавила Россию от врагов внутренних и сокровенных. Сие и самый последний ведать может, что как болезнь внутренняя есть тягчайшая и опаснейшая, так и враг внутренний и сокровенный есть страшнейший. Но такие-то все были враги наши, которые, под видом будто верности, Отечество наше разоряли.

И смотри, какую диавол дал им придумать хитрость. Во-первых, на благочестие и веру нашу православную наступили; но таким образом и претекстом, будто они не веру, но непотребное и весьма вредительное христианству суеверие искореняют. О коль многое множество под таким притвором людей духовных, а наипаче ученых, истребили, монахов поразстригали и перемучили! Спроси ж: за что? Больше ответа не услышишь, кроме сего: суевер, ханжа, лицемер ни к чему не годный. Сие же все делали такую хитростию и умыслом, чтобы вовся в России истребить священство православное и завести новомышленную беспоповщину. Разговору большого у них не было, как токмо о людях ученых: О Боже! как то несчастлива в том Россия, что людей ученых не имеет и учения завести не может! Незнающий человек из хитрости и коварства думал, что они то говорят от любви и ревности к России; а они для того нарочно, чтоб, где-нибудь сыскав человека ученаго, погубить его. Были

ли кто из русских искусный, например, художник, инженер, архитектор или солдат старый, а наипаче ежели он был ученик Петра Великаго: тут они тысячу способов придумывали, как бы его уловить, к делу какому-нибудь привязать, под интерес подвести, и таким образом или голову ему отсечь, или послать в такое место, где надобно необходимо и самому умереть от голода, за то одно, что он инженер, что архитектор, что он ученик Петра Великаго.

Под образом будто хранения чести, здравия и интереса государева, о коль бесчисленное множество, коль многия тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных, невинных, Бога и государство весьма любящих, в тайную похищали, в смрадных узилищах и темницах заключали, гладом морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали!

Сего их обмана народ незнающий помышлял, что они делают сие от крайня верности; а они таким-то безбожным образом и такую-то завескою покровенные людей верных истребляли. Кратко сказать: всех людей добрых, простосердечных, государству доброжелательных и Отечеству весьма нужных и потребных, под разными претекстами губили, разоряли и вовся искореняли, а равных себе безбожников, безсовестных грабителей, казны государственных похитителей весьма любили, ублажали, почитали, в ранги великие производили, отчинами и денег многими тысячами жаловали и награждали.

Было то воистину, что и говорить стыдно, однако то сущая правда: приедет какой-нибудь человек иностранный незнаемый (не говорю о честных и знатных персонах, которыя по заслугам своим в России всякия чести достойны, но о тех, которые еще в России никогда не бывали и никаких заслуг ей не показали); такого, говорю я, новаго гостя, ежели они усмотрят, что он к их совести угоден будет, то хотя бы и не знал ничего, хотя б не умел трех перечесть, но за то одно, что он иноземец, а наипаче, что их совести нравен, минув достойных и заслуженных людей российских, надобно произвесть в президенты, в советники, в штабы и жалования определить многия тысячи. И такой-то совести были оные внутренние враги наши! такой-то сатанинской

верности! Многим казалось, что они верно служат, воюют за церковь Христову, подвизаются за Отечество; а они таким образом привели Россию в безсилие, в нищету и в крайнее разорение.

Вспомните себе только недавно минувшую войну турецкую: сколько они без всякой баталии и сражения старых солдат гладом поморили, сколько в степях жаждою умертвили, да сколько ж сот тысяч церковников и других рекрут перебрали! а все они, почти напрасно, для одной только их добычи и суетной корысти, головы свои положили, но те все то делали притворно, под образом верности. Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою к России верность и доброжелательство, но лгали безсовестно на свою душу: ибо ежели бы они были прямые Отечеству доброхоты, так ли бы нарочно людей наших на явную смерть посылали, так ли бы только тенью, только телом здесь, а сердцем и душою вне России пребывали? Такими они сами оказали себя, когда все свои сокровища, все богатства, в России неправдою нажитыя, вон из России за море высылали, и тамо иные в банки, иные на проценты многие миллионы полагали.

Кто ж им со Христом евангельских слов не воспишет: идеже сокровище ваше, ту есть и сердце ваше? Ежели кто сему не хочет веровать: поиди в Голландию, в Англию — тамо лучше уведает. И от таковых-то тайных разорителей Отечества нашего чрез вторую Иудифь, Всемилостивейшую Государыню нашу, Господь Бог свободил нас. О коль премного должны мы благодарить ему за такое превеликое Его благоутробие, что Он не по делом нашим судил нам и наказал нас, но по Своей неизреченной милости сотворил с нами, и умилился над нами, и помиловал нас, и даровал нам ныне полное от помянутых врагов освобождение.

Кирилл Флоринский.

**Из «Слова в высокаторжественный день Рождения
Ея Императорскаго Величества...**

Елисаветы Первья... проповеданное...

в Успенском соборе в Москве

1741 года декабря 18 дня».

...Сеявый в нас доброе семя есть ПЕТР ВЕЛИКИЙ; село есть Россия; доброе семя — сынове Российскаго Отечества вернии; паче же всех по превосходству и по преимуществу Дщерь Царска и Императорска Елисавет, наследница престола Петрова.

А плевелы, под видом токмо сынове Отечества, вещью же порождения Эхиднина, изгрызающие утробу матери своей России, да чужестранцы-пришлецы, Петром насаженных в России расхитители, правоверия ругатели, благочестия вкорененного в России от многотных лет, растлители и истлители, под ухищренною политикою всего щастия Российскаго губители...

Да что я виновну творю едину Россию?! Яснее сказать, вси мы чрез десятилетие и более нечувственная дресева бехом, не примечая — како созревшее сильное семя Петрово; запомнили были, коим образом ПЕТР ВЕЛИКИЙ обрет нас подобных древу лесному, криву, суковату, дебелу, ожестелу, неотесанну, ни на каково дело неудобну, своима рукама коль в красные статуи переделал, да еще и не бездушные...

О пречудная вещь! возрасте Семя Петрово подобно зерну горушну Евангельскому, под его же ветвями нам Россианом отраду и прохладение давно надлежало быть прияти; но мы отягчены всеми наругательствы, страждуще гоними, гоними и мучими, мучими и вяжеми, вяжеми и уязвляеми, Отечества и правоверия лишаеми, дремлюще благолиственнаго сего не видехом дресева...

Древо сие не всяко плотоядные, но человекаяды птицы, Остерман и Минних со своим стадищем начали были чрез двенадесятилетие обеспокоивавшие сещи и терзати; обаче мы дрем-

люще ни видехом, ниже чувствовахом, донележе само сие сильное Семя нас не пригласи спящих: «Доколе дремлите; доколе страждати имате; под сению и листвием моим бедами изможденнии препокойтеся Россианы. И Мене весте, Кто есмь и Отца, его же вы сами Отца Отечества нарекосте...»

Негли Петр, Отец Мой (Елисавет Великая нас о Отце истории учит) из недр Отечества, лона Матерня, от Высочайшей фамилии странственник и путешественник, отступя брегов Российских, поступивый во глубину иностранных народов, и видев Голландию, Францию, Англию, словом — целую Эуропу в твое приобретение, О России! принесе яко плодовиито семя учение корабельнаго дела: Он бо есть начало и сеятель корабельнаго мореплавания...

Доселе дремахом, а ныне увидехом, что Остерман и Минних с своим сонмищем влезли в Россию, яко эмиссарии диавольскийи, им же попустившу Богу, богатство, слава и честь желанная приключишася: сия бо им обетова сатана, да под видом министерства и вернаго услужения государству Российскому, еже первейшее и дражайшее всего в России правоверие и благочестие не точию превратят, но и из кореня истребят...

Маркелл (Радышевский), епископ Карельский.

**Из «Слова на День Рождества Господа Бога
и Спаса нашего Иисуса Христа»,
говореннаго 26 декабря 1741 года.**

Мужественнейшаго было тебе сердца, видети в своем дому истинном родительском, рабов; паче же рещи пленников, еще же иностранных и худороднейших водворяющихся и уже водворившихся, и от них должной чести, Повелителем надлежащей не получати, но противное и уничтожение, и посмеяние имети. О плачу! О слез неутолимых! О жалю безмернаго! Аще дому Владычицу всевысочайшую из дома изгнаша, и вельзевулом посмеятельне нарекоша, то кольми паче домашняя ея, их же овых

убо биша и мучиша различными муками: овых убиша лютыми смертьми, овых по различным далечайшим местам заточиша, по мрачным тюрмам и казармам затворивша, в смраде, гладе, кладе и различными ухищрении мучиша, то по десяти, то по пятнадцати лет в темницах содержаша, честных и достойных людей чинов лишиша; своих же знаемых и сосед, и друзей на места их возведоша, иных же, будто милость являюще, чтоб своим место уготовити и дати, в дома отпустивша, заключающе им двери к высоким чинам.

О хитрости диавольской! О умышления сатанинского! О махиавелства адскаго! Люто бе и несосно, никакоже в своем праведном и родительском государстве внутрь пребывати и оное плачевными очима зрети, сердцем и духом сокрушенным, а оным не владети! Страшно и ужасно сердцу, и весьма болезненно, созерцати воинство свое великими трудами трудолюбивейшаго Родителя своего вразумленное и наставленное, и регулами самыми изряднейшими новопросвещенное, но команды над ними никакой не имети. Слышати вопль их и стенания сердечная и тяжкая воздыхания, паче же многих к ней приходящих солдат, и горько с плачем вопиющих и глаголющих, но не внимати: «Мати истинная наша, како оставила еси нас, чад твоих суши? како сущий и истинный Пастырь не радиши о овцах своих, которых волки хищнии похищают и снедают?» Еще же напрасно и хитростно на многих своих интересных затевных баталиях под Гданском, на множайших во время турецкой войны взятых грудью городов совещалися на Святых своя отеческия давняя, не глаголю слуги, но и други, и посылающия их на самыя труднейшия приступы, и огни, едва уже всех не перевели и побили. Реша в сердцах своих лукавых: истребим их от земли, да не помянется имя ПЕТРА ВЕЛИКАГО к тому, сотворившаго знаменья во благо.

Получили время злохитрени и коварнии врази, како бы им отмстити России победы преславныи над ними, и рукою крепкою, и мышцею высокою, и оружием Российским покорение их, и иных множайших избиение праведное, и стран, и градов взятие, и Отечеству своему присовокупление.

Се хитрости и злобы уже открыты суть безбожных и беззаконных, не глаголю человек, но человеческих струпов. Ухитрили дивии вепри сицевым образом и без изъятия мечов своих, чужими мечами, и руками, и оружиями — то турецкими, то татарскими, то иных неприятелей, избити люди Божия, люди Петровы. И се суть их, и явились, распростертыя сети на вся воинство и державу Российскую.

Димитрий Сеченов.
Из «Проповеди 25 марта 1742 г.»

Кто посты хранит, называли ханжа. Кто молитвой с Богом беседует — пустосвят. Кто иконам кланяется — суевер. Кто язык от суесловия воздерживает — глуп, говорить не умеет. Кто милостыню подает, — прост... Кто в церковь часто ходит, в том, де, пути не будет.

А наипаче коликое гонение на самых благочестия защитителей, на самых священных таин служителей, чин духовный: архиереев, священников, монахов мучили, казнили, разстригали...

Амвросий (Юшкевич).
Из «Слова в день чудеснаго на Родительский
Всероссийский престол
Ея Императорскаго Величества возшествия
Елизавети Первыя... проповеданное...
в придворной Е.И.В. Церкви.
В Санкт-Петербурге ноября 25 дня 1743 г.»

...Но не тут конец неблагодарствия нашего. Поступим ближе. Ведаем мы то совершенно — и совесть наша в том свидетель есть, — сколько мы получили благоденствий Божиих при жизни Блаженных памяти Петра Великаго. Были мы до

Его державы, аки во тьме страха и бесчестия погребены и одного татарина боялись и трепетали, а ныне, слава Богу, они нас боятся и трепещут пред лицом нашим.

Кто ж нас так скоро переменял и сделал мужественными? ПЕТР ВЕЛИКИЙ. Чья рука укрепила нас? ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Кому завод и начало воспишем флота нашего преславнаго? ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ. Кого имеем перваго начинателя различных механик, фабрик, архитектур и прочих заводов государству нашему весьма полезных? ПЕТРА ВЕЛИКАГО. От кого мы получили столко городов преславных, крепостей, замков и гаваней? От ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Кем мы ныне славны, честны, учены? ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ. Кто нас научил ходить, жить, кушать, воевать, по морю плавать? ПЕТР ВЕЛИКИЙ.

А как же мы за толика Его сысканная нам сокровища благодарни Ему явились? И говорить стыдно. Пришло было до того, чтоб и имя Его в нас не помянулось и наследие за край света изгнанно таскалось и плакало.

Удивляется надобно воистинну толикому нашему неблагодарствию. Все иностранныя государства дела ПЕТРА ВЕЛИКАГО прославляют, житие Его чудесное описывают и чтут с великим удивлением, и из уст своих не выпускают.

Проповедует труды и путешествия ПЕТРА ВЕЛИКАГО Голландия. Прославляет Англия. Величает Германия. Удивляется остроумию и высокому Его разсуждению первейшая во свете Академия Сорбоннская. Одни только мы, сынове Его, дела и славу ПЕТРА ВЕЛИКАГО умалчиваем, таим и скрываем.

Воистинну может ПЕТР ВЕЛИКИЙ всегда на нас праведно пред Богом жаловаться, и говорить оная слова Божия выше от нас помянутая: «сыны родих и вознесох, сии же отвергошася мене».

«Родих» — ибо из безчестных, сотворих славными; из малодушных — мужественными; из боязливых — победительными. «Вознесох», ибо прославих многими победами, кавалериами и прочими преввысокими достоинствами. А они за сия

отреклись Мене, и дела, и труды Моя неусыпныя ни во что поставили...

Амвросий (Юшкевич).
Из «Слова в день торжественного
Всещедрому Господу Богу принесенного
третьего благодарения о состоявшемся вечном
между Империею Российскою и Короною шведскою
мире... в Москве в Соборной Успенской Церкви»
1744 г.

Первое и самое преважнейшее дело Божие и чудо Его есть умирение и свобождение от гонения Церкви наша православныя, которая до благополучнаго на Родительский Престол Ея Императорскаго Величества вступления в великом бедствии и утеснении пребывала. Ибо попущением Божиим за грехи наша продана была в неволю безсовестных человеков, под которых несносным игом, — о коль несказанное тиранство! — нестерпимая мучительства и гонения от соседних же и иностранных народов посмеяния и ругательства претерпевала, изрещи того невозможно.

Вспомянем токмо себе, в каких она в то время плачах и утеснениях обреталась, когда видела явственно собственных сынов своих, а наших возлюбленных братьей, которых она крещением святым родила, млеком вечнаго спасения, надежды и любви Божия воспитала, одних насильно от себе отторженных, других повреждением и ядом заблуждений еретических убиенных и отравленных. [Из которых многия еще и донныне тем же ядом напоенные дышут и грызут утробу матери своея Церкви святыя]. Иных мучительски под другими видами за веру казненных; прочих же проповедовать и писать о вере нашей православной под лишением живота запрещенных.

Напоследок пришло было до того, что уже из ризы Христовой от вышнего богословия изтканной самого небеснаго украше-

ния, обнажить оную намерялись. Ибо икону Христову и Его Пречистыя Богоматере и прочих святых Божиих публично бесчестили и жития оных за басни и сонные мечтания вменяли и ругались.

Сынов же Ея, благочестно оныя почитающих, неверными идолопоклонниками и суеверцами называли. Пост святой Великий с начала христианства по образу Христа Господа, нас ради постившегося, принятый и всегда непрестанно во всей Церкви Христовой хранимый, вселенскими соборами Святых Отец православно утвержденный, — вымыслами поповскими, фарисейским лицемерием злословили и ни к чему годным нарицали.

Служителей Христовых и строителей таин Его Божественных, просто сказать, весь обще чин духовный, равно с простым народом вменяли и почитали. Ни единого в нем посвящения и характеру пастырского не признавали. И для того сами собою пастырей и священников без суда правильного низлагали предающе оных на узы и темницы, на преисподняя заключения и безвестныя ссылки.

Но еще тем недовольствовалась лютость оная, бросилась было зверски и на убожество монашеское, на лица Богу посвященныя, и Оному вечно отлученныя в самоизвольном убожестве и мученичестве Христа ради пребывающыя, и мняще неразумно, что в тых убогих келиях великия сыщут сокровища и богатства. Того ради одних под претикстом интересу и тайнаго дела безчеловечно мучили, других на презрение и вечное ругательство веры наша, разстригали и в солдаты отдавали; третьих в далечайшыя и безлюдныя ссылки на край света посылали; а новых на их места принимать и постригать накрепко запрещали, и таким образом монастыри и места святыя везде опустошили, молитвы и жертвы, Богу приносимыя, упразднили.

И того было Мати наша Церковь святая дождалась, чего в ней прежде никогда не бывало, ибо монашество от самого начала христианства, еще в Иоанне Предтечи началось, и чрез вся веки даже до нас непрерывно продолжалось, и во всяких бы-

ваемых случаях не иной кто Церковь святую оборонял, умножал и очищал от повреждения, токмо монахи, которых учением, мудростию и добродетельным житием своим от всех ересей, штурмов, нападок и находений еретических сильно оную обороняли, хранили и защищали и последняя капли крове своея за Церковь не щадили и души своя за оную полагали...

Второе и неменьшее дело и чудо Божие есть произведение войны с шведами благополучное, которым скипетр и державу Ея Императорскаго Величества Бог премилосердый благословить изволил.

Застала Ея Императорское Величество Отечество свое вседражайшее в войне с шведами, и в такой сильной войне, которая с великим началась кровопролитием. Свидетельствует о сем первая о взятии и разорении крепости Вилманстранды реляция, в которой ясно показуется, что хотя тамо наш верх, наша победа и одоление, и того природная воев наших росейских доказала храбрость, что и шведов всех разбили, и крепость оную до основания разорили, многих пленили, корысти, пушки и всю амуницию оных благополучно взяли. Однако ж сия победа была и с нашей стороны не без урону.

Егда же благополучно Ея Императорское Величество воцарилась, егда наследный Родительский свой престол воспрять изволила, тогда ничего другого в минувшей войне нашей мы не видели и не слышали, токмо едины над бывшими неприятельми нашими поиски, победы и авантажи; везде от нас трепетны бегали и боялись. Вошел в сердца их страх и трепет превеликий, вступила боязнь непомерная.

Как о том сами в писаниях своих свидетельствуют. Пишет один к своему другу: «Хотя, де, наши шведские партии с росейскими непрестанная стычки имеют, однако ж оные к нашему авантажу не приходят». Которого свидетельства второе писание резон показует:

«Наипаче, де, для того, что россиане наш страх генеральный, котораго описать не можно, видят: ибо нас годской лев оставил». О том же и третье письмо ведомость приносит: «Неприятелей, де, ненадобно на горах и лесах присматривать —

они сами к груди нашей приступают, и нас угрожают победою, равною как в 1709 году».

От которых свидетельств явственно видеть можем, как Бог милосердый Праведному Ея Императорскаго Величества пособлял оружие и толикий в неприятельския сердца вложил страх и трепет, что оныя нигде, ни на каком месте, ни на воде, ни на земли нимало противу нашего воинства стоять не могли и не посмели.

Исполнилось наипаче в нынешней войне наша пророчество ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ибо когда еще за неискуство воинства нашего получил печальную ведомость о разбитии своая армии под Нарвою, утешая себе и своих подданных, благоразсудно сказать изволил: «Шведы, де, чрез некоторое время будут нас побеждать, но на конец такими многими учениями научат нас того способу, что мы их победим, и они нас бояться и трепетать будут».

Сие пророчество хотя еще и при жизни блаженныя памяти ПЕТРА ВЕЛИКАГО на многих местах имело свое исполнение. Однако ж наипаче ныне в Дщери Его вседражайшей Елизавети действительно окончилось. Ибо как скоро Ея Императорскаго Величества на престол свой родительский вступить изволила, так того ж времени шведское сердце страхом поколебалось и вовся упало, и скоро токмо Петрово наследие на троне монаршем в порфире сияющее увидели, так низко на землю пред Ея Величеством повалились, что уже больше нигде встать и главы своей поднять отнюдь не могли и не посмели.

Итак, твердо уповаю, что ежели бы они прежде объявления войны Петрово наследие на престоле видели, никогда бы в войну с Россиею вступить не дерзнули, понеже довольно на многих местах сердца и великодушия Петрова отведали, который даже донныне толиким страхом сердца их колеблет, что не токмо имени ЕГО, но и дня того, в который Ея Императорское Величество тезоименитство свое отправлять изволил, бояться и трепещут. Сами о том объявляют в письмах своих. В первом: «Фридрикс, де, содержат ныне россиане в блокаде и по скаске, в Петров день оную атаковать хотят». И паки в другом письме

от 28 иуниа написано: «После завтрее, яко в день Петра и Павла от россиан нечто важное предпрята будет».

Кто убо признает Петра Великаго за умершаго, когда он и по смерти своей живет в наследии своем, и отмщает обидящим Государство его. Бывали им удачи; да и то за неискуство еще воинства нашего, и за неразумение обманов их. А ныне сами толико объяты были страхом оружия Петрова, что в своих пределах, в своем отечестве, до своих домов итти несвободных и опасных себе признали. Пашпортов и защищения Петрова просили и требовали.

Да и впредь уже не имеючи никакой надежды спасения от опасностей, и не могучи выжить страха, всельшагося в сердца их от оружия Петрова, единый сей благонадежный и безопасный к защищению своему и отъятию войны удобный сыскали способ. С радостию соизволили и любезно приняли за вечнаго наследника Государства своего Петрова сродника — Его Королевское Высочество светлейшего принца Адолфа Фридерика, и в том вечно обязались, что по смерти ныне владеющаго короля шведскаго помянутой принц Адолф Фридрих, администратор Герцогства Голштинскаго и епископ Любский Дядя Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя и Великаго Князя Петра Феодоровича непременно имеет вступить, и по нем наследники Его на престол Королевства шведскаго.

Сие же соизволение и приятие в такой силе и надежде наипаче от них состоялось, дабы им и от страха оружия Петра Великаго спастись возможно было, и впредь могли б жить в вечном от россиан безопасности, имея в том твердую надежду, что кровь и фамилия Петрова будет оных содержать в соседной дружбе и любви неприменной.

И сколь крепчайшим с домом Петровым соединятся союзом, столько надежнейший мир, тишина и согласие с Россиею вечно будет пребывать. Все же причины к разорванию вечнаго мира пресечены будут, и места своего впредь к тому во веки не обрящут.

И в том не токмо от шведской стороны премудро поступлено, но и наша Всемиловитившая Государыня таковым образом

весьма великую пользу и предосторожность, большее же приращение и разширение безсмертной славы Отечеству своему сделать соизволила, егда сей паче всех крепчайший к заключению вечнаго мира способ восприяла, которого все почти славные и премудрые в свете монархи, когда между коронами своими вечный и ненарушимый мир заключали, для лучшаго онаго утверждения и вечно пребывающих в империях своих безопасности, яко весьма крепкаго и всеполезнейшаго употребляли способа, в сродственную между собою входили дружбу...

Подобным же образом и наша непобедимая Героиня Всеавгустейшая Императрица Елизавета Петровна, крепким своим и победоносным оружием всему свету известная победительница. Ибо нет нигде такого места, где бы безсмертная слава, безчисленные победы, преславные и героичные дела Российской Империи не прославлялися и не проповеданы были. Благоволила не токмо страшным храбраго своего воинства оружием шведскую к заключению вечнаго и ненаружимаго мира склонить корону, но еще паче сердечною любовью, нескончаемою дружбою и самым ближайшим сродством. То есть, произведением на престол шведскаго королевства сродника роднаго племянника своего Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя и Великаго Князя Петра Феодоровича утвердить и запечатать.

И в том-то есть твое самое наибольшее, О РОССИЕ, благополучие, когда не токмо мир в оружии твоем имеешь с короною шведскою, но и мыслию, и сердцем вечно с оною соединена пребываешь. Которое заключение вечнаго мира, по свидетельству премудраго Сократа, есть весьма надежное. Ибо государство, — глаголет он, — не столько силою военною, не столько стенами каменными, крепостями и замками стоит и утверждается, сколько дружеством, приязнию, любовью и сродством хранимо в безопасности и доброй надежде всегда пребывает. Кто убо не видит, что такое весьма благополучное произведение войны, и сие толь крепкое заключение вечнаго мира есть дело и чудо Божие...

Гедеон (Криновский).
Из «Слова о случившемся 1755 году
в Европе и Африке ужасном трясении»

Днесь аще глас его услышите,
не ожесточите сердец ваших.

(Псалом 94, ст. 7—8)

Получаемыя со дня на день нами ныне иностранныя ведомости возбудили во мне охоту некоторыя сочинить теперь на них нравоучительныя примечания, слышатели благочестивые. Ведомости сии ничего почти добраго нам не возвещают. Бог знает, бывали ли когда неприятнейшии паче нынешних на земли случаи. В толь краткое время толь многия зло пострадали государства. Там видим разверзающуюся и страшный с шумом пламень из недр своих испускающую землю; там море необычно разливающееся и поглощающее народа множество; там прекрасные грады в страшныя превращенны пустыни; там превысокия горы в глубокия рвы и долины сотворшиися; там многия тысящи человек живых погребенных; там полумертвых без пищи, без покрова ужасно воплящих. И что ж сие, слышатели? Какого вы разсуждения о таких ведомостях? Не хотите ли все то приписать Натуре? Не думаете ли, что селитряныя и другия некия сухия и легко загараемая частицы в потаенных земных каналах собравшиися и с некоторыми водяными частицами стираяся, горячесть, а потом и пламя произведши, и тем тончайший, в убегающих от очей наших земных трубах находящийся воздух в возмущение приведши, потрясли так землю и воду? Пусть так будет; я сему не противлюсь: не надобно и естественных совсем опровергать сил или их испытателей порочить. Но для чего ж, вопрошаю, не прежде, но в сие самое время, не в иных, но в сих самых частях земли произвела такое действие Натура!? Не скажет ли кто, что все то сделалось случаем? Случаем один город уцелел, другой развалился; случаем те люди спаслись, другие погибли; случаем Португалия, Гишпанія, Франция и многия Немецкия и другия различныя земли

подпали сему злу. А мы, например, Россианы ни труса земли, ни восхождения необычного воды не чувствовали? Но где ж будем девать оное слово Христово, что ни влас главы нашей без воли Отца небеснаго не погибает (Матф. X, 30; Лук. XII, 7), ежели случаем столько душ пропало? Нет, слышатели! не естество, но естества Творец, творяй в нас добро и зиждяй зло, по писанию (Исайи XLV, 7), главною всем сим неприятным событиям есть причиною. Он естество содержит в своем послушании и полагает, какие хочет, ему пределы; Он и сделал ныне, чтоб оно, оставя прежний свой порядок на сие время, новый и ужасный вид на себе принял; Он, говорю, то есть который презирает на землю и творит ю трастися, по Псаломнику (Псал. СIII, 32), и котораго море и ветры послушают, по Евангелию (Матф. VIII, 26), привел в такое смущение обе сии стихии. А понеже Бог и естество ничего напрасно не делают, как то и самые языческие признали философы, то уже следует нам помышлять, что непременно и помянутыя печальные руки Божией действия некоторую у себе имеют причину. И в сем-то состоять будут сегодняшняя краткия мои примечания. Впрочем, я не намерен пущаться в глубину сию без разсуждения. Я не смею испытывать совершенно, что единому Богу известно; но только хочу сказать, что все сие сделано ради того, чтоб устрашить нас грешных и отвести от беззаконий наших, которыя так сильно укоренились и разумножились в нас, что, кажется, вси прошедшие веки в том уступить настоящим должны. Чего ради и в заглавии сей моей беседы за благо разсудилось мне положить оныи Давидовы слова: «Днесь аще глас Его услышите, не ожесточите сердце ваших!» Ежели бо толь громкий и грозный глас Божий, глас, говорю, сокрушающий камене и стрясающий горы, нечувствителен сердцам нашим сделается; то уже конечно не можно будет нас почитать за человек, но разве за некоторую самых нечувственных вещей нечувственнейшую тварь.

Но надобно мне наперед вас уверить, что грехи наши подали причину, чтобы такая зла навел Бог на землю. А чем же бы я сам уверил? Уверяю живым и действительным словом Божиим, то есть священным писанием. Посмотрите вы, в книге Второза-

кония, в главе 30, что там Бог говорит чрез Моисея ко Израилю? «Аще, говорит, послушаешь ты заповедей Господа Бога твоего, поживеши и умножишиися и благословит тя Господь; аще ли же не послушаете, возвещаю вам, яко погибелию погибнете». И в книге Левитской, в главе 28, говорит: «Аще не послушаете мене, положу вам небо аки железно и землю яко медяну, и во ничто будет вся крепость ваша». Что ж и Давид? «Многи,— говорит,— раны грешному». Да и действительно, испытайте и виждьте, что навело страшный оный при Нои потоп на вселенную: не грехи ли человеческие? Что Содому и Гомору попалило: не грехи ли? За что Дафана и Авирона земля пожерла: не за грехи ли? За что Иерусалим невозвращаемому разорению подпал? Также не за грехи ли? И сие я говорю о причине зол всяких вообще. Слышите ж и что особливо о землетрясении сказал Златоуст святой? Как однажды приключившееся во времена его землетрясение уже престало, вскоре он после того имел к народу прекрасную беседу о причине зла сего, и в ней между прочим сказал так: «Другие вси ради землетрясения страхом объаты были, а я ради вины землетрясения. Они боялись, чтоб град не пал и не погибл; а я, что Бог на нас гневался, содрогал. Вина бо землетрясения есть Божий гнев, гнева же Божия вина суть грехи наши». Вот что Златоуст говорит! и требуем ли еще мы яснейшаго предложенной истине свидетельства?

Но не подумал бы уже кто, послушая сего, что те люди, которые погибли совсем или некоторый хотя вред претерпели при помянутых нынешних страшных обстоятельствах, одни грешными были, а мы праведными, что сохранились целы от зла? Нельзя сказать, чтоб тот пророк, котораго Бог льву на растерзанию отдал за одно то, что против приказа его совратился с пути своего откушать хлеба у другаго пророка (3 кн. Царств, XIII), или Оза, который за неподобающее прикосновение к кивоту Божию пал пред всеми внезапно мертв (2 Царств, VI), грешнейшие были паче тех, которые повседневно преступают заповеди Божии и касаются дерзновенно языком своим завсегда не только вещей каких божественных, но и самой чести Божией, однако ж не умирают того же самага времени, ниже львы,

исходя из пустыни, растерзают их. Таким образом не можно утвердить, и чтоб несчастливый оный люди достойнейшии паче нас были такого наказания Божия. Но думать нам надобно, что, может быть, для того здесь нас Бог не наказывает, понеже блюдет на вечное мучение, по силе оных слов Петровых: «Весть Господь нечестивыя на день судный мучимы блюсти» (4 Петр. II, 9), или что, может быть, уже и под нами подводятся те подкопы, которые подорвали бедных тех жизнь или благополучие? Может быть уже и на нас простерта страшная рука Божия, которую на себе почувствовали прочие край, но ждет еще, не устрасимся ли мы их примером и не пробудимся ли от сна нашего стуком, которой потряс толь великую часть вселенныя...

Комментарии

Краткие сведения об авторах:

Маркелл (в миру *Радышевский Николай Романович*; ?—1742) — один из противников церковной реформы Петра I. В молодости был другом *Феофана Прокоповича*, вместе с которым преподавал в Киевской духовной академии. Во многом именно благодаря *Феофану* получил сан архимандрита Юрьевского монастыря. Но в дальнейшем встал в жесткую оппозицию своему влиятельному другу и окончательно рассорился с ним. В 1725 г. на допросе в Преображенской канцелярии по обвинению в похищении драгоценностей Печерского монастыря *Маркелл* стал резко обличать *Феофана* в «противностях православной церкви», в лютеранстве, и это послужило началом процесса, затянувшегося на долгие годы и втянувшего в себя многих известных лиц и многих погубившего. Несколько лет содержался «под крепким караулом» в Преображенском приказе, затем переведен в Московский *Симонов монастырь*, где жил, пользуясь значительной свободой. В начале царствования *Анны Иоанновны* сблизился с духовником императрицы *Варлаамом*, и чувствуя за собой силу, *Маркелл* снова принялся было за обли-

чения «еретических учений» архиепископа Феофана, обобщив свои полемические выпады в «Возражениях на объявление о монашестве, на Регламент Духовный и на книгу о блаженствах». Итоги своих возражений подвел в специально написанном «Житии новгородского архиепископа, еретика Феофана Прокоповича». В 1732 г. вновь был арестован и приговорен к смертной казни, но затем помилован и сослан в отдаленный северный Белозерский монастырь, где однако не успокоился и «смушал» братию нападками на церковную иерархию и власти. Поэтому в 1738 г. его опять везут в Тайную канцелярию и подвергают новым допросам и репрессиям. Подозрения с него были сняты только в 1740 г. — он был освобожден и вновь определен архимандритом Юрьевского монастыря. В 1742 г. посвящен во епископа Корельского, викария новгородской епархии. Он скончается в том же году, успев однако произнести несколько проповедей, где выразил отношение к перемене правления, к новой государыне, к Петру Великому.

Кирилл (Флоринский; ?—1744) — архимандрит Троице-Сергиевой лавры. Получил прекрасное образование, которое усовершенствовал за границей. В течение длительного времени преподавал пиитику, философию и богословие в Харьковском коллегиуме (среди его учеников знаменитый Григорий Сковорода), а затем в Славяно-греко-латинской академии в Москве, где у него успели поучиться и В.К.Тредиаковский, и даже сам М.В.Ломоносов! Назначенный в 1741 г. ректором этой академии, старался в своей деятельности избавить обучение от схоластики. Одновременно с преподаванием началось и его служение в церкви. Он был архимандритом Заиконоспасского монастыря, а в начале царствования Елизаветы Петровны в том же сане переведен в Троице-Сергиеву лавру, где открыл Троицкую семинарию. Оставил множество трудов догматического, проповеднического характера; разработал для учеников семинарии специальные правила, но напечатано из его наследия только несколько Слов. Настоятель Успенского собора в Кремле. Умер в 1744 г.

Арсений (в миру Могилянский Алексей) (1711–1770) — придворный проповедник императрицы Елизаветы Петровны; был епископом Переяславль-Залесским и Дмитровским (1744); в 1752 г. уволен на покой, но с 22.10.1757 вновь призван на служение и стал митрополитом Киевским, Галицким и «всех Малых России». С 1767 г. именовался «Киевский и Галицкий». Им были написаны служба и Акафист новоканонизованному святителю Димитрию Ростовскому.

Амвросий (Юшкевич) — рукоположен в епископа Вологодского и Белозерского 2.02.1736 г.; с 29.05.1740 епископ Новгородский и Великолуцкий; с 3.08.1740 архиепископ. Широко прославился замечательными проповедями в начале царствования Елизаветы Петровны. В 1742 г. вместе с митрополитом Ростовским Арсением Мацеевичем дважды представляли императрице предложения о реформе высшего церковного управления. Суть этой реформы была в приближении управления Русской православной церковью к характеру управления Восточной церкви и, по-видимому, имела дальней целью восстановление патриаршества. Императрица и ее министры «не уважили» этих представлений. Умер 17 мая 1745 г.

Арсений (Мацеевич) — рукоположен в митрополита Тобольского и Сибирского 26.03.1741; с 28.05.1742 митрополит Ростовский и Ярославский; за активное противоборство церковной политике императрицы Екатерины II (лишение монастырского землевладения) 14 марта 1763 лишен сана и сослан в Белозерский монастырь. В октябре 1767 г. расстрижен, назван «Андреем Вралем» и заключен в одиночный каземат Ревельской тюрьмы, где страдальчески и окончил свои дни 28 февраля 1772. В русском народе никогда не прекращалось почитание праведника и стойкого борца за веру, и на Юбилейном Соборе в августе 2000 г. страдалец-митрополит был причислен к лику святых.

Э.Л.Афанасьев

«Санкт-Петербургские ведомости» (1728—1761)

«Московские ведомости» (1756—1762)

Общая характеристика

Годом основания «Санкт-Петербургских ведомостей» принято считать 1727 г., когда издание газеты «Ведомости» (изд. с 1703 г.) было передано в ведение Академии наук (основана в 1725 г.).

С этого времени начался выпуск газеты под названием «Санкт-Петербургские ведомости» — первоначально на немецком¹, а затем и на русском языках (№ 1 русского изд. — 2 января 1728 г.).

Газета выходила регулярно, два раза в неделю (104—105 №№ в год); каждый номер состоял первоначально из четырех, а с 1734 г. — из восьми страниц в малую четверть. Тиражи газеты в первые годы издания обычно составляли 700—800 экз., достигая на рубеже пятидесятих-шестидесятих годов 1000 и более экземпляров, хотя в отдельные периоды падали ниже трехсот.

Первыми редакторами и составителями «Санкт-Петербургских ведомостей» были молодые профессора академии и студенты — Г.Ф.Миллер (род. в 1705 г.), М.Шванвиц, И.И.Тауберт, И.Ф.Бреме, М.В.Ломоносов, Я.Я.Штелин и др.

По содержанию и форме «Санкт-Петербургские ведомости» мало отличались от ранних «Ведомостей». Как и прежде, основное место в них занимали известия из-за границы; композици-

---

¹ Большинство членов тогдашней Академии наук составляли немцы.

онные и стилистические моменты учитывались слабо (многое, видимо, зависело от личных вкусов редакторов и составителей).

Значительно позднее возникла газета «Московские ведомости» (№ 1 — 26 апреля 1756 г.), издававшаяся при Московском университете (основан в 1755 г.)¹. По своим параметрам новая газета была копией «Санкт-Петербургских ведомостей»; зарубежная специализация и непосредственная форма подачи известий также соответствовали своему образу, хотя в подборе материалов московская газета была достаточно самостоятельна. Тираж «Московских ведомостей» в течение многих лет не превышал 600 экземпляров.

Первыми редакторами «Московских ведомостей» также были молодые ученые — профессора Московского университета А.А.Барсов (до 1765 г.) и Н.Н.Поповский (ум. в 1760 г.).

Основу материалов обеих газет составляли извлечения из европейской прессы; публиковались также «партикулярные письма», а то и просто сообщения, основанные на слухах. Приоритет отдавался, как правило, военно-политическим известиям; далее следовали новости из жизни европейских монархов; много места

«Московские ведомости».
Титульный лист от 26 апреля 1756 г.

¹ Типография при нем учреждена сенатским указом от 5 марта 1756 г.

занимали сообщения о стихийных бедствиях и эпидемиях, статистические данные и курьезы. Заметки последнего рода порой носили откровенно развлекательный, юмористический характер, заметно выбиваясь из общего нейтрально-сухого тона новостных сводок.

Эволюция облика русских газет в это время связана прежде всего с появлением раздела частных объявлений. Складываясь постепенно на протяжении тридцатых годов, к середине сороковых он уже занимал до половины объема номера, а к концу XVIII века в несколько раз превосходил основной текст газеты. Эти объявления, главным образом коммерческого характера, — ценнейший материал по истории тогдашнего быта, обширный архив всевозможных данных, в том числе и биографических, отразивший судьбы многих иностранцев, искавших счастья в России.

Наряду с изменениями в структуре газеты, к середине XVIII в. несколько увеличивается объем сообщений о внутрироссийских делах, наблюдается больше тщательности в отборе зарубежной информации, появляются «горячие» и «сквозные» темы, ориентированные на читательский спрос. Так, например, обе газеты на протяжении многих месяцев писали о восстании шотландских якобитов (1745—1746 гг.), об обстоятельствах покушений на Людовика XV (5 янв. 1757 г.) и португальского короля Жозе-Эммануила I (4 сент. 1758 г.), приводя детальные отчеты о казни преступников; столь же подробно сообщалось о раскопках Геркуланума (популярная тема сороковых-пятидесятых годов) и Лиссабонском землетрясении (1 ноября 1755 г.).

В целом русские газеты XVIII века были вполне информативны, идеологически нейтральны и консервативны в издательских принципах. Они еще не ставили перед собой пропагандистских задач и были только объективной хроникой жизни человечества, адресованной любознательному читателю, сознающему себя частью цивилизованного мира.

Публикация подготовлена с использованием экземпляров «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостей», храня-

щихся в Музее книги Российской государственной библиотеки (РГБ) и библиотеке Российского Государственного архива древних актов (РГАДА).

В.И.Щербаков

Т е к с т ы

«Санкт-Петербургские ведомости». 13 февраля 1728 г.

Из *Пикардии* пишут, что в Понсе некоторая девка находится 12 лет, которая уже 6 футов длиною, и еще совершенно растет, чего ради многие люди для курьезитеты туды едут для смотра оной.

«Санкт-Петербургские ведомости». 26 марта 1728 г.

Из Парижа от 12 дня марта.

В Версалии обретается двор еще при пожеланом благополучии, и как слышно, есть королева вторично чревата, при котором Ея чреватстве она благополучно пребывает...

Из Фронвилла в Шампани пишут, что тамо некоторая девица в 122 году и в 3 месяце от рождения своего умерла, которая 25 дня ноября 1605 году родилась; она никогда вина не пила и пребывала от рождения до окончания жизни своя непременно при совершенном разуме.

«Санкт-Петербургские ведомости». 21 мая 1728 г.

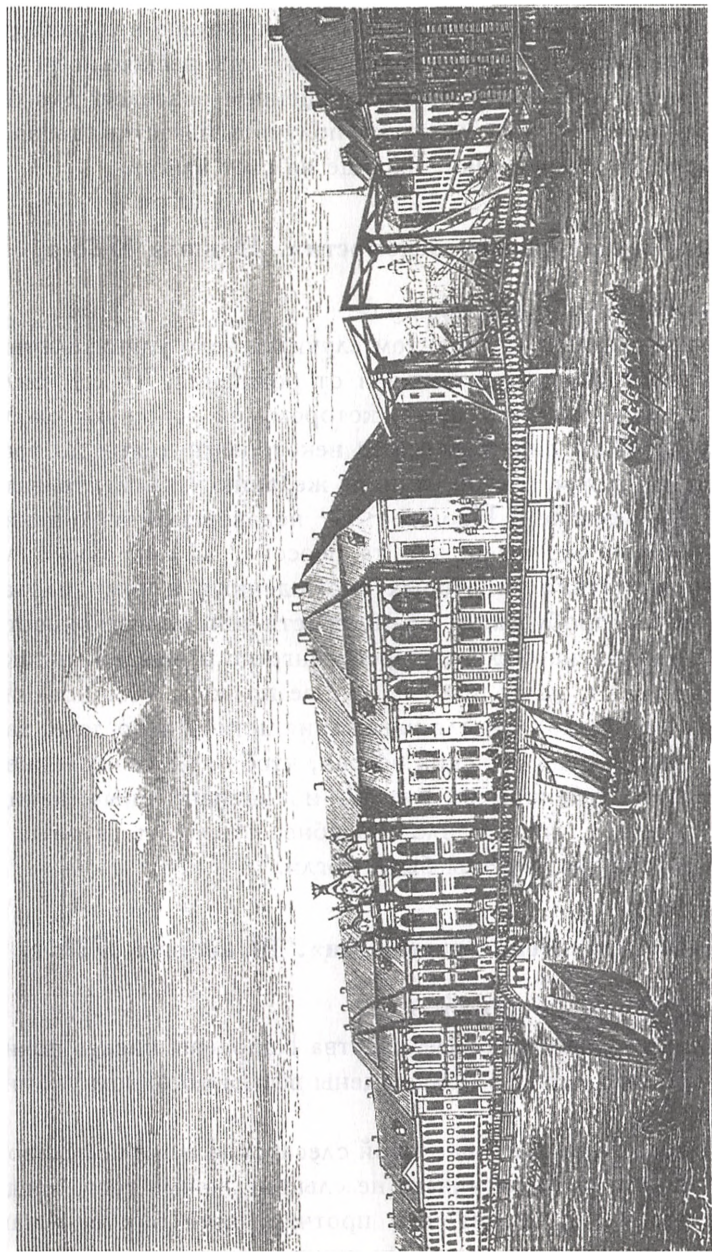
Из Амстердама от 14 дня маиа.

В плодоносной Франции паки удивительная история приключилась. В городе Мо нашлась некоторая девка, которая еще 9 лет от рождения своего не имеет, а тому уже шестой месяц очреватела, школьный мастер, у котораго она училась, ушел.

«Санкт-Петербургские ведомости». 8 июня 1728 г.

Из Парижа от 24 мая...

Из деревни Риавиллы, которая в Лотрингском герцогстве к амту Фердину принадлежит, прислано в здешний медицинский факултет о дивных случаях следующее известие: некоторый крестьянин уже от шти лет брюхом немоществовал и всегда жаловался, будто в его желудке какой зверь находится. Он чувствовал, как оный зверь от одной к другой стороне скакал. А деревенские господа медики о том также обнадужены, понеже оные сильное движение приметили, когда оные руку к тому месту прикладывали, где помянутый крестьянин сию болезнь чувствовал. И имели об оном всякое старание, каким бы нибудь образом ему помощь учинить; первый предлагал, чтоб сего зверя поносным лекарством выгнать; а другой советовал, дабы помянутого зверя отравою умертвить, чтоб оный впредь в кишках повреждения не чинил; третий уничтожил все сии предложения, понеже такой отравы сыскать невозможно, которая бы натуре сего зверя противна была, а при том и болного не вредила. Некоторая старая женщина, которая при том же советовании присутствовала, дала такой совет, чтоб оному болному дать крепкое рвотное лекарство, чрез которое бы оный зверь вышел, и имела то щастие, что сей ея совет от всех присутствующих подтвержден и в действо произведен. Третий день потом вышел оный зверь жив, который был 5 дуймов длиною, имел черную голову и быстрые глаза, и два малые черные рога. Шесть ног были остры как иглы, а хвост на подобие рыбы. Тело было круглое, а на спине волосатое, а брюхо так бело, как снег, и восемь титек, из которых белый сок шел. Всякий утрашился, смотря на такого страшного зверя, и разсуждали, что еще боле таковых зверей в сем человеке находятся, которые от сего зверя как от матери рождены и воспитаны, якоже оный болный по том еще некоторые болезни чувствовал. Деревенский священник призван также к смотрению сего зверя, и почитал онаго за вид диавола, что также некоторые из присутствующих оному священнику поверили, а еще боле в том подтверж-

Зимний дворец.
(С гравюры 1-й половины XVIII в.)

дены, как онаго зверя по советованию священника в сковороде на огонь поставили, который с оной сковороды несколько разов выскочивши, на последок с таким трещением розселся, яко бы из фузеи выпалили. Ныне ожидают получить известие, когда и протчие молодые дьяволенки такожде на свет выдут.

«Санкт-Петербургские ведомости». 13 июля 1728 г.

Из Амстердама от 2 дня иуля.

Во Франции пред парламентом случился зело удивительный процесс. Некоторая жена, которой от рождения 70 лет, била челом на молодого своего мужа, которому от рождения около 30 лет, за котораго она токмо пред некоторыми днями до того за муж вышла, в том, что он ее по ее желанию удовольствовать не может. Но понеже в Париже <в> недавних летах о таких случаях обыкновение было, что та персона, на которую били челом, в присутствии некоторых учрежденных к тому парламентских чинов пробу своей возможности или невозможности показать принуждена была, которое конгресс называли, и тако некоторые желают, дабы при сем случае прежнее обыкновение паки учреждено было, как для изыскания истины того дела, так для удержания впредь женских персон, чтоб оные своих мужей таким образом публично не ругали, но наипаче иным каким образом старались, как сие зло способнее отвратить, и оные б совершенно удовольствованы быть могли.

«Санкт-Петербургские ведомости». 10 августа 1728 г.

Из Парижа от 26 дня иуля...

О настоящих родинах ея Величества Королевы писать почитай уже уставают, понеже принуждены всегда об одном упоминать.

Здесь присмотрен при некоторой слесарской жене особливо пример глухости, которая ничего не слышит, кроме того, когда с нею к черепу ея говорят, а в протчем, хотя б к ея ушам наигромчае говорили, она однакож ничего не слышит.

Такожде приведен здешний медицинской факултет не в малое удивление, как пред некоторыми неделями из Руена ведомость прислана, что тамошняго бургермейстера служанка 3 сабаки родила. Некоторые хотели о том уже в публичных писмах доказать, что сему учинится возможно, некоторые же, что не возможно, но ныне получено известие, что сих господ утруждения напрасны были, понеже из Руена паки писма получены, что сей слух в начале таким образом носился, но потом учинилось о том доволное известие, что сие не так разуметь надлежит, понеже помянутого бургермейстера сабаку Серванте, то есть «служанкою» называют.

«Санкт-Петербургские ведомости». 24 августа 1728 г.

Из Вены от 14 дня августа.

От того времени, как Его Цесарское Величество в Греце обретается, отсель ничего особливо не объявляется.

Из Сегедина из Венгрии получено известие, что тамо великий колдун, которому от рождения 82 год и оный с 50 лет в колдовстве пребывал, с шестью своими товарищи и шестью бабами живые сожжены. Безбожные их действия неизреченная суть, чрез которые много сот человек погубили.

«Санкт-Петербургские ведомости». 1 октября 1728 г.

Из Парижа от 17 дня сентября...

В Лондениере, в некотором местечке в Нормандии, некоторый молодой человек именем Адриан Клакарт от сомнения и от изступления ума бритвою сам у себя тайный уд отрезал, понеже он некоторую молодую женскую персону, которую он полюбил, ко исполнению своей воли уговорить не мог, и хотя он чрез лечение некотораго искусного лекаря от смерти избавлен, но однакож посажен он за такую его продерзость под караул, при чем надеются, что он в разсуждении помешаннаго его ума не так жестоко наказан будет, хотя он еще и в других местах оною бритвою себя изрезал.

«Санкт-Петербургские ведомости». 5 октября 1728 г.

Из Гамбурга от 24 дня сентября...

Пред некоторыми днями взято здесь ночью некоторое страшилище под караул, которое в долгой мертвеческой саван убрано было и на голове белый парук имело; оно шло к дому господина бургомейстера Руланда, и хотя ночной караул в начале от оног испужался, но однакож осмелился оною караул оно страшилище одержать, которое по учиненному от караула вопросу, кто оное? и куда итти намерено? ответ такой дало: что оное есть дух умершаго господина Овербека и желает им некоторое письмо вручить, которое они в дом помянутого бургермейстера отдать имеют. Но как оною караул помянутое страшилище с свечью осмотрел и изобрел, что оное человек, а не дух, то взял оною оног притворного духа под караул, как оною наперед оружием по спине изрядно подчиван. На другой день поведен оною в своем страшилном уборе публично чрез улицу к допросу.

«Санкт-Петербургские ведомости». 8 октября 1728 г.

Из Парижа от 24 дня сентября.

Из Монтревила в Пикардии пишут, что в некоторой деревне Герли имянуемой, в 4-х милях от оног города лежащей, некоторая девочка обретается, о которой каждый немалое удивление имеет. Она девочка родилась в 1724 году марта в 15 числе, и тако оною от рождения ея $4\frac{1}{2}$ года: которая имеет все части своего тела, а особливо грудь такие, какие у совершенной женской персоны, дватцатилетней, такожде есть она чрезвычайного роста и 4 фута вышиною. Медики и лекари Монтревилские оную осмотрели и об оною к факултету в Париж репорт послали, которую за совершенную невесту почитают, как по рассмотрению, которое при всех частях ея тела учинили, так и того ради, понеже усмотрено, что у оною девочки месячное ношение уже с год непременно было. В протчем имеет она такой разум и поступки такие, какие у малых детей обыкновенны.

«Санкт-Петербургские ведомости». 14 декабря 1728 г.

Из Парижа от 29 дня ноября.

Принц фон Домбез в Кликхе еще болен лежит от учиненных ему 22 дня сего месяца на охоте повреждений. Те повреждения не зело легки, как сперва надеялись, сверх того, что уста розрублены и нос розшиблен, поранен оный принц в руку от еленя, который на него рогами бросился и с лошади долой сбил.

«Санкт-Петербургские ведомости». 11 февраля 1729 г.

Из Вены от 2 дня февраля.

Как разсуждают, Его Цесарское Величество намерение воспримет учрежденную санную езду, которая от здешняго высокого шляхетства часто зело преславно отправляется, впредь весма запретить; ибо уже усмотрено, что сие здравию дамских персон зело вредително, понеже разные знатные дамы при оной езде так зело простудились, что оные все немоществуют, а особливо молодая графиня фон Санкт Иулиан, о которой выздоровлении сумневаются.

«Санкт-Петербургские ведомости». 22 марта 1729 г.

Из Штокголма от 27 дня февраля старого стиля...

В уезде Фундбе умер пред тремя неделями некоторый человек, которому от рождения 110 лет, и до самой кончины всегда в своем разуме и здоров был. Не задолго до своей смерти шел он еще четверть мили пешком. В 93 годе от рождения своего женился он вторично, с которою второю женою он дочь родил, которая еще жива.

15 дня прошлаго генваря месяца родилась здесь девочка, у которой по прошествии 3 дней по ея рождении груди начали зело велики становиться, и так велики стали как яблока, которая при том зело беспокойна была. Но как примечено, что она в своих грудях много молока имела, и оное у ея выдавили, то

стала она потом паки по прежнему здорова, у которой еще и ныне непременно молоко выдавливают и от оной временем по четвертине одного молока получают.

«Санкт-Петербургские ведомости». 19 августа 1729 г.

Из Лондона от 5 дня августа...

На прошедших днях погребена здесь знаемая Мария Давис, которая в последней Фландрийской войне салдатом служила и от того времени также всегда салдатское жалованье получала, с обыкновенными церемониями по салдатскому обыкновению, таким образом, что 6 гренадеров гроб, и 6 сержантов нагробный покров при великом множестве салдат несли.

«Санкт-Петербургские ведомости». 16 декабря 1729 г.

Из Парижа от 2 дня декабря...

Из Руена пишут, что почти все тамошние жители 12-летнюю некоторого купецкаго человека девку видеть желают, которая околдована и из тела оной собачии, кошечии, овечии и попугаев голосы, как объявляют, весьма ясно слышать можно.

«Санкт-Петербургские ведомости». 15 февраля 1731 г.

Из Парижа от 30 дня января.

Сие токмо единая злоба есть, что здесь такой слух разсеян, якобы кардинал Бисси, епископ Московский в своей церкви папу Григория VII и цесаря Генрика IV в его ногах лежащаго намазывать велел.

...Из Дижона получено ныне о некоем зело удивительном деле известие. Некоторая партикулярная особа пропала тамо пред несколькими временем без вести. Свойственники оныя били челом сего ради на некотораго другаго человека, яко превеликаго неприятеля оныя особы, в смертном убийстве. Оный взят потом под караул, и понеже он в сем смертном убийстве в застенке от жестокой пытки повинился, то он живой разорван,

Зима. (С картины худ. Н. Ланкре, 1738)

а другие два человека, на которых яко виноватых в сем деле доношено, повешены. Но понеже ныне недавно та пропадавшая особа в совершенном здравии паки явилась, то просят ныне свойственники напрасно казненных о справедливости в сем опасном деле.

В Меце велел тамошний Епископ некоторую туда недавно в пустынноическом платье прибывшую женщину в монастырь запереть, понеже она о предбудущих вещах пророчествовала.

«Санкт-Петербургские ведомости». 22 апреля 1731 г.

Из Тулона от 16 дня марта.

Отец Гирауд, ректор здешния езуитския коллегии, обманул некоторую молодую девицу, единую дочь ея родителей, которую он уже несколько лет в надзирании своем имел и вообразил в ея мысли всякия явления и объявления, оную такожде к тому подговорил, что ей ради искупления некоторой души из чистилища с ним плотской грех учинить надлежит. Как она девица ему во всем поверила и его желание исполнила, то учинилось, что вместо того, что сей честный отец езуитскаго закона одну душу из чистилища искупил, он другую на свет произвел. Чрез сие принуждена была ея мать, которая в том зело поругана, о сем епископу и в Тулонском магистрате бить челом, но понеже она от онаго в том никакого удовольствия не получила, но наипаче сей стыд помянутой девице самой в вину причтен, и она в Урзелинской монастырь сослана, то принуждена была помянутая ея мать о сем вышнему началству бить челом, и кардиналу де Флеру, такожде и великому канцлеру Дагвессауу две жалостные челобитные подать¹.

---

¹ В продолжение темы см. ниже материал (СПбВ) от 4 ноября 1731 г.

«Санкт-Петербургские ведомости». 17 июня 1731 г.

Из Парижа от 1 дня июня.

...На прошедшей неделе осуждена в камморном суде некоторая богатая прикащическая жена из Пикардии, так что она прежде повешена, а по том сосжена, а ея 2 сына живые лошадыми разорваны быть имеют. Ея преступление состоит в том, что она некотораго слугу обеим своим сыновьям убить велела, понеже он у нея с угрожительными словами 500 ливров требовал, которые она ему за то, что он в ея соседстве некоторый двор зажег, обещала.

«Санкт-Петербургские ведомости». 23 августа 1731 г.

Из Митавы от 29 дня августа.

С прибывшею ныне сюда почтою получено известие, что 25 дня сего месяца в Кенигс-берге военных и вотчинных дел советник фон Шлублут во всем уборе, в платье, башмаках и чулках на новой пред военною и вотчинною коморою нарочно к тому построенной виселице повешен. Здесь обнадеживают, что притчиною его смерти суть захваченные от него казенные денги. При сем приключилось и сие нещастие, что некоторый кузнечный подмастерье, смотря сию экзекуцию с высокаго места, упал и до смерти ушибся. Здесь надеются оттуда еще о многих пременах известие получить.

«Санкт-Петербургские ведомости». 16 сентября 1731 г.

Из Гамптонкурта от 31 дня августа.

...Вчерашняго дня были в Витеале генералы в собрании, чего ради ныне объявляют, что все офицеры, которых полки в Ирландии стоят, к своим полкам отъехать имеют. За день до того бегал салдат третьяго полка гвардии сквозь 300 человек спиц рутен, а потом выгнан оный при битии в барабан с веревкою на шее из полка, понеже он у убогаго армянскаго священника 3 шилинга и 6 фенингов украл.

Из Лондона пишут, что тамо в тамошней крепости пред несколькими днями лвица ошенилась, при чем сие примечания достойно есть, что как лев, так и лвица сами пред 6 годами тамо же родились.

«Санкт-Петербургские ведомости». 4 ноября 1731 г.

Из Парижа от 19 дня октября.

Из Эя получено с вчерашними писмами о решении славнаго дела между отцом Жирардом и девицею Кадиерою подтвержденное известие. Оное дело решено 10 дня сего месяца, чего ради в то время члены высокой судебной каморы от 7 часу поутру до 6 часу в вечеру в собрании были. По учинении во оноем решении отец Жирард освобожден и в его монастырь паки отослан. И хотя девица Кадиер на свободу паки отпущена, однакож повелено ей все протори заплатить. Оное дело разодрано потом от приказнаго служителя. Такжеде обнадуживают, что голоса 24 судей зело разны были, понеже 12 из оных о осуждении помянутаго отца Жирарда на смерть, 9 о освобождении его, 2 о ссылке в галерную работу и 1 о предании его анафеме советовали. По произшествии между ими великой ссоры, понеже 12 первые их мнения переменить не хотели, склонились 3 последние к 9, которые о отпущении помянутаго отца на свободу советовали, и на последок в том согласились, а особливо понеже в криминальных делах легчайшие мнения пред жесточайшими всегда первенство имеют.

«Санкт-Петербургские ведомости». 18 ноября 1731 г.

Из Вены от 3 дня ноября.

...Из Трира выгнана при сечении хлыстами публично в первых числах прошедшаго октября месяца женщина Мария Клара Каркин, которая себя за рожденную графиню фон Вурмбранд и супругу графа фон Вартенслебена фалшиво объявляла, по том положено ей на лбу пятно безчестных при таком запрещении, чтоб ей впредь в сем архиепископстве никогда не являться.

«Санкт-Петербургские ведомости». 22 ноября 1731 г.

Из Парижа от 5 дня ноября.

...Близ Витра в Шампани найдена на высоком дереве дикая женщина около 18 лет, но как она туда пришла, не известно. Она не ест ни хлеба, ниже варенаго мяса, но питается токмо осиновым листвием, лягушками и сырым мясом, которое она с великим желанием глотает. Она бегаёт как заец и взлазывает на дерева в подобие кошки, о чем тамошний интендант королевскому двору известие подал.

«Санкт-Петербургские ведомости». 25 ноября 1731 г.

Из Гаги от 14 дня ноября.

...Найденная во Франции дикая женщина есть зело хорошая обезьяна, которая пред несколькими годами от Дука де Вилле-роа ушла, но помянутой женщине так подобна была, что разность между ими токмо по учиненном подлинном осмотрении изобретена.

...В Гулсте казнен недавно великий разбойник, которой и на своих свойственников руки поднял, следующим образом: сперва отсек у него палачь правую руку, а потом бил его оною по лицу. После того был он колесован, и лежав с четверть часа, со всем амбоном, на котором экзекуция чинилась, живой сожжен.

«Санкт-Петербургские ведомости». 21 апреля 1737 г.

Из Бреславля от 8 дня апреля.

В Проске, недалеко от Розенберга на Шленской границе, кажнена в недавном времени женщина, которая для продожающагося голоду своего собственного младенца убивши съела. Еще взяли две семьи мужиков под караул, которыя также дву младенцов и 12-летняго малчика для великаго голоду убили. Сын сего мужика нашел было с начала помочь у своей сговоренной невесты, которая для ево все свои пожитки продала и взятыми за оныя деньгами сего своего жениха и родителей ево

снабдевала, но понеже потом сама в крайнее убожество пришла, то он же на нее вместо благодарения нападши, без человеческим образом до смерти убил, а потом с своим отцом и матерью тело ея есть начали, от котораго было все занемогли, но вскоре после того от жареной собаки опять оздоровели, а достальные части тела помянутой невесты впредь на пропитание себе оставили.

«Санкт-Петербургские ведомости». 8 декабря 1737 г.

Из Лондона от 22 дня ноября.

...Из Экстера объявляют следующее приключение. Как за несколько дней здешние рыбаки неводы свои вынимали, то нашли они в одном морское чудовище, человеку несколько подобное, которое, как скоро оно почувствовало берег, тотчас из неводу выскочило; и понеже онаго скоро нагнать не могли, то шестью оно убили. Вышиною оно в четыре фута и имеет 2 ноги, подобныя утятим. Глаза, рот и нос совершенно так, как у человека, только что у него хвост подобно как у лосося. Многие смотрели с крайним удивлением сие убитое чудовище.

«Санкт-Петербургские ведомости». 12 июня 1738 г.

Из Вены от 24 мая.

...В прошлое воскресенье сделалось такое несчастие, что один из носящих Его Величество владеющую Цесареву на креслах гайдуков так сильно своим небрежением, несучи на лесницу, головою об стену ударил, что у нея из носу кровь пошла, и для того принуждены были Ея Величеству из руки кровь пустить.

При въезде Ея величества Королевы обеих Сицилий в С.Пелтен верховая лошадь, оборвавши узду, 2 человек до смерти убила, а 3 ранила, и из двух перьвых один человек у самой Королевиной кореты умер.

«Санкт-Петербургские ведомости». 25 сентября 1738 г.

Из Лондона от 8 сентября.

...Из Вест-Индских колоний никаких новин ныне нет, кроме того что одно из наших судов, из Ефиопского города Анголы, в Королину пришло и привезло с собою уroda, которой по вест-индски Оронотан, или дикой человек называется. Сие чудище в своем роде женочка, тело его в два фута длины, имеет человеческия руки, ноги, составы и ногти по препорции величины, обыкновенным образом ходит, на стуле сидит, стакан рукою держит, и как человек из него пьет. По всему телу на нем шерсть как на медведе. Кожа на теле бела, а на лице и руках красна, и впротчем она вся на индианца похожа.

«Санкт-Петербургские ведомости». 9 января 1739 г.

Из Неаполя от 9 декабря <1738 г.>.

...В Вилла ди Портичи найдена на работе, из коринтской меди зделанная статуа. При том же случае выкопали медную лошединую ногу, а понеже надеются, что на сем месте во время древних римлян славной увеселительной дом называемой Геркуланум стоял, то велено смотреть, не сыщут ли тут каких древних сокровищ, и для того приказано с сим копанием весьма бережно поступать.

«Санкт-Петербургские ведомости». 5 июня 1739 г.

Из Парижа от 15 мая.

...Как Король наш всю свою гвардию пред недавним временем смотрел, то лошадь капралу гвардии марки д'Алегр так жестоко ногу перебила, что славной из здешних лекарей оную ево ногу по самое здоровое место отнял. Хотя сия операция по надлежащим анатомическим правилам делана была, однако под жестокими законами сего хирургического искусства страждущей больной, совершеннаго окончания сего, режущим ево не-

чувственного, а ему самому несносного действия, не дожидаясь, Богу душу отдал.

«Санкт-Петербургские ведомости». 7 марта 1740 г.

Из Дрездена от 23 февраля.

Сего месяца восьмого числа, то есть в высокий день рождения ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ, изволил Его Королевское Величество от своих министров и других знатных персон сим торжеством принесенныя всепокорныя поздравления принять; а потом с Ея Величеством Королевою, также с Принцами и Принцессами, в провожании всего придворного стага в Егерския палаты итти, для смотрения звериной травли; которая с девятого часу утра до перваго часа по полудни продолжалась. Туда приведены были разныя звери, а именно лев со львицею, бабр, леопард, тигр, рысь, три медведя, волк, дикой бык, два буйвола, корова с теленком, ослица, жеребец, две дикия лошади и двенадцать превеликих кабанов. Лев с медведем того же часа на диких свиней напали, и убив их стали есть. Леопард принялся за теленка; а дикой бык ослицу рогами убил. Другой медведь атаковал волка и несколько раз кверху ево так бросал, что волк, от него ушедши, к диким свиньям прибежал. Король после того из своих рук рысь и медведя застрелил; а по окончании сея травли изволил Его Величество с Принцами и Принцессами в большой сале сего Егерскаго дому за особливим на сорок персон приготовленным столом кушать; за которым чужестранныя и здешния министры со знатнейшими Дамами и Кавалерами обедали; а для протчих придворных Дам и Кавалеров три стола приготовлены были. За Высочайшее здравие ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и про другия высокая здоровья пили с пушечною пальбою, также при непрестанном игрании на трубах и литавреном бое. Конфектная пирамида представляла такое же сражение зверей, какое сего дня поутру было. А в пятом часу по полудни представлена в перьвой раз на большом театре богатая опера, называемая Деметриус.

«Санкт-Петербургские ведомости». 15 августа 1740 г.

Из Рима от 16 июля.

...Между старицами двух монастырей в Неаполе зделалась на прошлой неделе ссора. Один монастырь велел свою ограду выше зделать, а другой тем недоволен был. Как старицы увидели, что каменную стену подымать стали, то оне с вилами и рычагами для опровержения сея работы на стену взбежали; а другова монастыря сестры им противились. Обе стороны принялись за каменье, и из того формальная баталия зделалась. Потом пришли из муских монастырей братия, и между сими воюющими сестрами перемирие зделали.

«Санкт-Петербургские ведомости». 8 ноября 1744 г.

Из Парижа от 24 октября.

...Убийства и грабежи здесь весьма умножились, и почти ни одного дня не проходит, в которой бы не находили на улицах убитых людей. Прошлаго вторника некоторой женщине пред ея дверми отсекли голову и руки. Таких злодеев поимано уже до 12 человек, которые по большой части в абатское платье наряжаются. Между прочими собралась и такая артель, которая называется фонтанж, и состоит из бездельных женок, которыя непотребным житием более питаться не могут.

«Санкт-Петербургские ведомости». 23 августа 1745 г.

Из главной квартиры великаго Герцога в Гейделберге от 10 августа.

...На сих днях в Кейловом полку нашли девку, которая 7 лет с половиною служила барабанщиком в том полку, и всегда изрядно себя вела и в разных случаях против неприятеля бодро поступала. Великой Герцог приказал ее в Вену послать, где она по смерть пропитание получать имеет.

«Санкт-Петербургские ведомости». 16 сентября 1746 г.

Из Лондона от 30 августа.

Вчера поутру в 6 часу сильная команда конной гвардии и гранадер, и по 25-ти человек с каждой роты трех полков пехотной гвардии прошли чрез здешней город к Тургилю, чтоб при экзекуции графа Килмарнока и лорда Балмерина караул содержать. Шерифы с их подчиненными того утра с палачем пошли в тот дом, которой в помянутом месте нанят был для обоих лордов. В 11 часу принесена на амвон плаха, и покрыта черным сукном. Вскоре после того принесены и два гроба. На одном из оных подписано было: «Вилгельм, граф Килмарнок, казнен августа 29 дня 1746 года, от рождения своего на 42 году». На другом: «Артур, барон Балмерино, казнен 29 августа 1746 года, от рождения своего на 58 году». В половине 11 часа шерифы пошли в Тувр, где отдали им арестантов с роспискою. При выходе их оттуда губернатор Тувра по обыкновению сказал: *Боже, благослови короля Георга*, после чего граф Килмарнок головою кивнул и тем сие желание поттвердил; но лорд Балмерино отвечал: *Боже, благослови короля Иакова*. Потом оба лорды поведены в вышереченной дом, в котором были они около часа. В половине 12 часа граф Килмарнок взведен на амвон. Он был в черном платье и имел при себе проповедника, туврскаго диакона, и несколько дворян. Сперва говорил он краткую речь к народу, в котором тяжкое свое преступление к королю и отечеству признал и в том покаялся. После того, отправя чрез несколько минут молитву, скинул он с волос кошелек и своему камердину велел себя роздеть и галстух снять. Потом, надевши он на голову камчатную шапку, поговорил несколько с палачем и поклонился народу. Как после сего волосы ево в шапку подобраны были и шею у него обнажили, стал он на колени на черной подушке перед плахою, на которую голову положил, однако оную пять раз к верху приподнимал. Под плахою положено было красное сукно, на которое голова упасть имела. Надевши шапку на глаза, положил он голову опять на плаху, и по прошествии 5 минут дал знак, после чего палачь

одним разом отсек ему голову, которую тотчас обвернули в красное сукно и с телом в гроб положили. Помянутой лорд на амвоне весьма пристойно поступал. Но он был очень слаб, понеже несколько дней немог. Он оказал великое покаяние, однако смерть свою мужественно снес. По сотрении крови с амвона, шерифы взвели на оной и лорда Балмерина. Он был в синем салдатском мундире с красным подбоем и медными пуговицами и в парике с узлами, и показывал себя весьма веселым: он много говорил и смеялся, и казалось, будто бы он нимало смерти не боялся. Он так же смеючись читал подпись на своем гробу, а потом и то письмо, которое он шерифам отдал, извиняя себя в том доносе, будто он вместе был в заговоре с теми, которые хотели всех полоненных агличан перерубить. Потом спросил он сторожа туврсакого, отдал ему свой парик и несколько денег. Он требовал посмотреть и одра, после чего, скинув кафтан, положил оной на гроб и надел шапку из шотландской материи, говоря притом, что он яко шотланец умирает. После сего взял он в руки топор, отведывая его тяжестины. Потом призвал он к себе палача, дал ему несколько денег и говорил с ним о том, как экзекуции делаются. И как он палачу в руку ударил и с ним простился, то он в две минуты скинул с себя камзол, загнул ворот у рубашки, и ставши по левую сторону плахи на колени, положил на оную свою голову. Но когда ему сказано, что ему не должно лечь с левой стороны, то он тотчас опять встал, перешол на правую, стал на колени, протянул свою голову, и не положи еще прямо головы, дал палачу знак, чтоб рубил. Ему дано три удара: первой по плечу, второй по шее, но только в третью часть оныя. Лорд потом упал, но тотчас опять поднят был, после чего в третьей раз голова совсем отсечена была, которую, так же как и Килмарнокову, обвернули в красное сукно и с телом положили в гроб, а потом оба гроба отвезли в Тувр. Лорд Балмерин не столь спокойно оказал себя, как лорд Килмарнок, однако на амвоне поступал с тою же живностию и бесстрашием, которое оказывал он во всю свою жизнь.

«Санкт-Петербургские ведомости». 15 января 1748 г.

Из Амстердама от 3 января.

Распространившейся слух, будто жиды во Франции строят несколько военных кораблей, нимало неоснователен, ибо заподлинно известно, что во всем помянутом королевстве токмо самое малое число жидов находится, а именно несколько человек в Бурдо, может быть несколько человек в Болонье, да один в Париже.

«Санкт-Петербургские ведомости». 29 июля 1748 г.

Из Парижа от 15 июля.

Некоторой агличанин, которой жил в Наварской коллегии, за несколько дней убил себя до смерти следующим неслыханным образом: ибо сказавшись, что для перемены воздуха хочет он отсюда отъехать, вместо того спрятался в своем покое, так что никто того не видал, и натýкал себе в грудь около ста булавок. Когда об нем уже несколько времени ничего не слышно стало, также и двери его заперты были, то наконец вознамерились оныя выломить, и тогда нашли, что он лежит на земли, будто бы спал, протянувшись, и на лице ево никакого неудовольствия не примечено. Между тем никто не знает, для чего бы он такую смерть полюбил.

«Санкт-Петербургские ведомости». 7 октября 1748 г.

По желанию некоторых охотников до музыки здесь по средам по полудни с 7 часа в доме князя Гагарина на Адмиралтейской стороне в Большой Морской против Немецкаго комедийнаго дому играть будут концерты по италианскому, аглинскому и голанскому манеру. С слушателей брано будет за человека по рублю, и никто без билету пущен быть туда не имеет, а петь станут на италианском, руском, аглинском и немецком языках; чего ради все знатные господа, купцы и мещане соблаговолят туда приходить для слушания; а пьяные, лакеи и безделныя женщины туда пусканы быть не имеют.

«Санкт-Петербургские ведомости». 4 ноября 1748 г.

Из Лондона от 11 октября.

В прошлую среду некоторой матроз, смотревши в Тувре запертых в зверинце тамошних львов, для оказания своей смелости потянул одного льва за лапу; только лев шутить не умел и ударил матроза в голову с такою яростию, что его бедного расшибенного в гошпиталь святого Фомы снести принуждены были.

«Санкт-Петербургские ведомости». 2 декабря 1748 г.

Из Лиссабоны от 24 октября.

...Сего месяца 20 числа по определению духовнаго разыскнова приказа сожгли троих муштин да одну женщину. Муштины были из жидов, которые попали в то нещастие за упорство в своей вере, обучившись уже Христианскому закону. Женщина была из монахинь, у которой думали найти знаки волшебства. Притом особливо достойно примечания сие, что она и сама про себя то думала, так что сама в том повинилась. Она очень пространно объявила о блиском обществе, которое по ея мнению имела она с дьяволом.

Из Рима от 28 октября.

Понеже из подземных мест, что недалеко от Неаполя, диковинныя вещи, бывшия в старом городе Ираклии и поныне вынимают, то Неаполитанской двор выписал к себе еще больше здешних искусных художников, для того чтоб особливо достопамятныя вещи в целости и невредимы из ям вынуть, понеже их почитают за неоспоримых свидетелей изрядства и славы древних времен.

Из Лондона от 12 ноября.

...Недавно учинился здесь следующей печальной случай у Теодора Янзона, которой с 40 лет был знатным купцом. 16 числа сентября при Канадских берегах разбило непогодою

корабль с его товарами; 20 числа октября некоторой купец зделавшись банкротом причинил ему убытку на 30000 фунт стерлингов; 14 октября в Гарвихской гавани утонул у него сын, которой, будучи три года в чужих краях из Голландии назад ехал; 16 числа умерла у него жена с печали, а наконец он Янзон и сам удавился.

«Санкт-Петербургские ведомости». 5 января 1750 г.

Из Мадрита от 23 ноября.

...Сего месяца 12 числа дон Иозеф Фуентес и Вильегвас в деревне своей у города Сарагоссы умер, живши 120 лет 7 месяцев и 16 дней. За два дни до своей смерти ходил он еще пешком в костел.

«Санкт-Петербургские ведомости». 2 февраля 1750 г.

Из Лувена от 16 генваря.

Медицинской факультет здешняго университета между прочими жалованными грамотами получил и сию грамоту, по которой позволено ему все тела казненных муштин и женщин, муштин зимою, а женщин летом, анатомить. А понеже некоторая сводница подговоривши двенатцатилетнюю девочку свела в вольной дом, то ее взяли под караул, и из Рисселя привезли в Бриссель, где по учиненному приговору вчерашняго дня перед ратушею и повесили. Пошедшие туда некоторые студенты медицины от учителя своего в анатомии взяли с собою письмо, по которому б им онаго тела требовать можно было. Но им словесно сказано было, что сего теперь учинить не возможно, ибо оное тело обещади отдать некоторому доктору в Брисселе, которой также учит анатомии. Студенты сею отговоркою не были довольны, проведав, что сей доктор дает лекции приватныя токмо, а не публичныя. Чего ради принято короткое намерение. Как в полдень на улице все утихли, и приставы из ратуши вышли, то студенты, приехав в карете к виселице, с чрезвычайною скоростью сняли тело, и положив к себе в карету, поехали с ним за

ворота, так что они с добычею своею прежде почти сюда приехали, нежели в Брисселе заметили, что с сим телом зделалось.

Из Дрездена от 20 января.

...В исходе прошлого года в Броскелене, 4 мили отсюда, девке четырнатцати лет, которая там нарочно зажгла, отчего 30 дворов сгорело, сперва голову отсекли, а потом сожгли.

«Санкт-Петербургские ведомости». 16 марта 1750 г.

Из Парижа от 26 февраля.

Беременность Дофеновой супруги щастливо продолжается. Недавно высокопомянутой Принцессе захотелось покушать Индейскаго плода, называемаго Ананасу; а понеже во Франции его найти не можно было, то послан был в Амстердам нарочной, которой привез оттуда в Версалию помянутаго плода изрядныя две штуки, полученные старанием жида Пинто.

«Санкт-Петербургские ведомости». 12 июня 1750 г.

Из Кельна от 1 мая.

По писмам, из Парижа полученным, произошедшей маяя 17 дня бунт начался следующим образом: генерал полициимейстер господин Берриер приказал полицейским служителям шатающихся по улицам без дела ребят, неимеющих у себя ни отцов ни матерей, ловить для отсылки оных к размножению Американских селений; некоторой из таких полицейских служителей отхватил убежавшаго к матери своей мальчика, и думая получить себе срыву, не верил, что та женщина подлинная мать мальчикова. На крик и на слезную жалобу сей женщины люди сбежавшись, били онаго полицейскаго служителя до полусмерти. Потом смятение начало становиться отчасу сильняе и больше, так что французская и Швейцарская гвардии и притом конные и пешие городских караулов каманды наряжены были, кои до тех пор онаго возмущения утишить не могли, пока по

мятежникам не выстрелили, которых 17 человек на месте убито. Таким жестоким средством хотя бунт на малое время и утолен был, однако потом вскоре опять начался еще жестокае. Народ крайне огорчившись и скопившись паки, учинил прежестокия наглости, раззорил и разграбил некоторой знатной дом, повесил караульнаго ефрейтора и волочил по улицам мертвое его тело. Для разогнания сих бунтовщиков более 20000 человек солдат командировано. В письмах из Парижа упоминается о сем бунте как о некоем особливо достопамятном приключении.

«Санкт-Петербургские ведомости». 29 июня 1750 г.

Из Лондона от 16 июня.

...Сего месяца 10 числа от полиции комедиантам в Зудлевелсе и Неввелсе объявлено, чтоб им впредь на своих комедиях пантомимов не представлять, для того что подлой народ в обоих помянутых местах обыкновенно забавляется питьем, пляскою по веревкам и другими играми. А понеже пантомимы там представлены были неприличным и весьма срамным образом, то запотребно усмотрено такая персоны играть запретить. Но на сие запрещение в Неввелсе не много смотрели, и пантомимов комедианты представлять не переставали, пока им спустя после того несколько дней под опасением немалого штрафа паки заказано не было. Чего ради комедианты принуждены были собравшимся зрителям объявить, а себя извинить, что им впредь пантомимов представлять неможно. Народ, услышав сие, так разъярился, что по комедиантам бутылками и стаканами бросать стал, и потом лавки разломав и оконницы перебив, весь комедияльной дом раззорил.

«Санкт-Петербургские ведомости». 3 июля 1750 г.

Из Парижа от 15 июня.

...Из Рошеля уведомяют, что около тамошняго города и Рошефортской гавани находится превеликое множество волков, которые всю скотину, какая токмо попадетя, дерут и вместе по

осьми и по девяти бегают, а хотя их гоняют, но уходят они в хлеб, куда за ними для наступающей жатвы гнаться не можно...

Из Парижа от 19 июня.

...Из Орлеана пишут, что двое солдат Орлеанова полку в шутках сговорились по приходе в помянутой город в народе слух рассеять, что пришли они хватать всех ребят, которые на улицах им попадутся. Сей слух тотчас по всему городу распространился, отчего народ пришел в великое беспокойство, одного солдата без милости затоптал ногами до смерти; а другой ушел, но ево скоро после того поймали и привели к Губернатору, где приговорили сперва наказать его на теле, а после сослать вечно на галеры.

«Санкт-Петербургские ведомости». 6 июля 1750 г.

Из Кистрина от 27 июня.

В стоящем недалеко отсюда городке Нейдамме обрюхатела некоего крестьянина меньшая дочь девяти лет и девяти месяцев и ходит уже на сносах, и родин ея чрез две недели ожидают. Очеватил ее мальчик 10 лет родом из Пфальции, которой, как о том деле узнали, ушел. Проезжающие чрез помянутой городок господа чреватую девочку к себе призывают и дарят, и отец с матерью сами сказывают, что она уже собрала до 30 рейхсталеров. О родине сей девочки и о других такого необыкновенного приключения обстоятельствах известие впредь сообщено будет.

«Санкт-Петербургские ведомости». 13 июля 1750 г.

Из Парижа от 26 июня.

Лоренцу Монкоту, одному из тех двух солдат Орлеанского полку, кои, как недавно упомянуто было, пришедши в город Орлеан между народом смятение учинили, понеже они на смех сказали, что им велено робят хватать, учинено наказание. По 3 дни с ряду в день по два часа стоял он на рундуке с цыдулкою,

на которой написано было: *обманщик и возмутитель общего покоя*. По большим улицам и по знатым местам и перекресткам чинено ему наказание, бит розгами и заклеямен и на 9 лет в галерную работу сослан.

«Санкт-Петербургские ведомости». 20 июля 1750 г.

Из Лондона от 7 июля.

...Господин Весли, проповедник, недавно в Корке и Брондоне в Ирландии подвержен был великой опасности. Он своими проповедьями столь много огорчил народ, что он бросал в него камнями, дом, где он проповедовал, разломал и жжег его кафедру.

На прошлой неделе Его Королевскому Высочеству Герцогу Кумберландскому подано прошение, которым некто Ион Грай, которой был в морской службе и недавно отставлен, просил о жалованье. В сем прошении оной Ион Грай объявляет, что он женщина, имя ей Анна Снел, а родилась в Ворчестере. Она семь лет служила в морском салдатском полку во флоте адмирала Боскавена, была в Индии и находилась при осаде Пондишери, также как матрозом, так и солдатом всегда проворно и храбро поступала, и все ее за мужчину признавали. Причину объявляет она, что надела муское платье, за тем, чтоб везде следовать за своим любовником, которой взят в морскую службу; чего ради и она пошла в службу, всегда была его товарищем, но он ее не знал, и хотела дать ему о себе знать, когда вместе домой возвратятся, но он в походе умер. Герцог послал ее с прошением к генералу Фразеру для объявления сего и ему; а ей обещал, что по ее заслугам по смерть определит ей жалованье.

«Санкт-Петербургские ведомости». 24 июля 1750 г.

Из Лондона от 10 июля.

...Понеже Его Королевское Высочество Герцог Кумберландской о подлинности сказанных слов Анною Снелшою, ко-

торая, как в прежних ведомостях объявлено, под именем Иона Грая семь лет морским солдатом служила, получил известие, и все подлинно нашлось, как она сказала, то Его Высочество приказал ее Анну Снелшу внести в Королевской список, по чему ежегодно получать она будет по 30 фунтов стерлингов. О сей храброй женщине сие примечания достойно, что ее на бою под городом Пондишери в двенадцати местах ранили, а именно в пяти местах в левую, в шести в правую ногу, да еще раз в лядвею, и сию рану сама себе залечила и пулю оттуда вынула, опасаясь, чтоб об ней не прознали.

«Санкт-Петербургские ведомости». 21 августа 1750 г.

Из Парижа от 7 августа.

...В Квимперкоренштине в нижней Бретании женился некто именем Симон Шарри 29 числа минувшаго месяца на 111 году в третей раз на девице тритцати пятилетней. Он еще и поныне действительным басистым в Санкт Корентинском соборном костеле. Завтра поедет Король в Шоази. Сего часа пронесся слух, что Король Португальской переставился, однако в письмах от 21 июля ничего о том не упоминается.

Из Лондона от 7 августа.

...Обнадеживают, что некоторая знатная госпожа, которая более 50000 стерлингов богатства имеет, по особливой склонности к храбрым поступкам велела предложить капитану Кларку, которой недавно перед сим заколол на поединке капитана Инеса, что она желает за него вытти и вручить ему все свое имение.

«Санкт-Петербургские ведомости». 24 августа 1750 г.

Из Рошефорта от 2 августа.

Минувшаго месяца 30 числа здесь и в окрестных местах был такой жар, что много людей, которые на поле работали, мертвые на месте попадали. На лугу в деревне Санкт-Жан, до ко-

торой от сего города 5 миль, найдены мертвые два молодые пастуха с 17 овцами; остальные овцы привезены ввечеру на тележках в деревню в бедном состоянии, где ту же ночь и померли.

«Санкт-Петербургские ведомости». 31 августа 1750 г.

Из Неаполя от 1 августа.

Некоторая женщина из города Монте Сен Анжело, которую за то, что окормила мужа своего ядом, тамошней губернатор осудил на 20 лет в темницу, сим приговором будучи недовольна, просила на онаго губернатора здесь в Юстиц-колегии, которая по довольном разсуждении обстоятельств сея вины прежней приговор отменя, оную челобитчицу совершенно казнить приговорила.

«Санкт-Петербургские ведомости». 28 сентября 1750 г.

Из Парижа от 11 сентября.

...Всяк дивится выставленной мраморной статуе в Геркулеской Версальской зале, представляющей Любовь, которая зделана для Короля господином Бушардоном. Она представляет любовь не мальчиком, но совершенно мужественным юношем, которой из Геркулесовой булавы лук делает. Знатки оную почитают за опыт совершенного искусства...

Из Лондона от 11 сентября.

Здесь изобретена новая коляска, которая все прочия до сего времени деланная легкостию и поспешностию превосходит. В среду в 8 часу поутру в присутствии невероятного множества зрителей сей коляске учинена проба, и изобретатель онаго бился о тысяче гвинеях, что он в один час на ней переедет 19 миль аглинских; что он и учинил в 53 минуты и 27 секунд. Сию коляску везли четыре лошади одна за другою; на передней сидел слугитель господина Пантона, а на каждой из трех сидело по мальчику, из которых на всех были синие шелковые каф-

таны, штаны олени, белые шелковые чулки и черныя бархатныя шапки. Напереди ехал постилион в алом бархатном платье. В коляске сидел служитель лорда Марша в белом шелковом платье, в красных шелковых чулках и в черной бархатной шапке, что видеть весьма было приятно. Во всей коляске весу было только 5 пуд и 25 фунтов.

«Санкт-Петербургские ведомости». 16 октября 1750 г.

Через сие чинится известно, что находится здесь агличанин с пятилетною дочкою, которая делает удивительныя позитуры: чего ради ежели кто ее у себя в доме видеть желает, те б извоили прислать кого за нею в Немецкой комедиальной дом к директору Гилфердингу.

«Санкт-Петербургские ведомости». 30 октября 1750 г.

Из Медиолана от 5 октября.

Новонабранных рекрут, которые на дороге между нашим городом и Павиеню разбежались и от посланных за ними в погоню драгун ушли, привели крестьяне всех кроме одного, которой утонул в реке Тессине. В военном суде учинен приговор, чтоб зачинщика сего бунта разорвать четырьмя лошадьми, а прочих 17 человек разстрелять по жеребью.

«Санкт-Петербургские ведомости». 27 ноября 1750 г.

Известие о нынешних Аглинских и Французских селениях в Америке

...В середине сей земли находится много американских народов, которых агличане и французы обыкновенно употребляют к причинению между собою всяких беспокойств, и сторону агличан держат Ирокои, а французскую Гуроны. Ирокои значит «изрядных людей», и они в самом деле есть военные люди, которых французы наиболее опасаются. Гуроны в военное время едят человеческое мясо, а в мирное кормятся ловлею и

рыбою. Диких народов весьма много, которые занимают большую половину Канады, и на одного европейца считается почти тысяча диких. Впрочем живут они между собою несогласно и в рассеянии, и всегда между собою дерутся.

«Санкт-Петербургские ведомости». 9 июля 1751 г.

Из Болонии от 9 июня.

Девица Христина Роккати, родом из Ровига, диспутовав уже прошлого года в своем отечестве публично о философии, приехала на сих днях сюда, для такогж показания опытов своего искусства, и как по сем славным профессорам Цаноттию и Бекканию приказано было ея экзаминовать, то признали ея за весьма достойную, и так без всякаго медления дан был ей публично Докторской чин с общею похвалою.

«Санкт-Петербургские ведомости». 14 января 1752 г.

Из Мангейма от 28 декабря <1751 г.>

Один из наилучших наших комедиантов на Французском театре, именем Бисси, которой часто с похвалою представлял печальныя действия прежних героев, по развращенному и слепому великодушию живота самих себя лишивших, ныне в правду предал себя смерти. Неможно сказать, меланхолия ли, или другая какая тому причина была; но сие известно, что он бесчеловечным образом исколол себя ножем.

«Санкт-Петербургские ведомости». 9 октября 1752 г.

У тирольца Андриса Мерингера имеются привезенныя из Тироля разных колеров и хорошаго голосу кенарейки, и ежели кто оных купить пожелает, те могут его сыскать у Католицкой кйрки, где живут нирнбергцы.

«Санкт-Петербургские ведомости». 16 марта 1753 г.

Из Парижа от 21 февраля.

...К вещам, для которых в сем году много любопытных людей наехало на ярмонку Сенжерменскую, надлежит и особенное французское новомодное музыкальное изобретение, состоящее в том, что ученые кошки концерт поют. Оне заперты в клетках, где лежит пред ними лист нотной, в середине их стоит обезьяна, которая такту ударяет; и как скоро даст она знак, то кошки мяукают и жалостно кричать начинают. Сей пронзительной голос французских кошек производит такой противной тон и действие в ушах охотников до музыки, как платье и манеры какого петиметра в глазах мужей постоянных. Но чтоб сию новую французскую музыку учинить еще больше французскою, то играют притом и на ни к чему годных скрипках.

«Санкт-Петербургские ведомости». 21 сентября 1753 г.

Из Стразбурга от 7 сентября.

Сего дня погребать будут полковника Наварскаго полку маркиза де Шоазель, у котораго зделалась воспа от брезгливости следующим образом. Он просил на бале некоторую госпожу, которая была в маске и недавно лежала воспою, чтоб она сняла маску, в чем она ему и не отказала. Марки де Шоазель, увидя оставшиися от воспы пятна, почувствовал в себе такое¹ омерзение, что напала на него ознобь, а потом воспа, от чего он и умер.

«Санкт-Петербургские ведомости». 23 ноября 1753 г.

Из Лондона от 6 ноября.

Народная ненависть против жидов в здешнем королевстве от часу прибавляется. Лавошники и разношники не смеют почти на

---

¹ в подл.: также.

улицах показаться, и когда случится им выйти со двора, то должны всегда опасаться наглостей от подлаго народа или что никто ничего у них не купит, понеже вменяют себе за стыд покупать у них. Таким образом сии омерзельные у подлости бедные люди находятся в крайнем отчаянии, и многие должны бы умереть с голоду, когда бы зажиточные жиды их не снабдевали. Почти все вновь избираемые в Парламент членами принуждены обещать, что всячески стараться будут о уничтожении известного определения о принятии жидов в мещанство¹.

«Санкт-Петербургские ведомости». 1 января 1754 г.

Из Лублина от 1 ноября <1753 г.>

Вчера казнен новообращенной жид, которой прежде сего принял Католицкую веру, но за несколько лет обратился паки в жидовство. Наконец поимали его и приговорили сожечь живова. Но как пришло время казни, то паки отрекся он от своего заблуждения, принял Католицкую веру, и получил ту милость, что ему голову отсекли, а после тело его сожгли.

«Санкт-Петербургские ведомости». 14 января 1754 г.

Из Эльзаса от 20 декабря.

В полученном из Парижа письме пишут о следующем приключении: Камердинер некотораго знатнаго Принца женился на честной женщине. В первой ночи, как легли они спать, сбесившись жених, откусил у невесты нос и груди, разцарапал лице и привел ее в жалостное состояние. Невеста хотя и жестоко кричала, однако никто не прибежал к ней на помощь, потому что не чаяли такого нещастия. По утру принуждены были разломать двери, как ни муж ни жена не выходили, и нашли жену полумертву, а камердинера у камина в таком состоянии, бутто хочет лезть на стену. Его признали тотчас за шедшаго с ума,

---

¹ В продолжение темы см. материал СПбВ от 21 января 1754 г.

и как потом все рассмотрели, то нашлось, что с неделю перед тем укусила его бешаная болонская собака.

«Санкт-Петербургские ведомости». 21 января 1754 г.

Из Эббтонмаллета в Англии от 2 генваря.

Как скоро пришла сюда ведомость, что прежнее Парламентское определение о принятии в мещанство жидов уничтожено, то произошла от того во всех жителях чрезвычайная радость. Не токмо во весь день в городе в колокола звонили, но и подлой народ, здевав человеческую фигуру в образе жида, носил оную с великим радостным восклицанием и при игрании на разных инструментах по улицам, и притом кричал: *Да умрут жида*. На конце сию фигуру публично сожгли со многими церемониями и при непрестанном битии в ладоши. Ввечеру все дома изрядно иллюминованы были. В Пиркомсе, в Малмсбурге и в других местах оказываны при сем случае особливые ж знаки радости.

«Санкт-Петербургские ведомости». 3 февраля 1755 г.

Из Неаполя от 28 декабря.

Теперь переписывают на бело греческие манускрипты, найденные в развалинах Геркуланских. Три манускрипта уже готовы; первой содержит в себе трактат о Эпикуровой философии; другой о нравочении по правилам Платоников, то есть последующих Платоновой философии, а третьей — похвальные стихи о музыке. И понеже понятия о счастии и основания нравочения, как оныя ныне приняты, во многих вещах разнствуют от мнений древних, то о переводе первых двух книг ничего не слышно, но последняя, где писано о музыке древних, скоро выдет из печати.

«Санкт-Петербургские ведомости». 10 февраля 1755 г.

Из Рима от 13 января.

В прошедшем 1754 году умерло в здешнем столичном городе 5855 человек, а родилось 321 младенец. Число жителей, кроме жидов, которых обыкновенно от 10 до 12000 человек считается, простирается ныне до 153136 душ, в коем числе 2736 светских попов, 3965 монахов и 1601 монахиня.

«Санкт-Петербургские ведомости». 12 декабря 1755 г.

Экстракт письма из Лиссабоны.

Я сие пишу к вам 4 ноября на поле, чтоб уведомить вас о нещастии, приключившемся нашему городу от преужаснаго землетрясения, которое учинилось 1 числа сего месяца в 10 часу, и за которым последовали еще два сильные удара. Почти все дома и церькви в городе развалились, и что еще осталось от потрясения, пожирает огонь, распространившейся по всему городу, и уже таможенной и Индейской дом со всеми товарами в пепел обращены. Как скоро погибшие при сем нещастии люди, коих считают до 30000 душ, погребены будут, тогда увидим мы, что еще спасти возможно будет. Думают, что Король прикажет оставшиеся пожитки разделить всем по равным частям; ибо Его Величество объявил, что он ко всем без всякаго различия оказывать себя будет братом. За вещи, купленья для флота, заплаты учинено быть не может, потому что продавцы в пожар погибли. Мы следовали примеру наших сограждан и выбежали на поле полуодетые. Нет у нас хлеба, для того что мельницы все разорены.

«Санкт-Петербургские ведомости». 2 января 1756 г.

В Санктпетербурге января 2 дня.

К некоторой знатной особе здешняго двора пришло на сих днях из Белема, нынешней столицы Его Величества Короля Португальскаго, письмо от преждебывшаго здесь италианскаго

придворного стихотворца и с год в Лиссабоне бывшего директора Оперы господина Бонекия, которой был очевидным свидетелем ужасных действий часто поминаемого трясения земли, и оно с тамошним состоянием описывает следующим образом:

ноября 1 дня

октября 21 дня

пред полуднем в последней четверти 10 часа почувствовали мы при ясной и тихой погоде ужасной удар трясения земли, которой в начале только полторы минуты продолжался. Спустя несколько моментов последовали два другие удара, жестокостию равные прежнему. От того в полчетверти часа великой и богатой столичной город королевства Португальского до основания раззорился. И как все трясения либо перпендикулярно и не в далеком расстоянии, как при огнедышащих горах, либо горизонтально и в дальнейшем распространении примечаемы бывают: так при сем примечено движение горизонтально, и казалось, будто оно шло из Океана; ибо море притом сильно волновалось и великую часть земли потопило. Как скоро почувствовал я первой удар у себя в покое, то пошел на балкон, откуда мог видеть великую часть города, и смотрел несколько времени, как великолепнейшия строения валились, и множество людей ими подавляло. Уже доходило и до меня; ибо как я в ужасе стоял на балконе, то вдруг немалая онаго часть повалилась. Сколь чудно я при сем приключении живот свой спас, то едва сам понять могу; я держался токмо за окно, и так добрался до лесницы, по которой щастливо вниз сошел в сад. Там ждал я со страхом и трепетом, что будет из сего ужаснаго приключения. Удары трясения продолжались и производили ужасной вид. Земля расселась в верхней части города, которая Екатеринина гора называется, ибо Лиссабона, так как Рим, на семи горах построена, и едва страшная пропасть рассевшейся земли меня не проглотила. Во всей Лиссабоне ни одного строения цела не осталось; почти все дома упали, и ни одного нет жилаго. Король со всем двором в Белеме, где несчастие не столь велико было, как в Лиссабоне, в палатках и шелашах пребывает. Спустя несколько часов после трясения земли зделался жестокой пожар, которой несколько дней продолжался

и все пожрал, что осталось из имения и что бы еще из под развалин спасти было можно. К сему второму злоключению присовокупилась третья беда, а именно: великое множество безбожных воров и разбойников, которые грабили и похищали то, что от огня уцелело, а особливо растащили они много растопившагося серебра и золота.

Причиненной от всего того вред несказанной. Считают до 50000 человек, которых упавшими строениями подавило; а о потере столь многих сокровищ и упоминать нечего. Король один невероятно много потерял. Все его дворцы в городе и в уезде с драгоценнейшими уборами, Индейской дом со всеми дорогими товарами, которые составляли груз целых трех флотов, таможня и пакгаузы с товарами, цейнгауз, корабельные верфи, оперной дом, которой по величине и богатству знатнейшим в Европе назваться мог, ибо построен был весь из бразильскаго дерева и стал в ужасныя суммы денег, Королевския конюшни, галереи, Патриарша церковь, Королевская казенная, где неоцененное богатство лежало, все сие огнем поглощено. Одним словом, великой, богатой и сильной город Лиссабона погиб, и остались токмо развалины.

«Санкт-Петербургские ведомости». 3 сентября 1756 г.

Всякому любопытному чрез сие объявляется¹, что в Миллионной улице у Мосту старого Зимняго дворца в доме купца Мейэра показыван быть имеет большой стол с сидящими около его восковыми персонами в натуральной величине в настоящем и весьма изрядном платье, и при них стоящие для прислуг арапы, скороходы, гусары и другие служители в натуральной же величине, да тиролька в изрядном же платье, продающая товары, и кормилица, держащая младенца у груди. Помянутой

---

¹ В сокращенном виде это объявление печаталось многократно: в номерах от 6 августа, 6 сентября, 13 сентября, 24 сентября, 27 сентября, 22 ноября и 13 декабря 1756 г.

стол уставлен будет многими здешними и заморскими фруктами и кушаньем, так искусно сделанными, как бы натуральные были; и все сие в рассуждении аккуратной работы и великолепного убранства весьма достойно того, чтоб оное видеть. Сверх сего будет много скакать по земли, по стульям и по столу мальчик 11 лет с обнаженною шпагою и без шпаги, и при том коверкаться, балансировать и на слабко натянутом канате волтижировать.

После сего явится маленькая трехгодовая обезьяна в таком платье, какое носят Сальцбургские крестьяне, и будет по земле скакать и многия другия штуки смотрения достойныя делать, и танцовать по натянутому крепко канату с балансом, и без баланса, и возить собаку в телешке по земле и по канату, и будет делать разныя штуки и позитуры на канате слабко натянутом. Еще не видано, чтоб таковыя штуки обезьяна какая делывала. Сие показывано будет ежедневно и каждой час снова.

Господа платить имеют по их изволению, а с прочих персон плата брана будет за смотрение одних восковых вещей по 25 копеек, а кто сверх того будет смотреть экзерциции, чинимыя мальчиком и обезьяною, те имеют заплатить 50 копеек. При смотреии сего можно быть вдруг только 10 или 12 персонам; а стол показыван будет всякому по одиначке с утра до вечера, и господские служители без платы пусканы не будут. Также даваться будет всякому зрителю за небольшую плату по книжке, по которой в краткое время и с малым трудом выучиться можно голландскому Ташеншилерскому искусству.

Ежели господа соизволят заказать такие же восковые фрукты и кушанье себе сделать, или знать, каким образом оныя делаются, в том мастер услуги свои показывать готов за надлежащую плату.

«Московские ведомости». 6 декабря 1756 г.

АМЕРИКА

Из новаго Йорка от 8 августа.

Порутчик Кенеди женился на одной индианской принцессе, которой подданные объявили его королем. Генерал Аберкромби дал ему партию горских шотландцев и несколько из наших индейцев для учинения поиску над неприятелем, в чем он изрядной успех оказал и невступно в три дни прислал сюда с 30 голов. Оной Кенеди языку своих подданных уже научился. Королева Его супруга, коя ни на малое время от него не отстает и повсюду с ним бывает, провизии его на своем хребте носит; а он одевается и красками себя раскрасил по индейски. Ежели все сии чрезвычайности не приведут его забыть свое отечество и его престол не учинит его совсем диким, то его союз нам весьма полезен быть может.

«Московские ведомости». 28 января 1757 г.

Из Парижа от 24 декабря.

В здешнем городе в 1756 году умерло 20021 человек, крещено 19421 человек, свадеб было 4501; и младенцев подкинуто 4273 и потому 42 более прошлаго 1755 года. Между умершими находилось 280 человек, которые имели от 70 до 80 лет; 283 — от 80 до 90; 61 — от 90 до 100; и 7 человек от 100 до 107 лет.

«Санкт-Петербургские ведомости». 15 апреля 1757 г.

Из Парижа от 29 марта.

Вчера по полудни в 4 часу на Гревской площади совершилась экзекуция над злодеем Дамиэном по состоявшемуся приговору. Сперва привели ево в ратушу, где он час побыл, а потом повели на амбон, где ему руку прокололи и отсекли; после чего рвали ево калеными клещами в разных местах тела и на раны лили растопленной свинец и другия горящия материи,

а наконец лошадами его четвертовали; и как лошади вскоре разорвать его не могли, а он между тем все еще оказывал знаки жизни, то принуждены были просить позволения, чтоб разрубить его на части; что и учинено. Напоследок члены ево брошены были в струб, которой еще на другой день до 8 часа горел. Все окна наполнены были несказанным множеством зрителей.

«Санкт-Петербургские ведомости». 18 апреля 1757 г.

Из Парижа от 4 апреля.

Палач, которой казнил Дамиэна, посажен под караул, для того, что лошадей к той казни взял молодых и безсильных, которые не разовали бы его, ежели бы не помог он им употребленным к тому вострым инструментом. Отец, жена и дочь сего злодея по силе Парламентскаго определения от 26 марта должны из королевства вытти в две недели, и под штрафом виселицы запрещено им назад возвращаться; также и всем тем, которые называются Дамиэнами, велено переменить свои имена; а за дом в Аррасе, где оной злодей родился, заплачены деньги, и срыт он до подошвы с таким запрещением, чтоб впредь никогда никакого строения на оном не делать.

«Московские ведомости». 23 мая 1757 г.

В Москве маия 23 дня.

Третьяго дня в Московском Императорском Университете, в большой аудитории, было намалое собрание любителей наук, между которыми находились и дамския персоны, по причине начатия Экспериментальнаго курса аббатом Франкозием, которой при том случае во первых говорил речь на французском языке, о пользе физических наук и о способе, каким он физике обучать намерен; и на последок учинил вступление в самую науку истолкованием, так называемаго по школьному, объекта оной науки, то есть того, в чем она обращается и пр.

«Санкт-Петербургские ведомости». 14 октября 1757 г.

Из Парижа от 19 сентября¹.

Из Парламента опубликован указ, по силе которого велено разных партикулярных людей, иных сослать на галеры, других из государства выгнать, а еще иных другими штрафами наказывать. Причина сего наказания происходит от того, что они отважились тайно сочинять богопротивныя и соблазнительныя книжки, и напечатав, в народ пускать. Говорят, что по силе онаго указа публично на площади палачем сожжены быть имеют два сочинения, из которых одно имеет титул «Поэма», а другое «Пюселль² д'Орлеан», т.е. «девка Орлеанская».

«Санкт-Петербургские ведомости». 27 января 1758 г.

В Санктпетербурге генваря 27 дня.

Завоеванная на одержанной при деревне Грос-Егерсдорф 19 августа победе над армиею Фельдмаршала Левалда прусская артиллерия привезена ныне сюда, и сего месяца 23 числа проведена с обыкновенною церемониею мимо Зимняго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА дому в здешней арсенал. Она состоит из трех пушек дватцати четырех фунтовых, из пяти двенатцати фунтовых, из семнатцати трех фунтовых да из трех гоубиц тритцати фунтовых.

«Московские ведомости». 2 февраля 1759 г.

Любопытным особам чрез сие объявляется³, что находящейся здесь французской механист, Петр Дюмолин, будет каждой день от 4 до 9 часов показывать следующие куриозныя самодействующие машины: 1) Маленькая бернская крестьянка, которая 6 лент вдруг тчет, так что оных от 18 до 20 дюймов в

---

¹ Перепечатано в МВ 24 октября 1757 г.

² В подл. (по-видимому, опечатка): «Пюселль» (так же и в МВ).

³ Данное объявление перепечатано в номерах от 5 и 12 февр. 1759 г.

минуту поспеваает, а между тем играют куранты. 2) Машинка, зделанная кинарейкою, которая так натурально поет, как живая. 3) Разныя движущияся и переменяющияся весьма куриозныя и чрезвычайныя картины.

К чему впредь от времени до времени прибавляться будут еще разныя штучки. Оной механист живет в Немецкой слободе, в доме девицы Нагет¹, против дому графа Апраксина, и будет брать за смотрение помянутых машин по рублю с персоны.

В оном же доме живет приехавшей сюда недавно французской живописец, которой весьма изрядно пишет, как портреты, так и другия изображения; и сверх того еще один немец, которой, с платежом по полтине с персоны, показывает великолепное строение славной Римской церкви Святаго Апостола Петра, зделанное с модели.

«Московские ведомости». 26 февраля 1759 г.

Экстракт письма из Лиссабона от 17 генваря.

Позорище, котораго я здесь в прошедшую субботу, то есть сего генваря 13 дня, смотрел, было наиужаснейшее, какое только я в жизнь свою видал, и познейшее потомство не может не подвигнуто быть, читая в португальской истории происшествие следующей казни, а именно каким образом в помянутой день казнены смертию одна высокочзнатная дама перваго рангу, 5 человек знатнейших господ с 4 служителями за предприятое ими действительно прошедшаго сентября 3 дня, но божественным чудотворением отвращенное убивство Его Величества Короля Португальскаго. На завороте к Белему против самага Королевскаго дворца построен был четыреугольной эшафот, вышиною около 18 футов, которой окружен был четырью полками конницы и пехоты. На оной взведена во первых в 8 часов по полуночи Маркиза де Тавора, что она учинила без дальных околичностей, и как села на стул, то палачь отрубил ей голову с одного маху,

¹ В других номерах: Нагет.

при чем весьма не много осталось не перерублено на шее кожи, и того ради голова повисла и свалилась в пазуху. Тело ея тотчас положено было на доску посередине эшафота и покрыто парусиною. По том чередой дошла до ея сына Иозефа Марии де Тавора, с внешнего виду весьма достойнаго любви молодого господина, которой посажен был на некоторую, на подобие Андреева креста зделанную машину, где, между тем как один палачь его давил, другие двое ломали ему кости, сперва в лядвях, а по том в голенях и в руках. После чего тело его с помянутой машины снято, положено на прикрепленную к одному брусу доску, и так же покрыто парусиною. Тотчас по том Граф Атугия и молодой Маркиз де Тавора вершены таким же образом, а после их с такими ж обстоятельствами происходила казнь двух служителей Герцога д'Авейро и одного служителя ж молодого Маркиза де Тавора. По том взошел на эшафот старой Маркиз де Тавора, которой колесован живой; однако по переломлении у него большою железною палкою из 4 раз правой руки и лядвии, палачи два раза ударили его в грудь, от чего он тотчас умер, или по крайней мере не слышно было, чтоб он кричал; а по переломлении голеней с колеса он был снят и положен на доску, прибитую к брусу, и покрыт парусиною. По том так же и Герцог Авейро был колесован живой и претерпел 8 ударов прежде конечнаго удара, зделаннаго с ним по милости; с трупом его то ж зделано, что и с прочими. По окончании страшной сей казни взошли плотники на эшафот и утвердили на оном 2 столба и зделали при них места сидеть; после чего тотчас привели одного слугу Герцога Авейро, бывшего в числе злодеев, которые в Короля стреляли. Онаго привязали к столбу цепями и принесли портрет другаго слуги, которой так же в Короля стрелял, но по ныне еще не найден, хотя и обещано награждения больше 6000 талеров тому, кто бы его живаго или мертваго привез. По прибитии онаго портрета к другому столбу, все казненныя тела открыли и помянутаго слугу спрашивали, чьи бы то тела были; а как он всех по имянно назвал, то обнесши его разными материями зажгли, где он живой сгорел с помянутыми телами вместе и с эшафотом; после чего пепел их был собран и брошен в море.

Сия ексекуция продолжалась до 3 часа по полудни. Ужасное зрелище!

«Московские ведомости». 19 марта 1759 г.

Французской механист Дюмолин, о котором прежде сего опубликовано было, что он показывал удивительную машину, которая одним разом шесть лент тчет, и самодельную кинарейку, которая поет разныя арии, объявляет чрез сие, что в его кабинет прибавлены еще следующие штуки, а именно: великолепная Электрическая машина, которою он будет делать разные и весьма куриозные эксперименты.

Картина, представляющая ландшафт, в котором видны буду многия движущияся изображения дорожных людей и возов, и многие работные люди, которые упражняются в разных вещах, так натурально, как бы живые; другая картина представляет голову движущуюся, которой действия так удивительны, что всех зрителей устрашают.

Руской мужик, которой голову и глаза движет так совершенно, что можно его почесть живым.

Движущийся китаец, которой так хорошо зделан, что не можно вообразить, чтоб то была машина.

Сии последния две фигуры имеют величину натуральную.

Он так же недавно окончил лягушку движущуюся, над которою он долгое время трудился. Сия лягушка знает время на часах и показывает оное, плавая в судне. Сия машина есть самая совершеннейшая, какую только может искусство произвести¹.

«Московские ведомости». 23 марта 1759 г.

Из Лиссабоны от 26 генваря.

Иосиф Поликарпио д'Азеведо, слуга герцога д'Авейро, которой с ним вместе в короля стрелял, и котораго портрет в

---

¹ Объявление перепечатано в номере от 30 апреля 1759 г.

бывшую сего месяца 13 числа экзекуцию сожжен был, на другой день после того пойман сам в Сант Губе в пустынноическом платье и сюда привезен. Дон Говеа, сын герцога д'Авейро, и дон Иосиф де Тавора, брат казненного маркиза того имени, с некоторыми другими персонами осуждены на вечное заключение. Но сверх оных держатся еще больше 120 человек по их изменническому делу.

В прочем о вышеупомянутой экзекуции надлежит еще объявить следующие обстоятельства:

В ночи на день оной экзекуции впущено было в тюрьму 12 священников, для приготовления осужденных к смерти, которые от них в 3 часу по полуночи приобщены святых таин. Маркиза де Тавора принесена была к построенному при реке Таге на завороте к Белему для казни эшафоту на носильных креслах; при чем она показывала вид светлой, не произнося никаких жалоб и не чиня роптания, и смертной удар приняла с великим безстрашием. Сколь ни геройственна сия крепость духа в ней казалась, однако рассуждают, что она происходила от глубоко вкоренившегося в ней суеверства, которое приведши ея к сему злодейству, питало в ней еще надежду, что она прямо в рай пойдет. Введенной на оной эшафот после нея сын ея маркиз де Тавора потребовал, чтоб ему показано было тело несчастной его матери, после чего говорил он речь (которую обращал как к оной матери своей так и к предстоящим зрителям) в таких сильных выражениях, что сколько злодейство его ни мерзостно всем было, однако ни кто не мог от слез удержаться. Отец его, старей маркиз де Тавора, казнен железною булавою, которою у него за-живо еще руки и ноги переломаны, на машине, сделанной на подобие Андреева креста, которая у португальцев называется аспу. Он принял сию казнь не проговоря при том ни одного слова и не издав никакого голоса. Напротив того казненной таким же образом герцог д'Авейро при всяком ударе ужасно ревел и из всей силы кричал: «О боже мой! смерть моя!» При вершении старого маркиза де Таворы бывшие при той экзекуции два кавалерийские полка, в знак своего презрения к оному бывшему их генералу, оборотились к эшафоту задом...

«Московские ведомости». 2 апреля 1759 г.

Из Лиссабоны от 2 января.

Понеже имя *Тавора* зделалось проклятием в сем государстве, то графы де Сен-Венсан, дон Франсоа Мигель архиепископ Эворской и брат его дон Антоний епископ Опортской имена свои переменили, и первой стал называться графом д'Акунга, а другой де Суза.

«Санкт-Петербургские ведомости». 20 августа 1759 г.

Из Лондона, от 3 августа¹.

На сих днях в здешних еженедельных листочках опубликовано письмо о употреблении чаю, которое от патриотических и разумных людей читано было с немалым вниманием. Сочинитель онаго доказывает, что в Англию привозится онаго ежегодно до 795130 фунтов, а оттуда весьма малое число вывозится. А понеже фунт онаго продается по крайней мере по 2 шиллинга и 6 пенсов, или по гульдену, то весьма легко себе представить можно, сколь великая сумма тратится и издерживается ежегодно на негодную и токмо по одной моде употребляемую травку: ибо везде по полям и по лесам в Европе растущая трава, называемая Вероника, и разныя другия простыя травы, когда на них кипятку нальешь, такой же запах изрядной, как чай, имеют и несравненно здоровейшаго состояния; что доказывается сравнением существенных частиц как в чаю, так и в прочих травах находящихся. Сверх того и искусство удостоверяет, что обыкновенное по нынешней моде употребление чаю вообще желудок, кишки, а особливо сухия жилы слабит; из чего не инное что, как нечувствительное расслабление и очевидная неспособность к детородию мужескаго и женскаго полу происходит, и следовательно всему государству великой вред причиняется.

---

¹ Это объявление перепечатано в МВ 31 авг. 1759 г.

«Московские ведомости». 18 января 1760 г.

Иноземец Георг Випер продает кинарейки и попугаи; а жительство имеет в Новой Басманной у Каспара Москоф, в доме графа Головина. Также продает кинарейки и попугаи иноземец Матвей Мергенер; а живет в Немецкой слободе у портного мастера Михайла Пуллера близ аптеки.

«Московские ведомости». 30 мая 1760 г.

Из Лондона ... от 6 мая.

Думали, что Король простит несчастливаго лорда Феррера; но правосудие превозмогло над милосердием, и вчерась около половины дня помянутой лорд, в карете, заложенной цугом, в белом платье с серебряным газом, в котором он за 8 лет пред сим венчался, из Дувра привезен был на площадь, называемую Тиборн, в провожании пастора, определенных к тому офицеров и команды пехотной гвардии. По приезде к виселице, которая поставлена была на эшафоте, покрытом черным сукном, употребил он две или три минуты на молитву, и напоследок повешен. Тело ж его, которое в силу приговора определено к зделанию из него шкелета, для всенароднаго употребления, снято с виселицы в час с половины дня и отвезено таким же порядком и с такою ж церемониею в Анатомическую залу.

«Московские ведомости». 9 июня 1760 г.

Из Лондона от 16 мая.

...Тело казненнаго графа Феррера 7 числа сего месяца было выставлено в одном покое Хирургического казеннаго дому, для смотра народу; при чем находящейся при оном на карауле офицер должен был зрителям чинить увещания, дабы оные от такой жестокой запальчивости остерегались, видя, что ни высокая природа и достоинство, ни имение не может ни кого защитить от ужасных ея следствий.

«Московские ведомости». 11 июля 1760 г.

Из Мадрита от 27 мая.

Некоторой иностранной человек привез с собою в Барцелону Сатира, котораго уродливая фигура привлекает много зрителей. Сие животное имеет голову, лоб, глаза и брови человеческия; уши тигровы, щоки красныя, кошечьи усы, козью бороду, львиной рот, в котором место зубов виден костяной обод, и руки, подобныя человеческим, только по самую пасть покрытыя волосьем разных цветов, так, как и все тело. Он величиною будет пяти футов и 3 дюймов, а ест только хлеб и молоко.

«Санкт-Петербургские ведомости». 4 мая 1761 г.

Из Кельна от 10 апреля.

Двое бродяг, которые объявили о себе, что каждому из них от роду по 700 лет, несколько времени обманывали здесь простой народ. Они сказываются из Дамаска, откуда пришли в Краков, а оттуда пришли сюда босы, в оборваном платье, едят один только хлеб с водою и ни о чем больше не проповедают как о нещастиях, пожарах и проч., а напоследок и о преставлении света, имеющем воспоследовать в 1773 году. Они говорят по латине, по гречески, по еврейски и по халдейски. С начала посадили их в тюрьму, где как в народе разглашают, сняли они с себя оковы; после чего выгнали их из города и из всей земли. Они пошли в Рим.

«Московские ведомости». 25 января 1762 г.

ИРЛАНДИЯ

Из Дублина от 12 декабря.

Из Туама, что в графстве Галвайском, уведомляют, что там в недавнем времени умер господин Томас Весци, на 95 году от роду. А в Гамильтон-Бауне, в графстве Армагском, на прошедшей неделе умерла также некоторая женщина именем Элизабет

Мершант, имея 133 года от роду. Муж ея, которой умер с 15 лет тому назад, дожил также до 115 лет.

ГЕРМАНИЯ

Из Грецца от 20 декабря.

Вторагонадесят числа сего месяца умер здесь Сальцбургской выходец Георг Вундер, на 135 году от роду. В силу найденных при нем известий, родился он в 1626 году апреля 23 дня в Каринтии, в местечке Вульхерштед, Сальцбургскаго владения, откуда он вышел для обучения игольному делу, ходя по разным городам и государствам, и будучи в мужеском возрасте, служил в Венгрии против турков.

Комментарии

С. 665 *Из Пикардии пишут...* — Пикардия — историческая область во Франции с центром в Амьене.

...уже 6 футов длиною... — 1,95 м. (старый парижский фут равнялся 0,32481 м.)

...для куриозитеты... — Т.е. из любопытства (нем. *Kuriosität*, фр. *curiosité*).

...есть королева вторично чревата... — Беременность монарших особ — одна из традиционных тем газет XVIII в.

С. 668 *Во Франции пред парламентом...* — Парламентами во Франции той эпохи называли верховные суды, действовавшие в Париже и 14-ти провинциях.

О настоящих родинах ея Величества Королевы... — У Людовика XV и Марии Лещинской было 10 человек детей, родившихся друг за другом в 1727–1737 гг. В данном случае речь идет о принцессе Марии-Луизе, умершей в малолетстве (1728–1733).

С. 669 ...тамошняго бургермейстера служжанка 3 сабаки родила. — Данная заметка — одна из первых юморесок в русской периодической печати.

Его Цесарское величество в Грецце обретается... — Карл VI Габсбург австрийский (1711–1740), император Священной Римской империи с 1714 г. Грецц (Грац) — крупный город в Австрии (Штирия), в 140 км. к юго-западу от Вены, где располагалась одна из резиденций императора.

...великий колдун... с шестью своими товарищи и шестью бабами живые сожжены. — Подобная практика была актуальна и для России. 29 мая 1731 г. вышел указ Анны Иоанновны о запрещении принимать в домах «мнимых волшебников» и их «жестоким наказании». Согласно указу, «оные обманщики казнены будут смертью, созжены», сочувствующие им — биты кнутом, «а иные, по важности вин и смертью казнены будут» (СПбВ. 1731. 22 июля).

С. 671 *Принц фон Домбез в Клихе...* — Подразумевается, вероятно, принц королевской крови, офицер гвардии Луи-Огюст де Бурбон, принц Домбез (1700–1755). Клих — Клиши-су-Буа, в то время охотничий лес под Парижем (ныне парк на восточной окраине столицы).

С. 672 ...погребена здесь знаемая *Мария Давис*, которая в последней *Фландрийской* войне салдатом служила... — Речь идет о т.н. «мамаше Росс», ирландке по происхождению, служившей в пехоте и в драгунах под именем Кристиана Дэвиса (1667–1729). Она была участницей войны Аугсбургской лиги с Францией (1687–1697) и войны за испанское наследство (1701–1714), сражалась во Фландрии, получила тяжелое ранение в сражении при Рамильи (в Брабанте) 23 мая

1706 г. и до своей смерти получала военную пенсию. Ее биография изложена в авантюрном сочинении «Жизнь и приключения миссис Кристиан Дэвис» (1740), приписывавшемся Даниэлю Дефо. Многие обстоятельства ее биографии сомнительны, но сам факт существования женщины-солдата с этим именем засвидетельствован современниками. История ее жизни во многом похожа на позднейшую историю Ханны Снелл, о которой подробно сообщали «Санкт-Петербургские ведомости» (см. материал, опуб. 20 и 24 июля 1750 г.)

С. 672 ...кардинал Бисси, епископ Московий... — Анри Тиар де Бисси (1657–1737), епископ в г. Мо (Меаих), Кардинал с 1715 г. Иезуит и придворный теолог, де Бисси отличался католической нетерпимостью и пользовался большим расположением Людовика XIV и мадам де Ментенон.

...папу Григория VII и цесаря Генрика IV в его ногах лежащаго намалевать велел. — Властолюбивый римский папа Григорий VII (Гильдебранд, 1020–1085, папа с 1073 г.) знаменит своей бескомпромиссной борьбой с германским императором Генрихом IV Барбароссой (1056–1106), в ходе которой он добивался независимости от светской власти. Несмотря на временное унижение Генриха в Каноссе (1077 г.), где император, одетый в рубище и босой, вымаливал прощение у папы, в 1085 г. Григорий VII был вынужден бежать из Рима и умер вне его пределов.

С. 674 Отец Гиравд, ректор здешния езуитския коллегии, обманул некоторую молодую девицу... — В 1730 г. иезуит Жирар (Père Girard, 1683–1733) совратил свою духовную дочь, Катрин Кадьер (Marie-Catherine La Cadière, 1709–?), воспользовавшись ее болезненной экзальтацией. Когда открылась беременность его подопечной, последовало длительное судебное разбиратель-

ство, результатом которого стало оправдание Жирара и самой Кадьер, которой грозила смертная казнь за «колдовство» и клевету. Этот процесс вызвал большой резонанс во Франции и за ее пределами («Санкт-Петербургские ведомости» подробно освещали все его фазы). Дело Жирара-Кадьер было издано в 1733 г. и способствовало дискредитации иезуитов (во Франции их орден был распущен в 1762 г.) С антиклерикальных позиций это дело изложено в книге Ж.Мишле «Ведьма» (1862).

С. 674 ...кардиналу де Флеру, также и великому канцлеру Дагвессау... — Флери Андре (1653—1743), кардинал и гос. деятель, воспитатель короля Людовика XV, известный своей распущенностью. Дагессо (d'Aguesseau) Анри-Франсуа (1668—1751), канцлер и министр юстиции, проводивший законодательную реформу.

С. 675 ...500 ливров требовал... — Ливр — старинная серебряная монета, равная 20 су; в 1795 г. заменена франком.

...советник фон Шлубут... повешен. — Альбрехт Эрнст фон Шлубут (Schlubuth или Schlubhut).

Из Гамптонкурта... — Хэмптон Корт (Hampton Court) — дворцово-парковый ансамбль в пригороде Лондона (графство Миддлсекс), в прошлом резиденция Генриха VIII.

...были в Витеале генералы в собрании... — Витеаль (в СПбВ часто в форме Витегаль) — Уайтхолл (Whitehall), улица правительственных зданий Лондона (в Вестминстерском аббатстве). Свое название ведет от королевского дворца Уайтхолл («Белые палаты»), сильно пострадавшего во время пожаров 1691 и 1697 гг. (в наст. вр. — военный и военно-морской музей).

С. 675 ...3 шиллинга и 6 фенингов... — Т.е. 3 шиллинга 6 пенсов.

С. 676 ...в тамошней крепости... лвица оценилась... — Подразумевается лондонский Тауэр, где располагался королевский зверинец.

Из Эя... — Подразумевается Э (Aix), окружной город департамента Устьев Роны, древняя столица Прованса.

С. 677 ...от Дука де Виллера ушла... — Из герцогов Вильруа наиболее известен Франсуа де Нёвиль, герцог Вильруа (1644–1730), маршал Франции и фаворит Людовика XIV, который, возможно, и подразумевается в данном случае.

Из Бреславля... — Бреславль — главный город герцогства Силезия, которое до 1740 г. принадлежало Богемии. В результате двух Силезских войн (1740–1742 и 1744–1754) и Семилетней войны (1756–1763) почти вся Силезия отошла к Пруссии.

...на Шленской границе... — Т.е. на границе Силезии (нем. Schlesien). Данный вариант топонима сохранился в названии тонкорунных «шленских овец».

С. 678 Из Экстера объявляют... — Эксетер — крупный портовый город на р. Экс в Великобритании (п-ов Корнуолл).

...морское чудовище, человеку несколько подобное... имеет 2 ноги, подобныя утятим... хвост подобно как у лосося. — Вероятно, речь идет о животном из семейства тюленевых.

Его Величество владеющею Цесареву... — Подразумевается Мария-Терезия (1717–1780), императрица с 1740 г., с чьим именем связана эпоха расцвета австрийской монархии.

С. 678 *При въезде Ея величества Королевы обеих Сицилий в С.Пелтен...* — Королевство Обеих Сицилий, объединявшее Сицилию и южную Италию, находилось ранее под властью австрийских Габсбургов, но в 1735 г. было завоевано принцем Карлом из династии испанских Бурбонов (будущим королем испанским Карлом III). *Санкт-Пёльтен* — крупный город в Австрии, в 45 км. к западу от Вены.

С. 679 *Ефиопскаго города Анголы...* — Эфиопами часто называли всех жителей Африки.

...по вест-индски Оронотан, или дикой человек называется. — В действительности речь идет не о Вест-Индии (Антильские и Багамские острова в Новом Свете), а об Ост-Индии — в частности, об островах Борнео, Калимантан и Суматра, где и обитает орангутан (малайск. «лесной человек»).

В Вилла ди Портичи найдена на работе... увеселительной дом называемой Геркуланум... — Портичи (Villa di Portici) — крупный город в Италии на побережье Неаполитанского залива, у подножия Везувия. В древности на его месте находился город Геркуланум, засыпанный пеплом вместе с жителями при извержении Везувия 24 августа 79 г. н.э. (тогда же были разрушены города Помпеи, Стабия и Оплонтис). Собственно археологические раскопки на месте Геркуланума были предприняты в конце 1740-х гг., но они носили поверхностный характер. Лишь в 1927 г. начались систематические работы, благодаря которым удалось воссоздать архитектурный облик погибших городов. В продолжение темы см. материал СПбВ от 2 декабря 1748 г. и 3 февраля 1755 г.

С. 680 *Сего месяца восьмаго числа, то есть в высокий день рождения ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ...* — Дата

рождения Анны Иоанновны указана по европейскому стилю (28 января 1694 г. по ст. ст.)

С. 680 *...Его Королевское Величество...* — Август III Фридрих (1696–1763), король польский и курфюрст саксонский.

...лев со львицею, бабр... — Бабр — ягуар (слово тюркско-перс. происхождения).

С. 681 *...которая называется фонтанж...* — Fontange (фр.) — вид женской прически, скрепленной бантом или кружевной наколкой. Свое название получила по имени фаворитки Людовика XIV герцогини де Фонтанж (1661–1681), которая и ввела ее в моду.

С. 682 *...прошли чрез здешней город к Тургиллю...* — Тургиль — Тауэр-Хилл (Tower-Hill) — возвышенность, на которой стоит лондонская цитадель Тауэр (в СПбВ — «Тувр»), где находилась в это время государственная тюрьма. Здесь же было и лобное место, где казнили знаменитых преступников.

...при экзекуции графа Килмарнока и лорда Балмерина... — Уильям Бойд, граф Килмарнок (1704–1746) и Артур Элфинстоун, барон Балмерино (1688–1746) были активными участниками вооруженного мятежа якобитов (1745–1746 гг.), боровшихся за возвращение на трон шотландской династии Стюартов. После изгнания парламентом в 1688 г. короля Якова II Стюарта (James II, 1633–1701, кор. с 1685 г.), нашедшего убежище во Франции (в Сен-Жерменском предместье Парижа), Стюарты пытались вернуть власть вооруженным путем, опираясь на верных им шотландцев (в 1689, 1715 и 1745 гг.).

Осенью 1745 г. развернулось наиболее крупное восстание шотландцев-якобитов под предводительством внука Якова II, т.н. Младшего Претендента Чарльза-

Эдуарда Стюарта, принца Уэльского (1720–1788), тайно прибывшего в Шотландию. Имея под ружьем не более 5 тыс. солдат, без артиллерии, Чарльз-Эдуард сумел одержать несколько тактических побед и к началу декабря достиг Дерби (средняя Англия), но не получил широкой поддержки населения и был вынужден отступить к северу, преследуемый англичанами. 16 апреля 1746 г. произошло решающее сражение у Каллодена (Culloden), в графстве Инвернесс (северная Шотландия), где якобиты были разгромлены герцогом Камберлендским (см. материал СПбВ от 20 июля 1750 г.), причем тогда же было расстреляно ок. 120 повстанцев. Самому Чарльзу Эдуарду удалось спастись и бежать во Францию, а его сподвижники граф Килмарнок и лорд Балмерино были преданы гласному суду и обезглавлены. Их процесс широко освещался на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей».

С. 682 *Боже, благослови короля Георга...* — Георг II (1683–1760, король с 1727 г.), представитель Ганноверской династии на английском троне.

С. 684 *... будто жиды во Франции строят несколько военных кораблей...* — Данное сообщение связано с событиями войны за Австрийское наследство (1740–1748) между Австрией, Англией, Нидерландами и Сардинией, с одной стороны, и Францией, Испанией, Пруссией, герцогством Моденским и республикой Генуей, с другой.

С. 685 *...по определению духовного разыскнова приказа сожгли троих мужчин да одну женщину.* — Инквизиция (церковный трибунал) дольше всего существовала в Португалии (до 1820 г.), Испании (до 1834 г.) и Папской области в Италии (до 1859 г.).

...в старом городе Ираклии... — т.е. в Геркулануме, носившем имя Геракла. В 1748 г., в связи с началом

интенсивных раскопок на месте гибели древнего города, СПбВ помещали особенно много информации о ходе работ и найденных реликвиях.

С. 686 *Из Лувена...* — Лёвен (фр. Louven) — город в Бельгии (к вост. от Брюсселя).

С. 687 *Беременность Дофеновой супруги...* — Имеется в виду вторая супруга дофина Людовика (1729–1765) Мария-Жозефа Саксонская (1731–1767). От этого брака (с 1747 г.) у них было 8 человек детей, в т.ч. короли Людовик XVI, Людовик XVIII и Карл X. В августе 1750 г. у дофина и его супруги родилась дочь Мария-Зефирина, умершая в малолетстве (в 1755 г.)

Индийского плода... — т.е. индийского.

...полученная старанием жида Пинто. — Имеется в виду, вероятно, голландский банкир Исаак Пинто (1715–1787).

...шатающихся по улицам без дела ребят... ловить для отсылки оных к размножению Американских селений... — Практика высылки лиц без определенных занятий на поселение в американские колонии Франции приобрела в это время характер широкой кампании, приведшей к народным волнениям.

С. 688 *Из Рошеля уведомляют, что около тамошняго города и Рошефортской гавани находится превеликое множество волков...* — Ла-Рошель и Рошфор-сюр-Мер — портовые города на атлантическом побережье Франции. В настоящее время волки в этой стране не водятся. Последних волков наблюдали в верхней Савойе (Альпы) в 1952 г. (Encyclopédie française. Paris, 1988. V. 12. P. 7342).

С. 689 *...стоял он на рундуке с цыдулкою...* — Рундук —

возвышение со ступеньками, на которое возводили преступников, приговоренных к позорному столбу.

С. 690 ...Его Королевскому Высочеству Герцогу Кумберландскому... — Подразумевается Уильям Август, герцог Камберлендский (Duke of Cumberland, (1721—1765), сын короля Георга II, английский генерал. Во время войны за Австрийское наследство он был главнокомандующим армией союзников (с 1745 г.) и неоднократно терпел поражения от французского маршала Мориса Саксонского; неудачно действовал и во время Семилетней войны 1756—1763 гг. Его имя связано главным образом с жестоким подавлением восстания якобитов 1745—1746 гг. (см. выше материал и комментарии на эту тему).

...некто *Ион Грай*, которой был в морской службе... объявляет, что он женщина, имя ей Анна Снел... — Ханна Снелл (Hannah Snell 1723—1792), женщина-солдат, служившая в морской пехоте под именем Джеймса Грея и участвовавшая в боях за Индию. Ее история широко освещалась в английской прессе середины XVIII в., и тогда же вышла ее «автобиография» — сильно приукрашенная и едва ли написанная ею самой — «Женщина-солдат, или Удивительные приключения Ханны Снелл» (Лондон, 1750). *Ион Грай* — орфографическая транслитерация имени John Gray (вместо: James Gray).

...во флоте адмирала Боскавена, была в Индии и находилась при осаде Пондишери... — Боскауэн Эдуард (1711—1761) — английский адмирал, командующий индийским и средиземноморским флотом. Пондишери — город в Индии, в то время небольшая французская колония на Коромандельском (юго-восточном) побережье Индии. Пондишери был предметом ожесточенной борьбы французов и англичан в XVIII веке: в 1748 г.

его безуспешно осаждала эскадра Боскауэна, в 1761 г. его французский гарнизон сдался англичанам, будучи подвергнут жесточайшей блокаде, а в 1763 г. был возвращен французам; в 1773 г. англичане вновь овладели Пондишери и опять были вынуждены вернуть его по Версальскому трактату (1783 г.); в 1793 г. в очередной раз захватили его и окончательно уступили его Франции в 1817 г. с условием не содержать в нем вооруженных сил.

- С. 690 *...надела муское платье... чтоб везде следовать за своим любовником...* — В «автобиографии» Ханны Снелл говорится, что она записалась во флот в поисках своего мужа, моряка, который ее оставил. Этот мотив, возможно, заимствован из авантурной биографии женщины-драгуна Кристиан (Марии) Дэвис (см. выше). Похождения Ханны Снелл начались в ноябре 1745 г.
- С. 691 *...что Король Португальской переставился...* — Португальский король Жуан (Иоанн) Пятый умер 31 июля 1750 г. (р. в 1689 г.). Наследовал ему Жозе-Эммануил I, его сын (о нем см. ниже).
- С. 692 *...Всяк дивится выставленной мраморной статуе... представляющей Любовь, которая зделана для Короля господином Бушардоном.* — «Любовь» — бог любви Амур (зд. лексич. калька с фр. amour, любовь). В Версале (королевской резиденции под Парижем) ежегодно устраивалась общедоступная выставка изящных искусств, на которой демонстрировались новейшие работы придворных мастеров. Бушардон Эдм (1698–1762), французский скульптор, академик (с 1745 г.), имевший мастерскую в Лувре. Речь идет о его скульптуре «Амур, делающий себе лук из палицы Геркулеса».
- ...19 миль аглинских...* — Т. е. 28,6 км. (1 англ. миля = 1,509 км.)

С. 693 *Напереди ехал постилион...* — Postilion (англ.) — форейтор. При запряжке цугом форейтор сидел на передней лошади.

Во всей коляске весу было только 5 пуд и 25 фунтов. — 92 кг.

Из Медиолана... — Медиолан — древнее название Милана (сев. Италия).

...сторону агличан держат Ирокои, а французскую Гуроны. — Ирокои — орфографическая калька с англ. и фр. Iroquois — ирокез. Ирокезы — в то время могущественное объединение племен, жившее по берегам озер Эри, Онтарио и Гурон. Их владения на севере граничили с владениями гуронов, другой могущественной конфедерации племен (родственной ирокезам по языку). В XVII–XVIII вв. между ирокезами и гуронами шли беспрестанные войны за преобладание в регионе и рынок сбыта мехов, которыми те и другие торговали с европейцами. Теснимые ирокезами гуроны активно поддерживали французских колонизаторов в их экспансии на юг, а ирокезы, в свою очередь, помогали англичанам в их стремлении вытеснить французов из Северной Америки. Белые использовали индейцев в качестве иррегулярных войск, особенно ценя их как разведчиков и диверсантов. После войны за независимость (1775–1783) те и другие были вытеснены американцами в Канаду, где они большей частью ассимилировались.

С. 694 *Из Болонии...* — Университет в Болонье (Северная Италия) является старейшим в Европе (осн. в 1119 г.)

Девуца Христина Роккати, родом из Ровига, диспутовав... публично о философии... — Женщины-ученые в XVIII веке принадлежали к редким исключениям, однако стремление женщин к научному образова-

нию отнюдь не осуждалось в России того времени (см. материал МВ от 23 мая 1757 г.). В частности, 2 декабря 1757 г. в «Московских ведомостях» была опубликована следующая заметка:

«В Москве декабря 2 дня.

Мы живем в такая счастливыя времена, в которых не только мужеской пол, но и дамы крайнюю склонность показывают к наукам. Пример сему показала Ея Превосходительство покойнаго Действительнаго Тайнаго советника и кавалера Федора Васильевича Наумова супруга Марья Михайловна, которая, усердствуя о успехе здесь в Московском Императорском Университете полезных учений, на сих днях, на надлежащее к тому употребление подарила в оной Университет из собственного своего имения 1000 рублей».

2 авг. 1785 в МВ (под рубрикой «Любопытныя известия») было помещено обстоятельное сообщение о «великой церемонии», состоявшейся в Алькальском университете (Испания) по поводу присуждения степени «магистра и доктора философии и свободных наук» Донне Марии Изидре Квинтине де Гюйманн и ла Серда, дочери маркиза Монте-Аллегро.

Долгий период женского правления в России (1725–1796) определенно способствовал пробуждению эмансипационных стремлений этой половины общества, о чем нагляднее всего свидетельствует назначение на пост директора Академии наук фаворитки Екатерины II Е.Р.Дашковой (24 января 1783 г.)

С. 694 *У тирольца Андриса Мерингера имеются привезенная из Тироля разных колеров и хорошаго голосу канарейки... —* Начиная с сер. 1750-х годов подобные объявления помещались почти в каждом номере СПбВ и МВ, а канарейка стала самой популярной птицей в русском домашнем быту XVIII века. Тирольцы счита-

лись специалистами по разведению этих птиц и обладали своего рода монополией на продажу их в России.

- С. 695 ...на ярмонку Сенжерменскую... — В Сен-Жерменском предместье Парижа (западная окраина столицы).

...ученя кошки концерт поют. — Во второй пол. XVIII в. курьезные сообщения о «поющих» кошках помещались в русских газетах неоднократно. Так, в начале 1785 г. некий итальянец давал в Венгрии «кошечей концерт», демонстрируя 17 кошек, «различным образом одетых», и был разоблачен как шарлатан (МВ. 1785. 5 февраля).

- С. 696 ...о уничтожении известного определения о принятии жидов в мещанство. — В 1753 г. в Англии было принято парламентское определение, разрешавшее евреям открывать постоянные торговые точки в городах и пользоваться правами обычных мещан, однако эта мера вызвала бурный протест английского населения. В результате парламент был вынужден подвергнуть вопрос пересмотру и постановил отменить прежнее решение. Новое определение было подписано королем Георгом Вторым 11 декабря 1754 г. («Санкт-Петербургские ведомости» подробно освещали эти события). До 1832 г. евреям запрещалось открывать лавки в Лондоне, и лишь в 1846 г. они получили вид на жительство и другие основные права.

В России еврейский вопрос решался также не в пользу евреев. 2 декабря 1742 г. был опубликован указ Елизаветы Петровны следующего содержания: «...повелеваем: из всей Нашей Империи, как из Великороссийских, так и из Малороссийских городов, сел и деревень, всех мужеска и женска пола жидов, какого бы звания и достоинства ни был <...> со всем их имением немедленно выслать за границу и впредь оных ни под каким видом ни для чего в Нашу Империю не впускать,

разве кто из них захочет быть в Христианской вере Греческаго Исповедания, таковых крестя в Нашей Империи, жить им позволить, токмо вон их из Государства уже не выпускать» (Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 11. С. 727–728)

16 декабря 1743 г. Сенат доложил императрице, что по ее указу от 2 декабря 1742 г. из Малороссии выслано 142 «жида». Там же говорится, что последние приезжают в Малороссию только для оптовой торговли, производимой в обмен товара на товар и с запрещением вывозить из пределов Российской империи деньги. На сенатский доклад Елизавета положила лаконичную резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли» (Там же. С. 983)

Столь же бескомпромиссно решала этот вопрос и Екатерина II. При начале своего царствования она издала указ (от 11 декабря 1762 г.) о дозволении селиться в России и о вспомоществовании всем нациям, «кроме жидов» (МВ. 1762. 31 декабря).

С. 697 *...греческие манускрипты, найденные в развалинах Геркуланских... трактат о Эпикуровой философии...* — Речь идет, вероятно, о папирусах с сочинениями философа-эпикурейца Филодема (I в. н.э.), которые были найдены в Геркулануме.

С. 698 *Число жителей... простирается ныне до 153136 душ...* — В настоящее время население Рима составляет ок. 3 млн. человек.

...от преужаснаго землетрясения... — Лиссабонское землетрясение (1 ноября 1755 г.), крупнейшее в XVIII веке, охватило более $\frac{1}{14}$ земной поверхности, а Лиссабон, в котором находился его эпицентр, был почти полностью разрушен (три удара в течение 5 минут), причем погибло от 30 до 50 тыс. человек.

Это событие глубоко потрясло современников, и в

частности, Вольтера, который увидел в нем разительное свидетельство несостоятельности лейбницевской теодицеи с ее оправданием всех проявлений божественной воли. Эта катастрофа изображена в вольтеровской «Поэме о гибели Лиссабона» (1756) и в его философской повести «Кандид, или Оптимизм» (1758).

С. 698 *Думают, что Король прикажет...* — Жозе-Эммануил I (1715–1777), сын Жуана V, король Португалии с 1750 г.

...из Белема... — Белем — королевская резиденция близ Лиссабона.

С. 699 *...бывшаго директора Оперы господина Бонеккиа...* — Джузеппе Бонекки (ум. в 1795 г.) в 1742–1752 гг. работал в России, где состоял директором итальянской оперной труппы и писал либретто к операм Фр.Арайи.

С. 701 *...Ташеншпилерскому искусству.* — Ташеншпилер (нем. *Taschenspieler*) — фокусник. Приводим колоритное объяснение этого слова из толкового словаря нач. XIX в.: «Фигляр, кукольник; кто делает разныя фигли, разныя коверканья, странныя телодвижения и другия штуки, с великим проворством и искусством производимья» (Яновский Николай. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1806. Ч. 3. Стлб. 808).

С. 702 *Генерал Аберкромби...* — Эберкромби Джеймс (*Abercromby*, 1706–1781), в 1758 г. главнокомандующий английскими силами в Северной Америке. Под его руководством армия неудачно воевала с французами и несла большие потери (осенью 1758 г. он был отозван в Англию).

В здешнем городе в 1756 году умерло 20021 чело-

век... — Из этого числа лишь 631 чел. скончались в преклонном возрасте.

С. 702 ...эзекуция над злодеем Дамиэном... — 5 января 1757 г. в Версале обычный слуга (в прошлом солдат) Робер Франсуа Дамьен (1715–1757) нанес Людовику XV («Возлюбленному») удар в бок складным ножом. Орудие нападения было явно неподходящим для убийства, а рана оказалась неопасной, причем сам Дамьен не пытался скрыться, что свидетельствовало о том, что эта акция носила в большей мере демонстративный характер. И хотя Дамьен не имел явных политических мотивов, будучи лишь экзальтированным и самолюбивым одиночкой, в ходе следствия его подвергли чудовищным пыткам и 28 марта того же года предали столь же изощренной казни, для чего парижский парламент разработал обстоятельную процедуру. Эзекуция продолжалась с 16¹⁵ до 18 часов пополудни, причем до самого конца Дамьен (человек физически сильный) обнаруживал признаки жизни.

В России преступников не казнили в течение всего периода правления Елизаветы Петровны, что объясняет повышенное внимание русских газет к подобным мероприятиям.

С. 703 Отец, жена и дочь сего злодея... — 6 мая 1757 г. СПбВ сообщали, что Людовик XV в знак своего великодушия пожаловал отцу Дамьена 600 ливров пенсии, а жене и дочери — по 300 ливров.

С. 704 ...одно имеет титул «Поэма», а другое «Пюселль д'Орлеан»... — т.е. «La Pucelle d'Orléans» («Орлеанская девственница» 1755) — остросатирическая поэма Вольтера, травестирующая подвиги национальной героини Жанны д'Арк.

...при деревне Грос-Егерсдорф 19 августа... — 19 (30) августа 1757 г. у Грос-Егерсдорфа, в самом начале

войны России с Пруссией, фельдмаршал С.Ф.Апраксин нанес поражение фельдмаршалу Х.Левальду. Однако Апраксин не воспользовался плодами победы и стал беспорядочно отступать к Гильзиту, преследуемый тем же Левальдом, за что был обвинен в измене и умер под следствием 26 авг. 1760 г.

- С. 704 ...трех пушек двадцати четырех фунтовых... — Калибр тогдашних пушек обозначался весом подкалиберного чугунного ядра.
- С. 705 ...казнены смертью одна высокочнатная дама первого рангу, 5 человек знатнейших господ с 4 служителями... — В ночь с 3 на 4 сентября 1758 г. в Португалии было совершено покушение на короля Жозе-Эммануила I, в которого стреляли из трех ружей, ранив его, убив кучера и тяжело ранив еще одного слугу. Это преступление было организовано группой аристократов знатнейших родов, недовольных ущемлением их привилегий, и поддерживалось иезуитами, также терявшими бывшее влияние при дворе. Главными заговорщиками были маркиза Леонор Томазия де Тавора, она же графиня де Сан Жоан да Пескуейра (1700—1759), фактически руководившая заговором; ее муж, Франциско д'Ассиз, маркиз де Тавора (1703—1759), до 1755 г. состоявший в должности вице-короля Гоа (колонии в Индии); Жозе Маскаренас-и-Ланкастер, герцог д'Авейро (1708—1759), фаворит прежнего короля Жуана V, а исполнителями — герцог д'Авейро и двое его слуг. Заговор был сразу разоблачен, и его участники преданы мучительной казни 13 января 1759 г. (в числе казненных два сына и зять супругов де Тавора). Наряду с этим производились массовые аресты иезуитов, которые были объявлены вдохновителями заговора. В сентябре 1759 г. полторы тысячи иезуитов были высланы из страны, чем было положено начало общеевропейских

гонений на этот католический орден (в 1762 г. он был запрещен во Франции, в 1767 г. — в Испании).

- С. 710 *Думали, что Король простит несчастливого лорда Феррера...* — Лоренс Ширли Феррер (Fergers, 1720–1760) был известен своим необузданным нравом. Из-за его жестокости с ним развелась жена (в 1758 г.), а 18 января 1760 г., вследствие того же дела, он в гневе застрелил управляющего имением Джонсона. За это он был привлечен к суду пэров (процесс происходил в Вестминстерском дворце) и приговорен к повешению (5 мая 1760 г.) Процесс лорда Феррера получил большую огласку и подробно освещался в российской прессе.

...из Дувра привезен был на площадь, называемую Тиборн... — Ошибка в источнике: имеется в виду не Дувр (портовый город в 70 км от Лондона), а «Тувр», т.е. лондонский Тауэр с его тюрьмой (см. выше). Тиборн (Tybourn) — левый приток Темзы, маленькая речка наподобие московской Неглинки (подобно ей, в настоящее время течет по трубам), а также знаменитое название лобного места, где до 1783 г. вешали преступников.

- С. 711 *...привез с собою в Барселону Сатира, котораго уродливая фигура привлекает много зрителей.* — Сатирами обычно называли человекообразных обезьян (в частности, орангутанов), хотя описанию отчасти соответствует внешность мандрила (подвид павиана), самой пестрой и безобразной из обезьян. В XVIII в. крупных приматов нередко принимали за неизвестную породу разумных существ (см. выше сообщения о «дикой женщине» и о «диком человеке»).

В.И.Щербаков

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Документальные материалы по делу А.П.Волынского и о других событиях в России 1738—1740 гг.

**Переписка А.П.Волынского 1729—1730 гг.
Дипломатическая переписка фон Зума,
фон Мардефельда, де ла Шетарди 1738—1740 гг.**

Общая характеристика

Самое последнее в царствовании Анны Иоанновны и самое громкое политическое дело, производившееся в Тайной канцелярии, было дело Кабинет-министра А.П.Волынского, о котором в основном известно лишь по депешам иностранных послов.

Артемий Петрович Волынский (1689—1740 гг.) государственный деятель и дипломат, возбудивший невольное сострадание своей трагической кончиною, привлекуший к себе всеобщую симпатию современников вследствие всеобщей антипатии к антагонисту его Бирону. Воспетый стихами и прозой в русской литературе XIX в., известный большинству читателей по «Ледяному дому» Лажечникова, Волынский долгое время рисовался потомками, окруженный лучезарным ореолом, который бывает принадлежностью только эпически высоких и чистых исторических деятелей. Одни видели в нем благородного мученика своих убеждений, гражданина и патриота во всем значении этих слов, другие увлекались (преимущественно по «Ледяному дому») романтической стороной характера Волынского, третьи, наконец, чтили в нем прежде всего беспримесного, истого русского, к тому же еще противника немца и немцев. Предметом всеобщего внимания не только русских, но и иностранцев стал он только тогда, когда грозная опала герцога курляндского отправила сильного, гордого

и блестящего министра сначала в застенки петербургской крепости, а потом на Сытный рынок, под топор палача. Патент на громкую европейскую известность, даже на место в истории Волинский, главным образом, приобрел своею попыткой подкопаться под Бирона и дальнейшим политическим процессом над ним.

Артемий Петрович Волинский, сын комнатного стольника, родился в 1869 г. Он происходил от очень древней фамилии, родоначальник которой выехал в Россию из Волины во II половине XIV столетия — знаменитый воевода, князь Дмитрий Михайлович Волинский-Бобров, разделивший с Дмитрием Донским славу Куликовской битвы.

После смерти матери остался ребенком лет пяти. Мачеха была женщина, по его словам, «весьма непотребного состояния», вследствие чего отец отдал его еще в раннем возрасте на воспитание родственнику Семену Андреевичу Салтыкову, в старинном боярском доме которого ревниво охранялся обиход московской Руси. Пребывание у Салтыковых имело большое влияние на последующий склад убеждений и карьеру Волинского. Восприняв идеи Петровских преобразований и ясно усвоив себе необходимость для России европейского просвещения, Волинский стремился сделать Россию участницей этого просвещения с соблюдением всех национальных особенностей и с удержанием всего хорошего, что оставила по себе Московская эпоха. Эти воззрения Волинского существенно отличались от идей Петра Великого, разрывавшего всякую связь с московскою Русью, и приближали его к воззрениям лучших русских государственных деятелей конца XVII века. По условиям времени Артемий Петрович начал службу очень рано. В 15 лет зачислен солдатом в драгунский полк. В 1711 г. был уже ротмистром, вращался в кругу приближенных к Петру Великому лиц и заслужил расположение самого царя. Состоя при Шафирове во время Прусского похода, он разделял с ним плен в Константинополе в 1712 г. В следующем году был послан курьером от Шафирова к Петру Великому с мирным трактатом, заключенным в Андрианополе. В 1715 г. Артемий Петрович назначается в Персию «в характере посланника» уже в чине подполковника. Дипломатическая миссия Волинского лучше всего доказывает доверие к нему Петра Великого, которого занимала мысль об открытии через Персию удобного торгового

пути в Индию. Письма Волынского из Персии и дневник его путешествия туда, веденный его домашним врачом Дж.Белль-д'Антермони, характеризуют Волынского как тонкого наблюдателя и знающего дипломата. После двухлетнего пребывания в Персии он возвратился (в конце 1718 г.) в Россию, заключив с эфенди-девлетом (первым министром) шаха Гуссейна очень выгодный для России торговый договор. Факты, добытые Волынским о положении дел в Персии, делали невозможным исполнение мысли Петра о торговле с Индией через Персию, но зато они же представляли состояние Персидского государства в таком положении, при котором царю было весьма удобно завладеть персидскими областями, прилегающими к Каспийскому морю, и этим завоеванием обеспечить безопасность русских юго-восточных границ, что само собою упрочивало и русскую торговлю с Востоком и политические отношения России к Турции.

Петр I остался весьма доволен результатами посольства Волынского. Он произвел Артемия Петровича в полковники и генерал-адъютанты и назначил губернатором во вновь учрежденную Астраханскую губернию, где Волынскому выпало на долю организовать, по мысли Петра I, весьма сложную администрацию этой отдаленной юго-восточной окраины Русского государства, в которой русское население было едва заметно среди обширных степных пространств и диких кочевников, враждебно настроенных к России. Волынский исполнил и эту трудную задачу, и все более и более входил в милость к царю Петру, который это время дружески называл его запросто «Артемием». В 1722 г. Волынский женился на Александре Львовне Нарышкиной, двоюродной сестре Петра I, надеясь этим браком войти еще в более близкие отношения с царем. Это родство с домом Романовых и древность происхождения были предметом гордости Волынского. Он любил впоследствии выставлять на вид свою кровную близость к царствующему дому, что, по мнению многих биографов Волынского, и послужило одной из причин его гибели.

В губернаторство Волынского в Астрахани в 1722 г. был предпринят Петром Великим поход в Персию. Первый русский отряд, вступивший в сражение с горцами, был разбит. Недруги Волынского не замедлили объяснить это обстоятельство ложными сообщениями астраханского губернатора о состоянии кавказских горцев

и, кстати, передали Петру Великому в преувеличенном виде вымогательства и взятки Волынского во время его посольства в Персию и управления Астраханской губернией. Петр был страшно разгневан и лишь заступничество императрицы Екатерины, сопутствовавшей Петру I в походе, спасло Волынского от более плачевных для него последствий. Хотя потом Петр Великий как бы примирился с Волынским, но прежняя его милость не возвращалась к Артемию Петровичу. В 1724 г. всплыло наружу одно очень неприятное для Волынского дело, по которому над ним было назначено следствие. Это дело заключалось в его самоуправстве и истязаниях мичмана князя Мещерского. Вслед за воцарением Екатерины I дело это не только было прекращено, но Волынский был даже произведен в генерал-майоры и назначен губернатором в Казань, где и оставался с небольшим перерывом до начала 1731 г. Губернаторство в Казани характеризуется, с одной стороны, целым рядом самодурств и хищений Волынского, с другой, — весьма дельными административными распоряжениями и заканчивается учреждением над ним «инквизиции» по поводу неумеренных его поборов с татар и черемис.

Во время губернаторства Волынского в Казани произошло весьма важное событие, которое впервые дает возможность познакомиться с политическими воззрениями Артемия Петровича. После смерти Петра II на российский престол восходит курляндская герцогиня Анна Иоанновна. Это избрание возбудило политические идеи в тогдашнем русском «шляхетстве»: Верховный Совет предложил меры по ограничению самодержавной власти. Кроме кондиций верховников появился целый ряд «шляхетских» проектов об организации высшего государственного управления. О всех происшествиях в Москве, бывших в то время, и о шляхетских проектах сообщали Волынскому и его родственники, и друзья, и приезжавшие в Казань (см. письмо к С.А.Салтыкову от 16 марта 1730 г. из Казани — Памятники новой русской истории. Т. 2. С. 214. СПб., 1872. Ему пересылались в копиях самые проекты и кондиции. Сохранилась записка, составленная сторонниками самодержавия Анны Иоанновны с *поправками Волынского*. Из этой записки можно заключить, что Волынский не сочувствовал олигархическим замыслам верховников, но желал расширения политических прав «шляхетства». Эти мнения

Волынского стали известны гораздо позже; теперь же ему удалось при помощи своего родственника Семена Андреевича Салтыкова, находившегося также в родстве с императрицей Анной Иоанновной, не только выйти безнаказанным из «инквизиции», но даже уничтожить все делопроизводство ее. Он был назначен воинским инспектором, но не инспектирование войск занимало его: он зорко приглядывался к происходившему вокруг него и изучал новые светила, восходившие на политическом горизонте. То были родственники новой императрицы и «немцы, перешедшие наш порог». Волынский приглядывался особенно к последним и возмущался духом, что иноземцы получают первенство в государстве, но не только не мог открыто выражать своего негодования, а должен был даже угождать им. Состоя на должности воинского инспектора под начальством Миниха, Волынский пользуется им для проложения себе политической карьеры. С помощью Миниха он дискредитирует во мнении двора своего давнишнего врага графа Ягужинского, сближается с обер-шталмейстером графом Карлом Левенвольде, в то время особенно влиятельным, и поступает под его начальство на службу в придворное конюшенное ведомство. Это новое служебное положение очень важно для Волынского. Обер-камергер Бирон едва начал в то время проявлять свое политическое влияние, но дальновидный Волынский предугадывает роль Бирона в недалеком будущем и хитро прочищает себе путь к возвышению, а Бирон, как известно, имел непреодолимую страсть к лошадям — и на этой-то страсти Волынский созидает свое дальнейшее возвышение. В конце 1734 г. он производится в генерал-лейтенанты и генерал-адъютанты Анны Иоанновны и получает в подарок место для постройки дома в Петербурге, на Мойке. С 1735 г. Волынский уже принимает участие в «генеральных собраниях» при Кабинете министров. Близок час, когда Волынский перешагнет заветный порог, отделяющий его от самого Кабинета, в котором находится кормило правления русским государством. В 1735 г. умирает граф Карл Левенвольде, и Бирон выступает на политическую арену. Бирон уже души не чает в Волынском и понимает его весьма умным человеком, исключением из русских, которых обер-камергер сплошь считал дураками. Приближаясь к Бирону, Волынский приближался и к императрице. По отдельным комис-

сиям он получает у нее особые доклады, а вскоре назначается на должность, которая еще более вводит его в интимный круг Анны Иоанновны. 3 февраля 1736 г., в день ее именин, Волынский назначается обер-егермейстером, на должность весьма важную, если припомнить страсть Анны Иоанновны ко всякого рода охотам и к стрельбе в цель. В 1737 г. Волынскому пришлось самым очевидным способом доказать свою преданность Бирону, избранному в этот год герцогом Курляндским. Волынский является во главе «Вышняго суда» над вождем верховников в 1730 году, князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, и более всех членов суда способствует гибели кн. Голицына, раздувая его сравнительно ничтожные проступки в политическое преступление. Волынский очень хорошо знал, что эти проступки были предлогом и что князь Голицын должен быть осужден в угоду Бирону и императрице за свою выдающуюся роль при ее воцарении. Вскоре после заключения кн. Голицына в Шлиссельбургскую крепость Волынский назначается министром на конгресс в Немиров для переговоров о заключении мира с Турцией. Двумя другими министрами были прежний патрон Волынского — Шафиров и будущий судья Волынского — Неплюев. Волынский выказал в переговорах большую опытность в дипломатии и стойкость. Не по его вине, а по вине уполномоченных немецкого императора переговоры в конгрессе не привели ни к чему, и война с Турцией продолжалась.

3-го апреля 1738 г. Волынский «за особливые его превосходительства заслуги», наконец, назначен кабинет-министром. Шетарди называет Бирона «благодетелем» Волынского, хотя в большинстве публикаций во II половине XIX в. авторы их считали, что своим возвышением Волынский был обязан главным образом своему родству с государыней и услугам, оказанным им делу самодержавия. С Бироном Волынского сблизила ненависть к Остерману. Участвуя в процессе над Долгоруковыми, Волынский старался запутать Остермана в дело подложной духовной императора Петра II (см. сб. Имп. ист. об-ва. Т. 86. С. 401). Цель Волынского была достигнута: он был у кормила правления русского государства. Вступление Волынского в кабинет министров было новым поражением для Остермана. Его радость выразилась в письме к С.А.Салтыкову: «Шутка ваша, — пишет Артемий

Петрович, — у меня ныне всегда в голове: Волынский теперь себя видит, что по милости ее императорского величества стал мужичок, а из мальчиков, слава Богу, вышел и чрез великий порог перешагнул или перелетел».

Этот порог был действительно велик. За ним начиналась скользкая стезя русского министра среди власть имеющих немцев, враждебно настроенных против русских. Со дня назначения до рокового 1740 года Волынский безраздельно господствовал в кабинете: в 1738 и 1739 гг. он постоянно объявляет в нем высочайшие повеления (см. Сб. Ист. об-ва. Т. 124. С. 32, 53, 77, 78). В последние годы своего правления Анна Иоанновна не имела желаний вникать в действительные нужды страны. Часто она все более и более поддавалась своей склонности к суеверию и хандре и разгоняла хандру разными зрелищами и забавами. Правление государством сосредоточилось в руках 3-х немцев — Бирона, Остермана и Миниха, которые, ссорясь друг с другом и подставляя один другому ногу, сходились в одном: все они одинаково презирали русских, которые должны были рабски покоряться немецкому владычеству.

Это циничское презрение ко всему русскому олицетворялось в народной памяти в личности первенствующего временщика — курляндского герцога Бирона. Кроме своей национальности, Бирон ничем не отличался от большей части русских временщиков, бывших до и после него. Многие из них были жестоки не меньше Бирона, не меньше его корыстолюбивы, не меньше его склонны к интриге, но они были свои — и в народной памяти все их злодеяния олицетворялись в одном временщике — Бироне.

Положение страны под управлением немцев было ужасно. Сказочная роскошь двора поглощала громадное количество государственных и частных доходов, непопулярная война с Турцией ложилась новым гнетом на страну. Все сословия были разорены, торговля и промышленность в застое. Россия переживала весьма серьезные кризисы: политический, общественный и экономический, результатами которых было повреждение нравов высшего общества (о чем писал кн. М.М.Щербатов в политических памфлетах). Механизм государственного управления был сильно расшатан. Кабинет министров не имел системы в распределении дел, напоминая своим неустройством московские приказы XVII в. Волынско-

му предстояло прежде всего улучшить ведение дел и наряду с этим вести упорную и дипломатическую борьбу с сильными противниками — Остерманом и Бироном, пытаясь ограничить влияние иностранцев. Только положив пределы ненасытному честолюбию и корыстолюбию герцога Курляндского, он мог создать себе твердый базис для дальнейших предприятий. Такое ведение дела было до крайности трудно и даже опасно. Волинский начал с того, что систематизировал распределение дел в кабинете министров, расширив его состав более частым созывом в нем «генеральных собраний» и сосредоточив в своих руках все дела кабинета. Через год он стал единственным докладчиком у императрицы по делам кабинета.

Еще в 1731 г., во время пребывания в Москве, Волинский сближается со многими образованными людьми. Вокруг него вскоре образуется политический кружок, состоящий, главным образом, из представителей знатных, но обедневших дворянских фамилий. На вечерах у Волинского читались и обсуждались политические и исторические сочинения, рассматривались и обсуждались написанные Волинским при участии его ближайших единомышленников — архитектора П.М.Еропкина, морского офицера Ф.И.Соймонова и горного инженера А.Ф.Хрущова. Волинский любил писать разные рассуждения (в подражание Юсту Липселю и Бесселию), известные сегодня лишь по заглавиям: «О приключившихся вредах особе государю и всему государству», «О гражданстве» и др. Волинский придавал особое значение своему «Генеральному проекту о поправлении внутренних и государственных дел» — обширному политическому трактату, заключающему в себе исторический обзор русского государства, его политического и экономического положения в I половине XVIII в. и изложение средств «поправления внутренних государственных дел». Окончательную его редакцию Волинский сжег еще до своего ареста, а некоторые отрывки из проекта во время следствия над Волинским были представлены в особом «Куверте» Анне Иоанновне начальником тайной канцелярии Ушаковым. Волинский был сторонником усиления политического значения родовитого дворянства, более широкого привлечения его к государственному управлению. Он неодобрительно отзывался о правлении императрицы («Опасное и суетное время», по его словам)

и о ее фаворите Бироне, посягнув однажды на бесконтрольную власть самого герцога Курляндского. Волынский стал обвинять его в преследовании личных интересов в ущерб государственным, что Бирон настаивал в свое время на удовлетворении Польши и возмещении убытков, причиненных во время последних военных действий русскими войсками в Польше. Действительно, Бирону как герцогу Курляндскому необходимо было ладить с Польшей и такое обвинение было для него весьма чувствительным. Ставши герцогом Курляндским и оставаясь по-прежнему обер-камергером двора российской императрицы, Бирон хотел, чтобы Россия соображала свою политику с выгодами его герцогства. Курляндия считалась в зависимости от польской Речи Посполитой, и курляндскому герцогу был расчет находиться с Речью Посполитой в дружеских отношениях, тем более, что польский посол в Курляндии Кайзерлинг от имени своего короля ходатайствовал перед курляндским дворянством о выборах в герцоги Бирона. Теперь поляки домогались от России удовлетворения за убытки, причиненные русскими войсками во время похода их через польские владения, когда велась война России с Турцией. Бирон настаивал, чтобы Россия заплатила Польше по ее требованию, а Волынский в кабинете министров доказывал, что платить не следует, и по этому поводу произнес, что он, не будучи ни польским паном, ни вассалом Польши, не имеет причины задабривать народ, издавна враждебный России. Напоминание о вассале пущено по адресу Бирона не в бровь, а прямо в глаз: герцог был взбешен и тогда же решил во что бы то ни стало отомстить за это Волынскому. Кроме того, Волынский через свою родственницу, состоявшую при Анне Иоанновне, княжну А.А.Щербатову, уведомлял императрицу об интригах, которыми она опутана, и о вреде для России указов, предлагаемых ей к подписанию. Бирон сумел оправдаться от всех этих обвинений и при содействии Остермана возбудил против Волынского дело, имевшее, как известно, роковой конец для необузданного кабинет-министра и которое произвело большое впечатление на современников, увековечив в памяти образованной части русского общества представление о Волынском как о патриоте и борце против немцев.

Л.Г.Шакирова

Тексты

Переписка А.П.Волынского 1729–1730 гг.¹

1

От Волынского к князю А.Г.Долгорукому

Милостивый государь отец и истинный мой патрон! Я уповаю, что при совершении сея всенародной радости² многие будут переменены чинами и прочими милостями, того ради и я надеюсь на особливую ко мне отеческую вашего сиятельства, милостивого государя, милость; приемлю смелость всенижайше просить: сотвори, милостивый государь, надо мною милость, чтоб и я между прочими для такой радости не лишен был по милости вашего сиятельства в перемене чина, а о деревнях не только просить, но я уже выложил то из головы моей вон, хотя мне и два раза обещаны были.

2

От А.П.Волынского к князю И.А.Долгорукому

Милостивый государь мой, князь Иван Алексеевич!

Уведомился я, что по воли Всемогущего Бога, Его Императорское Величество, всемилостивейший государь наш, соизволил избрать себе в супружество любезнейшую сестру вашего сиятельства, всемилостивейшую нам государыню, княжну Екатерину Алексеевну; и хотя, милостивый государь мой, сия и общая всем нам отечества нашего верным радость, однакожь я особливо радуюся тому, что сие благополучие даровал Господь Бог таким

---

¹ Печатается по изданию: Памятники новой русской истории. СПб., 1872. Т. 2. С. 208–213. Подлинники хранятся в РГАДА, в деле Волынского.

² Как здесь, так и в следующем письме Волынский обращается к Долгоруким, имея в виду предполагавшееся бракосочетание императора Петра II с княжностью Е.А.Долгорукою. Долгоруков Иван Алексеевич, бывший обер-камергер и фаворит императора Петра II.

милостивым моим патронам, вашим сиятельствам, и милостив тем благополучием благословил дом ваш. Того ради, милостивый государь мой, восприяв смелость, и сим благословенным вам от Бога счастьем и тою радостью всепокорно ваше сиятельство, милостивого государя моего, поздравляю, всеусердно желая, дабы Всемогущий сие начатое Самим Им благословенное дело милостиво совершил и все по желанию вашему устроил.

При сем я всепокорно прошу ваше сиятельство, милостивого государя моего, содержать меня в неотъемлемой вашего сиятельства милости и милостивой протекции, почитая в числе истинных и верных, яко есмь. И тако пребуду всегда с должнейшим моим почтением и истинною верностию, милостивый государь мой, вашего сиятельства всепокорный и нижайший слуга.

Из Казани. Декабря 1729 года.

3

От И.М.Волынского к А.П.Волынскому

Здесь дела дивные делаются. По кончине Его Величества выбрали царевну Анну Ивановну с подписанием пунктов, склонных к вольности, и чтоб быть в правлении государства верховному совету 8 персонам, а в сенате 11-ти; и в оном спорило больше шляхетство, чтобы быть в верховном совете 21 персоне и выбирать оных баллотированием, а большие не хотели онаго, чтобы по их желанию было 8 персон. И за то шляхетство подали челобитную Ее Величеству, чтобы быть 21 персоне, и она челобитная Ее Величества собственною рукою тако: «Тако по сему рассмотреть», и потом имя ее; и оную челобитную изволила отдать князю Алексею Михайловичу Черкасскому; и с шляхетством подавал челобитную князь Алексей Михайлович. И потом с опасностью шляхетство подали челобитную другую Ее Величеству, чтобы изволила принять суверенство, и тако учинилась в суверенстве, и присягу вторично сделали, а оное делал все князь Алексей Михайлович, и генералитет с ним, и шляхетство, и что из того будет впредь, Бог знает. Ныне в великой силе Семен Андреевич Салтыков, — того ради извольте быть известны: и живет он в верху, и ночует при Ее Величестве. Я разумею, что вам надобно просить его о перемене чину; извольте ко мне отписать, как вы намере-

ны — в сенате быть или губернатором; а верховного совету не будет, будет один сенат, так, как при первом императоре было, понеже о том просили государством Ее Величеству; не худо — Гаврилу Ивановичу и детям его, а я Семену Андреевичу слегка о вас упоминал. Извольте ко мне отписать о своем намерении, чтоб я мог знать, где прилучится, говорить об вас. А большие в великом подозрении и в стыде обретаются, две фамилии, а с ними Матюшкины, Измайловы, Еропкин, Шувалов, Наумов, Дмитриев, Матвей Воейков. И такого дива от начала не бывало.

(Из письма Нижегородского вице-губернатора Ивана Михайловича Волинского, двоюродного брата Артемию Петровичу, от 1-го марта 1730 г., из Москвы.)

4

Записка с поправками рукою Волинского

Слышно здесь, что делается или уже сделано, чтоб быть у нас республике. А зело в том сумнителен. Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий; и так мы, шляхетство, совсем пропадаем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно, понеже ныне между главными как бы согласно ни было, однакож впредь, конечно, у них без раздоров не будет, и так, один будет милловать, а другие, на того злобствуя, вредить и губить станут.

Второе: понеже народ наш наполнен трусостью и похлебством, для того, оставя общую пользу, всяк будет трусить и манить главным персонам для бездельных своих интересов или и страха ради, — и так, хотя б и вольные всего общества голоса требованы в правлении дел были, однакож бездельные ласкатели всегда будут то говорить, что главным надобно, а кто будет правду говорить, те пропадать станут, понеже уже все советы тайны быть не могут; к тому же главные для своих интересов будут прибирать к себе из мелочи больше партизанов, и в чьей партии будет больше голосов, тот что захочет, то и станет делать, и кого захотят, того выводить станут; а бессильный хотя бы и достойный был, всегда назади оставаться будет.

Третье: не допусти Боже, если война на нас будет; и в то

время потребно расположить будет обществом или рекрутский набор, или прочий какой сбор для пользы и обороны государства, для того надлежит тогда всякому понести самому на себе для общей пользы некоторую тягость, в том голосов сообразить никак не возможно будет, и что надобно сделать и расположить в неделю, того в полгода или в год не сделают, а что и положено будет, то будет на главных всегда в доимках, а мы, средние, одни будем оставаться в платежах и во всех тягостях.

Четвертое: если офицеры перед штатским не будут иметь лишнего почтения и воздания, то и последняя пропадет у всех к военной службе охота, понеже страха над ними такого, какой был, чаю, не будет.

Еще ж слышно, что делается воля к службе; и правда, что в неволю служить зело тяжело, но ежели и вовсе волю дать, известно вам, что народ наш не вовсе честолюбив, но паче ленив и не трудолюбив; и для того, если некоторого принуждения не будет, то конечно, и такие, которые в своем доме едят один ржаной хлеб, не похотят через свой труд получать ни чести, ни довольной пищи, кроме что всяк захочет лежать в своем доме; разве останутся одни холопы и крестьяне наши, которых принуждены будем производить и своей чести надлежащие места отдавать им; и таких на свою шею произведем и насажаем непотребных, от которых впредь самим нам места не будет; и весь воинский порядок у себя, конечно, потеряем; притом же под властью таких командиров, Боже сохрани: так испотворованы будут солдаты, что злее стрельцов будут. И как может команду содержать или от каких шалостей унять одному генералитету, если в полках не будет добрых офицеров!

Еще же и то: ежели из армии их рядовых выпущено будет подлое шляхетство, то уже им трудами своими от земли питать себя не привыкнуть, для того разве резкий будет получать хлеб свой от своих трудов, а прочие большая часть разбоями и грабежами прибылей себе искать станут, и воровские пристани у себя в домах держать будут; и для того хотя б и выпускать, однакож, по моему мнению, разве с таким рассмотрением, чтоб за кем было 50, а по последней мере 30 дворов, да и то, чтоб он несколько лет выслужил и молодые и шаткие свои лета пробыл под страхом, а не на своей воле прожил.

От А.П.Волынского к графу С.А.Салтыкову

Возвратяся сюда из Москвы, И.К. (Иван Козлов) в великую печаль враньем своим привел меня, сказав порядок прошедшего определения, которое так похвалил, что теперь у нас прямое правление государства стало порядочное, какого никогда не бывало, и ныне уже прямое течение делам будет, и что уже ни о чем больше не надобно Бога просить, кроме чтоб только между главными согласие было, а если будет между ними согласие так, как положено, то, конечно, никто сего опровергнуть не может. Есть де некоторые бездельники, которые трудятся и мешают, однакож ничего не делают: а больше всех мудрствует с своею партией князь Алексей Михайлович, однако же де ничего не успевает, и не сделается. И о государстве императрице так положено, что хотя в малом в чем не так будет поступать, как ей определено, то ее конечно, вышлют назад в Курляндию. И для того будь она довольна тем, что она государыня российская, полно де и того ей. Ей же де определяют на год по 100000, и что тем ей можно довольной быть, понеже де дядя ее император и с теткою ее довольствовался только 60000 в год; а сверх того, неповинная, она брать себе ничего, разве с позволения верховного тайного совета; также де и деревень никаких, ни денег неповинна давать никому, — и не токмо того, и последней табакерки из государевых сокровищ не может вовсе себе взять, не только отдавать кому: а что надобно ей будет, то будут давать ей с расписками. А всего де лучше положено, чтоб ей при дворе своем отнюдь свойственников своих не держать, а и других ко двору никого не брать, кроме разве кого ей позволят верховный тайный совет; и теперь де Салтыковых и духу нет; и лучший де твой дядюшка Семен Андреевич ничто; и впредь никого не допустят, и нельзя статья чтобы им быть в чем; и что она сделана государынею, и то де только на первое время помазка по губам.

Потом, когда прислан курьер для возвращения первых присяг, он, услышав, тот час ко мне приехал и с великою печалью спрашивал: что за перемена. Я ему сказал, что я надеюсь, что государыня может быть изволила вступить в самодержавство, так как прежде у нас было. Против того он мне сказал: «Я де не

верю, чтоб так сделалось, понеже де ее партишка зело бессильна была, и я не больше думаю, что она вон выгнала, а буде же так, как прежде было, так де разве уже и фельдмаршалы те ничто будут?» А потом сказал: «Что для меня де, хоть так, хоть сяк — все равно, только бы де уже один конец был».

И понеже известно вашему превосходительству, что он очень неглуп, и для того если бы совершенной надежды не имел, как бы ему так смело говорит, и говорит не пьяный. Боже сохрани какой перемены, чего весьма надобно опасаться и осторожно поступать; а я зело боюся и теперь не вовсе уверяюся, чтоб все было успокоено. Не допусти Боже, ежели какое несчастье делается и отмена Ее Величеству, то мы совсем пропадем, и по истине дух наш не спасется.

(Из Казани, 16-го марта 1730 г.)

6

От графа С.А.Салтыкова к А.П.Волынскому

Государь Артемий Петрович! Письмо ваше, государя моего, писанное в Казани марта 16-го дня, я получил, и при том письме ведомость о бригадире Иване Козлове, какие он по приезде из Москвы в Казань имел разговоры о порядках Московских. И ныне Ее Императорское Величество изволила указать к тебе нарочного курьера послать, чтоб прислать с ним в Москву, при письме своем, доношение против присланной ко мне ведомости об оном Козлове, — какие он имел по приезде своем в Казань разговоры о здешнем Московском обхождении, и при том кто был, как он с вами разговаривал, чтоб произвесть в действо можно было. И оного курьера извольте отправить в Москву немедленно. А буде оный Козлов, безотлучно будет в Казани, то оному Козлову объявлять не извольте; а буде куды станет из Казани отъезжать, то извольте ему объявить Ее Императорского Величества указом, чтоб он без указа из Казани никуды не ездил.

(Из Москвы, от 8-го апреля 1730 г.)

От А.П.Волынского к графу С.А.Салтыкову

Милостивый государь отец!

Вашего сиятельства, милостивого государя, письмо из Москвы от 8-го апреля и при том приложенную копию получил. Что же, милостивый государь, изволите писать, чтоб мне против приложенной копии прислать доношение, дабы по тому в действо можно было произвести, на оное я сим моим, всенижайше ответствуя, доношу.

Служить Ее Императорскому величеству, всемилостивейшей государыне, так, как бы самому Богу, я и по должности, и по совести должен; при том же и предостерегать, конечно, повинность моя не только что к высокой Ее Императорского Величества пользе касается, но и партикулярно к стороне вашего сиятельства надлежит, служить мне как свойственнику и милостивому моему благодетелю за толикия ваши ко мне отеческие милости.

Дипломатическая переписка фон Зума 1738—1740 гг.¹

1

Фон Зум королю Фридриху II

С.-Петербург, 19-го апреля 1738 г.

Обер-егермейстер Волынский, в настоящее время кабинет-министр, принимает поздравления от всех иностранных министров, которым он отвечает через переводчика. Говорит, что он довольно хорошо говорит по-польски и немного понимает немецкий язык, и несмотря на то что он прежде время имел не совсем хорошее положение при дворе, но я сам слышал, как отзывался об нем герцог Курляндский незадолго до его возвращения из

---

¹ Печатается по изданию: Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1877. Т. 20 (Из дел Саксонского государственного архива в Дрездене). С. 108—112, 118—123, 139—148.

Немирова, считая его за одного из весьма умных людей при дворе. Надо полагать, что он имеет большую силу в делах внутренних и есть основание думать, что, кроме восточного вопроса, он не будет особенно вмешиваться ни в общественные, ни в иностранные дела. Это именно он, который по возвращении своем из посольства в Персию, побудил Петра I к знаменитой экспедиции в этот край, чуть его не погубившей, так как настроение умов тамошнего народа оказалось иное, нежели в каком он убеждал Царя. Венский министр и его друзья гордятся тем, что поручили коллегия иностранных дел графу Остерману, вследствие сделанных им показаний, так как венский двор не мог вполне довериться русскому двору, пока был только один министр, которого знали за преданного берлинскому двору и через руки которого проходили все дела. Но я полагаю, что на самом деле они только хвастаются, так как венский двор вовсе не пользуется таким положением, а в этом было другое намерение, кроме желания подготовить себя так, чтобы можно было обходиться без графа Остермана в случае, если он умрет, и в то же время дать ему заметить, что и при его жизни могут обходиться без него. Это предположение подтверждается еще и тем, как я узнал из верного источника, что желают усилить еще более кабинет и, без сомнения, барон Кейзерлинг пойдет в состав его, окончив совершенно дела Курляндии. После всего этого справедливо, что графу Остерману и Бреверну было известно столько же, сколько и всем, о назначении этого нового министра, и в особенности последний был очень удивлен, узнав о нем.

Что же касается князя Черкасского, то он занимает все ту же должность; но апоплексический удар, случившийся с ним недавно в присутствии всего двора, и к тому же еще его немощь — следствие постоянной сонливости и непомерной тучности, заставляют терять надежду, что он долго проживет.

Нет никаких известий от генерал-лейтенанта Ботты со времени его отъезда, но так как он встретил здесь большое сочувствие, а граф Остейн домогался и уже получил обещание быть отозванным, то может статься, что первый наследует ему; так как его способ вести переговоры здесь более нравится, нежели тот тон, которому следовал граф Остейн, и от которого он не мог отвыкнуть.

Фон Зум королю Фридриху II

С.-Петербург, 30-го Сентября 1738 г.

Царица часто страдает от ломоты и цинги, так что если в ней даже предположить главу кабинета и склонность к труду, ей все-таки было бы невозможно управлять самостоятельно. И так, она в сущности занята только своими удовольствиями и поощряет придворных к ускорению их полного разорения безумною роскошью. Касательно же правления, она отдала всю власть своему дорогому герцогу Курляндскому. Граф Остерман считается помощником герцога, не будучи им на самом деле. Правда, что герцог советуется с ним, как с самым просвещенным и опытным министром в России, но он не доверяет ему по многим важным причинам и следует только тем советам, которые одобрит жид, по имени Липман, достаточно хитрый, чтобы разгадывать и вести интриги. Он один только посвящается в тайны герцога, своего господина, и всегда присутствует на его совещаниях с кем бы то ни было. Можно сказать, что этот жид управляет Россией. Принцесса Мекленбургская такого же характера, как и Царица. Она даже старается во всем ей подражать, что и удаляет от нее привязанность народа. Стараются однако доставить ей престол и выдать ее замуж за герцога Курляндского. Но ей придется бороться с двумя партиями: принца Голштинского и партией принцессы Елисаветы; на сколько первая слаба, на столько вторая опасна. Все войско на стороне дочери Петра Великого и даже большая часть тех, которые из надежды или боязни притворяются, что содействуют герцогу...¹ Один только избежал грозы, так как, к счастью, находился во Франции, во время

---

¹ После слов «содействуют герцогу», в нашем, очень ошибочном подлиннике, следуют слова: «у которого искренний друг только принц Саксен-Гомбургский. Головкины, Куракины, Трубецкие, еврей Липман, барон Шафиров, граф Вратислав, Ягужинский, Неплюев и другие бывшие министры, а также Долгорукий, главный зачинщик предприятия изменить образ правления, все посланы в Сибирь или в провинции, или заключены в крепостях».

лишения милости своего семейства. Голицыны были арестованы или низложены по той же причине. С Нарышкиными, как очень близкими царскому семейству, обошлись милостивее. Одного оставили в покое в его имении; другой был удален под предлогом осмотра кораблей, строящихся на Черном море, а третий удалился сам; говорят, он находится во Франции под чужим именем. Эти господа будут главными виновниками революции, которая незаметно появится в России после смерти Царицы или даже раньше, если недовольные вернутся с намерением разоблачить истину, предвидя по всем признакам успех дела, тем более, что эти князья действуют заодно с Великою Княжною Елисаветою, а чтобы их более привлечь на свою сторону, она подает тому, кто находится у иностранцев, луч надежды жениться на ней, если он окажется достойным этой чести.

В начале последнего похода, регулярные войска состояли из 17-ти полков, а земское ополчение, казаки, калмыки и татары доходили до 108 тысяч людей. Все это уменьшилось на половину и трудно будет снова набирать рекрутов. Флотилия на море, состоящая из 440 барок, из которых на каждой было по 36 человек.

3

Фон Зум королю Фридриху II

С.-Петербург, 24-го июля, 1739 г.

В сегодняшнем моем послании я сообщаю, что граф Остерман был занят с утра до вечера во время свадебного празднества принцессы Мекленбургской. И действительно, во время всех этих празднеств, на нем лежала обязанность распределять на каждый день все, что относилось до церемоний, и что могло бы иметь какую-либо важность. Он имел поручения от двора, чтобы при всех малейших обстоятельствах с ним советовались. Правда, что с тех пор, как я здесь, я заметил, что он вообще играет роль оракула во всем, даже в безделицах, хотя это не препятствует ему часто сносить обиды и неприятности. Надо сказать правду: этот двор находился бы в большом затруднении, если бы не было этого министра; вот почему он так необходим, и если только не водворится прочный мир, который еще может отстранить приносимую

им пользу и дать случай его врагам приготовить ему гибель, то ему нечего бояться, что будут стараться избавиться от него, в особенности, если он может держаться раз принятой системы: жить спокойно у себя дома, никогда не появляясь при дворе. Так между прочим, я заметил, что герцог, со времени своего возвышения, обращается с ним лучше, нежели прежде, может быть потому, что он не боится его более и, заботясь о сохранении его здоровья, желает извлечь из этого пользу, а может быть и по другим причинам. Никто в этом государстве не мог бы заменить его в настоящем положении; он — поверенный в делах всех ведомств, и кроме того в его руках все внутренние и внешние дела этой обширной Империи.

4

Фон Зум королю Фридриху II

С.-Петербург, 10-го ноября, 1739 г.

Его Высочество герцог показал мне, при последнем собрании двора, письмо фельдмаршала графа Миниха из Хотина, в котором он пишет, что он уже двинул вперед двенадцать полков и уже написал коронному гетману, прося его отдать приказание снабдить их за определенную плату всем, в чем они будут нуждаться. Он кончает свое письмо словами, что турки благодарят за этот мир Магомета, Нейперга и Вильнева и прибавляет: «да простит Бог венскому двору за то, что он причинил такие огромные издержки и окончил так дурно».

5

Фон Зум королю Фридриху II

С.-Петербург, 14-го ноября 1739 г.

11-го числа сего месяца были созваны по чрезвычайному случаю сенат и синод. Повсюду были поставлены караулы с офицерами, дабы никто не входил в дома, и такие предосторожности вызвали не мало любопытства. Все, что я мог узнать от лиц, посвященных в это дело, это то, что в Шлиссельбургской кре-

пости собрали всех Долгоруковых, до того находившихся в заключении в разных местах, и тотчас же отправили туда еще одного, в последнее время назначенного в Англию, но проживавшего здесь. Меня уверяют, что последний из них — причина несчастья всех остальных, и так как он имел сношения с Швециею, то они легко могут сделаться жертвами для обеспечения внутреннего спокойствия государства.

6

Фон Зум королю Фридриху II

С.-Петербург, 17-го ноября 1739 г.

Уже по отправлении последней почты, мне передали под секретом, что в этот же самый день в Новгороде совершали смертную казнь над шестью Долгоруковыми; между ними находился и фельдмаршал, который кроме того еще был наказан ударами кнута, и тот Долгоруков, который был назначен в Англию, а прежде служил при нашем дворе, и его племянник, любимец Петра II. Намеревались совершить их казнь здесь, но потом переменили намерение и их перевели в Новгород. Там было еще несколько Долгоруковых, но мне неизвестна еще их участь¹.

7

**Отрывок из письма одного офицера,
служившего в России**

Марта месяца, 1710 года.

Вот, что мне известно из хорошего источника о казнях, совершенных в России. Вы сейчас составите себе понятие об этом. Нет сомнения, что весь народ а (преимущественно вельможи) очень недоволен настоящим правлением. Уже пять или шесть лет, как слышатся жалобы, во-первых, на слепую снисходительность импе-

---

¹ Манифест о казни Долгоруковых напечатан в С.-Петербурге, 12-го ноября 1739 г.

ратрицы к герцогу Курляндскому, во-вторых, на гордый и невыносимый характер последнего, который, как говорят, обращается с вельможами, как с последними негодьями; в-третьих, на его фаворита, еврея Липмана, придворного банкира, подрывающего торговлю; в-четвертых, на вымогательство огромных сумм, частью истраченных на женщин, а частью на выкуп поместий герцога и на постройку ему великолепных замков; в-пятых, на сдачу трех четвертей молодых людей в солдаты, которых убивают как на бойне, вследствие чего поместья дворян обезлюдены и они не в состоянии уплатить общественных податей; в-шестых, на общее плохое состояние флота, учрежденного Петром I с огромными издержками. Для отвращения всех этих неудобств и своего собственного благополучия князь Долгоруковы во главе многих других составили следующий заговор: ободряемые неудачами похода 1738 года, жалким состоянием армии и надеждою, что граф Миних погибнет в Молдавии, столь злополучной для Петра, но в особенности общим неудовольствием народа, они вошли в сношение с Швециею и с Франциею при содействии князя Нарышкина¹, уже десять лет проживающего во Франции за тайное вступление в брак с великою княжною Елисаветою, и условились, что тотчас же, как армия погибнет или будет рассеяна, шведы объявят войну и вступят с тридцатитысячною армиею в провинции Империи; в то же время все недовольные возьмутся за знамя, отправятся прямо во дворец и овладеют им; затем императрицу заключат в монастырь, а с герцогом поступят п хуже; великую княгиню Анну и князя Брауншвейгского посадят на корабль и отправят в Германию, а потом выгонят всех немцев, повесят некоторых из них, и в заключение объявят Великую Княжну Елисавету императрицею, а князя Нарышкина — императором. Таков был план заговора; меры были приняты, и ждали только падения Миниха, чтобы разразиться со всех сторон. Но так как подобного рода планы, исполнение которых всегда замедляется, не могут оставаться в тайне, то слухи о последнем дошли до двора; велено было схватить подозрительных людей, планы которых были расстроены счастьем графа Миниха, и после-

---

¹ Этот Нарышкин в царствование имп. Екатерины I, в мае 1727 года, а потом вторично в царствование Петра II, в конце 1728 года, был ссылаем.

шили заключить мир с турками, на сколько могли против намерения Франции, которая только и думала, как бы отвлечь императора от России, чтобы еще более обременять эту страну. Шведы поспешно отступили. Виновные признались и были казнены, как вам это известно, обо всем этом не упоминается в объявлениях, обнародованных двором, в которых преступлением виновных выставлено известное ложное завещание во время Петра, составленное Долгооруковым, но это не что иное, как предлог, на который ссылаются. Не хотят показать слабость правительства иностранным державам; огонь еще не потушен. Казни продолжают во всех провинциях, но возвращение армии успокоит все. Вы видите, что если бы удалось это дело, это было очень важно для Франции; она располагала бы русскими войсками так, как располагает теперь шведскими; по этой причине, как мы, так император и Англия, должны быть очень довольны таким открытием. Этот переворот имел бы страшное влияние на Запад. Несколько поляков принимали участие в этом заговоре. Пять или шесть воеводств составили уже союз, но дело под Хотиным и наступивший мир уже все разрушили.

Я знал трех Долгооруковых и даже выиграл у одного князя 120 червонцев в то время, как он был министром в Дрездене; то был дуралей, но один из двух остальных человек умный.

Неизвестно еще, что случится с Великою княжной Елисаветою; она не выходит из комнаты; если она избегнет апоплексического удара, то полагаюсь, ей не избежать рясы.

8

Фон Зум графу Брюлю

С.-Петербург, 9-го апреля 1740 г.

В моей реляции к королю я не иначе могу высказать, как с большою осторожностью, слух, еще не подтвердившийся официальным путем, именно о падении кабинет-министра Волынского. Правда, что несколько дней тому назад герцог говорил мне об этом, так что заставил меня думать, что гибель Волынского неизбежна. Он сказал мне, что Волынский, оскорбив всех, осмелился жаловаться и на Его Высочество, приписывая ему такие поступки, которые не согласны с его привязанностью к Ее Императорскому

Величеству. Тогда герцог решился объявить Государыне, что он не может служить вместе с Волынским. Причина его падения, и та, которую герцог желает, чтобы считали за главную, состоит в том, что во время совещания по делу об уплате убытков, причиненных в Польше, граф Остерман и другие были того мнения, что, согласно декларации, заключенной по этому поводу Ее Императорским Величеством, следовало позаботиться об удовлетворении убытков; но Волынский дал отдельное мнение, изложенное в протоколе, в котором говорилось, что он не разделяет того мнения, чтобы Ее Императорскому Величеству следовало расходоваться на Польшу, участие в делах которой стоило ей уже слишком дорого; что он не имеет ни малейшей связи с прочими дворами, следовательно, в своем мнении может следовать исключительно только интересам России и не колеблется объявить это, хотя ему не безызвестно, что герцог стоит за удовлетворение; но на это он имеет свои важные причины, не имеющие целью благо России; он приобрел себе много герцогств, что ставит его в особые сношения, при которых ему уже не приходится думать иначе, как он теперь поступает. Но что также могло содействовать его гибели, это то, что герцог побудил Ее Императорское Величество раздать некоторые поместья, которыми она могла распорядиться таким образом, благодаря еще указам Петра I. Но вскоре открылось, что эти указы потеряли свою силу, вследствие издания новых царствующею императрицею, о чем не было сообщено герцогу, а Волынский, воспользовавшись этим обстоятельством, уведомил об этом Ее Императорское Величество через княжну Щербатову, которая играет роль шутихи при дворе. Можно судить, как задел герцога подобный тонкий намек, в котором его упрекали в том, что он побуждает Ее Императорское Величество действовать против Ее собственных указов. Кроме того уверяют, что герцог накрыл этого министра в то самое время, когда он настаивал на том, чтобы Ее Императорское Величество подписала дела, совершенно ей неизвестные. Но эти слухи не имеют основания по той причине, что Ее Императорское Величество ничего не подписывает, прежде чем секретарь Эйхлер не прочтет ей вслух в присутствии герцога, и он же представляет ей все к подписи. Между тем этот лишенный милости министр не является более ко двору и подвергается теперь у себя дома нескольким допросам касательно многих поступков, приписываемых ему, и на

которые не смели до сих пор указать; после чего делается известным, что за причины немилости к нему. Некоторые думают, что он будет сослан в Сибирь, другие же — что удовольствуются сослать его в свои поместья. Княжна Щербатова также не является более при дворе. С другой стороны только что назначили камергера Корфа посланником в Данию, откуда был вызван Бестужев, произведенный в действительные тайные советники; известно, что он займет в кабинете место Волынского. Вся Россия будет радоваться падению этого министра, которого считают за врага всего человеческого рода, жестокосердного и не имеющего ни к чему сострадания, в подтверждение чего в его жизни можно найти много доказательств всякого рода. Но все убеждены, что от этой перемены немного выиграют, так как тот, кто его заменит, заклятый враг герцога и графа Остермана. Сверх того это человек двуличный, смелый и предприимчивый, так что из этого можно заключить, что он долго не удержится. Впрочем, он будет опаснее, чем тот, так как, зная языки, он может вести более интриг и более вмешиваться в дела.

9

Фон Зум королю Фридриху II

С.-Петербург, 26 апреля 1740 г.

Назначили следствие над Волынским. Главные члены следующие: обер-шталмейстер князь Куракин и адмирал граф Головкин, те самые, которых он преследовал более всех других. Но Волынский от этого не проиграет, так как в лице их он будет иметь очень великодушных врагов, которые не захотят воспользоваться случаем заплатить тою же монетою. Третьего дня посадили также в крепость тайного советника Татищева, не приняв во внимание того, что он явный враг Волынского; его дело не имеет ни малейшего отношения к делу последнего и составляет особенный процесс, который может дать повод к просмотру тысячи жалоб, принесенных на него в то время, когда он был губернатором города Оренбурга и начальником учреждений, которые ему было поручено устроить у башкирцев, так сильно притесняемых его тиранскими поступками, что наконец они возмутились и свергли владычество русских.

Фон Зум королю Фридриху II

С.-Петербург, 10 мая 1740 г.

Дело Волинского еще продолжается по той причине, что ждут возвращения курьеров, посланных в провинции для возвращения ко двору множества писем, которые он писал для приобретения себе клиентов и составления себе партии в государстве. Между тем его перевели в адмиралтейство, где он находится под строгим караулом, не имея даже пуговиц на своем платье, как здесь обыкновенно поступают с государственными преступниками, чтобы отнять у них всякую возможность самим расстаться с жизнью. Впрочем, князь Куракин и адмирал Головкин не принимают участия в следственной комиссии, как было сказано прежде, но она составлена из шести или семи генералов и тайного советника Неплюева. Впрочем, случается так, что отставляют прежних членов и вводят новых смотря по обстоятельствам.

Вчера праздновали день Коронации и Ее Императорское величество, приказав позвать генерал-лейтенанта, князя Трубецкого, поздравила его с чином действительного тайного советника и назначила генерал-прокурором, должность, имеющая большое значение, и которая не была замещена с тех пор, как Ягужинский занимал ее в царствование Петра I. Это нечто вроде директора Сената и блюстителя за исполнением приказаний Ее Императорского Величества.

Фон Зум — графу Брюлю

С.-Петербург, 10 мая 1740 г.

Я прибавлю касательно князя Трубецкого, что, несмотря на то, что за ним не признают больших способностей в военном деле, и все очень рады, что его удаляют из войска, где он был не более, как генерал-комиссар, в нем предполагают много способностей к другим делам и считают его за человека, способного занять порученную ему должность, которая, как предвидят, сделает многих несчастными и может также со временем быть для него пагубною,

вследствие смелого и предприимчивого характера, ему приписываемого. Впрочем, надеются, что новый генерал-прокурор поторопит ведение дела Волынского.

12

Фон Зум — королю Фридриху II

С.-Петербург, 28 мая 1740 г.

В бумагах Волынского нашли слишком серьезные вещи, чтобы их опубликовать, и имеющиеся достаточные доказательства, что он домогался чуть ли не самодержавия. Он составил себе родословную, по которой он показал, что происходит от известного Дмитрия, изгнанного из России, и это генеалогическое древо было украшено императорскою короною. Нашли также целое собрание описаний более выдающихся поступков царствовавших женщин, которых история порицала более всего, рядом с самыми гнусными сравнениями и сопоставлениями, помещенными на полях. Наконец открыли те приготовления, в которых он думал иметь надобность, чтобы повесить первых своих врагов, из которых более всего он указывает на герцога Курляндского, графа Остермана, фельдмаршала Миниха и обер-гофмаршала графа Левенвольда. Хотя следствие по делу Волынского относительно его самого можно считать почти оконченным, однако не перестают привлекать к ответственности его соучастников, которых он вынужден был назвать, так что можно ожидать еще других последствий. Удивительно, как находятся безумные люди, способные принимать участие в заговорах, в особенности в государстве этом, где успех почти невозможен.

13

Фон Зум королю Фридриху II

С.-Петербург, 7 июня 1740 г.

Следственная комиссия, состоящая из генерала Ушакова и тайного советника Неплюева, продолжает разбирать дело Волынского, так что его соучастники один за другим сажаются в крепость. Вот те, имена которых мне известны: Еропкин, архитектор департамента строительных дел, человек, как говорят, умный и способ-

ный, принадлежащий к одному из знатнейших домов России и потомок государей, другой — Соймонов из морского ведомства, затем Эйхлер и сенатор Урусов, брат которого, генерал-лейтенант, назначенный прошлое лето губернатором в Оренбург, находится также теперь в дороге, чтобы быть заточенным в крепость.

Уверяют, что Волынский, когда потерял всякую надежду, сказал, что он вполне заслуживает смерти, но только никак не за заговор, а за то, что он ему не удался.

14

Фон Зум королю Фридриху II

С.-Петербург, 25-го июня 1740 г.

Мне остается только прибавить к моей прошлой реляции, что дело графа Волынского начинает беспокоить двор, который боится не последствий, а огромного числа соучастников, между которыми встречаются такие, которых и не подозревали бы до сих пор; меня хотели тайно уверить, что задерживали даже посланника Румянцева, будто бы замешанного в этом деле, но трудно верить такому слуху. Особенно, герцог не может более сомневаться в чувствах, питаемых к нему народом, и я уверен, что он серьезно думает о составлении плана насчет своей будущности: но так как он никому на столько не доверится, чтобы сообщать свои мысли, нужно угадать его замыслы, так как при составлении этого плана он будет стараться его упрочить. В крепость ввели второй полк солдат, отчасти, как говорят, для того, чтобы иметь случай поместить эти войска, а также и потому, что гарнизон крепости становился слишком незначительным числом своих караулов, которые он должен был посылать к заключенным.

15

Фон Зум королю Фридриху II

С.-Петербург, 9-го июля 1740 г.

Назначенная на вчерашний день казнь Волынского и многих других совершилась в 7 часов утра по ту сторону реки за крепостью. Приговор был произнесен перед эшафотом, и так как в нем

назначалось вырвать осужденным язык, отсечь руку, колесовать живыми и затем посадить на кол, в Волынском заметны были признаки ужаса, овладевшего им; но по объявлении милости Ее Императорского Величества, облегчавшей наказание, он сам поспешил взойти на эшафот навстречу смерти, предварительно слегка поклонившись генералу Ушакову. Вследствие смягчения приговора Волынскому отсекали правую руку и голову, Еропкину и Хрущову — голову; Эйхлер получил двадцать пять ударов кнута; Соймонов — семнадцать, а один переводчик — удары плетью; последние трое сосланы в Сибирь в каторжные работы на всю жизнь. В приговоре было сказано, что Волынский приговорен к смертной казни, так как его обличили в измене к Ее Императорскому Величеству, в том, что он затеял бунт в государстве, в измене правительству и во многих значительных кражах, совершенных им у казны. В самом деле уверяют, что в деле конских заводов, состоявших из пятнадцати тысяч кобыл, и управление которыми ему было вверено, нашли, что недоставало суммы в 700000 рублей, которые должны были быть там употреблены. Об этом донес на него один офицер, родом датчанин, и обвинение его подтвердили тысяча сто свидетелей, которые и принесли в том присягу.

16

Фон Зум графу Брюлю

С.-Петербург, 12-го июля 1740 г.

Когда можно будет достать копию с приговора, я снова коснусь в моей реляции казни Волынского и его соучастников; теперь я узнал еще, что Волынскому отрезали язык, но сделали это тайно в темнице, прежде чем вести его на казнь, а рот закрыли ему перевязкою от подбородка к голове, чтобы помешать течению крови, что дало повод думать, что ему заткнули рот кляпом. После казни генерал Ушаков и тайный советник Неплюев возвратились в крепость и велели прочесть и тайно исполнить над Мусиным-Пушкиным приговор, состоящий в том, что он должен бы быть четвертован; но вследствие помилования Ее Императорского Величества ему отрежут только конец языка и заключат на всю жизнь в монастырь. Я узнаю, что со всех сторон приводят еще виновных.

Фон Зум королю Фридриху II

С.-Петербург, 6-го августа 1740 г.

Ее Императорское Величество сделала распоряжение насчет многих домов и имений, недавно конфискованных. Генерал Густав Бирон получил значительное поместье Мусина-Пушкина в Ингерманландии; фельдмаршал граф Миних — другое поменьше по Петергофской дороге, а генерал-прокурор Трубецкой получил один из его здешних домов; есть еще другой дом, более красивый, который занимает князь Черкасский. Барон Менгден получил великолепный дом Волынского со всею обстановкою, и Ее Императорское Величество назначила его в то же время президентом коммерц-коллегии, оставляя ему президентство в юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел, место которое он занимал ранее.

Дипломатическая переписка фон Мардефельда 1740 г.¹

1

Фон Мардефельд королю Фридриху II

С.-Петербург, 23 июля 1740 г.

Всемилоостивейший государь! Ко двору прибыл вчера курьер с известием, что русские войска, возвратившись в степи, между Екатеринбургом и Оренбургом встретили и разбили 300 человек башкир, другие же немедленно изъявили покорность императрице и выдали русскому начальнику над войсками зачинщиков бунта между прочими одного монгола, выдающего себя за родственника Чингисхана. Таким образом все усмирено там на некоторое время.

Ее величество императрица русская позволила возвратиться в свои поместья не только офицерам, прослужившим 25 лет, но и тем,

---

¹ Печатается по изданию: Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Т. 1 (Из дел Берлинского государственного тайного архива). С. 401—402.

чьи поместья расстраиваются за недостатком знающих людей, могущих смотреть за ними, впрочем с условием, чтобы каждый из последних уделил из каждой сотни крестьян одного для рекрутства. Уже явилось 600 человек желающих ехать к себе обрабатывать землю; если указ этот не будет отменен вовремя, то армия не замедлит остаться без русских офицеров. Можно было бы предположить, что двор сделал это нарочно с намерением заменить их иностранцами, если бы только жалование не было так мало.

Дочери Волынского заключены в разные монастыри; сын же сослан в Сибирь, откуда его перевезут в Камчатку, когда он достигнет 15-ти летнего возраста.

Генерал-фельдмаршал граф Миних оправился от своего нездоровья. Маркиз де-Ботта думает уехать завтра. Кроме шпаги, украшенной бриллиантами, императрица пожаловала ему 6 тысяч рублей наличными деньгами. Я смиренно присовокупляю здесь присягу в верности, собственноручно переписанную мною, согласно приказанию вашего величества.

2

Фон Мардефельд королю Фридриху II

С.-Петербург, 23 июля 1740 г.

С чувством глубочайшего почтения получил я рескрипт вашего величества от 5-го июля о различных предметах и имею честь почтительнейше сослаться относительно Салтыковых и генерала Леонтьева¹ на предыдущие мои реляции; они, равно как и Урусовы², не были арестованы, хотя подобный слух носился в продолжение многих недель. Они действительно знали о дурных замыслах Волынского насчет немцев и, по-видимому, хотели воспользоваться этим изменником как кошкою, чтобы вытащить каштаны из огня, в надежде тем легче погубить его самого впоследствии; но ни один из них не участвовал в заговоре против государыни,

---

¹ Генерал-аншеф Михаил Иванович Леонтьев, в 1740 г. киевский губернатор.

² Князя Григорий и Василий Алексеевичи Урусовы, оба генерал-поручики, находились в приятельских отношениях с Волынским.

которая в начале своего царствования осыпала почестями генерала Салтыкова, сделав его графом, генерал-аншефом и своим обер-гофмейстером; впрочем, она не имела особенно выгодного мнения о его уме, потому что действительно ни он, ни сын его не одарены им в надлежащей мере. Так как они не были способны принимать участие в управлении делами, то и были совершенно отдалены от них; крайне раздраженные этим и завидуя огромному доверию, оказываемому герцогу Курляндскому, они иногда искали забвения в вине и напивались до такой степени, что у них невольно вырывались оскорбительные слова, навлекшие на них негодование ее императорского величества и его высочества.

Признаюсь, что герцог поставил себе правилом доставлять значительные преимущества почти всем знатым фамилиям, но как русский народ отличается ненасытною алчностью и чувствителен к благодеяниям только в ту минуту, когда получает их, следовательно, не способен питать чувства благодарности, то герцог не должен льстить себя надеждою, что заставит народ таким образом войти в свои интересы, так что его личное благодеяние в России зависит единственно от императрицы и ее преемников. Что касается до нее, то она никогда не оставит его, так как связана с ним самыми сильными клятвами и сочла бы себя достойною проклятия, если бы нарушила их. Кроме того, она имеет самое искреннее убеждение, что только его высочество действительно привязан к ней и что верность его не поколеблется ни при каких испытаниях. Так как ее императорское величество наблюдает умеренность в пище и питье и делает много движения, часто прогуливаясь пешком или на лошади, то можно надеяться, что она достигнет глубокой старости и будет иметь время определить порядок престолонаследия и установить его твердо и прочно, в особенности если принцесса Анна родит сына. С тех пор как ее высочество в хороших, даже в очень хороших отношениях с своим супругом (принцем Антоном-Ульрихом), она перестала желать зла герцогу Курляндскому, так что с этой стороны он может быть спокоен.

Генерал Дуглас, отрешенный 4 месяца тому назад от всех своих должностей, поплатился только этим. Впрочем, двор питает справедливую досаду на его участников.

Шведский посланник в свою очередь горько жалуется на то,

что двор беспрестанно отказывает в вывозе хлеба, условленного в мирном трактате, — обстоятельство, отдаляющее все более и более восстановление доброго согласия между обоими дворами. Главные причины, побуждающие Россию отлагать мщение за обиды, полученные ею со стороны Швеции, и не объявлять ей войны, по моему мнению, следующие:

- 1) Что она нуждается в покое, после постоянной войны в продолжение более чем 40 лет, включая войну с Персиею;
- 2) Что финансы ее крайне расстроены;
- 3) Что оборонительный союз, заключенный между Швециею и Оттоманскою Портою, заслуживает ее внимания;
- 4) Что она имеет основание опасаться, что если овладеет Финляндию, то это возбудит недоверие других держав и они, пожалуй, соединятся с ее врагами против нее;
- 5) Она льстит себя надеждою, что предшествовавшее министерство одержит верх над будущим сеймом.

Я сомневаюсь, чтобы страх всеобщего возмущения внутри России, которое вряд ли может произойти, играл в этом какую-нибудь роль.

Императрица достаточно защищена, полагаю, от подобной катастрофы многочисленностью ее армии, бессилием духовенства и дворянства и способностью большинства русских — выдавать друг друга ради малейшей выгоды и пользы. Убийства между знатными людьми редки в этой стране, иначе герцог Курляндский поступил бы очень благоразумно, приняв меры предосторожности, что в конце концов было бы весьма легко.

Согласие между дворами петербургским и дрезденским очень велико и несравненно сильнее союза между двумя императорскими дворами; императрица смотрит на короля Польши как на растение, которому она выходила жизнь; последний чрезвычайно покорностью и унизительною услужливостью тщательно поддерживает это особое расположение императрицы, чему герцог Курляндский, находящий это для себя удобным, кой-какими услугами оказывает покровительство, так что ея императорское величество, равно как и его высочество, были бы очень довольны, если бы восстановилось доброе согласие между вашим величеством и королем польским. Я не могу себе представить, чтобы эта дружба довела до того, что императрица захотела бы отказаться от возобновления старинных

связей с вашим величеством; разве только, если она еще раньше заключит более тесный союз с Саксониєю. Во всяком случае, я ничего еще пока не заметил и все, что я имел честь почтительнейше доложить недавно вашему величеству касательно нового союза, не заставляет подозревать ничего похожего на то; напротив, доказывает, что императрица очень дорожит дружбою вашего величества и искренно желает заключить новые, относительно вашего величества, обязательства.

3

Король Фридрих II фон Мардефельду

Берлин, 30 июля 1740 года.

Барону Мардефельду в Петербург о том, чтобы он наблюдал за движениями, происходящими внутри страны, и делал о них подробные донесения его величеству.

Доклад ваш от 12 числа этого месяца благополучно дошел до меня.

Я доволен подробным донесением, которое получил от вас до сих пор о деле Вольнского.

Судя по тому, что вы доносите мне об этом, надо думать, что в русской нации происходит сильное брожение и число недовольных заходит очень далеко. Правда, что пока недовольные не согласны между собою в своих намерениях и целях, пока они не имеют главы, который пользовался бы достаточным доверием, чтобы согласить и соединить их между собою, и пока двор поддерживается многочисленным войском, в особенности гвардейскими полками, всегда готовыми исполнять приказания императрицы и сокрушить всех, кто осмеливается сопротивляться ей, до тех пор, говорю я, пока дела остаются в таком положении, двору действительно нечего опасаться со стороны нации, до какой бы степени ни доводил он неудовольствие последней. Тем не менее один какой-нибудь умный человек, который бы сумел воспользоваться расположением умов, мог бы произвести неожиданную перемену, в особенности, если бы случилось одно из тех происшествий, которыми Провидение пользуется от времени до времени, чтобы произвести переворот на театре вселенной, или если бы какой-нибудь непредвиденный удар

похитил у двора его поддержку в лице армии, единственную, кажется, его опору в настоящее время.

Я очень далек от желания, чтобы подобная вещь случилась. Напротив того, я искренно намереваюсь сойтись с русским двором ближе чем когда-либо, я от всей души желаю сохранения настоящей его политической системы. Но как самое это желание заставляет меня внимательно следить за переменами, могущими произойти в России, то вы употребите всевозможные старания, чтобы иметь верные сведения обо всем происходящем внутри страны, и будете продолжать делать мне самые точные и подробные донесения.

В Берлине, 30 июля 1740 г.

(подписано) Тульмейер.

Дипломатическая переписка де ла Шетарди 1740 г.¹

1

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, январь 1740 г.

<...> Только здешняя страна может доставить развлечение в таком роде, какое устроила себе царица 17 февраля. Князь Голицын, один из пажей Е.Ц.В., подал к тому повод, пожелав против воли царицы, вступить в неравный брак, следовало придать осмеянию, насколько лишь может послужить к тому поводом свадьба. С этою целью были призваны лопари, самоеды, калмыки, казаки; все они появились в маскарадных костюмах, образуя процессию более чем в двести человек, предшествовавших или следо-

---

¹ Печатается по изданию: Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1893. Т. 86 (Из дел архива Министерства иностранных дел в Париже). С. 225–227, 238–239, 242–244, 250, 284–285, 296–299, 308–309, 336–337, 358, 361–362, 373–376, 420–421, 429–431, 497–498, 539–551, 553–563, 567–574, 579–580, 586–589.

вавших за новобрачными, заключенными в клетку, поставленную на слона. Одни ехали в телегах, запряженных волами; другие двигались в повозках, которые везли кабаны, свиньи, козы и собаки. Лопари и самоеды отличались своими одеждами из звериных шкур и саями, заложеными оленями. Манеж герцога Курляндского был устлан досками; здесь был устроен ужин всему свадебному поезду; молодые сидели за отдельным столом с своими посаженными отцами и матерями. За трапезой следовал бал, на котором каждое племя танцевало особо. Затем новобрачных повезли в ледяной дом, который был построен близ дворца; он состоял из передней, спальни по левую руку, в которой кровать, занавеси, туалет, туфли и ночные колпаки молодых были также из льда; по правую руку находилась гостиная, где стол, кресла, шкафы, часы и карты также были сделаны из льда. Новобрачные легли там и оставались до восьми часов утра. Куски льда по своей величине и способу соединения употреблялись совершенно так же, как самый лучший обтесанный камень. Удивительнее же всего то, что у фасада этот дом снабжен восемью ледяными пушками, стоящими на лафетах, и когда их употребляли в дело, они выдерживали заряд пороха в три четверти фунта. Я мог наслаждаться этим зрелищем в наибольшей его части, так как процессия прошла под моими окнами. Царица присутствовала на ужине и на балу, который затем следовал. Это было единственным удовольствием, которое она могла себе доставить, пожертвовать на эту забаву около тридцати тысяч рублей. Руководил этим делом кабинет-министр Волинский. Обер-гофмаршал уведомил меня лишь в семь часов вечера, что Е.Ц.В. прибыла только что в манеж, и от меня зависит явиться туда, если это может доставить мне удовольствие; но я оказался настолько занятым, что не мог воспользоваться этим случаем. Я поручил посланному ко мне офицеру заявить обер-гофмаршалу, что почтение, питаемое мое к царице, не позволяло мне раньше отправиться в манеж, так как я не знал, не желает ли царица остаться на это время одной; но с поспешностью воспользовался бы этим случаем представиться Е.Ц.В., если бы меня вовремя предупредили или уведомили о ее намерениях; однако же я сделаю все возможное, чтобы оторваться от удерживающих меня в моем кабинете занятий, насколько последние мне это позволят.

Только что описанное мною увеселение вызвано не столько желанием позабавиться, сколько последствиями политики, неблагоприятной для дворянства, но всегда преследовавшейся этим двором; напрасно ради ложного снисхождения к роду Голицыных, одному из первых в государстве, ссылаются на слабоумие того из них, которого выводили на публичное осмеяние, или на его дурное поведение, и запрещают называть его отныне иначе как по имени, данному ему при крещении; чем к более значительному роду он принадлежит, тем более неуместным является глумление над ним, несмотря на службу его предков и родичей, служащих в настоящее время. Таким образом напоминает время от времени вельможам здешнего государства, что ни их происхождение, ни состояние, ни чины, ни награды, достойными которых признали их монархи, никоим образом не ограждают их хотя от малейшей фантазии государя, который не умеет заставить себя любить, бояться и вызывать повиновение, но лишь обращать своих подданных в ничтожество, из которого они отнюдь не происходят.

20-го я отправился к Остерману, чтобы узнать, какое решение принял он относительно принца Брауншвейгского, как и относительно способа установить сношения между наиболее значительными лицами и мной; он должен дать мне сегодня вечером ответ по этим двум вопросам и вручить выписку о милостях, оказанных царицею в прошлый четверг. Если он исполнит свое обещание достаточно рано, чтобы предварить отъезд почты, я не буду ожидать почты в ближайшую субботу для уведомления вас о том.

2

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, февраль 1740 г.

<...> Царица часто страдает от подагры, так что если бы даже и предположить в ней способный к управлению ум и склонность к труду, ей все-таки было бы невозможно править самой; поэтому она и не вмешивается в сущности ни во что, кроме своих удовольствий, и побуждает придворных ускорять свое разорение безумными тратами.

Что касается управления, она лишь позволяет распоряжаться от своего имени герцогу Курляндскому.

Граф Остерман представляется как бы помощником герцога, но на самом деле этого нет; правда, что герцог советуется с этим наиболее просвещенным и опытным из всех русских министров; но он не доверяет ему, имея на то верные основания, и следует его советам, лишь поскольку их одобряет придворный банкир, еврей Либерман, человек необыкновенно хитрый и способный открыть, как и провести всякого рода интригу. Этот еврей единственный поверенный всех тайн герцога, своего повелителя; он присутствует обыкновенно на всех его совещаниях, с кем бы то ни было. Одним словом, можно сказать, что именно Либерман и управляет Российской империей.

Принцесса Мекленбургская, супруга принца Бевернского, такого же характера, как и ее тетка, и старается подражать ей во всем, что отдаляет от нее привязанность народа и многих вельмож. Тем не менее принцессе этой хотят предоставить престол; однако, ей придется побороть две партии — герцога Голштинского и принцессы Елисаветы; насколько первая из них слаба, настолько же сильна вторая. Большая часть армии стоит за дочь Петра Великого, а кроме того, большинство лиц, которые лишь ради надежды или страха делают вид, что принимают сторону герцога; последний имеет истинных друзей только в лице принцессы Гессен-Гомбургской, Головкиных, Куракиных, Трубецких, графа Вратислава, Рагузинского, Неплюева и кабинет-министров.

Деньги чрезвычайно редки в России; большинство имений остается необработанными в течение пяти-шести лет; жители пограничных провинций укрываются в соседние государства, в особенности жители Украины, которая теперь почти пустынна.

Продолжают производиться самые тщательные розыски для открытия сообщников Долгоруковых. Чем более расследуют это дело, тем больше оказывается виновных; восемьдесят шесть заговорщиков уже было предано смертной казни внутри московского Кремля, и более двухсот человек было арестовано не так давно по тому же делу. Не легко предвидеть, каков будет конец сего крайнего брожения, происходящего теперь в этом государстве.

Принцесса Елизавета живет в своем дворце весьма уединенно и принимают у нее величайшие предосторожности для предупреждения всякого несчастья. Уверяют, что она по-прежнему при-

вязана к князю Нарышкину, который, как утверждают, живет уже несколько лет во Франции под чужим именем, и эта принцесса будто бы обещала выйти за него замуж.

3

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 23 февраля (5 марта) 1740 г.

Милостивый государь,

Я прилагаю к сему список милостей, жалованных по случаю заключения мира, которого, как сообщал вам, я не мог послать с прошлой почтой. Это обстоятельство, вместе с празднествами, устроенными по тому же поводу, вызывает замечания, быть может, основательные; находят, что Россия недостаточно много выиграла в последнюю войну, чтобы устраивать такое великое торжество по поводу заключенного ею мира; доходят даже до высказывания мысли, что слава России должна пострадать от этих неуместных проявлений радости; точно так же не знают, как согласовать издержки, которые от нее требовались и которые непременно должны будут на ней сказаться, с чрезмерной щедростью, которую она выставляет напоказ; на такой внешний прием смотрят как на следствие забот правительства беспрестанно кичиться собою.

Полагают, что какой бы ни был цены кубок, поднесенный герцогу Курляндскому, он должен считать за честь для себя принять подарок от царицы; от принятия же денежной суммы, как находят, напротив, должно пострадать достоинство герцога Курляндского. А его сторонники утверждают, что именно преимущество его политики и составляет то, что под прикрытием полученной открыто подобной суммы он оправдывает все делаемые им в Курляндии издержки и ограждает себя от расследований, которые мог бы когда-нибудь предпринять русский народ; впрочем, такое рассуждение в одинаковой мере и слабо, и ложно, так как если бы русские взялись за такое расследование, то им нетрудно было бы увидеть, что даже при помощи суммы вчетверо большей, чем та, от которой он отказался, герцогу Курляндскому невозможно было бы выкупить заложенных владений своего герцогства, воздвигнуть там два великолепных дворца,

омеблировать их самым роскошнейшим образом, снабдить серебряной посудой, такой изысканной и тонкой работы, какую он показывал мне вчера в манеже, когда я там был, и которую он там расставил; невозможно было бы, кроме того, скопить такое множество бриллиантов, каким обладает он вместе с герцогиней Курляндской.

Справедливо полагают, что это значит злоупотреблять слабостью царицы, если побуждать ее или дать себя убедить пожаловать герцогине Курляндской орден Св. Екатерины, так как до сих пор он предоставлялся лишь принцессам, дочерям Петра I, принцессе Анне, как происходящей из того же дома с материнской стороны, и королеве, супруге короля польского Августа.

В заключение оказывается, что три гвардейских полка — Преображенский, Семеновский и Измайловский, первый в четыре батальона, а два других — в три, находятся в настоящее время под начальством фельдмаршала Миниха, герцога Брауншвейгского, генерала Кейта и генерала Густава Бирона, а конногвардейцы тоже находятся под начальством наследного Курляндского принца. Эта гвардия может быть приравнена к преторианским когортам или к янычарам, вследствие значения, приобретаемого ею во всех случающихся переворотах, и вследствие своих преимуществ, основанных на том, что она составляет здесь главную опору власти; поэтому она вся поручена ведению иностранцев, чтобы на нее более можно было полагаться при событии, которое нетрудно предвидеть; кроме того, полковником этих трех полков состоит царица, и такое стечение обстоятельств делает место, занимаемое ныне фельдмаршалом Минихом, самым блестящим, какого только могло жаждать его честолюбие. Внимание, с которым принцу Бевернскому доставлялась всегда служба в этом корпусе, имело целью его повысить и сохранить там же. Это делалось лишь ввиду того, чтобы гвардейцы все более и более приучались ему повиноваться. <...> Казнь, совершенная над князьями Долгоруковыми, до такой степени всех удивила, что я счел должным убедиться в преступлениях, которые им приписывались. Все лица, совсем необозначенные в своего рода декларации царицы, изданной по этому поводу, и напечатанной в голландских газетах, — не существуют вовсе.

Они не обвиняются решительно ни в чем, кроме того, что

указано в этой же декларации; и все удивлены, что судьи могли приговаривать к смерти лиц весьма выдающихся за то, что они увлекли на охоту государя, сохранение жизни которого интересовало их более, чем кого бы то ни было, или за то, что они принимали благодеяния, которые государь этот желал им оказывать; или же за то, что они думали выдать за него замуж одну из княжон их рода; что же касается завещания, то, если только не наказывают мимолетных побуждений, ведь оно было сожжено теми самыми лицами, которые его написали, таким образом, Долгоруковы не только не пожелали воспользоваться этим документом, чтобы нарушить порядок престолонаследия, а напротив, именно они и проложили путь к престолу правящей ныне царице, хотя и предложили ей в Митаве документ, который она приняла и который замыкал ее власть в определенные границы.

4

От г. Амело маркизу де ла Шетарди

Версаль, 7 апреля 1740 г.

<...> Сверх того я могу лишь просить вас устроить так, чтобы вы оказались в состоянии дать нам точные и обстоятельные сведения о внутреннем положении России, как и о ее силах, сухопутных и морских; это предмет настолько существенный при нынешних обстоятельствах, что не сомневаюсь, вы приложите к нему все свои заботы; я убежден, что с этой целью вы постараетесь воспользоваться своими сношениями с теми из иностранных министров, которые наиболее сведущи относительно внутреннего положения России и ее средств.

С большим трудом лишь можно себе представить, чтобы средства эти по окончанию разорительной войны могли оказаться достаточными настолько, чтобы делать такие громадные подарки, какие раздает царица особам своего двора; если нет преувеличения в том списке, который вы мне при сем представили, надо думать, по крайней мере, что здесь имеют намерение ослепить таким блеском общество, стараясь внушить этим путем мысль, что богатства России неистощимы.

Обстоятельства, имеющие отношение к браку князя Голицына, дело весьма обычное в России; но в то же время оно дает

возможность судить, что нынешнее правительство считает себя достаточно упрочившимся, чтобы не прибегать ни к каким предосторожностям в том, что касается чувствительности и достоинства главных родов в государстве. Они в самом деле теперь чересчур уже порабощены, в особенности со времени последнего ужасного случая, постигшего Долгоруковых; так что им уже нельзя будет надеяться приобрести свою прежнюю славу <...>

5

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 29 марта (9 апреля) 1740 г.

<...> Волынскому, третьему кабинет-министру, грозит в скором времени опала. Это человек, которого общий говор упрекает в тысячи дурных поступков. Так как двор был уведомлен о том ранее, чем дать ему занимаемый пост, и не обратил внимания на это соображение, лишь желая воспользоваться точными сведениями этого министра о внутреннем положении страны, его враги не в состоянии оказались вредить ему, так как двор заранее получил сообщения обо всем, в чем они могли его обвинять. Он не сумел воспользоваться таким особым положением, а столкнулся лицом к лицу с своей единственной опорой и с своим благодетелем, герцогом Курляндским, которому он старался нанести ущерб. Неудовольствие Речи Посполитой тем более основательно, что граф Огинский и старший помощник коронного гетмана, который был сначала сюда прислан, достаточно ясно доказали, что русские войска не щадили даже предметов наиболее священных. Неудовольствие, говорю я, Речи Посполитой обнаружили намерения Волынского. Прочие министры высказали мнения, чтобы царица, согласившись на вознаграждение за убытки, выполнила то, что она обещала и о чем торжественно заявила. Он же, Волынский, был другого мнения и в сделанном им письменно представлении выразил, что дурно употребленные издержки, предпринятые царицей для войны с Польшей, и малые выгоды, которые она отсюда извлекла, избавляли ее в дальнейшем от доставления новых сумм; и лишь те особы, которые руководятся личными интересами, могут думать иначе. У него спросили, что

он под этим разумеет? Он не поколебался заявить, что соображения, которых придерживался герцог Курляндский для удержания за собой и большого обеспечения своего герцогства, только и могут побуждать царицу к успехам, которые он поставит в заслугу одному себе. Герцог Курляндский, забыв даже почтение, каким он обязан царице, высказался по этому поводу необычайно резко и даже заметил при этом Государыне, что самые простые вещи желают ему вменить в преступление, будто бы он подчиняет интересы России своим личным целям; поэтому необходимо ему удалиться от дел или, по крайней мере, ему не возможно служить Е.В. вместе с людьми, возводящими на него такую клевету. Легко было предвидеть следствие, которое произведут подобные речи: доступ ко двору был прегражден для Волынского, его допрашивают теперь в кабинете, и нерешенным остается лишь большее или меньшее число совершенных им преступлений, о котором будет объявлено, дабы определить на основании того его кару.

Чтобы оказаться в состоянии заместить Волынского, нынешний министр здешнего двора в Дании, Бестужев, пользующийся репутацией не лучшею, чем тот, кому, по уверению всех, он назначается преемником, был произведен в д.т.с. и отозван из Дании, а на его место назначен камергер Корф, который уедет с этой целью на будущей неделе. Последний, по происхождению курляндец, и вместе с Кейзерлингом и Браккелем является третьей особой, получающей от здешнего двора назначение в иностранное государство. Здесь были удивлены выбором такого лица тем более, что он единственный человек, к которому царица, несмотря на важные, как говорили мне, оказанные им ей услуги при восшествии на престол, обнаруживает явное нерасположение.

С тех пор, как допрашивают Волынского, узнали, что он пользовался услугами княгини Щербатовой, свояченицы того Щербатова, который заместил в Англии князя Кантемира; она находится здесь при дворе в качестве шутихи, а он представлял через нее царице, что желает утвердить за владельцами земли, подаренные на основании указов Петра Великого, что ей связывали руки совершенно против ее воли, вот доказательства, что она не замечает, как ее заставляют делать все, что сочтут нуж-

ным; с некоторого времени она уже стала издавать указы, противоречащие ее намерениям. Герцог Курляндский, на которого падает этот упрек, и с которым царица стала о том говорить с некоторым волнением, очень ловко выпутался из сетей, которые ему были расставлены: он ограничился ответом, что для него мало имеют значения эти различные заявления, так как он не принимал тут никакого участия, а что касается противоречий, встречающихся в указах царицы, в них виновны лица, заведующие канцеляриями, которые достаточно сведущи относительно того, что делалось раньше, и обязаны были предупредить в том случае, когда требовалось издать какой-либо новый указ; таким образом, действия княгини Щербатовой оказались напрасными, а для того чтобы они отнюдь не остались без наказания, ей не позволено более являться ко двору. Сначала же тщательным образом было удостоверено, что она действовала лишь по наущению Вольнского.

Следствием ущерба, нанесенного русской армией Польше, является во всяком случае следующее: если здешний двор, как сообщил о том некоторым из своих друзей генерал-адъютант, возвращающийся сюда послезавтра, не удовлетворит вполне Речи Посполитой, там произойдет сильное брожение умов, и предстоящий сейм окажется таким бурным, какого уже давно не видали; король Август, настолько же заинтересованный в том, чтобы предупредить его содействие, как и герцог Курляндский, раздражение против которого могло бы повести к неприятным мерам, не имеет иного средства для достижения такой цели, как побудить царицу выполнить свои обещания и согласиться на то, чтобы войска Речи Посполитой были сделаны регулярными и приобрели дисциплину, которая в состоянии была бы представить из них оплот, предохраняющий Польшу от подчинения русскому игу.

6

От маркиза де ла Шетарди к г. Амело

С.-Петербург, 9 апреля (20 мая) 1740 г.

...я должен был бы ... постараться дать вам некоторые сведения, хотя бы общего характера о здешней стране, но для меня

было бы и теперь еще более невозможно этого сделать, потому что здесь нельзя найти никакого содействия, которое можно встретить в других государствах: все здесь вызывает подозрения; русские вас избегают и не осмеливаются говорить с вами ни о чем, касающемся внутреннего положения страны или ее дел; последние же совершаются в таком ограниченном кругу лиц, что никак невозможно выведать того, что пожелают скрыть; и так, лишь при помощи косвенных и, по-видимому, незначительных намеков, можно добиться некоторых сведений от иностранных министров <вот почему он часто общается с саксонским посланником! Также и с прусским. — Л.Ш.>, находящихся при здешнем дворе; такой образ действий требует комбинаций, весьма искусных, тем более что иначе подвергаешься риску быть введенным в заблуждение именно теми лицами, от которых рассчитывал получить помощь.

Меня не обманули вовсе в этом отношении; то, что сказала мне царица, танцуя на балу, данном 19 февраля, впоследствии было мне подтверждено. По-видимому, даже хотя при здешнем дворе и господствует дух мелочности, в этом отношении не соблюдается никаких тонкостей; событие, особо отмечаемое амстердамской газетой, было сообщено графом Остерманом, и в газете от 29 марта говорится еще раз, что 28 я открыл бал с принцессой Елизаветой.

Отныне, по сообщению самого Остермана, строгость, соблюдаемая во времена поста, не явится более поводом для русских, как мужчин, так и женщин, жить замкнуто в своих домах; поэтому я начинаю с завтрашнего дня устраивать обеды как можно чаще при многочисленном обществе, чтобы эти лица отнюдь не тревожились с самого начала малейшими признаками особого внимания; отсюда, может быть, явится возможность завязать некоторые знакомства или получатся несомненное убеждение в том, что это дело невозможное. Такое средство, которое я предполагаю употребить, кажется мне весьма выполнимым; оно может повести меня к приобретению точных сведений и доставить возможность удовлетворить вниманию, какого удостоивает мои депеши е.в. <...>.

7

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 10 (21) мая 1740 г.

<...> Точные и обстоятельные сведения об армии здешней страны, о ее силах и средствах нет никакой возможности приобрести по внутренним причинам. Русских никто не посещает, и боязнь удерживает тех из них, кто имеет наибольшее желание высказаться. Как я полагаю при том, я заметил, пользуясь своими связями с теми из иностранных министров, которые могли бы дать наилучшие сведения об этих различных предметах, что лица эти имеют о том сведения лишь весьма общие и поверхностные и что многолетнее пребывание их здесь не дало им возможности иных справок, кроме тех, какие им пожелали дать. Таким образом, обман будет неизбежно находить поддержку. Примеры эти или препятствия меня не пугают, и, если только вы пожелаете теперь же воспользоваться общими сведениями, я окончательно отделаю подробное изложение о состоянии здешнего двора, которое я уже вкратце составил. <...> Я выжидаю более или менее близкого случая добыть от одной особы, так чтобы она того не заметила, имеющиеся ею сведения о состоянии флота, финансов и сухопутных войск царицы.

Не следует думать, чтобы малое внимание, оказываемое нынешним правительством знатнейшим фамилиям здешней страны, которое должно повлечь за собою недовольство известного рода, доставило бы более легкий способ расследовать то, что важно знать для иностранцев. Знатнейшие лица называются здесь вельможами лишь по имени, на самом же деле они рабы, и привычка их к рабству настолько сильна, что большинство их даже не чувствуют своего положения.

8

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 27 мая (7 июня) 1740 г.

Как только царица уедет в Петергоф, куда она предполагает отправиться через восемь или десять дней, будет приступлено к

совершению казни над Волынским. Уверяют, что ему будет отрублена голова на большой крепостной площади, а тело его затем будет волочиться, привязанное к позорной колеснице по различным улицам города. Дело это повлечет за собою более последствий, чем думали сначала: многие лица уже арестованы и между прочими — секретарь кабинета, к которому царица и герцог Курляндский питали одинаковое доверие. Волынский для того, чтобы явиться, вероятно, в глазах народа жертвой раздражения герцога Курляндского, оставил все свои бумаги в таком порядке, какого только можно было пожелать. Между ними был найден проект уничтожения коллегии иностранных дел и возвращения всей системы правления к старым порядкам. Тут шло дело ни более ни менее, как о перевороте, при котором, впрочем, предполагалось сохранить должное почтение к царице, однако, не оказалось налицо ни губернских властей, ни коллегии, которые могли бы выполнить план, задуманный Волынским, т.к. последний нигде не приобрел там себе преданных лиц. Наконец, он на всякий случай простирает свои виды и в высшие сферы; с этой целью он составил генеалогию, где он доказывал, что происходит по прямой линии от царя и великого князя Дмитрия, который был вынужден удалиться в Польшу. Я узнал об этих подробностях от одного лица, которому они были доверены одним из служащих при Волынском; а так как герцог Курляндский боялся, чтобы при разборе бумаг не открылось множество случаев, в которых он был замешан, и сведения о которых могли бы так или иначе выступить наружу, то число лиц, назначенных для этого особого следствия, ограничилось всего двумя людьми, а именно генералом Ушаковым и тайным советником Неплюевым, в которых герцог Курляндский достаточно уверен.

9

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 31 мая 1740 г.

<...> Сведения, представляющиеся вам по своему характеру общеизвестными, что нет никакой возможности их скрыть, хранятся в тайне.

Здесь делают тайну изо всего и смотрят как на уголовное преступление, если кто-то ответит положительным образом на заданный вопрос о том, когда царица отправится в Петергоф. Русский в этих случаях ограничится для вас ответом: «Господь это знает».

Сум <Зум. — Л.Ш.>, к которому герцог Курляндский питает доверие большее, чем ко всякому другому, так долго не знал о вступлении восьмидесятитысячной русской армии в Польшу, что саксонский двор, не считая такого действия возможным, дал ему образные с тем предписания. Периодические издания могут быть наполнены тысячами известий, которых я вам отнюдь не стану сообщать, т.к. ничего этого на самом деле не существует. В газетах заставляют печатать все что угодно; это одно из средств, которым здешний двор охотно пользуется, чтобы произвести требуемое впечатление. Такова, например, заметка, напечатанная в амстердамской газете от 24 мая: тридцать кораблей, готовых к отплытию в море, и четырнадцать, которые вскоре будут в таком же положении, — чистая выдумка; правда, ожидается здесь шесть кораблей, построенных в Архангельске. Напрасно также стали бы рассылать приказы с целью экипирования в различных портах здешней монархии необходимого числа матросов для подобного экипажа. Этот род войска здесь совершенно отсутствует со времен утраты лучших матросов, служивших на донской флотилии. Ста сорока галер, на которых восемь полков должны переправляться из Кронштадта, точно так же не существует. <...> относительно того, чего можно ожидать от существующего общего недовольства внутри государства, — поистине обо всех этих предметах я не могу, как полагаю, дать лучших сведений, нежели посредством прилагаемых к сему копий с письма от 27 мая, написанного ко мне графом Сен-Севериним и данного ему мною ответа от 30 мая. Я присовокуплю лишь относительно последнего пункта, что из всех сведений, собранных мною о деле князей Долгоруковых, ясно видно, что они не составляли никакого заговора. Известно теперь, что их гибель была, главным образом, делом рук Волынского; он считал такой образ действий безусловно необходимым для восполнения своих планов — уничтожить знатнейшие русские роды; когда наконец различные государственные чины были здесь созваны для преступления к суду над

Долгоруковыми, то именно ради этих целей, думая лишь о проведении собственных планов, хотя и под видом служения двору, он имел низость обвинить этих несчастных князей в тысяче преступлений и подписать тотчас же их смертный приговор, причем не вошел ни в какие подробности относительно возводимых на них обвинений. Его примеру последовали прочие лица, введенные в заблуждение, так как они полагали, что Волынский по своему положению должен был быть лучше осведомлен об истинных намерениях двора, а здесь требуется, чтобы покорность беспрестанно доходила до самого полного раболепства.

10

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 3/14 июня 1740 г.

Милостивый государь,

Существенные услуги, оказанные Корфом царице, состоят в том, что именно он при восшествии этой Государыни на престол отправился заранее в Москву хлопотать о сохранении ею самодержавия, и так ловко сумел привлечь на свою сторону покойного Ягужинского, что проект, при помощи которого князь Долгоруковы, как это выяснилось при дальнейших событиях, желали ввести форму правления, подобную существующей ныне в Швеции, не имел никакого успеха.

Причина же нерасположения, питаемого тем не менее царицей относительно Корфа, коренится в том, что он, быть может, чересчур понадеялся на оказанные им услуги и на свою прекрасную наружность, а поэтому счел возможным заявлять притязание на благосклонность этой Государыни в тот именно момент, когда у нее в развлечениях оказался слишком ощутительный недостаток; это произошло вследствие того, что ей приходилось раньше оказывать одинаковое внимание покойному графу Левенвольде, обер-шталмейстеру и послу здешнего двора в Варшаве со времени последних волнений в Польше, а кроме того и герцогу Курляндскому. Царица желала сохранить при себе их обоих. С последним она познакомилась тотчас же после своего вдовства; Бирон, однако, понравился ей лишь несколько лет спустя, и эта новая привязанность нисколько не заглушила прежней; она с одина-

ковою же заботливостью отдавалась как тому, так и другому чувству до самой смерти Левенвольде. Два соперника, пользуясь одинаково благосклонным обращением, никак не могли ужиться между собою, царица не раз это испытывала, но вследствие ли своей нежности или из политических видов, она всегда примиряла их, давая им чувствовать, что того требовал общий интерес всех троих, а при ином поведении они неминуемо погубят как ее, так и самих себя.

По-видимому, планы Корфа должны бы были навлечь на него гнев герцога Курляндского, когда тот очутился единым обладателем благосклонности царицы, но принц этот поступил более искусно: он знал, что у Корфа есть ум и некоторые дарования; поэтому он скрыл обиду, во всяком случае значительную при его честолюбии и любви к царице. Он не без основания решил про себя, что Корф даже не думает его смещать и возымел надежду, искусно обращаясь с ним, извлечь от него выгоды; так и случилось. Корф оказался первым, положившим в Курляндии основание избранию Бирона, и одним из лиц наиболее тому содействовавших; он льстил себя надеждой приобрести таким образом достаточно влияния, чтобы принимать участие в здешних делах и заведовать в то же время курляндскими. Но ожидания его оказались тщетны; фамилия Кейзерлингов одна воспользовалась доверием и наградами, которые необходимо должны были явиться для некоторых курляндцев следствием нового избрания. С таким же тщанием Корф был устранен и от участия в делах при здешнем дворе, а чтобы отнять у него на то последнюю надежду, в коллегии иностранных дел был назначен Бреверн. Корф жаловался, начал роптать; герцог Курляндский тогда, не желая нарушать долга признательности, ничего ему на то не сделал: он даже доставил ему звание президента в академии наук, Корф же, видя себя в такой должности, еще более отдаленным от достижения предположенной им цели, продолжал выказывать глухое недовольство; на что снова не было обращено внимания; а это с некоторой вероятностью заставляет думать, что он слишком ясно понимал, какие предметы ближе всего интересуют царицу и герцога Курляндского; тем не менее последний был занят, по-видимому, выжиданием удобного случая для удаления Корфа приличным образом. Отзыв Бестужева доставил такой случай; Корфа

отправили в Данию; было сделано даже больше: председательство в академии, которое Корф надеялся сохранить тем охотнее, что оно не требует никакой деятельности и доставляет около пятнадцати тысяч ливров ежегодно, было у него отнято под предлогом его отсутствия и передано тому же Бреверну, который заградил ему путь в коллегия иностранных дел. На основании всех этих различных подробностей можно бы сделать вывод, что система герцога Курляндского состоит в удалении лиц, домогающихся или достигших участия в благосклонности царицы. Подобный же пример является и в том, что я сообщил сейчас относительно Корфа. Под предлогом выказывания доверия покойному графу Левенвольде его также в течение нескольких лет назначали для переговоров за границей, равным образом и Браккель, пользовавшийся не меньшей благосклонностью, назначался непрерывно для ведения дел в иностранных государствах. Другое обстоятельство, которым воспользовалась царица для открытого изъявления нерасположения своего к Корфу, состоит в том, что он имеет притязания быть вольнодумцем и усвоил соответствующие тому идеи. Она же, напротив, более всякой другой женщины полна предрассудков православной религии и тем охотнее вооружается против всех лиц иного образа мыслей, что воображает весьма некстати отвести глаза от связи своей с Бироном, прикрываясь маской религиозности и благочестия. Наконец, весьма неприятно, что Корфа уже нет более здесь, я бы мог, судя по тому, что мне о нем говорили, добыть от него, пожалуй, при некотором стремлении и времени, сведения весьма полезные для службы короля.

11

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 17/28 июня 1740 г.

<...> Носятся смутные слухи о каких-то возмущениях, происходивших в Казани и Астрахани. Утверждают, что именно для усмирения их и для захвата лиц, их вызвавших, туда был отправлен генерал-майор Апраксин, под предлогом, который герцог Курляндский позаботился на самом деле выставить, что он отправляется навстречу вновь назначенным персидским послам.

Возможно, однако, что здесь есть доля истины и что Волинский, бывший губернатором этих областей и возбудивший там ненависть против себя своим лихоимством, все-таки приобрел себе также и приверженцев: таким образом, возмущение является следствием его дела. Досадно, что министр, находящийся при здешнем дворе, представив отчет о подобном событии, не в состоянии следить за ним или подробно изложить его начало и развитие. В других странах, совсем не удаляясь от особы монарха, при дворе которого состоишь, можно получать сведения обо всем происходящем в его владениях; здесь же или в ближайших местностях нельзя иметь хороших корреспондентов. Пространство земель, подчиненных владычеству царицы, чересчур огромно; двор находится на одной из окраин русских владений и тем труднее получить сведения о событиях, происходящих в других частях государства, что они соприкасаются с землями, с которыми нельзя установить переписки.

12

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 28 июня (9 июля) 1740 г.

<...> Приговор, произнесенный над Волинским и его соучастниками, был вчера прочитан всенародно на эшафоте, воздвигнутом на Петербургской стороне, позади крепости; там было сказано, что Волинский должен быть посажен живым на кол, а Еропкин, Хрущов, Соймонов, Эйхлер и Суда должны быть обезглавлены. При этом присовокупили, что вовсе не было упомянуто о президенте коммерц-коллегии Пушкине, так как казнь над ним будет совершена впоследствии; затем, однако, царица по своему милосердию отчасти изменила казни, установленные приговором: Волинскому была отрублена правая рука и голова, силой ему был вставлен в рот кусок дерева с особой повязкой, без сомнения затем, чтоб помешать ему говорить; Еропкин и Хрущов были обезглавлены, а Соймонов, Эйхлер и Суда наказаны кнутом и сосланы без срока в Сибирь; все это было выполнено между семью и восемью часами утра, с одной только переменой: Суда получил лишь половинное число ударов кнутом и собственно более ради позора, чем с целью наказания. Он по

происхождению грек и греко-католического вероисповедания, притом уверяют, лучше всех здесь владеет пером на славянских наречиях, итальянском, немецком и французском языках; как отсюда заключают, невозможно, чтобы он не возвратился из ссылки и не получил здесь опять назначение; здесь был не один пример подобного рода. Эйхлер именно секретарь кабинета, пользовавшийся, по-видимому, одинаковым доверием царицы и герцога Курляндского. Соймонов был прежде генерал-прокурором адмиралтейства. Хрущов служил в том же учреждении и считался умнейшей головой, человеком самым даровитым в здешней стране. Еропкин, Пушкин и Волынский — единственные люди знатного происхождения. Первый в особенности происходит из очень старинного рода и провел восемнадцать лет в Италии по повелению Петра Великого, предаваясь там изучению архитектуры, в которой он сделал большие успехи. Второй из них — сын побочного сына царя Алексея; полагают поэтому, что именно такое соображение и помешало применить к нему равную с прочими строгость.

Как только казнь была выполнена, два комиссара, генерал Ушаков и тайный советник Неплюев отправились в крепость, в место заключения Пушкина. Приговор, который они ему прочитали, присуждал его к четвертованию заживо; но в то же время они ему возвестили, что вследствие столь свойственного царице милосердия ему будет лишь отрезан конец языка и он будет пожизненно заключен в монастыре, находящемся в тысяче верстах отсюда; этот приговор был тотчас же приведен в исполнение. Они потребовали у него при этом золотые часы и табакерку, которые он имел при себе; этот прием здесь обыкновенно употребляется, дабы внушить виновному, что у него ничего не должно более оставаться, и что все его имущество конфисковано. Состояние Пушкина весьма значительно: оно дает до пятидесяти тысяч экю ежегодного дохода и состоит из превосходных земельных угодий; рассчитывают, что у него есть еще два миллиона наличными деньгами, независимо от большого количества утвари, которой он совсем не пользовался. Присоединив все эти предметы к тому, что было конфисковано у других осужденных, и оценив земли лишь пятипроцентным доходом, хотя на основании указов здесь устанавливаются десяти- и двенадцати-процентные,

можно смело сказать, что в общем конфискация доставит царице шесть или семь миллионов.

Есть несколько других лиц и в особенности священников, которые заключены в крепости по тому же самому делу и неминуемо испытают такую же участь; но это будет сделано без шума: не желают более вызывать особенных толков, и это вполне основательно; тогда оправдалось бы то, что предполагал народ, говоря вчера во время казни, что тут именно идет дело о возмущении против немцев.

13

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 23 августа (3 сент.) 1740 г.

<...> князь Черкасский, будучи и без того недоволен, а в особенности, может быть, восстановленный против нового сослуживца, данного ему в лице Бестужева, опять потребовал своей отставки и получил ее. Такая перемена, в случае, если она произошла, не будет сопровождаться никакими последствиями. Князь Черкасский никому не страшен и не может явиться таковым, поэтому невольно даже возникает удивление, что герцог Курляндский не обратился к средствам, которыми могли бы убедить князя остаться на занимаемом им посту. Я, в самом деле, не знаю, кем он его заменит; невозможно даже, для удовлетворения русского народа, непрестанно высказывающего нетерпеливые жалобы по поводу устранения русских от главных должностей, найти среди них подданного, который, подобно князю Черкасскому, совмещал бы в себе самое знатное происхождение, очень значительное состояние и ограниченность, равняющуюся его покорности, — качества, которыми он всегда выказывал себя весьма одаренным.

Удалось также уловить из высказанного графом Остерманом намека, что выбор Бестужева не соответствует его вкусу. В самом деле, этот человек, хотя и неспособен на что-либо значительное, судя по характеристике, уже давно представленной мне относительно него Шавиньи, однако он настолько тщеславен, что не пожелает играть такую же роль, как князь Черкасский; следовательно, он пожелает черпать из своей собственной головы мысли,

которые не всегда будут соответствовать идеям графа Остермана; если даже мысли эти окажутся мало обдуманньми, все-таки он будет встречать время от времени поддержку. Таково господствующее здесь правило, которое в течение некоторого времени приобрело известного рода сочувствие Волынскому благодаря тому, что он ставил себе в заслугу оказывать при всяком случае противодействие графу Остерману. Этого последнего министра боятся: все желали бы отделаться от него; все ясно сознают, что нельзя ни обойтись без него, ни его заменить. Поэтому полагают, что его надо как можно более принизить, а из этого правила проистекает и применяемый в настоящее время способ поддерживать и усиливать рознь среди кабинет-министров.

14

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 7/18 октября 1740 г.

Милостивый государь,

Я получил ваше письмо от 23 прошлого месяца. Мое письмо, отправленное с последней почтой, уведомило вас вполне о содержании отправленных депеш, которые здешний двор давно уже собирався послать в Константинополь.

Каковы бы ни были основания, которые вы предполагаете относительно первого впечатления, произведенного, по-видимому, как я вам сообщал, на русский народ рождением принца Иоанна, тем не менее я полагаю, вместе с вами, что если только царица твердо станет держаться решения назначить этого принца своим преемником, то венский двор найдет это достаточно для себя подходящим, чтобы отнестись равнодушно к своего рода принесению в жертву принца Брауншвейгского. По-видимому, мы приближаемся к развязке, и нынешняя депеша, вследствие положения, в котором находится царица, окажется гораздо более интересной, чем я мог это предполагать.

Подagra, которой царица была обеспокоена, после полудня третьего дня, распространилась так быстро, как того совсем не ожидали; меня даже уверяли, что подagra перешла на грудь и вызвала обмороки с симптомами, характеризующими апоплексию. Кровавая рвота, произошедшая при этом, увеличила смяте-

ние и тревогу. Опасность, дошедшая до такой степени, показала настолько значительной, что два часа спустя были призваны фельдмаршал гр. Миних, кабинет-министры, князь Черкасский, Бестужев, и Бреверн, статс-секретарь по иностранным делам. Все они составили совет с герцогом Бироном, который длился до 4 1/2 часов. Болезнь ухудшилась к вечеру настолько, что поименованные мной лица расположились провести ночь в летнем дворце также, как обер-гоф-маршал и генерал-адъютанты Бирон и Ушаков. Беспрестанные сношения с графом Остерманом, без сомнения, оказались недостаточными, и ночью его самого призвали во дворец; тогда произошел второй совет. Третий происходил вчера утром, и так как видели, что туда направляется граф Остерман, то это являлось новостью, которая не могла пройти незамеченной; поэтому придумали особый предлог совершенно вздорный, будто бы прибыл курьер из Варшавы к секретарю саксонского посольства, известивший последнего, что сеймовые депутаты не могут придти к соглашению относительно двух лиц, предлагаемых для избрания в маршалы сейма; король предложил Каховского, и все голоса соединились в его пользу. Прибавляют, что сейм энергично настаивает на усилении числа коронных войск, но не могут найти денежных средств, требуемых подобным увеличением сил; происходят при этом большие прения по этому вопросу; коронные гетманы желают, чтобы армия всегда находилась под их начальством, а воеводы утверждают, что предпочтительнее будет смотреть на войско как на милицию и чтобы набранный отряд каждого воеводства находился в зависимости от своего воеводы.

Произошел новый поворот в болезни царицы, который был замечен лишь вчера к часу пополудни и о котором мне было тотчас сообщено; это дало повод к собранию четвертого совета, на котором присутствовал и гр. Остерман; он окончился лишь с наступлением ночи. Это же самое обстоятельство ослабило всякие надежды, какие еще здесь питались. Здешняя Государыня с самого начала болезни жаловалась, что все, что бы ей ни подносили, пахло гнилью. Наконец, заподозрили, что в ее теле образовался нарыв или отложение гноя. Страдания почек, которые у нее продолжались уже несколько лет, побудили медиков обратить свое главное внимание в эту сторону. Действительно, они

открыли там значительных размеров камень, который, как они полагают, мог достаточно вредно повлиять на сосуды, чтобы опасность оказалась таким образом несравненно более сильной. Подобная же болезнь прекратила жизнь герцогини Мекленбургской, сестры царицы.

Тем не менее утверждают, что Государыне сегодня лучше и что подагра перешла к коленям и ступням при более острых страданиях, а потому доктора льстят себя надеждой, что дело не совсем потеряно и многочисленные кровопускания могут предотвратить то, чего следовало опасаться при воспалении в тех частях, в которых находился камень.

С какими бы предосторожностями ни облакали самой непроницаемой тайной предметы этих частых совещаний различного рода, я узнал в ночь с воскресенья на понедельник, что дело идет об определении преемника престола на основании выраженной в завещании воли и о побуждении к тому царицы; она же до сих пор отказывалась от составления завещания тем энергичнее, что боится смерти и что господствует в здешней стране предрассудок, основывающийся на действительно бывших примерах, будто бы монарх никогда не живет долго после распоряжения подобного рода.

Чтобы сказать, в чем будет состоять завещание, если таковое составит, нужно было бы обеспечить за собой доверие одного из лиц, входящих в состав этих советов; невозможность же достигнуть этого, или, по крайней мере, успеть в том, мне не мешает нимало изложить вам свои предположения; они могут пролить некоторый свет и навести на кое-какие соображения; это одно оправдывает уверенность, которую я вообще испытываю, что предположения мои не окажутся вовсе рискованными ввиду тех оснований, которые я могу относительно их высказать и вследствие сопоставлений, вытекающих из немногих сведений, какие я мог здесь приобрести.

Итак, я полагаю, надо следовать самому естественному ходу мыслей и руководиться привязанностями царицы столько же, как желанием герцога Курляндского исключительно выслужиться в этом случае перед принцессой Анной, которая его от всей души ненавидит, сделав так, что принц Иван будет объявлен преемником престола, а в случае его не станет в живых, то принцесса

Анна и дети ее, если она будет таковых иметь, явятся ему наследниками; такое улажение дела, хотя и самое простое, повлечет, однако, за собой рассмотрение двух важных обстоятельств: они будут вызваны малолетством принца Ивана, на основании которого надо будет определить на то время, которое оно будет продолжаться, положение, какое займет принцесса Анна.

Или она будет объявлена опекуной или регентшей. В первом случае, так как она не в состоянии будет одна вести опеку, к участию в ней должна быть призвана по своему рождению принцесса Елизавета; однако ее тщательно постараются устранить вслед за происшедшим вновь отдалением ее от престола; участие ее может встретить тем большее препятствие, что, как я нимало не сомневаюсь, герцог Курляндский, ради своих личных интересов и во избежание всякой неопределенности относительно собственной участи, имеет в виду пригласить к участию в опеке какую-либо иностранную державу; в этом случае я разумею лишь двух государей, императора и короля польского курфирста Саксонского.

Если же решатся доверить регентство принцессе Анне, то избегнут, правда, неудобства от необходимого привлечения к опеке принцессы Елизаветы, но, быть может, герцог Курляндский не встретит при этом таких верных выгод, которыми ему следует заручиться и которые он нашел бы при вмешательстве какой-либо иностранной державы.

Последнее обстоятельство может дать повод и к третьему решению, при котором герцог Курляндский встретит тем большие выгоды, что окажет более существенную услугу принцессе Анне и защитится, таким образом, от неприятностей, которых он мог бы опасаться вследствие ее ненависти к нему, а именно: он может, опираясь на неудобство, неизбежно связанное с малолетством государя, объявить принцессу Анну преемницей престола, а по ее кончине принца Ивана или за смертью последнего других детей, которых она будет иметь.

На каком бы решении ни остановились, во всяком случае будет недостаточно, если царица устно выскажет свою волю или если она ограничится подписанием при жизни воли, выраженной в завещании. В том и другом случае ее последняя воля подвергается опасности не быть вовсе исполненной и надо будет тогда

готовиться к перевороту, причем, как мы это видели, относительно самой царицы, обстоятельства, вызванные случаем или влиянием каких-нибудь частных лиц, намерения которых неизвестны, побудят возложить венец на голову того или той, кто считает себя более всех далеким от такого события.

Во всяком случае я полагаю, что подобный исход не повлечет возведения на престол молодого герцога Голштинского; здесь не остается ни малейшего следа партии, имевшейся при этом дворе у его отца, так как последний ухитрился совершенно ее рассеять вследствие стараний гр. Бассевича; молодой герцог Голштинский не может иметь никаких надежд до тех пор, пока народ будет предпочитать принцессу Елизавету, и, вследствие такого выбора, она снова возвратит престолонаследование прямой линии детей Петра I.

Кроме того, бесспорно, что у принцессы Елизаветы могущественная партия, что ее вообще очень любит народ и что она одержит верх и над принцессой Анной, и над всяким иным претендентом, если только здешний народ окажется свободен относительно выбора себе государя и не будет стесняем обязательствами, которым он будет заранее подчинен.

Однако, воля царицы обеспечена уже присягой, данной народом при восшествии ее на престол, относительно признания ее преемником всякого, кого она пожелает назначить; поэтому если она решится на выражение такой воли в своем завещании и проживет достаточно долго, чтобы сообщить затем последнее сенату, заставить его утвердить завещание и потребовать потом присяги, на основании которой под давлением властей народ признает вновь назначенного им государя, то нет сомнения, что дело и будет согласно с тем выполнено; равным образом, несомненно, что царица, оправившись от нынешней своей болезни, может дополнить свои распоряжения и придать им всю должную силу; тогда обстоятельство опасной болезни, в какой она теперь находится, на основании последующих событий справедливо будет рассматриваемо, как могущее оказаться самым благоприятным и наиболее способным положить конец неизвестности, определить положение каждого заинтересованного лица и сохранить спокойствие в здешнем государстве.

Я принял предосторожность начать это письмо в ту самую

минуту, как я был уведомлен об истинном состоянии здоровья царицы, для того, чтобы иметь возможность извещать вас последовательно о том, что будет происходить; поэтому я теперь в состоянии представить вам отчет о мерах, которые должны были явиться результатом происходивших совещаний; они стали известными сегодня утром и подтверждают отчасти вышеизложенные соображения.

С самого рассвета войска получили приказ не выходить вовсе из своих казарм; затем их собрали и к семи часам они явились во дворец: гвардия внутрь дворца, а армейские полки вне его. Тогда был прочитан указ, изданный по этому поводу и заключающий вкратце следующее (я приложу, если будет возможно, печатный экземпляр или копию с этого документа): царица напоминает присягу, данную всеми ее подданными при восшествии ее на престол относительно признания преемником того, кого она назначит; затем говорится, что памятование о смертном часе дало е.в. повод не откладывать долее изъявление своей воли; таким образом, она назначает преемником принца Иоанна, а в случае его кончины, братьев его по порядку старшинства; в случае же весь этот род прекратится, должно следовать распоряжениям, сделанным в 1722 году, на основании которых последняя царствующая особа имеет право избирать себе преемника; войска затем были приведены поодиночке к присяге. Герцог Курляндский присутствовал при этом, стоя в течение получаса около знамен гвардии преображенского полка; потом под угрозой оружия знатнейшие вельможи в здешнем государстве были приведены к той же присяге в церкви летнего дворца, между тем как низшие чиновники коллегий сделали то же самое в крепостном соборе, а придворные лакеи в церкви зимнего дворца в присутствии гофмаршала Шепелева; немедленно затем были разосланы курьеры во все провинции для соблюдения той же формальности.

Принцесса Елизавета, принцесса Анна, принц Брауншвейгский произнесли присягу наравне с прочими лицами; последний отправился потом к герцогу Курляндскому, который не удостоил выйти из своих апартаментов, чтобы принять его. Принц Брауншвейгский, как мне за верное передавали, начал тем не менее пользоваться отличиями, какие обеспечиваются за ним со стороны всех русских, благодаря положению, признанному за его

сыном; и чего, до сих пор не бывало, все целовали ему руку, даже генерал Бирон.

Основания, помешавшие упомянуть, не прибегая к шифру, о болезни царицы, нетрудно угадать. Здесь замечают, что заботливость, с которой упомянуты одни лишь братья принца Иоанна, есть следствие соглашения, установленного между министерством и народом с целью предупреждения возможности нового правления женщин. Мне также толковали, что если здесь не упомянули кроме того о способе, каким образом будет происходить правление во время несовершеннолетия преемника, то не потому, чтобы о том не подумали. Отсюда я заключаю, что и в самом деле нельзя ведь предположить, на столько мало сообразительности в лицах, составлявших совет, чтобы в том усомниться; отсюда я заключаю, говорю я, что предусмотрено все, но что здесь ограничились лишь тем, что было объявлено сегодня утром, так как остальное должно выясниться по мере того, как опасность станет более настоятельной; если же она, напротив, исчезнет, то настроение умов уже будет подготовлено к тому, что сочтут нужным изложить впоследствии более подробно.

Рассматривая, наконец, дело со стороны политической, я вижу, что здешний народ близится к моменту освобождения от ига иностранного министерства, чтобы подчиниться господству иностранной династии. Я предполагаю, что регентство будет продолжаться необычайно долго и прекратится лишь с его, принца, смертью затем, чтобы дать место столь же продолжительному малолетству или другим комбинациям, подверженным одинаковым неудобствам. Такое совпадение обстоятельств вместе с царствованиями, следовавшими за правлением Петра I, должно расшатать основы государственного строя; если быстрые успехи здешней державы и имели право обращать на себя внимание всей Европы, то, может быть, на основании справедливого возмездия, эта держава движется теперь по пути к своему ослаблению по своей собственной вине относительно своего внутреннего положения, так что она возвратится к своему первобытному виду и не будет более страшна соседям.

Я не ручаюсь, что нынешнее письмо мое не будет задержано вследствие обычая, употребляемого здесь приостанавливать отправление почты в случаях, подобных тем, какой имеет теперь

место. И герцог Курляндский может еще способствовать этому, если справедливо, что он не чужд опасений за свои интересы и интересы короля Августа, раз только весть о положении царицы дойдет до Варшавы в тот момент, когда там соберется сейм. Я посылал сегодня трижды к графу Остерману, чтоб увидеться с ним и договориться, как по этому поводу, так и относительно отправления курьера, если смерть царицы сделает такую меру необходимою. Но Остерман находится с сегодняшнего утра во дворце. Лишь одна необходимость говорить с ним могла побудить меня выйти из дому; я не оставлял своего жилища с самого воскресенья и буду поступать так же во все время, которое продолжится кризис, переживаемый нами. Чем более другие министры стараются все беспрестанно разведывать, тем менее счел я подобающим проявлять хотя малейшую суетливость. Однако я был уведомлен обо всем с такой же точностью, и вы можете быть уверены, что здесь не произошло ничего, что бы можно было прослышать или разузнать и чего не было бы затем точным образом сообщено в этом письме.

15

От маркиза де ла Шетарди графу Сен-Северину

С.-Петербург, 7/18 октября 1740 г.

Не желая заставлять вас, м.г., ожидать чего-либо от совета столь просвещенного, как кабинет царицы, я с удовольствием готов был постараться, насколько позволят мои собственные сведения, изложить вам причины поведения, какого желают, по-видимому, придерживаться относительно принца Ивана; я уже написал по этому поводу две страницы, когда в прошлую пятницу я жаловался на краткий промежуток времени от среды до отъезда почты.

Основой подобного образа действий я считаю тщеславие и боязливость, которой подвержена царица; при этом я взываю к вашей опытности и готов вам доказать, что никогда нельзя было поколебать в здешней Государыне этих двух ее свойств. Я готов объяснить вам более подробно, что какое бы влияние ни оказывал на нее герцог Курляндский, она всегда будет отказываться от

бракосочетания старшего сына этого принца с принцессой Анной, как того требовали частные интересы герцога Курляндского; что вместо его сына будет выдвинут принц, которого с уверенностью можно будет держать в каком угодно положении; установившиеся уже связи с венским двором и спокойный характер герцога Брауншвейгского обеспечили оказанное ему предпочтение; вы поймете, что лютеранская религия, которую он исповедует, хотя устраняет его от престола, но не является препятствием неодолимым и тщеславию царицы всегда льстила мысль о возрождении прекратившейся династии Романовых в лице принца Ивана.

16

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 11/22 октября 1740 г.

Милостивый государь,

Полученные в среду утром известия о здоровье царицы оправдали надежды, питавшиеся накануне. Я поспешил выразить свою радость по этому поводу графу Остерману, но мог это сделать лишь вечером, так как все утро он провел во дворце. Он энергически стал уверять меня, что не было ни малейшей опасности, что не должно давать никакой веры распространяемым слухам и что причиной болезни был лишь испуг царицы, когда она узнала, что принцесса Анна, чуть-чуть лишь прихворнувшая, приобщилась тем не менее святых тайн без ведома докторов. Я отвечал Остерману, что ему не трудно будет убедить меня в этом случае, тем более, что я искренно желаю поверить его словам; однако нельзя вменять обществу в преступление испытанную им тревогу; возможно ли было и не испытать ее в столь сильной степени, как это проявилось, когда все видели, что принцесса Анна и герцог Курляндский, более других заинтересованные во всех отношениях в сохранении жизни царицы вследствие благосклонности и доверия, которые она всегда им оказывала, настолько встревожены тем положением, в каком они нашли Государыню, что пришлось делать им кровопускание как той, так и другому в самом покое царицы.

Я сообщил также графу Остерману обо всем участии, принятом мною в удовольствии, испытанном всеми, и в спокойствии, соответствовавшем мудрости мер, принятых недавно царицей. Министр этот сказал мне в ответ на такое заявление, что его Государыня была намерена объявить свою волю в самый день крещения принца Ивана; если же она и уступила соображениям, побуждавшим отсрочить такое решение, то ее болезнь не имела никакого значения при обстоятельствах, повлиявших на обнаружение ее воли. Я нисколько не стал спорить по этому поводу, хотя и мало видел в том правдоподобия. Граф Остерман, без сомнения, желая меня еще более в том уверить, присовокупил, что в течение трех дней, когда он имел счастье достаточно часто беседовать с царицей, он никогда не видел ее более веселой, ни рассуждающей с большею отчетливостью, ясностью и пронизательностью. Он уверил меня в то же время, что она будет весьма тронута участием, выказываемым мною относительно состояния ее здоровья. Я отвечал ему, дабы не оставлять по этому поводу ни малейших сомнений, что мои желания относительно ее выздоровления как нельзя более искренни; однако я ничего не сделал из того, что желал бы совершить; если бы я мог следовать побуждениям своей почтительнейшей преданности царице, я бы не один раз в день посылал во дворец кого-либо из своих дворян, чтобы осведомиться о ее здоровье, и сам бы являлся туда с чрезвычайною готовностью; но ему лучше всякого другого известно, что подобная заботливость со стороны чужеземного министра показалась бы непременно следствием любопытства; а потому именно я и воздержался от таких действий, оставаясь в своем жилище. Я сказал ему затем, что, как мне было сообщено, почта, отправившаяся накануне, могла быть задержана; в этом нет ничего необыкновенного, так как все дворы употребляют подобную предосторожность, чтобы их министры были уведомлены о событии ранее всех; в таком случае он, граф Остерман, понимает все-таки, что мой долг — отдать как можно скорее отчет королю о столь интересном событии, как распоряжение в пользу принца Ивана; поэтому я прошу, нельзя ли мне с ним договориться относительно отправления курьера. Граф Остерман выказал крайнее смущение по поводу такого предложения. «Я вижу откуда это исходит, — сказал он. — Вы еще до сих пор

мало нас знает. Мы настолько далеки от мысли нарушать правильность почтового движения, что почта уехала сегодня, как обыкновенно; что же касается наших министров, то хотя им и предписано извещать дворы, при которых они находятся, о том, что здесь постановляется, мы вовсе не посылаем к ним нарочных, а довольствуемся отправлением с почтой краткого циркуляра». «Это не мешает вовсе, — возразил я Остерману, — чтобы вы поступали так же, как все дворы, и хотя я в самом деле не имею чести вас знать настолько, как я надеюсь узнать со временем, я никогда не удивлюсь, если вы прибегнете к подобному приему, который, как предположим, мог бы иметь место». Тем не менее я воспользовался, однако, обычным течением дел и послал еще вчера свой пакет на почту.

Вы в состоянии будете судить, м.г., по поводу этой комедии, которая продолжалось дольше, чем нужно и чем это подобало, как относительно отправления почты, так и болезни царицы, насколько она будет заслуживать или требовать, чтобы вы заметили, на много ли дней запоздает мое письмо от прошлого вторника, дабы я мог затем с достаточной точностью объяснить о том с графом Остерманом. Может быть, хорошо будет положить предел всяким неуместным изворотам. Здесь воображают, что можно обходиться с иностранными министрами так же, как со своими подданными, уверять их в чем бы то ни было и ожидать от них такого же слепого доверия, которое требуется, чтобы здешний народ имел или показывал вид, что имеет. Поверите ли вы когда-нибудь, что в данную минуту, дабы окончательно выставить тупоумие русских, здесь производятся тщательные тайные розыски с целью открыть лиц, осмелившихся сказать, что царица опасно больна.

Я прилагаю к сему два печатных немецких перевода с указа царицы и присяги, которая была принесена. Первый из этих документов отличается до некоторой степени, как мне говорили, от русского оригинала, в особенности относительно названия «православный», присвоенного принцу Ивану и принцессе Анне, но не принцу Брауншвейгскому, что является значительной помехой в глазах народа. Это еще новая хитрость, которая всегда здесь применяется, пущенная в ход в том убеждении, что переводы эти распространяются за границей; изменения, которые при этом делаются, могут ввести иностранца в некоторое заблуждение.

Третьего дня, как обыкновенно, был прием во дворце и даже весьма многочисленный; при этом играли в карты, однако принцессы не появились. Завтра я наверстаю свое отсутствие во дворце и положу конец своему уединению, отправившись после полудня в летний дворец. Это долг, который я исполню тем с большим удовольствием, что если продлятся известия, подобные нынешним, все предвещает близкое выздоровление царицы. Всю славу в этом случае приписывают доктору Санхецу, португальскому медику, практикующему здесь уже несколько лет, но всего лишь за несколько месяцев приближенному ко двору; граф Остерман был снова призван сегодня утром в летний дворец, но это еще вовсе не служит поводом к ослаблению питаемых надежд. Более естественно предположить, что там хотят воспользоваться его сведениями и советами относительно различных планов, которые могут требовать поддержки, хотя и нет никакой необходимости их обнародовать, или вероятия, что они будут скоро распространены во всеобщее сведение.

P.S. Уже около одиннадцати часов вечера, и лишь сию минуту я узнаю, что граф Остерман снова отправился недавно во дворец и фельдмаршал граф Миних также был туда потребован: положение царицы переменилось к худшему. Меня, кроме того, уверяют, что теперь идет речь о принятии герцогом Брауншвейгским православной религии для того, чтобы можно было предоставить ему участие в регентстве. Однако встретятся затруднения, чтобы склонить его к тому, если только барон Мардефельд имел достаточно основательные сведения, когда говорил мне несколько дней тому назад о препятствиях, которые, как он, по его словам, предвидит, должны встретиться в этом отношении.

17

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 14/25 октября 1740 г.

Милостивый государь,

Три последних ночи были проведены лучше. Царица довольно хорошо почивала, и, хотя спокойствие ее несколько уменьшилось

затем вследствие перемены, неизбежной у женщины известного возраста, которая присоединилась к прочим ее недугам и теперь вполне выяснилась, португальский доктор, по-видимому, нисколько не утрачивает благоприятных надежд, им питаемых.

Обер-гофмаршал, вскоре после того как я прибыл третьего дня во дворец, высказал мне благодарность от имени царицы за внимание, оказываемое мною к состоянию ее здоровья, и сказал мне, что царица поблагодарит меня за то лично, как только снова будет иметь выход при дворе; затем он мне предложил, не пожелаю ли я за отсутствием принцесс составить партию карточной игры с герцогом Брауншвейгским, который весьма охотно мне это предложит. Я согласился. Такие заботы, равно как и тайное повеление дамам являться ко двору аккуратнее, чем когда-либо, являются следствием попечений, прилагаемых с целью скрыть опасность, в которой находилась или не замедлит еще очутиться царица.

Рискуя невольно впасть в противоречия, я считаю своим долгом известить вас в такое время, когда все хранится в тайне, о том, что я постепенно разузнаю, и сообщу вам также свои наблюдения, возникающие благодаря преимуществу видеть все обстоятельства на более близком расстоянии; таковы, например, следующие сведения о регентстве: оно будет состоять, как мне сообщили, из принцессы Анны, которая будет иметь два голоса, из принца Брауншвейгского, фельдмаршалов Миниха и Трубецкого; кабинет министров — графа Остермана, князя Черкасского и Бестужева, из адмирала Головина, графа Головкина, князя Куракина, Нарышкина и генерала Ушакова. Я не могу на самом деле примириться с таким устройством регентства, которое, как я знаю, подвержено всяким неудобствам, сопряженным с властью, разделяемой между весьма значительным количеством лиц, нисколько не сдерживаемых одною главой. Я вижу, что принц Брауншвейгский или будет вынужден беспрекословно следовать желаниям принцессы Анны, или утратит дружеское расположение, которое она к нему чувствует; я вижу, что принцесса эта занята выставлением своих материнских прав на принца Ивана с целью присвоить себе преобладающую власть; но она будет вероятно оспариваема; я вижу, что из связей, существующих в настоящее время между князем Куракиным, графом Головиным и Бестужевым, возникает союз, а ему будет противопоставлен

подобный же союз между князем Черкасским, князем Трубецким, графом Головкиным и Нарышкиным. Известная глухая вражда между фельдмаршалом Минихом, графом Остерманом открывает перед ними свободное поприще для непрерывных столкновений. Лишь старый генерал Ушаков, в своей партии, нимало не будет пренебрегать извлечением выгод из влияния, которое он имеет, как предполагают, на народную массу.

Кроме того этот совет будет состоять из лиц, не имеющих никаких оснований на уничтожение прав, которыми обладает по своему рождению принцесса Елизавета; это может дать повод к брожению, которое было бы опасным, если бы эта принцесса имела руководителя и сумела действовать кстати и упорно настаивать на требованиях для себя участия в правлении; этот совет, с другой стороны, ведь не может быть представителем государя в тех случаях, когда требуются действия где-либо вне государства; кто же будет его тогда представлять, так как принц Иван по своему возрасту не в состоянии даже внешним образом выполнять действий, требуемых ожидающим его престолом?

Еще более странно, что здесь добровольно рискуют подвергнуться периоду междуцарствия, которое может явиться тем естественнее, что у принца Ивана нет пока ни одного брата, и он может так и скончаться без братьев.

Необычайнее же всего, что царица увлекается мыслью возродить прекратившийся род Романовых в лице принца Ивана, следовательно, не в состоянии признать за ним прав на престол иначе, как передав их ему от принцессы Анны, его матери, которая приходится с материнской стороны внучкой царя Ивана; при этом впадают в неудобства, диаметрально противоречащие задуманной цели: в самом деле, в манифесте царицы сказано, что дети, могущие произойти от брака принцессы Анны с принцем Брауншвейгским, будут обладать правом наследовать престол за смертью принца Ивана; но совершенно не предусмотрен могущий произойти случай смерти принца Брауншвейгского прежде, нежели он будет иметь других наследников; тогда принцесса Анна не может перенести таких же прав на детей от второго брака; таким образом, вовсе не ее потомство предназначается к престолу, а потомство ее мужа.

Я имел возможность убедиться в том, что возник и существует еще и теперь замысел побудить принца Брауншвейгского к

принятию православной религии; я не могу, однако, постигнуть причины тому, раз он предназначается лишь к участию в совете регентства. Примеры графа Миниха и графа Остермана, находящихся там и исповедующих, подобно ему, лютеранскую религию, доказывают, что такой повод не может повлечь за собою перемены религии, о которой идет речь.

Я прилагаю к сему письмо, переданное мне шведским посланником к графу Тессину, в котором указывается распределение войск, как меня уверяют, вполне достоверное, по их зимним квартирам; там поименованы также и генералы соответственно заведваемым ими частям управления, так как здесь в обычае пользоваться службой генералов и в мирное, и в военное время. Граф Остерман принял третьего дня вечером курьера из Киева. Он прислал мне вчера утром пакет от Вильнева, порученный этому нарочному для передачи мне; в нем находился также пакет для графа Остермана, который я ему передал. Мы никак не могли сообщить друг другу того, что пишет нам посол короля, равно и того, что посылают с той же оказией сообщая Каньони и Вешняков. Вильнев переслал мне копию конвенции, заключенной при его посредстве 16/27 августа, в которой определяется имеющий произойти на Буге обмен ратификаций между послами России и Порты. Вильнев присовокупляет, что 30 августа, число, помеченное на его письме, он надеется также покончить и со статьей о русских пленниках и рабах, несмотря на затруднения, встречаемые по этому поводу и тем более значительные, что султан не в состоянии располагать этими пленниками иначе, как выкупив их на собственный счет из рук частных лиц, их приобретших.

18

От маркиза де ла Шетарди г. Амело

С.-Петербург, 18/29 октября 1740 г.

Милостивый государь,

Какой бы таинственностью ни облакалось новое решение, которое здесь принято, слишком много лиц, по счастью, необходимо должны были принять участие в хранении этой тайны, так что она не могла оставаться долго скрытой; поэтому я довольно

скоро был уведомлен о том, что происходило в четверг; решение это является следствием крайне печального положения, в каком оказалась царица, начиная со среды. Событие оправдало то, чего опасались; это и вызвало отправление курьера, которого я решился послать к вам вместе с отчетом, представляемым е.в. в прилагаемой к сему депеше.

Я узнал также в четверг, что герцог Курляндский призывал лишь ради формальности во время болезни царицы, как графа Остермана, так и прочих министров и вельмож, которые были собираемы; лишь фельдмаршал граф Миних и барон Менгден исключительно пользуются его доверием, так что он советовался лишь с ними, без сомнения, проникнутый тем убеждением, что они, будучи такими же, как он, иностранцами, имеют общий интерес, как следует руководить его и верно ему служить. Первый из них, мало способный помочь своими советами решению щекотливого дела, взамен того, поддерживает свое влияние самоуверенностью, которая его никогда не покидает. Второй также окажется полезным и приятным, оценив себя по достоинству, не высказывая никаких мнений, а подчиняясь лишь слепо предложениям фельдмаршала. И тот, и другой все-таки, если бы даже более здравые и благоразумные цели служили основанием для их советов, заставили герцога Курляндского принять решение весьма смелое и опасное.

В среду он пал на колени перед царицей; не скрывая от нее опасности, в какой она находится, он напомнил ей, как он всецело жертвовал собой ради нее, дал ей понять, что он и все его семейство погибнет, если она их не поддержит; будучи мало обнадежен в своей дальнейшей участи, он не может быть в ней уверен, если только она, царица, не будет продолжать оказывать ему доверия, которым она всегда его отличала; такое доверие может подтвердиться лишь при назначении его регентом, правителем империи на время несовершеннолетия принца Ивана. Основания, на которых царица желала сначала отказать ему в том, были опровергнуты и устранены благодаря нежности, которую герцог сумел в ней пробудить. Она согласилась на его просьбу, а вследствие этого было дано повеление написать указ, в котором говорилось, что в случае, если Провидению угодно будет прекратить дни Е.В., то владение империей, согласно воле царицы,

предназначается ведению регента, герцога Курляндского; этот документ был подписан в четверг утром синодом, кабинетом министров, сенатом, генералитетом и президентами коллегий.

После полудня генерал-прокурор отправился в кабинет, куда были призваны из военных все офицеры и, кроме того, все низшие члены коллегий; вслед за манифестом, который им был прочитан, о намерениях царицы и о принятом ею решении относительно владений империи, все подписали это распоряжение, которое генерал-прокурор им представил, согласно тому слепому подчинению, какое встречается здесь перед волею монарха.

Меня уверяли, что в то же время был образован совет регентства, состоящий из одних русских; царица, однако, не желая ограничивать милостей, даруемых ею герцогу Курляндскому, предоставила ему права и свободу созывать этот совет, когда ему будет угодно.

Третьего дня я явился на минуту во дворец, чтобы справиться о здоровье царицы; на лице каждого можно было прочесть скорбь и уныние. Господствует всеобщее недовольство, хотя и тщательно скрываемое; на основании того, что теперь могут возникнуть всякого рода беспорядки и смуты, никто не может предугадать, каковы будут их последствия, судя по народу, привыкшему к рабству, а также к низкому и гнусному преклонению перед тем, кто над ним более всего надругается.

Русские, однако, сумели заметить, что герцог Курляндский опозорил их монархиню в глазах всей Европы и покрыл ее вечным стыдом, который она уносит с собою в могилу; они нимало не остаются равнодушными к несправедливостям, совершенным относительно принцессы Елизаветы; они сами по себе сознают, что если регентство должно быть поручено иностранцу, то преимущество в этом случае принадлежит герцогу Брауншвейгскому; наконец они высказывают следующее соображение: если малолетство принца Ивана должно ввергнуть их в такой ряд злополучий, то будет и проще, и естественнее обратиться к молодому герцогу Голштинскому.

Униженное положение, в котором очутится герцог Брауншвейгский, равно невыносимо для имперского резидента и для посланника прусского; и тот, и другой сообщили мне вчера о своем огорчении, а дружеское отношение, с которым я счел

должным принять в том участие, сделали больше, нежели забота, с какою я старался возбудить недовольство, которое они желают вызвать при своих дворах.

Можно высказать заранее, без боязни брать на себя излишнюю смелость, что страх и честолюбие составляют два главных двигателя, управляющих образом действий герцога Курляндского.

В первом отношении, будучи испуган той участью, которая могла бы его здесь постигнуть, как только царицы более не станет; боясь, кроме того, очутиться и в Митаве среди дворянства надменного и предприимчивого, которое его ненавидит; равным образом, опасаясь возвратиться и в свое Вартенбергское графство в Силезии, или же в свой бальяж Биген, у Франкфурта на Одере, так как там он может подвергнуться действию гнева со стороны императора или короля прусского,— герцог Курляндский счел должным избежать всех этих неудобств одним решительным ударом, подобно человеку, который тонет и, теряя голову, часто пренебрегает помощью, которая его спасла бы, а бросается к тому, что составляет его гибель.

Во втором отношении усвоенная им привычка господствовать заставляла его смотреть на все весьма легко и не позволяла ему отказаться от власти, которою он безгранично пользовался в течение десяти лет; ему показалось, что достаточно продолжать вызывать эту власть для того, чтобы ее за собой сохранить.

Может быть также, потому что всякое предположение допустимо при таком необыкновенном случае, он был поражен и увлечен успехом Тамаса-Кули-хана; и герцог Курляндский надеется достигнуть той же цели, избрав себе последнего за образец; он введен в заблуждение сходным в подробностях положением принца Ивана и молодого Софи, которого Тамас-Кули-хан первоначально возвел на престол; вдобавок у Бирона для достижения той же цели нет надобности устраивать переворот и низвергать с престола своего монарха.

Напрасно ожидал я благоразумия от лиц, призванных к руководству, что они установят положение обеих принцесс и принца Брауншвейгского; что определят также положение, какое будет занимать здешний двор, и предотвратят междуцарствие, которое так легко предвидеть. Так как их распоряжения не касаются ни одного из этих предметов, то оказываются, пожалуй, таким обра-

зом, лишь более коварными и оправдывают еще в большей степени подозрения, к которым дают повод планы герцога Курляндского.

Давая, однако, более свободный ход своему честолюбию, он стремится, по-видимому, тем скорее к своей гибели. Все, основанное на принуждении, не может существовать долго; а насилие явно выступает в том, что теперь совершается, с какой бы точки зрения на это ни смотреть.

С целью ли обратить внимание или по другим причинам, но уже несколько лиц напоминают о склонности, выказывавшейся герцогом Курляндским к принцессе Елизавете и сдерживавшейся лишь ревностью царицы. Отсюда заключают, что он постарается воспользоваться таким средством, чтобы скорее вступить на престол, возведя на него эту принцессу и женившись на ней по смерти своей жены, которая, по причине весьма обыкновенных последствий частных родов, подвержена болезни, не щадящей своих жертв.

Еще, кроме того, странность всех мер, к которым готовится, как говорят, здешний народ, дабы проложить более верный путь к престолу герцогу Курляндскому, доказывается тем, что русские, всегда мечтающие о постоянном житье в Москве и смотрящие на Петербург, как на чуждый им город, нимало не обманываются относительно необходимости, в которой они очутились и теперь еще находятся, основаться в здешнем городе ради частных интересов герцога Курляндского. Они знают также по своему собственному опыту, что вместо одного властителя будут иметь их пять; в лице герцога, герцогини и трех детей; они знают на основании того, что им пришлось вынести, о надменности Биронов и чего должно им поэтому ожидать; они нисколько не обманываются относительно гнета, не допускающего образования даже самого невинного общества. Они понимают, что принуждение будет господствовать по-прежнему, так как оно было вызвано политикой герцога Курляндского, двумя основными правилами которой неизменно было препятствовать русским иметь какое бы то ни было общение между собой и до такой степени окружать царицу всегда своими, чтобы она ни на минуту не оставалась или без него, или без герцогини Курляндской, в то время как ради большей предосторожности малолетний курляндский принц Карл, получивший должное наставление, постоянно спал в том же покое, где и царица.

Однако, если такое стечение обстоятельств и обрисовывает, насколько здешний двор руководится в настоящее время просто безумием, которое утвердило здесь, по-видимому, свое полное господство, и никто тем нимало не огорчается, то оно зашло теперь настолько далеко, что может вскоре ввергнуть всю здешнюю страну в ее первобытное, невежественное состояние.

Данный момент может явиться благоприятным для шведов; они уверены в недовольстве венского и берлинского дворов. Последний договор их с Портой обнадеживает их относительно расположения к ним турок, а способ, каким герцог Курляндский будет стараться, главным образом, утвердить свою власть, дает основания думать, что он вряд ли окажется в состоянии пользоваться значительным досугом для действий вне государства. При таких начинаниях было бы еще более кстати, если бы какая-нибудь партия, как бы она слаба ни была, призвала на помощь к себе шведов и, таким образом, последние снискали бы признательность за дело, которое они пожелают увенчать успехом, избавить от риска события, весьма ненадежные.

Вовсе не представилось бы невозможным, что, ставя себе в заслугу оставаться в покое во время кризиса, переживаемого Россией, шведы ничего от этого и не потеряют благодаря намерению, имеющемуся у герцога Курляндского, главным образом в виду, привлечь на свою сторону шведов и поляков, может быть, он хочет таким образом обеспечить за собой помощь своих соседей для достижения целей, к которым манит его честолюбие, или же он думает прочнее утвердить свое положение как герцога Курляндского в продолжение своего регентства <...>

Если происшедшая перемена не произведет никакого изменения в моем положении, хотя, мне кажется, это довольно трудно предположить, должен ли я оказывать принцессе Анне то же обхождение, которое было вызвано вследствие расположения к ней покойной царицы (да)¹, или же смотреть на нее, как на принцессу Брауншвейгскую?

Положение ее, как матери правящего ныне Царя, может ли

---

¹ Ответы, помещенные в скобках, принадлежат французскому министерству иностранных дел.

допустить по отношению к ней те же отличия, которые оказывались ей послом короля по прибытии? В случае, если будут сделаны какие-либо постановления, как в этом отношении, так и в отношении присвоения ей титула ее высочества, должен ли я или нет подчиняться тому, что будет постановлено? (Да.)

Такое распоряжение может относиться равным образом и к принцу Брауншвейгскому, которого, может быть, надо будет иметь в виду для влияния на короля и королеву прусских; поэтому необходимо, чтобы вы написали мне, что я должен делать? (По-прежнему.)

Не менее необходимо мне знать, каким образом должен я поступать относительно герцога и герцогини Курляндских, которые будут упоены успехом своего предприятия. (По-прежнему.) При их ревнивом отношении к прерогативам своего звания легко можно задеть их чувствительность при всяком поводе, когда они вообразят, что оскорбляется пост, занимаемый ими здесь. Возможно даже, что звание регента покажется герцогу Курляндскому требующим присвоения титула королевского высочества. (Нет.)

Последствия упоения властью, которому, как я нимало не удивлюсь, он предастся, могут вызвать с его стороны желание снискать, главным образом, расположение дочери Петра I. Каким образом должен я буду отнестись к подобного рода намерению? (Принцесса Елизавета имеет звание более высокое, чем герцог Курляндский.)

Если представятся случаи, которые потребуют аудиенции с моей стороны, то один лишь регент в состоянии будет мне дать таковую. Каким образом тогда поступать? (Формальная аудиенция может быть дана лишь государем.) Подобное действие не будет ли рассматриваемо им, как ставящее его выше намерение, которое я имею, а именно продолжать, как я до сих пор и делал, обходиться с ним на равной ноге?

То, что вы соблаговолите постановить для меня в этом отношении, касается также, если я смею вас просить, и способа обхождения, какого должен я придерживаться относительно принцев и принцессы Курляндских? (По-прежнему.)

Предположив, напротив, что события, только что происшедшие, и нынешнее положение вещей не допустят моего дальней-

шего пребывания здесь, как должен я оставить двор, следует ли мне соблюдать или нет тех же правил церемониала, как по прибытии? <...> Принц Брауншвейгский и принцесса Анна провели ночь около постели царя.

С восьми часов сегодняшнего утра гвардия вся собралась и отправилась в летний дворец. Им приказано было сложить особо ружья, в то время как в большой зале совещались об окончательном установлении регентства. Затем в присутствии двух кабинет-министров и генерал-прокурора, так как состояние здоровья графа Остермана не позволяло ему подвергать себя резкому влиянию воздуха, было прочтено объявление штаб- и обер-офицерам каждого батальона гвардии, собравшимся для этой цели в круг.

Во вступлении объявления извещается о кончине царицы и о разрешении подданных от присяги, данной великому князю за двенадцать дней перед тем. Далее говорится, что принц этот возьмет в свои руки бразды правления Российской империи лишь в 17-летнем возрасте. Затем сказано, что во внимание к привязанности, всегда питавшейся герцогом Курляндским в царице, и услуг, оказанных им к вящей славе и пользе России, он объявляется регентом этой империи, облачается всею верховной властью, как относительно внутренних дел, так и внешних, причем имеет право располагать всей государственной казной. Кроме того указывается на то, что в случае, если герцог Курляндский найдет нужным удалиться в свои владения, то весь генералитет, и именно фельдмаршал Миних должен оказывать ему всякого рода содействие, в котором он будет иметь надобность. Подданные в заключение увещеваются соблюдать нерушимо волю покойной царицы.

После чтения этого документа фельдмаршал Миних, обращаясь к гвардейцам, громко сказал им: «Братцы, вы хорошо слышали, что было сейчас возвещено?» Молчание было выражением их согласия. Тогда была принесена царю новая присяга, и на основании одной статьи, прибавленной к ней, как меня уверяли, подданные дают обязательство повиноваться регенту.

Гвардия, вследствие времени, необходимо требуемого для того, чтобы каждый принес присягу, вернулась на свои квартиры лишь к трем часам вечера. Спокойствие нисколько не было нарушено при столь значительной перемене, и все до сих пор находится

в обычном порядке. Царь будет завтра переведен из летнего дворца в зимний. Принц Брауншвейгский, принцесса Анна так же, как герцог и герцогиня Курляндские, будут его туда сопровождать и поселятся там по-прежнему.

Комментарии

После смерти Петра II (18 янв. 1730 г.) члены Верховного тайного совета — верховники — сделали попытку ограничить самодержавие в интересах аристократии. На престол была приглашена верховниками Анна Иоанновна, подписавшая условия («Кондиции»), ограничившие ее власть. Особенного внимания заслуживает план или проект князя Дмитрия Михайловича Голицына, участвовавшего в разработке кондиций, но он не сохранился вполне и известен только по депешам представителей иностранных государств. По этому проекту императрице предоставлялась полная власть только над своим двором, на расходы которого она получала бы ежегодно суммы из государственной казны, да над отрядом гвардии, назначенным для сохранения ее дворца. Вся политическая власть по внутренним и иностранным делам должна была принадлежать Верховному тайному совету, составленному из десяти или двенадцати человек, принадлежащих по рождению к знатым фамилиям. Этот Верховный тайный совет ведал бы вопросами о войне и мире, назначал начальствующих над всеми войсками, определял по своему усмотрению государственного казначея, который обязан был отдавать отчет одному Верховному тайному совету по всем финансовым делам. Кроме Верховного тайного совета предполагалось учредить: 1) Сенат из 35-ти членов, обязанностью которого будет рассмотрение предварительных дел перед их подачей в Верховный тайный совет; 2) шляхетскую палату из двухсот выборных для охранения прав шляхетского сословия; 3) палату городских представителей для заведования торговыми делами, для соблюдения интересов простого народа и для его защиты от всяких несправедливостей. Вообще прилагалось старание расширить права знатного шляхетства старинных родов, которым нарочно полагали давать преимущество в получении должностей и рангов по службе перед прочим шляхетством. Шляхетство по-прежнему не

оставалось сословием, герметически замкнутым, и гражданские чиновники могли приобретать шляхетское достоинство, но не иначе, как дослужившись до значительных чинов, а затем приказные люди — только за какие-нибудь особенно важные заслуги, показывавшие верность всему шляхетскому обществу, могли быть причислены к шляхетству; люди же боярские и крестьяне не допускались ни к каким делам, пролагавшим путь к возвышению. План был чисто в боярском духе и не мог нравиться всему шляхетству, в среде которого числились и «худородные». Все должны были увидеть в этом проекте намерение сузить благородное сословие только древними родами, а прочих унижить. В самом деле была только призрачная свобода, на вид представляемая этим проектом шляхетству. Недаром, князь Дмитрий Михайлович прожил много лет в Киеве, близко к Польше и к польскому обществу. В его проекте ощутительно влияние той современной Речи Посполитой, где величались свободой и шляхетским равенством и где, однако, в сущности равенства не было: управляли знатные роды, а громады шляхетства состояли из их покорных слуг и исполнителей их затей. Между тем, этот проект, составленный князем Д.М.Голицыным и разделяемый многими его единомышленниками, был последним выражением попытки примирить стремление Верховного тайного совета со стремлением шляхетства, иначе говоря, дворянства. Однако политика Верховного тайного совета не нашла поддержки широких слоев дворянства. Опираясь на дворянство и гвардейских офицеров, Анна Иоанновна отказалась от выполнения «кондиции», разорвав их 25 февраля 1730 г. Верховный тайный совет был упразднен манифестом 4 марта 1730 г. Главной опорой Анны Иоанновны были прибалтийские дворяне-немцы, занявшие во главе с фаворитом Э.И.Бироном господствующее положение в России.

Долгоруков Василий Владимирович (1667–1746) — член Верховного тайного совета. При воцарении Анны Иоанновны не поддержал других «верховников» в требовании об ограничении самодержавия. В 1731 г. арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость, в 1737 г. сослан в Иван-город, а в 1739 г. заточен в Соловецкий монастырь. В 1741 г. восстановлен во всех чинах и званиях и назначен президентом военной академии.

Долгоруков Василий Лукич (1670—1739), дипломат, член Верховного тайного совета с 1727 г. Был активным участником так называемого заговора «верховников» и в 1730 г. сослан в Соловецкий монастырь. В 1739 г. казнен в результате политического процесса по делу Долгоруковых.

Корб, барон Иоганн-Альбрехт, камергер, президент императорской Академии наук, назначен посланником в Данию.

Черкасский, кн. Алексей Михайлович, кабинет-министр, состоял в партии Трубецкого, Головкина и Нарышкина.

Мардефельд барон Аксельфон, прусский посланник при русском дворе. Шетарди сблизился с бароном Мардефельдом в июне 1740 г. Со слов Шетарди, прусский король обязал Мардефельда и других министров «присылать отныне свои донесения по-французски и быть внимательным к тому, чтобы все факты, какого бы характера они ни были, которые он будет прилагать, должны быть переведены на тот же язык». Шетарди предложил свои услуги Мардефельду, плохо владевшему французским языком, дав обещание, что при этом «не нарушит поручаемых ему тайн», но на деле использовал донесения прусского посланника в своих целях, поскольку «шестнадцатилетнее пребывание Мардефельда при здешнем дворе должно дать ему возможность обладать сведениями более всякого другого министра».

Зум фон, саксонский тайный советник, отправленный к русскому двору. Шетарди сблизился с ним в апреле 1740 г.¹ В донесении от 1 июля 1740 г. Шетарди сообщает, что саксонский посланник Зум «заклучил с царствующим ныне прусским королем обязательства, которые дают ему возможность перейти в прусскую службу» и использовать его в качестве «статс-секретаря по иностранным делам», поэтому Шетарди важно, что «Зум будет пользоваться преимуществом стоять один во главе этого департамента»².

---

¹ См. Сб. Имп. русск. ист. об-ва. Т. 86. С. 313.

² Там же. С. 506.

Брюль, Генрих, граф, сансонский посланник при русском дворе.

Шетарди маркиз де ла. После длившихся уже несколько лет недоразумений между Россией и Францией из-за польских дел снова явилась потребность в сближении между этими державами. Россия вела в то время изнурительную войну с турками. Ввиду восстановления согласия между Францией и Россией решено было отправить послов к обоим дворам. Русский двор назначил вскоре во Францию Антиоха Кантемира, а французское правительство отправило в Россию 34-летнего маркиза де ла Шетарди, успешно исполнившего перед тем свою дипломатическую миссию в Берлине по поводу оказания содействия королю Станиславу Лещинскому. В сочинении Вандаля дана верная характеристика этого дипломата: «Шетарди представляет нам в преувеличенном виде главные черты француза восемнадцатого века. То офицер, то дипломат, а прежде всего, придворный,— он обращает на себя внимание везде, где ни появлялся. Страшно любящий общество, где благодаря своему изяществу и галантности он имел большой успех и насчитывал столько же друзей, как и врагов, привлекая одних любезностью и личным обаянием и восстанавливая против себя других своим подвижным и вспыльчивым нравом»¹.

В инструкциях, данных Шетарди его правительством, предписывалось лишь собирание сведений о положении России и политических партий при дворе, о состоянии умов, о положении русских фамилий, при этом главное внимание он должен обращать на лиц, державших сторону великой княжны Елизаветы Петровны, причем имелся в виду следующий план: возвести на престол дочь Петра Великого при содействии Франции и заменить таким образом австрийское влияние на русский двор французским. Однако в первый год своего пребывания в России Шетарди успел очень мало в исполнении данных ему поручений. Русские оказались чрезвычайно скрытными², поскольку многие были хорошо осведомлены о работе тайной канцелярии, особенно

---

¹ Louis XI et Elisabeth de Russie. С. 115.

² Сб. Имп. русск. ист. об-ва. Т. 86. С. 204, 219.

действенной в царствование Анны Иоанновны. Попавший в тайную канцелярию, редко выходил из нее, а обвиненный почти никогда не возвращался домой: при страшных пытках всегда находились виновные, потому что «один вид орудий, терзающих человеческое тело, способен был побудить большинство людей принять на себя какие угодно преступления и оговорить хоть родного отца. Зачастую случалось, что суд тайной канцелярии признавал злоумышленниками против высочайшей особы таких лиц, которые годились только для больницы умалишенных»¹.

Л.Г.Шакирова

---

¹ См. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 3-я. СПб., 1913. С. 420. См. также примечания П.Пекарского на с. 290 о наушничестве и доносах, бывших в большом ходу в Петербурге 30–40-х гг. и особенно любимых и поощряемых немцами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
БРАН — Библиотека Российской академии наук.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ПФА РАН — Петербургский филиал архива Российской академии наук.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
РГБ — Российская государственная библиотека.
РНБ — Российская национальная библиотека.
РО — Рукописный отдел.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- С. 59 А.Д.Кантемир (портрет).
- С. 61 А.Д.Кантемир. Лексикон славено-французский... Титульный лист (автограф, 1726).
- С. 69 А.Д.Кантемир. Первая страница рукописи писем из Франции (автограф, 1743).
- С. 107 Б.Х.Миних (портрет).
- С. 154 Так называемые «Московитские письма». Фронтиспис (издание, 1738 г.).
- С. 155 Так называемые «Московитские письма». Титульный лист (издание, 1738 г.).
- С. 157 Анна Иоанновна (портрет).
- С. 158 А.И.Остерман (портрет).
- С. 293 В.К.Тредиаковский (портрет).
- С. 299 Академия наук в Санкт-Петербурге. (С гравюры середины XVIII в.)
- С. 305 Маркиза де Помпадур (портрет).
- С. 307 Панорама Парижа. Вид на Сену с Нового моста. (С франц. гравюры середины XVIII в.)
- С. 326 Вольтер (портрет).
- С. 337 Ж.-Ж.Руссо (портрет).
- С. 343 М.В.Ломоносов (портрет).
- С. 344 М.В.Ломоносов. Письмо И.И.Шувалову. 2 сентября 1757 г. (автограф).
- С. 345 И.И.Шувалов (портрет).
- С. 349 Иоанн VI (портрет).
- С. 355 Анна Леопольдовна (портрет).

- С. 363 Елизавета Петровна (портрет в коронационном костюме).
- С. 365 Елизавета Петровна. Письмо французскому королю Людовику XV. 28 ноября 1741 г. (оригинал, подпись-автограф).
- С. 373 Петр I (портрет).
- С. 375 Екатерина I (портрет).
- С. 387 Фридрих II Великий, король Пруссии (портрет).
- С. 411 Петр III (портрет).
- С. 421 А.П.Сумароков (портрет).
- С. 443 М.И.Воронцов (портрет).
- С. 449 Испанский концерт. (С картины худ. К.Ванлоо, 1754 г.)
- С. 481 В.Григорович-Барский. Путешествие к святым местам... Титульный лист (изд. 1793 г.).
- С. 567 Римские древности. Мост Фабрицио. (С офорта худ. Джованни Батиста Фабрицио, середина XVIII в.)
- С. 599 Венеция. Карнавал. (С картины худ. Пьетро Лонги, сер. XVIII в.)
- С. 625 Э.И.Бирон (портрет).
- С. 663 «Московские ведомости». Титульный лист от 26 апреля 1756 г.
- С. 667 Зимний дворец. (С гравюры 1-й половины XVIII в.)
- С. 673 Зима. (С картины худ. Н.Ланкре, 1738 г.)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Август (Цезарь Август), римский император 333, 522
- Август II Сильный (Фридрих Август I), польский король, курфюрст Саксонский 282
- Август III (Фридрих Август II, Augustus III), польский король, курфюрст Саксонский 147, 174, 175, 233, 234, 283, 718
- Августин, св. 150
- Авейро Жозе Маскаренас-и-Ланкастер, герцог де, заговорщик 635, 706—709, 729
- Аддисон Джозеф, английский писатель и просветитель 23, 64
- Адоам, брат Наарвала, миф. 322, 331
- Адриан (Adriani), русский патриарх 274, 291
- Азеведо-Коутинхо Марко Антонио (Azevedo), португальский посланник в Лондоне 68, 82, 102, 115, 136
- Албернарл (Albernarle), леди 81, 114
- Александр (Македонский), царь 319, 410
- Александр (Невский), князь 403, 409, 442
- Александр I, российский император 444
- Александров В.Н., исследователь 156
- Алексей Михайлович (Alexio Michælowitz, Alexius Michælowitz), русский царь 183, 194, 201, 202, 203, 213, 242, 253, 260, 262, 274
- Алексей Петрович, русский царевич, сын Петра I 603, 620
- Алиса, французская принцесса, дочь Людовика XV 146
- Алкид — см. Геракл
- Альгаротти Франческо, итальянский писатель 63, 148
- Альмодовар Педро, маркиз де 447, 465, 473
- Амвросий (Юшкевич), архиепископ Новгородский 46, 48—51, 623, 624, 627, 632, 634, 637, 648, 650, 661
- Амикони Джакомо (Amiconi), итальянский художник 63, 74, 99
- Анна (Anna Princeß), греческая принцесса 200, 259
- Анакреонт (Анакреон), древнегреческий поэт 64, 142
- Анна Генриетта, французская принцесса, дочь Людовика XV 146
- Анна Иоанновна (Anna Kayserin), российская императрица 16, 25, 45, 47, 49, 62, 125, 135, 140, 151, 153, 169, 194, 203, 229, 254, 262, 297, 351, 360, 415, 624, 659, 713, 718
- Анна Леопольдовна, мать Иоанна VI 357, 360
- Анк Марций, римский царь 616
- Антиох Эпифан IV, сирийский царь 611
- Антоний Мария Галл (Antonius Maria Gallus), св., пресвитер, кардинал и епископ Авксинский 527
- Антоний Падуанский, св. 64
- Антоний Печерский, св. 60, 620
- Антон-Ульрих, принц 361
- Аполлон (Аполлин), бог, миф. 23, 24, 26, 314, 315
- Апостол Петр, литератор 60
- Апраксин, граф 436, 705
- Арий, alexандрийский пресвитер 610
- Ариосто Людовико, итальянский поэт 142
- Аристотель (Стагирит), древнегреческий философ 320
- Арсений (Мацеевич), митрополит Ростовский 635, 661
- Арсений (Могилянский), митрополит Киевский 661

- Артаксеркс (Ассиур), персидский царь, библ. 642
- Атилла 159
- Атлант (Атлас), титан, миф. 369, 378
- Афанасий, св., александрийский епископ 577, 616
- Афанасий Шептицкий, епископ 486
- Афина (Паллада, Минерва), богиня, миф. 323, 331, 377
- Афанасьев Эдуард Львович, исследователь 641, 661
- Ахилл (Ахиллес), герой «Илиады», миф. 327
- Байер Г.З., профессор 15, 16, 59, 60
- Бакон Ф.— см. Бэкон Ф.
- Балиор Иоганна Христиановна, супруга А.П.Сумарокова 438
- Балмерино Артур Элфинстоун, барон, участник мятежа якобитов 682, 718
- Барклай (Джон Барклэ), поэт и писатель 302
- Барсов Антон Александрович, профессор Московского университета, редактор «Московских ведомостей» 663
- Беккани, профессор Болонского университета 54, 694
- Беккариа Чезаре, маркиз ди, итальянский просветитель 23
- Беллона, богиня, миф. 350, 356, 361
- Бенедикт XIII (Бенедикт XIII), папа римский 580, 581, 604, 617
- Бенедикт Нурсийский, основатель монашеского ордена бенедиктинцев 608
- Бервик Якобо Фитц-Джеймс, герцог де 468
- Берге (Bergue), судовладелец 88, 111, 122
- Берд Джон, английский актер 149
- Беринг Витус Ионассен (Иван Иванович), мореплаватель, капитан-командор русского флота 377
- Берни Франческо, итальянский поэт 142
- Бернини Лоренцо, архитектор 614
- Бертолли, итальянская певица 63
- Бертольди (Bertoldi), итальянский дипломат 84, 88, 118, 122
- Бирон Эрнст Иоганн, герцог Курляндский 136, 376, 624
- Бисси Анри Тиар де, кардинал 672
- Бисси, французский комедиант 55
- Блок Александр Александрович, русский поэт 13
- Блудиаина Наталья Даниловна, исследователь 7, 57, 66, 152, 160, 291, 479, 620
- Бова Королевич, герой рыцарской сказки 332
- Боккаччо Джованни, итальянский писатель 142
- Болингброк Генри Сент-Джон, виконт, гос. деятель и публицист 64
- Бон Б., архитектор 620
- Бон Дж., архитектор 620
- Бонневаль (Bonpeval), французский посланник в Турции 86, 120, 181, 240
- Бонекки Джузеппе, директор итальянской оперной труппы, либреттист 727
- Бонифаций VIII (Bonifatii VIII), папа римский 527, 611
- Боскауэн Эдуард, английский адмирал 690, 721
- Бракель фон (Brakel), барон, прусский посланник в Англии 97, 132, 151
- Браманте (Паскуччо д'Антонио), итальянский архитектор 615
- Бредфорд (Bredford), герцог 98
- Бреме И.Ф., редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» 662
- Бриньоли (Brignoli), генуэзский дипломат в Париже 76, 77, 81, 84, 86, 88, 93, 109, 11, 114, 177, 119, 121, 127, 142
- Брунеллески Ф., архитектор 618
- Буало-Депрео Никола (Боало-Депрео), французский поэт, теоретик классицизма 23, 25, 37, 60, 302,

- 315, 317, 318, 319, 325, 326, 327, 332, 334, 441
- Буассье (Boissieux), дипломат 88, 121
- Бурбон де, герцог 321
- Бурсье, член Сорбонны 296
- Бухсбаум (Buchsbaum), немецкий ботаник 246
- Бушардон Эдм, французский скульптор 722
- Бэкон Фрэнсис (Бакон Ф.), английский философ 23
- Вазнер (Wasner) фон, барон 21, 66, 73, 78, 87, 105, 11, 120, 138
- Вах, бог, миф. 598
- Вал-и-Девреус Рикардо, министр Иностранных дел Испании, гос. секретарь 464, 468
- Валоа — см. Генрих III
- Ванлоо К., голландский художник 149
- Ванлоо (Vanloo), певица, супруга художника К.Ванлоо 92, 149
- Варлаам (Ванатович), архиепископ Киевский 480
- Варлаам (Линицкий), епископ Астраханский 482
- Варлаам (Ясинский), митрополит Киевский 602, 620, 638
- Вартенслебен, граф фон 54
- Василий Великий, св., отец церкви 577, 616
- Васлий, священник 500
- Вебер (Webber), господин 88, 122
- Вебер, историк 12
- Венера, богиня, миф. 349
- Вентурччи Петр, итальянский горожанин 512
- Вергилий (Публий Вергилий Марон), поэт 316, 324, 327, 331, 335
- Весци Томас, должжитель 711
- Вешняков, студент 60
- Виктория, французская принцесса, дочь Людовика XV 146
- Вилкович Христофор, сербский житель 41, 499
- Вильгельм III, английский король 467
- Вильнев (Villeneuve), дипломат 97, 132
- Вильяра (Виллероа) Франсуа де Нёвиаль, герцог 716
- Винченцо А. ди, архитектор 615
- Виньола, архитектор 615
- Випер Георг, торговец 710
- Владимир I (Wlodimir I), русский князь 200, 251, 288
- Владимирова Елена Георгиевна, переводчик 282
- Владислав II Ягайло (Владислав Ягелл), польский король 489, 608
- Вобан Себастьян ле Претр, французский маршал, военный инженер 471
- Вогренан (Vaugrenan), граф 97, 132
- Вожла К.Ф. де П. (Вожлас), литератор и ученый 319
- Волков Федор Григорьевич, театральный деятель 422
- Воллестоунз, писатель 64
- Вольнский Артемий, гос. деятель 16, 61, 731—746
- Вольтер Франсуа Мари Аруэ, французский писатель и философ 21, 23, 64, 65, 313, 315, 316, 325, 332, 430, 436, 441, 726
- Вольф Христиан, немецкий философ 65
- Воронцов Александр Романович, гос. деятель и дипломат 39, 44, 441, 442, 444, 445, 463, 465, 468—470, 473, 639
- Воронцов Михаил Илларионович, канцлер 441, 445, 446,
- Воронцова Марфа Ивановна, мать А.Р.Воронцова 470, 473
- Вуатюр В., поэт 313, 316
- Вукол, сербский капитан 604
- Вундер Георг, долгожитель 712
- Вурмбранд, графиня фон 54
- Гамильтон, французский писатель 65
- Гастальди Джаиам Батиста (Gastaldi), посол Генуэзской республики в Лондоне 19—21, 63, 66, 73, 75, 79, 83, 85, 87, 93, 96, 100, 106,

- 108, 110, 112, 118, 120, 127, 130, 133, 135, 138, 142—144, 147, 149, 152
- Гауско, аббат 21, 64
- Гедеон (Криновский), архиепископ Псковский 51, 52, 641, 656
- Гелиос, бог, миф. 676
- Гендель Георг Фридрих, композитор 63
- Генрих III (Валоа, Генрик III), французский король 325
- Генрих IV, германский император 325, 332, 714
- Генрих IV (Генрик IV), французский король 672
- Генрих VIII, английский король 715
- Георг II, английский король 16, 119, 125, 140, 146, 719, 721, 725
- Георгий, св. 488, 594
- Геракл (Алкид, Геркулес), герой, миф. 350, 359, 367, 377
- Герэ, французский писатель 24
- Глинка Сергей Николаевич, писатель, издатель 424
- Голицын, князь 409
- Головин Федор Алексеевич, граф, дипломат и гос. деятель 100, 710
- Головина Прасковья Александровна (урожд. Сумарокова), графиня 438
- Головкин Гавриил Иванович, граф, президент Коллегии иностранных дел 102, 103, 294
- Головкин Александр Гаврилович (Golofkin), граф, дипломат 67, 70, 90, 136
- Гомер (Омир), древнегреческий поэт 316, 323, 324, 327, 330, 334
- Гонзало (Gonzala), португальский гос. деятель 68, 102
- Гораций (Квинт Гораций Флакк, Nогасес), поэт 21, 26, 28, 64, 94, 96, 99, 128, 131, 134, 147, 317, 335
- Горн, военачальник 399, 408
- Готторф (Gottorff), ученый 265
- Готшед Иоганн Кристоф, немецкий писатель 383
- Градив — см. Марс
- Грай Ион — см. Снелл Ханна
- Гребенюк В.П., исследователь 622
- Григорий VII (Гильдебранд), папа римский 672, 714
- Григорович-Барский (-Плаки-Албов) Василий, русский паломник и писатель 40—44, 476—479, 485
- Гримальди, маркиз де, испанский гос. деятель 464
- Гросс Генрих, секретарь А.Кантемира 17, 62, 157, 158
- Гросс Христоф Фридрих, профессор 16, 17, 59, 60, 158, 159
- Гроули (Grawley), английский господин 99, 134
- Гуммерт, капитан 384
- Гюйманн-и-ла-Серда Мария Изидра Квинтина, маркиза Монте Аллегро 724
- Давид, иудейский царь, библ. 612
- Давис Мария — см. Дэвис Кристиан
- Дагессо Анри-Франсуа, французский канцлер, министр юстиции 715
- Д'Азеведо Иосиф Поликарпович, заговорщик 707
- Дакуна (Dacuna), португальский посланник в Голландии 68, 102, 709
- Дамьен Роберт Франсуа (Дамиэн), гос. преступник 702, 728
- Дарий III, персидский царь 410
- Д'Аррьяга Хулиан, испанский секретарь 455, 469, 470
- Дасье Андре (Дациер), переводчик и филолог 302, 329, 334, 335
- Дасье Анна, переводчица и филолог 334, 335
- Дафан, заговорщик против Монсея, библ. 658
- Дациер — см. Дасье Андре
- Дашкова Екатерина Романовна, директор Академии наук 414, 724
- Декарт Рене, французский философ и математик 65
- Демидов Никита (Mikita-Dimitow), владелец уральских железно-горнорудных заводов 191, 250, 287

- Демосфен (Димосфен), оратор и политический деятель 329, 335
 Депрео — см. Буало-Депрео
 Дефо Даниэль, английский писатель 714
 Деянира, жена Геракла, миф. 359
 Джамболоньи, скульптор 618
 Джеймс (James), слуга 18, 118
 Джонсон (Johnson), управляющий имением лорда Феррера 91, 125
 Диана, богиня, миф. 349, 576
 Димитрий (Сеченов), митрополит Новгородский 201, 260, 648
 Дидона, карфагенская царица, возлюбленная Энея, миф. 322
 Димосфен — см. Демосфен
 Дингли (Dingly), английский торговец 94, 129
 Дмитрий Иванович, русский царевич 286
 Домбез Луи-Огюст де Бурбон, принц 713
 Дон Кихот Ламанчский (Don Quichot), герой одноименного романа 79, 80, 83, 87, 113, 120, 121, 143
 Достоевский Федор Михайлович, русский писатель 9, 13
 Дуни Антонио (Doni Antoine), итальянский композитор 65, 95, 130, 150, 151
 Дураццо (Durazzo), граф 76, 109, 454
 Дэвис Кристиан (Давис Мария), женщина-солдат 53, 713, 722
 Д'Эгийон, герцогиня 64
 Дюбарри, графиня 138
 Довержье де Оранн Ж.— см. Сен-Сиран
 Дюк Бургонский, герцог, внук Людовика XIV — см. Филипп V, испанский король
 Дюкло, французский писатель 65
 Дюмолин Пьер, французский механик 704, 707
 Евгений IV, папа римский 584, 617
 Евфимия, св. 585, 605
 Екатерина I (Catharina), российская императрица 35, 194, 203, 253, 262, 374, 378
 Екатерина II (Екатерина Алексеевна), российская императрица 29, 342, 416—418, 430, 435, 442, 468, 473, 661, 724, 726
 Елизавета Петровна, российская императрица 16, 29, 31—36, 45—49, 51, 62, 140, 51, 346, 366, 370, 374, 376—379, 385, 394, 413, 441, 446, 468, 623, 624, 632, 634, 639, 645, 652, 660, 661, 725, 726, 728
 Елизавета Фарнезе (Изабелла), испанская королева 463, 467
 Еней — см. Эней
 Есфирь, царица, супруга персидского царя Ассуйра, библ. 642
 Жандрон Клод (Gendron), глазной врач 67, 101, 136
 Жанна д'Арк, французская героиня 728
 Жирар, иезуит 714
 Жирардон (Girardon), французский чиновник 21, 66, 71, 104, 137
 Жозе-Эммануил I, португальский король 664, 722, 727
 Жуан V, португальский король 722, 77
 Жюбе, аббат 60
 Жюлье (Juliens), судовладелец 87, 111, 121
 Златоуст — см. Иоанн Златоуст
 Зум фон, саксонский тайный советник 731, 747—761, 812
 Иван III (Васильевич) (Иоанн Васильевич I, Johannes Basilide I), великий князь московский 183, 241, 285
 Иван IV (Васильевич, Грозный) (Иоанн Васильевич II, Johanne Basilide II), русский царь 183, 211, 242, 271, 285

- Иван V (Алексеевич), русский царь, брат Петра I 135
- Иван VI (Антонович) (Иоанн III), российский император 29—30, 32, 36, 342, 348, 357, 358, 360
- Иван Федоров, первопечатник 289
- Идоменей, герой «Илиады», миф. 322
- Иеремия (Jeremia), патриарх Константинопольский 213, 290
- Иероним Уштрицкий, епископ Спаского монастыря 490
- Ильин И.А., русский философ 10, 56
- Ильинский И., русский переводчик 58
- Иннокентий X, папа римский 150
- Иоанн Богослов (Евангелист), св., апостол, библ. 574
- Иоанн Златоуст, св., отец церкви, писатель 626, 658
- Иоанн Милостивый, св., патриарх Александрийский 596
- Иоанн III (Собеский) — см. Ян III (Собеский)
- Иоанн VIII Палеолог, византийский император 584, 618
- Иоанн Сочавский, св. 488
- Иоасаф Кроковский, митрополит Киевский 489
- Иов (Hiob, Jiov), русский патриарх 213, 290
- Иов, митрополит Новгородский 603
- Иоганн Непомук Карл, князь Лихтенштейнский 78, 79, 80, 85, 87, 106, 111, 112, 114, 119, 120, 138, 642
- Иоиль, пророк, библ. 642
- Иосиф, патриарх Константинопольский 584
- Иосиф Волчанский, архиепископ Московский 480
- Исидор, митрополит Киевский 584
- Иуда Маккавей, иудейский царь 540, 611
- Иустин — см. Линицкий И.
- Кадьер Катрин 714
- Калист, архиепископ Тверской и Кашинский 603
- Калужная Людмила Викторовна, исследователь, переводчик 135
- Камберленд Уильям Август (Кумберлендский герцог), английский генерал 719
- Камбио А. ди, архитектор 618
- Кампанини Барберите, итальянская певица 65
- Кантемир Антиох Дмитриевич, писатель 15—21, 23, 25, 58—69, 135—138, 141—144, 147, 149, 150, 152, 153, 156, 158—160, 294
- Кантемир Дмитрий, молдавский господарь 15, 65
- Карамзин Николай Михайлович, писатель 340—627
- Карель де Сент-Гард, писатель 332
- Карестини (Carestini), итальянский певец 126
- Каркин Мария Клара 54
- Каролина, эрцгерцогиня, супруга английского короля Георга II 136
- Карл II (Габсбург), испанский король 126, 465
- Карл II (Стюарт) (Charles II), английский король 92
- Карл III, испанский король 445, 447, 463, 474
- Карл IV, испанский король 465
- Карл V (Габсбург) (Carl V), император Священной Римской империи 241, 285
- Карл VI (Габсбург), император Священной Римской империи 143, 146, 506, 608
- Карл X, французский король 720
- Карл XII, шведский король 32, 343, 356, 359, 381, 405, 408
- Карл Фридрих, герцог Голштинский 418
- Карпов, майор 409
- Кассано, священник, племянник Кассано Б. 124
- Кассано Бартоломей, священник 124
- Кверча Якопо дела, архитектор 618
- Квинт-Курций — см. Курций

- Кеннеди (Кенеди), поручик, разведчик 702
- Килмарнок Уильям Бойд, граф, участник мятежа якобитов 682, 718
- Кион А., архитектор 609
- Киреевский Иван Васильевич, русский философ 11
- Кирилл (Флоринский), архимандрит Троице-Сергиевого монастыря 46—48, 623, 628, 645, 660
- Кларк, писатель 64
- Климент VII (Clemens VII), папа римский 527, 611
- Климент VIII (Clemens VIII), папа римский 527, 611
- Княгиня Екатерина Александровна (урожд. Сумарокова) 438
- Конгран де (Songran), князь 92, 126
- Кондиони, греческий учитель 58
- Константин I (Великий) Флавий Валерий, римский император 613
- Константин VII (Константин Багрянородный, Constantini Porphyrogenetae), византийский император 210, 270, 288
- Константин Острожский (Constantinus Hertzog), князь, воевода Киевский 201, 260
- Корнель Пьер (Корнелий), драматург 23, 315, 441
- Корнель Тома (Корнелий), французский драматург 315
- Конигли (Conigli), леди 113
- Коперник, ученый 25
- Крашенинникова Ольга Александровна, исследователь 303, 341, 347, 419
- Крафтон (Crafton), герцог 75, 79, 108, 113, 117
- Крафтсман (Craftsman), дипломат 79, 84, 112, 113, 117
- Кребийон, французский писатель 65
- Кроуфорд (Crawford), лорд 20, 74, 77, 108, 107, 110
- Крылов Иван Андреевич, поэт-баснописец 423
- Кули-Хан (Couli-Chan), персидский шах 235
- Куракин Александр Борисович, князь, дипломат 296, 304, 305
- Курций Марк, римский герой 367, 377
- Курций Руф, Квинт (Квинт-Курций), римский историк и ритор 319
- Ла Бланк, писатель 64
- Ла Мотт У. де, поэт 334
- Лавлей Анна (Luwley Anne), леди, супруга Лоренса Стерна 92, 126, 149
- Лаомедонт, царь Трои, миф. 325, 332
- Ласси П.П., главнокомандующий Донской армией 139, 378
- Лафонтен, писатель 316
- Лашинский, монах 501
- Лев Данилович, великий князь 483
- Левенвольде фон (Левенвельде, Löwenwolde), граф, гофмаршал 95, 130, 150, 624, 704
- Левенгаупт, генерал 384
- Лейбниц Готфрид Вильгельм, немецкий философ и ученый 23
- Леопольд II, император Священной империи 466
- Лесаж Ален Рене, французский писатель 23
- Лжедмитрий I (Pseudo Demetrii), самозванец, выдававший себя за русского царевича Дмитрия Ивановича 242, 285
- Линидский Иустин, киевский студент 40, 482, 483, 525, 530, 533, 535, 539, 543, 556
- Лириа Якобо Франциско Фитц-Джеймс Стюарт, герцог де, испанский посол в России 454, 468
- Локк Джон, английский философ 23
- Ломбардо П., архитектор 609
- Ломоносов Михаил Васильевич, русский ученый, писатель 15, 29—37, 50, 58, 303, 342, 343, 347, 348, 358, 359, 376, 380, 383, 385,

- 394, 395, 406, 407, 409, 413, 417, 422, 423, 626, 639, 660, 662
- Лоренцо (Лаврентий), св. 575, 615
- Лосс Йоганн Адольф фон (Loss), барон, прусский посланник в Лондоне 82, 115, 144
- Лосс фон (Loss), баронесса, супруга барона фон Лосса 115
- Луиза, французская принцесса, дочь Людовика XV 146
- Луиза Мария, французская принцесса, дочь Людовика XV 146
- Лука Евангелист, св., библ. 618
- Лучера (Lucera), итальянский актер 88, 118, 122
- Людовик (Луи), французский дофин, отец Людовика XVI 146, 149
- Людовик (Луис) де Бурбон, архиепископ Толедский 474
- Людовик XIV (Великий), французский король 20, 64, 138, 140, 282, 366, 465, 468, 664, 712, 715, 728
- Людовик XV, французский король 20, 64, 138, 140, 282, 366, 465, 468, 664, 712, 715, 728
- Людовик XVI, французский король 720
- Людовик XVIII, французский король 720
- Лучезина (Lucchesina), итальянская певица 77, 80, 110, 114
- Мадерна К., архитектор 615
- Мазарини Джулио (Mazarin), кардинал 181, 239, 284
- Мазепа, гетман 384
- Майков Василий Иванович, поэт 151, 295, 424, 420
- Майков Л.Н., исследователь 294
- Макентин Харитон, литературный герой 142
- Маккавеи (Хасмонеи), род иудейских царей 611
- Максимилиан II (Maximilian II), император Священной Римской империи 183, 241, 285
- Малерб Франсуа (Малгерб), французский поэт 313, 316
- Мандевиль Бернард, писатель 63
- Мардефельд барон Аксельфон, прусский посланник 731, 762—766, 812
- Мариво Пьер Карле де Шамблен де, французский писатель 23
- Мария I (Maria Konigin), английская королева 210
- Мария Амалия Саксонская, испанская королева 465
- Мария Лещинская (Польская), французская королева, супруга Людовика XV 146, 712
- Мария Луиза Елизавета (Французская), французская принцесса, дочь Людовика XV 128, 146, 148, 149, 466, 712
- Мария Жозефина Саксонская, супруга дофина Людовика 720
- Мария Зефирина, принцесса 720
- Мария Тереза (Испанская) (Инфанта Тереза, Infante Thérèse), испанская инфанта 92, 149
- Мария Терезия, австрийская императрица 716
- Марк Аврелий, римский император 614
- Марк Евангелист, св., апостол, библ. 43, 514
- Маркелл (Радышевский), епископ Корельский 45, 48, 623, 646, 659
- Марон — см. Вергилий
- Марс (Градив), бог, миф. 30, 348, 356, 410
- Мартини Кристиан (Martini Christian), историк 201, 260
- Марш, лорд 693
- Мейер, купец 700
- Ментенон Франсуаза д'Обиньи, маркиза де, морганатическая супруга Людовика XIV 714
- Ментор, наставник Телемаха, миф. 322
- Мергенер Матвей, торговец 710
- Мерингер Андрис, тирольский торговец 695, 724

- Мершант Элизабет, долгожительница 711, 712
- Микеланджело Буонарроти, итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт 615
- Миллер Герард-Фридрих, историограф, член Санкт-Петербургской Академии наук, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» 159, 662
- Мильтон Джон, английский поэт 23, 142, 316
- Минерва — см. Афина
- Миних Бурхард Кристоф (Munich), граф, генерал-фельдмаршал 20, 47, 77, 107, 110, 139, 140, 376, 624, 628, 646
- Михаил Федорович (Michael Fedorowitz), русский царь 203, 210, 262, 289
- Моисей, пророк, библ. 395
- Молеврие, французский писатель 24
- Мольер (Молиер) Жан Батист Поклен, французский драматург, 23, 313, 315, 430
- Монконсей (Monconseil), маркиза 21, 64, 71, 84, 104, 117, 137
- Монтаг Иоганн Леопольд (Montag Johann Leopold), издатель и книго-торговец 160, 222
- Монте-Аллегро, маркиз 724
- Монтескье Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де, французский философ и писатель 21, 23, 64
- Мопертюи Пьер Луи Моро де, французский ученый 21, 64
- Мор Томас, английский писатель 23
- Моран Пьер де, французский писатель 60, 65
- Москоф Каспар 710
- Мэлман (Mailman), английский торговец 90, 124
- Наарвал, брат Адоама, миф. 331
- Науом Федор Васильевич, действительный тайный советник 724
- Наумова Мария Михайловна 724
- Несвитяев (Nesvitayeff), служащий русского посольства в Лондоне 91, 125
- Несс (миф.), кентавр 359
- Нивель де Ла Шосс, французский писатель 65
- Николай IV (Nicolao IV), папа римский 527, 611
- Николай Мирликийский (Чудотворец), св. 535, 536, 603
- Никон (Nicon), русский патриарх 213, 274, 291
- Нимврод 351, 360
- Новиков Николай Иванович, русский писатель, издатель 292, 420, 424
- Ной, последний допотопный патриарх от Адама, библ. 678
- Норманн Лаврентий (Normannus Laurentius), епископ Готенбургский 200, 260
- Ньютон Исаак (Newton Is.), английский ученый 65, 89, 122, 147
- Обиньяк, французский писатель 24
- Оболенский М.А., исследователь 156
- Овидий Назон Публий, римский поэт 328
- Одиссей (Улисс), царь острова Итака, герой «Илиады» и «Одиссеи», миф. 327, 331
- Оза (Оэ), участник процессии перенесения Ковчега, библ. 658
- Олоферн, вавилонский военачальник, библ. 641
- Ольга (Olga), русская княгиня 200, 259, 287
- Омир — см. Гомер
- Орлов Григорий Григорьевич, граф, русский военный и гос. деятель 435
- Осорьо Ахаркон Джузеппе (Osorio), сардинский посол 73, 76, 81, 89, 91, 105, 111, 114, 122, 125, 138, 144
- Остерман Андрей Иванович (Ostermann), граф, государственный деятель 47, 97, 132, 151, 153, 156, 158, 159, 376, 624, 628, 646

- Остин Стефан (Austin Stephan), книгоголовец 89, 122
- Павел, св., апостол 573, 574
- Павел Тобольский, митрополит 635
- Паллада — см. Афина
- Параскева, св. 607
- Параскевия Федоровна, русская царица 603
- Паретти (Paretti), аббат 80, 113
- Паскаль Б., философ 150
- Пахомий Гучинский, игумен монастыря Иоанна Богослова 489
- Пегас (Пигас), крылатый конь, символ поэтического вдохновения, миф. 324
- Пекарский П., исследователь 295, 296
- Перро Шарль, французский писатель 333, 334, 336
- Петр, св., апостол 564, 572, 575, 577, 578
- Петр I (Великий) (Petrus I, Petrus der Grosse), российский император 9, 11, 12, 27, 29, 35–37, 45–50, 62, 135, 141, 158, 183, 185, 188, 190, 194, 195, 199, 202–206, 211–214, 217, 242, 248, 25–256, 258, 259, 262, 265, 274, 277, 283, 289, 296, 297, 342, 374, 381–383, 397, 403, 406, 408, 413, 480, 603, 622, 623, 632, 643, 645, 647, 652–654
- Петр Могила (Petrus Mogilas), митрополит Киевский, Галицкий и вся Руси 200, 288
- Петр III (Федорович), российский император 29, 30, 140, 342, 410, 413, 417, 418, 463, 655
- Перун, божество, миф. 390
- Пизоны, римские аристократы 320
- Пиндар, древнегреческий поэт 327
- Пинто Исаак, голландский банкир 720
- Пифагор, древнегреческий философ 323
- Платон, древнегреческий философ 335
- Плутарх, древнегреческий писатель 335
- Плутон, бог, миф. 377
- Полиньяк Мельхиор де, французский кардинал 21, 64, 66, 103, 137
- Помпей Великий, полководец и гос. деятель 610
- Помпей Гней, римский полководец, старший сын Помпея Великого 612
- Помпадур Жанна Антуанетта Пуасон, маркиза де 138, 305
- Понте А.Д., архитектор 619
- Поповский Николай Никитич, профессор философии и элоквенции Московского университета, редактор «Московских ведомостей» 663
- Порта Дж. дела, архитектор 615
- Превоз д'Эжиль, французский писатель 23, 65
- Приам, царь Трои, миф. 325
- Пуллер Михаил, портной 710
- Пуфендорф Самуэль, немецкий просветитель 23
- Пуччи Винченцо (Pucci), секретарь тосканского посольства в Англии 97, 131, 151
- Пушкин Александр Сергеевич, русский поэт 303, 423
- Радищев Александр Николаевич, писатель 340, 444
- Разумовский Алексей Григорьевич, граф, гос. деятель 420, 435, 478
- Рамсей Джордж, английский экономист и философ 23
- Расин Жан, французский драматург 23, 150, 313, 315, 318, 420, 441
- Рейшс (Ruysch), амстердамский профессор анатомии 206, 266, 289
- Рендени (Rendeni), ученый 89, 122
- Ренье М., поэт 315
- Риккони Луиджи, писатель 64, 65
- Рипперта (Ripperda), французский посланник в Турции 181, 240
- Ришелье Арман Жан дю Плесси (Richelieu), французский гос. деятель, кардинал 25, 180, 239, 284

- Роккати Христина 54, 723
 Роккафор, французский посланник в Персии 240
 Роллен Ш., французский историк и писатель 26, 302, 312, 320, 334
 Ролли Паоло (Rolli), итальянский поэт 63, 77, 142
 Рувим Гурский, иеромонах 602, 606
 Руланд, бургомистр 670
 Руссо Жан Батист (Русо), французский поэт 314, 316
 Руссо Жан-Жак, французский писатель 23, 27, 28, 336
- Салтыков Петр Семенович, генерал-фельдмаршал 390, 396
 Сальвиати, художник 609
 Самаренко В.Н., исследователь 294
 Самуил, священник 491
 Санктис Ф. де, архитектор 614
 Сапфо (Сафо), древнегреческая поэтесса 314, 317
 Саритц Дмитрий (Saritz Demetrius), богослов 201, 261
 Свифт Джонатан, писатель 64
 Себа Альберт (Seba Alberto), естествоиспытатель 205, 265
 Себастиан (Савастиан), св. 574
 Сегре Ж.Р. (Сегрей), французский писатель 320
 Сегюр Луи-Филипп, французский посол в России 442
 Сен-Венсан, граф 709
 Сен-Мартен Луи Клод, французский философ 23
 Сен-Симон, герцог де Рувруа, мемуарист 467
 Сен-Сиран (Дювержье де Оранн Ж.), аббат 150
 Сен-Сорлен, Д. де, французский поэт 333
 Сервантес Мигель де, испанский писатель 23, 143
 Сиблер (Sibler), английский дворянин 90, 123
 Сиверс Карл Ефимович, гофмаршал 437
- Сильвестр Пиковский, ректор Киевской Академии 480
 Симеон Богоприимец, св. 604
 Симон (Тодорский), архиепископ Псковский 478
 Сисара, израильский военачальник, библия 642
 Скальчи (Scalci), дипломат 78, 112
 Скарбороу (Scarborough), лорд, член английского парламента 96, 98, 131, 133, 151
 Скаррон Поль, французский писатель 23, 65, 315
 Сковорода Г.С., малороссийский философ, поэт 660
 Скудери М., французская писательница 24, 297, 314, 317
 Смерлинг (Smerling), английский чиновник 67, 73, 100, 106
 Смит Роберт (Smith Robert), английский ученый 89, 122
 Снелл Ханна (Грай Ион), женщина-солдат 690, 721
 Сократ, древнегреческий философ 636, 655
 Соларо де (Solare), дипломат 90, 123
 Сорба Джан Батиста (Sorba), генуэзский посланник в Париже 21, 66—68, 70, 86, 100—103, 119, 135—137
 Софи, французская принцесса, дочь Людовика XV 146
 Софья Палеолог (Зоя), великая княгиня, супруга Ивана III 285
 Спекки А., архитектор 614
 Спешнев (Sprechnev), служащий русского посольства в Лондоне 91, 125
 Спиридон Тримифунский (Чудотворец), св. 604
 Станислав Костка, св. 566
 Станислав Лещинский (Stanislaus), польский король 147, 173—175, 180, 181, 232, 234, 239, 282, 283, 410
 Стерн Лоренс, писатель 149
 Стефан (Протанский), священник 487, 495
 Стефан (Яворский), митрополит Ряз-

- занский, местоблюститель патриаршего престола 291, 603, 620, 622, 638
- Стил Ричард, писатель 64
- Стрешнев (Strechnev), петербургский чиновник 90, 124
- Сумароков Александр Петрович, русский поэт и драматург 36—38, 300, 303, 340, 420, 422—424, 435, 437, 440
- Сюз де Ла, французская поэтесса 314, 317
- Тавора Леонор Томазиа, маркиза де, заговорщица 705, 706, 729
- Тавора Франциско д'Ассиз, маркиз де 705, 706, 729
- Тальман Поль (Талеман), французский писатель 296, 304, 305
- Тансен (Tensin), кардинал, архиепископ Амбрюнский 95, 129, 150
- Тауберт Иван Иванович, библиотекарь Академии наук, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» 662
- Теодор Нейгоф (Théodore), барон, корсиканский король 76, 78, 79, 109, 111, 112, 116, 142, 152
- Тереза Фелисите, французская принцесса, дочь Людовика XV 128
- Тиберий Клавдий Нерон, римский император 616
- Тилемах (Телемах), сын Одиссея, миф. 321—323, 328, 330, 437
- Тинторетто Якопо, итальянский живописец 609
- Тит Флавий Веспасиан, римский император 612
- Тициан (Тициано Вечеллио), итальянский живописец 610
- Торез (Thorez), капитан 81, 114
- Траян Марк Ульпий, римский император 523, 610, 614
- Тредиаковский (Тредьяковский) Василий Кириллович, русский писатель 22—28, 292, 293, 295, 297, 298, 300, 302, 304, 305, 309, 311, 312, 317, 319, 332, 334, 335, 340, 660
- Туллий — см. Цицерон
- Тураев С.В. 232
- Туртон (Tourton), корреспондент графа А.Г.Головкина 16, 67, 70, 100, 102
- Улисс — см. Одиссей
- Уолдгрейв (Waldgrave), лорд, английский посол в Париже 74, 79, 85, 96, 107, 113, 118, 131, 140
- Уолпол Роберт граф Орфорд (Walpole), английский премьер-министр 62, 74, 84, 93, 96, 107, 117, 127, 131, 133, 140, 141, 144
- Урбан VIII, папа римский 150, 522, 610
- Фаринелли (Farinelli), итальянский певец 68, 102, 136, 141
- Федор Алексеевич (Feodor Alekiewicz), русский царь 183, 242
- Фенелон Франсуа де Салиньяк де Ла Мот, французский писатель и религиозный деятель 23, 302, 321, 330, 334
- Феодор Тирон, св. 604
- Феодосий Печерский, св., игумен Киево-Печерского монастыря 603, 620
- Феокрит, поэт 329, 335
- Феофан (Прокопович), архиепископ Новгородский, писатель 16, 45, 61, 296, 480, 607, 638, 660
- Феофилакт (Лопатинский), архиепископ Тверской 623
- Фердинанд, король Неаполя и обеих Сицилий 466
- Фердинанд VI, король Испании 456, 459, 463, 467, 469
- Феррер Лоренс Ширли, английский лорд, преступник 730
- Филипп II Орлеанский, герцог де Шатр, регент 138, 467
- Филипп V (Дюк Бургонский), испанский король 321, 331, 465

- Филипп Пармский (Дон Филипп, Don Philippe), герцог 92, 93, 98, 125, 126, 128, 134, 149, 152
- Филодем, философ эпикурейской школы 726
- Филоктит (Филоктет), один из женов Елены и участников троянской войны, миф. 322
- Фицджеральд (Fitzgerald), дипломат 111
- Флакк — см. Гораций
- Флэри Андре Эрколе де, французский кардинал и гос. деятель 20, 64, 109, 138, 140, 150
- Флора, богиня, миф. 376
- Флоровский Георгий, историк-богослов 8, 14
- Фокеродт И., ученый 15, 58, 65
- Фонтанж, герцогиня де 718
- Фонвизин Денис Иванович, писатель 340, 422, 424, 436
- Фонтенель Бернар Ле Бовье де, французский писатель и ученый 25, 60, 313, 316, 333, 335, 715
- Фортестью (Fortescue), леди 127
- Франклин (Franklin), леди 92, 126
- Франц Стефан Лотарингский, герцог 146
- Франческа (Francesina), итальянская певица 80, 92, 114
- Фредерик Льюис, принц Уэльский 15, 146
- Фридрих Адольф (Фридерик), шведский король 32, 359
- Фридрих II (Фредерик), прусский король 32, 33, 346, 394, 396, 418, 447, 463
- Фриш Леонард (Frisch), немецкий богослов 201, 260
- Хасмонеи — см. Маккавеи
- Хемницер Иван Иванович, поэт-баснописец 424
- Херберт (Herbert), лорд 92, 149
- Херберт (Herbert), вдова лорда Херберта 92, 126
- Хильдебрандт, архитектор 325, 608
- Хильдебрант (Шилбранд), герой одноименной поэмы Кареля де Сент-Гарда 325, 332
- Цанотти, профессор Болонского университета 54, 694
- Цезарь Гай Юлий (Цесарь Юлий), римский император 521, 610
- Церепа, богиня, миф. 598
- Цицерон (Марк Туллий Цицерон) — оратор, философ, политический деятель 329, 335
- Чарльз-Эдуард Стюарт, принц Уэльский 719
- Чириков Алексей Ильич, капитан-командор русского флота 377
- Чуди фон, барон 383
- Шакирова Людмила Викторовна, исследователь 739, 811
- Шванвиц Мартин, ректор Академической гимназии, переводчик, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» 662
- Шевиньи (Chavigny), французский посол в Англии 92, 94, 99, 126, 128, 134, 149
- Шекспир Уильям, английский драматург и поэт 23
- Шереметев Борис Петрович, фельдмаршал 399, 403, 408, 436
- Шетарди маркиз де ла, французский дипломат 731, 767—802, 813
- Шилбранд — см. Хильдебрант
- Шишков Александр Семенович, гос. деятель, писатель 454
- Шлубут (Шлублут) Альбрехт Эрнст фон, советник 715
- Шпarr (Sparr), барон 86, 120
- Штейнхорст (Steinhorst), судовладелец 122, 126
- Штелин Яков Яковлевич, профессор элоквенции и поэзии Санкт-Петербургской Академии наук, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» 298, 662

- Шуазель (Шоазель), маркиз де 695
 Шувалов Иван Иванович, русский гос. деятель, генерал-адъютант 344, 345, 383
 Шумахер И.Д., руководитель канцелярии С.-Петербургской Академии наук 296
- Щербаков Виктор Игоревич, исследователь 424, 440, 474, 448, 665, 730
- Эберкромби Джеймс (Аберкромби), английский генерал 727
 Эйлер Леонард, швейцарский математик и физик 65
 Эммануэль (Emmanuel), португальский министр 68, 102
 Эней (Еней), троянец, главный герой «Энеиды» Вергилия, миф. 327
 Энрико Дандоло, венецианский дож 609
 Энсенада Зенон Сомодевила (Лансенада), маркиз де ла, гос. канцлер Испании 469
 Эпикур, древнегреческий философ 726
 Эскилаче Леопольдо, маркиз де, гос. секретарь Испании 465
 Эссекс (Essex), лорд, член английского парламента 96, 98, 133, 152
- Юдифь (Иудифь), избавительница иудеев от ига Олоферна, библ. 641, 644
 Юстин, римский историк 64
- Яков II Стюарт, английский король 453, 467, 468, 718
 Ян III (Собеский) (Иоанн III Собеский), польский король 488, 608
 Янсений К., богослов 150
 Янус, божество, миф. 396
 Ярослав Всеволодович, русский князь 403
- Adriani — см. Адриан
 Albernarle — см. Албернарл
 Alexius Michaelowitz (Alexio Michaelowitz) — см. Алексей Михайлович
 Amiconi — см. Амикони Дж.
 Anna Princet — см. Анна, греческая принцесса
 Анна Иоанновна — см. Anna Kayserin
 Antonius Maria Gallus — см. Антоний Мария Галл
 Augustus III — см. Август III
 Austin Stephan — см. Остин Стефан
 Azevedo — см. Азеведо-Коутинхо М.А.
- Bergue — см. Берге
 Bertoldi — см. Бертольди
 Boissieux — см. Буассье
 Bonneval — см. Бонневаль
 Bonifatii VIII — см. Бонифаций VIII
 Brakel — см. Бракель фон
 Bredford — см. Бредфорд
 Brignoli — см. Бриньолли
 Buchsbaum — см. Бухсбаум
- Carestini — см. Карестини
 Carl V — см. Карл V (Габсбург)
 Catharina — см. Екатерина I
 Charles II — см. Карл II (Стюарт)
 Chavigny — см. Шевиньи
 Clemens VII — см. Климент VII
 Clemens VIII — см. Климент VIII
 Congran — см. Конгран де
 Conigsli — см. Конигсли
 Constantini Porphyrogenetæ — см. Константин VII
 Constantinus Hertzog — см. Константин Острожский
 Couli-Chan — см. Кули-Хан
 Crafton — см. Крафтон
 Craftsman — см. Крафтсман
 Crawford — см. Кроуфорд
- Dacunha — см. Дакуна
 Dingly — см. Дингли
 Doni Antoine — см. Дуни А.

Don Quichot — см. Дон Кихот
Don Philippe — см. Филипп Парм-ский

Durazzo — см. Дураццо

Emmanuel — см. Эммануэль
Essex — см. Эссекс

Farinelli — см. Фаринелли
Feodor Alexiewitz — см. Федор Алексеевич

Fitzgerald — см. Фицджеральд
Fortescue — см. Фортескью
Francesina — см. Франчесина
Francklin — см. Франклин
Frisch — см. Фриш Леонард

Gastaldi — см. Гастальди Дж.Б.
Gendron — см. Жандрон К.
Girardon — см. Жирардон
Golofkin — см. Головкин А.Г.
Gonzala — см. Гонзало
Gottorff — см. Готторф
Crawley — см. Гроули

Herbert — см. Херберт
Hiob — см. Иов
Horaces — см. Гораций

James — см. Джеймс
Jeremia — см. Иеремия
Jiov — см. Иов
Johannes Basilde I — см. Иван III
Johanne Basilde II — см. Иван IV
Johnson — см. Джонсон
Juliens — см. Жюлье

Loss — см. Лосс И.А.
Löwenwolde — см. Левенвольде фон
Lucchesina — см. Люччезина
Lucera — см. Лучера
Luwley Anne — см. Лавлей А.

Mailman — см. Мэлман
Maria — см. Königin Мария I

Martini Christian — см. Мартини Кристиан
Maximilian II — см. Максимилиан II
Mazarin — см. Мазарини Джулио
Michaël Fedorowitz — см. Михаил Федорович
Mikita-Dimitow — см. Демидов Никита
Monconseil — см. Монконсей
Montag Johann Leopold — см. Монтат Иоганн Леопольд
Munich — см. Миних Б.К.

Nesvitayeff — см. Несвитяев
Newton Is. — см. Ньютон И.
Nicolao IV — см. Николай IV
Nicon — см. Никон
Normannus Laurentius — см. Норманн Лаврентий

Olga — см. Ольга
Osorio — см. Осорио А.Дж.
Ostermann — см. Остерман А.И.

Paretti — см. Паретти
Petrus I (Petrus der Grosse) — см. Петр I (Великий)
Petrus Mogilas — см. Петр Могила
Pseudo Demetrii — см. Лжедмитрий I
Pucci — см. Пуччи В.

Rendeni — см. Рендени
Ripperda — см. Рипперта
Rolli — см. Ролли П.
Ruysch — см. Рейш

Saritz Demetrius — см. Саритц Дмитрий
Scalci — см. Скальчи
Scarborough — см. Скарбороу
Seba Alberto — см. Себа Альберт
Sibler — см. Сиблер
Smerling — см. Смерлинг
Smith Robert — см. Смит Р.
Solare — см. Соларо де
Sorba — см. Сорба Дж.Б.

Sparr — см. Шпарр
Spechnev — см. Спешнев
Stanislaus — см. Станислав Лещин-
ский
Steinhorst — см. Штейнхорст
Strechnev — см. Стрешнев

Tensin — см. Тансен
Théodore — см. Теодор Нейгоф
Thérèse — см. Мария Тереза (Испан-
ская)
Thorez — см. Торез

Tourton — см. Туртон

Vanloo — см. Ванлоо
Vaugrenan — см. Вогренан
Villeneuve — см. Вильнев

Waldgrave — см. Уолдгрейв
Walpole — см. Уолпол
Wasner — см. Вазнер фон
Webber — см. Вебер
Wlodimir I — см. Владимир I

Н.Д.Блудилина

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Або — см. Турку, г.
- Австрия — см. Священная Римская империя, гос-во
- Адидже (Лядыш), р. 618
- Азия (Asia), регион 40, 54, 163, 184, 224, 243, 413, 478
- Азов (Asoff), крепость 140, 145, 184, 186, 211, 243, 413, 478
- Азовское море (Paludes Mæotidum) 145, 211
- Алапаевский уезд (Alapaiskoischer Distrikt) 210
- Алдан (Aldan), р. 211
- Америка (Новый Свет), континент 51, 54, 456, 469, 693, 702
- Амон, р. 521
- Амстердам, г. 288, 655, 668, 684
- Амур (Amur), р. 189, 211, 248
- Амьен, г. 712
- Ангара (Angara), р. 211
- Англия (Великобритания, Angleterre, Engelland, G[ran]de Bretagne), гос-во 12, 16, 62, 66, 83, 86, 87, 91, 116, 120, 121, 125, 129, 135, 137, 140, 142, 144, 146, 151, 156, 191, 204, 213, 248, 263, 380, 442, 444, 450, 454, 456, 459, 460, 467, 468, 555, 628, 648, 709, 727
- Ангола, гос-во (колония) 679, 717
- Анкона (Пинцен, Pisenum), г. 527, 528, 610
- Аптекарский (Березовый, Beresow Insel), о-в 206, 265
- Апулия, истор. обл. 611
- Аргунь (Argun), р. 190, 252
- Аримини — см. Римини, г.
- Аркона (Arcona), г. 210, 270
- Арновец, село 495
- Архангельск (Archangel), г. 189, 193, 202, 211, 252, 261, 384
- Архангельская губерния (Archangelisches Hauptgouvernement) 185, 244
- Астрабад, провинция 283
- Астраханская губерния (Астраханский уезд, Astrachanisches Hauptgouvernement) 185—187, 208, 244, 268
- Астраханское царство (Astrachan-Königsreich) 177, 235
- Астрахань (Astrachan), г. 187, 188, 192, 202, 211, 247, 251, 261, 294
- Атлантический океан 290
- Атлантские горы 354
- Афины (Athen), г. 205, 263
- Афон (Афонская гора), гора 40, 475
- Африка, континент 52, 656
- Бабино, село 490
- Байкал (Baikal-See), оз. 192, 211
- Баку, г. 283
- Балтийское море (Остзёйское море, Baltisches Meer, Ost-See) 11, 211, 284, 358
- Банна (Bannat), г. 78, 111, 143
- Бар, г. в Польше 475, 483
- Бари (Бар), г. 475, 529, 533, 537, 540, 541, 611
- Барлетто (Барлета), г. 475, 532, 538, 540, 541, 543
- Барселона, г. 444, 529, 533, 535, 537, 540, 541, 611
- Бауски, г. 284
- Бахчисарай, г. 139
- Бачко, село 492
- Бедовцы, село 492
- Бессарабия, истор. обл. 140
- Белград (Belgrad), г. 11, 143, 491
- Белем, королевская резиденция близ Лиссабона 698, 699, 708, 727
- Белое море (Северное море, Weiß-Meer) 250
- Белоруссия, гос-во (истор. обл.) 607
- Беотия, истор. обл. 407
- Берёзов, г. 136

- Березовый о-в — см. Аптекарский о-в
- Бескид, гора 491, 492
- Бетическая Страна — см. Ветическая Страна
- Берлин, г. 62, 288, 389, 396, 398
- Болонья (Болония, Бонония), г. 54, 520, 585, 684, 723
- Большая Орда — см. Монголия, гос-во
- Борго, г. 142
- Бордо (Бурдо), г. 684
- Бранденбург (Märkische Wende), истор. обл. (курфюршество) 200, 259
- Бремен (Bremen), г. 213, 273
- Бреславль, г. 677, 716
- Брондон, г. 690
- Броды, г. 482, 483
- Брянск, г. 285
- Бувян, г. 517
- Буда (Ossen), г. 41, 498, 500, 501
- Буда (Будим), р. 501
- Бургундия (Бургония), провинция 336
- Бурдо — см. Бордо, г.
- Вага, р. 501
- Вадуц, графство 138
- Ваза (Васа), г. 284
- Валахия (Wallachey), истор. обл. 272, 604
- Варзуга (Warsiga), р. 189, 248
- Варта, р. 34, 389, 396
- Везувий, гора 600, 717
- Великие Луки, г. 603
- Великий Новгород, г. 201
- Великороссия — см. Россия, гос-во
- Вельеожон, г. 513
- Вена (Vienne), г. 53, 97, 132, 448, 500, 508, 669, 671, 676
- Венгрия (Венгерская земля, Венгерская страна, Унгария, Hongrie), гос-во 78, 111, 143, 475, 496, 508, 725
- Венеция, г. 270, 285, 475, 500, 513, 514, 582, 586—588, 591
- Венеция (Венецианская республика, Венецкая земля, Венецкое владение, Venedig), гос-во 513, 555, 593, 596, 600, 601, 604, 608, 619
- Венецианский залив 619
- Верона, г. 142, 177
- Версаль (Версалия, Versailles), г. 39, 77, 85, 89, 94, 110, 118, 199, 121, 123, 665, 687, 722
- Верхотурские горы (Средний Урал, Werchaturisches Gebierge) 187, 193, 251
- Верхотурский уезд (Верхотурье, Werchaturischer District) 191
- Верхотурский тракт 286
- Вест-Индия (West-Indien), регион 210, 270, 290, 469, 717
- Вестминстерское аббатство, истор. часть Лондона 715
- Вестфалия, истор. обл. 151
- Ветическая (Бетическая) Страна, часть Испании, названа по р. Ветиси, миф. 322, 331
- Византия, гос-во 13
- Византия — см. Константинополь, г.
- Вилла ди Портичи — см. Портичи, г.
- Вильманstrand (Лаппенрант), г. 353, 359
- Вильниоре, д. 513
- Висбю (Висби, Wisby), г. 210, 270, 289
- Висла, р. 34, 389, 396, 397, 406
- Витербо, г. 282
- Витр (Витри-ле-Франсуа), г. 677
- Владимир (Wlodimir), г. 186, 211, 244, 271
- Волга (Wolga), р. 192, 211
- Вологда (Wologda), г. 209, 211, 271
- Волхов (Wolchowa), р. 211
- Воля, село 491
- Воронеж (Veronitz), г. 236
- Воронежско-Азовская губерния (Veronitzisch-Asoffisches Hauptgouvernement) 185, 244
- Восточный океан — см. Тихий океан
- Вульхерштед, местечко 712
- Вусма (Wusma), р. 189, 248
- Выборг, г. 358, 359

- Вымь (Wim), р. 271
 Выя (Wya-Fluß), р. 191
 Вятка (Sviatka), г. 191
 Вятка (Sviatka, Wiatka, Wiatka-Strohm), р. 211

 Гаага (Haе), г. 62, 677
 Галлия, истор. обл. 24
 Гамбург (Hamburg), г. 213, 273, 304, 670
 Гамильтон-Баун, местечко 711
 Ганиска, село 495
 Гаранга, село 495
 Гатван, село 498
 Гданьск, г. 283
 Гейдельберг, г. 681
 Гекла, вулкан, миф. 306, 361
 Геликон, гора, миф. 407
 Гельсингфорс — см. Хельсинки, г.
 Генеральные Штаты — см. Голландия, гос-во
 Генуэзская республика (Генуя, Республика Генуя, République de Gênes), гос-во 100, 135, 139, 142, 146
 Герембель, село 496
 Геркуланум, г. 717, 719
 Германия (Немецкие земли, Deutschland), гос-во 12, 157, 176, 191, 204, 234, 248, 258, 263, 295, 405, 409, 413, 502, 648, 712
 Германская империя — см. Священная Римская империя, гос-во
 Гест, село 496
 Гехделов, село 498
 Гиенгеш, г. 497
 Гилян, провинция 283
 Гишпаниа (Гишпанская земля) — см. Испания, гос-во
 Гнара, г. 520
 Голландия (Нидерланды, Генеральные Штаты, Etats Gén[é]raux], Holland), гос-во 62, 68, 78, 86, 102, 111, 120, 127, 191, 204, 213, 248, 263, 294, 380, 429, 442, 459, 628, 648
 Гольштейн (Гольштиния, Holstein), истор. обл. (курфюршество) 213, 273
 Гомель, г. 285
 Гоморра, г., библ. 658
 Горгонская гора — см. Монте-Гаргано, гора
 Готвишня, село 489
 Готланд, о-в 290
 Греция (Грецкая земля, Кефалония), гос-во 12, 158, 551, 596, 601
 Гранада, г. и провинция 444, 469
 Грац (Грец), г. 712, 713
 Греция (Кефалония), гос-во 314, 523, 604
 Гросс-Егерсдорф, г. 395, 704, 728
 Грудек, г. 489
 Грушев, село 492
 Гулст — см. Хульст, г.
 Гуменное, г. 492
 Гурон, оз. 723

 Далмация, гос-во 500, 589, 619
 Дания (Danemark, Danois), гос-во 95, 129, 213, 285, 459
 Данциг (Гданьск), г. 409
 Дарья — см. Сыр-Дарья, р.
 Даурия (Даурская земля, Daugien), истор. обл. 193, 252, 287
 Двина — см. Северная Двина, р.
 Дербент (Derbent), г. 211, 271, 283
 Дерби, г. 719
 Дерпт, г. 284
 Дигняна (Дигняно), д. 513
 Дижон, г. 336, 341
 Днепр (Dniper), р. 211
 Днестр, р. 107, 140
 Доля, д. 519
 Домослов, село 497
 Дон (Don, Donfluß, Don-Fluß), р. 177, 192, 211, 236, 364
 Дония, г. 512
 Дрезден (Dresden), г. 82, 115, 144, 680, 687
 Дудергоф (Duderhoff), г. 210, 270
 Дунай, р. 498, 504

 Европа (Еуропа, Эвропа, Еуропа,

- Еуропа), регион 9, 12, 21, 29, 33–35, 39–40, 52, 54, 86, 120, 147, 158, 163, 167, 170, 175, 182, 187, 192, 224, 228, 229, 234, 243, 298, 300, 343, 347, 380, 395, 410, 413, 427, 435, 442, 450, 478, 624, 628, 639, 656, 709
- Егерь (Егра, Agrid, Erlau), г. 496
- Египет, гос-во 378, 395
- Екатеринбург (Catharinenburg, Catharinen-Burg), г. 191, 193, 201, 210, 211, 261
- Елгава (Митава), г. 284
- Елисейские поля (Элисейски поля), ул. в Париже 22, 309
- Енисей (Enesey, Jenesey, Jenesey-Strohm), р. 190–193, 211, 248
- Желкев (Жолкев), г. 488
- Забайкалье, истор. обл. 118
- Задар (Задра, Задрия, Зарра), г. 590, 591
- Закавказье, истор. обл. 287
- Зарияно, г. 558
- Зауралье, истор. обл. 287
- Збедтонмаллет, местечко 697
- Зорня, г. 512
- Иерусалим (Jerusalem), г. 85, 200, 605, 658
- Израиль, гос-во 386, 395
- Иллирик (Illiricum), истор. обл. 527
- Имола (Имоля, Forum Cornelii), г. 520
- Инвернесс, графство 719
- Ингерманландия (Ижевская земля, Ингрия, Ingermanland, Ingermanland), истор. обл. 187, 190, 210, 246, 270, 286
- Индия (Индостан, Indien, Indostan), гос-во 175, 184, 234, 242, 690, 721
- Иран (Персия, Персидское государство, Persie, Persisches Reich), гос-во 173, 175–178, 180, 181, 184, 188, 208, 212, 234–236, 238, 268, 273, 280, 283
- Иртыш (Irtisch, Irtisch-Strohm), р. 190, 192, 193, 211, 248, 251
- Исеть (Ysett, Ysett-Strohm), р. 191, 192, 211
- Испания (Гишпания, Гишпанская земля, Espagne, Spanien), гос-во 39–40, 51, 78, 83, 98, 111, 112, 116, 120, 133, 140, 144, 146, 147, 189, 209, 210, 213, 248, 442, 445, 448, 452, 454, 456, 460, 463, 470, 523, 551, 555
- Итака, о-в 322
- Италия (Italie, Italien), гос-во 12, 64, 78, 111, 158, 189, 204, 248, 263, 429, 435, 452, 522, 525, 530, 542, 551, 555, 557, 586, 608, 610, 611, 717
- Иудея, истор. обл. (гос-во) 611
- Кадис, г. 444, 456
- Казанская губерния (Casanisches Hauptgouverment) 244
- Казань (Casan), г. 177, 187, 191, 192, 202, 211, 235, 246, 253, 261
- Каир, г. 475
- Калабрия (Калаврия, Terra Laboris), истор. обл. 529, 542, 611
- Калабрия, п-ов 611
- Кале (Calais), г. 79, 112
- Каллонден, местечко 719
- Калмыкия (Calmuckey), истор. обл. 192
- Калуга (Kaluga), г. 192, 251
- Кама (Кама, Кама-Fluß), р. 210, 211
- Каменка (Kamencka), р. 249
- Каменск (Samensk), г. 210
- Каменский уезд (Kamenskischer District) 249
- Кампания (Неаполитанская обл., Неаполитанское владение), истор. обл. 558, 612
- Кастель-Сан-П.-дель-Эм (Кастиллюм, Castel S. P. dell'Em), г. 521
- Камчатка (Camschatka), п-ов 175, 185, 187, 190, 246
- Камышенка (Kamischencka), р. 249

- Канада, гос-во (английская колония), 54, 694, 723
- Карасубазар, г. 139
- Карелия (Carelien), край 209
- Каринтия (Kärnthische Wende), истор. обл. 200, 259, 712
- Кархария (Carcharia), край 193, 252, 287
- Картахена, г. 444, 456, 471
- Касимов (Casimow), г. 202, 261
- Каспийское море (Caspisches Meer, Caspische See) 175, 184, 187, 189, 211, 212, 234, 243
- Католика, г. 521
- Кашин, г. 603
- Кексгольм, г. 358
- Кёльн, г. 711
- Кембридж (Cambridge), г. 89
- Керепеш, село 498
- Керкира (Корфу), г. 475, 604
- Кеть (Keta, Kett), р. 211
- Кефалония — см. Греция, гос-во
- Киев (Kiow), г. 40, 186, 200, 204, 211, 244, 475, 482, 486, 601
- Киевская губерния (Kiovisches Hauptgouvernement) 185, 244
- Килан (Kilan), провинция 175, 234
- Кинбурн, крепость 140
- Кистрин (Кюстрин), г. 33, 388
- Китай (China), гос-во 184, 242, 245, 273
- Клечанов, село 492
- Клих (Клиша-су-Буа), местность под Парижем 713
- Козминское (Kosmincki), г. 250
- Кола (Kola), р. 189, 248
- Коломна (Kolomna), г. 186, 244
- Кольберг, крепость 394
- Комарна, г. 500
- Конгур (Kongur), г. 193
- Константинополь (Византия, Царь Град, Constantinopel), г. 40, 200, 210, 213, 214, 270, 476, 519, 566, 613
- Копенгаген (Copenhaguen), г. 94, 95, 126, 128, 129
- Копорье, г. 284
- Кордуа (Cordua), г. 513
- Корк, г. 690
- Корсика (Corse), о-в 78—80, 112, 113, 121, 142
- Корсунь (Corsun), г. 200, 259
- Корфу — см. Керкира, г.
- Костов, д. 500
- Кострома (Castroma), г. 209, 211, 269, 271
- Кофенберг (Кофен-берг), г. 509
- Кошицы (Cassovia, Caschau), г. 492
- Крайна (Crainerische Wende), истор. обл. 200, 259
- Криница, село 489
- Кроншлот (Cronsloot, Crons'lott), г. 207, 252, 267
- Кронштадт (Cronstadt), г. 207, 267
- Крым (Понтийский край), п-ов 139, 140, 283, 364, 377
- Кунерсдорф, г. 29, 347, 394, 396
- Курляндия (Curland), герцогство 184, 243, 395
- Кута (Utka), р. 193, 252
- Кьоджа (Кюза), г. 587
- Кюмень (Кюммене) — см. Тюмень, р.
- Кюстрин, г. 388, 395, 689
- Ладога (Ladoga), г. 210, 270, 400, 401
- Ладожское озеро (Ладога, Ladoga See), оз. 270, 409
- Лапландия (Lapplande), истор. обл. 184
- Лаппенрант — см. Вильманstrand, г.
- Ла Рошель (Рошель), г. 688, 720
- Лёвен (Лувен), г. 686
- Лейпциг (Leipzig), г. 144, 157, 160, 222, 288
- Лена (Lena), р. 211
- Лесная, д. 384
- Леснина — см. Лошинь, г.
- Ливорно (Livorno), г. 88
- Лигота, г. 512
- Липецк (Lipski), г. 191
- Лиссабон, г. 51—52, 454, 639, 685, 698, 705

- Литва (Littauen, Litthauen), гос-во
184, 212, 272
- Лифляндия (Lieflland), гос-во 182,
186, 241, 244
- Лихтенштейн, княжество 138
- Лоим, г. 510
- Лорето (Лорет), г. 524, 527, 528,
540—542, 610
- Лондон (Londres), г. 17, 19, 53, 63,
64, 66, 73—75, 83, 88—92, 101,
103, 104, 106, 116, 122—125, 127,
130—133, 137—144, 147—149, 151,
152, 156, 678, 688, 690, 692,
709, 710, 715
- Лотарингия, истор. обл. (герцогство)
666
- Лошинь (Леснина), г. 607
- Лувен — см. Лёвен, г.
- Львов (Lemberg, Leopoldis), г. 475,
483, 488, 495, 562
- Львовское воеводство 483
- Любек (Lubec), г. 213, 273
- Любек (Lubec), истор. обл. 213, 273
- Люблин, г. 696
- Люнебург (Lüneburgische Wende),
истор. обл. 200, 259
- Лядыш — см. Адидже, р.
- Мадрид (Madrid), г. 91, 125, 444,
448, 450, 456, 463, 686, 711
- Мазендеран, провинция 283
- Малая Россия — см. Украина, гос-во
- Малая Валахия, истор. обл. 145
- Малмыш (Malmisch), г. 191
- Мангейм, г. 55, 441, 694
- Маныч-Гудило (Iamuschua-Oser), оз.
192, 251
- Марианцель (Марианцель, Maria-
cella), г. 506—508
- Мариенбург, г. 409
- Марокко (Marocco), гос-во 182
- Матра, гора 497
- Мая (Maja), р. 211
- Медиолан — см. Милан, г.
- Мезень (Nim), р. 211
- Мекленбург (Mecklenburg), истор.
обл. 231, 273
- Мемель (Клайпеда), г. 389, 395
- Мемфис, г. 378
- Мец, г. 674
- Милан (Медиолан), г. 146, 693, 723
- Миры Ликийские, г. 611
- Миса, р. 522
- Митава — см. Елгава, г.
- Мишковцы, г. 495
- Мо, г. 665
- Молдавия (Moldau), гос-во (истор.
обл.) 272, 514
- Молога (Mologa), г. 211
- Монголия (Большая Орда, Орда,
Grosse Tartarey, Tartarey), гос-во
181, 184, 213, 240, 242
- Монте-Гаргано (Горгонская гора,
Monte Gorgone), гора 531—532, 611
- Монтекасино, г. 608
- Монте-Сант-Анджело, г. 611
- Монтревилль (Монтревил), г. 670
- Москва (Moscow, Moscu), г. 50—51,
174, 178, 179, 192, 195, 202, 204,
210, 232, 238, 254, 261, 270, 294,
376, 628, 645, 703
- Москва (Moscu), р. 211
- Московия — см. Россия, гос-во
- Московская губерния (Moscowisches
Hauptgouvernement) 185, 244
- Мурано, о-в 589
- Навмарк, г. 510
- Нагида (Наги-Ида), село 495
- Назарет, г. 508
- Нарва (Narva), г. 197, 211, 256, 284,
287, 381, 384, 407—409
- Нарым (Narim), г. 211
- Нассау (Nassau), г. 175, 234
- Неаполитанская обл. — см. Кампа-
ния, истор. обл.
- Неаполь, г. 41—43, 147, 446, 450,
456, 463, 465, 475, 529, 544,
546, 548, 551, 557—559, 612,
679, 692
- Нева (Neva-Strohm, Niewa), р. 35,
207, 211, 271, 286, 399, 403, 408
- Невдика, р. 513

- Невянский уезд (Newianskoischer District) 191
 Нейдамм, г. 689
 Неман (Немень), р. 397, 406
 Немецкая земля (страна) — см. Священная Римская империя
 Немецкие земли — см. Германия, гос-во
 Немиров, г. 139
 Нерчинская обл. (Nerschinskoi Provintz) 190
 Нидерланды — см. Голландия, гос-во
 Ниеншанц, г. 284
 Нижегородская губерния (Nisni-Novogrodskhes Hauptgouverment) 185, 244
 Нижний Новгород (Nisni-Novogrod), г. 211
 Николаевск (S. Niclas), г. 271
 Нисса (Nissa), г. 78, 111, 143
 Ништадт, г. 360
 Новгород Великий (Groß-Novogrod, Novogrod-Weliki, Novogorod), г. 209, 211, 261, 269
 Новгород-Северский, г. 285
 Новоселки, село 490
 Норвегия (Norwegen), гос-во 213
 Нотебург — см. Петрокрепость, г.
- Обеих Сицилий королевство 466, 717
 Обь (Обу, Обу-Strohm), р. 193, 211, 364
 Одра (Одер), р. 397, 406
 Ока, р. 211
 Олмашев, д. 500
 Олонец (Olonetz), г. 191, 194, 209, 248, 250
 Ольденбург, г. 140
 Онежское оз. (Onega-See) 191, 248
 Онтарио, оз. 723
 Орда — см. Монголия, гос-во
 Оренбургская обл. 290
 Ореховец — см. Петрокрепость, г.
 Орлеан, г. 689
 Орск (Ogowa), г. 271, 290
 Орь, р. 290
- Османская (Оттоманская) империя — см. Турция, гос-во
 Осовт, село 498
 Отствейское море — см. Балтийское море
 Ост-Индия (Ost-Indien), регион 210, 270, 290, 717
 Острог (Ostrogh), г. 201, 260, 482, 602
 Острогон, г. 500
 Очаков, крепость 139, 140
 Ошаны, село 490
- Павия, г. 693
 Павлоград (Paula Stadt), г. 191
 Пад — см. По, р.
 Падуя (Падуа), г. 519
 Палестина (Palestina), истор. обл. 475, 527, 610
 Парма, г., провинция 147, 464
 Папская обл. (Папское гос-во, Римская земля, Римская обл., Римское владение, Stato Pontificio), гос-во 527, 528, 558, 586, 612, 719
 Паренца — см. Порец, г.
 Париж (Paris), г. 19—22, 25, 53, 55, 63, 64, 66—68, 70, 73, 77, 82—84, 89, 97, 100—103, 105, 106, 108, 110, 111, 114, 116—118, 122—125, 127, 130—133, 135, 137—144, 147, 149, 151, 152, 156, 294, 295, 304, 305, 307—309, 429, 432, 467, 468, 665, 666, 668, 676, 679, 681, 684, 688, 692, 702, 718, 725
 Парховимни, село 492
 Пезаро (Pisaurum), г. 522
 Пеняно, село 490
 Перемогора (Peremogora), г. 193, 252
 Персия (Персидское государство, Persien, Persisches Reich) — см. Иран, гос-во
 Пест, р. 498
 Петербург — см. Санкт-Петербург, г.
 Петербургско-Ревельская губерния (Petersburgisch-Revalisches Hauptgouverment) 185, 244

- Петергоф (Peterhoff), г. 193, 252
 Петровское (Petrowski), г. 250
 Петрокрепость (Нотебург, Орешек, Ореховец, Шлиссельбург), г. 29, 284, 340, 398, 407, 408
 Печора (Puzoga, Puschiora-Strohm), р. 194
 Пижма (Pisma, Pysma), р. 211
 Пикардия, провинция 665, 670, 675, 712
 Пинцен — см. Анкона, г.
 По (Пад), р. 583
 Подолия, край 283, 483
 Полтава, г. 282, 351, 359, 384
 Польская чермная Русь — см. Украина, гос-во
 Польша (Польская земля, Польская область, Польская страна, Речь Посполита, Pohlen, Polen), гос-во 12, 147, 174, 175, 175, 178, 184, 233, 243, 263, 283, 285, 395, 409, 475, 483, 487, 492, 502, 526, 561, 566, 607
 Померания (Pommern, Pommernische Wende), истор. обл. 200, 259, 273
 Пондишери, г. 690, 721
 Понс, местечко 665
 Понтафль, г. 512, 514
 Понтийский край — см. Крым, п-ов
 Порец (Паренца), г. 605
 Пор-Рояль, аббатство в Париже 150
 Портичи (Вилла ди Портичи), г. 679, 717
 Португар, г. 513, 516
 Португалия (Portugall), гос-во 210, 213, 273, 442, 555, 729
 Прага (Prag), г. 204
 Прегла (Прегель), р. 389, 395, 397, 406
 Приамурье, обл. 287
 Проск, местечко 677
 Пруг (Прук), г. 502
 Пруссия (Preussen), гос-во 29, 182, 204, 241, 263, 347, 380, 407, 413, 417, 418, 447, 638
 Псков (Plescow), г. 209, 211, 269
 Пфальц (Пфальция), истор. обл. (герцогство) 689
 Пьемонт, истор. обл. 147
 Пьяченца, г., провинция 147
 Рамийи, местечко 713
 Ревель (Reval), г. 211
 Регенсбург, г. 160, 222
 Рейн (Rhein, Rheinstrohm), р. 178, 221, 236, 282, 380
 Рейн-Вестфалия, истор. обл. 289
 Реканати (Реканет, Recanetum), г. 527
 Речь Посполита — см. Польша, гос-во
 Рено, р. 586
 Риавила, д. 666
 Рига (Riga, Rigue), г. 11, 70, 175, 211
 Рим (Rom, Rome), г. 40, 129, 204, 314, 377, 396, 475, 487, 493, 501, 502, 529, 533, 544, 557, 558, 560, 566, 570, 571, 577—581, 621, 681, 698, 711
 Рим (Римская империя), гос-во 555
 Римини (Аримини, Ariminum), г. 521, 533, 610
 Римская обл. — см. Папская обл.
 Рифейский хребет — см. Уральские горы
 Ровиго (Рувиго), г. 54, 520, 587
 Ровинь (Рувинио), г. 605
 Розенберг, г. 677
 Россия (Древняя Русь, Империя, Московия, Российская держава, Российская империя, Российская страна, Руссия, Русское гос-во, Русь, Groß-Rußland, Grossrußland, Monarchie, Moscovien, Reich, Russische Monarchie, Rußland, Russie), гос-во 5—7, 9—11, 13, 15, 17, 20, 22, 23, 27, 28, 30—32, 34—37, 39, 44—45, 47—51, 56, 62, 63, 66, 95, 130, 135, 139, 143, 145, 147, 156, 158, 159, 161, 164—166, 168, 175, 176, 180—182, 184—189, 191, 192, 194—196, 198, 200—205, 208—211, 213, 214, 220, 221,

- 223—225, 227, 229, 234, 235,
237, 241—243, 247, 248, 251,
253, 268, 273, 275, 276, 280—
284, 288, 292, 295, 302, 303, 311,
314, 340, 342, 343, 350, 357, 359,
381, 393, 399, 413, 417, 418, 422,
426, 435, 441, 465, 468, 517, 584,
606, 632, 637, 645, 652, 655,
661, 713, 723, 725
- Рошель — см. Ла Рошель, г.
Рошфор-сюр-Мер, г. 688, 720
Руан (Руен), г. 53, 669
Рубикон (Фьюмичино), р. 521, 610
Рувиго — см. Ровиго, г.
Рувинио — см. Ровинь, г.
Рудка, село 490
Русское гос-во (Россия) — см. Рос-
сия, гос-во
Рязань (Resan), г. 186, 214, 244
- Садва, р. 498
Сайма, оз. 358
Саксония (Sächsische Wende), истор.
обл. (курфюршество) 147, 200,
259, 282, 395
Самбур, г. 490
Санкт-Даниэль, г. 512
Сан-Джорджо-Маджоре, о-ов 609
Санкт-Жан, д. 691
Санкт-Михаэль (Sanct Michael), г.
532
Санкт-Пёльтен (С.Пелтен), г. 678
Санкт-Петербург (Петербург, С.-Пе-
тербург, Petersburg, S-Petersburg,
S.Petersburg, Pétersbourg), г. 25,
37, 89, 124, 130, 147, 150, 172—
175, 178, 179, 187, 195, 201, 204—
206, 208—211, 217, 231, 233, 237,
261, 266, 268, 270, 292, 370,
376, 429, 632, 648, 698, 704
Сант-Флинт, г. 510
Сантов, село 500
Сардиния (Sardaigne), гос-во 78, 112,
138
Священная Римская империя (Ав-
стрия, Германия, Германская импе-
рия, Немецкая земля, страна; Цес-
сария), гос-во 138, 143, 145, 147,
282, 283, 380, 418, 429, 463,
475, 496, 608
Северная Двина (Двина, Dwina), р.
193
Северное море — см. Белое море
Северный Ледовитый океан (Север-
ный океан, Eiß-Meer, Septentrion-
ales Oceanum) 184, 189, 191, 211,
248
Северодвинск (Swinda), г. 193
Секвана — см. Сена, р.
Селезянка (Selesancka), р. 191
Сена (Секвана), р. 22, 305, 308, 350
Сенегалия — см. Синигалия, г.
Сен-Жермен, предместье Парижа 467
Сен-Пол-Черч-Ярд (St. Pauls
Church-yard), улица Лондона 89,
122
Сент-Лоренс, д. 510
Сент-Михаэль, д. 510
Сербия, гос-во 145, 500
Серебрянка (Serebrinka), р. 190
Сестрорецк (Systerbeck), г. 209, 269
Сибирская губерния (Siberisches
Hauptgouvernement) 185, 244
Сибирь (Siberien), регион 187, 190—
192, 203, 210, 246, 251
Сиваш (Гнилое море), система мел-
ких заливов у западного берега
Азовского моря 139
Сиена (Sena), г. 582, 583
Сиксо, г. 495
Силезия, истор. обл. (герцогство)
395, 396, 716
Силезские горы (Шлонские горы)
396
Синигалия (Сенегалия, Senegallia), г.
522, 524
Сирия (Sirien), гос-во 210, 476
Сицилия, о-в 147, 463, 678, 717
Смоленско-Рижская губерния
(Smolenskisch-Rigaisches
Hauptgouvernement) 185, 244
Содом, г., библ. 31, 377
Сорбонна, университет 294, 305
Ставучаны, местечко 140

- Старгард (Стар-гард), г. 501
 Стародуб, г. 286
 Стебник, село 491
 Стокгольм, г. 352, 354, 364, 671
 Страсбург, г. 695
 Страское, село 492
 Сула (Solja), р. 189, 248
 Сыр-Дарья (Дарья, Daria-Strohm), р. 189, 248
 Союза, г. 512

 Тавда (Tafda, Tafta-Strohm), р. 193, 211, 271
 Тагил (Tagil-Fluß), р. 252
 Тард, село 496
 Тауэр (Тувр), лондонская цитадель 730
 Тауэр-Хилл (Турчиль), местность в Лондоне 718
 Тахо (Tare), река 708
 Тверь (Twer), г. 211
 Тверь (Twersa), р. 190, 211
 Тверское княжество (Furstenthümer Twer) 249
 Тиборн, р., приток р. Темзы 730
 Тибр, р. 564, 568, 571
 Тильзит, г. 728
 Тир, г. 609
 Тихий океан (Восточный океан, Orientales Oceanum) 184, 211
 Тичино (Тессин), р. 693
 Тобол (Tobol), р. 211
 Тобольск (Tobolsk, Tobolski), г. 201, 211, 261
 Тобольский край (Tobolskische Gegend), г. 193
 Толмачев (Tolmatschew), г. 210
 Томск (Tomsk, Tomskoi), г. 193, 211, 252
 Торунь, г. 283, 409
 Тоскана (Великое герцогство Тосканское, Тоскания), истор. обл. 147, 464, 584
 Тотма (Totma), г. 192, 251
 Трари (Тран, Трани), г. 534
 Трир, г. 53, 676
 Троя, г. 544, 546

 Туам, г. 674, 711
 Тула (Tula), г. 192, 211, 251
 Тулон, г. 674
 Тура (Tura), р. 286
 Турку (Або), г. 284
 Турция (Османская империя, Оттоманская империя Турецция, Türckey, Turquie), гос-во 65, 97, 140, 145, 151, 181, 240, 284, 359, 377, 442, 597, 638
 Тюмень (Кюмень, Кюммене, Tu-meen), р. 211, 377

 Уайтхолл, улица и дворец в Лондоне 715
 Углич (Uglitz), г. 211
 Угорцы, село 491
 Угорье (Ugrien), истор. обл. 191, 253
 Украина (Малая Россия, Польская черная Русь, Ugraine, Ukraine), гос-во, (истор. обл.) 139, 177, 178, 204, 212, 236, 263, 272, 475, 483, 514, 607
 Унгария — см. Венгрия, гос-во
 Унфалов, д. 560
 Урал, р. 290
 Уральские горы (Рифейский хребет, Uralsches Gebürge) 191, 290, 366, 377
 Усть-Кутский уезд (Uctuskoisches District) 191
 Уфа (Ufa), г. 193

 Фаенца (Фавенца, Fauentia), г. 521
 Фано (Colonia Fanestrus, Iulia Fanestrus, Fanum Fortunae), г. 522
 Фарос, о-в 412, 413
 Феррара (Ферара), г. 520, 584
 Филох, г. 512
 Финляндия (Finlandi), гос-во 184, 358, 378
 Финский залив (Финский понт) 371
 Флоренция, г. 475, 583, 585
 Фонтенбло (Фонтенебло, Fontainebleau), г. 20, 71, 76, 77, 79, 106, 107, 109, 111, 112

- Франкфурт (Frankfurth), г. 157, 160, 222
- Франция (Французская земля, France, Franckreich, Frankreich), гос-во 12, 20, 21, 23, 26, 39, 51, 64, 66, 71, 86, 104, 120, 137, 138, 140, 142, 145, 147, 151, 173, 180, 204, 213, 221, 222, 223, 232, 239, 263, 281—283, 292, 297, 301, 303, 311, 333, 359, 377, 380, 432, 436, 442, 454, 455, 459, 463, 465, 467, 468, 551, 555, 628, 665, 668, 712, 715, 718, 720
- Фронвиль (Фронвил), местечко 665
- Фьюмичино — см. Рубикон, р.
- Халкидика (Халкидон), п-ов 606
- Хатанга (Chatanga), р. 193, 251
- Хельсинки (Гельсингфорс), г. 284
- Хлопчики, село 490
- Холмогоры (Colmogorod), г. 211
- Хотин, крепость 140
- Хульст (Гулст), г. 677
- Хэмптон Корт, королевская резиденция 675, 715
- Царь Град — см. Константинополь, г.
- Цорндорф, г. 396
- Чердынь (Tzarda), г. 210, 270
- Чернигов, г. 285
- Черное море (Schwartzes Meer) 139, 145, 210, 211
- Чехия (Чешская земля), гос-во 529
- Чулим (Czulim), р. 211
- Чусовая (Chussowoya-Strohm), р. 191
- Шадрик (Schadrick), р. 191
- Шампань, провинция 665, 677
- Швеция (Suède, Schweden), гос-во 28, 50—51, 97, 132, 273, 284, 285, 290, 359, 381, 405, 442, 459, 637
- Шебежень, д. 509
- Шелковая гора (Seyden-Berg) 193, 252
- Шелленберг, французское владение 138
- Шилка (Schulcka), р. 211
- Ширван, провинция 283
- Шлезвиг (Schlesewig), истор. обл. 213
- Шлиссельбург — см. Петрокрепость, г.
- Шлонские горы — см. Силезские горы
- Шотландия (Écosse), часть Великобритании 17, 68, 135
- Шпрее, р. 397, 406
- Штирия (Steyrische Wende), истор. обл. 200, 259
- Шун, д. 500
- Э, г. 716
- Эдинбург (Edinbourg), г. 17, 68, 102
- Элисейски поля — см. Елисейские поля
- Эльбинг, г. 409
- Экстер (Экстер), г. 678, 716
- Эри, оз. 723
- Эта, гора, миф. 350, 359
- Юг (Juga), р. 211
- Юлих (Julich, Julin), г. 210, 270, 289
- Юлиянов, г. 530
- Юр, г. 501
- Янк (Jaïck-Strohm), р. 192, 251
- Ям, г. 284
- Ярославль (Jaroslau), г. 209, 211, 244
- Яссы, крепость 140, 288
- Agria — см. Егерь, г.
- Aldan — см. Алдан, р.
- Alapaiskischer Distrikt — см. Алапавский уезд
- Amur — см. Амур, р.
- Angleterre — см. Англия, гос-во
- Archangel — см. Архангельск, г.
- Archangelisches Hauptgouvernement — см. Архангельская губерния
- Argona — см. Аркона, г.
- Argun — см. Аргунь, р.
- Ariminum — см. Римини, г.

- Asia — см. Азия, регион
 Asoff — см. Азов, крепость
 Astrachanisches Hauptgouvernement —
 см. Астраханская губерния
 Astrachan-Königsreich — см. Астра-
 ханское царство
 Astrachan — см. Астрахань, г.
 Athen — см. Афины, г.
- Baikal-See — см. Байкал, оз.
 Baltisches Meer — см. Балтийское
 море
 Bannat — см. Банна, г.
 Belgrad — см. Белград, г.
 Beresow Insel — см. Аптекарский о-в
 Bremen — см. Бремен, г.
- Calais — см. Кале, г.
 Calmuckey — см. Калмыкия, истор.
 обл.
 Cambridge — см. Кембридж, г.
 Samschatka — см. Камчатка, п-ов
 Samensk — см. Каменск, г.
 Carcharia — см. Кархария, край
 Carelien — см. Карелия, край
 Casimow — см. Касимов, г.
 Caspisches Meer (Caspische See) —
 см. Каспийское море
 Cassovia, Caschau — см. Кошицы, г.
 Castel S. P. dell'Em — см. Кафель-
 Сан-П.-дель-Эм, г.
 Casan — см. Казань, г.
 Casanisches Hauptgouvernement — см.
 Казанская губерния
 Castroma — см. Кострома, г.
 Catharinenburg (Catharinen-Burg) —
 см. Екатеринбург, г.
 Chatanga — см. Хатанга, р.
 China — см. Китай, гос-во
 Chussowoya-Strohm — см. Чусовая, р.
 Colmogorod — см. Холмогоры, г.
 Colonia Fanestris — см. Фано, г.
 Constantinopel — см. Константино-
 поль, г.
 Copenhaguen — см. Копенгаген, г.
 Cordua — см. Кордуа, г.
 Corse — см. Корсика, о-в
- Corsun — см. Корсунь, г.
 Crainerische Wende — см. Крайна,
 истор. обл.
 Cronslot (Crons'lott) — см. Крон-
 шлот, г.
 Cronstadt — см. Кронштадт, г.
 Curland — см. Курляндия, герцогство
 Czulim — см. Чулим, р.
- Danemark (Danois) — см. Дания,
 гос-во
 Daria-Strohm — см. Сыр-Дарья, р.
 Daurien — см. Даурия, истор. обл.
 Derbent — см. Дербент, г.
 Deutschland — см. Германия, гос-во
 Dniپر — см. Днепр, р.
 Don (Donfluß, Don-Fluß) —
 см. Дон, р.
 Dresden — см. Дрезден, г.
 Duderhoff — см. Дудергоф, г.
 Dwina — см. Северная Двина, р.
- Ècosse — см. Шотландия, часть Ве-
 ликобритании
 Edinbourg — см. Эдинбург, г.
 Eiß-Meer — см. Северный Ледови-
 тый океан
 Engelland — см. Англия, гос-во
 Erlau — см. Егерь, г.
 Espagne — см. Испания, гос-во
 Etats Gén[éraux] — см. Голландия,
 гос-во
 Eugora (Eugore) — см. Европа, реги-
 он
 Enesey — см. Енисей, р.
- Fanum Fortunae — см. Фано, г.
 Fauentia — см. Фаенца, г.
 Finland — см. Финляндия, гос-во
 Fontainebleau — см. Фонтенбло, г.
 Forum Cornelii — см. Имола, г.
 France (Franckreich, Frankreich) —
 см. Франция, гос-во
 Frackfurth — см. Франкфурт, г.

G[ran]de Bretagne — см. Англия,
гос-во

Groß-Rußland (Grossrußland) — см.
Россия, гос-во

Hamburg — см. Гамбург, г.

Holland (Hollande) — см. Голландия,
гос-во

Holstein — см. Гольштейн, истор. обл.

Hongrie — см. Венгрия, гос-во

Iamuschua-Oser — см. Маныч-Гуди-
ло, оз.

Illiricum — см. Иллирик, истор. обл.

Ingermanland (Ingerman-Land) — см.
Ингерманландия, истор. обл.

Indien (Indostan) — см. Индия, гос-во

Irtisch (Irtisch-Strohm) — см. Ир-
тыш, р.

Italie (Italien) — см. Италия, гос-во

Iulia Fanestris — см. Фано, г.

Jäick-Strohm — см. Яик, р.

Jaroslau — см. Ярославль, г.

Jenesey (Jenesey-Strohm) — см. Ени-
сей, р.

Jerusalem — см. Иерусалим, г.

Juga — см. Юг, р.

Julich (Julin) — см. Юлих, г.

Kaluga — см. Калуга, г.

Кама (Кама-Fluß) — см. Кама, р.

Kamencka — см. Каменка, г.

Kamenskoiſcher District — см. Камен-
ский уезд

Kamischencka — см. Камышенка, р.

Kärnthiſche Wende — см. Каринтия,
истор. обл.

Keta (Kett) — см. Кеть, р.

Kilan — см. Килан, провинция

Kiow — см. Киев, г.

Kiowisches Hauptgouvernement — см.
Киевская губерния

Kola — см. Кола, р.

Kolomna — см. Коломна, г.

Kongur — см. Конгур, г.

Kosmincki — см. Козминское, г.

Ladoga — см. Ладога, г.

Ladoga See — см. Ладожское оз.

Lapland — см. Лапландия, истор.
обл.

Leipzig — см. Лейпциг, г.

Lena — см. Лена, р.

Lemberg (Leopolis) — см. Львов, г.

Lieffland — см. Лифляндия, гос-во

Lipski — см. Липецк, г.

Littauen (Litthauen) — см. Литва,
гос-во

Livorno — см. Livorno, г.

Londres — см. Лондон, г.

Lubec — см. Любек, г.

Lubec — см. Любек, истор. обл.

Lüneburgiſche Wende — см. Люне-
бург, истор. обл.

Madrid — см. Мадрид, г.

Maja — см. Мая, р.

Malmiſch — см. Малмыш, г.

Marocco — см. Марокко, гос-во

Märckiſche Wende — см. Бранден-
бург, истор. обл.

Mariacella — см. Марицель, г.

Mecklenburg — см. Мекленбург,
истор. обл.

Moldau — см. Молдавия, гос-во
(истор. обл.)

Mologa — см. Молога, г.

Monte Gorgone — см. Монте-Гарга-
но, гора

Moscovien — см. Россия, гос-во

Moscow (Moscu) — см. Москва, г.

Moscu) — см. Москва, р.

Moscowiſches Hauptgouvernement — см.
Московская губерния

Narva — см. Нарва, г.

Narim — см. Нарым, г.

Nassau — см. Насау, г.

Nerſchinkoi Provintz — см. Нерчин-
ская обл.

Newa-Strohm (Niewa) — см. Нева, р.

- Newianskoischer District — см. Невянский уезд
- Nim — см. Мезень, р.
- Nissa — см. Нисса, г.
- Nisni-Novogrodiches Hauptgouvernement — см. Нижегородская губерния
- Nisni-Novogrod — см. Нижний Новгород, г.
- Norwegen — см. Норвегия, гос-во
- Novogrod-Weliki (Groß-Novogrod, Novogorod) — см. Новгород Великий, г.
- Oby (Oby-Strohm) — см. Обь, р.
- Olonetz — см. Олонец, г.
- Opoga-See — см. Онежское оз.
- Orientales Oceanum — см. Тихий океан
- Orowa — см. Орск, г.
- Ossen — см. Буда, г.
- Ost-Indien — см. Ост-Индия, регион
- Ostrog — см. Острог, г.
- Ost-See — см. Балтийское море
- Palestina — см. Палестина, истор. обл.
- Paludes Mæotidum — см. Азовское море
- Paris — см. Париж, г.
- Paula Stadt — см. Павлоград, г.
- Peremogora — см. Перемогора, г.
- Persie (Persien, Persisches Reich) — см. Иран, гос-во
- Pétersbourg (Petersburg) — см. Санкт-Петербург, г.
- Petersburgisch-Revalisches Hauptgouvernement — см. Петербургско-Ревельская губерния
- Peterhoff — см. Петергоф, г.
- Petrowski — см. Петровское, г.
- Picenum — см. Анкона, г.
- Pisaugum — см. Пезаро, г.
- Pisma (Pysma) — см. Пижма, р.
- Plescow — см. Псков, г.
- Pohlen (Polen) — см. Польша
- Pommern (Pommernische Wende) — см. Померания, истор. обл.
- Portugall — см. Португалия, гос-во
- Prag — см. Прага, г.
- Preussen — см. Пруссия, гос-во
- Pyschiora-Strohm (Puzoga) — см. Печора, р.
- Recanetum — см. Реканати, г.
- République de Gênes — см. Генуэзская республика
- Resan — см. Рязань, г.
- Reval — см. Ревель, г.
- Rhein (Rheinstrohm) — см. Рейн, р.
- Riga (Rigue) — см. Рига, г.
- Rom (Rome) — см. Рим, г.
- Russie (Rußische Monarchie, Rußland) — см. Россия, гос-во
- Sächsische Wende — см. Саксония, истор. обл.
- Sanct Michael — см. Санкт-Михаэль, г.
- Sardaigne — см. Сардиния, гос-во
- Schadrick — см. Шадрик, р.
- Schlesewig — см. Шлезвиг, истор. обл.
- Schulcka — см. Шилка, р.
- Schwartzes Meer — см. Черное море
- Schweden — см. Швеция, гос-во
- Selesancka — см. Селезянка, р.
- Sena — см. Сиена, г.
- Senegallia — см. Синигалия, г.
- Septentrionales Oceanum — см. Северный Ледовитый океан
- Serebrinka — см. Серебрянка, р.
- Seyden-Berg — см. Шелковая гора
- Siberien — см. Сибирь, регион
- Siberisches Hauptgouvernement — см. Сибирская губерния
- Sirien — см. Сирия, гос-во
- Smolenskoisch-Rigaisches Hauptgouvernement — см. Смоленско-Рижская губерния
- S.Niclas — см. Николаевск, г.
- Solja — см. Сула, р.
- Spanien — см. Испания, гос-во

- S-Petersburg (S.Petersburg) — см. Санкт-Петербург, г.
- Stato Pontificio — см. Папская обл.
- Steyrische Wende — см. Штирия, истор. обл.
- St.Pauls Church-yard — см. Сен-Пол-Черч-Ярд, улица Лондона
- Suède — см. Швеция, гос-во
- Sviatka — см. Вятка, г.
- Sviatka — см. Вятка, р.
- Swinda — см. Северодвинск, г.
- Systerbeck — см. Сестрорецк, г.
- Tafda (Tafta-Strohm) — см. Тавда, р.
- Tagil-Fluß — см. Тагил, р.
- Tartarey (Grosse Tartarey) — см. Монголия, гос-во
- Terra Laboris — см. Калабрия, истор. обл.
- Tobol — см. Tobol, р.
- Tobolsk (Tobolski) — см. Тобольск, г.
- Tobolskische Gegend — см. Тобольский край, г.
- Tolmatschew — см. Толмачев, г.
- Tomsk, Tomskoi — см. Томск, г.
- Totma — см. Тотма, г.
- Tula — см. Тула, г.
- Tumeen — см. Тюмень, г.
- Tura — см. Тура, р.
- Türkey (Turquie) — см. Турция, гос-во
- Twer — см. Тверь, г.
- Twersa — см. Тверь, р.
- Twer Fürstenthümer — см. Тверское княжество
- Tzarda — см. Чердынь, г.
- Ukraine (Ukraine) — см. Украина, гос-во
- Uctuskisches District — см. Усть-Кутский уезд
- Ufa — см. Уфа, г.
- Uglitz — см. Углич, г.
- Ugorien — см. Закарпатье, истор. обл.
- Ugalsches Gebürge — см. Уральские горы
- Utka — см. Кута, р.
- Vienne — см. Вена, г.
- Venedig — см. Венеция, гос-во
- Veronitz — см. Воронеж, г.
- Veronitzisch-Asoffisches Hauptgouvernement — см. Воронежско-Азовская губерния
- Versailles — см. Версаль, г.
- Wallachey — см. Валахия, истор. обл.
- Warsiga — см. Варзуга, р.
- Weiß- Meer — см. Белое море
- Werchaturisches Gebierge — см. Верхотурские горы
- Werchaturischer District — см. Верхотурский уезд
- West-Indien — см. Вест-Индия, регион
- Wiatka (Wiatka-Strohm) — см. Вятка, р.
- Wim — см. Вымь, р.
- Wisby — см. Висбю, г.
- Wlodimir — см. Владимир, г.
- Wolchowa — см. Волхов, р.
- Wolga — см. Волга, р.
- Wologda — см. Вологда, г.
- Wusma — см. Вусма, р.
- Wyа-Fluß — см. Выя, р.
- Ysett (Ysett-Strohm) — см. Исеть, р.

Н.Д.Блудилина

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора (Н.Д.Блудилина)	5
Предисловие (Н.Д.Блудилина)	8
Антиох Кантемир и западноевропейская культура	
Общая характеристика (Н.Д.Блудилина)	58
Тексты (Н.Д.Блудилина)	66
Перевод (Л.В.Калужная)	100
Комментарии (Н.Д.Блудилина)	135
[А.Д.Кантемир, Х.Ф.Гросс] Так называемые «Московитские письма»	
Общая характеристика (Н.Д.Блудилина)	153
Текст (Н.Д.Блудилина)	160
Перевод (С.В.Тураев, Е.Г.Владимирова)	222
Комментарии (Н.Д.Блудилина)	282
Литературная история Франции глазами В.К.Тредиаковского	
Общая характеристика (О.А.Крашенинникова)	292
Тексты. Комментарии (О.А.Крашенинникова)	304
Россия и Запад в творчестве М.В.Ломоносова	
Общая характеристика (О.А.Крашенинникова)	342
Тексты. Комментарии (О.А.Крашенинникова)	348
А.П.Сумароков О истреблении чужих слов из русского языка. О путешествиях. О французском языке (1759)	
Общая характеристика (В.И.Щербаков)	420
Тексты (В.И.Щербаков)	425
Комментарии (В.И.Щербаков)	432
А.Р.Воронцов Записка об Испании (1760)	
Общая характеристика (В.И.Щербаков)	441
Текст (В.И.Щербаков)	448
Комментарии (В.И.Щербаков)	463
В.Григорович-Барский Путешествие к святым местам в Европе (1723—1725)	
Общая характеристика (Н.Д.Блудилина)	475
Текст (Н.Д.Блудилина)	479
Комментарии (Н.Д.Блудилина)	607

Церковная проповедь елизаветинского времени о Западе и России	
Общая характеристика (Э.Л.Афанасьев)	621
Тексты (Э.Л.Афанасьев)	641
Комментарии (Э.Л.Афанасьев)	659
Санкт-Петербургские ведомости (1728—1761)	
Московские ведомости (1756—1762)	
Общая характеристика (В.И.Щербаков)	662
Текст (В.И.Щербаков)	665
Комментарии (В.И.Щербаков)	712
П р и л о ж е н и е	
Документальные материалы по делу А.П.Волынского и о других событиях в России 1738—1740 гг.	
Переписка А.П.Волынского 1729—1730 гг.	
Дипломатическая переписка фон Зума, фон Марде- фельда, де ла Шетарди 1738—1740 гг.	
Общая характеристика (Л.Г.Шакирова)	731
Тексты (Л.Г.Шакирова)	740
Комментарии (Л.Г.Шакирова)	807
Список сокращений	812
Список иллюстраций	813
Именной указатель (Н.Д.Блудилина)	815
Географический указатель (Н.Д.Блудилина)	831

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН*

**РОССИЯ И ЗАПАД:
ГОРИЗОНТЫ ВЗАИМОПОЗНАНИЯ**

**Литературные источники
XVIII века (1726–1762)**

Выпуск 2

Технический редактор *Т.А.Заика*
Корректор *Е.Н.Сченснович*

ИД № 01286 от 22.03.2000 г.

Подписано в печать 24.12.2003.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура академическая.
Печать офсетная. Печ. л. 53.00. Тираж 1000 экз.

Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН.
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.
Тел.: (095) 202-21-23, 291-23-01.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография “Наука”»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

Заказ № 9240